
Д. Я. Райгородский Психология и психоанализ характера

«Хрестоматия по психологии и типологии характеров. Редактор-составитель — Д.Я.Райгородский»: БАХРАХ; Самара; 1997

Аннотация

Предлагаемая читателю книга являет собой первое отечественное издание, где представлена полная типология социальных и индивидуальных характеров, типология акцентуированных характеров у взрослых и подростков и психоаналитическая типология характеров. Книга предназначена для психологов, педагогов, юристов, криминалистов, психиатров, а так же для тех, кто интересуется проблемой человеческих характеров и поведения людей.

Д.Я. Райгородский ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОАНАЛИЗ ХАРАКТЕРА

Фрагменты истории характерологии

Предлагаемая книга является логическим продолжением «Теорий личности в западно-европейской и американской психологии», вышедшей в 1996 году¹. Эти две книги и составляют попытку раскрытия психологии личности и психологии характера в хрестоматийном варианте, представляющем точки зрения авторов различных школ и направлений.

Но если теории личности, при всей противоречивости точек зрения их авторов, являются более или менее общепринятыми, то с теорией характеров, с классификацией характеров дело обстоит значительно сложнее.

Первая по времени попытка классификации характеров принадлежит Платону, который создал типологию характеров основанную на этических принципах. После Платона в

¹ «Теории личности в западно-европейской и американской психологии». Редактор-составитель Д.Я.Райгородский. Самара. 1996 г.

древнегреческой литературе проблемой характеров занимался ученик Аристотеля Теофраст. Его классификация типов, распространенных тогда в афинском обществе, многие годы считалась образцом типологии характеров. И лишь в XVII в. переводчик Теофраста — Ла-Брюйер издал книгу сатирических очерков о характерах.

Первая попытка классификации характеров с научной целью была предпринята создателем френологии Галлем. Именно первая половина XIX в. считается началом возникновения науки о характерах. В теории Галля перечисляется 27 элементарных психических способностей из которых слагается человеческий характер.

Несмотря на критику перечня 27 способностей Галля, несмотря на то, что сама френология, которую создал Галль, просуществовала недолго, любопытно отметить первые пять из этого перечня: 1) инстинкт размножения; 2) любовь к потомству; 3) привязанность, дружба; 4) склонность к борьбе и самозащите; 5) разрушительный инстинкт.

Пройдет 100 лет, и некоторые «способности» из перечня Галля получают не только теоретическое обоснование, но и эмпирическое подтверждение в работах великих психологов XX в. В начале XX в. А.Ф.Лазурский пишет: «Ближайшей целью систематического изучения индивидуальных характеров является... составление естественной и общепринятой классификации, которая, с одной стороны, давала бы возможность причислить любое изучаемое лицо к известной определенной группе, а с другой стороны — представляла бы достаточный исходный пункт для дальнейшего изучения людских разновидностей».

В 1896 г. в Англии вышла книга Ф.Джордано «Характер с точки зрения тела и генеалогии человека». Эта небольшая книга в 126 страниц может быть осталась бы незамеченной, если бы не несколько обстоятельств. Впервые в конце XIX в. появился новый, принципиально отличный, взгляд на характер, неизвестный психологии до того времени.

Ф.Джордано пишет: «Существует два характера, фундаментально отличные друг от друга, два ясно выраженных типа характеров (с третьим промежуточным): у одного типа тенденция к активности сильна, а тенденция к рефлексии слаба; у другого же склонность к рефлексии преобладает, тогда как влечение к деятельности оказывается более слабым». По меткому замечанию К.Юнга: «Джордан описывает в общих чертах только экстравертный и интровертный типы».²

Но этим не ограничивается значение работы Ф.Джордано в истории типологии характеров. Он впервые затрагивает проблему «психологических типов в биографике», продолженную В.Оствальдом, написавшим в 1910 г. «Знаменитые мужчины» и Э.Кречмером, в его работе «Строение тела и характер», где типологии в «биографике» уделено значительное место.

В какой-то мере на вопросы, поставленные А.Ф. Лазурским, пытался ответить Ф.Полан. Изданная им книга «Психология характера» давала впервые интересную классификацию характеров. По его мнению наша душевная жизнь состоит из ряда стремлений, которые, комбинируясь друг с другом и воздействуя друг на друга, образуют всю сложность человеческой личности. Эти стремления, комбинируясь между собой по строгим законам, и определяют строение нашего характера. Но каковы эти законы? Их несколько. Закон систематической задержки заключается в способности одних стремлений подавлять другие, прямо противоположные. Закон систематической ассоциации состоит в том, что отдельные элементы душевной жизни обладают способностью вызывать к деятельности другие элементы, находящиеся с ними в зависимости. Он указывает и на другие законы: ассоциации по противоположности, смежности и другие.

Но классификация Ф.Полана представляла собой не столько группировку важнейших характеров, сколько перечень важнейших качеств и особенностей, относящихся к душевной жизни и содержанию чувствований.³

² Лазурский А.Ф. Очерк науки о характерах. М., 1995, с.17. — К.Юнг. Психологические типы. М., 1995, с.190-192.

³ Ф.Полан. Психология характера. СПб., 1896 г.

Классификация Н.Лосского близка к полановской, но основным первичным свойством душевной деятельности Лосский считает волю, характеризующуюся особым типом активности, благодаря которому все переживаемое нами окрашивается чувством нашего «Я». Различная роль «Я» в психической деятельности человека послужила основой классификации Н.Лосского; он делит всех людей на типы: чувственный эгоцентрический и сверхличный.

Сверхличный тип отличается преобладанием сверхличных стремлений. Эти стремления являются как бы данными извне, и источник их находится не в физических потребностях организма, а в факторах высшего порядка: высших, религиозных, научных и эстетических запросах. Эти люди действуют как бы не от себя, а от лица высшей воли, которую они признают руководительницей своих поступков. Так за полвека до А.Маслоу появилось несформулированное представление о «самоактуализации».⁴

Этот взгляд на историю проблемы был бы неполным, если не сказать о В.Штерне. Именно он в 1900 г. заявил, что совершенно отрицает возможность составления классификации характеров при современном состоянии знаний. Он считал, что вся психология индивидуальных различий (так он называл характерологию) сводится только к разбору и анализу отдельных сторон личности.

Очевидно, что книга В.Штерна «Психология индивидуальных различий», вышедшая в Лейпциге в 1900 г., и различные неудачные попытки других авторов классифицировать характеры, позволили А.Ф.Лазурскому заметить: «Мы видим, что составление естественной классификации характеров, которая, с одной стороны, охватывала бы всю сложность человеческого характера, каким он наблюдается в жизни, а с другой — давала бы возможность распределять по группам эти сложные характеры, представляется делом далеко не легким».⁵

Справедливости ради, надо сказать, что еще до А.Ф. Лазурского в России была создана типология детских характеров. Речь идет о работе П.Лесгафта «Семейное воспитание ребенка и его значение». Об этой работе А.Ф.Лазурский писал, что «то, что П.Лесгафт называет школьными типами... можно рассматривать как классификацию детских характеров». Работа П.Лесгафта имеет особое значение для отечественной психологии не столько точностью наблюдений и содержательностью типологии, сколько своей основополагающей тенденцией. Начиная с этой работы, весь XX век в отечественной детской и возрастной психологии пройдет под углом зрения «семья-ребенок», исключив альтернативную, важнейшую точку зрения — «ребенок-семья».

Вообще с «проблемой характера» отечественной психологии не повезло. Единственная «фундаментальная работа» «Вопросы психологии характера» Н.Д.Левитова, вышедшая в 1956 г., а затем переиздававшаяся несколькими изданиями до 1969 г. под названием «Психология характера», имела как многочисленных предшественников, которые в той или иной мере занимались проблемой характера, так и последователей. В их числе Б.Г.Ананьев, А.Г.Асмолов, Е.А.Климов, К.К.Платонов, С.Л.Рубинштейн и другие.

Н.Д.Левитов, излагая концепцию книги, которая в основном посвящена исследованию характеров старшеклассников, пишет: «В книге профилирует психология характера советского человека, концепция характера раскрыта как содержательный и общественно значимый компонент личности».⁶

В разделе «Направленность как компонент характера» Н.Д.Левитов пишет «Советского психолога прежде всего интересует содержание направленности. Основой направленности является мировоззрение как совокупность взглядов на природу и общество... Само по себе мировоззрение, становясь убеждением человека, проникает в его сознание и деятельность».⁷

⁴ Н.Лосский. Основные учения психологии с точки зрения волюнтаризма. СПб., 1903.

⁵ А.Ф.Лазурский. Очерк науки о характерах.

⁶ Н.Д.Левитов. «Психология характеров». М., 1969.

⁷ Н.Д.Левитов. «Психология характера». М., 1969.

За 46 лет до Н.Д.Левитова эта мысль была высказана А.Ф.Лазурским и определила направление отечественной характерологии. Нельзя не поражаться психологической интуиции А.Ф.Лазурского. В сущности, в истории психологии он первый сформулировал понятие «социального характера» еще за 18 лет до Э.Фромма. Он писал: «Идеальной классификацией должна считаться такая, которая в каждом из своих типов давала бы не только субъективные особенности данного человека, но также его мировоззрение и социальную физиологию, поскольку, конечно, они стоят в связи с его характером: другими словами, классификация личности должна быть не только психологической, но и психосоциальной в широком смысле этого слова».⁸

Что надо понимать под терминологической и парадигмальной конструкцией «психология советского человека»? (Н.Д.Левитов). Не формулируя и не ссылаясь на зарубежных психологов, Н.Д.Левитов, в сущности, подводил нас к понятию «основной личности» или «модальной личности» А.Кардинера (1945 г.). Кардинер считал, что характер представляет вариант усвоения каждым человеком культурных норм, содержащихся в «базисной (основной) личностной структуре». Базисная личностная структура разделяется большинством членов общества в результате сходного опыта в раннем детстве. Оно служит матрицей, на основании которой развиваются черты характера. Основная личность — своего рода усредненный характер определенного общественного строя, черты которого есть существенные признаки народа. Это вызвано конкретно исторической судьбой народа, его идеологией или религией.

Особое влияние на отечественную характерологию оказала работа Д.Хонигмана «Культура и личность» (1954). Основную задачу своей работы он видел в изучении того, как индивид действует, мыслит, чувствует в условиях данного социального окружения. При этом он выделяет два типа явлений, связанных с культурой: первый — «социально стандартизированное поведение» — действия, мышление, чувства... определенной группы; второй — «материальные продукты... поведения такой общности». Мысль Д.Хонигмана, что «личность означает культуру, отраженную в индивидуальном поведении», легко трансформируется в положение, что характер означает мировоззрение, отраженное в индивидуальном поведении, что неоднократно подчеркивает Н.Д.Левитов.

Последователь Д.Хонигмана — Д.Хсю предложил переименовать направление «Культура и личность» в «психологическую антропологию», которая «имеет дело а) с осознанными и неосознанными идеями, распространенными у большинства индивидов в данном обществе, *как индивидуальные* и б) с осознанными идеями, управляющими действиями многих индивидов, существующими как групповые, иногда описываемые в терминах групповой психологии или коллективных представлений.

В сущности, А.Кардинер, Д.Хонигман, Д.Хсю и Н.Д.Левитов говорят об одном и том же, — они говорят о том, что за много лет до них четко сформировал Э.Фромм: «Изучая реакции какой-либо социальной группы, мы имеем дело со структурой личности членов этой группы, т.е. отдельных людей; однако при этом нас интересуют не те индивидуальные особенности, которые отличают этих людей друг от друга, а те общие особенности личности, которые характеризуют большинство членов данной группы. Эту совокупность черт характера, общую для большинства, можно назвать *социальным характером* ...⁹ В социальный характер входит лишь *та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни*¹⁰ (курсив Фромма — Д.Р.)

Однако, это определение дает только общую формулировку социального характера. Какова же функция социального характера?

⁸ А.Ф.Лазурский. Классификация личностей. Иг. 1924.

⁹ курсив Фромма — Д.Р.

¹⁰ Э.Фромм. Бегство от свободы. М., 1990.

«Если характер индивида более или менее совпадает с социальным характером, то доминантные стремления индивида побуждают его делать именно то, что необходимо и желательно в специфических социальных условиях его культуры».¹¹

Эти определения подводят нас к основному вопросу: каковы критерии при определении нормы и патологии характера. И мы вынуждены ответить, что если образ жизни человека совпадает с каким-либо образцом поведения, принятом в наше время, то это норма. Но понятие о том, что является «нормой», различно не только в разных культурах, но даже с течением времени, в пределах одной и той же культуры, а также среди различных классов общества.

И.Сэпир еще в 1932 г. в своей работе «Культурная антропология и психиатрия» точно подметил, что одно из достоинств современной антропологии состоит в том, что она постоянно открывает заново представление о нормальном, стандартном образце.

«В силу существенно важных причин каждая культура придерживается веры в то, что присущие ей чувства и стремления являются единственным, нормальным выражением „человеческой природы“, и психология не составляет исключения из этого правила».¹² И поэтому «не существует некой „нормальной психологии“, справедливой для всего человечества».¹³

Во времена исторических перемен, смены общественного строя «нормальные образцы поведения» меняются с такой быстротой, что возникает массовое отклонение от «нормы». Эту патологию можно легко обнаружить без глубокого изучения структуры личности. Она имеет как минимум два показателя: 1) ригидность реагирования; 2) разрыв между возможностями человека и их реализацией.

«Ригидность реагирования — это отсутствие той гибкости, которая позволяет людям реагировать различным образом на разные ситуации»¹⁴, и примерами этого полна наша сегодняшняя жизнь.

«Расхождение между потенциальными возможностями данного человека и его действительными жизненными достижениями бывает вызвано лишь внешними факторами. Но... если, несмотря на свои дарования и благоприятные внешние возможности для их развития, человек остается бесплодным; или, имея все для того, чтобы чувствовать себя счастливым, он не может наслаждаться этим»¹⁵, ... то перед нами невротик, стоящий сам у себя на пути.

Отечественная типология социальных характеров впервые появилась только в свободной России. Ее автор — Б.С.Братусь. Типология Б.С.Братуся методологически лежит более в русле психологической антропологии или ее истоках, лежащих в русле направления «культура и личность». При этом в рамках единой типологии вырисовываются: а) этнопсихологический тип личности в русской культуре; б) социально-психологический тип личности в советской культуре и в) психосоциальный тип перестроечного времени, дня сегодняшнего.

На первый взгляд создается впечатление, что три вышеуказанных типа личности, три типа характера не могут вписаться в рамки единой типологии. Но этого не произошло. Б.С.Братусь нашел единую составляющую, которая «объединяет-разъединяет» эти три типа. Этой составляющей, этой основополагающей компонентой явились мораль и нравственность как точка отсчета, как система координат.

Эта классификация характеров по этическому принципу восходит своим началом к

¹¹ Э.Фромм. Бегство от свободы. М., 1990.

¹² К.Хорни. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.

¹³ К.Хорни. Невротическая личность нашего времени. 1993.

¹⁴ К.Хорни. Невротическая личность нашего времени. М.1993.

¹⁵ К.Хорни. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.

Платону, но имеет своих апологетов и в конце XX в. Не случайно в современной академической психологии США сегодня существует два альтернативных определения характера:

1. характер — это этический и моральный аспект личности;
2. характер — мотивационный аспект личности вне любых этических и моральных оценок.¹⁶

Типология Б.С.Братуся получила частично свою «топологию и идентификации личности» в условиях потери старых идеалов и переходе от традиционной советской «цивилизации» к новой, так и не вставшей на путь модернизации общества. Ее автор И.А.Акчурина, описывая глубинные психологические корни прошлого, приводит ряд архетипов, распавшегося общества:

1. недоверие к другим людям (главное разделение — «наши» и «не наши»);
2. враждебность ко всему новому;
3. «фамилизм — доверие и привязанность прежде всего к кровнородственным отношениям;
4. неумение представить перспективы развития;
5. неумение даже представить себя в другой нетрадиционной роли;
6. плохое знание реальности своего мира (а не его мифологии). И другие.¹⁷

Говоря о первой отечественной типологии Б.С.Братуся, необходимо отметить ее морально-этическую направленность, восходящую к идеям Э.Фромма о «плодотворной» и «неплодотворной» ориентации характера.

Типология социальных характеров Э.Фромма, представленная на страницах книги, стала уже давно классикой Западной психологии. Но, знакомясь с ней читатель обнаружит, насколько справедливо утверждение К.Хорни: «Понятие о том, что является нормальным, видоизменяется не только в различных культурах, но также с течением времени, в пределах одной и той же культуры (курсив мой — Д.Р.)».

За семь лет существования свободной России сформировались новые типы социального характера, не известные ранее в СССР. И фроммовская типология, созданная в 1947г. в США, сегодня в России обрела «второе дыхание». За короткий «миг» вечности, за короткий отрезок человеческой жизни изменилось «субъективное жизненное пространство» (Томэ), возникла новая «тема бытия», т.е. жизненные стремления, доминирующие интересы, изменились ценности и «значимости». Возникла потребность в новой «технике существования». Как пишет Л.И.Анциферова: «Для психолога в названии „техника жизни“ звучит знакомая тема человеческого характера... Томэ ссылается на Теофраста, который в своих „Характерах“ впервые выделил разные типы людей по критерию доминирующих у них типологий существований».¹⁸

«Рынок» как социально-экономическая панацея породил психологический феномен, известный как «рыночная ориентация характера». Эта рыночная ориентация получает ускоренное развитие с формированием «личностного рынка», который интенсивно развивается в нашей действительности. Теперь, чтобы добиться успеха, мало обладать умением и умственным багажом, мастерством, искренностью и порядочностью. Успех зависит от того, насколько хорошо человек умеет продать себя на рынке, насколько хорошо он умеет подать себя, насколько привлекательна его «упаковка», насколько он способен вступить в конкурентную борьбу с себе подобными. Если ощущение идентичности самому себе раньше выражалось формулой «я — то, что я делаю», то при рыночной ориентации чувство идентичности становится таким же неустойчивым, как и самооценка, и формула непрерывно

¹⁶ Г.Блюм. Психоаналитические теории личности. М., 1996.

¹⁷ И.А.Акчурина. Топология и идентификация личности. Вопросы философии. 1994 № 5.

¹⁸ Л.И.Анциферова, Психология повседневности: жизненный мир личности и «техника» ее бытия. Психологический журнал. 1993.

меняющейся идентичности в разных ролях выглядит так: «я — то, чего изволите». ¹⁹ Сегодня происходит смена ведущей «темы бытия», и это ставит перед личностью ряд проблем по освоению новых инструментальных техник по взаимодействию с новой конкретно-исторической действительностью. Наступило время смены социального характера, что не может не сказаться на индивидуальных характерах.

Типология индивидуальных характеров отражает психологическую ситуацию, когда внутри одной и той же культуры одна личность отличается от другой. Типология индивидуальных характеров представлена в книге именами К.Юнга и Хейманса-Ле-Сена, Кречмера и Шелдона.

Это перечень имен не случайно начинается с имени К.Юнга, человека, который впервые сумел создать типологию характеров. Сам К.Юнг считал, что «целью психологической типологии не является классификация людей по категории», это скорее «инструмент для исследователя, нуждающегося в опорных точках зрения и направляющей линии». Но, как и все великие открытия, типология Юнга вызвала столько же восхищения, сколько и неприятия.

Один из самых «непримиримых» критиков — Э.Фромм, объединяя несопоставимых Кречмера, Шелдона и Юнга, вообще отказывал Юнгу в создании типологии характеров, будучи убежденным, что у выше перечисленных авторов допущено смешение понятий темперамента и характера, и что речь у них вообще идет в основном о темпераменте.

Принципиальной ошибкой Э.Фромма и других критиков К.Юнга является то, что, будучи «зафиксированными» на дуальной оппозиции «экстраверт-интроверт», они практически не обратили внимания на фундамент юнговской типологии — установку и на «четыре функции», являющиеся неотделимыми элементами как экстравертной так и интровертной установки.

«Установка есть для нас готовность психики действовать или реагировать в известном направлении... Быть установленным — значит быть готовым к чему-нибудь определенному даже тогда, когда это определенное является бессознательным...»²⁰

«Вся психология индивида... бывает ориентирована различно, в соответствии с его привычной установкой..., привычная установка всегда есть результат всех факторов, способных существенно влиять на психическое, а именно: врожденного предрасположения, влияния среды, жизненного опыта, прозрений и убеждений, приобретенных путем дифференциации, коллективных представлений (*курсив мой — Д.Р.*) и др. Без такого фундаментального значения установки было бы невозможно существование индивидуальной психологии».²¹

«...В опыте можно различать известные типические установки, поскольку различаются и типические функции. Если какая-нибудь функция обычно преобладает, то из этого возникает типическая установка... Так существует типическая установка человека мыслящего, чувствующего, ощущающего и интуитивного. Кроме этих чисто психологических типов установок существуют и социальные типы, т.е. такие, на которых лежит печать какого-нибудь коллективного представления. Они характеризуются различными „измами“. Эти коллективно обусловленные установки очень важны, а иногда они имеют большее значение, чем чисто индивидуальные установки».²²

Так за 20 лет до появления фроммовского «социального характера», до появления «Бегства от свободы», за десятилетия до появления фашизма и сталинизма гениальный провидец К.Юнг предсказал появление «социального характера», «социального типа», установки которого основываются на очередном «изме», хотя это возможно и без «изма»: «В

¹⁹ Э.Фромм. Человек для самого себя. /Психоанализ и этика. М.

²⁰ К. Юнг. Психологические типы. М., 1995.

²¹ К.Юнг. Психологические типы. М., 1995.

²² К.Юнг. Психологические типы. М., 1995.

соответствии с социальными условиями и необходимостями социальный характер ориентируется, с одной стороны, на ожидания и требования деловой среды, с другой стороны — на социальные намерения и стремления самого субъекта».²³

Уже создав свою типологию, Юнг через семь лет делает неожиданный для его мировоззрения вывод. Так в 1928 г. на собрании швейцарских психиатров он говорит: «Характер — это устойчивая форма человеческого бытия, причем форма как *физического* так и душевного рода... В действительности же взаимное проникновение телесных и душевных признаков столь глубоко, что по свойствам тела мы не только можем сделать... выводы о качествах души, но и по душевным особенностям мы можем судить о соответствующих телесных формах».²⁴

Такова была реакция К.Юнга на появление работ Э.Кречмера. Именно Э.Кречмер аргументированно доказал, что дихотомия «мозг-душа», бывшая до него традиционной, уступила место дихотомии «тело-душа». Идея Э.Кречмера сводилась к тому, что наши тело и душа суть две ипостаси одной сущности и их проявления находятся в тесной взаимосвязи, т.е. соматическое и психическое объединены общим латентным фактором, лежащим в их основе.

Ответ на вопрос о сущности этого фактора мы находим у Э.Кречмера, когда он определяет понятия «конституция» и «характер»: «...под конституцией мы понимаем сумму всех индивидуальных свойств, которые покоятся на наследственности, т.е. заложены генотипически», «...под характером мы понимаем сумму всех возможных реакций человека в смысле проявления воли и аффекта, которые образовались в течении всей его жизни, следовательно, из наследственного предрасположения и всех экзогенных факторов...»²⁵

Типология Э.Кречмера была воспринята неоднозначно. Ее критики основывали свою позицию на двух факторах:

а) ошибочность переноса закономерностей, установленных в психиатрических клиниках на здоровых людей

б) слабую статистическую доказательность положений Э.Кречмера. Овечая на критику, необходимо отметить, что если во втором издании Э.Кречмер приводил 400 случаев, то в седьмом издании он приводит уже 4200 случаев.

Формализация диагностической схемы, предложенной Э.Кречмером, была осуществлена одним из его критиков У.Шелдоном. И, хотя типологию У.Шелдона иногда называют формализованным вариантом кречмеровской системы, по своей сути она существенно отличается от типологии Э.Кречмера.

Основным отличием является тот факт, что исходная классификация соматотипов производилась только на здоровых людях, а в основу классификации было положено соотношение видов тканей организма, развивающихся из трех зародышевых листков: энтодермы, мезодермы и эктодермы.

Это выразительно описал Э.Берн: «...Человек, как и цыпленок, происходит из яйца. На очень ранней стадии человеческий зародыш представляет собой трехслойную трубку, внутренний слой которой превращается в желудок и легкие, средний слой — в кости, мускулы, соединительную ткань и кровеносные сосуды, внешний же слой — в кожу и нервную систему. Обычно эти три слоя растут в одинаковом темпе, так что средний человек является правильной комбинацией мозга, мускулов и внутренних органов. Однако в некоторых яйцах один из слоев разрастается больше других и... может обнаружиться, что у одного больше внутренностей, чем мозгов, или больше мозгов, чем мускулов... Деятельность индивида оказывается связанной главным образом именно с этим разросшимся слоем...»

Человека, форма тела которого зависит от внутреннего слоя яйца, обозначают словом

²³ К.Юнг. Психологические типы. М., 1995.

²⁴ К. Юнг. Психологическая типология. /В кн. К. Юнг. Проблемы души нашего времени. М., 1993.

²⁵ Э.Кречмер. Строение тела и характер. М., 1995.

эндоморф. Если эта форма зависит от среднего слоя, его называют мезоморфом. Если форма тела зависит от внешнего слоя, человека называют *этоморфом*.²⁶

Уровень выраженности каждого слоя оценивается типологией Шелдона по семибальной шкале, и каждое конкретное телосложение описывается набором из трех цифр. При этом допускается существование любой формулы телосложения — от невыраженности каждого слоя (1-1-1), через промежуточные стадии (2-6-2, 3-4-3 и т.д.), до абсолютной выраженности слоев (7-7-7). Интерполируя методику У.Шелдона на типологию Э.Кречмера, можно вывести формулы: 7-1-1 — пикник, 1-7-1 — атлет и 1-1-7 — астеник, что в типологии У.Шелдона соответствует эндоморфу, мезоморфу и этоморфу.

Параллельно с многочисленными попытками создания типологии характеров, выстроенных на различных принципах, шло формирование понятия и типологии характеров в психоаналитическом направлении.

Впервые психоаналитическая концепция характера была сформулирована З.Фрейдом в 1908 году в статье «Характер и анальная эротика». З.Фрейд утверждал, что постоянно встречающееся сочетание трех особенностей характера: аккуратности, упрямства и бережливости, — связано с анальной эротикой, и впервые постулировал идею структуры характера. «Во всяком случае, можно вывести формулу формирования основного характера из определенных черт; постоянные черты представляют собой либо неизменные первоначальные импульсы, либо сублимацию их, либо вызванные ими реактивное образование».

Эта формула означала, что характер не может формироваться просто из какого-то сочетания черт. Черты характера — это скорее аспекты единой структуры. Попытка связать типы характера с либидозным развитием ребенка принадлежит Абрахаму, но типологию он не сумел создать, так как появились описания других типов — компульсивного, истерического, мазохистского и т.д. — которые не были интегрированы общим подходом. Однако свою позицию он сформулировал категорично: «Характер традиционно определяется как направленность, вызываемая произвольными импульсами человека».²⁷

О.Фенихел описывает характер так: «Способ согласования различных задач друг с другом является характеристикой личности. Таким образом привычные способы приспособления Я к внешнему миру, Оно и Сверх-Я, а также типичные сочетания этих способов между собой образуют характер».²⁸

Абрахам дает такое определение: «Совокупность реакций человека на его социальное окружение».

Гартман: «Ряд функций, которые мы приписываем Эго, является тем, что мы называем характером».

Бингхлоул: «Структура характера может быть осмыслена как организация потребностей и эмоций внутри каждого человека, приспособленная для адекватного реагирования на основные социальные ценности группы».

Маккинон: 1) характер — это этический и моральный аспект личности; 2) характер — мотивационный аспект личности вне любых этических и моральных оценок.²⁹

Это отсутствие единой точки зрения в определении характера у психоаналитиков, тем не менее, имеет общую платформу, сформулированную Г.Блюмом: «Относительное постоянство характера обусловлено тремя аспектами: частично наследственной составляющей Эго, частично природой инстинктов, но главным образом базируется на специфической установке

²⁶ Э.Берн. Введение в психиатрию и психоанализ для непосвященных. СПб. 1991.

²⁷ А.Лоуэв. Физическая динамика структуры характера. М., 1996.

²⁸ А.Лоуэн. Физическая динамика структуры характера. М., 1996.

²⁹ Г.Блюм. Психоаналитические концепции личности. М., 1996.

Эго, обусловленной давлением внешнего мира».³⁰

Эту сумятицу в определении «характера» очень точно сформулировал В.Райх. Когда в 1933 г. он выпустил книгу «Анализ характеров», построенную на опыте девяти лет исследований, то в предисловии написал: «Сегодня, как и девять лет назад, мы все еще далеки от развернутой и систематизированной характерологии». Ортодоксальная психоаналитическая типология индивидуальных характеров, терминологически повторила психосексуальные стадии развития, сформулированные З.Фрейдом с поздними добавлениями учеников З.Фрейда. Так возникли характерологические типы орального, анального, уретрального, фаллического, генитального, компульсивного, истерического, фобического, циклоидного, шизоидного и др.

О.Фенихел впервые создает психоаналитическую типологию характеров по дихотомическому типу:

1. сублимирующие характеры;
2. реактивные характеры.

Но к собственной типологии он относится довольно скептически, и основная причина была в отсутствии четких критериев в оценке и различении «нормальных типов» от «невропатических».

Так к сублимирующим характерам он относил генитальный характер, возникающий при отсутствии фиксации и благоприятных факторах окружения, обеспечивающих альтернативные каналы выражения.

При реактивном характере инстинктивная энергия постоянно сдерживается контр-катексисом. Установки характеризуются избеганием (фобии) или оппозицией (реактивные формирования).

Особенностями Эго являются утомляемость, заторможенность, ригидность, бездеятельность. Гибкость индивида ограничена, он не способен ни к полному удовлетворению, ни к сублимации. Райх описывает реактивные черты как специфический «панцирь», который первоначально возникает в результате конфликта между инстинктивными потребностями и внешним миром. Его дальнейшее укрепление и причина существования обусловлены продолжающимися конфликтами тех же сил.

Отсутствие четких критериев «нормы» и «патологии» в психоаналитической концепции характера позволили А.Лоуэну предложить в аналитической терапии ограничить понятие характера только патологическими состояниями. «Человек здоров, если у него нет типичных способов поведения. Это означает, что в реальности он ведет себя спонтанно, адаптируясь к рациональным требованиям ситуации». Но задолго до А.Лоуэна прозвучали слова П.Б.Ганнушкина, который писал, что «когда говорят о „нормальной личности“, то... забывают, что соединение двух таких терминов, как „личность“ или „индивидуальность“, с одной стороны, и „норма“ или „средняя величина“ — с другой — это есть соединение двух по существу не согласных друг с другом терминов. То же относится и к выражению „нормальный характер“... Ведь, если бы мы имели... человека с идеально-нормальной психикой, то едва ли можно было говорить о наличии у него того или другого „характера“. Такого рода человек был бы „бесхарактерным в том смысле, что он всегда действовал бы без предвзятости и внутренние импульсы его деятельности постоянно регулировались бы внешними агентами...“

Кроме раздела «Типологические модели акцентуированных характеров» введена типология П.Б.Ганнушкина. Сознательное введение «психопатий» в типологию характеров обосновывается не только аргументами П.Б.Ганнушкина, который писал, что есть два пути изучения психопатий — один от болезни к здоровью, другой — обратный: от здоровья к болезни путь имеющий своим исходным пунктом обычную жизненную среду, который изучает личность в ее взаимоотношениях с окружающей средой. На этом пути много времени уделяется вопросам воспитания быта, профессии, ситуации. Будучи часто трудно отличимы от нерезковыраженных психозов, они, с другой стороны, незаметным образом сливаются с так называемой нормой, ибо между психопатическими особенностями и соответствующими им «простыми человеческими недостатками» разница только количественная, а не качественная.

³⁰ Г.Блюм. Психоаналитические концепции личности. М., 1996.

Книга выстроена таким образом, чтобы профессиональный психолог мог из психоаналитической, психиатрической и акцентуированной модели «истерика», «шизоида» и др. увидеть не только то общее, что их объединяет, но и понять методологию подхода.

Психоаналитик начинает с изучения бессознательных феноменов, чуждых Эго, и постепенно начинает оценивать характер или привычный способ поведения.

Психолог начинает путь от внешнего к внутреннему, от известного к неизвестному, от тела к психике. Начинает с изучения привычного способа поведения, то есть с акцентуированного характера, пытаясь втиснуть в «смирительную рубашку диагноза» «видимые» контуры поведения.

Так, может быть, для этого и нужна типология? Точнее других на этот вопрос ответил К.Юнг. По его мнению, типология это: 1. критический инструмент для исследователя; 2. помощник в понимании широкого разнообразия индивидов и ключ к фундаментальным различиям в психологических теориях. И наконец, самое важное, это существенное средство для определения «личностного уравнения» практического психолога, для избежания серьезных ошибок в работе с пациентами.

Вторая половина XX в. дала новые ростки типологий индивидуальных различий, большинство из которых растут из единого корня, типологии великого психолога и мыслителя — К.Юнга.

Прежде всего это типология Майерс-Бриггс, созданная в 1959 г. — MBTi — Индикатор типов Майерс-Бриггс, переведенная на 26 языков мира.³¹ На основе MBTi создана типология Д.Кейрси, адаптированная к современным условиям России группой отечественных психологов.³² И, наконец, «золушка» академической психологии — соционика³³, созданная Аушрой Аугустинавичюте, которая, используя наблюдения К.Юнга и его последовательницы И.Майерс-Бриггс, создала не только психологическую типологию, но и психологическую теорию, признание которой принадлежит уже XXI веку.

Д.Я.Райгородский

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРОВ

Типологическая модель Э.Фромма. США

Человеческий характер и социальный процесс

Изучая реакции какой-либо социальной группы, мы имеем дело со структурой личности членов этой группы, то есть отдельных людей; однако при этом нас интересуют не те индивидуальные особенности, которые отличают этих людей друг от друга, а те общие особенности личности, которые характеризуют большинство членов данной группы. Эту совокупность черт характера, общую для большинства, можно назвать социальным характером. Естественно, что социальный характер менее специфичен, нежели характер индивидуальный. Описывая последний, мы имеем дело со всей совокупностью черт, в своем сочетании формирующих структуру личности того или иного индивида. В социальный характер входит лишь та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни.³⁴ Хотя всегда существуют «отклоняющиеся» с совершенно другим типом характера,

³¹ О.Крегер, Дж.М.Тьюсон. Типы людей. М., 1995.

³² Б.В.Овчинников, К.В.Павлов, И.М.Владимирова. Ваш психологический тип. СПб., 1994.

³³ Р. К. Седых. Информационный психоанализ. М., 1994.

³⁴ Э.Фромм. Бегство от свободы. М., 1990. Дайджест.

структура личности большинства членов группы представляет собой лишь разные вариации развития одного и того же «ядра», состоящего из общих черт характера; эти вариации возникают за счет случайных факторов рождения и жизненного опыта, поскольку эти факторы различны для разных видений. Если мы хотим возможно полнее понять одного индивида, то наибольшую важность имеют эти различающие элементы. Но если мы хотим понять, каким образом человеческая энергия направляется в определенное русло и работает в качестве производительной силы при данном общественном строе, то главное внимание нужно уделить характеру социальному.

Понятие социального характера является ключевым для понимания общественных процессов. Характер — в динамическом смысле аналитической психологии — это специфическая форма человеческой энергии, возникающая в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в определенном обществе. Характер определяет мысли, чувства и действия индивида. В отношении мыслей этому трудно поверить, потому что все мы разделяем традиционное убеждение, будто мышление является сугубо интеллектуальным актом, независимым от психической структуры личности. Однако это убеждение неверно, а если мышление относится не к эмпирическим манипуляциям с конкретными объектами, оно тем более неверно: осмысление этических, философских, политических, психологических или социальных проблем — независимо от чисто логических операций — в высшей степени подвержено влиянию психической структуры мыслящей личности. Это справедливо и в отношении отдельных понятий — таких, как любовь, справедливость, равенство, самопожертвование и т.д., — и в отношении целых доктрин или политических систем. Каждое такое понятие, каждая доктрина заключают в себе некую эмоциональную основу, которая определяется складом характера данного индивида.

В предыдущих главах привели ряд иллюстраций этого утверждения. В отношении доктрин мы показали, каковы эмоциональные корни раннего протестантизма и современного авторитаризма. В отношении отдельных понятий мы показали, что, например, для садистско-мазохистской личности любовь означает не взаимное утверждение и союз на основе равенства, а симбиотическую зависимость; самопожертвование означает не утверждение собственной психической и моральной сущности, а наивысшую степень подчинения личности чему-то высшему; различие означает не реализацию разных индивидуальностей на основе равенства, а разную власть; справедливость означает не безусловное требование реализации прирожденных и неотъемлемых прав индивида, а правило, что каждый получит по заслугам; мужество означает не высшее утверждение своей индивидуальности против внешней среды, а готовность подчиниться и переносить страдания. Когда два человека с разной психической структурой произносят какое-то слово, например «любовь», они вкладывают в это слово совершенно различный смысл. Надо сказать, что правильный психологический анализ смысла таких понятий позволил бы избежать множества интеллектуальных недоразумений; любая попытка чисто логической классификации этих понятий обречена на неизбежный провал.

Тот факт, что идеи имеют эмоциональную основу, чрезвычайно важен, поскольку это ключ к пониманию духа любой культуры. Разные общества — или классы внутри общества — имеют специфический характер, на основе которого развиваются и обретают силу разные идеи. Например, идея труда и успеха как главных целей жизни смогла увлечь современного человека лишь из-за его одиночества и сомнений. Попробуйте внушить идею непрерывных усилий и стремления к успеху индейцам в пуэбло или мексиканским крестьянам — вас просто не поймут; вряд ли даже поймут, о чем вы говорите, хотя вы и будете говорить на их языке, потому что у этих людей совершенно иной склад характера. Точно так же Гитлер и та часть населения Германии, которая обладает аналогичной структурой личности, совершенно фанатично убеждены, что каждый утверждающий, что человечество может упразднить войны, — это либо безнадежный глупец, либо наглый лжец. Вследствие их социального характера жизнь без страданий и бедствий для них так же немыслима, как свобода и равенство.

Часто случается, что некоторая социальная группа на уровне сознания принимает какие-то идеи, но эти идеи на самом деле не затрагивают всей натуры членов этой группы в силу особенностей их социального характера; такие идеи остаются лишь набором осознанных принципов, но в критический момент люди оказываются неспособны действовать в

соответствии со своими принципами. Примером может служить рабочее движение в Германии во время победы нацизма. До прихода Гитлера к власти огромное большинство немецких рабочих голосовало за социалистов и коммунистов и верило в идеи этих партий, то есть эти идеи были распространены очень широко. Но насколько глубоко они были усвоены — это уже другое дело. Натиск нацизма не встретил сопротивления его политических противников, поскольку большинство из них не было готово бороться за свои идеи. Многие сторонники левых партий — хотя они верили в свои партийные программы, пока их партии пользовались влиянием, — легко смирились, когда наступил критический момент. Детальный анализ структуры личности немецких рабочих обнаруживает одну из причин — хотя, конечно, не единственную причину — этого явления: очень многие из них обладали рядом особенностей того типа личности, который мы назвали авторитарным. В них глубоко укоренились почтение к установившейся власти и тоска по ней. Многие из этих рабочих, вследствие такой структуры личности, в действительности вовсе не хотели того, к чему их призывал социализм: личной независимости вопреки власти и солидарности вопреки изоляции индивида. Одна из ошибок радикальных лидеров состояла в том, что они переоценивали силу своих партий: они видели, насколько широко распространены их идеи, и не заметили, насколько поверхностно эти идеи усвоены.

Иными словами, идея может стать могущественной силой, но лишь тогда, когда она отвечает специфическим потребностям людей данного социального характера.

Структура личности определяет не только мысли и чувства человека, но и его действия. Заслуга этого открытия принадлежит Фрейдю, хотя его теоретическое обоснование неверно. Что деятельность человека определяется доминантными тенденциями структуры личности — это совершенно очевидно у невротиков. Когда человек испытывает потребность считать окна домов или камни на мостовой, нетрудно понять, что в основе этой потребности лежат какие-то принудительные внутренние влечения. Но действие нормального человека, как можно подумать, определяются лишь разумными соображениями и условиями реальной жизни. Однако с помощью методов наблюдения, введенных психоанализом, удается установить, что и так называемое рациональное поведение в значительной степени определяется структурой личности индивида. Мы уже встретились с иллюстрацией этой зависимости, рассматривая значение труда для современного человека. Как мы видели, неумное стремление к непрерывной деятельности вызывается одиночеством и тревогой. Такое понуждение к труду отсутствовало в других культурах, где люди работали лишь по мере необходимости, не подгоняемые добавочными внутренними силами. Поскольку у всех нормальных людей в наше время стремление к труду примерно одинаково, поскольку, кроме того, напряженный труд им необходим, чтобы выжить, легко упустить из виду иррациональную компоненту этой тенденции.

Теперь следует поставить вопрос, какова функция социального характера в плане служения индивиду и обществу. В первом случае ответ прост. Если характер индивида более или менее совпадает с социальным характером, то доминантные стремления индивида побуждают его делать именно то, что необходимо и желательно в специфических социальных условиях его культуры. Пусть, например, человек одержим страстью к накоплению и отвращением к любому излишеству; такая черта характера может быть весьма полезна ему, если он мелкий лавочник, вынужденный к бережливости. Наряду с этой экономической функцией черты личности имеют и другую, не менее важную функцию — чисто психологическую.

Человек, для которого накопительство является потребностью, коренящейся в его личности, получает и глубокое психологическое удовлетворение от возможности поступать в соответствии с этой потребностью; он выигрывает не только экономически, но и психологически. В этом легко убедиться, понаблюдав, например, за женщиной из низов среднего класса на рынке: сэкономив на покупке два цента, она будет так же счастлива, как был бы счастлив человек с другим типом личности, испытав чувственное наслаждение. Такое психологическое удовлетворение появляется у человека не только тогда, когда он сам поступает в соответствии со стремлениями, коренящимися в структуре его характера, но и когда читает или слушает изложение идей, близких ему по той же причине. Для авторитарной

личности чрезвычайно притягательны идеология, изображающая природу как могучую силу, которой следует покоряться, или речь, содержащая садистские описания политических событий; читая или слушая это, человек с таким типом личности получает психологическое удовлетворение. Итак, для нормального человека субъективная функция его социального характера состоит в том, чтобы направлять его действия в соответствии с его практическими нуждами и давать ему психологическое удовлетворение от его деятельности.

Если рассматривать социальный характер с точки зрения его функции в общественном процессе, то мы должны начать с того же утверждения, какое было сделано по поводу функции социального характера для индивида: приспособляясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты характера, которые побуждают его хотеть действовать именно так, как ему приходится действовать. Если структура личности большинства людей в данном обществе, то есть социальный характер, приспособлена к объективным задачам, которые индивид должен выполнять в этом обществе, то психологическая энергия людей превращается в производительную силу, необходимую для функционирования этого общества. Рассмотрим снова пример с интенсивностью труда. Наша современная промышленная система требует, чтобы основная часть нашей энергии была направлена в работу. Если бы люди работали только под давлением внешней необходимости, то возникал бы разрыв между тем, чего им хочется, и тем, что они должны делать; это снижало бы производительность их труда. Но динамическая адаптация личности к социальным требованиям приводит к тому, что энергия человека приобретает формы, побуждающие его действовать в соответствии со специфическими требованиями экономики. Современного человека не приходится заставлять работать так интенсивно, как он это делает; вместо внешнего принуждения в нем существует внутренняя потребность в труде, психологическое значение которой мы проанализировали выше. Иными словами, вместо подчинения открытой власти человек создал в себе внутреннюю власть — совесть или долг, — которая управляет им так эффективно, как никогда не смогла бы ни одна внешняя власть. Таким образом, социальный характер интериоризирует внешнюю необходимость и тем самым мобилизует человеческую энергию на выполнение задач данной социально-экономической системы.

Как мы видели, если в характере уже развились определенные потребности, то соответствующее этим потребностям поведение одновременно дает и психологическое удовлетворение, и практическую пользу в плане материального успеха. Пока и поскольку общество обеспечивает индивиду удовлетворение в обеих этих сферах одновременно, налицо ситуация, в которой психологические силы цементируют социальную структуру. Однако рано или поздно возникает разрыв. Традиционный склад характера еще существует, но возникают новые экономические условия, при которых прежние черты личности становятся бесполезными. Люди стремятся действовать в соответствии со своим складом характера, но при этом либо их поведение превращается в помеху для достижения экономических целей, либо они просто не в состоянии действовать согласно своей «природе». Что мы имеем в виду — иллюстрирует структура личности прежнего среднего класса, особенно в странах с жесткой классовой обособленностью, таких, как Германия. Добродетели прежнего среднего класса — экономность, бережливость, осторожность, недоверчивость — в современном бизнесе гораздо менее ценны, чем новые достоинства, такие, как инициативность, способность к риску, агрессивность и т.п. Даже если эти старые добродетели кое-где и полезны — как в случае с мелким лавочником, — возможности мелкого предпринимательства настолько сузились, что лишь меньшинство сыновей прежнего среднего класса может успешно «использовать» свои традиционные черты характера в экономической деятельности. Воспитание развило в них те черты характера, которые в свое время были приспособлены к социальным условиям их класса; но экономическое развитие шло быстрее, нежели развитие характера, и разрыв между эволюцией экономической и эволюцией психологической привел к тому, что в процессе обычной экономической деятельности психологические потребности уже не удовлетворяются. Но эти психологические потребности существуют, и приходится искать какие-то другие способы их удовлетворения. Тогда узко-эгоистическое стремление к собственному преимуществу, характерное для низов среднего класса, переходит из личной плоскости в национальную. Садистские импульсы, прежде находившие применение в конкурентной борьбе,

усиленные фрустрацией в экономической сфере, выходят на общественно — политическую арену, а затем, освободившись от каких-либо ограничений, находят удовлетворение в политических преследованиях и в войне. Таким образом, психологические силы, слившись с раздражением, вызванным общей фрустрирующей ситуацией, превратились из цемента, скреплявшего общественный строй, в динамит, который и использовали группы, стремившиеся разрушить политическую и экономическую структуру демократического общества.

До сих пор мы не касались роли воспитания в формировании социального характера; но, поскольку многие психологи считают методы воспитания в раннем детстве и технику обучения подростка причиной развития определенного характера, уместно сделать несколько замечаний по этому поводу. Прежде всего нужно уточнить, что мы называем воспитанием. Этот термин можно определить по-разному, но, с точки зрения социального процесса, функция воспитания, очевидно, состоит в том, чтобы подготовить индивида к выполнению той роли, которую ему предстоит играть в обществе. То есть воспитание должно сформировать его характер таким образом, чтобы он приближался к социальному характеру, чтобы его собственные стремления совпадали с требованиями его социальной роли. Система воспитания в любом обществе не только выполняет эту функцию, но и определяется ею; поэтому структуру общества и структуру личности членов этого общества нельзя объяснять воспитанием, принятым в данном обществе. Наоборот, само воспитание членов общества, система воспитания объясняется требованиями, вытекающими из социально-экономической структуры данного общества. Однако методы воспитания чрезвычайно важны, их можно рассматривать как средства, с помощью которых социальные требования преобразуются в личные качества людей. Хотя методы воспитания и не являются причиной формирования определенного социального характера, они служат одним из механизмов, формирующих этот характер. В этом смысле знание и понимание воспитательных методов — важная составная часть общего анализа каждого общества.

Только что сказанное справедливо и в отношении семьи, которая является одним из секторов воспитательного процесса. Фрейд показал, что решающее влияние на формирование личности оказывают самые ранние переживания ребенка. Если это верно, то как понять утверждение, что ребенок, имеющий очень мало контактов с обществом (во всяком случае, в нашей культуре), тем не менее формируется обществом? Ответ состоит в том, что родители — за редкими исключениями — не только применяют шаблоны воспитания, принятые в их обществе, но и собственной личностью представляют социальный характер своего общества или класса. Они передают ребенку то, что можно назвать психологической атмосферой, духом общества; передают уже одним тем, что они таковы, каковы они есть; они — представители этого духа. Таким образом, семью можно считать психологическим агентом общества. Утверждая, что социальный характер формируется образом жизни данного общества, я хочу напомнить читателю, что было сказано в первой главе о проблеме динамической адаптации. Верно, что человек меняется в связи с потребностями экономической и социальной структуры общества, но верно и то, что его приспособляемость не безгранична. Кроме определенных физиологических потребностей, удовлетворение которых является императивной необходимостью, существуют еще и неотъемлемые психологические свойства человека, которые также нуждаются в удовлетворении, фрустрация которых вызывает соответствующие реакции. Что же это за свойства? По-видимому, важнейшее из них — тенденция к росту, развитию, реализации способностей, возникших у человека в ходе истории, например способности к творческому и критическому мышлению, «тонким» эмоциональным и чувственным переживаниям. Каждая из этих способностей имеет собственную динамику. Однажды возникнув в процессе эволюции, все они стремятся к тому, чтобы проявиться. Эти тенденции могут фрустрироваться и подавляться, но такое подавление приводит к новым реакциям, в частности к появлению разрушительных и симбиотических стремлений. Далее, эта общая тенденция к росту, которая является психологическим эквивалентом аналогичной биологической тенденции, вероятно, приводит к таким специфическим тенденциям, как стремление к свободе и ненависть к угнетению, поскольку свобода — основное условие любого роста. Опять-таки стремление к свободе может быть подавлено, исчезнуть из сознания индивида, но и в этом случае оно продолжает существовать в потенциальной форме, заявляя о

своем существовании сознательной или подсознательной ненавистью, всегда сопровождающей такое подавление.

Как уже было сказано, у нас есть также основания предполагать, что стремление к справедливости и правде является столь же неотъемлемым свойством человеческой природы, хотя и оно может быть подавлено и извращено, как и стремление к свободе. Было бы просто, если бы мы могли опереться на религиозную или философскую доктрину, объясняющую наличие таких тенденций либо верой, что человек создан по образу и подобию божьему, либо соответствующим законом природы. Но строить нашу аргументацию на таких объяснениях мы не можем. Как мы полагаем, единственный способ объяснить это стремление к справедливости и правде состоит в анализе всей истории человека — как истории общества, так и истории индивида. При таком анализе мы обнаружим, что для всех слабых справедливость и правда являются важнейшим оружием в их борьбе за свободу и развитие. Мало того, что на протяжении всей истории большинство человечества было слабой стороной, вынужденной защищаться от более сильных групп, подавлявших и эксплуатировавших его; каждый отдельный человек тоже проходит в своем развитии — в детстве — через такой период бессилия. Мы полагаем, что в этом состоянии бессилия и возникают такие черты, как чувство справедливости и правды, превращаясь в потенциальную способность, присущую человеку вообще. Мы приходим, таким образом, к пониманию того факта, что, хотя личность формируется основными условиями жизни, хотя не существует биологически обусловленной природы человека, человеческая природа имеет собственную динамику, которая является активным фактором в эволюции социального процесса. Мы еще не можем точно определить с точки зрения психологии, в чем именно состоит эта человеческая динамика, но мы должны признать, что она существует. Стараясь избежать ошибочных биологических и метафизических концепций, мы не должны впадать в столь же серьезную ошибку социологического релятивизма, который рассматривает человека как простую марионетку, управляемую нитями социальных условий. Неотъемлемое право человека на свободу и счастье основано на внутренне присущих ему свойствах: на его стремлении к жизни, развитию и реализации способностей, возникших у него в процессе исторической эволюции.

Здесь уместно повторять, в чем состоят важнейшие различия между психологическим подходом, развитым в этой книге, и точкой зрения Фрейда. Первое различие подробно рассматривалось в первой главе, поэтому достаточно лишь напомнить, что мы считаем человеческую природу обусловленной главным образом исторически, хотя и не преуменьшаем значения биологических факторов и не думаем, что проблема может быть правильно сформулирована в терминах противопоставления биологических и культурных факторов.

Второе различие состоит в том, что Фрейд полагал, будто человек является «вещью в себе», закрытой системой; будто природа наделила его определенными, биологически обусловленными стремлениями и развитие личности является лишь реакцией на удовлетворение или фрустрацию этих стремлений. Мы же считаем, что основной подход к изучению человеческой личности должен состоять в понимании отношения человека к миру, другим людям, природе и к себе самому. Мы полагаем, что человек изначально является социальным существом, а не самодостаточным — как полагал Фрейд — и испытывающим лишь вторичную потребность в других людях ради удовлетворения своих инстинктивных потребностей. Поэтому мы убеждены, что в основе индивидуальной психологии лежит психология социальная, или — по определению Салливена — психология межличностных отношений; ключевая проблема психологии состоит не в удовлетворении или фрустрации отдельных инстинктивных стремлений, и в отношении индивида к миру. Что происходит с инстинктивными стремлениями человека — это отнюдь не вся проблема человеческой личности, а лишь часть общей проблемы его взаимосвязи с миром. Поэтому, с нашей точки зрения, потребности и стремления, возникающие из отношений индивида к другим людям, такие, как любовь, ненависть, нежность, симбиоз, — это основные психологические явления; по Фрейду, они представляют собой лишь вторичные явления, результат фрустрации или удовлетворения инстинктивных потребностей.

Различие между биологическим подходом Фрейда и нашим социальным подходом особенно важно в вопросах теории личности. Фрейд и вслед за ним, опираясь на его открытие,

Эбрэхэм, Джонс и другие полагали, что младенец испытывает наслаждение в так называемых эrogenных зонах (рот и анальное отверстие) в связи с процессами кормления и испражнения; что в результате чрезмерной стимуляции или фрустрации (или за счет врожденной повышенной чувствительности) эти эrogenные зоны сохраняют характер либидо и в последующие годы, когда при нормальном развитии главная роль должна перейти к генитальной зоне; что эта задержка, фиксация на прегенитальном уровне ведет к сублимациям и комплексам реакций, которые и входят в структуру личности, становясь составными частями характера. Например, у человека может быть стремление копить деньги или что-либо другое, потому что он сублимирует подсознательное желание задержать свой стул. Или человек может ожидать всех благ от других людей, а не от собственных усилий, потому что им руководит подсознательное желание, чтобы его кормили, сублимируемое в желание получать помощь, знания и т.д.

Наблюдения Фрейда очень важны, но он дал им неправильное толкование. Он верно понял необузданную и иррациональную природу «оральных» и «анальных» черт личности. Он понял также, что такие стремления охватывают все сферы личности — и сексуальную, и эмоциональную, и интеллектуальную жизнь человека, — окрашивая всю ее деятельность. Но он неверно понял причинное отношение между эrogenными зонами и чертами личности, поменяв местами причину и следствие. Желание пассивно получать извне все, что человек хочет иметь, — любовь, защиту, знания, материальные блага, — развивается в личности ребенка как реакция на его опыт общения с другими людьми. Если в этом опыте его ощущение собственной силы подрывается страхом, если его инициатива и уверенность в себе парализуются, если в нем развивается, а затем подавляется враждебность и если при этом его отец или мать предлагают ему свою любовь и заботу лишь при условии подчинения, то такое сочетание приводит к установке, при которой ребенок отказывается от активного владения миром, и вся его энергия направляется на внешние источники, от коих он ждет в конечном итоге исполнения всех своих желаний. Такая установка приобретает необузданный характер, ибо настойчивое, отчаянное требование является единственным способом, которым подобный человек может пытаться удовлетворить свои желания. И если такие люди часто видят во сне, что их кормят, дают им грудь и т.д., это объясняется тем фактом, что их рот более, чем любой другой орган, подходит для выражения рецептивной установки. Но оральные ощущения являются не причиной этой установки, а лишь ее выражением на языке тела.

То же верно и для «анальной» личности, которая на основе своего жизненного опыта больше уклоняется от других людей, чем личность «оральная», ищет безопасность, стараясь превратить себя в замкнутую самодостаточную систему, и ощущает любовь или любую другую направленную наружу привязанность как угрозу для себя. Верно, конечно, что во многих случаях эти установки впервые развиваются в связи с кормлением или испражнением, которые в раннем детстве являются главными видами деятельности и главной областью, где проявляется любовь или угнетение со стороны родителей и соответственно дружелюбие или неповиновение со стороны ребенка. Но фрустрация или чрезмерная стимуляция в связи с эrogenными зонами сама по себе не приводит к закреплению таких установок в личности человека. Хотя ребенок испытывает определенные ощущения удовольствия, связанные с кормлением или испражнением, эти удовольствия не так уж важны для развития характера, если только в них не проявляется — на физиологическом уровне — установка, коренящаяся в самой структуре личности.

Если ребенок уверен в любви своей матери, то внезапное превращение кормления грудью не вызовет сколь-нибудь серьезных последствий для его личности; напротив, ребенок, недостаточно доверяющий материнской любви, может приобрести «оральные» черты, даже если процесс выкармливания протекал без особых нарушений. Важность «оральных» или «анальных» фантазий и физических ощущений в последующие годы состоит не в связанном с ними наслаждении и не в какой-то мистической сублимации этого наслаждения, а в том, что они выражают стоящее за ними, специфическое отношение к миру.

Только с этой точки зрения открытия Фрейда о структуре личности могут найти применение в социальной психологии. Если мы предполагаем, например, что анальный характер, типичный для низов среднего класса в Европе, определяется только ранними переживаниями, связанными с испражнением, то у нас нет никаких данных, которые позволили

бы нам понять, почему именно этот определенный класс отличается аналитическим социальным характером. Если же рассматривать этот характер как форму связанности с другими людьми, которая коренится в структуре личности, будучи обусловлена опытом контактов с внешним миром, мы получаем ключ к пониманию того, почему и каким образом весь жизненный уклад низов среднего класса, их узость, изоляция и враждебность содействуют развитию характера именно этого типа.

Третье важное различие тесно связано с предыдущими. Фрейд, исходя из своей ориентации на инстинкты и своего глубокого убеждения в порочности человеческой природы, склонен объяснять все «идеальные» мотивы человека как порождение чего-то «низменного». Возьмем хотя бы его объяснение, что чувство справедливости — это производная от первоначальной зависти ребенка к любому, у кого есть больше, чем у него. Как уже было сказано выше, мы полагаем, что такие идеалы, как истина, справедливость, свобода, хотя они часто оказываются лишь пустыми словами или рационализациями, могут быть подлинными стремлениями человека и что любой анализ, не учитывающий эти стремления в качестве динамических факторов, ошибочен. Эти идеалы не метафизического характера, а коренятся в условиях человеческой жизни, и их можно анализировать с этой точки зрения. Такому анализу не должно препятствовать опасение снова впасть в метафизику или в идеализм. В задачи психологии как эмпирической науки входит изучение и мотиваций, производимых идеалами, и связанных с идеалами моральных проблем с целью освободить наше мышление в этой области от неэмпирических и метафизических элементов, затемнявших эти вопросы в их традиционной трактовке.

Наконец, надо отметить еще одно различие. Оно касается дифференциации психологических явлений нищеты и изобилия. Примитивный уровень человеческого бытия — это уровень нищеты. Есть императивные потребности, которые необходимо удовлетворить прежде всего. Лишь тогда, когда у человека остаются время и энергия после удовлетворения этих первичных потребностей, может развиваться культура, а вместе с ней и те стремления, которые относятся к явлениям изобилия. Свободные, спонтанные действия — это всегда явления изобилия. Психология Фрейда — это психология нищеты, психология нужды. Он определяет наслаждение как удовлетворение, возникающее при снятии болезненного напряжения. Явления изобилия — такие, как любовь или нежность, — не играют никакой роли в его системе. Но он упустил из виду не только их; даже то явление, которому он посвятил столько внимания, — секс — он понимал ограниченно. В соответствии со своим общим определением наслаждения Фрейд видел в сексе лишь элемент физиологической потребности, а в сексуальном удовлетворении — лишь снятие болезненного напряжения. В его психологии не нашли себе место сексуальное влечение как явление изобилия и сексуальное наслаждение как непосредственная радость, сущность которой не сводится к негативному снятию напряжения.

Каков же наш подход к пониманию человеческого базиса культуры? Прежде чем ответить на этот вопрос, полезно напомнить основные направления, которые отличаются от нашего.

1. «Психологический» подход, характерный для мышления Фрейда, согласно которому культурные явления обусловлены психологическими факторами, проистекающими из инстинктивных побуждений; на эти побуждения общество влияет лишь путем полного или частичного подавления. Авторы, следовавшие направлению Фрейда, объяснили капитализм как результат аналитического эротизма, а развитие раннего христианства — как результатом бивалентности по отношению к образу отца.

2. «Экономический» подход, выросший из искажения того понимания истории, которое разработал Маркс. Согласно этому подходу, причиной таких явлений культуры, как религия и политические идеи, следует считать субъективные экономические интересы. С этой псевдо марксистской точки зрения³⁵ можно пытаться объяснить протестантство как прямое отражение

³⁵ Я называю эту точку зрения псевдомарксистской, поскольку она истолковывает теорию Маркса в том смысле, что история определяется экономическими мотивами, понимаемыми как стремление к материальной выгоде. Между тем Маркс имел в виду другое: объективные экономические условия являются движущей силой истории, поскольку изменение этих условий приводит к изменению экономических отношений. В результате меняются и экономические установки людей, причем интенсивное стремление к материальному богатству — лишь

определенных экономических потребностей буржуазии, и только.

3. Наконец, существует «идеалистический» подход, представленный в работе Макса Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». Он утверждает, что новый тип экономического поведения и новый дух культуры были обусловлены появлением новых религиозных идей, хотя и подчеркивает, что это поведение никогда не определялось исключительно религиозными доктринами.

В отличие от всех этих концепций мы полагаем, что идеологии и культура вообще коренятся в социальном характере; сам социальный характер формируется образом жизни данного общества, но доминантные черты этого характера в свою очередь становятся созидательными силами, формирующими социальный процесс. Рассматривая с этой точки зрения проблему духа протестантства и капитализма, я показал, что крушение средневекового общества угрожало среднему классу; что эта угроза вызвала чувство изоляции, бессилия и сомнения; что эта психологическая перемена обусловила притягательность доктрин Лютера и Кальвина; что эти доктрины усилили и закрепили изменения в структуре личности и что развившиеся новые черты личности стали эффективными силами развития капитализма, который в свою очередь возник в результате экономических и политических перемен.

Тот же подход мы применили и в отношении фашизма. Низы среднего класса реагировали на экономические перемены (такие, как растущая мощь монополий и послевоенная инфляция) усилением определенных черт характера, а именно садистских и мазохистских стремлений. Нацистская идеология еще более усилила их, а затем эти новые черты характера стали эффективными силами, работающими на экспансию германского империализма. В обоих случаях мы видим, что когда определенному классу угрожает опасность новых экономических тенденций, этот класс реагирует на угрозу психологически и идеологически; причем психологические изменения, вызванные такой реакцией, способствуют развитию все тех же экономических тенденций вопреки экономическим интересам данного класса.

Мы видим, что экономические, психологические и идеологические факторы взаимодействуют следующим образом: человек реагирует на изменения внешней обстановки тем, что меняется сам, а эти психологические факторы в свою очередь способствуют дальнейшему развитию экономического и социального процесса. Здесь действуют экономические силы, но их нужно рассматривать не как психологические мотивации, а как объективные условия; действуют и психологические силы, но необходимо помнить, что сами они исторически обусловлены; действуют и идеи, но их основой является вся психологическая структура членов определенной социальной группы. Несмотря на взаимозависимость экономических, психологических и идеологических факторов, каждый из них обладает и некоторой самостоятельностью. Особенно это касается экономического развития, которое происходит по собственным законам, будучи обусловлено такими объективными факторами, как природные ресурсы, техника, географическое положение и т.д. Что касается психологических сил, мы показали, что это верно и для них; они определяются внешними условиями жизни, но имеют и свою собственную динамику, то есть они являются проявлением человеческих потребностей, которые могут быть как-то видоизменены, но уничтожены быть не могут. В сфере идеологии мы обнаруживаем такую же автономию, которая связана с законами логики и с традицией научного познания, сложившейся в ходе истории.

Мы можем теперь изложить основной принцип нашего подхода, пользуясь понятием социального характера. Социальный характер — это результат динамической адаптации человеческой природы к общественному строю. Изменения социальных условий приводят к изменению социального характера, то есть к появлению новых потребностей и тревог. Эти новые потребности порождают новые идеи, в то же время подготавливая людей к их восприятию. Новые идеи в свою очередь укрепляют и усиливают новый социальный характер и направляют человеческую деятельность в новое русло.

Иными словами, социальные условия влияют на идеологические явления через социальный характер, но этот характер не является результатом пассивного приспособления к

социальным условиям; социальный характер — это результат динамической адаптации на основе неотъемлемых свойств человеческой природы, заложенных биологически либо возникших в ходе истории.

Человеческая природа и характер

Личность. Темперамент

Люди похожи, ибо всем нам досталась одна человеческая ситуация с ее экзистенциальными дихотомиями; люди уникальны, ибо каждый по-своему разрешает свою человеческую проблему. Само бесконечное разнообразие личностей характерно для человеческого существования.³⁶

Под личностью я понимаю целостность врожденных и приобретенных психических свойств, характеризующих индивида и делающих его уникальным. Различие между врожденными и приобретенными свойствами, в целом, синонимично различию между темпераментом, талантами и всеми конституционно заданными психическими свойствами, с одной стороны, и характером — с другой. В то время как различия в темпераменте не имеют этического значения, различия в характере образуют реальную проблему этики; они свидетельствуют об уровне, достигнутом индивидом в искусстве жить. Чтобы избежать путаницы, распространенной при употреблении терминов «темперамент» и «характер», мы начнем с краткого рассмотрения темперамента.

Гиппократ выделил четыре темперамента: холерический, сангвинический, меланхолический и флегматический. Сангвинический и холерический темпераменты — это виды реакций, характеризующиеся легкой возбудимостью и быстрой сменой интереса; интересы слабы у первого и сильны у второго. Флегматический и меланхолический темпераменты, напротив, характеризуются стойкой, но низкой возбудимостью интереса; у флегматиков интересы слабы, а у меланхоликов сильны.³⁷ По мнению Гиппократа, эти различные виды реакций были связаны с различными соматическими источниками. (Интересно отметить, что в обычном употреблении упоминаются только негативные стороны этих темпераментов. Холерический ныне означает легко гневающийся; меланхолический — подавленный; сангвинический — свехоптимистичный; флегматический — слишком медлительный.) Эти категории темпераментов употреблялись большинством ученых, изучающих темперамент, вплоть до времени Вундта. Наиболее современные концепции типов темпераментов — это концепции Юнга, Кречмера и Шелдона.

Важность последующих изысканий в этой области, особенно касательно корреляции темперамента и соматических процессов, здесь не может подвергаться сомнению. Но было бы необходимо провести четкое разграничение между характером и темпераментом, поскольку смещение этих понятий препятствовало прогрессу характерологии, как и изучению темперамента. Темперамент относится к способу реакции, он конституционален и неизменяем; характер же, по существу, формируется личными переживаниями, особенно переживаниями данного периода жизни, и изменяем, в известной мере, посредством новых видов переживаний. Если человек, например, обладает холерическим темпераментом, его способ реакции — «быстрый и сильный». Но в чем он быстр и силен, это зависит от вида его отношений с шром, от его характера. Если человек плодотворная, иррациональная, любящая личность, он будет реагировать быстро и сильно, когда любит, когда разгневан несправедливостью и когда увлечен новой идеей. Если это деструктивный или садистский характер, он будет быстр и силен в своей деструктивности или в своей жестокости.

³⁶ Э.Фромм. Человек для самого себя./ Психоанализ и этика, М., 1993. Дайджест.

³⁷ Четыре темперамента символизировались четырьмя элементами: холерический = огонь = теплый и сухой, быстрый и сильный; сангвинический = воздух = теплый и влажный, быстрый и слабый; флегматический = вода = холодный и влажный, медленный и слабый; меланхолический = земля = холодный и ухой, медленный и сильный.

Смешение темперамента и характера чревато серьезными последствиями для этической теории. Предпочтения того или иного темперамента — это всего лишь дело вкуса. Но различия в области характера — это с этической точки зрения вопрос огромной важности. Пример поможет прояснить, что я имею в виду. Геринг и Гиммлер были людьми различного темперамента — первый был циклотимиком, второй — шизотимиком. Таким образом, с точки зрения субъективного предпочтения, индивиду, которого привлекает циклотимичный темперамент, Геринг «понравился» бы больше, чем Гиммлер, и наоборот. Однако с точки зрения характера, оба этих человека имеют одно общее свойство: они честолюбивые садисты. И поэтому с этической точки зрения оба равно злы. Среди плодотворных характеров можно субъективно предпочитать холерический темперамент сангвиническому; но такая оценка не включает в себе оценки соответственной ценности двух людей.³⁸

При использовании введенных К.Г.Юнгом определений темперамента — «интроверт» и «экстраверт», мы часто обнаруживаем ту же путаницу. Те, кто предпочитает экстравертов, стремятся изображать интровертов как замкнутых и невротиков; те, кто и предпочитает интровертов, изображают экстравертов и поверхностными и лишенными серьезности и глубины. Ошибочно — сравнивать «хорошего» человека одного темперамента с «плохим» человеком другого темперамента и приписывать различие в ценности различию в темпераменте.

Я думаю, ясно, как такое смешение темперамента и характера вредило этике. Ибо кроме того, что это тема к осуждению целых рас, чьи преобладающие темпераменты отличны от наших собственных, это также поддерживало релятивизм посредством допущения, что с характерами дело обстоит так же, как и с темпераментами.

Теперь, в целях рассмотрения этической теории мы должны обратиться к понятию характера, который является и предметом этической оценки, и целью этического развития человека. И здесь опять мы должны сначала устранить традиционную путаницу, на этот раз возникшую относительно различий между динамической и бихевиористской концепциями характера.

Характер. Динамическая концепция характера

Черты характера считались и считаются в среде бихевиористски ориентированных психологов синонимами свойств поведения. С этой точки зрения характер определяется как «модель поведения, характерная для данного индивида», в то время как другие авторы, подобно Креч-Меру, придавали особое значение волевому и динамичному элементам черт характера.

Фрейд развил не только первую, но также и наиболее последовательную и глубокую теорию характера, как системы влечений, обуславливающих поведение, но не тождественных ему. Чтобы понять ценность фрейдовской динамической концепции характера, будет полезно сравнить поведенческие свойства с чертами характера. Поведенческие свойства описываются как то в поступках, что доступно наблюдению третьего лица. Так, например, поведенческое

³⁸ Свидетельством смешения темперамента и характера служит тот факт, что Кречмер, вообще последовательный в обращении с понятием темперамента, дал своей книге название «Телосложение и характер» вместо «Темпераменты телосложение». Шелдон, чья книга озаглавлена с Разновидности темперамента», тем не менее путался при клиническом применении своей концепции темперамента. Его «темпераменты» включают чистые свойства темперамента, смешанные с чертами характера, как они обнаруживаются в личностях определенного темперамента. Если большинство субъектов определенного типа темперамента не достигли полной эмоциональной зрелости, они обнаружат определенные черты характера, которые имеют сродство с этими темпераментами. Примером может служить неразборчивая общительность, которую Шелдон причисляет к свойствам висцеротонического темперамента. Но только незрелый, неплодотворный висцеротоник будет неразборчиво общителен; плодотворный висцеротоник будет разборчив в общении. Черта, указанная Шелдоном, — это не свойство темперамента, а черта характера, часто проявляющаяся при определенном темпераменте и телосложении, свидетельствуя, что большинство субъектов этого типа принадлежит к одинаковому уровню зрелости. Поскольку метод Шелдона полностью основан на статистической корреляции «черт» и телосложения без всякой попытки теоретического анализа этого характерного синдрома, ему трудно было избежать ошибки.

свойство «смелость» определялось бы как поведение, направленное на достижение определенной цели, когда человек не считается с риском утраты собственного комфорта, свободы или жизни. Или бережливость, как поведенческое свойство, определялось бы как поведение, нацеленное на сбережение денег или других материальных вещей. Однако, если мы исследуем мотивацию, и особенно бессознательную мотивацию, таких поведенческих свойств, мы обнаружим, что заповеденческим свойством кроются многочисленные и совершенно различные черты характера. Смелое поведение может быть мотивировано честолюбием, и тогда человек будет рисковать своей жизнью в определенных ситуациях ради того, чтобы удовлетворить свою страстную жажду быть предметом восхищения; оно может быть мотивировано влечением к самоубийству, которое побуждает человека искать опасности, ибо сознательно или бессознательно он не ценит свою жизнь или желает самоуничтожения; оно может быть мотивировано полнейшим отсутствием воображения, и тогда человек действует смело, потому что не осознает подстерегающей его опасности; наконец, оно может быть обусловлено искренней преданностью идее или цели, ради которых человек действует, и эта мотивация общепризнанна в качестве источника смелости. Внешне поведение во всех этих примерах одно и то же, хотя мотивации различны. Я говорю «внешне» потому, что «тли б можно было пронаблюдать такое поведение в деталях, обнаружилось бы, что различия в мотивации приводят к трудно уловимым различиям в поведении.

Например, офицер в сражении будет вести себя совершенно иначе в ситуации, где его отвага мотивирована преданностью идее, чем в ситуации, где она мотивирована честолюбием. В первом случае он не пойдет в атаку, когда риск не пропорционален достижению тактических целей. Если же, наоборот, им движет тщеславие, эта страсть может сделать его слепым по отношению к опасностям, грожающим ему и его солдатам. В последнем случае его поведенческое свойство «смелость» — это, как ясно, то и мое честолюбие. Другой пример — бережливость, человек может быть экономным, потому что этого требует его материальное положение; или он может быть бережливым потому, что обладает скупым характером, который побуждает к экономии ради самой экономии безотносительно реальной необходимости. Здесь также мотивация несколько отлична от самого поведения. В первом случае человек способен очень хорошо отличить ситуацию, где разумно — экономить, от ситуации, в которой разумнее — тратить деньги. Во втором случае он будет экономить, не считаясь с объективной необходимостью. Другой фактор, обусловленный различием мотивации, касается предсказуемости поведения. В случае со «смелым» солдатом, мотивом которого является честолюбие, мы можем предсказать, что он будет вести себя смело, только если смелость может быть вознаграждена. В случае с солдатом, который смел из-за преданности своему делу, мы обнаружим, что одобрение будет иметь мало влияния на его поведение.

У Фрейда концепция бессознательной мотивации тесно связана с его теорией волевой природы черт характера. Он признал то, что великие романисты и драматурги знали негдга: изучение характера, как показал это Бальзак, имеет дело с «силами, мотивирующими человека»; как личность действует, чувствует и мыслит — это в большой степени обусловлено особенностями ее характера, а не просто результат рациональных ответов на реальные ситуации; «судьба человека — это его характер». Фрейд признал динамичность черт характера и то, что склад характера человека представляет особую форму, служащую проводником жизненной энергии.

Фрейд пытался объяснить эту динамическую природу свойств характера, комбинируя свою характерологию со своей теорией либидо. В согласии с материалистическим мышлением того типа, какой преобладал в естественных науках в конце девятнадцатого века, когда энергия природных и психических явлений считалась субстанциальной, а не порождаемой в процессе взаимодействий, Фрейд считал сексуальное влечение источником энергии характера. Привлекая множество сложных и блестящих доводов, он объяснял различные черты характера, как «сублимации» или «реактивные образования» в ответ на различные формы сексуального влечения. Он истолковал динамическую природу черт характера как действия их либидинозного источника.

Прогресс психоаналитической теории наряду с прогрессом естественных и социальных наук привел к новой концепции, основанной не на идее изначально обособленного индивида, а

на идее взаимоотношений человека с другими людьми, с природой, с самим собой. Была высказана мысль, что именно взаимоотношения направляют и регулируют проявление энергии в страстных влечениях человека. Г.С.Салливан, один из первых, кто высказал такую точку зрения, определил психоанализ как «изучение межличностных отношений».

Теория, представленная на следующих страницах, согласуется с фрейдовской характерологией в таких основных пунктах: признание того, что черты характера обуславливают поведение, и о них нужно судить по поведению; что черты характера конституируют силы, которые личность, несмотря на их могущество, может совершенно не осознавать. Эта теория также следует Фрейду в признании того, что фундаментальная сущность характера строги не на единичном его свойстве, а является целостной структурой, из которой вытекает некое множество единичных свойств. Черты характера следует понимать как ядром, являющийся следствием этой особой структуры, которую я буду называть ориентацией характера. Я коснулся только ограниченного числа черт характера, вытекающих непосредственно из основополагающей ориентации. С множеством других черт характера можно было бы «группировать сходным образом и показать, что они также являются прямыми следствиями основной ориентации и смесью этих первичных черт характера со свойствами темперамента. Однако большое число других свойств, лично причисляемых к чертам характера, следовало отнести не к чертам характера в нашем понимании, к свойствам темперамента или особенностям поведения

Главное отличие предложенной здесь теории от теории рейда состоит в том, что фундаментальная основа характера мне видится не в различного типа либидинозной, гинизации, а в специфического вида отношениях личности с миром. Вгщощесе жизни человек вступает в ношения с миром 1) посредством овладения вещами и ассимиляции и 2) посредством отношений с людьми (и самим собой). Первой я называю процессом ассимиляции; второе — процессом социализации. Обе формы относительно «открыты», а не инстинктивно заданы, как у ивотного. Человек может овладевать вещами, получая или беря их из внешних источников или производя их посредством самих усилий. Но он должен овладевать ими и каким-то образом ассимилировать их, чтобы удовлетворить свои потребности. К тому же человек не может жить один, без связи с другими людьми. Он должен объединяться с другими для защиты, для труда, для сексуального удовлетворения, для игры, для воспитания потомства, для передачи знаний и. материальной собственности. Но, кроме того, он по необходимости связан с другими, как один из них, как часть некоей группы. Полная обособленность непереносима и несовместима с нормальным психическим состоянием. И опять же человек может вступать в отношения с другими людьми по-разному: он может любить или ненавидеть, он может соперничать или сотрудничать; он может построить социальную систему, основанную на равенстве или авторитете, на свободе или насилии, но он должен так или иначе вступать в отношения, и форма этих отношений зависит от егохарактера.

Ориентации, посредством которых индивид вступает в отношения с миром, определяют суть его характера; характер можно определить, как (относительно перманентную) форму, служащую проводником человеческой энергии в процессе ассимиляции и социализации. Это проведение психической энергии выполняет очень важную биологическую функцию. Поскольку действия человека не обусловлены врожденными инстинктами, жизнь была бы в опасности, если б человеку приходилось обдумывать каждое действие, каждый шаг. Но многие действия должны совершаться намного быстрее, чем позволяет процесс сознательного обдумывания. Более того, если бы все поведение строилось на обдуманых решениях, в поступках было бы намного больше противоречий, чем допустимо при надлежащем функционировании. Согласно бихевиоризму, человек научается реагировать полуавтоматически, развивая навыки действия и мышления, которые можно понимать аналогично условным рефлексам. Хотя эта точки зрения в известной мере верна, она не учитывает, что большинство характерных для человека и устойчивых к изменениям глубинных навыков и мнений обусловлены складом характера; через них выражена особая форма, которая является проводником энергии при данном складе характера. Систему характера у человека можно считать заместителем системы инстинктов у животного. Раз энергия проводится определенным способом, в поступке непосредственно выражается характер. Некий характер

может быть нежелателен с этической точки зрения, но он, по крайней мере, позволяет человеку действовать вполне последовательно и освободиться от имени принятия всякий раз новых и обдуманых решений. Человек может устроить свою жизнь сообразно тому характеру и таким образом достичь определенного уровня соответствия между внутренней и внешней ситуациями. Более того, характер выполняет также функцию юра идей и ценностей. Так как большинству людей жется, что идеи независимы от их эмоций и желаний и шются результатом логической дедукции, им предствляется, что их жизненную позицию подтверждают их 1-й и оценки, в то время как на самом деле последние гяются таким же результатом их характера, как и их гупки. Такое подтверждение в свою очередь способствует потеплению сложившегося склада характера, так как позволит ему казаться правильным и благоразумным. Это не единственная функция характера — позволять дивиду действовать последовательно и «разумно»; характер также дает основу для приспособления индивида обществу. Характер ребенка — это слепок с характера читателей, он развивается в ответ на их характер. Родители и их методы воспитания ребенка в свою очередь шсят от социальной структуры их культуры. Обычная семья — это «психический посредник» общества, и, приспособабляясь к своей семье, ребенок обретае характер, делающий его приспособленным к задачам, предстоящим ему в социальной жизни. Он обретае такой актер, какой заставляе его хотеть делать то, что он должен делать, и суть этого характера та же, что и у большинства членов данного социального класса или мьтуры. Тот факт, что большинство членов некоего шального класса или культуры обладают сходством значимых элементов характера, и что можно говорить о «социальном характере», репрезентирующем суть склада актера, общую большинству членов данной культуры, вызывает на степень участия в формировании характера шальных и культурных моделей. Но от социального характера мы должны отличить индивидуальный характер, благодаря которому внутри одной и той же культуры одна личность отличается от другой. Эти отличия отчасти обусловлены особенностями личностей родителей, а также психическими и материальными особенностями, свойственными социальной среде, в которой растет ребенок. Но они также обусловлены особенностями конституции каждого индивида, в частности, особенностями темперамента. Формирование индивидуального характера определяется столкновением экзистенциальных переживаний, индивидуальных переживаний и тех, что обусловлены культурой, с темпераментом и физической конституцией индивида. Для двух людей среда никогда не бывает одной и той же, ибо особенности конституции заставляю их более или менее различно воспринимать одну и ту же среду. Лишь навыки действия и мышления, развившиеся в результате приспособления индивида к культурным моделям и не укорененные в характере личности, легко изменяются под воздействием новых социальных моделей. Если же поведение человека коренится в его характере, оно заряжено устойчивой энергией и изменяется только в том случае, если в характере происходят функциональные изменения.

В предлагаемом анализе неплодотворные ориентации и плодотворная ориентация разграничены. Следует отметить, что данные понятия являются «идеальными типами» не описаниями характера некоего данного индивида. Далее, хотя в дидактических целях они рассматриваются здесь раздельно, обычно характер каждой личности представляет собой сочетание всех или некоторых из этих ориентации, однако одна из них доминирует. И наконец, я хочу заявить здесь, что при описании неплодотворных ориентации представлены лишь их отрицательные стороны, а положительные стороны — кратко рассмотрены в последней части данной главы.

Типы характера. Неплодотворные ориентации

а) рецептивная ориентация

При рецептивной ориентации человеку представляется, что «источник всех благ» лежит вовне, и он считает, что единственный способ обрести желаемое — будь то нечто материальное или привязанность, любовь, знание, удовольствие — это получить его из этого внешнего источника. При такой ориентации проблема любви состоит почти исключительно в том, чтоб «быть любимым», а не в том, чтоб любить. Такие люди склонны к неразборчивости в выборе

предмета любви, потому что быть любимыми кем-то — это для них такое захватывающее переживание, что они «бросаются» за всеми, кто предлагает им любовь или то, что похоже на любовь. Они чрезвычайно чувствительны ко всякому отдалению или отпору со стороны любимого человека. Такова же их ориентация и в сфере мышления: если это интеллигенты, то они становятся самыми лучшими слушателями, поскольку ориентированы на восприятие идей, а не на их создание; предоставленные самим себе, они чувствуют себя парализованными. Для этих людей характерно, что их первая мысль — найти кого-то другого, кто даст им нужную информацию, вместо того, чтобы самим сделать хоть малейшее усилие. Если это люди религиозные, то их понятие о Боге таково, что они ждут всего от него, и ничего от собственной активности. Не будучи религиозными, они относятся к людям и институтам совершенно так же: всегда ищут «магического помощника». Они демонстрируют своеобразный вид верности, в основе которой благодарность к тому, кто питает их, и страх потерять его. Поскольку они нуждаются в множестве тех, кто обеспечивает их безопасность, они вынуждены быть верными многим людям. Им трудно сказать «нет», и они легко попадают в конфликт между верностью и обещанием. Раз они не могут сказать «нет», они любят говорить «да» всему и всем, и в результате паралич их критических способностей делает их слишком зависимыми от других.

Они зависят не только от авторитетов, дающих им знания, помощь, но вообще от людей, способных оказать какую бы то ни было поддержку. Они чувствуют себя потерянными, будучи предоставленными самим себе, поскольку считают, что ничего не способны делать без посторонней помощи. Эта беспомощность имеет решающее значение в тех действиях, которые по самой своей природе могут совершаться только самостоятельно — принятие решения или принятие ответственности. В личных отношениях, например, они спрашивают совета у того самого человека, относительно которого они должны принять решение.

Люди рецептивного типа очень любят поесть и выпить. Они стремятся преодолеть тревожность и подавленность путем поедания пищи и выпивкой. Рот у них очень характерен, зачастую он очень выразителен: губы приоткрыты, как будто постоянно ждут кормежки. В их снах поедание пищи — это частый символ любви, а чувство голода — выражение фрустрации и разочарования.

Вообще, мироощущение у людей рецептивной ориентации оптимистичное и дружелюбное; у них есть определенное доверие к жизни и ее дарам, но они становятся тревожными и приходят в смятение, когда им грозит утрата «источника питания». У них часто есть искренняя сердечность и желание помочь другим, но делают они что-то для других также ради того, чтоб добиться их расположения.

б) эксплуататорская ориентация

Эксплуататорская ориентация, подобно рецептивной, имеет в качестве основной предпосылки ощущение, что источник всех благ находится вовне и ничего нельзя создать самому. Отличие между двумя этими ориентациями, однако, в том, что эксплуататорский тип не надеется получить что-либо от других в дар, а отнимает у них желаемое силой или хитростью. Такая ориентация распространяется на все сферы действий.

В области любви и чувств такие люди склонны присваивать и красть. Они испытывают влечение только к тем людям, которых они могут отнять у кого-то другого. Условием привлекательности для них служит привязанность человека к кому-то другому; они не склонны влюбляться в непривязанного ни к кому человека.

Мы обнаруживаем ту же установку и в области мышления и интеллектуальной деятельности. Такие люди будут склонны не создавать идеи, а красть их. Это может проявляться прямо в форме плагиата или более скрыто, в форме парафразы идей, высказанных другими людьми, и настаивали, что эти идеи новы и являются их собственными. Поразительно, что зачастую люди больших умственных способностей следуют этим путем, при том, что если бы они положились на собственные таланты, они вполне могли бы сами создавать свои идеи. Отсутствие оригинальных идей или независимого творчества у иных одаренных людей часто объясняется ориентацией их характера, а не каким-то врожденным отсутствием оригинальности. Это положение сохраняется и в ориентации в сфере материальных вещей.

Вещи, которые они могут отобрать у других, всегда кажутся им лучше тех, какие они могут создать сами. Они используют и эксплуатируют все и всякого, из чего или из кого они могут что-то выжать. Их девиз: «Краденый плод — самый сладкий». Поскольку они хотят использовать и эксплуатировать людей, они «любят» тех, кто прямо или косвенно может стать объектом эксплуатации, и им «наскучивают» те, из кого они уже выжали все. Крайний пример — клептоман, который наслаждается только теми вещами, какие можно украсть, хотя у него достаточно денег, чтоб купить их. Символом этой ориентации, кажется, может служить язвительная гримаса, которая часто бывает отличительной чертой таких людей. Не ради игры слов стоит отметить, что они часто делают «язвительные» замечания в адрес других людей. Их установка окрашена смесью враждебности и манипуляции. Каждый человек рассматривается как объект эксплуатации и оценивается по его полезности. Вместо доверчивости и оптимизма, свойственных рецептивному типу, здесь мы обнаруживаем подозрительность и цинизм, зависть и ревность. Поскольку они удовлетворяются только вещами, которые могут отнять у других, они склонны переоценивать то, что принадлежит другим, и недооценивать свое собственное.

в) стяжательская ориентация

Стяжательская ориентация совершенно отлична от рецептивного и эксплуататорского типов, сходных в том, что оба надеются получить вещи из внешнего мира. Данная же ориентация дает людей, мало верящих в то, что они могут получить из внешнего мира что-то новое; их безопасность основывается на стяжательстве и экономии, а траты они воспринимают как угрозу. Они окружают себя как бы защитной стеной, и их главная цель — как можно больше в свое укрытие приносить и как можно меньше из него отдавать. Их скупость распространяется как на деньги и материальные вещи, так и на чувства и мысли. Любовь для них — это, по существу, обладание: сами они не дают любви, но стараются получить ее, завладевая «любимым». Ориентированный на стяжательство человек часто демонстрирует особый вид верности людям и даже воспоминаниям. Его сентиментальность превращает прошлое в золотой век; он держится за прошлое и предается воспоминаниям о прежних чувствах и переживаниях. Такие люди все знают, но они бесплодны и неспособны к плодотворному мышлению.

Их также можно узнать по выражению лица и жестике. У них плотно сжаты губы; у них характерные жесты погруженных в себя людей. Если у рецептивного типа жесты как бы манящие и плавные, у эксплуататорского — агрессивные и резкие, то у стяжательского — жесты чопорные, как будто эти люди хотят обозначить границы между собой и внешним миром. Другой характерный элемент их установки — педантичная аккуратность. У стяжателя всегда упорядочены вещи, мысли и чувства, но опять же, как и в случае с памятью, его аккуратность бесплодна и ригидна. Он терпеть не может, если вещи не на своем месте, и будет автоматически приводить их в порядок. Внешний мир для него — это угроза вторжения в его оборонную позицию; аккуратность означает подчинение себе внешнего мира путем водворения его и удержания на надлежащем месте, чтоб избежать опасности вторжения. Его маниакальная чистоплотность — это еще одно выражение потребности устраниваться от контакта с внешним миром. Вещи за пределами его собственного мира воспринимаются как опасные и «нечистые»; он аннулирует угрожающий контакт путем маниакального омовения, похожего на религиозный ритуал омовения, предписанный после контакта с нечистыми вещами и людьми. Вещи нужно класть не только на надлежащее место, но и в надлежащее время: навязчивая пунктуальность — это характерная черта стяжательского типа; это еще одна форма подчинения себе внешнего мира. Раз внешний мир воспринимается как угроза оборонной позиции, то логической реакцией будет упрямство. Постоянное «нет» — это почти автоматическая защита от вторжения; упрямо стоять на своем — вот ответ на угрозу атаки извне. Такие люди склонны считать, что обладают только неким ограниченным запасом силы, энергии и ментальных способностей, и этот запас тает, исчерпывается и никогда не пополнится. Они не могут понять, что все жизненные субстанции обладают функцией самовосполнения, и активность и трата сил увеличивают энергию, в то время как инертность ее парализует; для них смерть и разрушение обладают большей реальностью, чем жизнь и развитие. Акт творчества — это чудо, о котором они

слышали, но в которое не верят. Их высшие ценности — порядок и безопасность; их девиз: «Нет ничего нового под солнцем». В отношениях с другими людьми близость для них — угроза; или отстраненность, или обладание людьми — вот в чем безопасность. Стяжатель склонен к подозрительности и имеет особое чувство справедливости, выражаемое так: «Мое — это мое, а твое — это твое».

г) рыночная ориентация

Рыночная ориентация развилась в качестве доминирующей только в современную эпоху. Чтобы понять ее природу, нужно принять во внимание экономическую функцию рынка в современном обществе, не только задающего модель данной ориентации характера, но и являющегося основой и главным условием ее развития у современного человека.

Производитель пытается определить спрос заранее, а при монопольных условиях даже обретает некую степень контроля над ним. И тем не менее регулирующая функция рынка была и все еще остается достаточно властной, чтоб иметь глубокое влияние на формирование характера городского среднего класса, а благодаря социальному и культурному влиянию последнего — на все население. Рыночное понятие ценности, превосходство меновой ценности над полезной привело к сходному понятию ценности в отношении людей и, в частности, в отношении человека к самому себе. Ориентацию характера, коренящуюся в восприятии себя как товара, а собственной ценности как меновой, я называю рыночной ориентацией.

В наше время рыночная ориентация получила ускоренное развитие с развитием нового — «личностного рынка», который является феноменом последних десятилетий. Клерки и продавцы, администраторы и врачи, адвокаты и художники — все представлены на этом рынке. Правда, их правовой статус и экономическое положение различны: одни — независимы, взимая плату за свои услуги; другие работают по найму, получая жалование. Но материальный успех у всех зависит от признания их личности теми, кто платит за их услуги или нанимает на работу за жалованье.

Принцип оценки и на личностном рынке, и на товарном один и тот же: на первом на продажу предлагаются личности, на втором — товары. Ценностью в обоих случаях является меновая ценность, для которой полезная ценность необходимое, но не достаточное условие. Правда, наша экономическая система не могла бы функционировать, если бы люди не были искусны в том деле, какое им надлежит исполнять, и обладали лишь прятной личностью. Даже самые изысканные манеры в обращении с больными и самый красиво обставленный офис на Парк-авеню не принесут успеха нью-йоркскому врачу, если он не обладает минимумом знаний и опыта. Какой бы обаятельной личностью ни была секретарша, это не спасет ее от потери места, если она не умеет быстро и грамотно печатать на машинке. Однако, если мы зададимся вопросом, каков удельный вес мастерства и личностной ценности как условий успеха, мы обнаружим, что только в исключительных случаях успех оказывается преимущественно результатом мастерства и каких-то других человеческих качеств, вроде искренности, порядочности и честности. Хотя соотношение мастерства и человеческих качеств, с одной стороны, и «личности» — с другой, как необходимых условий успеха, изменчиво, «личностный фактор» всегда играет решающую роль. Успех зависит, по большей части, от того, насколько хорошо человек умеет продать себя на рынке, насколько хорошо он умеет подать себя, насколько привлекательна его «упаковка»; насколько он «бодр», «крепок», «энергичен», «надежен», «честолюбив»; к тому же, каково его семейное положение, к какому клубу он принадлежит, знает ли он с нужными людьми. Тип желательной личности зависит от достигнутого человеком уровня в той специальной области, где он работает. Биржевой маклер, продавец, секретарша, железнодорожный служащий, преподаватель колледжа или управляющий отелем — каждый должен предложить требуемый тип личности, который, вне зависимости от его особенностей, должен удовлетворять одному условию: пользоваться спросом.

Тот факт, что чтобы добиться успеха, недостаточно обладать умением и умственным багажом для выполнения поставленной задачи, но нужно еще быть способным вступить в состязание со многими другими, формирует у человека определенную установку по отношению

к самому себе. Если бы для достижения жизненных целей было достаточно полагаться на то, что ты знаешь и умеешь делать, самооценка была бы пропорциональна собственным способностям, т.е. собственной полезной ценности; но поскольку успех зависит, по большей части, от того, как ты умеешь продать свою личность, то ты воспринимаешь себя как товар, или, вернее, и как продавца, и как товар одновременно. Человек заботится не о своей жизни и счастье, а о том, чтоб стать ходким товаром. Это чувство можно было бы сравнить с чувством товара, например, с чувством сумок на прилавке, если бы они могли чувствовать и мыслить. Каждая сумка старалась бы быть как можно «привлекательнее», чтобы привлечь покупателей, и выглядеть как можно дороже, чтоб получить цену выше, чем ее соперницы. Сумка, проданная по самой высокой цене, чувствовала бы себя избранницей, поскольку это означало бы, что она самая «ценная» из сумок; а та, которая не была продана, чувствовала бы себя печальной и прониклась бы сознанием собственной никчемности. Такая судьба могла бы выпасть сумке, которая, несмотря на свой отличный вид и удобство, имела несчастье выйти из моды.

Подобно сумке, человек должен быть в моде — на личностном рынке, а чтобы быть в моде, ему нужно знать, какой вид личности пользуется повышенным спросом. Это знание сообщается в общем виде на протяжении всего процесса воспитания, от детского сада до колледжа, и восполняется в семье. Однако знания, полученного на этой ранней стадии, недостаточно; оно подчеркивает только некоторые общие качества, такие, как приспособляемость, честность и чуткость к меняющимся ожиданиям других людей. Более точную картину моделей успеха дают другие источники. Иллюстрированные журналы, газеты, кинохроника на разный лад демонстрируют портреты и жизненные истории преуспевающих людей. Ту же функцию выполняет и реклама. Преуспевающий служащий, чей портрет помещен в рекламе мужской одежды, это образец того, как нужно выглядеть и каким быть, если хочешь заработать «большие деньги» на современном личностном рынке. Самое важное средство передачи обычному человеку образа желательной личности — это кино. Молодая девушка старается в выражении лица, в прическе, в жестах подражать высокооплачиваемой звезде, считая все это самым многообещающим путем к успеху. Молодой человек старается быть похожим на героя, которого видит на экране. Хотя обычный человек имеет мало контактов с жизнью самых преуспевающих людей, его отношения со звездами кино — дело другого рода. Да, он не имеет реального контакта и с ними, но он может снова и снова видеть их на экране, может написать им и получить их карточку с автографом. В отличие от тех времен, когда актер был социально унижен, но тем не менее передавал своей аудитории творения великих поэтов, наши кино звезды не служат передаче великих творений или идей, их функция — служить как бы связующей нитью между обычным человеком и миром «великих». Даже если обычный человек и не может надеяться стать таким же преуспевающим, как они, он может стараться подражать им: они его святые, и благодаря своему успеху они воплощают определенные нормы жизни.

Поскольку современный человек воспринимает себя и как продавца, и как товар для продажи на рынке, его самооценка зависит от условий, ему неподвластных. Если он «преуспевает» — он ценен; если нет — он лишен ценности. Степень неуверенности, являющейся результатом данной ориентации, трудно переоценить. Если человек чувствует, что его ценность определяется не его человеческими качествами, а успехом в рыночной конкуренции с ее постоянно меняющимися условиями, его самооценка непременно будет шаткой и постоянно будет нуждаться в подтверждении со стороны других людей. Если человек вынужден неуклонно пробиваться к успеху, и любая неудача являет жестокую угрозу его самооценке, то результатом будет чувство беспомощности, неуверенности и неполноценности. Если превратности рынка выступают мерилем ценности человека, чувства собственного достоинства и самоуважения разрушаются.

Проблема не только в самоуважении и самооценке, но и в восприятии себя как независимого существа, в идентичности самому себе. Как мы увидим позднее, зрелый и плодотворный индивид черпает свое чувство идентичности в ощущении себя творцом, когда он сам и его силы — это нечно единое; такое самоощущение можно выразить короткой фразой: «я — то, что я делаю». При рыночной ориентации человек сталкивается со своими собственными силами, как с товаром, отчужденным от него. Он не един с ними, и они скрыты от него, потому

что значение имеет не его самореализация в процессе их использования, а его успех в процессе их продажи и его силы, и то, что ими создано, отчуждается от него, становится чем-то от него отличным, чем-то, что другие будут оценивать и использовать; в результате его чувство идентичности становится таким же неустойчивым, как и самооценка; заключительная реплика во всех возможных здесь ролях: «я — то, чего изволите».

Такое самоощущение Ибсен выразил в Пер Гюнте: Пер Гюнт пытается открыть свое Я и обнаруживает, что оно подобно луковице — можно снимать слой за слоем, а сердцевины так и не найдешь. Поскольку человек не может жить, сомневаясь в своей идентичности, он должен, при рыночной ориентации, черпать чувство идентичности не в самом себе и в своих силах, а в мнении других о себе. Его престиж, положение, успех, известность другим как некоего определенного лица становятся замещением подлинного чувства идентичности. Такая ситуация ставит его в полную зависимость от того, как другие воспринимают его, и вынуждает придерживаться роли, однажды уже принесшей ему успех. Раз я и мои силы отделены друг от друга, то, конечно, мое Я определяется ценой, какую за меня дали.

Способ, каким человек воспринимает других, не отличается от способа самовосприятия. Других, как и самого себя, воспринимаешь как товар; они тоже представляют не себя, а ту свою часть, которая идет на пролижу. Различие между людьми сводится к простому количественному показателю большей или меньшей успешности, привлекательности, и так и оценивается. Этот процесс не отличается от того, что происходит с товарами на рынке. Произведение живописи и пара ботинок могут быть выражены в их меновой стоимости и сведены к их цене; множество пар ботинок будет «равно» одному произведению живописи. Так же и различие между людьми подводится под один общий знаменатель, их цену на рынке. Их индивидуальность, то, что в них своеобразно и уникально, лишается ценности, это — балласт. Значение, каким наделяется слово «своеобразие», служит явным показателем такой установки. Вместо определения величайших достижений человека, достижений, развивших его индивидуальность, оно стало почти синонимом слова «странность». Слово «равенство» тоже изменило свое значение. Идея, что все люди сотворены равными, подразумевает, что все люди имеют одно и то же неотъемлемое право считаться целями, а не средствами. Сегодня равенство стало эквивалентом взаимозаменяемости, а это уже прямое отрицание индивидуальности. Равенство вместо того, чтоб быть условием развития своеобразия каждого человека, означает изжитие индивидуальности, «самоотказ», характерный для рыночной ориентации. Равенство связывалось с различием, а стало синонимом «безразличия»; и в самом деле, безразличие это как раз то, что характеризует отношение современного человека к самому себе и к другим.

Такая ситуация по необходимости окрашивает все человеческие отношения. Когда индивидуальным «я» пренебрегают, отношения между людьми по необходимости должны стать поверхностными, потому что в отношения вступают не сами люди, а взаимозаменяемые товары. Люди не в состоянии, да и не могут позволить себе считаться с тем, что в каждом из них уникально и «своеобразно». Однако рынок порождает своего рода товарищество. Каждый вовлечен в одну и ту же конкурентную борьбу, участвует в одной и той же погоне за успехом; все встречается с одними и теми же требованиями рынка (или по крайней мере верят, что это так). Каждый знает, что чувствуют другие, потому что все в одной лодке: предоставленные самим себе, страшась неудачи, жаждущие угодить; в этой борьбе не щадят и не ждут пощады.

Поверхностный характер человеческих отношений побуждает многих надеяться, что они могут обрести глубину и силу чувств в индивидуальной любви. Но любовь к одному человеку и любовь к ближнему неразделимы; в любой из культур любовные отношения — это только более сильное выражение формы родства со всеми людьми, преобладающей в данной культуре. И потому иллюзия — ожидать, что одиночество человека с рыночной ориентацией можно излечить индивидуальной любовью.

Мышление так же, как чувствование, определяется рыночной ориентацией. Мышление берет на себя функцию быстро схватывать ситуацию, чтобы иметь возможность успешно ею манипулировать. При широком и эффективном образовании это ведет к высокому уровню сообразительности, но не разума. Для манипуляции необходимо знать лишь поверхностные свойства вещей, верхи. Истина, добываемая проникновением в сущность явления, становится

вышедшим из употребления понятием, — истина не только в донаучном смысле «абсолютной» истины, догматически сохраняемая без учета эмпирических данных, но также и истина, добытая человеческим разумом в результате наблюдений и открытая проверкам. Большинство тестов на сообразительность ориентированы на этот вид мышления; они проверяют не столько способности разума и понимания, сколько способность быстрой ментальной адаптации к поставленной задаче; «тесты ментального приспособления» — вот самое подходящее для них название.

Этому мышлению свойственно оперирование категориями сравнения и количественного измерения, а не тщательный анализ того или иного феномена и его качеств. Все проблемы равно «интересны», и нет смысла углубляться в разграничение их по степени важности. Само знание становится товаром. И здесь человек отчужден от своих сил; мышление и знание воспринимаются как инструмент для производства результатов. Познание человеком самого себя, психология, которая в великой традиции западного мышления считалась условием добродетели, правильной жизни, счастья, выродилась в инструмент для лучшего манипулирования другими и самим собой в рыночных изысканиях, в политической пропаганде, в рекламе и т.д.

Наконец, этот тип мышления имеет глубокое влияние на нашу систему образования. От начальной до высшей школы цель обучения состоит в том, чтоб накопить как можно больше информации, главным образом полезной для целей рынка. Студентам положено изучить столь многое, что у них едва ли остается время и силы думать. Не интерес к изучаемым предметам или к познанию и постижению как таковым, а знание того, что повышает меновую стоимость — вот побудительный мотив получения более широкого образования. Мы обнаруживаем довольно большой энтузиазм к познанию и образованию, но вместе с тем скептическое и презрительное отношение к якобы непрактичному и беспомощному мышлению, которое имеет дело «только» с истиной и не имеет меновой ценности на рынке.

Хотя я представил рыночную ориентацию как одну из неплодотворных, она настолько отличается от других, что ее следует выделить в особую категорию. Рецептивная, эксплуататорская и стяжательская ориентации имеют одно общее свойство: каждая из них представляет одну из форм человеческих установок, которая, доминируя в человеке, является специфичной для него и его характеризует. Рыночная же ориентация не развивает что-то, уже потенциально наличествующее в человеке (если мы не сделаем абсурдного заявления, что «ничто» это тоже часть человека); сама ее природа в том, что не развивается никакого специфического и перманентного вида отношений, но сама изменчивость установок и составляет единственное перманентное свойство такой ориентации. При этой ориентации развиваются те свойства, которые можно пустить на продажу. Доминирует не какая-то одна частная установка, а пустота, которую можно скорейшим образом наполнить желательным свойством. Но такое свойство перестает быть свойством в истинном значении этого слова; оно только роль, претензия на свойство, готовое тут же заместиться другим, более желательным. Так, например, иногда желательна респектабельность. Служащий в определенных сферах предпринимательства должен впечатлять публику той надежностью, степенностью и респектабельностью, какие в самом деле отличали многих предпринимателей девятнадцатого века. Подыскивается человек, способный внушать доверие, поскольку он выглядит так, как если бив самом деле обладал указанными свойствами; что этот человек продает на личном рынке, так это свою способность соответствовать желательному образу; что он представляет собой вне этой роли — не имеет значения и никого не касается. Его самого интересует не собственное достоинство, а то, что он сможет за себя выручить на рынке. Предпосылкой рыночной ориентации является пустота, отсутствие всякого специфического свойства, которое не может быть предметом обмена, поскольку любая устойчивая черта характера в один прекрасный день может вступить в конфликт с требованиями рынка. Какие-то роли могут не согласовываться с особенностями человека; следовательно, нужно расстаться с ними — не с ролями, а с особенностями. Рыночная личность должна быть свободна, свободна от всякой индивидуальности.

Описанные ориентации характера ни в коем случае не следует отделять друг от друга, как может показаться возможным из этого краткого обзора. Например, у человека может

преобладать рецептивная ориентация, но обычно она соединяется с какой-то другой или со всеми вместе. Хотя позднее я рассмотрю различные сочетания ориентации, в данный момент я хочу подчеркнуть, что все ориентации имеют свою долю в человеческом жизнеустройстве, а доминирующее положение той или иной специфической ориентации в большой степени зависит от особенностей культуры, в которой живет индивид. Хотя более подробный анализ связи различных ориентации с социальными моделями следует оставить исследованию, предметом которого станут проблемы социальной психологии, я хотел бы высказать здесь предварительную гипотезу касательно того, как социальные условия способствуют преобладанию того или иного из четырех неплодотворных типов. Следует отметить, что значение анализа взаимосвязи ориентации характера с социальной структурой не только в том, что он помогает нам понять некоторые из наиболее важных факторов формирования характера, но также и в том, что он раскрывает роль специфических ориентации (в той мере, в какой они присущи большинству членов некоей культуры или социального класса), как мощных эмоциональных факторов, действие которых мы должны знать, чтобы понять функционирование общества. Учитывая общепризнанность воздействия культуры на личность, я хотел бы отметить, что взаимоотношение между обществом и индивидом не следует понимать в том смысле, что культурные модели и социальные институты просто «воздействуют» на индивида. Взаимодействие идет глубже; вся личность обычного индивида штампуется по образцу отношений, принятых меж людьми, и здесь настолько велика решающая роль социально-экономической и политической структуры общества, что, в принципе, из анализа одного индивида можно вывести представление о всей социальной структуре, в которой он живет.

Рецептивную ориентацию можно часто обнаружить в обществах, где за одной группой закреплено право эксплуатировать другую. Поскольку эксплуатируемая группа не имеет ни сил изменить ситуацию, ни идеи об изменении, она будет склонна почтительно взирать на эксплуататоров, как на своих благодетелей, от которых она получает все, что может дать жизнь. Независимо от того, как мало раб получает, он считает, что собственными силами не мог бы добиться и меньшего, поскольку структура этого общества внушила ему, что он неспособен что-то организовать и действовать активно и разумно. Что касается современной американской культуры, то на первый взгляд кажется, что рецептивная установка здесь полностью отсутствует. Вся наша культура с ее идеями и практикой отвергает рецептивную ориентацию и делает акцент на том, что каждый должен сам о себе заботиться, отвечать за самого себя и полагаться на собственную инициативу, если он хочет «чего-то достичь». Однако, хотя рецептивная ориентация не поощряется, она вовсе не отсутствует. Необходимость приспособливаться и угождать, рассмотренная на предыдущих страницах, ведет к чувству неуверенности, которое служит источником изощенной рецептивности у современного человека. Она особенно проявляется в отношении к «экспертам» и к общественному мнению. Люди надеются, что в каждой сфере деятельности есть эксперт, который может сказать им, как обстоят дела и как нужно действовать, а все, что требуется от них, — это слушаться эксперта и довериться его идеям. Есть эксперты по науке, эксперты по счастью, а писатели становятся экспертами в искусстве жить уже лишь потому, что они авторы бестселлеров. Эта трудно различимая, но довольно распространенная рецептивность принимает несколько гротескные формы в современном «фольклоре», развивающемся при активном содействии рекламы. Хотя каждый знает, что в реальности схемы «быстрого обогащения» не работают, множество людей предается мечтам о легкой жизни. Рецептивность проявляется и в отношении к техническим новинкам; автомобиль, не требующий переключения скоростей, авторучка, с которой не нужно возиться, чтобы снять колпачок, — вот наугад выбранные примеры такой фантазии. Более всего рецептивность преобладает в схемах, касающихся счастья. Вот характерная цитата: «Эта книга, — говорит автор, — расскажет тебе, как стать вдвое счастливее, здоровее, энергичнее, увереннее, способнее и беззаботнее, чем ты был прежде. Тебе не нужно следовать трудоемкой ментальной или физической программе, тут все намного проще... Предложенный здесь путь к обещанной выгоде может показаться странным, поскольку мало кто из нас может вообразить достижение, не требующее усилий... И все же это так, в чем ты скоро убедишься».

Эксплуататорский характер с его девизом: «Я беру то, что мне нужно» заставляет нас

вспомнить о предках, пиратах и феодалах, а затем о магнатах-грабителях девятнадцатого века, эксплуатировавших природные ресурсы континента. «Парии» и «авантюристы», по терминологии Макса Вебера, капиталисты, скитающиеся цо земле в поисках наживы, были людьми такого сорта, чьей целью было купить подешевле, а продать подороже, кто безоглядно добивался власти и богатства. Свободный рынок, как он сложился на основах конкуренции в восемнадцатом и девятнадцатом веках, взрастил этот тип людей. Наш век увидел возрожденный голый эксплуатации в авторитарных системах, которые пытались эксплуатировать природные и человеческие ресурсы не только в своей стране, но и в любой другой, куда у них хватало силы вторгнуться. Они провозгласили право силы и рационализировали его указанием на закон природы, заставляющий выживать сильнейшего; любовь и порядочность были названы слабостью, размышление — занятием трусов и дегенератов.

Стяжательская ориентация существовала бок о бок с эксплуататорской в восемнадцатом и девятнадцатом веках. Стяжатель был более консервативен, менее заинтересован в безоглядном добывании, чем в методическом решении экономических задач, основанном на крепких принципах и сохранении добытого. Для него собственность была символом его «я», а ее защита — высшей ценностью. Эта ориентация в значительной мере обеспечивала ему безопасность; собственность и семья, защищенные относительно стабильной ситуацией девятнадцатого века, составляли безопасный и управляемый мир. Пуританская этика, с ее акцентом на труде и успехе, как несомненных благах, укрепляла чувство безопасности и стремилась придать жизненный смысл и религиозное значение человеческой деятельности. Такая комбинация стабильного мира, стабильной собственности и стабильной этики обеспечивала представителям среднего класса чувство общности, уверенности в себе и гордости.

Рыночная ориентация не имеет истоков в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях; она вполне современный продукт. Лишь с недавнего времени упаковка, ярлык и фирменная марка стали важны как для товаров, так и для людей. Проповедь труда утрачивает силу, первостепенной становится проповедь продажи. В феодальное время социальная мобильность была крайне ограничена, и человек не мог задействовать свою личность на то, чтобы преуспеть. Во времена конкурентного рынка социальная мобильность стала довольно значительной, особенно в Соединенных Штатах; если ты «выполнил взятые обязательства», ты можешь преуспеть. Ныне возможности отдельного индивида, способного сделать карьеру самостоятельно, без посторонней помощи, в сравнении с предшествующим периодом сильно уменьшились. Тот, кто хочет преуспеть, должен влиться в большие организации, а его способность играть роль, которой от него ждут, — одно из главных его достоинств.

Обезличивание, бессодержательность, утрата смысла жизни, автоматизация индивида ведут к растущей неудовлетворенности и потребности искать более адекватный образ жизни и нормы, которые могли бы привести к этой цели. Плодотворная ориентация, которую я собираюсь теперь рассмотреть, демонстрирует такой тип характера, при котором рост и развитие всех возможностей человека является целью, которой подчинены все остальные действия.

Плодотворная ориентация

а) общая характеристика

Со времени классической и средневековой литературы вплоть до конца девятнадцатого века было потрачено много усилий на описание образа достойного человека и достойного общества, какими они должны быть. Такие идеи находили выражение отчасти в форме философских и теологических произведений, отчасти в форме утопий. Двадцатый век блистает отсутствием таких образов. Внимание сосредоточилось на критическом анализе человека и общества, в котором положительные образы человека, каким он должен быть, лишь подразумеваются. Хотя нет сомнения, что этот критицизм имеет огромное значение и служит условием всякого совершенствования общества, отсутствие образов, рисующих «лучшего»

человека и «лучшее» общество, парализующе действует на веру человека в самого себя и в свое будущее (и в то же время само отсутствие таких образом является — результатом этого парализующего действия).

Современная психология, и в особенности психоанализ, в этом отношении не исключение. Фрейд и его последователи дали блестящий анализ невротического характера. Их клиническое описание неплодотворного характера (в терминах Фрейда — прегенитального характера) является исчерпывающим и точным, несмотря на то, что используемые ими теоретические концепции нуждаются в пересмотре. Но характеру нормальной, зрелой, здоровой личности не было уделено почти никакого внимания. Этот характер, названный Фрейдом генитальным характером, остался довольно смутным и отвлеченным понятием. Фрейд определил его как склад характера личности, у которой оральное и анальное либидо утратило свое доминирующее положение и функции в результате превосходства генитальной сексуальности, цель которой — сексуальный союз с представителем противоположного пола. Описание генитального характера не выходит далеко за пределы утверждения, что это склад характера индивида, способного исправно выполнять сексуальные и социальные функции.

При рассмотрении плодотворного характера я пытаюсь выйти за рамки критического анализа и исследовать природу вполне развитого характера, являющегося целью человеческого развития и одновременно идеалом гуманистической этики. Первым приближением к понятию плодотворной ориентации может послужить указание на ее связь с фрейдовским генитальным характером. Действительно, если мы применим фрейдовский термин не буквально, в контексте его теории либидо, а символически, он вполне точно обозначит смысл плодотворности. Ибо стадия сексуальной зрелости — это стадия, когда человек обретает способность естественной плодотворности: от слияния спермы с яйцеклеткой зарождается новая жизнь. В то время как этот тип плодотворности одинаков у человека и животного, способность к материальному производству — специфическая способность человека. Человек не только рациональное и социальное животное. Его можно также определить как животное производящее, способное трансформировать доступную ему материю, используя свой разум и воображение. Он не только может производить, он должен производить, чтобы жить. Однако материальное производство — это лишь самый общий символ плодотворности, как аспекта характера. «Плодотворная ориентация»³⁹ личности означает фундаментальную установку, способ отношений во всех сферах человеческого опыта, Она включает ментальную, эмоциональную и сенсорную реакции на других людей, на самого себя и на вещи. Плодотворность — это человеческая способность использовать свои силы и реализовать заложенные в человеке возможности. Если мы говорим, что он должен использовать свои силы, мы подразумеваем, что он должен быть свободен и независим от кого-то, кто контролирует его силы. Мы подразумеваем, следовательно, что он руководствуется разумом, поскольку можно использовать свои силы, только если знаешь, каковы они, как и для чего их использовать. Плодотворность означает, что человек воспринимает себя как воплощение своих сил и как «творца»; что он ощущает себя единым со своими силами и в то же время что они не скрыты и не отчуждены от него.

Чтобы избежать ложного понимания, к которому может склонить употребление термина «плодотворность», стоит кратко рассмотреть, что не следует считать плодотворностью.

Обычно слово «плодотворность» ассоциируется с творчеством, особенно с художественным творчеством. Подлинный художник, конечно, дает самый убедительный пример плодотворности. Но не все художники плодотворны: посредственная живопись, например, может демонстрировать всего лишь техническое умение воспроизвести на холсте фотографическое сходство. Но человек может воспринимать, видеть, чувствовать и думать плодотворно, не обладая даром творить что-то видимое или информативное. Плодотворность — это установка, к которой способно каждое человеческое существо, не искалеченное ментально и эмоционально.

Термин «плодотворный» также, бывает, смешивают с термином «активный», а

³⁹ Термин «плодотворность», используемый в данной книге, означает расширительное толкование понятия спонтанности, описанного в «Бегстве от свободы».

«плодотворность» — с «активностью». Хотя оба эти термина могут быть синонимами (например, в аристотелевской концепции деятельности) активность в современном смысле часто означает прямую противоположность плодотворности. Активность обычно определяют как поведение, вызывающее изменение существующей ситуации путем затраты энергии. И, напротив, человека считают пассивным, если он не в состоянии изменить существующую ситуацию или явно повлиять на нее, и подвергается влиянию или движим силами, внешними по отношению к нему. Это общепринятое понятие активности принимает в расчет только фактическую затрату энергии и вызванное ею изменение. Но не делает различия между основополагающими психическими факторами, управляющими активностью.

Примером, хотя и крайним, неплодотворной активности служит активность человека, действующего под гипнозом. У человека в глубоком гипнотическом трансе могут быть открыты глаза, он может ходить и что-то делать, он «действует». Общее определение активности вполне применимо к нему, поскольку происходит затрата энергии и изменения имеют место. Но если мы примем во внимание особый характер и качество этой активности, то обнаружим, что вовсе не загипнотизированный человек является действующим лицом, а гипнотизер, который благодаря своим актам внушения действует через него. Хотя гипнотический транс — это искусственное состояние, он дает крайний, но характерный пример ситуации, в которой человек может быть активен, и все же не он подлинный автор своей активности, к которой его принуждают силы, неподвластные ему.

Распространенным видом неплодотворной деятельности является реакция на тревогу, острую или хроническую, сознаваемую или бессознательную, которая часто лежит в основе безумной занятости людей в наше время. Об этой активности, мотивированной тревогой, отличается активность, основанная на подчинении или зависимости от авторитета, хотя часто они идут в паре. Авторитета могут страшиться, восхищаться им или «любить» его — обычно все три вида смешаны — но причиной активности, как по форме, так и по содержанию, является приказ авторитета. Человек активен, потому что этого хочет авторитет, и он делает то, чего хочет авторитет. Этот вид активности проявляется в авторитарном характере. Для него быть активным значит действовать во имя чего-то более высокого, чем собственное Я. Он может действовать во имя Бога, во имя прошлого или во имя долга, но не во имя себя. Авторитарный характер получает импульс к действию от высшей силы, неуязвимой и неизменной, и, следовательно, он не в состоянии прислушаться к спонтанным импульсам, идущим изнутри его самого.⁴⁰

Покорная активность сходна с активностью автомата. Здесь мы обнаруживаем зависимость скорее не от явного авторитета, а от авторитета анонимного, как он представлен в общественном мнении, в культурных моделях, в здравом смысле или в «науке». Человек чувствует или делает то, что ему полагается чувствовать или делать; его активность лишена непосредственности в том смысле, что она зависит не от его собственного ментального или эмоционального состояния, а от внешнего источника.

Иррациональные влечения входят в число самых мощных источников активности. Человек, движимый язвительностью, мазохизмом, завистью, ревностью и всеми другими формами алчности, находится в подчинении у своих влечений; его действия не свободны и не разумны, они противоположны разуму и интересам этого человека, как человеческого существа. Человек, одержимый этими влечениями, повторяет себя, становясь все более негибким, все более стереотипным. Он активен, но он не плодотворен.

Хотя источник этих действий иррационален, а действующий человек не свободен и не рационален, здесь возможны значительные практические результаты, часто приводящие к материальному успеху. Под понятием плодотворности мы имеем в виду не активность, необходимо приводящую к практическим результатам, а установку, способ реакции и

⁴⁰ Но авторитарный характер склонен не только подчиняться, он хочет еще и властвовать над другими. В действительности, у него наличествуют всегда и садистская, и мазохистская сторона, и они отличаются соответственно лишь уровнем их силы и их подавления. (См. Теории личности в западно-европейской и американской психологии. Самара, 1996. С.264-295).

ориентации в отношении мира и самого человека в процессе жизни. Мы имеем в виду характер человека, а не его успех.

Плодотворность — это реализация человеком присущих ему возможностей, использование своих сил. Но что такое «сила»? Ирония заключается в том, что это слово обозначает два противоположных понятия: силу — способность и силу — господство. Однако эта противоположность особого рода. Сила-господство действует, если парализована сила-способность. «Сила-господство» — это извращенная форма «силы-способности». Способность человека плодотворно использовать свои силы — это его потенция; неспособность — его бессилие. Силой своего разума он может проникнуть в глубь явлений и понять их сущность. Силой своей любви он может разрушить стену, отделяющую одного человека от другого. Силой своего воображения он может сделать зримыми вещи, еще не существующие; он может планировать и так начинает творить. Когда потенция отсутствует, человеческое отношение к миру извращается в желание господствовать, проявлять свою силу над другими, обращаться с ними, как с вещами. Господство идет в паре со смертью, потенция — с жизнью. Господство проистекает из бессилия и в свою очередь развивает это бессилие, ибо если индивид может заставить кого-то другого служить ему, все более и более парализуется его собственная потребность быть плодотворным.

Как человек относится к миру, когда использует свои силы плодотворно?

Внешний мир можно воспринимать двояко: репродуктивно, воспринимая реальность так же, как пленка воспроизводит сфотографированные вещи (хотя даже простое репродуктивное восприятие требует активного участия ума); и сознательно, постигая реальность, оживляя ее и воссоздавая этот новый материал посредством спонтанной активности своих ментальных и эмоциональных сил. Хотя до известной степени каждый человек реагирует и репродуктивно, и созидательно, удельный вес каждого вида восприятия далеко не одинаков. Иногда один из видов восприятия атрофируется, и изучение тех крайних случаев, в которых репродуктивный или созидательный способ восприятия почти отсутствует, дает наилучшую возможность понимания каждого из этих феноменов.

Относительная атрофия созидательной способности наиболее часто встречается в нашей культуре. Человек может осознавать вещи как они есть (или какими их принято считать в его культуре), но он не в состоянии оживить свое восприятие изнутри. Такой человек — совершенный «реалист», который видит все, что видимо на поверхности, но совершенно неспособен проникнуть вглубь, в сущность, и мысленно представить то, что еще не вышло на поверхность. Он видит детали, но не целое, видит деревья, но не лес. Реальность для него это только общая сумма того, что уже материализовалось. Такой человек не лишен воображения, но его воображение лишь переносит в будущее результаты перечисления и комбинирования уже известных и уже существующих факторов.

Человек, утративший способность репродуктивного восприятия действительности, — безумен. Психотик строит в своем внутреннем мире реальность, к которой он питает полное доверие; он живет в своем мире, а всеобщие факторы реальности, воспринимаемые всеми остальными людьми, для него нереальны. Когда человек видит предметы, не существующие реально, а целиком являющиеся продуктом его воображения, у него случаются галлюцинации; он интерпретирует события, полагаясь лишь на собственные чувства, не считаясь с тем или по крайней мере не осознавая разумно то, что происходит в реальности. Параноик может считать, что его преследуют, и в случайном замечании он может усмотреть намерение унижить его или погубить. Он убежден, что отсутствие какого бы то ни было достаточно очевидного или открытого проявления такого намерения ничего не доказывает; хотя замечание может казаться безобидным на поверхности, его истинный смысл становится ясным, если заглянуть «глубже». Для психотика актуальная реальность стерлась, и ее место заняла внутренняя реальность.

«Реалист» видит только поверхность вещей; он видит лишь проявленный мир, он может фотографически воспроизвести его в своем уме, он может действовать путем манипуляции вещами и людьми, как они предстают в этой картине. Безумец не в состоянии видеть реальность, как она есть; он воспринимает реальность только как символ и отражение его внутреннего мира. Оба — больны. Болезнь психотика, утратившего контакт с реальностью, такова, что он не может функционировать социально. Болезнь «реалиста» обедняет его как

человека. Хотя он не лишен дееспособности в своем социальном функционировании, его взгляд на реальность так искажен из-за отсутствия глубины и перспективы, что он впадает в заблуждение, когда дело касается чего-то большего, чем манипуляция непосредственными данными и достижение близлежащих целей. «Реализм» кажется прямой противоположностью безумию, и все же он лишь его дополнение.

Подлинная противоположность и «реализму», и безумию — это плодотворность. Нормальное человеческое существо в состоянии относиться к миру одновременно и воспринимая его данность, и постигая мир, оживив и обогатив его собственной энергией. Если одна из этих способностей атрофирована, человек болен; но нормальный человек обладает обеими способностями, хотя их удельный вес и различен. Наличие и репродуктивной, и созидательной способностей является исходным условием плодотворности; это противоположные полюса, взаимодействие которых является источником плодотворности. Последним утверждением я хочу подчеркнуть, что плодотворность это не сумма или комбинация обеих способностей, а нечто новое, порожденное их взаимодействием.

Мы описали плодотворность, как особый способ отношения к миру. Возникает вопрос, существует ли нечто, что плодотворная личность создает, и если да, то что это? Хотя плодотворный человек может создавать материальные вещи, произведения искусства и системы мысли, но куда более важным предметом плодотворности является сам человек.

Рождение — это всего лишь одна частная точка в континууме, который начинается зачатием и заканчивается смертью. Все, что заключено между двумя этими полюсами, составляет процесс рождения собственных возможностей, привнесение в жизнь всего, что потенциально заключено в двух клетках. Но если физический рост происходит сам по себе, разумеется, при наличии надлежащих условий, то процесс рождения на ментальном уровне, напротив, не происходит автоматически. Нужна плодотворная деятельность, чтобы дать жизнь эмоциональным и интеллектуальным возможностям, дать жизнь своему Я. Трагедия человеческой ситуации отчасти в том, что развитие Я никогда не бывает полным; даже при самых лучших условиях реализуется только часть человеческих возможностей. Человек всегда умирает прежде, чем успевает полностью родиться.

Не претендуя на изложение истории концепций плодотворности, я хочу дать несколько пояснений, которые могут помочь в дальнейшей работе с этим понятием. Плодотворность — одно из ключевых понятий аристотелевской системы этики. Добродетель можно определить, говорит Аристотель, принимая во внимание назначение человека. Как для флейтиста, скульптора или любого мастера благом считается наличие определенного назначения, которое отличает этих людей от других, и делает их тем, кто они есть, благо человека вообще заключается в определенном назначении, которое отличает его от других существ и делает его тем, что он есть, Такое назначение — «деятельность души, согласованная с суждением, или не без участия суждения»⁴¹. «И может быть, немаловажно следующее различие, — говорит он, — понимать ли под высшим благом обладание добродетелью или применение ее, склад души или деятельность. Ибо может быть так, что имеющийся склад (души) не исполняет никакого благого дела — скажем, когда человек спит или как-то иначе бездействует, — а при деятельности это невозможно, ибо она с необходимостью предполагает действие, причем успешное».⁴² Добродетельный человек, по Аристотелю, — это человек, своей деятельностью под руководством разума дающий жизнь присущим человеку возможностям.

«Под добродетелью и силой, — говорит Спиноза, — я понимаю одно и то же.⁴³ Свобода и блаженство состоят в понимании человеком себя и в его усилении стать тем, чем он является

⁴¹ Аристотель. Никомахова этика. 1098 а, 8.

⁴² Там же, 1098 в, 32-1099 а, 4.

⁴³ Спиноза. Этика. IV. Определение 8.

потенциально, приближаясь «все ближе и ближе к образцу человеческой природы».⁴⁴ Добродетель у Спинозы идентична использованию человеком своих сил, а порок — пренебрежению своими силами; сущность зла, согласно Спинозе, это бессилие.⁴⁵

б) плодотворная любовь и мышление

Человеческое существование характеризует тот факт, что человек одинок и обособлен от мира; не будучи в состоянии вынести обособленности, он вынужден искать родства и общности. Есть много способов реализовать эту потребность, но только один из них не приносит вреда человеку как уникальному существу; только один из них позволяет ему раскрыть свои силы в самом процессе отношений. Парадокс человеческого существования в том, что человек должен одновременно искать и близости, и независимости; общности с другими — и в то же время сохранения своей уникальности и особенности. Как мы показали, ответ на этот парадокс — и на моральную проблему человека — дает плодотворность.

Плодотворные отношения с миром могут осуществляться посредством деятельности и посредством постижения. Человек производит вещи, и в процессе созидания он применяет свои силы к материи. Человек постигает мир, ментально и эмоционально, при помощи любви и разума. Сила разума дает ему возможность проникать вглубь и постигать сущность предмета, вступая в активные отношения с ним. Сила его любви дает ему возможность разрушить стену, отделяющую одного человека от другого. Хотя любовь и разум — это всего лишь две различные формы постижения мира, и одна невозможна без другого, они являются выражениями различных сил, силы чувства и силы мышления, и, следовательно, их нужно рассматривать по отдельности.

Понятие плодотворной любви имеет мало общего с тем, что часто принято называть любовью. Вряд ли какое-нибудь другое слово окружено такой двусмысленностью и путаницей, как слово «любовь». Его используют для обозначения почти каждого чувства, не сопряженного с ненавистью и отвращением. Оно включает все: от любви к мороженому до любви к симфонии, от легкой симпатии до самого глубокого чувства близости. Люди чувствуют себя любящими, если они «увлечены» кем-то. Они также называют любовью свою зависимость и свое собственничество. Они в самом деле считают, что нет ничего легче, чем любить, трудность лишь в том, чтоб найти достойный предмет, а неудачу в обретении счастья и любви они приписывают своему невезению в выборе достойного партнера. Но вопреки всей этой путанице и принятию желаемого за должное, любовь представляет собой весьма специфическое чувство; и хотя каждое человеческое существо обладает способностью любить, осуществление ее — одна из труднейших задач. Подлинная любовь коренится в плодотворности, и поэтому собственно может быть названа «плодотворной любовью». Сущность ее одна и та же, будь это любовь матери к ребенку, любовь к людям или эротическая любовь между двумя индивидами. (Что сущность ее та же и в любви к другим, и в любви к себе, это мы рассмотрим позднее.) Хотя предметы любви различны, и соответственно различны глубина и качество любви к ним, определенные основные элементы присутствуют во всех формах плодотворной любви. Это — забота, ответственность, уважение и знание.

Забота и ответственность означают, что любовь — это деятельность, а не страсть, кого-то обуявшая, и не аффект, кого-то «захвативший».

Материнская любовь — самый общераспространенный и самый общепонятный пример продуктивной любви; сама ее сущность — забота и ответственность. Рождая ребенка, материнское тело «трудится» ради него, а после рождения материнская любовь состоит в напряженных усилиях взрастить дитя. Материнская любовь не зависит от того, удовлетворяет ли ребенок определенным требованиям, чтоб быть любимым; материнская любовь безусловна, основана только на материнском отклике на надобности ребенка. Неудивительно, что

⁴⁴ Там же, TV. Предисловие.

⁴⁵ Спиноза. Этика. IV. Теорема 20.

материнская любовь была в искусстве и религии символом высшей формы любви.

Но связь заботы и ответственности в любви между индивидами не столь очевидна; принято считать, что влюбленность — это уже вершина любви, в то время как на самом деле — это начало и только возможность обретения любви. Принято считать, что любовь — это результат таинственного влечения двух людей друг к другу, некое событие, совершающееся само собой. Да, одиночество и сексуальные желания делают влюбленность легким делом, и здесь нет ничего таинственного, но этот тот успех, который так же быстро уходит, как и пришел. Случайно любимыми не становятся; твоя собственная способность любить вызывает любовь так же, как и заинтересованность делает человека интересным. Людей беспокоит вопрос, привлекательны ли они, при этом забывается, что суть привлекательности — в их собственной способности любить. Любить человека плодотворно значит заботиться о нем и чувствовать ответственность за его жизнь, не только за его физическое существование, но и за развитие всех его человеческих сил. Плодотворная любовь несовместима с пассивностью, со сторонним наблюдением за жизнью любимого человека; она означает труд, заботу и ответственность за его развитие.

Несмотря на универсалистский дух монотеистических западных религий и прогрессивные политические концепции, обобщенные в идее, что «все люди сотворены равными», любовь к человечеству еще не стала привычным делом. На любовь к человечеству смотрят, как на достижение, в лучшем случае, следующее за любовью к индивиду, или как на абстрактное понятие, осуществимое лишь в будущем. Любить одного человека — значит быть связанным с его человеческой сутью, с ним, как с представителем человечества. Любовь к одному индивиду, если она отделена от любви к людям, можно отнести лишь к чему-то поверхностному и случайному; она непременно остается чем-то мелким. Хотя можно сказать, что любовь к взрослому человеку отличается от материнской любви настолько же, насколько взрослый человек отличается от беспомощного ребенка, все же следует сказать, что это отличие носит лишь условный характер. Все люди нуждаются в помощи и зависят друг от друга. Человеческая солидарность — это необходимое условие раскрытия любой единичной индивидуальности.

Забота и ответственность — составные элементы любви, но без уважения и знания любимого человека любовь вырождается в господство и собственничество. Уважение — это не страх и не благоговение; оно обозначает способность видеть человека таким, каков он есть, понимать его индивидуальность и уникальность. Нельзя уважать человека, не зная его; забота и ответственность были бы слепы, если бы их не направляло знание индивидуальности человека.

Для понимания плодотворного мышления предварительно следует уточнить различие между разумом и сообразительностью.

Сообразительность — это человеческий инструмент достижения практических целей, дающий возможность раскрыть те стороны вещей, знание которых необходимо для манипуляции вещами. Сама цель или, — что то же самое, — предпосылки, на которых покоится «сообразительное» мышление, не подлежат сомнению, признаются само собой разумеющимися и как таковые могут быть или не быть рациональными. Это частное свойство понимания особенно ясно видно в его крайнем проявлении в случае параноика. Например, его исходная посылка, что все люди в заговоре против него, — иррациональна и ложна, но его мыслительные процессы, построенные на этой предпосылке, могут сами пр себе продемонстрировать замечательную сообразительность. В своей попытке доказать этот параноидальный тезис он приводит в связь факты наблюдений и делает логические заключения, зачастую столь убедительные, что трудно доказать иррациональность его исходной посылки. Использование обычной сообразительности при решении проблем, конечно, несводимо к таким патологическим феноменам. По большей части наше мышление необходимо связано с достижением практических результатов, с количественными и «поверхностными» аспектами явлений, оно не вдается в проблему правильности полагаемых целей и предпосылок и не пытается понять природу и качество явления.

Разум имеет третье измерение — глубину, благодаря которой он проникает в суть вещей и процессов. Не будучи оторванным от практических жизненных целей (и я покажу сейчас, в каком смысле это верно), он представляет собой не просто инструмент непосредственного действия. Его назначение — познавать, понимать, схватывать суть, вступать в отношения с

вещами путем постижения их. Он проникает вглубь вещей, чтобы раскрыть их сущность, их скрытые связи и не лежащие на поверхности значения, их «смысл». Он не двумерен, а, так сказать, «перспективен», по выражению Ницше; то есть, он схватывает все возможные перспективы и измерения, а не только практически уместные. Иметь дело с сущностью вещей — значит иметь дело не с чем-то «за» вещами, а с существенным, родовым и всеобщим, с наиболее общими и распространенными чертами явлений, освобожденными от всего поверхностного и случайного (не поддающегося логическому учету).

Теперь мы можем приступить к рассмотрению некоторых более специфических свойств плодотворного мышления. При плодотворном мышлении субъект не безразличен к предмету, а находится под его воздействием и заинтересован в нем. Предмет не воспринимается как что-то мертвое и отчужденное от себя и твоей жизни, как что-то, о чем ты думаешь только отстраненно; напротив, субъект глубоко заинтересован в своем предмете, и чем теснее они связаны, тем плодотворнее работает мышление субъекта. Именно взаимосвязь между субъектом и объектом стимулирует мышление сильнее всего. Для субъекта человек или любое явление становятся объектом мышления потому, что они ему интересны, с точки зрения его индивидуальной жизни или с точки зрения его человеческого существования.

В процессе плодотворного мышления думающий мотивирован своим интересом к объекту; он захвачен им и взаимодействует с ним; он заботится о нем и отвечает за него. Но плодотворное мышление характеризуется еще и объективностью, уважением думающего к своему объекту, способностью видеть объект таким, каков он в действительности, а не таким, каким хотелось бы думающему. Эта полярность между объективностью и субъективностью характерна для плодотворного мышления, как и для плодотворности вообще.

Быть объективным можно, только если мы уважаем вещи, которые наблюдаем; т.е., если мы способны видеть их в их уникальности и взаимосвязи. Такое уважение по существу не отличается от уважения, которое мы рассматривали в связи с любовью; в той мере, в какой я хочу понять нечто, я должен уметь видеть его таким, каково оно по своей природе; хотя это верно в отношении всех объектов мысли, это особенно важно при исследовании человеческой природы.

Другой аспект объективности дает о себе знать, когда плодотворное мышление имеет дело с живыми и неживыми объектами; речь идет о видении целостности феномена. Если наблюдатель изолированно рассматривает один аспект объекта, не видя целого, он не сумеет надлежащим образом понять даже один этот аспект. На это, как на наиболее важный элемент плодотворного мышления, указал Вертхеймер. «Природа плодотворных процессов, — пишет он, — часто такова: сбор данных и исследование начинается с желания достичь действительного понимания. Определенная область в зоне рассмотрения становится решающей, на ней сосредотачивается внимание; но она не изолируется от других областей. Развивается новый, углубленный структурный подход к ситуации, включающий изменение значения функций, классификацию данных и т.д. Руководствуясь тем, чего требует структура ситуации в решающей области, разум вырабатывает приемлемый прогноз, который — как и другие части структуры — нуждается в прямой или непрямой верификации. Имеют место два направления: получение логичной картины целого и уяснение того, какие требования структура целого предъявляет к его частям».

Объективность требует не только видеть объект таким, каков он есть, но и видеть себя, каков ты есть, т.е. осознавать, каким образом ты, как изучающий, связан с объектом своего изучения. Плодотворное мышление, следовательно, определяется природой объекта и природой субъекта, вступающего во взаимоотношения с объектом в процессе мышления. Эта двойная детерминация и составляет объективность, в отличие от ложной субъективности, когда мыслящий не контролирует себя соотносением с объектом, и в результате мышление вырождается в предвзятое мнение, в принятие желаемого за должное, в фантазию. Но объективность не является, как это часто подразумевается в связи с ложной идеей «научной» объективности, синонимом абстрактности, отсутствия интереса и заботы. Как можно проникнуть сквозь поверхностную оболочку вещей в их причины и взаимосвязи, не имея живого и достаточно сильного интереса к такой трудной задаче? Как могут цели исследования формулироваться без учета интересов человека? Объективность означает не отстраненность, а

уважение, т.е. способность не искажать и не фальсифицировать вещи, людей, себя. Но не субъективный ли подход наблюдателя, не его ли интересы служат причиной искажения мышления во имя получения желаемых результатов? Разве не отсутствие личного интереса служит условием научного исследования? Идея, что отсутствие заинтересованности является условием достижения истины, это ложная идея. Вряд ли найдется какое-либо значительное открытие или изобретение, на которое мыслителя не вдохновил его интерес. В самом деле, без заинтересованности мышление становится бесплодным, имеет место интерес или нет, а в том, какого он сорта и какова его связь с истиной. Всякое плодотворное мышление стимулируется интересом изучающего. Не интерес сам по себе извращает идеи, а лишь те интересы, которые несовместимы с истиной, с раскрытием природы объекта в результате изучения.

Утверждение, что плодотворность — это внутренне присущая человеку способность, вступает в противоречие с идеей, что человек от природы ленив, и к активности его нужно понуждать. Это старая мысль.

Наша культура, кажется, дает наглядный пример прямо противоположного. В течение последних столетий человек Запада был одержим идеей труда, потребностью в постоянной деятельности. Он почти не способен оставаться без дела хоть на короткое время. Однако это лишь видимость. Лень и вынужденная активность являются не противоположностями, а двумя симптомами нарушения правильного функционирования человека. У невротика мы часто обнаруживаем в качестве основного симптома неспособность выполнять работу; а у так называемого заорганизованного человека — неспособность наслаждаться досугом и покоем. Вынужденная активность не противоположная лени, а является ее дополнением, и обе противоположны плодотворности.

Если плодотворная активность парализована, это ведет к неактивности и сверхактивности; Голод и принуждение никогда не бывают условиями плодотворной деятельности. И напротив, свобода, материальная обеспеченность и организация общества, в котором труд может быть полным смысла проявлением способностей человека, составляют факторы, способствующие проявлению естественного человеческого стремления плодотворно употребить свои силы. Плодотворная деятельность характеризуется ритмичной сменой активности и покоя. Плодотворный труд, любовь и мышление возможны, только если человек может, когда необходимо, оставаться в покое и наедине с самим собой. Возможность прислушаться к самому себе — это предпосылка возможности услышать других; быть в мире с самим собой — это необходимое условие взаимоотношений с другими людьми.

Ориентация в процессе социализации

Как отмечалось в начале данной главы, жизненный процесс предполагает два вида отношений с внешним миром — ассимиляцию и социализацию.

Мы можем выделить следующие виды межличностных отношений: симбиотический союз, отстраненность-деструктивность; любовь.

В симбиотическом союзе человек соединен с другими, но утрачивает или никогда не обретает своей независимости; он убегает от опасности одиночества, становясь частью другого человека, «поглощаясь» этим человеком, или «поглощая» его сам. Первый случай описывается в клинической практике как мазохизм. Мазохизм — это попытка человека избавиться от своего индивидуального Я, убежать от свободы и обрести безопасность, привязывая себя к другому человеку. Формы, какие принимает такая зависимость, многочисленны. Она может рационализироваться, как жертва, долг или любовь, особенно когда система культуры узаконивает такой вид рационализации. Иногда мазохистские устремления так сильно конфликтуют с теми частями личности, которые устремляются к независимости и свободе, что последние воспринимаются как причиняющие боль и мучения.

Стремление поглотить других, садизм, активная форма симбиотической зависимости, выступает во всех видах рационализации как любовь, сверхпокровительство, «оправданное» превосходство, «оправданная» месть и т.д.; она также выступает в соединении с сексуальными влечениями как сексуальный садизм. Все формы садистского побуждения восходят к

стремлению обрести полное господство над другим человеком, «поглотить» его и сделать беспомощным объектом чужой воли. Полное господство над бессильным человеком — это сущность активного симбиотического союза. Человек, над которым властвуют,, воспринимается и рассматривается как вещь для использования и эксплуатации, а не как человеческое существо, являющееся целью само по себе. Чем более эта жажда господства соединена с деструктивностью, тем более она жестока; но и благосклонное господство, часто выступающее под маской «любви», — это тоже проявление садизма. Хотя благосклонный садист хочет, чтоб его объект был богатым, сильным, преуспевающим, есть одна вещь, которой он всеми силами старается помешать: чтобы его объект стал свободным и независимым и, следовательно, перестал принадлежать садисту.

В то время как симбиотические отношения демонстрируют тесную связь и близость с объектом, хотя и за счет свободы и целостности, отношения второго вида основаны на дистанции, отстраненности и деструктивности. Чувство индивидуального бессилия может быть преодолено посредством отстраненности от других людей, воспринимаемых как угроза. В известной мере отстраненность является частью нормального ритма во всех отношениях человека с миром, она необходима для сосредоточения, для умственной работы, для обработки материалов, мыслей, установок. Но в описанном здесь феномене отстраненность становится главной формой связи с другими людьми, так сказать, отрицающей связью. Ее эмоциональный эквивалент — чувство безразличия к другим, часто сопровождающееся компенсаторным чувством непомерного самомнения. Отстраненность и безразличие могут быть, но не обязательно бывают, осознанными; как правило, в нашей культуре они в большинстве случаев скрываются за поверхностным интересом и общительностью.

Деструктивность — это активная форма отстраненности; импульс к разрушению других проистекает из страха быть разрушенным ими. Поскольку отстраненность и деструктивность соответственно представляют пассивную и активную формы одного и того же отношения, они часто в различных пропорциях смешаны вместе. Однако различия между ними больше, чем между активной и пассивной формами симбиотического союза. Деструктивность является результатом более интенсивной и более полной блокировки плодотворности, чем отстраненность. Это извращение жизненного импульса, энергия неизжитой жизни, трансформированная в энергию, направленную на разрушение жизни.

Любовь представляет собой плодотворную форму отношения к другим и к самому себе. Она предполагает заботу, ответственность, уважение и знание, а также желание, чтобы другой человек рос и развивался. Это проявление близости между двумя человеческими существами при условии сохранения целостности каждым из них.

Как явствует из вышеизложенного, должно существовать определенное сродство между различными формами ориентации соответственно в процессах ассимиляции и социализации. Предложенная схема представляет картину рассмотренных ориентации и сродства между ними.⁴⁶

⁴⁶ Значение понятий, заключенных в скобки, будет объяснено в следующем разделе.

Ассимиляция		Социализация		
I. Непогодворная ориентация:				
а) Рецептивная (берущая)		Мазохистская (преданность)		Симбиоз
б) Эксплуататорская (овладевающая)		Садистская (авторитет)		
в) Стяжательская (сберегающая)		Деструктивная (настойчивость)		Отстранен
г) Рыночная (обменивающая)		Безразличная (честность)		
II. Плодотворная ориентация:				
Деятельная		Любящая		Разумная

Ограничусь кратким комментарием. Рецептивная и эксплуататорская установки по виду межличностных связей отличаются от стяжательской. И рецептивная и эксплуататорская установки предполагают определенный вид близости и тесного контакта с людьми, от которых надеются получить нужное или мирным путем, или агрессивно. При рецептивной установке доминирующее отношение — подчиненность, мазохистское отношение: если я подчиняюсь более сильному человеку, он дает мне все, что мне нужно. Другой человек воспринимается как податель всех благ, и в симбиотическом союзе один получает все необходимое от другого. Эксплуататорская же установка подразумевает обычно садистский тип отношений: если я силой отбираю у другого человека то, что нужно мне, я должен управлять им и сделать его бессильным объектом моей власти.

В отличие от обеих этих установок стяжательское отношение предполагает отстраненность от других людей. Оно основывается не на ожидании получить вещи из внешнего источника всех благ, а на ожидании, что их можно накопить, не расходуя. Любого тесный контакт с внешним миром представляет угрозу для этого вида самодостаточной системы безопасности. Стяжательский характер будет склонен разрешать проблему взаимоотношений с другими путем отстраненности или — если внешний мир кажется слишком огромным и грозным — путем разрушения.

Рыночная ориентация также основывается на отдаленности от других людей, но в отличие от стяжательской ориентации, отдаленность здесь принимает скорее дружественную, а не деструктивную форму. Сам принцип рыночной ориентации предполагает легкость контактов, поверхностность связей, а отдаленность от других существует лишь в более глубокой эмоциональной сфере.

Сочетание различных ориентации

Описывая различные виды неплодотворных ориентации и плодотворную ориентацию, я подходил к ним как к обособленным явлениям ради того, чтоб яснее указать на их отличие друг от друга. Такая трактовка представляется необходимой из дидактических соображений,

поскольку нам надо понять природу каждой ориентации, прежде чем мы сможем приступить к пониманию их сочетаний, ведь характер никогда не являет какую-нибудь одну из неплодотворных ориентации или исключительно плодотворную ориентацию.

Среди комбинаций различных ориентации нам нужно ввести разграничение между сочетанием неплодотворных ориентации между собой и сочетанием неплодотворной ориентации с плодотворной. Некоторые из первых имеют определенное сродство друг с другом; например, рецептивная чаще соединяется с эксплуататорской, чем со стяжательской. Рецептивную и эксплуататорскую ориентации объединяет тесный контакт с объектом, в то время как стяжательской ориентации свойственна отстраненность от объекта. Тем не менее, часто вступают в сочетание и менее сходные ориентации. Если мы хотим охарактеризовать человека, нужно, как правило, определить, какая ориентация у него доминирует.

Сочетание неплодотворной и плодотворной ориентации требует более тщательного рассмотрения. Нет человека, чья ориентация целиком плодотворна, и нет человека, полностью лишенного плодотворности. Но удельный вес плодотворной и неплодотворной ориентации в характере каждого человека варьируется и определяется качеством неплодотворных ориентации. В вышеизложенном описании неплодотворных ориентации мы исходили из того, что они доминируют в характере. Теперь мы должны дополнить это описание, признав, что определенные качества неплодотворных ориентации имеют место и в характере, где доминирует плодотворная ориентация. Здесь неплодотворные ориентации не имеют негативного значения, как при их доминировании в характере, а различаются по их конструктивным качествам. Фактически, описанные неплодотворные ориентации можно рассматривать как искажения ориентации, которые являются сами по себе нормальной и необходимой частью жизни. Каждое человеческое существо, чтобы выжить, должно обладать способностью брать вещи от других людей, овладевать вещами, сберегать их и обменивать. Человек должен также обладать способностью следовать авторитету, руководить другими людьми, оставаться в одиночестве и отстаивать себя. Только если его способ обретения вещей и взаимоотношений с другими людьми по существу неплодотворен, то способность брать, овладевать, сберегать и обменивать превращается в жажду потреблять, эксплуатировать, стяжать, торговать, и это становится доминирующим способом жизни. Формы социальных установок у человека, по преимуществу ориентированного плодотворно, — преданность, авторитетность, честность, настойчивость превращаются в подчиненность, господство, отстраненность, деструктивность у человека с преимущественной неплодотворной ориентацией. Всякая неплодотворная ориентация, следовательно, имеет положительную и отрицательную стороны, в соответствии с уровнем плодотворности в целостной структуре характера. Предложенный перечень положительных и отрицательных сторон различных ориентации может служить иллюстрацией данного принципа.

РЕЦЕПТИВНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ (берущая)

Положительная сторона — Отрицательная сторона

берущая — пассивная, безынициативная

ответственная — бездумная, бесхарактерная

почтительная — подчиненная

скромная — лишенная гордости

обаятельная — паразитическая

сговорчивая — беспринципная

социально приспособленная — рабская, лишенная уверенности в себе

идеалистическая — нереалистическая

восприимчивая — трусливая

вежливая — бесхребетная

оптимистичная — принимающая желаемое за должное

доверчивая — легковверная

нежная — сентиментальная

ЭКСПЛУАТАТОРСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ (овладевающая)

Положительная сторона — Отрицательная сторона

активная — эксплуатирующая
 способность взять инициативу — агрессивная
 способная предъявить требования — эгоцентричная
 горделивая — самодовольная
 импульсивная — безрассудная
 уверенная в себе — высокомерная
 пленяющая — обольщающая

СТЯЖАТЕЛЬСКАЯ ОРИЕНТАЦИЯ (сберегающая)

Положительная сторона — Отрицательная сторона

практичная — без воображения
 экономичная — жадная
 осторожная — подозрительная
 сдержанная — холодная
 терпеливая — заторможенная
 внимательная — тревожная
 стойкая, упорная — упрямая
 невозмутимая — ленивая
 устойчивая к стрессу — инертная
 аккуратная — педантичная
 методичная — вязкая
 преданная — собственническая

РЫНОЧНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ (обменивающаяся)

Положительная сторона — Отрицательная сторона

целеустремленная — пользующаяся случаем
 готовая к обмену — непоследовательная
 молодежавая — ребячливая
 устремленная вперед — не считающаяся с будущим или прошлым
 свободномыслящая — без принципов и ценностей
 общительная — неспособная к уединению
 экспериментирующая — бесцельная
 недогматичная — релятивистская
 действенная — сверхактивная
 любознательная — бестактная
 понятливая — умничающая
 контактная — неразборчивая
 терпимая — безразличная
 остроумная — глуповатая
 щедрая — расточительная

Положительная и отрицательная стороны не являются двумя отдельными классами синдромов. Каждую из этих черт можно представить превалирующей в данный момент точкой в континууме, который задан уровнем плодотворной ориентации; рациональная систематическая аккуратность, например, имеет место при высоком уровне плодотворности, а если плодотворность снижается, эта черта характера все более вырождается в иррациональную, педантическую навязчивую «аккуратность», которая фактически отрицает сама себя. То же самое и с молодежностью, превращающейся в ребячливость, и в горделивостью, превращающейся в самодовольство. Если учитывать только основные ориентации, мы видим колеблющийся итог вариативности, вызванный тем, что:

- 1) неплодотворные ориентации соединяются в различные комбинации, в зависимости от удельного веса каждой из них;
- 2) каждая из них качественно изменяется соответственно уровню наличествующей

плодотворности;

3) различные ориентации могут действовать с разной силой в материальной, эмоциональной или интеллектуальной сферах деятельности.

Если мы добавим к этой картине личности различие в темпераменте и одаренности, то можем легко понять, что конфигурация этих основных элементов в личности может проявляться в бесконечном числе вариаций.

Вера как черта характера

Вера заключается в признании утверждений души; отсутствие веры — в их отрицании.

Эмерсон

Вера вовсе не является понятием, соответствующим интеллектуальному климату современности. Обычно это понятие ассоциируется с верой в Бога и с религиозными доктринами, в противоположность рациональному и научному мышлению. Последнее, как считают, относится к области фактов, в отличие от области трансцендентного, в которой научному мышлению нет места и которая есть лишь область действия веры. Для многих такое противопоставление представляется несостоятельным. Если веру нельзя согласовать с рациональным мышлением, она должна быть элиминирована как анахронизм, пережиток более ранних стадий культурного развития человечества и замещена наукой, оперирующей фактами и теориями.

Может ли человек жить без веры? Не передается ли вера «с молоком матери»? Разве мы не должны верить нашим друзьям, тем, кого мы любим, и разве не должны верить в самих себя? Можем ли мы жить без веры в действенность норм нашей жизни? Действительно, без веры человек становится пустым, теряет надежду и боится самого своего существования.

Для более ясного понимания настоящей проблемы, может быть, лучше начать с обсуждения проблемы сомнения. Сомнение тоже обычно понимается как сомнение в чем-то — будь то какое-либо предположение, та или иная идея или какой-нибудь человек; но оно также может рассматриваться и как установка, пропитывающая насквозь человеческую личность, так что собственно объект сомнения имеет лишь второстепенное значение. Чтобы понять этот феномен, следует провести различие между рациональным и иррациональным сомнением. А потом я попробую таким же образом разобраться и с верой.

Иррациональное сомнение — это не реакция сознания на какое-либо ложное или откровенно ошибочное предположение, а скорее такое сомнение, которым, эмоционально и интеллектуально, окрашена вся жизнь человека. Для него ни в одной области деятельности не существует ничего, обладающего свойством достоверности; все подвергается сомнению, ни в чем нет уверенности.

Наиболее крайней формой иррационального сомнения является невротически обусловленное сомнение. Человек, обуреваемый им, принужден сомневаться во всем, чтобы он ни думал или ни делал. Сомнению часто подвергаются наиболее важные жизненные вопросы, но часто сомнения мучат и по пустякам: какое, например, платье надеть, пойти или нет в гости и т.п. Однако в любом случае, безотносительно к объекту сомнения — важный он или пустячный, — сомнение мучительно для человека, изнуряет его.

Психоаналитическое изучение механизма невротического сомнения показывает, что оно рационализирует бессознательный эмоциональный конфликт, основой которого являются недостаточная интегрированность личности, а также чрезмерное чувство бессилия и беспомощности. Только осознав источник сомнения, может человек справиться с парализацией воли, которая как раз и проистекает из переживания внутреннего бессилия. Если настоящая причина не осознается, человек находит какое-то иное решение, которое, хотя и неудовлетворительно, все-таки позволяет снять состояние мучительного сомнения. Одним из таких псевдорешений может быть, например, вынужденная деятельность, в которой человек находит облегчение хотя бы на время. Другим может стать принятие той или иной «веры», в

которой человек, так сказать, топит свои сомнения.

В наше время типичной формой сомнения является, однако, не активная, описанная мною выше, а скорее установка индифферентности: все возможно, нет ничего определенного. Растет число людей, которые сомневаются во всем — в работе, в политике, в морали, но, что хуже всего, эти люди думают, будто такое состояние является нормальным состоянием ума. Они чувствуют себя одинокими, сбитыми с толку, бессильными изменить что-либо; в жизни они полагаются не на собственные мысли, эмоции, ощущения, а следуют официально принятым стандартам, что от них и ожидается. Хотя активное сомнение этим людям-автоматам не присуще, его место занимает индифферентность и релятивизм.

В противоположность иррациональному сомнению рациональное сомнение относится к тем требованиям, положениям и нормам, признание которых зависит от веры в авторитет, а не вытекает из собственного опыта. Этот тип сомнения играет важную роль в становлении личности. Ведь ребенок сначала усваивает какие-то идеи и требования, полагаясь на непререкаемый авторитет родителей. Затем, постепенно обретая самостоятельность, независимость от их авторитета, он начинает проявлять ко всему критическое отношение. Процесс взросления ребенка начинается с того, что он высказывает сомнение относительно того, что раньше принимал на веру; и чем взрослее становится ребенок, чем большую независимость от своих родителей он проявляет, тем больше развивается в нем критическая способность.

Рациональное сомнение в исторической ретроспективе стало одной из главных движущих сил современного стиля мышления и наиболее плодотворным импульсом для развития современной философии и науки. Здесь тоже, как и в случае индивидуального развития, рациональное сомнение было связано с освобождением от авторитета церкви и государства.

Что касается веры, то я хотел бы и здесь провести различие, которое было сделано в отношении сомнения: между иррациональной и рациональной верой. Под иррациональной верой я понимаю веру в личность, идею или символ, основанную не на собственном интеллектуальном или чувственном опыте, а на эмоциональном подчинении некоему иррациональному авторитету.

Прежде чем продолжить, остановимся подробнее на связи между подчинением и интеллектуальными и эмоциональными процессами. Многочисленные данные свидетельствуют, что человек, отказавшийся от своей внутренней независимости и подчинившийся какому-либо авторитету, стремится подменить собственный жизненный опыт требованиями авторитета. Наиболее выразительным примером может быть ситуация гипноза, в которой человек подчиняется воле другого лица и, находясь в состоянии гипнотического сна, готов думать так и чувствовать то, как и что внушает ему гипнотизер. Даже после выхода из состояния гипнотического сна он продолжает следовать указаниям, внушенным ему гипнотизером, хотя думает при этом, что действует исключительно по собственному разумению и инициативе. Если, например, гипнотизер внушит ему, что в определенный час ему станет холодно и ему придется надеть пальто, то и в постгипнотическом состоянии он ощутит внушенное ему перед тем состояние и выполнит соответствующие действия, будучи при этом убежденным, что и испытываемое им ощущение и действия обусловлены реальной действительностью и его собственным волеизъявлением.

Хотя ситуация гипноза представляет собой наиболее яркий пример, демонстрирующий взаимосвязь между подчинением авторитету и мыслительными процессами, тем не менее и в большинстве относительно простых ситуаций обнаруживается тот же механизм. Реакция людей на вождя, обладающего большой силой внушения, — пример такой полугипнотической ситуации. В этом случае тоже безоговорочное принятие его идей происходит не на основе убежденности слушателей, предполагающей их собственные размышления или критическую оценку идей, а на их эмоциональном подчинении оратору. В такой ситуации у людей возникает иллюзия согласия с высказанными идеями, иллюзия их рационального одобрения. В действительности же ситуация прямо обратная: люди принимают его идеи потому, что уже подчинились его авторитету в полугипнотическом состоянии. Гитлер дал неплохое описание этого процесса в своих комментариях к рекомендациям по проведению пропагандистских митингов преимущественно в вечерние часы. Он говорил, что «высший ораторский талант

властной апостольской натуры заключается в том, что именно в это время (вечером) ему удастся легче всего и наиболее естественным образом покорить новой воле людей, которые ощущают в себе слабую силу сопротивления, чем покорять людей, которые еще в полной мере обладают сильной волей и в ком в полную меру звучит собственный голос».

Для иррациональной веры высказывание «Верю, потому что нелепо» — имеет полную психологическую обоснованность. Если кто-либо делает заявление, звучащее вполне разумно, он вполне ординарен, ничем не отличается от других людей. Если же, однако, он осмелится высказать нечто с точки зрения разума абсурдное, то самим уже этим фактом он показывает, что выходит за пределы обыденного здравого смысла и обладает некой магической силой, властью, возвышающей его над обычным человеком.

Самый яркий пример современной иррациональной веры — вера в лидера диктаторского режима. Ее защитники пытаются доказывать подлинность этой веры апелляцией к факту, что миллионы готовы отдать за нее свою жизнь. Если веру определять в терминах слепой преданности человеку или делу, измеряемой готовностью отдать за них свою жизнь, то поистине вера пророков в справедливость и любовь и вера других во власть силы была бы в основе своей одной и той же, различаясь лишь по объекту. Тогда вера борцов за свободу и вера их угнетателей различалась бы лишь постольку, поскольку была бы в верой в разные идеи.

Иррациональная вера — это фанатическая убежденность в чем-то или в ком-то, суть которой в подчиненности личному или внеличному иррациональному авторитету. Рациональная вера, напротив, есть твердое убеждение, основанное на продуктивной интеллектуальной и эмоциональной активности. В структуре рационального мышления, в которой, как предполагается, нет места вере, рациональная вера является как раз важной составляющей. Как, например, ученый приходит к новому открытию? Неужели он проводит эксперимент за экспериментом, собирает факт за фактом, не полагая мысленно того, что стремится найти? Важные открытия подобным образом совершались крайне редко. Да и вряд ли вообще возможно прийти к каким-то важным выводам, решениям, если просто гоняться за пустыми фантазиями. Процесс творческого мышления в любой области человеческих стремлений часто начинается с того, что можно было бы назвать «рациональным предвидением», которое является результатом определенной предшествующей стадии изучения, рефлексивного мышления и наблюдения. Когда ученый успешно собирает эмпирические данные, или выводит математическую формулу, или и то и другое, то чтобы сделать свое первоначальное предвидение более правдоподобным, он, как говорят в таких случаях, высказывает рабочую гипотезу. Тщательный анализ этой гипотезы с целью проверки ее применений и многочисленных данных, подтверждающих ее, приводит к созданию более адекватной гипотезы, а в конечном итоге, возможно, и к ее включению в более широкую теорию.

История науки полна примерами веры в разум и предсказание истины. Коперник, Кеплер, Галилей, Ньютон — каждого из них вдохновляла непоколебимая вера в разум. За нее Бруно был сожжен на костре, а Спиноза изгнан из общины. На каждом этапе, с выдвижения гипотезы до момента формулирования теории, необходима вера: вера в предвидение как рационально обоснованную цель, вера в гипотезу как в вероятный и правдоподобный проект и вера в созданную теорию, по крайней мере до того момента, пока не будет достигнут консенсус относительно ее обоснованности и доказательной силы. Такая вера базируется на собственном опыте, уверенности в силе разума, наблюдении и рассуждении. Если иррациональная вера принимает нечто за истину только потому, что либо большинство, либо некий авторитет считают это истиной, то рациональная вера предполагает независимость убеждений, основанных на собственном продуктивном наблюдении и размышлении.

Рассудок и разум — не единственные сферы опыта, где проявляется рациональная вера. В сфере человеческих отношений вера — необходимая предпосылка и искренней дружбы и любви. «Верить» в другого человека — значит быть уверенным в надежности и неизменности его основополагающей установки, в надежности и неизменности его личности. Этим я не хочу сказать, что человек не может менять свои мнения, но что его основополагающие, глубинные мотивации не подвержены изменениям; например, что его способность уважать человеческое достоинство является неизменной частью его личности.

В этом же смысле мы верим и в самих себя. Мы осознаем собственное существование и сущность своей личности как неизменные на протяжении всей нашей жизни, несмотря на различные обстоятельства и несмотря на изменчивость мнений и чувств. Это та самая реальность, которая стоит за словом «я» и на которой основана наша уверенность в собственной идентификации. Если бы мы не верили в постоянство нашей личности, наше чувство идентификации оказалось бы под угрозой, так что мы рисковали бы впасть в зависимость от других людей, чье одобрение стало бы основой нашей самоидентификации. Только человек, имеющий веру в самого себя, способен верить в других людей, потому что только такой человек может быть уверен, что и в будущем он будет таким же, как теперь, а значит, будет чувствовать и действовать так, как предполагает теперь. Вера в себя есть условие нашей способности давать обещания, и, поскольку, как заметил Ницше, человека можно определить по его способности давать обещания, она и является одним из условий человеческого существования.

Еще одно значение понятия веры в человека заключается в той вере, которую мы проявляем в отношении возможностей других людей, своих собственных и даже всего человечества. Наиболее рудиментарной формой существования этого типа веры является вера матери в своего новорожденного, а именно что он будет жить, расти, ходить и говорить. Но развитие ребенка в этом отношении совершается со столь неуклонной регулярностью, что, по-видимому, не требует никакой веры. Эти возможности развития отличаются от тех, которые могут не получить развития: к таковым относятся возможности ребенка любить, быть счастливым, мыслить самостоятельно, а также его отличительные способности, например артистические данные. Они — как семена, которые прорастают и становятся растением, если существуют подходящие условия для их развития, если же таковых условий не будет, возможность их развития будет задушена в самом зародыше. Одним из важнейших условий является вера взрослых в реализацию и развитие способностей ребенка. Наличие этой веры отличает процесс образования ребенка от процесса манипулирования им. Образование — это оказание помощи ребенку в процессе реализации его возможностей. Противоположностью образования является манипулирование, которое основано на отсутствии веры в развитие возможностей ребенка и на убеждении, что с ним все будет в порядке, если взрослые втолкуют ему то, что представляется им желательным, и отсекут все, что кажется им нежелательным. Здесь нет самой потребности в вере, как нет нужды верить в работа, поскольку в обоих одинаково нёт жизни.

Вера в человечество — это кульминация веры в других. В религиозных терминах эта вера выражается на Западе в форме иудео-христианской религии, в терминах же мирского языка она нашла свое наиболее сильное выражение в прогрессивных политических и социальных идеях последних 150 лет. Как и вера в ребенка, эта вера опирается на идею, что возможности человека таковы, что при соответствующих условиях люди будут способны создать социальный порядок на принципах равенства, справедливости и любви. Но человек еще не построил такое общество, а потому его убежденность в том, что он может его построить, требует от него веры. Но, как и всякая рациональная вера, эта вера тоже не принимает желаемое за действительное, а опирается на прошлые достижения человечества, на личный жизненный опыт каждого человека — на его опыт мышления и любви.

Если иррациональная вера основана на подчинении силе, которая воспринимается как совершенно непреодолимая, всеведущая и всемогущая, то рациональная вера опирается на прямо противоположный опыт. Мы имеем эту веру в силу разума потому, что она является результатом нашего собственного наблюдения и размышления. Мы верим в возможности других, в свои собственные, возможности всего человечества, потому и только в той мере, в какой мы познали наши собственные возможности, реальное развитие нашей личности, силу нашего разума и любви. Основанием рациональной веры является продуктивность; жить по вере означает жить продуктивно и быть уверенным в одном — в том, что рост и развитие возможны только на основе продуктивной активности, а также того, что каждый из нас, как известно из опыта, является активным субъектом, предикатами которого являются различные виды деятельности. Отсюда следует, что вера в силу (в смысле господства) и использование этой силы противоположна рациональной вере. Упование на наличную силу тождественно

неверию в осуществление возможностей, которые еще не реализованы. Прогнозирование будущего, основывающееся исключительно на проявлениях настоящего, оказывается глубоко ошибочными и абсолютно иррациональным, поскольку недооценивает развития возможностей человека. Не существует рациональной веры в силу, власть. Есть только подчинение ей или, со стороны тех, кто ею обладает, желание удержать ее. Хотя многим власть кажется самой реальной из всех вещей, история человечества доказала, что она — самое неустойчивое из всех достижений человечества. Именно потому, что вера и власть взаимоисключают друг друга, все религии и политические системы, которые изначально строились на рациональной вере, становятся коррумпированными и в конечном счете утрачивают свое влияние, если упираются на силу или даже просто вступают с ней в союз.

Здесь стоит кратко сказать еще об одном неверном понимании веры. Часто думают, что вера — это состояние, в котором пребывает человек, пассивно ожидая осуществления своих надежд и упований. Поскольку этим характеризуется иррациональная вера, постольку, как следует из нашего анализа, это совершенно неверно в отношении рациональной веры. Так как рациональная вера опирается на наш собственный опыт продуктивности, она уже в силу этого не может быть пассивной, но должна быть выражением подлинной внутренней активности.

В начале нашего обсуждения я показал различие между верой как установкой, как чертой характера и верой как верованием в какие-то конкретные идеи или упованием на каких-то конкретных людей. До сих пор мы рассматривали веру только в первом смысле, теперь же встает вопрос, существует ли какая-нибудь связь между верой как чертой характера и объектом, в который человек верит. Из нашего анализа рациональной и иррациональной веры следует, что в первой, в отличие от второй, такая связь существует. Поскольку рациональная вера опирается на наш собственный опыт продуктивности, поскольку ее объектом не может быть нечто трансцендентное человеческому опыту. Далее, отсюда следует, что мы не можем говорить о рациональной вере, когда человек верит в идеи любви, разума и справедливости не на основе собственного опыта, но лишь потому, что его научили верить в это. Религиозная вера может быть разной. Не разделяют веры в силу церкви главным образом различные секты, а также некоторые мистические религиозные течения, утверждающие собственные силы человека в любви, его подобие в этом отношении Богу, сохранившие и культивировавшие установку на рациональную веру в терминах религиозного символизма. Что верно для религиозных форм веры, верно и для веры, выраженной в светских формах, — особенно в политических и социальных идеях. Идеи свободы и демократии вырождаются в иррациональную веру, если они не подтверждаются опытом собственной продуктивности каждого человека, а внушаются ему различными партиями или государством, которые силой принуждают его верить в эти идеи.

Человек не может жить без веры. Решающий вопрос для нашего поколения, а также для будущих поколений заключается в том, будет ли наша и их вера иррациональной верой в вождей, технику, успех или рациональной верой в человека, опирающейся на наш собственный опыт продуктивной деятельности.

Характер и моральное суждение

Проблема морального суждения часто ассоциируется с дихотомией свободы воли и детерминизма. По мнению одних, человек полностью детерминирован различными обстоятельствами, которые он не может контролировать, так что идея, будто человек свободен в своих решениях, есть не что иное, как иллюзия. Из этой посылки делается вывод, что человека нельзя судить за его поступки, поскольку он не свободен в своих решениях. Противоположное мнение состоит в том, что человек наделен свободой воли, которую он может осуществлять независимо от внешних или психологических условий и обстоятельств; поэтому он ответствен за свои действия и может быть судим.

Казалось бы, психолог вынужден подписаться под детерминизмом. При изучении развития характера он ясно видит, что жизнь ребенка начинается с индифферентной в моральном отношении стадии и что его характер формируется благодаря внешним влияниям, которые особенно сильны в первые годы его жизни, когда он еще не имеет ни знаний, ни сил, чтобы изменить те обстоятельства, которые обуславливают его характер. К тому времени, когда он

будет в состоянии изменить условия жизни, его характер оказывается уже сформированным, а у него самого уже нет стимулов к тому, чтобы познать эти условия и, если необходимо, изменить их. Если теперь мы допустим, что моральные качества личности коренятся в ее характере, то верно ли, что, поскольку она не свободна в формировании своего характера, мы можем судить ее? Не будет ли верной тогда точка зрения, что, чем более мы понимаем роль условий, ответственных за формирование и развитие характера человека, тем очевиднее нам представляется, что ни одного человека нельзя судить с точки зрения морали?

Мы, наверное, могли бы избежать альтернативы между психологическим пониманием и моральным суждением путем компромисса, который порою предлагается приверженцами теории свободы воли. Так, допускается, что иногда в жизни людей существуют такие обстоятельства, которые мешают осуществлению свободной воли, тем самым, естественно, ликвидируется возможность морального суждения. Современное уголовное право, например, принимает это положение, на основе которого считается, что душевнобольной не несет ответственности за свои действия. Сторонники более мягкой теории свободы воли делают еще один шаг и допускают, что человек, нормальный в психическом отношении, но находящийся в сильном нервном возбуждении, то есть находящийся во власти неконтролируемых импульсов, также не может нести ответственности за свои поступки. Однако большинство людей, утверждают они, обладают свободой выбрать по желанию правильное поведение, а значит, они подлежат моральному суждению.

Но более внимательный анализ показывает, что и эта точка зрения оказывается неприемлемой. Мы склонны думать, что наши действия свободны потому, что, как было показано Спинозой, мы осведомлены о наших желаниях, но ведь мы остаемся в неведении относительно их мотивов. Мотивы наших действий суть результаты конкретного сочетания определяющих наш характер сил. Каждый раз, когда нам приходится принимать то или иное решение, оно детерминировано силами зла или добра соответственно, в зависимости от преобладания тех или других. У некоторых людей бывает, что какая-нибудь одна сила преобладает столь явно, что тот, кто хорошо знает их характер и ценностные ориентации, может заранее предсказать результат их решения (хотя сами эти люди могут питать иллюзию, будто принимают решение «свободно»). У других деструктивные и конструктивные силы сбалансированы таким образом, что их решения практически непредсказуемы. Именно этот последний случай мы и имеем в виду, когда говорим, что от человека можно ожидать любого поступка. Но сказать так — значит признать, что мы не в состоянии предсказать его действия.

Однако принятое им решение свидетельствует о том, что какая-то сила оказалась преобладающей, так что и в этом случае его решение было обусловлено его характером. Следовательно, в любом случае поступок строго определяется характером человека. Так что воля — это не какая-то абстрактная сила, которой человек обладает независимо от характера, но, напротив, воля есть не что иное, как выражение, проявление характера. Личность с продуктивной ориентацией, поступающая согласно собственному разуму, способна любить других, равно как и себя, проявляет волю к добродетельным поступкам. Соответственно человек с противоположными качествами, раб своих иррациональных страстей, демонстрирует отсутствие воли.

Взгляд, согласно которому принимаемые нами решения определяются нашим характером, никоим образом не является фаталистическим. Хотя человек, подобно другим созданиям, и подчиняется воздействию на него силам, все-таки он единственное существо, наделенное разумом, способное осознавать и понимать сами эти силы, который благодаря этому пониманию может играть активную роль в своей судьбе, сознательно культивируя в себе те качества, которые направлены на добро. Человек — единственное создание, наделенное совестью. Совесть — это голос, зовущий его к самому себе, говорящий, что он должен делать, чтобы стать самим собой, позволяющий осознать истинные цели его жизни и те нормы поведения, которые необходимы для достижения этих целей. Поэтому нельзя сказать, что мы являемся беспомощными жертвами обстоятельств; напротив, мы как раз в состоянии изменять те обстоятельства, влиять на них, контролировать, по крайней мере до определенной степени, условия, в которых мы оказываемся. Мы можем содействовать реализации тех условий, которые способствуют развитию наших стремлений к добру. Но хотя мы и наделены

разумом и совестью, благодаря чему становимся активными творцами собственной жизни, сами разум и совесть оказываются неразрывно связанными с характером. Если в характере преобладают деструктивные элементы и иррациональные страсти, разум и совесть умолкают, ибо их нормальное функционирование становится невозможным. Разумеется, развивать и использовать эти наши наиболее ценные способности — наша первейшая задача. Но они не свободны, не существуют независимо от нашего эмпирического «я». Они суть силы, существующие в структуре целостной личности, и, как и любой элемент структуры, детерминированы этой структурой как целыми сами, в свою очередь, детерминируют ее.

Если мы основываем наше моральное суждение о человеке на мнении, мог он или не мог в том или ином случае проявить силу воли, то никакое моральное суждение оказывается вообще невозможным. Ибо как мы можем узнать, например, насколько врожденные жизненные силы, жизнеспособность индивида позволяли ему и в детстве, и позже противостоять различным внешним влияниям или же недостаток их заставил его подчиниться этим влияниям. Можем ли мы знать наверняка, повлияло или нет случайное событие в жизни человека, например общение с добрым и любящим человеком, на формирование его характера или, наоборот, утверждать, что отсутствие такого общения повлияло на становление его характера в дурную сторону? Нет, не можем мы этого знать. Даже если бы мы основывали наше моральное суждение на той посылке, что человек мог бы поступить так-то или так-то, все-таки и конституциональные факторы, и факторы внешней среды, участвующие в формировании характера, столь многочисленны и сложны, что практически невозможно прийти к убедительному заключению, мог он или нет развиваться так, а не иначе. Все, что мы можем допустить, — это то, что имевшиеся обстоятельства привели именно к данному развитию. Отсюда следует, что если наша способность судить о человеке зависела бы от нашего мнения о том, что он мог бы повести себя как-то иначе, то, коль скоро дело идет об этических суждениях и оценках, мы должны были бы признать здесь полное свое поражение.

Однако этот вывод несостоятелен, потому что основан на ложной посылке и на заблуждении относительно смысла морального суждения. Это понятие может означать две совершенно разные вещи: судить означает реализовывать умственную способность логического суждения или предикации. Но «судить» означает также реализовывать функцию «судейской» деятельности, решая — осудить или помиловать.

Последний тип морального суждения основан на идее авторитета, трансцендентного человеку и судящего его. Этот авторитет обладает правом осуждать и наказывать либо миловать. Его диктат абсолютен, ибо он над человеком и наделен недостижимой мудростью и силой. Даже образ судьи — лица, выборного в демократическом обществе и теоретически не стоящего над согражданами, — все-таки не свободен от налета древнего понятия карающего божества. Хотя как личность он и не обладает какой-то сверхчеловеческой властью, его должность и функция именно таковы. (Сами формы уважения, оказываемого судье, нечто вроде пережитка уважения, оказывавшегося верховному владыке, властелину). Однако многие, не имеющие отношения к судебским функциям, в своих моральных суждениях пытаются принять на себя именно роль судьи, решающего — казнить или помиловать. И им часто бывает свойственна изрядная доля садизма и деструктивная интенция. По-видимому, в мире нет ничего более омерзительного, вызывающего чувство «нравственного негодования», чем ненависть или зависть, действующие под маской добродетели. Сей «негодующий» субъект получает в подобном случае удовлетворение от презрения и обращения с другим, как с «подчиненным», испытывая при этом чувство собственного превосходства и добродетельности.

Ценностное суждение в гуманистической этике имеет тот же логический характер, что и любое рациональное суждение. Ценностные суждения выносятся на основ фактов, а не чьих-то субъективных ощущений богоподобия, превосходства, обладания правом карать или миловать. Суждение о человеке, как о деструктивном, жадном, ревнивом, завистливом, ничем не отличается от суждений врача о заболевании сердца или легких. Допустим, нам надо высказать суждение об убийце и мы знаем, что перед нами патологический случай. Если бы нам удалось узнать все о его наследственности, условиях его жизни и в детстве, и в более поздние годы, то не исключено, что мы пришли бы к выводу, что он действовал под влиянием условий, над которыми он не властен; в сущности, даже гораздо менее властен, чем какой-нибудь мелкий

воришка, так что его можно скорее «понять», чем последнего. Но это вовсе не означает, что совершенное им преступление не подлежит осуждению. Мы можем понять, как и почему он стал таким, но это не значит, что мы не можем судить его за то, что он в данный момент собой представляет. Более того, мы даже можем допустить, что, живи мы в тех же условиях, мы тоже могли бы стать такими, как он; однако в то время как подобные мысли как раз и не позволяют нам брать на себя роль высшего судьи, они совсем не мешают нам выносить моральные оценки. Понимание характера человека не снимает необходимости вынесения моральной его оценки. Она в данном случае столь же правомерна, как и оценка любой человеческой деятельности. Если, например, мне надлежит оценить пару туфель или картину, я в своей оценке буду опираться на какие-то объективные нормы или критерии, приложимые к данным предметам. Положим, обувь или картина окажутся некачественными, и положим, что мне скажут, что обувщик или художник и старались, как могли, сделать лучше, да обстоятельства и условия не позволили им этого, я ведь не изменю своего мнения о качестве произведенного продукта. Я могу питать к ним симпатию или жалость, могу поддасться соблазну оказать им помощь, но не могу сказать, что при этом не буду оценивать их работу, потому что понимаю причины, почему она плоха.

Главнейшая задача человека в жизни — реализовать свои возможности, стать самим собой. Результатом же всех его усилий будет его личность. Вполне можно объективно оценить, до какой степени человек преуспел в выполнении этой задачи, в какой степени ему удалось реализовать свои возможности. Если он с этой задачей не справился, то можно считать его морально несостоявшимся. Даже если человек понимает, что в жизни другого преобладали обстоятельства для него неблагоприятные и что кто-нибудь другой вполне мог оказаться на его месте, это не изменило бы все-таки суждения о нем как о личности несостоявшейся. Человеку можно посочувствовать, но сочувствие не изменит оценочного суждения. Понимание человека не означает послабления для него; это означает только, что высказывающий моральную оценку не вправе брать на себя роль Бога или верховного судьи.

Типологическая модель Э.Шострома. США

Манипулятивные характеры

Современный манипулятор не стоит на месте — он развивается и беспрестанно совершенствуется. Он тоже стремится постичь секреты человеческой природы, но с одной единственной целью — чтобы лучше контролировать окружающих.⁴⁷

Манипуляции стали столь обычной, столь повседневной частью нашей жизни, что мы их перестали замечать.

Парадокс современного человека в том, что, будучи не просто разумным, но и образованным существом, он сам себя загоняет в состояние неосознанности и низкого уровня жизненности. Нет, не все мы обманщики, торговые менеджеры или евангелисты. Но мы боимся узнать жизнь и честно посмотреть на самих себя. Мы привычно надеваем ту или иную маску — у каждого их несколько — и принимаем участие в общем маскараде, называя его жизнью.

Превыше всего манипулятор боится, что кто-нибудь, пусть даже близкий и любимый человек, узнает о его истинных чувствах. Соккрытие своих истинных глубоких чувств — это клеймо манипулятора.

Психотерапевты почти никогда не верят тому, что говорят их пациенты, зато внимательно наблюдают за их поведением. Слова могут лгать, но человеческий организм никогда не лжет. Например, пациентка говорит врачу: «Я от вас с ума схожу!» Но при этом она улыбается.

Это значит, она пытается скрыть от терапевта свою злость. Если бы она не притворялась, ее кулаки были бы сжаты, а глаза горели от ярости. Но она хочет добиться от врача какой-то

⁴⁷ Э.Шостром. Анти-Карнеги или Человек-манипулятор. М. 1994. Дайджест.

выгоды для себя, поэтому надевает маску доброй и улыбочивой. Не учтя лишь одного — маска никогда не закрывает всего человека, и истинная сущность непременно где-нибудь вылезет.

Манипулятор — это искусный игрок с жизнью, который постоянно стремится скрыть свою пустую карту. Профессиональный игрок умеет прекрасно изображать безразличие, но какого нервного напряжения стоит ему эта равнодушная мина! За маску игрока в покер может заглянуть лишь опытный психотерапевт; заглянуть и увидеть, за этой ничего не выражающей маской, ужас или ярость по поводу огромной потери или злорадство по поводу большого выигрыша... Таковы законы покера. Но разве в жизни мы редко встречаемся с такими «игроками»?

Очень распространенный тип манипулятора — человек, который навязывает собеседникам свой язык. Или «прикрывается» выражениями типа «Да, это, конечно, очень интересно», в то время как никакого, даже незначительного интереса не испытывает. Хотите отрезвить завравшегося манипулятора? Поставьте его в неловкое положение. Скажите, например: «Я тебе не верю».

Еще один парадокс современного манипулятора в том, что он не использует и малой толики тех возможностей, которые предоставляет ему жизнь. Вместо того чтобы искренне обрадоваться, он лишь кисло улыбнется. Он — озабоченный автомат, который ни за что не возьмет на себя ответственность за свои поступки и свои ошибки и будет поэтому бесконечно обвинять всех и каждого. Кстати, это не такое простое дело — взвалить свою вину на других. Поэтому манипулятор подобен живой рыбе на раскаленной сковороде — всю жизнь он только и делает, что ерзает, оправдывается и кривляется.

Бесконечны пути его симулирования.

Разумеется, вы встречали человека, который цитирует Шекспира при каждом удобном повороте беседы. Он не читал ничего, кроме двух-трех сонетов, но зато он их выучил наизусть. Это очень характерно для манипулятора — поверхностная эрудиция, цель которой — произвести впечатление, поймать окружающих на свою удочку, после чего — управлять ими. Он не изучает жизнь, а собирает коллекцию умных вещей, слов и изречений, чтобы с ее помощью пускать вам пыль в глаза.

Еще одним манипулятивным образцом является крупный бизнесмен, имеющий среди коллег репутацию соблазнителя секретарш. Представьте себе, что, как правило, его не интересует секс как таковой. Он старается затащить девушек в постель только для того, чтобы продемонстрировать всем свою силу. Это типичное манипулятивное соревнование, но поскольку оно не приносит ему никакой душевной радости и удовлетворения, после каждой «победы» у него неизменно наступает упадок сил и депрессия.

Один из моих «любимых» типов — это «нытик».

Его вы тоже хорошо знаете. При встрече с вами он обязательно первых пятнадцать минут посвятит подробному рассказу о том, как он несчастлив, как плохо у него идут дела и насколько расстроено его здоровье. Надо ли добавлять, что обычно дела у него идут прекрасно и со здоровьем все в порядке.

В невротическом современном обществе удобнее жить манипулятору, нежели актуализатору. Но удобнее — не значит лучше. В конечном итоге манипулятор остается с носом. Не надо засматриваться на «дорожные указатели» нашей жизни — они насквозь лживы. «Будьте всегда приятными», — призывают они нас. «Не раздражайтесь», «Не делайте ничего такого, чего не должны делать» — вот воистину прекрасный совет! как будто мы настолько хорошо знаем друг друга, что легко можем предсказать, кто и что должен делать в разных ситуациях. А чего стоит такое расхожее утверждение: «Потребитель всегда прав». Мы все повторяем его регулярно, но разве кто-нибудь верит, что потребитель всегда прав? И встречал ли кто-нибудь того, кто всегда приятен и никогда не раздражается?

Теперь несколько подробнее о том, почему манипулятор сам страдает от своих манипуляций. Дело в том, что механическая неискренняя деятельность превращает жизнь в нелюбимую работу. Манипулятор относится к своей деятельности, как к поденной работе, которая ему до смерти надоела и от которой хорошо бы побыстрее избавиться. Он разучился наслаждаться жизнью — такой, как она есть, и переживать глубокие чувства. Он обычно считает, что время веселья и удовольствия, учебы и развития закончилось, ушло вместе с

детством и юностью; и что в зрелости его ждут одни проблемы и тяготы. Так что, достигая зрелости, он, по сути, переходит к растительному образу жизни, не пытаясь постичь цели и смысла своего существования.

Авраам Линкольн, Великий Освободитель, преподал нам в свое время убедительнейший урок актуализации. После того как его первая попытка быть избранным в Конгресс провалилась, он сказал: «Если добрые люди, руководствуясь своей мудростью, сочтут нужным держать меня на заднем плане — ну что ж, значит, так надо. Я слишком хорошо знаком с разочарованием, чтобы огорчаться по этому поводу». Великолепно! Если проводить психологический анализ этих слов, то станет ясно: Линкольн понимал, что всякое соревнование неизбежно создает победителей и побежденных, но жизнь не кончается вместе с соревнованием. Поэтому следует спокойно готовиться к следующей попытке победить.

А теперь сравните реакцию на поражение Линкольна с типичной реакцией манипулятора, которому не удалось продвинуться по службе в запланированные сроки или не удалось получить прибавку к жалованью, столь милую его сердцу. Да он всех сживет со свету! Придя домой, он сделает все, чтобы отравить существование своей жене и детям, и может даже до того, что переложит вину на своего давно умершего родителя, который его тиранил, и на экономку, которая плохо приготовила ему завтрак именно в это утро.

После чего он может напиться или заболеть, впасть в транс и терроризировать окружающих своей мрачностью, то есть объявить пассивную забастовку против себя, всего человечества и своего глупого шефа.

Манипулятор, мы уже говорили об этом, очень любит управлять. Он не может без этого. Он раб этой своей потребности. Так вот, следующий парадокс манипулятора: чем больше он любит управлять, тем сильнее в нем потребность быть управляемым кем-то.

Для человека всегда непосильной была загадка «добра» и «зла», и далеко не всегда он мог отличить одно от другого. Поэтому в течение столетий человек искал некий авторитет, который бы решил за него, что «хорошо», а что «плохо». Таким образом, «хорошим» становится все то, что приятно избранному авторитету, а «плохим» — что авторитету не нравится.

Разумеется, человек не знал, каких жертв от него потребует подобная безответственность; не знал, что с того момента, как он позволил кому-то решать за него, он потерял свою целостность и раздвоился. Навязанные кем-то моральные концепции «добра» и «зла» ведут к психологии отвержения, поскольку человек должен решить, какие части его натуры хороши, какие — нет. Соответственно он будет стараться быть «хорошими» частями себя, а «плохие» — безжалостно отвергать. И — начинается гражданская война внутри человека; война, полная боли и тяжелейших сомнений: ни один человек никогда не может решить до конца, что в нем самом есть зло, что добро.

Нельзя, опасно «отвергнуть» часть своего естества. Какой бы она ни была, с ней надо считаться. И следует уважать все человеческие проявления. Глупо отрубить левую руку по той причине, что она все делает хуже, чем правая. Так же глупо ампутировать часть своей личности. Но человек несет ответственность за стиль, которым он выражает себя.

Все мы манипуляторы. Но прежде чем отвергать, ампутировать наше манипулятивное поведение, следует постараться переделать или модернизировать его в актуализационное поведение. Вкратце — нам надо более творчески манипулировать, поскольку актуализационное поведение — это то же манипулятивное, только выраженное более творчески.

В каждом из нас есть два начала, которые Фредерик Перлз называет «собака сверху», «собака снизу».

«Собака сверху» — это активное начало, выраженное в стремлении командовать, подчинять, давить авторитетом. «Собака снизу» — пассивное начало, выражающее нашу потребность подчиняться, соглашаться, слушаться. Каждое из этих начал может проявляться либо манипулятивно, либо творчески.

Манипуляторы часто обожают окунуться в мир психиатрии и психологии. Наглотавшись там терминов и концепций, они, как правило, гордо удаляются в необъятный мир недовольства собой, где и пребывают до конца дней своих. А психологические концепции они используют для оправдания своего неудовлетворительного поведения. Манипулятор находит причину текущих несчастий в своем прошлом, где с ним что-то делали не так. Он уже вышел из детского

«Я не могу помочь тебе!», но уже прочно вошел во взрослое «Яне могу помочь тебе, потому что...» Далее может следовать что угодно, не зря же он читал психологическую литературу. Например: «Потому что я интроверт», или «Потому что моя мать не любила меня», или «Потому что я очень стеснителен». Потому что, потому что, потому что...

Напомню, психология никогда не предназначалась для оправдания социально опасного и саморазрушительного поведения, которое мешает индивидууму максимально развить свой человеческий потенциал. Да, психология пытается объяснить причины того или иного поведения, но цель ее не в этом, а в том, чтобы помочь человеку совершенствовать себя, делать себя лучше и счастливее.

Современный манипулятор развился из нашей ориентации на рынок, когда человек — это вещь, о которой нужно много знать и которой нужно уметь управлять.

Эрих Фромм говорил, что вещи можно расчленять, вещами можно манипулировать без повреждения их при роды. Другое дело — человек. Вы не сможете расчленить его, не разрушив и не умертвив. Вы не можете манипулировать им, не причиняя ему вреда, не убивая его.

Однако главная задача рынка — добиться от людей того, чтобы они были вещами! И — небезуспешно.

В условиях рынка человек уже не столько человек, сколько потребитель. Для торговца он — покупатель. Для портного — костюм. Для коммивояжера — банковский счет. Даже в тех заведениях, которые оказывают вам довольно интимные личные услуги, мадам — это лишь составляющая ее клиента.

Рынок стремится обезличить нас, лишить индивидуальности, а мы не хотим этого, мы — возмущаемся. Я не хочу быть «головой» у моего парикмахера, я хочу везде и всюду быть Эвереттом Шостромом — цельной личностью. Мы все хотим быть особенными. И мы все перестаем быть особенными, когда попадаемся на крючок коммерческой мысли, которая стремится разрушить до основания именно нашу «особенность».

Я уже говорил, что в каждом из нас сидит манипулятор. Сейчас я скажу вам еще более страшную вещь: в каждом из нас сидит несколько манипуляторов. И я готов их перечислить. В разные моменты жизни то один, то другой из них берется руководить нами. Но — учтите это — среди них есть главный, т.е. в каждом человеке преобладает один, характерный для него тип манипулятора. Итак, существует восемь основных манипулятивных типов, и вы их наверняка с легкостью узнаете, поскольку каждый из них есть среди ваших друзей или знакомых.

1. ДИКТАТОР. Он безусловно преувеличивает свою силу, он доминирует, приказывает, цитирует авторитеты — короче делает все, чтобы управлять своими жертвами. Разновидности ДИКТАТОРА: Настоятельница, Начальник, Босс, Младшие Боги.

2. ТРЯПКА. Обычно жертва Диктатора и его прямая противоположность. Тряпка развивает большое мастерство во взаимодействии с Диктатором. Она преувеличивает свою чувствительность. При этом характерные приемы: забывать, не слышать, пассивно молчать. Разновидности Тряпки — Мнительный, Глупый, Хамелеон, Конформист, Смущающийся, Отступающий.

3. КАЛЬКУЛЯТОР. Преувеличивает необходимость все и всех контролировать. Он обманывает, увильчивает, лжет, старается, с одной стороны, перехитрить, с другой — перепроверить других. Разновидности: Делец, Аферист, Игрок в покер, Делатель рекламы, Шантажист.

4. ПРИЛИПАЛА. Полярная противоположность Калькулятору. Из всех сил преувеличивает свою зависимость. Это личность, которая жаждет быть предметом забот. Позволяет и исподволь заставляет других делать за него его работу. Разновидности: Паразит, Нытик, Вечный Ребенок, Ипохондрик, Иждивенец, Беспомощный, Человек с девизом «Ах, жизнь не удалась, и поэтому...».

5. ХУЛИГАН. Преувеличивает свою агрессивность, жестокость, недоброжелательность. Управляет с помощью угроз различного рода. Разновидности: Оскорбитель, Ненавистник, Гангстер, Угрожающий. Женская вариация Хулигана — Сварливая Баба («Пила»).

6. СЛАВНЫЙ ПАРЕНЬ. Преувеличивает свою заботливость, любовь, внимательность. Он убивает добротой. В некотором смысле столкновение с ним куда труднее, чем с Хулиганом. Вы не сможете бороться со Славным Парнем. Удивительно, но в любом конфликте Хулигана со

Славным Парнем Хулиган проигрывает. Разновидности: Угодливый, Добродетельный Моралист, Человек организации.

7. СУДЬЯ. Преувеличивает свою критичность. Он никому не верит, полон обвинений, негодования, с трудом прощает. Разновидности: Всезнающий, Обвинитель, Обличитель, Собиратель улик, Позорящий, Оценщик, Мститель, Заставляющий признать вину.

8. ЗАЩИТНИК. Противоположность Судье. Он чрезмерно подчеркивает свою поддержку и снисходительность к ошибке. Он портит других, сочувствуя сверх всякой меры, и отказывается позволить тем, кого защищает, встать на собственные ноги и вырасти самостоятельным. Вместо того чтобы заняться собственными делами, он заботится о нуждах других. Разновидности: Наседка с цыплятами, Утешитель, Покровитель, Мученик, Помощник, Самоотверженный.

Повторю, мы обычно являем собой какой-то один из этих типов в наиболее выраженной форме, но время от времени в нас могут просыпаться и остальные. Манипулятор безошибочно находит себе партнера, наиболее подходящего ему по «типу». Например, жена-Тряпка скорее всего выберет себе мужа-Диктатора с тем, чтобы наиболее эффективно управлять им с помощью своих подрывных мер.

Иногда мы кажемся совершенно различными разным людям. И дело тут отнюдь не в их восприятии. Просто разным людям мы демонстрируем разных манипуляторов, живущих в нас. Вот почему мы должны быть весьма осторожны в своих суждениях о людях, если эти суждения основываются на чужих мнениях. Помните, они видели лишь часть личности. Может быть, отнюдь не главную.

Основная причина манипуляции, считает Фредерик Перлз, в вечном конфликте человека с самим собой, поскольку в повседневной жизни он вынужден опираться как на себя, так и на внешнюю среду.

Лучший пример такого конфликта — взаимоотношения между работодателем и рабочим. Например, работодатель заменяет индивидуальное самобытное мышление правилами торговли. Он явно не доверяет этому делу продавцу и не позволяет ему проявлять самостоятельность. Продавец должен стать орудием в руках своего босса, что, разумеется, наносит непоправимый удар по целостности его личности. Покупатель, который общается уж не с человеком-продавцом, а со слепым исполнителем воли хозяина, тоже оказывается оскорбленным и униженным.

Есть и другая сторона проблемы. Рабочий в современном обществе имеет тенденцию быть нахлебником, охотником за дармовщиной. Он требует множества прав и привилегий, не сделав почти ничего. Он не станет в качестве утверждения собственной состоятельности доказывать свои способности, свое мастерство. Нет. Ему должны просто потому, что должны. Таковы его аргументы.

Человек никогда не доверяет себе полностью. Сознательно или подсознательно он всегда верит, что его спасение в других. Однако и другим он полностью не доверяет. Поэтому вступает на скользкий путь манипуляций, чтобы «другие» всегда были у него на привязи, чтобы он мог их контролировать и, при таком условии, доверять им больше. Это похоже на ребенка, который съезжает по скользкой горке, уцепившись за край одежды другого, и в то же время пытается управлять им. Это похоже на поведение второго пилота, который отказывается вести самолет, но пытается руководить первым пилотом. Короче, эту — первую, и главную, — причину манипуляции мы назовем Недоверием.

Эрих Фромм выдвигает вторую причину манипулирования. Он считает, что нормальные отношения между людьми — это любовь. Любовь обязательно предполагает знание человека таким, каков он есть, и уважение его истинной сущности.

Великие мировые религии призывают нас любить ближнего своего, как самого себя, и вот тут заколдованный круг нашей жизни замыкается. Современный человек ничего не понимает в этих заповедях. Он понятия не имеет, что значит любовь. Большинство людей при всем желании не могут любить ближнего, потому что не любят самих себя.

Мы придерживаемся лжепостулата, что чем мы лучше, чем совершеннее, тем любимее. Это почти прямо противоположно истине. В действительности чем выше наша готовность признаться в человеческих слабостях (но именно в человеческих), тем больше нас любят.

Любовь — это победа, достичь которой нелегко. И в сущности ленивому манипулятору остается лишь одна жалкая альтернатива любви — отчаянная, полная власть над другой личностью; власть, которая заставляет другую личность делать то, что ОН хочет; думать то, что Он хочет; чувствовать то, что ОН хочет. Эта власть позволяет манипулятору сделать из другой личности вещь, ЕГО вещь.

Третью причину манипуляций предлагают нам Джеймс Бугенталь и экзистенциалисты. «Риск и неопределенность, — говорят они, — окружают нас со всех сторон». В любую минуту с нами может случиться все, что угодно. Человек чувствует себя абсолютно беспомощным, когда лицом к лицу оказывается перед экзистенциальной проблемой. Поэтому пассивный манипулятор занимает такую позицию: «Ах, я не могу контролировать всего, что может со мной случиться?! Ну так я ничего не буду контролировать!»

С горечью осознавая непредсказуемость своей жизни, человек впадает в инерцию, полностью превращает себя в объект, что многократно усиливает его беспомощность. Несведущему человеку может показаться, что с этой минуты пассивный манипулятор стал жертвой активного. Это не так. Крики: «Я сдаюсь! Делайте со мной, что хотите!» — не более чем трусливый трюк пассивного манипулятора. Как доказал Перлз, в любом жизненном конфликте между «собакой снизу» и «собакой сверху» побеждает пассивная сторона. Универсальным примером может служить мать, которая «заболевает», когда не может справиться с детьми. Ее беспомощность делает свое дело: дети становятся послушнее, даже если они этого не хотели раньше.

Активный манипулятор действует совсем другими методами. Он жертвует другими и откровенно пользуется их бессилием. При этом он испытывает немалое удовлетворение, властвуя над ними.

Родители, как правило, стараются сделать своих детей максимально зависимыми от себя и крайне болезненно относятся к попыткам детей завоевать независимость. Обычно родители играют роль «собаки сверху», а дети с удовольствием подыгрывают им как «собаки снизу». При таком раскладе особенно популярной становится поведенческая техника «если — то».

«Если ты съешь картошку, то сможешь посмотреть телевизор».

«Если сделаешь уроки, то сможешь покататься на машине».

Ребенок столь же успешно овладевает этой же техникой:

«Если я подстригу лужайку, то что я получу?»

«Если отец Джима разрешает ему уезжать на машине в субботу и воскресенье, то почему ты запрещаешь мне это?»

Как повел бы себя настоящий активный манипулятор в подобной ситуации? Он заорал бы: «Делай, как я сказал, и не приставай ко мне с дурацкими вопросами!» В бизнесе такая реакция встречается сплошь и рядом: «Мне принадлежит 51 процент капитала, и они будут носить ЭТУ униформу, потому что Я так хочу!» Помню, основатель колледжа, где я когда-то учился, говорил: «Мне все равно, какого цвета эти здания, раз они голубые». Он был прекрасным человеком и прекрасным активным манипулятором.

Четвертую причину манипуляций мы разыскали в работах Джея Хейли, Эрика Берна и Вильяма Глассера. Хейли во время длительной работы с шизофрениками заметил, что они более всего боятся тесных межличностных контактов. Берна считает, что люди начинают играть в карты для того, чтобы лучше управлять своими эмоциями и избегать интимности. Глассер предполагает, что одним из основных человеческих страхов является страх затруднительного положения.

Таким образом, мы делаем вывод: манипулятор — это личность, которая относится к людям ритуально, изо всех сил стараясь избежать интимности в отношениях и затруднительного положения.

И, наконец, пятую причину манипуляции предлагает нам Альберт Эллис. Он пишет, что каждый из нас проходит некую жизненную школу и впитывает некоторые аксиомы, с которыми потом сверяет свои действия. Одна из аксиом такова: нам необходимо получить одобрение всех и каждого.

Пассивный манипулятор, считает Эллис, — это человек, принципиально не желающий быть правдивым и честным с окружающими, но зато всеми правдами и неправдами

старающийся угодить всем, поскольку он строит свою жизнь на этой глупейшей аксиоме.

Хочу подчеркнуть, что под манипуляцией я подразумеваю нечто большее, чем «игру», как это описано у Эрика Берна в книге «Игры», в которые играют люди, и люди, которые играют в игры». Манипуляции — это скорее система игр, это — стиль жизни. Одно дело единичная игра, цель которой — избежать затруднительного положения; и другое дело — сценарий жизни, который регламентирует всю систему взаимодействия с миром. Манипуляция — это псевдофилософия жизни, направленная на то, чтобы эксплуатировать и контролировать как себя, так и других.

Например, жена-Тряпка все свое существование обратила в незаметную кампания сделать своего мужа-Диктатора ответственным за все ее жизненные невзгоды. Это не отдельная случайная игра; это сценарий на всю их совместную жизнь. До некоторой степени этот же сценарий разыгрывается в большинстве семей, включая мою и вашу, хотя роли могут быть и обратными.

Что касается индивидуальных игр, то их великое множество; БERN фиксирует, например, такие: «Бей меня!», «Торопливая», «Смотри, как я стараюсь». Все они направлены на то, чтобы скомпрометировать мужа. После того как она спровоцировала его на ругань и понукание ее, она всеми силами будет убеждать его, какой он мерзавец. Ее манипулятивная система может быть названа «Собирание несправедливостей».

Манипулятивные системы

Мы выделяем четыре основных типа манипулятивных систем.

1. **АКТИВНЫЙ** манипулятор пытается управлять другими с помощью активных методов. Он ни за что не станет демонстрировать свою слабость и будет играть роль человека полного сил. Как правило, он пользуется при этом своим социальным положением или рангом: родитель, старший сержант, учитель, босс. Он становится «собакой сверху», опираясь при этом на бессилие других и добиваясь контроля над ними. Его любимая техника — «обязательства и ожидания», принцип табели о рангах.

2. **ПАССИВНЫЙ** манипулятор — противоположность активному. Он прикидывается беспомощным и глупым, разыгрывая «собаку снизу». В то время как активный манипулятор выигрывает, побеждая противников, пассивный манипулятор выигрывает, терпя поражение. Позволяя активному манипулятору думать и работать за него, пассивный манипулятор одерживает сокрушительную победу. И лучшие его помощники — вялость и пассивность.

3. **СОРЕВНУЮЩИЙСЯ** манипулятор воспринимает жизнь как постоянный турнир, бесконечную цепочку — выигрываний и проигрываний. Себе он отводит роль бдительного бойца. Для него жизнь — это постоянная битва, а люди — соперники и даже враги, реальные или потенциальные. Он колеблется между методами «собаки сверху» и «собаки снизу» и являет собой смесь пассивного и активного манипулятора.

4. **БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ** манипулятор. Он играет в безразличие, в индифферентность. Старается уйти, устранить от контактов. Его девиз: «Мне наплевать». Его методы то пассивны, то активны; он то Сварливая Баба, то Мученик, то Беспомощный. На самом деле ему не наплевать, и даже очень не наплевать, иначе он не стал бы затевать сложную манипулятивную игру. В «безразличность» часто играют супружеские пары. Игра «Угрожать разводом» служит прекрасным примером того, как манипулятор старается завоевать партнера. А отнюдь не разойтись с ним.

Итак, подведем итоги.

Философия активного манипулятора зиждется на том, чтобы главенствовать и властвовать во что бы то ни стало.

Философия пассивного манипулятора — никогда не вызывать раздражения.

Философия соревнующегося манипулятора — выигрывать любой ценой.

Философия индифферентного манипулятора — отвергать заботу.

Это очень важно понимать, поскольку манипулятор, как бы хитер он ни был, предсказуем. И если правильно поставить ему диагноз, то совсем не сложно вычислить, как он будет вести себя в той или иной ситуации. Хотите быть непредсказуемым? Становитесь актуализатором.

АКТУАЛИЗАТОР

Абрахам Маслоу называл самоактуализирующимися личностями тех, кто живет полной жизнью; более полной, чем средний индивид. Речь идет не о судьбе, не о везении, а об умении использовать свой внутренний потенциал.

Манипулятор — это очень занятой человек. Он занят тем, что контролирует других, и поэтому не видит и не слышит многого из того, что происходит вокруг. Манипулирование незаметно делает его слепым. В результате он может хорошо и прочувствованно говорить о красоте заката, но у него не дрогнет душа, когда он увидит закат своими глазами. Он утрачивает способность по-настоящему переживать, по-настоящему радоваться. Он не всегда болен, но всегда слишком занят, чтобы жить нормально и полноценно.

Психология прошлого основывалась на том, что психологическое здоровье понятно лишь при условии понимания психологической болезни. Маслоу предлагает противоположный подход. Он считает, что понять психологическое здоровье можно лишь изучив предельно здоровых людей, чемпионов здоровья, которые в психологическом смысле достигли высокой степени самоуспокоенности и самореализации. Короче говоря — актуализаторов.

Только один процент американцев, считает Маслоу, можно отнести к актуализаторам. «А кто же мы?» — в тревогой взывают остальные 99 процентов к психотерапевту Маслоу. За всех не поручусь, но мы, читатели этой книги, — на пути к актуализации, не так ли? И чтобы убедиться, сколь мы уже отличны от манипуляторов, давайте сравним ИХ стиль жизни и НАШ (в недалеком будущем).

Стиль жизни манипулятора базируется на четырех китах: ложь, неосознанность, контроль и цинизм.

Киты, на которых «стоит» актуализатор — это честность, осознанность, свобода и доверие.

Переходный период от манипуляции к актуализации представляет собой движение от апатии и нарочитости к жизненаполненности и спонтанности.

Основные контрастные характеристики крайних типов

МАНИПУЛЯТОРЫ

1. Ложь (фальшивость, мошенничество). Используют преумысли, методы, маневры. «Ломают комедию», разыгрывают роли, всеми силами стремятся произвести впечатление. Чувств не испытывают, а старательно подбирают и выражают их в зависимости от обстоятельств.

2. Неосознанность (апатия, скука). Не осознают действительного значения жизни. У них «туннельное видение», то есть видят и слышат лишь то, что хотят видеть и слышать.

3. Контроль (закрытость, намеренность). Для них жизнь — это шахматная игра. Стараются контролировать ситуацию; их тоже кто-то контролирует. Внешне сохраняют спокойствие для того, чтобы скрыть свои планы от своего оппонента.

4. Цинизм (безверие). Не доверяют никому — ни себе, ни другим. В глубине своей природы не доверяют человеческой природе вообще. Делят людей на две большие категории: те, кого контролируют, и те, кто контролирует.

АКТУАЛИЗАТОРЫ

1. Честность (прозрачность, искренность, аутентичность). Способны быть честными в любых чувствах, какими бы они не были. Их характеризуют чистосердечность, выразительность.

2. Осознанность (отклик, жизненаполненность, интерес). Хорошо видят и слышат себя и других. Способны сами сформировать свое мнение о произведениях искусства, о музыке и всей жизни.

3. Свобода (спонтанность, открытость). Обладают свободой выражать свои потенциалы. Они — хозяева своей жизни; субъекты.

4. Доверие (вера, убеждение). Глубоко верят в других и в себя, все время стремятся установить связь с жизнью и справиться с трудностями здесь и теперь.

Губительная ориентация нашего общества на рынок чрезвычайно затрудняет актуализирование. Средний бизнесмен (а кто из нас в той или иной степени не бизнесмен?) даже робкой попытки стать актуализатором не сделает до тех пор, пока сердечный приступ не привяжет его на некоторое время к постели и не заставит задуматься над целью своего бытия.

Первая половина жизни, писал Карл Юнг, — это достижение: учеба, поиски работы, женитьба. Зато во второй половине жизни наступает время, когда может развиваться собственное внутреннее неповторимое Я. Если этого не происходит, если человек, как и в молодости, патологически настроен на приобретение и стремление кого-то догнать — он заболевает. Непременно заболевает. Ибо правила послеполуденной жизни кардинальным образом отличаются от правил жизни утренней.

Пожалейте себя — вот что я вам скажу. Актуализатор находится в большей безопасности, чем манипулятор, поскольку понимает, во-первых, то, что он уникален; а во-вторых, то, что его уникальность — это ценность. Мартин Бубер говорил об этом так: «Каждая личность, рожденная в этом мире, представляет собой нечто особенное, никогда не существовавшее прежде, новое, оригинальное, уникальное. Каждый обязан все время помнить, что никогда прежде на свете не жил никто, подобный ему, и каждый поэтому призван осуществить свою особенную миссию в этом мире...»

Актуализатор ищет в себе самобытность и уникальность. Манипулятор, наоборот, загоняет свою самобытность вглубь и повторяет, копирует, тиражирует чьи-то поведенческие модели. Он старается, пыхтит, карабкается вверх, но по уже освоенным горам.

Бубер считает, что манипулятивное отношение к людям отличается от актуализационного главным образом тем, чем отличаются отношения «Я — ЭТО» от «Я — ТЫ».

Я бы утрировал его мысль, по сути, очень верную. Мне кажется, что манипулятивное отношение можно сравнить с отношением «Это — ЭТО», а актуализационное — «Ты — ТЫ». Только личность, относящаяся к другому, как к «ТЫ», а не как к «ЭТО», способна обрести свое «Я». Если же вы видите в других «ЭТО», то есть вещь, то и сами неизбежно станете «ЭТИМ», то есть вещью.

Тот же, кто захочет обрести себя, почувствует особую прелесть и удовольствие в том, чтобы искренне уступить желаниям другого, а не затеваться со сложной манипулятивной игрой «в смирение». У актуализаторов отношения тесны; у манипуляторов — дистантные.

Почему же современному человеку так нравится быть вещью?

Потому, наверное, что современный человек мало ценит себя. И старается прикинуться более ценным. По сути, манипулятор надеется на то, что окружающим более понравится его игра, его маска, нежели он сам. Чем большее значение он придает своей маске, тем больше обесценивает себя. А чем больше он обесценивает себя, тем более недооцененным он себя чувствует и тем глубже в нем чувство неудовлетворенности. А отсюда уже рукой подать до неврозов.

Для невротизированной личности характерен личностный распад. То есть человек как бы дробит себя на части — «хорошие» и «плохие» — и во взаимодействии с другими людьми стремится скрыть, не проявить «плохие» и выпятить, продемонстрировать «хорошие». Мы помним, что человек не может быть расчленен, ибо он не вещь. И если он научился делить себя на части и оценивать себя по частям, он, по сути, стал вещью.

Актуализатор — цельная личность; и поэтому его исходная позиция — сознание самоценности. Манипулятор — разорванная личность, следовательно, он исходит из позиции нехватки.

Действия манипулятора проходят под знаком того, что его собственная недостаточность может быть преодолена путем борьбы с собой («плохими» частями себя) и окружающими. Для него жизнь — это битва со своей стратегией и тактикой, приемами и играми, необходимыми для выживания. Проиграв ту или иную битву или битвочку, он чувствует, что потерял все. Актуализатор воспринимает жизнь как процесс роста; и те или иные свои поражения или неудачи воспринимает философски, спокойно, как временные трудности.

Вывод, который я могу сделать из этих рассуждений, а также из моей многолетней психологической практики: манипулятор — это многогранная личность с антагонистическими противоположностями в душе; актуализатор — многогранная личность с взаимодополняющими противоположностями.

Дело, следовательно, за тем, чтобы переделать манипулятивные грани своей природы в актуализационные.

Из Диктатора может развиваться прекрасный Лидер. Разница в том, что Лидер не диктует

условия, а ведет.

Из Гряпки может получиться Сочувствующий. Он не только говорит о своей слабости, но и реально ее осознает. Он может требовать хорошей работы, но лояльно относиться к тому, что любой человек склонен ошибаться.

Из Калькулятора может развиваться Внимательный.

Из Прилипалы может получиться Признательный. Он не просто зависит от других, но и высоко оценивает труд других и их мастерство. Это существенное отличие, поскольку классический Прилипала никогда не уважает труд тех, за чей счет он существует, ему все время все не так и всего мало. Признательный же с уважением относится как к другому образу жизни, так и к другим точкам зрения и не испытывает потребности в том, чтобы все думали так, как он.

Из Хулигана развивается Напористый. Он искренне радуется стоящему противнику и отличается откровенностью и прямоотой. Он больше не стремится к доминированию, как Хулиган, и не страдает жестокостью.

Из Славного Парня развивается Заботливый. Он действительно расположен к людям, дружелюбен, способен на глубокую любовь. И в нем нет (это главное!) раболепия Славного Парня.

Из Судьи развивается Выразитель. Он обладает редким умением выражать свои принципиальные убеждения, не критикуя и не унижая других.

Из Защитника может получиться Водитель. Он не учит и не защищает слепо всех подряд, но помогает каждому найти свой собственный путь, не навязывая своих взглядов.

Интересно вот еще что: манипулятор, как правило, попадает под классификацию одного какого-нибудь из манипулятивных типов; актуализатор же никогда не бывает так примитивен и интегрирует в себе несколько типов. Он и Напористый, и Заботливый, поскольку энергичен в своих межличностных отношениях и заботится о них. Он может интегрировать и Выразительность, и Водительство, поскольку думает не ЗА других, а ВМЕСТЕ с ними. Нагорная проповедь была глубоко выразительной, но в ней нет никаких требований, только призывы. Это очень характерно для актуализированной природы Иисуса.

Индивида можно сравнить с обществом, где функционирует двухпартийная система, или с батареей, заряженной с одной стороны положительной, с другой — отрицательно. Актуализатор развивается благодаря интеграции противоположных полюсов (или партий), а манипулятора эта же противоположность рвет на части и не дает ему жить спокойно.

Надеюсь, вы не поняли меня так, что самоактуализировавшаяся личность — это сверхчеловек без всяких слабостей. Представьте себе, актуализатор может быть глупым, расточительным или упрямым. Но он никогда не может быть безрадостным, как мешок с мякиной. И хотя слабости позволяют себе довольно часто, но всегда при любых условиях остается увлекательной личностью!

Когда вы начнете открывать в себе свои актуализационные потенциалы, не старайтесь достичь совершенства. Ищите радость, которая приходит в результате интеграции как сильных сторон вашей натуры, так и слабых.

Манипуляторы, привыкшие считать окружающих марионетками, не испытывают особых сложностей в установлении контакта «Следует только дернуть за ту или иную веревочку, — думают они, — и контакт с этим человеком установлен».

Я не берусь оспаривать их самонадеянность — многие из них действительно легко и быстро вступают во взаимодействие с окружающими. Хочу заметить только, что контакт контакту рознь.

Попробуйте изобразить человека графически в виде двух окружностей — одна внутри другой. Внутренняя окружность — это ядро человеческой души; его сущность. Внешняя окружность — это периферия его личности, где от того, от его натуры осталось уже немного и где куда юльше наносного, приобретенного, скопированного.

Многочисленные контакты, которые легко даются манипуляторам, достигаются благодаря соприкосновению внешних окружностей. Эти контакты поверхностны, они не затрагивают души.

Но давайте рассмотрим более личные и интенсивные формы коммуникаций, когда соприкасаются или пересекаются внутренние окружности человеческих душ, их ядра.

Представьте себе двух влюбленных, которые могут взаимодействовать друг с другом посредством улыбки или вздоха. Это как раз пример контакта «ядра с ядром». Такой глубокий личный контакт хотя и ценится очень высоко, встречается нечасто. Люди предпочитают дистантные отношения, предпочитают соприкоснуться «перифериями». Кроме того, большинство людей вообще не умеют устанавливать глубокий контакт, даже тогда, когда им очень этого хочется.

Контакт — это отнюдь не постоянное состояние. Это хрупкая преходящая субстанция, которая может развиваться при встрече, а может и не развиваться. Когда контакт установлен — вы наверняка это замечали — слова приходят легко, беседа течет плавно. Когда контакта нет или он поверхностен, язык как бы костенеет, разговор неизбежно приобретает неестественный оттенок.

Кажется, что манипулятор своими бесконечными играми старается достичь лучшего контакта; на деле же все манипулятивные упражнения ведут к ослаблению или потере контакта вообще, поскольку они не что иное, как уход от сущности происходящего.

Одна из причин неспособности манипулятора установить контакт — это страх уязвимости, разоблачения и осуждения. Он боится, что стоит ему поддержать контакт, как тут же будет вскрыта его сущность, его внутреннее ядро.

Истинный личностный контакт невозможен без риска. Манипулятор, который предпочитает не рисковать, вполне обходится полуконтактами. Куда удобнее, думается ему, контролировать окружающих, чем взаимодействовать с ними.

Поэтому он не вступает в беседу, а контролирует ее. Он должен выбрать тему разговора, потом оценить расклад сил, то есть в процессе беседы он скорее оценивает происходящее, чем слушает. Он не пытается понять, зато всеми силами стремится убедить. Если аудитория по каким-либо причинам ему не подходит, он уйдет от контакта веками протоптанной дорожкой, то есть ограничит разговор общепринятыми фразами на «безопасные темы», например замечаниями о погоде.

У актуализатора эти же общепринятые фразы могут служить прелюдией к контакту; у манипулятора они всего лишь средство избавиться от контакта.

Джей Хейли указывает на четыре самых распространенных способа ухода от контакта, которые манипуляторы используют чрезвычайно часто.

1. Прикинуться «случайным» человеком в разговоре: «Не мое дело говорить это вам», или «Я в этом, конечно, ничего не смыслю, но...», или «Я не имею права лезть в ваши личные дела, но мне кажется...»

2. Поставить под сомнение то, что он только что сказал: «О, забудьте это», или «Вы не уловили главного», или «Не придавайте этим словам значения...»

3. Сделать вид, что его слова относятся к другой личности: «Ах, это я не о вас, а так, вообще...» или «Я просто подумал вслух, извините...»

4. Сделать вид, что он не разобрался в ситуации или в контексте сказанного: «Вы всегда надо мной смеетесь...» или «Вы меня переоцениваете...»

Противовесом такого рода «штучкам» служат отношения доверенные и открытые. В сущности — что такое любовь и забота? Это слагаемое трех чисел: симпатия плюс открытость плюс контакт.

Разумеется, на таком уровне можно поддерживать отношения с немногими, поскольку контактные взаимодействия требуют больших затрат времени и энергии. Ничего нет страшного в том, что большинство наших отношений — причинные и поверхностные. Но без хотя бы одного-двух глубоких контактов человек не сможет состояться как личность, не сможет «завершить» себя, дописать свой образ; не сможет стать актуализатором. Более того, не имея одного-двух глубоких контактов, человек сильно рискует своим психическим здоровьем.

С одной стороны, современный человек не умеет налаживать глубоких контактов, с другой — не умеет уходить от поверхностных, ненужных контактов. Всем нам знакомо чувство вины, когда мы отказываемся, например, идти на вечер, который нам неинтересен, или когда уклоняемся от разговора с человеком, который нам неприятен. Нам неловко, что мы не соблюдаем всех этих светских условностей, и в то же время у каждого нормального человека время от времени возникает сильнейшее нежелание видеть людей, общаться с кем бы то ни

было, вообще выходить из дома.

В этом нет ничего странного, поскольку каждый время от времени «переедает» общества, контактов, общения. Посчитайте, сколько времени вы проводите «на людях». Восемь часов на работе, восемь часов отношений с родными и друзьями после работы... Половина вашего существования — это контакты, контакты, контакты. Было бы неестественно и даже нездорово хотеть большего. И, напротив, более чем естественно, что время от времени вам хочется уйти от общений.

Манипуляции мешают не только установлению глубоких контактов, но и прекращению бесполезных, питательная ценность которых ниже нулевой отметки. Манипулятор во взаимодействии с окружающими очень часто производит впечатление «вцепившегося мертвой хваткой». То есть он будет продолжать говорить с вами, хотя для всех очевидно, что беседа окончена. Не думайте, что его принуждает так вести себя неловкость («Не знаю, как закончить разговор!»). Нет. Это не неловкость, а невротический страх («Не сказал всего того, что хотел!»).

Этот страх стоит людям работы, когда они не могут окончить деловую беседу; этот страх каленым железом проходит по тонкой материи отношений между мужчиной и женщиной. «Вцепившийся мертвой хваткой» неизбежно восстанавливает людей против себя, когда повисает на разговоре, как бульдог на палке. Вместо того чтобы откусить, он свирепо треплет палку разговора, а вместе с ней — нервы своего собеседника. Вы не хотите раздражать окружающих? Тогда умейте вовремя закончить разговор. Помните: лучше недоговорить, чем переговорить.

Вы уже поняли, что уход от контакта может быть как манипулятивным, так и актуализационным. Здоровый уход — это способность временно приостановить контакт с другой личностью, когда этот контакт либо уже не продуктивен, либо вызывает болезненные ощущения. Здоровый актуализационный уход — это уход к чему-то. И в сущности он направлен на то, чтобы прислушаться к себе.

Манипулятивный уход — это бегство; и он направлен не на то, чтобы разбираться в своих собственных чувствах и переживаниях, а на то, чтобы просто отбросить их прочь вместе с ситуацией, которой они вызваны.

Плачьте, это полезно

Представители многих психологических школ не первый десяток лет спорят, что такое эмоции.

Эмоции — это средства, с помощью которых мы осуществляем контакт друг с другом. Мы можем говорить с другим человеком мягко или сердито, жалобно или высокомерно и все это для того, чтобы установить тот или иной вид контакта. То есть контакт между людьми устанавливается лишь в том случае, если они проявляют эмоции.

Манипулятор, как правило, с трудом и некачественно выражает основные эмоции контакта — гнев, страх, обиду, доверие и любовь. Поэтому он прибегает к заблокированным или неполным эмоциям — тревоге, горечи, негодованию, стеснительности.

Тревога подобна сосущему чувству голода. Человек, пребывающий в тревоге, не идет на полное действие и занят тем, что подавляет растущую агрессию, в результате чего впадает в апатию.

Горечь может длиться неопределенно долго, если ей не дать выплеснуться в глубокой обиде и рыданиях.

Негодование — наиболее типичная неполная эмоция. И лживая. На самом деле негодование ненатурально и сдавленно выражает страх.

Стеснительность — очень странная эмоция, потому что она обозначает одновременно тенденцию к созданию контакта и избеганию его. Перлз называл эмоции стыда и стеснительности «предающими эмоциями», поскольку они мешают человеку и ограничивают его свободу.

Все эти эмоции чрезвычайно опасны, потому что невыраженные, не нашедшие себе выход наружу эмоции загоняются в глубь души, что впоследствии перегружает человеческую психику, разрушает ее изнутри и приводит к покорности и депрессии.

Обязательное требование к тем, кто хочет изжить в себе манипулятора, — осознать, где и как он проявляет частичные эмоции, определить — какие именно, и попытаться разглядеть те реальные чувства, которые за ними спрятаны. А далее — не бояться выразить эти основные чувства, будь то страх или обида, гнев или любовь. Цель актуализатора — развить в себе способность честно выражать свои истинные чувства.

«Не расстраивайтесь... Контролируйте себя... Примите это легко», — постоянно советует вам манипулятор. Что ж, вполне понятно. Он уже воспользовался этими рекомендациями, и ему плохо. Чтоб хоть как-то утешиться, он хочет и вам испортить жизнь.

Кроме того, он не хочет позволить вам сердиться на него. Только вы захотели возмутиться, как он прикладывает палец к губам и говорит: «Тсс, спокойно, тихо, не расстраивайтесь, это вредно». Не верьте ему, и тогда манипулятор вам не страшен. И помните, главная защита от его манипуляторного разрушительного влияния — в умении выражать ваши собственные чувства.

Сложность в том, что большинство из нас не понимает, что значит переживать и тем более выражать свои чувства. Мы настолько привыкли притворяться, что уже не можем отличить «своих» от «чужих», то есть «фальшивых». Поэтому мы и рады научиться выражать их, но кого «их» — мы не знаем. И в результате обречены жить вечно в Вавилонской башне. Так давайте приглядимся к пяти основным эмоциям контакта, чтобы впоследствии уметь их распознать и проявить.

1. ГНЕВ. Как выглядят физиологические приметы гнева? Что говорит вам ваше тело? Как вы узнаете, что рассердились? Вы хотите подраться — вот что это такое. А как вы узнаете о том, что вам хочется подраться? Ваше тело просто-таки кричит об этом. Дыхание и пульс учащаются, мускулы сжимаются, и вы чувствуете неожиданный и резкий прилив тепла, горячее чувство внезапного прилива крови.

Будь то вербальная или физическая борьба, а может быть, короткая вспышка раздражения, но наши тела обязательно должны что-то делать, тогда мы гневемся. Они просто требуют от нас действий. И самое худшее, что мы можем сделать для себя, — это подавлять свои физиологические потребности, загонять эмоцию внутрь, искусственно успокаивать себя.

2. СТРАХ. Как вы узнаете, что боитесь? Что говорит вам ваше тело на этот раз? Оно дает вам прямо противоположный сигнал. Рот пересыхает, ладони становятся влажными, вы ощущаете холод и ваша кожа покрывается мурашками. Преодолевая страх, вы тоже оказываете себе плохую услугу.

3. ОБИДА. Большинство из нас, осознанно или подсознательно, боятся быть обиженными. Я думаю, это вина множества манипуляторов, которых мы встречаем на каждом шагу. И на каждом же шагу они запрещают нам оскорблять их чувства. Поэтому нашим девизом стало такое противоестественное заявление: «Я не хотел бы обидеть...» — далее может следовать длинный перечень лиц, который коротко выглядел бы так: «Всех!»

А почему бы не обидеть? — спрошу я вас, если человек этого заслужил. Обижая, вы часто очень помогаете тому, кого обижаете; стремясь же не обидеть, зачастую жестоко наказываете человека.

Видите, подросток тихонько берет машину родителей, а вы молчите, ничего не говорите ему, боясь обидеть. Как вы расцените ваши «деликатные» действия после того, как он разобьется? Ведь вы знали, что он почти не умеет водить машину...

Неразумное сужение нашего внутреннего мира ради того, чтобы кого-то не обидеть и чему-то не навредить, — это, конечно, симптом нвроза. Поэтому давайте признаемся себе честно — зачем мы это делаем? Ведь главная причина не в том, что мы боимся обидеть других, а в том, что мы очень боимся, что в ответ они обидят нас. В случае с вороватым подростком таких возможностей масса. Он может нахамить вам, может отомстить, может сказать, что и ваш сын тайком берет у вас машину... У него все возможности уязвить вашу гордость и унижить ваше достоинство. «Так зачем же рисковать? — думаете вы. — Пусть себе бьется, раз ему хочется». То есть нет, вы так не думаете. Но манипулятор — думает непременно.

Обида — самое трудное в выражении чувство. Оно побуждает нас вернуться в детство и вспомнить то состояние, когда мы вместе и во всем искали защиты у матери. Чем она могла нам помочь? Как правило, тем, что выслушивала наши причитания. Это лучший способ выражения

обида. Надо выговорить ее и выплакать. Женщины с этим справляются лучше; мужчины же к этому совсем не расположены.

Когда-то в детстве какой-то манипулятор говорил им: «Ну-ну, Джонни, большие мальчики не плачут». И в результате у них просто не хватает мужества на то, чтобы расплакаться.

Невыраженная обида становится петлей на шее человека.

4. **ДОВЕРИЕ.** Оно переживается в чувстве открытости. То есть вы раскрываете потайные уголки своей души и как бы говорите: вот я весь, как на ладони, смотри, я тебя не боюсь. При этом вы избавляетесь от привычной несвободы и как бы обретаеете второе дыхание. Доверяя, вы волей-неволей становитесь самим собой.

5. **ЛЮБОВЬ.** Это золотой ключ к творческому использованию всех остальных чувств. Шелли называл ее «пищей поэтов». Голдсмит — «общением между тиранами и рабами». Но ближе всех к психологически правильному определению «диагноз» Рильке: «Любовь состоит в том, что два одиночества приветствуют друг друга, соприкасаются и защищают друг друга». Конечно, лучшая книга о любви — это книга Эриха Фромма. «Любовь, — считает Фромм, — активное участие в жизни другого человека и принятие его таким, каков он есть».

Наше тело и здесь не обманет и даст нам почувствовать влюбленность. С чем ее сравнить? Если гнев — горячая эмоция, то любовь — теплая и светящаяся.

Интересно то, что гнев и любовь — очень близки. Они как бы растут из одного корня. И для многих необходимо сначала ощутить прилив горячего гнева, прежде чем почувствовать любовное тепло.

Человек никогда не сможет иметь истинных и длительных отношений с другими и никогда не сможет полюбить, если он не способен сразиться с ними, если он не может выразить всех четырех чувств. Только тогда, когда мы способны показать, что гневаемся, боимся, обижаемся или верим, — только тогда мы сможем полюбить. Только тогда, когда мы сможем открыто показать друг другу свои чувства и сказать открыто о них, только тогда мы сможем почувствовать душевную близость — что, кстати, ничуть не менее приятно, чем близость физическая.

Все это следует иметь в виду, особенно в семейной жизни.

Психотерапевты, к которым обращаются женатые (или замужние) люди, предпочитают иметь дело с мужем и женой одновременно, поскольку в семейной жизни больше, чем где бы то ни было, нужна гармония и единство целей. Если же кто-либо из супругов учится честно выражать свои чувства, а другой — беззастенчиво манипулирует, семья обречена. Два актуализатора смогут быть счастливы; два манипулятора смогут привыкнуть друг к другу и приспособиться к играм партнера. Но союз манипулятора и актуализатора немислим.

Самое интересное, что манипулятор может испытывать многие чувства вполне искренне, но он непременно попытается использовать их «на что-то полезное», как он думает. То есть в нагрузку к искренним слезам дается некая манипулятивная цель.

Гнев, например, может использоваться им для того, чтобы напугать. Вы, конечно, часто встречали манипуляторов, которые своим криком и визгом, красным лицом и топаньем ногами не позволяли окружающим установить с ними контакт.

Но самые интересные находки манипуляторов — в области любовных отношений. Ключевая фраза здесь: «Если бы ты любил меня, то ты бы...»

Дан Гринберг перечисляет основные жертвы, с помощью которых можно манипулировать тем, кого «любишь». Он шутит, но как это похоже на реальное положение дел!

1. Бодрствуй всю ночь, чтобы приготовить ему настоящий завтрак. («Ах, милый, я так плохо спала, всю ночь думала, что бы тебе приготовить».)

2. Останься без обеда; тогда ты сможешь положить лишнее яблоко ему в портфель. («Родной, тебе витамины нужны больше, к тому же я почти не хочу есть».)

3. Не говори ему о том, что дважды падала в обморок в торговом центре от слабости, когда покупала ему рубашку (но удостоверься, что он знает о твоих обмороках).

4. Открой окно в его спальне как можно шире, чтобы у него было больше воздуха, и закрой свое окно, чтобы не использовать его запас.

Для манипулятора нет ничего любимей, чем заменить одну — истинную — эмоцию на

другую — фальшивую. Многие из нас выражают гнев, когда на самом деле чувствуют обиду или боль. Мы ведем себя так потому, что гнев — более предсказуемая эмоция. То есть нетрудно предположить, что может случиться после нашего гневного выступления — другая сторона тоже рассердится. Когда же мы признаемся другому человеку, что мы обижены на него, случиться может все, что угодно, и реакция его непредсказуема. Он может рассердиться, может расплакаться, может холодно удивиться. Поэтому вместо обиды мы демонстрируем гнев.

Еще один излюбленный трюк манипулятора — «взобраться на карусель», то есть обрушить на окружающих мешанину чувств, доведя их до полной растерянности. Так ведут себя истеричные женщины, от которых, как искры, отлетают чувства, но ни одно из них не задерживается настолько, чтобы полностью сформироваться и выразиться. Едва возникнув, они лопаются, как мыльные пузыри. Таким образом, они контролируют окружающих и, как правило, получают желаемое.

Манипуляторы могут приберегать эмоции про запас, чтобы воспользоваться ими в удобный момент. «Я обиделся на тебя на прошлой неделе», — может сказать манипулятор. Что, у него ушла неделя на то, чтобы понять это? Нет, конечно. Просто тогда невыгодно было заявлять о своей обиде, а сейчас он за эту прошлую обиду может, наверное, что-то выторговать. Появился товар, вспомнились прошлые обиды.

Еще один манипулятивный прием — приукрашивание нормальных чувств и отношений и попытка сделать из них добродетель. Среди ваших знакомых наверняка есть человек, который любит заявлять: «У нас с женой прекрасные отношения, мы никогда не ссоримся». Когда я слышу такое, мне большого труда стоит не взорваться и не сказать: «Какая чушь!» Нормальные люди похожи на наждачную бумагу и должны время от времени царапать друг друга довольно болезненно. Нормальные, не патологические отношения не обходятся без ссор. Кстати говоря, ссора зачастую бывает лучшим способом решения проблемы.

Манипуляторы часто не делают различий между чувствами и фактами. «Ты глуп» — заявляет, например, один человек другому. Это не факт, поскольку он не измерял интеллекта своего собеседника. Ему так показалось. Но здесь мы имеем место с так называемым «чувствованием с рукой на дверной ручке». Заявление «ты глуп» запросто может спровоцировать собеседника на удар в нос. И есть целая когорта манипуляторов, которые не боятся самых резких выражений и оценок, самых бурных проявлений чувств, но только в том случае, если есть возможность в любой момент убежать. Для подстраховки они убегают, даже не дождавшись реакции и, по сути, не зная, как прореагировали на ту или иную их выходку. Незавидная участь — как актер в пустом зрительном зале: он смешит, а смеяться некому.

Коммуникация включает в себя как минимум два элемента: посылка сообщения и прием сообщения. Подобно передатчику мы все время посылаем информацию. Проблема в том, что окружающие нас люди очень часто либо получают ее в искаженном виде, либо не получают вовсе.

Если мы говорим что-то, то, наверное, надеемся, что именно это и услышат окружающие. Это возможно, но тогда следует избегать некоторых ошибок общения.

Первая и наиболее распространенная — неправильное ожидание.

В человеческих отношениях, особенно в семье, витает целый сонм таких ожиданий, и стоит одному из них не сбыться — жизнь превращается в ад. А все из-за того, что мы просто боимся действительности; боимся то, чего нам хочется.

Актуализатор знает это, так как он знает достаточно много о коммуникации. Он не хочет идти через жизнь непонятым. И он знает, что многих непониманий можно избежать. Достаточно только попросить то, чего он хочет. А не морочить голову окружающим. Ведь если мы хотим чего-то, то мы просто обязаны попросить об этом.

Вторая ошибка коммуникации — в приеме сообщения. Часто мы игнорируем выпад в наш адрес, хотя в действительности он нас очень задевает. В результате — чувство подавленности.

Третья ошибка — в «нейтрализации передачи», посылаемой нам. Наша способность принимать любовь невелика. Некто говорит: «Как вы сегодня привлекательны!», и вместо того чтобы поблагодарить за комплимент, мы обычно говорим: «О, вы тоже прекрасно выглядите». Похоже, мы боимся почувствовать себя хорошо, когда кто-то дарит нам хорошее настроение. Мы стараемся отфутболить его назад дарителю, чтобы не почувствовать посланного нами

чувства. Обычно я говорю своим пациентам: «Вы просто воруете у себя».

Когда кто-то говорит вам, как вы хорошо выглядите, это похоже на теплый вечер, солнечные лучи, улыбку встречного человека. Улыбнитесь в ответ. И примите улыбку, обращенную к вам, с охотой.

Четвертая ошибка коммуникации — отвечать то, чего от вас ждут, и что, увы, не всегда соответствует действительности. Какие бы глупости ни говорил наш собеседник, мы почему-то считаем своим долгом реагировать так, как хочется ему. «Тебе нравится мой новый костюм?» — спрашивает ваш приятель. И вы дежурно отвечаете: «Да, он выглядит великолепно». И думаете при этом: «Боже, как он мог купить такую пакость?»

А как же быть? — спросите вы. Нельзя же грубить, портить людям настроение. Да. Лучше не портить, но зачем же все время врать? Скажите, например: «Мне нравится вырез жилетки» или «Очень неожиданная, оригинальная расцветка». И даже если вы скажете: «Нет, не очень нравится», — не будет ничего дурного. И мы бы не боялись так несовпадения во вкусах, если бы нам не навязали комплекс Дейла Карнеги, который усердно убеждает вас в том, что мы непременно должны завоевывать друзей и влиять на людей.

Впрочем, манипуляторы на вопросы отвечают порой очень грубо или обидно. Но это делается намеренно. Я много раз сталкивался с тем, что манипулятор с чисто садистским удовольствием старается ответить прямо противоположно тому, чего от него ждут.

Актуализаторы способны посылать и принимать сообщения честно. Это прежде всего означает, что человек обязательно должен рисковать собой, когда вступает на нелегкую стезю общения с другими людьми.

Необходимо помнить о различии между интровертами и экстравертами. Экстраверты-актуализаторы могут обращаться к другим прямо, открыто и искренне и столь же легко и открыто воспринимать сообщение. Интровертам же необходимо некоторое время для того, чтобы ответить. Нам всем следует уважать тот факт, что у людей разные скорости или темп чувств, и некоторым требуется значительно больше времени на честную и искреннюю реакцию.

Представьте себе: стандартная ситуация, и вы намерены дать тот ответ, которого от вас ждут, а не тот, который соответствует истине. Я вам советую в этом случае совершить трехшаговую комбинацию: задержитесь; осознайте, какой ответ вам кажется лучшим; и лишь затем реагируйте. У каждого человека внутри есть регулирующий механизм. Прислушайтесь, что он скажет, — только после этого отвечайте.

Важнейшим принципом актуализации мы считаем то, что здоровые отношения не всегда, далеко не всегда должны быть соглашательскими. У людей разные взгляды, разные вкусы, разные отношения. Это нормально. Так почему мы должны непременно соглашаться с той или иной точкой зрения? И почему должны требовать от окружающих, чтобы они согласились с нами?

Однако в жизни очень часто возникают проблемы, относительно которых мы хотим во что бы ни стало прийти к согласию.

Актуализатор особенно остро осознает опасность индифферентной манипуляции. Он никогда не притворяется уступающим, безразличным, пренебрегающим теми, о ком он заботится. Он никогда не произносит таких избитых фраз, как «Я сдаюсь...»

В основе своей актуализированное отношение — это активная забота.

Вопрос времени — отнюдь не второстепенный для манипулятора. И в своем понимании времени, в своем ощущении времени он очень отличается от актуализатора. Для одних манипуляторов время — это либо прошлое, которое поставляет им обширный материал для извинения собственных ошибок, либо будущее, на котором они выстраивают витиеватое здание своих обещаний. Бывают манипуляторы, ориентированные на настоящее, и они ничуть не лучше. Они характеризуются тем, что беспрерывно суют нос в чужие дела, много говорят, но мало делают.

Но давайте повнимательнее присмотримся к трем разновидностям манипулятора — ориентированным на прошлое, будущее, настоящее.

Манипулятор, ориентированный на прошлое, характеризуется чувством вины, сожаления, раскаяния, угрызений совести. Он обидчив сверх всякой меры. Его беспрерывно гложут

непереваренные воспоминания прошлого. Он может до слез расстроиться, вспомнив, например, оскорбление двадцатилетней давности.

«Из-за смерти отца пять лет назад я чувствую себя настолько плохо, — любят заявлять такие манипуляторы, — что жизнь потеряла для меня всякий смысл».

Или: «Я чувствую себя таким виноватым после этой истории, что совершенно перестал заботиться о жене и детях».

Манипулятор, ориентированный на будущее, живет в мире идеализированных целей, планов, ожиданий, предсказаний и страхов. Он полностью поглощен заботами и терзаниями о своем будущем.

«Когда-нибудь я соберусь и вернусь в школу. Но сейчас у меня очень много неотложных дел».

«Следующим летом я превращу наш сад в рай».

«Я так беспокоюсь о том, что может случиться, и сейчас просто не могу ничего делать».

«Вот увидишь, в следующий раз я сделаю это лучше».

Манипулятора, ориентированного на настоящее, я считаю абсолютно патологической личностью. Его прошлое не настолько насыщено, чтобы жить им и упиваться воспоминаниями, оно не является достаточным вкладом в настоящее. Его будущее несвязно и туманно, а главное — оно слабо связано с его деятельностью в настоящем. Поэтому он являет собой личность, вовлеченную в бессмысленную деятельность и нерелевантную концентрацию. Иными словами — суетное существо, всегда активно избегающее трезвого взгляда на себя самого. Обычно он заявляет:

«Сейчас у меня так много дел, что просто нет времени на...»

«Ну ты же видишь, какая круговерть и насколько мне сейчас тяжело, так как же ты можешь предъявлять ко мне претензии?»

Актуализирующаяся личность, в отличие от всех вышеперечисленных, — это личность, имеющая дело с реальным процессом жизни в настоящем. Это не значит, что актуализатор живет только сегодняшним днем. Конечно, ему необходимо и прошлое, и будущее, но не для того, чтобы завязнуть в них руками и ногами, а не для того, чтобы придать настоящему больше смысла.

Актуализатор понимает, что память и предвидение — это акты в настоящем. То есть фокус всегда находится в настоящем, а прошлое и будущее по праву занимают задний план.

Давайте разберемся в таких понятиях, как внутреннее руководство и руководство со стороны других.

Внутренне направляемая личность — это личность со встроенным в детстве гироскопом — психическим компасом (его устанавливают и запускают родители или близкие ребенку люди). Гироскоп постоянно претерпевает изменения под влиянием различных авторитетов. Но как бы он ни изменялся, внутренне управляемый человек проходит через жизнь независимо и подчиняется только своему внутреннему направлению.

Источником внутреннего руководства человеком управляет небольшое число принципов. То, что внедрено в нас в ранний период жизни, позже принимает видимость внутреннего ядра и черт характера. Мы всячески приветствуем такого рода независимость, но с одной оговоркой. Избыток внутреннего руководства опасен тем, что человек может стать нечувствительным к правам и чувствам других людей, и тогда ему одна дорога — в манипуляторы. Он будет манипулировать окружающими по причине своего всепоглощающего чувства «правоты».

Не все родители, однако, внедряют в своих детей такой гироскоп. Если родители подвержены бесконечным сомнениям — как лучше вырастить ребенка? — то вместо гироскопа у этого ребенка разовьется мощная радарная система. Он только и будет, что прислушиваться к мнениям других и подстраиваться, подлаживаться... Родители не смогли дать ему четкий и понятный сигнал — как быть и каким быть. Радарная система ответственна нужна ему, чтобы получать сигналы от значительно более широких кругов. Разрушаются границы между семейным авторитетом и всякими прочими авторитетами, и первичная потребность такого ребенка «прислушаться» сменяется страхом перед сменяющимися друг друга голосами авторитетом или перед любым пристальным взглядом. Манипуляция в форме постоянного угождения другим становится его первичным методом общения. Здесь мы явственно видим, как

первоначальное чувство страха трансформировалось в прилипчивую любовь ко всем.

«Что подумают люди?»

«Скажи мне, как здесь следовало бы поступить?»

«Какую позицию мне занять, а?»

Актуализатор менее зависим в ориентации, но он и не впадает в крайности внутреннего руководства. Он как бы имеет более автономную и самоподдерживающуюся бытийную ориентацию. Актуализатор позволяет руководить собою там, где он должен быть чувствительным к человеческому одобрению, расположению и доброй воле, но источник его действий — всегда внутреннее руководство. Ценно то, что свобода актуализатора — изначальная, и он не завоевывал ее нажимом на других или бунтом. Очень важно также, что быть свободным, внутренне руководимым может только человек, живущий в настоящем. Тогда он больше верит собственной опоре на себя и своей собственной самовыразительности. Другими словами, он не зависит от фантомов прошлого или будущего, они не застят ему свет, но он свободно живет, переживает, приобретает жизненный опыт, ориентируясь на здесь и теперь».

Личность, живущая в будущем, опирается на ожидаемые события. Она удовлетворяет свое тщеславие путем мечтаний и предполагаемых целей. Как правило, она тешит себя этими планами на будущее просто потому, что несостоятельна в настоящем. Она изобретает смысл жизни, чтобы оправдать свое существование. И, как правило, достигает как раз противоположной цели, поскольку, ориентируясь только лишь на будущее, останавливает свое развитие в настоящем и развивает в себе низшие чувства.

Точно также, человек, живущий в прошлом, не имеет достаточно твердой опоры в себе, зато сильно преуспел в обвинении других. Он не понимает, что наши проблемы существуют здесь и теперь, независимо от того, где, когда и кем они были рождены. И решение их надо искать в здесь и теперь.

Единственное время, где у нас есть возможность жить, — это настоящее. Мы можем и должны помнить прошлое; мы можем и должны предчувствовать будущее. Но живем мы только в настоящем. Даже тогда, когда мы повторно переживаем прошлое, оплакиваем или осмеиваем его, мы делаем это в настоящем. Мы, в сущности, перемещаем прошлое в настоящее, это нам под силу. Но никто не может, и слава Богу, что не может, переместиться вперед или назад во времени.

Манипулятор, отдающий все свое время реминисценциям прошлого или праздным мечтам о будущем, не выходит освеженным из этих металлических прогулок. Наоборот, он истощается и опустошается. Его поведение сверхпассивно, а не активно. Как говорил Перлз, наша стоимость не возрастет, если мы обвешаемся ссылками на тяжелое прошлое и обещаниями светлого будущего. «Яне виноват, жизнь так сложилась», — ноет манипулятор. И обращаясь к будущему: «У меня не так уж все хорошо сейчас, но я еще себя покажу!»

Актуализатор, напротив, обладает редким и прекрасным даром извлекать чувство своей ценности здесь и сейчас. Объяснения или обещания вместо конкретного дела он называет ложью, и то, что он делает, укрепляет его веру в себя и помогает его самоутверждению. Для того чтобы жить полной жизнью в настоящем, не требуется никакой внешней поддержки. Сказать «Я адекватен сейчас» вместо «Я был адекватен» или «Я буду адекватен» — значит утвердить себя в этом мире и оценить себя достаточно высоко. И — по праву.

Бытие в моменте является целью и результатом само по себе. У актуального бытия своя собственная награда — чувство опоры на себя и вера в себя.

Хотите нащупать зыбкую почву настоящего под ногами? Берите пример с маленького ребенка. Он чувствует настоящее лучше всех.

Если ни о чем не жалеешь и ничего не ожидаешь, если нет ни предвкушения, ни оценки, то не может быть ни удивления, ни разочарования и поневоле будешь двигаться здесь и теперь. Прогноз отсутствует и нет тревожных предзнаменований, дурных предчувствий или роковых предсказаний.

На любовании детьми во многом основывается моя концепция творческой личности, той, что живет без будущего и прошлого. Можно сказать и так: «Творческая личность невинна», то есть растущая, способная воспринимать, реагировать, думать, подобно ребенку. Невинность

творческого человека — отнюдь не инфантилизм. Она сродни невинности старого мудрого человека, который сумел вернуть себе способность быть ребенком.

Поэт Каллил Гибран выразил это так: «Я знаю, что вчера — это лишь сегодняшняя память, а завтра — сегодняшняя мечта».

Сущность манипулятора в том, чтобы все время защищать и оправдывать себя. Для этого, собственно, ему и нужны прошлое и будущее, прошлое — для извинения ошибок, а будущее — для бесплодных обещаний. Если же он ориентирован на настоящее, он будет много говорить о том, что он делает, никогда не доводя дело до конца.

Пассивный манипулятор — это обвиняющий других плакса, просящий любви вопреки своей несчастной судьбе. Активный же манипулятор будет уверять вас в своих достижениях, которых у него в действительности нет. Обман другого, таким образом, дает манипулятору чувство силы, но, честно говоря, его предприимчивость на ниве надувательства пуста и оставляет чувство незавершенности.

Актуализатор — как всегда, в противовес манипулятору — это деятель, «делатель», это тот, кто есть. Он выражает не мнимые возможности, а реальные, и старается с помощью своих трудов и талантов справиться с трудностями жизни. Он чувствует себя благополучным потому, что его существование наполнено непрерывной деятельностью.

Он свободно обращается за помощью к прошлому, ищет силы в памяти и часто апеллирует к будущему в поисках целей, но он понимает прекрасно, что и то, и другое — акты настоящего...

И наконец, мы можем перейти к двум последним характеристикам актуализации — свободе и осознанию.

Одним из наиболее распространенных предрассудков является мнение, что каждый человек имеет свои собственные, особые, определенные качества. Мы думаем, что одни люди — добрые; другие — злые; одни — эгоисты, другие — альтруисты; одни — мудрые, другие — глупые и т.д.

Ничего подобного. Люди подобны рекам, и во всех этих реках течет одна и та же вода. Просто одни реки шире в одном месте, а другие — в другом; одни реки извилисты и полны водопадов; другие — прямые и спокойные... Так же и люди. Любой из нас несет в себе семена каждого человеческого качества, и иногда проявляет себя одно, иногда — другое, и часто один и тот же человек настолько различен в разных ситуациях, что трудно в это поверить.

Ради удобства изложения мы разделили людей на две большие категории — актуализатор и манипулятор. Хотя на самом деле в каждом намешано и то, и другое. И каждый свободен выбирать, кем из перечисленных типов ему быть.

Эрих Фромм говорит, что человек имеет свободу творить, конструировать, путешествовать, рисковать. Фромм определял свободу как способность совершить выбор.

Актуализатор, например, свободен в том смысле, что, играя в игру жизни, он осознает, что играет. Он понимает, что иногда манипулирует, а иногда манипулируют им. Короче, он осознает манипуляцию.

Актуализатор понимает, что жизни вовсе не обязательно быть серьезной игрой, скорее она родственна танцу. Никто ведь не выигрывает и не проигрывает в танце; это процесс, и процесс приятный. Актуализатор «танцует» среди своих разных потенциалов. Важно радоваться процессу жизни, а не достижению целей жизни.

Актуализирующимся людям поэтому важен и нужен не только результат, но и само движение к нему. Они могут радоваться процессу «делания» так же и даже больше, как и тому, что они делают.

Многие психологи уверены, что актуализатор способен превратить в праздник, в увлекательнейшую игру самую рутинную деятельность. Потому что он поднимается и опускается вместе с приливами и отливами жизни и не принимает ее с мрачной серьезностью. Манипулятор, напротив, видит жизнь, как крысиные бега, и воспринимает ее настолько серьезно, что не может не быть неврастеником.

Психологический тип личности в русской и советской культурах

Первое, с чего надо начать знакомство с психологическими причинами происходящих сейчас изменений нравственного сознания, — это различие психологии двух последовательных культур — русской и сменившей ее советской.⁴⁸

Насколько, однако, правомерна такая постановка вопроса и может ли психолог претендовать на анализ столь глобального понятия как культура?

Думаю, что такой ход возможен, ведь в конце концов народы и общества можно уподобить нравственным личностям, о чем говорил еще П.Я. Чаадаев.⁴⁹

Начнем, как и в каждом психологическом анализе, с некоторой феноменологии, описания внешних проявлений.

Если обратиться к классической русской литературе и другим памятникам и источникам культуры, то станет достаточно очевидным, что для русского типа подразумевались тонкая душевная организация, ранимость, лиризм. Обратившись же к источникам советской культуры, так же с достаточной очевидностью можно увидеть в советском типе огрубленность, отсутствие тонкости и лиризма. Для русского типа почиталось ценным понятие жалости, милосердия, сострадания к униженным и оскорбленным. Достаточно напомнить, что на памятнике Пушкину выбиты слова, как бы подытоживающие его основную ценность для России: «И долго буду тем любезен я народу, /Что чувства добрые я лирой пробуждал, /Что в мой жестокий век восславил я свободу /И милость к падшим призывал». Иное прославлялось и формировалось в качестве идеала и устремления у советского типа. Интересно сравнить в этом плане внешние облики двух московских памятников: Пушкину — величайшему русскому национальному поэту и Маяковскому — по вердикту Сталина — величайшему поэту советской эпохи. Задумчивый, как бы ушедший в себя Пушкин и развернутый к бою, грудь вперед «агитатор, горлан, главарь» Маяковский. И даже неважно, что современник и знакомый Маяковского Илья Эренбург писал, что, проезжая ежедневно мимо памятника Маяковскому, он видит на постаменте человека, которого никогда не знал таким в жизни. Может быть и Пушкин был редок в той позе и манере, в какой его поставил Опекушин напротив Страстного монастыря. Дело в данном случае в образе Поэта, выразителя и водителя дум, как он виделся, символизировался в двух культурах. И если Пушкин звал к милости, то Маяковский — к расправе, передавая в качестве аргумента последнее слово «товарищу маузеру». Сопоставление будет неполным, если особо не отметить, что для русского был характерен возвышенный идеализм и религиозность. Для советского — грубый материализм и воинствующий атеизм.

Речь идет не обо всех, конечно, людях, живших в России или в Советском Союзе, а лишь о типе русского человека и о типе советского человека. О том, к чему стремилась и куда призывала русскую душу ее духовная история, идеология и жизнь, и о том, к чему стремилась и что насаждала вся советская история, идеология и жизнь. То есть речь идет о направленностях, типах культуры, кристаллизуемых в определенных нравственных образах личности.

Мы говорили до сих пор о внешних, феноменологических различиях, за которыми должны лежать и вполне определенные внутренние, структурные. Однако для того, чтобы их рассмотреть, надо выдвинуть некоторые психологические основания.

Важнейшим для характеристики личности является типичный, преобладающий для нее способ отношения к другому человеку, другим людям, и соответственно, к самому себе. К этому приходили многие авторы, но применительно к психологии наиболее проникновенно сказано, пожалуй, у С.Л. Рубинштейна: «...Первейшее из первых условий жизни человека — это другой человек. Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. „Сердце“ человека все соткано из его человеческих

⁴⁸ Братусь В.С. Психология. Нравственность. Культура. М.1994.

⁴⁹ «Народы — в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности. Их воспитывают века, как отдельных людей воспитывают годы». (Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989, с.44)

отношений к другим людям; то, чего он стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен устанавливать. Психологический анализ жизни, направленный на раскрытие отношений человека к другим людям, составляет ядро подлинной психологии. Здесь вместе с тем область „стыка“ психологии с этикой». ⁵⁰

Исходя из доминирующего способа отношения к себе и другому человеку было намечено несколько принципиальных уровней в структуре личности.

Первый уровень — эгоцентрический. Он определяется преимущественным стремлением лишь к собственному удобству, выгоде, престижу. Отношение к себе здесь как к единице, самооценности, а отношение к другим сугубо потребительское, лишь в зависимости от того, помогает ли другой личному успеху или нет. Если помогает, то он оценивается как удобный, хороший, если не помогает, препятствует, затрудняет, то — как плохой, враг.

Следующий, качественно иной уровень — группоцентрический. Человек, тяготеющий к этому уровню, идентифицирует себя с какой-либо группой и отношение его к другим людям тесно зависит от того, входят ли эти другие в его группу или нет. Группа при этом может быть самой разнообразной, не только маленькой, узкой как семья, например, но достаточно большой, например, целая нация, народ, класс. Если другой входит в такую группу, то он обладает свойством самооценности (вернее «группоценности» ибо ценен не сам по себе, а своей принадлежностью, родством группе), достоин жалости, сострадания, уважения, снисхождения, прощения, любви. Если же другой в эту группу не входит, то эти чувства могут на него не распространяться.

Следующий уровень мы назовем просоциальным или гуманистическим. Для человека, который достигает этого уровня, отношение к другому уже не определяется тем лишь — принадлежит он к определенной группе или нет. За каждым человеком, пусть даже недалеким, не входящим в мою группу, подразумевается самооценность и равенство его в отношении прав, свобод и обязанностей. В отличие от предыдущего уровня, где смысловая, личностная направленность ограничена пользой, благосостоянием, укреплением позиций относительно замкнутой группы, подлинно просоциальный уровень, в особенности его высшие ступени, характеризуются внутренней смысловой устремленностью человека на достижение таких результатов (продуктов труда, деятельности, общения, познания), которые принесут равное благо другим, даже лично ему незнакомым, «чужим», «дальним» людям, обществу, человечеству в целом.

Если на первом описанном нами уровне другой человек выступает как вещь, как подножие эгоцентрических желаний, если на втором — другие делятся на круг «своих», обладающих самооценностью, и «чужих», ее лишенных, то на третьем уровне принцип самооценности человека становится всеобщим. По сути, только с этого уровня можно говорить о нравственности, только здесь начинает выполняться старое «золотое правило» этики — поступай с другими так, как ты бы хотел, чтобы поступали с тобой, или известный императив Канта, требующий, чтобы максима, правило твоего поведения было равнопригодно, могло быть распространено как правило для всего человечества. На предыдущих стадиях речь о нравственности не идет, хотя можно, разумеется, говорить о морали — эгоцентрической или групповой, корпоративной.

Просоциальная, гуманистическая ступень — казалось бы высшая из возможных для развития личности. Однако над этой замечательной и высокой ступенью есть еще одна. Ее можно назвать духовной или эсхатологической. На этой ступени человек начинает осознавать и смотреть на себя и другого не как на конечные и смертные существа, но как на существа особого рода, связанные, подобные, соотносимые с духовным миром. Как на существа, жизнь которых не кончается вместе с концом жизни земной. Иными словами — это уровень, в рамках которого решаются субъективные отношения человека с Богом, устанавливается личная формула связи с Ним. Если говорить о христианской традиции, то субъект приходит здесь к пониманию человека как образа и подобия Божия, поэтому другой человек приобретает в его

⁵⁰ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957, с.262-263.

глазах не только гуманистическую, разумную, общечеловеческую, но и особую сакральную, божественную ценность.

Понятно, что на каждой ступени меняется представление человека о благе и счастье. На первой ступени (эгоцентрической) это личное благо и счастье вне зависимости от того — счастливы или несчастны другие. (Лучше даже, чтобы они были несчастны, чтобы на их фоне ярче сияло твое счастье.)

На второй ступени благо и счастье связаны с процветанием той группы, с которой идентифицирует себя человек. Он не может быть счастлив, если терпит несчастье его группа. В то же время, если терпят ущерб и несчастье люди, не входящие в его группу, — это мало влияет на ощущение его счастья.

На третьей ступени счастье и благополучие подразумевает их распространение на всех людей, все человечество. Наконец, на четвертой ступени к этому прибавляется ощущение связи с Богом и представление о счастье как служении и соединении с Ним.

Чтобы приблизиться к пониманию реальной сложности, необходимо также добавить, что помимо намеченной вертикали души, ее подъемных уровней, существует шкала степеней присвоенности тех или иных смысловых содержания и мотивационных устремлений, принадлежащих к разным уровням. Так, можно говорить о неустойчивых, ситуативных смысловых содержаниях, характеризующихся эпизодичностью, зависимостью от внешних обстоятельств; далее — об устойчивых, личностно присвоенных смысловых содержаниях, вошедших, вплетенных в общую структуру смысловой сферы; и наконец, о личностных ценностях, определяемых как осознанные и принятые человеком наиболее общие, генерализованные смыслы его жизни.

Если уровни смысловой сферы составляют вертикаль, ординату сетки смысловых отношений, то намеченные степени присвоенное их личностью (ситуативная, устойчивая, личностно-ценностная) составляют горизонталь, абсциссу этой сетки. Поэтому одно и то же внутреннее смысловое побуждение или его внешнее проявление, деяние, поступок могут иметь разное внутреннее обоснование и душевный резонанс в зависимости от того, являются ли они сугубо ситуационно обусловленными или есть следствие выстраданных и сознательно исповедуемых личностью ценностей. Это обстоятельство весьма осложняет характеристику душевной жизни, делая ее ареной внутренней борьбы разных тенденций, уровней и направлений с той или иной степенью интенсивности заявляющих о себе. Вспомним афоризм: «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо». Если каждого строго «разобрать» на составляющие его желания, помыслы, потребности и печали, то отдельные детали этого конструктора под названием «душа человеческая» окажутся, во-первых, во многом сходными, а во-вторых, их набор, наименование во многом одинаковыми. Важны не выхваченные из контекста отдельные части, а их неповторимое соотносительное, сочетание, общая устремленность, противоборство, которые и составляют захватывающую картину человеческого духа, его восхождение или нисхождение, подвижничество или прозябание, подвиг или падение.

Поэтому я весьма далек от мысли, что людей можно расклассифицировать, расставить каждого на определенной ступени. Все четыре уровня так или иначе присутствуют, сожительство в каждом и в какие-то моменты, хотя бы эпизодом, ситуативно побеждает один уровень, а в какие-то — другой. Однако вполне можно говорить и о некотором типичном для данного человека профиле, типичном устремлении. Так, хотя выраженного эгоцентриста могут вполне посещать и группоцентрические, и гуманистические, и даже духовные порывы, они, как правило, проигрывают, терпят поражение, отступают в реальной жизни перед мотивами эгоцентрическими, успешными приобрести в его душе статус личностных ценностей.

Можно использовать здесь для иллюстрации и церковный образ «прозрачности» человека. Эгоцентрист по большей части прозрачен, открыт лишь для эгоцентрических побуждений, тогда как в отношении вышележащих уровней он затуманен, неверен, случаен, видит их как бы в дымке, искажении, дурном преломлении. Подъем по ступеням развития личности — это все большая открытость, прозрачность человека ко все более высоким смыслообразующим уровням. Духовная, эсхатологическая ступень делает человека открытым, прозрачным Самому Богу. Это может произойти ситуативно, на время и далее замутиться надолго, а может стать и относительно постоянным состоянием. Вот тогда-то мы видим и говорим, что человек светится

весь, изучает добро и свет. Но не он из себя сам, а через него, ставшего прозрачным для Бога.

Надо ли добавлять, что человек просоциального или духовного склада не просто пребывает в башне из слоновой кости, но ведет тяжкую и постоянную борьбу с нижележащими уровнями души. Это действительно восхождение со всеми его опасностями. И потому эгоцентрист при определенных условиях, подвиге и дерзании души может возвыситься, а духовный, религиозный человек пасть, низвергнуться в одночасье в бездну.

Теперь, после этого психологического отступления вернемся к проблеме внутреннего нравственного различия человека русской культуры и человека советского. Добавим к этому для сравнения и человека западного, точнее, центрально— и западноевропейского. Надо ли вновь подчеркивать, что речь пойдет, конечно, об абстракции, и о том, к чему стремилась соответствующая культура — русская, советская и западная в качестве своего образца, цели, упования.

Русская культура при всех ее издержках стремилась к образованию и реализации в человеке духовного, эсхатологического уровня как главного и определяющего его нравственный облик. Любое дело, чтобы быть признанным, благим, нужным, должно было быть оправдано, соотнесено с христианским намерением, с Христом. Все остальные деяния, пусть и приносящие внешнюю, материальную пользу, рассматривались как зло.⁵¹

Советская культура всей мощью тоталитарной системы формировала (можно сказать грубее и точнее — формовала, прессовала) иной тип личности — группоцентрический. Главными были класс, партия, коммунистическое общество, а все, что вокруг — враги, против которых возможны любые средства борьбы. Все было направлено именно к такой, по сути дела, донравственной позиции.

Западная культура выносила в себе просоциальную, гуманистическую ориентацию. Стремление в идеале нести благо всем людям, человечеству в целом. Этим ориентациям способствовали и одновременно их отражали весьма многие обстоятельства и условия.

Возьмем, например, западный вариант. Западная государственность формировалась как стремление к праву, такому порядку, при котором каждый член общества был бы в равной степени защищен законом и ответственностью перед ним. Центральными здесь стали понятия чести, справедливости, закона. Отсюда глубокая разработка, реальное правовое, юридическое обеспечение гуманистических тенденций.

Русская история закона не знала, она вся пропитана произволом царей, губернатора, любого начальника, любого, как писал Достоевский, дьячка в церкви. Народ, человек, по сути, всегда чувствовал себя совершенно бесправным. Если он и мог к чему-то апеллировать, то не к закону, а к совести, состраданию, христианскому милосердию другого. То есть он как бы миновал инстанцию гуманистическую, правовую и обращался сразу к духовному уровню. Поэтому в профиле русской души как бы провал, ущерб правового сознания, но именно он способствовал, подталкивал к жизни духовной. Царь мог миловать, а мог казнить. И это зависело не от закона, а от того, внемлет ли он мольбе, просьбе, простит ли он «Христа ради», а не ради такого-то параграфа закона. Ключевым, таким образом, опорным здесь является слово «совесть».

Что касается советской морали, то она, как сказано, была выраженно группоцентрической и ключевым здесь является понятие «классового сознания». То есть для снисхождения или оправдания надо было апеллировать не к закону и чести, не к совести и Богу, но к классовой пользе. (Известно, что некоторые участники показательных процессов 30-х годов брали на себя несуществующую вину только потому, что считали — так будет лучше для коммунистической партии и пролетариата).

Данная классификация находит достаточно много и других подтверждений. Возьмем, например, такой чуткий показатель, как язык. В русском языке нет строгого определения места глаголов и порядка других слов, это язык, как заметил Бродский, завихрений придаточных предложений. Но именно такой язык в наибольшей степени оказывается пригодным для

⁵¹ Францию зывали прекрасной, а Россию святой вовсе не потому, что в первой все так хороши собой, а во второй все святы, но потому, что во Франции, как нигде, поклонялись и ценили красоту, а в России — святость.

описания далеких от однозначности, трудновыразимых духовных реалий. Это лишь структурная сторона. Русский язык отличается от других и по значению многих, причем сугубо повседневных слов — это язык необыкновенно сакральный, возможно, самый сакральный, христианский из мировых языков. В самом деле, обычная благодарность «спасибо» — это спаси Бог, название седьмого дня недели «воскресенье» — в напоминание центрального таинства христианства Воскресения Христова, судьба — это суд Божий и др.

Что касается советского языка, то это тоже совершенно особый новояз, новый язык эпохи. Это язык, в котором всячески подчеркивалось коллективное начало. Вспомним распространенные клише — «все как один», «еще теснее сплотимся вокруг партии», «народ и партия едины», «все советские люди с чувством глубокого удовлетворения встретили решение съезда (собрания, пленума)» и т.д. Причем не следует думать, что то были лишь некоторые внешние, совершенно отчужденные от индивидуального сознания формулы, они вполне пропечатывались, соотносились и с обыденным уровнем, поскольку и то и другое формировалось как следствие одной культуры, одного подхода к человеку. Кто не помнит таких житейских, каждодневных оборотов, как «тебе больше всех надо?», «ты что — лучше других?», «я — как все» и т.п., где всячески подчеркивалось значение «всех», массы, группы и незначимость отдельной личности. Помню, как на семинар нашего известного старого профессора робко зашел человек и между ним и профессором состоялся следующий обмен репликами. «Вы кто?» — спросил профессор. «Я — никто,» — ответил вошедший. Для западного человека этот диалог выглядит, наверное, как в высшей степени невежливый и одновременно нелепый, непонятный, в то время как в контексте советской культуры значение его вполне понятно: профессор спросил у вошедшего, из какого тот учреждения (организации, сообщества), а вошедший ответил, что не из какого, никакому конкретному не принадлежит, никем не послан, следовательно «никто». Еще один характерный штрих советского новояза — это обилие и значимость неопределенных, безличных построений: «Ему дали 10 лет» (об осужденном), «Вчера выкинули ботинки» (о неожиданном появлении товара), «имеется мнение», «наверху считают» (о негласном решении руководства) и т.д. Все эти суждения также исключали личность (вернее, отражали, констатировали ее исключение) и апеллировали к некой безличной силе, доминирующей над конкретным человеком.

Тип личности перестроечной эпохи

Попробуем теперь перейти к тому типу личности или, точнее, к тому типу культуры с соответствующим, формируемым им типом личности, который мы находим сейчас в нашей державе в качестве определяющего.

Первое, совершенно очевидное, — мы живем в обществе посттоталитарном, а именно — посткоммунистическом. Второй (тоже, видимо, совершенно очевидной) характеристикой является то, что возникший при этом тип личности, тип культуры является достаточно временным, переходным. И, наконец, третье, во многом слагающееся из двух первых, — это общество, находящееся одновременно в агонии старого и муках рождения нового, это общество краха, слома одной идеологии и культуры и несформированности еще культуры другой.

Если обратиться к психологическому понятийному аппарату, то применительно к личности, ее деятельности, аналогичное состояние может быть обозначено как переходное потребностно-мотивационное состояние.

Его отличие от периода стабильного бытия в следующем. Потребность имеет достаточно очерченный предмет, имя, она поименована, она всегда потребность в чем-то (пище, познании и т.п.). Человек в этом плане — существо разъятое, нужное ему находиться во вне его, отстоит, отделено пространством, препятствиями, временем, обстоятельствами. В древней Греции близкие друзья, расставаясь, разламывали вещь, дощечку с надписью или рисунком и после иногда долгих лет разлуки и странствий, встречаясь вновь, соединяли обе части, которые образовывали целое, единое, ожидающее одно другого, что вместе, в таком собранном, соединенном состоянии называлось символом. Как бы ни была проста или сложна потребность, для осуществления деятельности по ее удовлетворению необходимо построить образ потребного и знать цель, предмет стремления, овладение, соединение с которым становится

символом, знаком этой деятельности.

Иное в переходном потребностно-мотивационном состоянии. В нем есть желание, стремление, но нет устойчивого, определенного предмета ему отвечающего. Это стремление как бы говорит — пойдти туда, не знаю куда и принеси то, не знаю что. Да побыстрее, мне не терпится именно там и это получить.

Человек в подобном состоянии может еще сказать о том, чего он не хочет, но не о том, что именно ему действительно нужно. У него нет образа целого, нет образа разъятой половины, стремление к соединению, овладению которой должно стать основой, знаком, символом его осмысленной деятельности. Вот и мечется он в этом состоянии, часто капризничает, дурит, когда мучительно и страстно, а когда лениво и вяло перебирая возможные предметы, как бы прилаживая то одну, то другую половину разбросанных, зашифрованных в бытии символов.

Состояние это весьма опасно. Во-первых, своей тягостностью, возможным отчаянием, а во-вторых, вероятностью обмана, выбора ложного предмета, не отвечающего на деле сути личностного роста, являющегося ложным символом встречи с врагом, а не с другом. Причем надо отчетливо понимать, что выбор предмета есть на деле выбор пути, ибо нахождение предмета означает конец переходного потребностного состояния и формирование качественно нового психологического образования — потребности (т.е. нужды, знающей свой предмет), которая в свою очередь побуждает к деятельности по ее удовлетворению. Эта деятельность может длиться годами, прежде чем обнаружится, что предмет был ложным и опасным. Поэтому в кризисе переходных состояний мы на деле выбираем путь, судьбу. Как говорили раньше в словах брачного предложения предмету своей страсти: «Вы можете составить счастье целой жизни». А можете, — добавим мы, — составить и несчастье целой жизни.

Итак, нынешнее состояние с позиций психологии является переходным потребностно-мотивационным состоянием, которое не знает своего конкретного предмета-пути, не знает себя, но пытается узнать, опредметить, исходя из наличного, видимого, узнаваемого круга, веера возможных предметов. Идет перебор, увлечение то одним, то другим, но не один из выборов не окончательный, напротив, они меняются с необычной быстротой и пока все возможно и все крайне неустойчиво. Одно увлечение сменяется другим и то, что вчера восхвалялось, сегодня — низвергается и подвергается хуле. Налицо все признаки переходной культуры, культуры без культа, без очерченного доминирующего стремления.

Но положение такое не вечно, на то оно и обозначено как переходное. Доминирующие направления, устойчивый предмет будут выбраны, эпоха (что в жизни личности, что в жизни общества) обретет новый символ, новую судьбу и знак, новый путь. Понятно, что выбор этот при всей его внешней хаотичности не случаен. Он определен как моментами духовного, провидческого плана, о которых пока повременим говорить, так и установками внутриспсихологическими. Что же наиболее характерно для этих последних?

Мы видели, что советская эпоха сформировала группо-центрическую ориентацию общества и личности и, соответственно, группоцентрические внутренние, часто не осознаваемые установки. Теперь, в нынешних условиях многие предметы и символы, венчающие эти установки оказались дискредитированными, утеревшими прежнюю привлекательность. Предметы ушли или поблекли, но установки остаются, ибо они обладают обычно большой инерцией, тяжестью и не меняются в одночасье из-за внешних причин.

И действительно — сейчас мы наблюдаем, казалось бы, резкую, кардинальную перемену символов и увлечений, однако по внутренней своей сути, по смыслу личностных установок их породивших, они остаются прежними. В известном плане группоцентризм сейчас не только не преодолен, но, напротив, расцвел, обрел новые формы и воплощения — сепаратизм, национализм, всевозможные формы группования, кучкования и противостояния.

В истории двадцатого века было два чудовищных апофеоза группоцентрической ориентации — коммунизм и фашизм. В основе коммунизма лежит центризм классовой идеи. В основе фашизма — центризм нации. То и другое произрастает из одного психологического корня, из одного соблазна — люциферовой идеи отъединения от общего и гордости за частное. Наша современность только подтверждает эту общность: ныне две эти ветви, первоначально как бы враждебные, соединились — на сцену вышли красно-коричневые.

Но даже там, где, к счастью, этого не происходит, группоцентризм все равно выдвигается

на первое место, пусть в других, более мягких формах. Причем характерно, что группоцентрические, сепаратистские тенденции возглавляют те же коммунистические лидеры, но обычно не первого, явно дискредитировавшего себя, а второго, третьего эшелона власти. Буквально — вторые, третьи секретари ЦК компартий республик, секретари по идеологии и т.п. Причем ратуя ныне за национальную самостоятельность в противовес своим прежним разговорам об интернационализме и единстве Союза, они не очень и кривят душой, ибо с психологической, внутренней стороны продолжают служить все тому же — группоцентрической идее. Сбылось в этом плане пророчество одного из польских диссидентов: «Национализм — последняя стадия коммунизма».

Злую шутку сыграл группоцентризм и с российским демократическим движением — этой первой посттоталитарной любовью многих. Демократия возможна только на прочной основе правовой государственности, которая в свою очередь порождает и зиждется на просоциальном типе личности как образце, уповании общества. Не имея этой подпоры, демократическое движение с необыкновенной быстротой сползло в тот же группоцентризм, породило новые номенклатурные ряды, привилегии, «демобюрократов» и т.п. (Эти даже хуже прежних, жалуются предприниматели, — те понахватали свое, а у этих неутоленный аппетит). Сама же «демократичность» свелась к повсеместному ослаблению, атрофии государственной власти и контроля, что обернулось полной незащищенностью людей и отсутствием каких-либо единых правил, гарантий и пределов (недаром в журналистский и житейский обиход вошло ныне сугубо блатное слово «беспредел», означающее игнорирование всех правил и отбрасывание всех норм).

На этом фоне романтически окрашенная национальная идея начинает приобретать все больший вес, а демократия подвергается все большей критике. Не берется во внимание при этом, что данные явления сугубо разнопорядковые. Демократия — способ правления, а не идея государства, поэтому идея не противоречит демократии, а, напротив, может быть наиболее полно осуществлена именно демократическим путем.

Но группоцентризму, что у той, что у другой стороны не до этих тонкостей — важно поскорей разделить на ваших и наших, а то, что в одном случае речь идет о колесах экипажа, а в другом о том, куда ему ехать, не различается спорящими. Одни спешат сесть в экипаж без колес, а другие так увлеклись испытанием и прилаживанием колес, что и думать не хотят о целях и значении путешествия. Последние При этом, если продолжить аналогию, вместо круглых колес пока упорно экспериментируют с квадратными или вдруг пускают шаткую, на живую нитку слепленную повозку под горку не соорудив тормоза. Все же неудобства и опасности (прямо скажем, смертельные) такой езды люди связывают с имедом, присвоенным экспериментаторами этой повозке — с демократией, которая имеет на деле мало общего с этим диким сооружением, и которая прошла проверку веками не только на путях и пространствах западных и заморских стран, но и нашей собственной истории (принцип общности, соборность, вечевая республика Новгорода).

Можно ли, однако, сказать, что национализм и сепаратизм — именно то предметное содержание, что разрешит кризис переходного состояния, станет культом новой культуры, сформирует устойчивую потребность и устойчивое стремление к деятельности по ее удовлетворению?

Весьма на то похоже, однако надо отдавать себе полный отчет, что эта линия, будучи до конца и последовательно осуществленной, таит чрезвычайные опасности. Как этап, как важная, но промежуточная ступень возрождения, она, по сути дела, неизбежна, но застывание, стагнация на этом уровне ведет к тупику, к двум отмеченным формам последовательного группоцентризма — коммунизму и фашизму или к их смещениям. Искать какую-либо новую, благую форму группоцентризма, возведенного в ранг государственности — занятие сомнительное. Хватит с нас того, что мы три четверти двадцатого века служили полигоном коммунизма. Путь же фашизма — от самых ранних, внешне невинных форм до катастрофы — продемонстрировала Германия, оставшаяся, правда, по отношению к нам в лучшем положении — там эта чума свирепствовала только 12 лет.

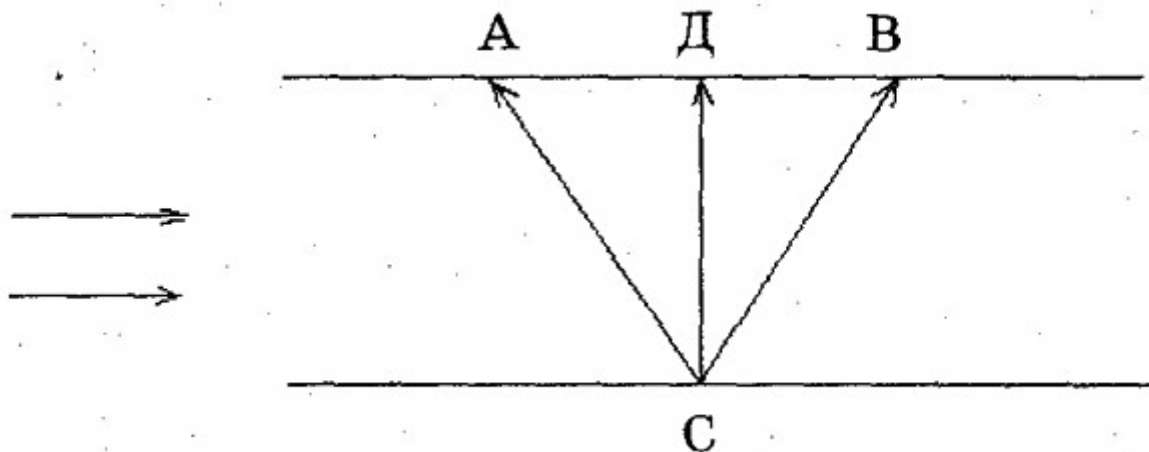
Прежде чем попытаться разобраться, зададимся следующим существенным вопросом — какая из двух намеченных групп устремлений нашего переходного состояния главная, ведущая

— политико-социальная или духовная, что должно сейчас вести нашу жизнь — сфера политико-экономическая, а духовная лишь сопровождать, оттенять, ограждать от крайностей, окультурировать ее или устремление духовные, а политика и экономика лишь реализовывать, подчиняться, определяться ею.

Вопрос в нынешней ситуации кажется излишним, а сама постановка либо наивной, либо прекраснодушной, маниловской, до проблем ли приоритета духовности сейчас? Конечно, почему бы не поговорить, почему бы не уделить внимание, не поинтересоваться этим в меру, но главное, людей надо обути и накормить, поля засеять и убрать, машины заправить бензином, преступность обуздать, медицине дать лекарства, просвещению средства и т.д. и т.п.

При этом, конечно, смотрят на Запад с его чистой, ухоженной, приличной жизнью. Нам бы хоть приблизиться к этому, передохнуть от грязи, хамства, бескормицы и беспорядка, тогда уже и духовность подтянем, а пока что не до привлекательных иллюзий.

Возражение, конечно, серьезное. При одном, однако, условии: если рассматривать духовность как нечто отделенное от повседневной жизни, забот, трудов, созидательной деятельности. Но обратимся еще раз к психологии и постараемся с ее помощью рассмотреть эту коллизию. Воспользуемся для наглядности следующим образом. При обсуждении картины Николая Рериха «Гонец» Л.Н.Толстой не столько, видимо, о самой картине, сколько в жизненное напутствие еще молодому тогда художнику сказал: «Случалось ли в лодке переезжать быстроходную реку? Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все снесет. Пусть ваш гонец очень высоко руль держит, тогда доплывет. Представим сказанное в виде простой схемы:

Река бытия, жизни с ее сильным сносящим течением к низшему, субъект (С) и цель, которую он хочет достичь (Д). Парадокс состоит, однако, в том, что добросовестно устремляясь к этой цели, он ее достичь не сможет, но окажется ниже (например, в точке В), подчас много ниже того, к чему стремился, а чтобы достичь в конце концов намеченного, он должен ставить себе иные, куда более высокие, превосходящие цели (А).

Эта модель может быть распространена как на отдельные нравственные судьбы, так и на целые исторические эпохи, в том числе и на роковую для нас эпоху материализма.

У нас в стране сейчас в определенных кругах очень в ходу идея чуждого влияния, тайных и могущественных сил, совращающих народ. Идея типично группоцентрическая, группоцентрической семантики сознания (помните — «выкинули ботинки», «есть мнение», «дали 10 лет», «наверху считают») — все происходит от того, что есть кто-то, некто управляющий, выкидывающий, дающий, нами, простецами, манипулирующий. Вот и сейчас слои с группоцентрическим психологическим наследием (а таких у нас достаточно) упорно ищут (а раз ищут, то и находят как при любом усиленном, переходящем в параною внимании) тайные причины.

Разумеется, есть сонм врагов у всякого — видимых и невидимых, как и обилие вирусов

вокруг и внутри организма, но ведь несмотря на это обилие кто-то заболевает, а кто-то нет. И в духовной сфере народа ли, человека то же. Между тем, полная, действительная, не отклоненная правда такова, что цель «реальное счастье реального человека» напрямую не достигается, если ставить ее как таковую, а затем как угодно сознательно и планомерно следовать к ней. Она неизбежно исчезает в ходе этого движения, становится болотным огнем, и мы вдруг оказываемся вместо райских кущей в ином месте — страшном, кровавом, на каждом шагу унижающем и попирающем человека. И получаем в результате не «человека реального», сознательно, планомерно формируемого, а человека в нашем случае, «советского».

Общий вывод, таким образом, состоит в том, что поставленная обществом (человеком) в качестве конечной сознательная цель общественного (личного) бытия по сути невыполнима. Или чуть по иному — видимые социально-политические (социально-психологические) воплощения есть на деле следствия определенного рода смещений, возникающих в результате движения к часто скрытой, трудноформулируемой, но по неизбежной природе теоретической, идейно, идеологически выработанной цели. Направление этих смещений очевидно: от высшего к низшему. Цель тем самым не должна совпадать с целью, не должна быть равна самой себе, но для достижения реального и возможного надобно стремиться к идеальному и невозможному.

Через такое понимание может быть уяснена коренная ошибка (иллюзия) современных постсоветских конструкторов социально-экономической политики. Последние, да и мы, пострадавшие, хотим жизни «как на Западе» — действительно чистой, приличной, социально-защищенной и стремимся, направляемся к этой цели, не осознавая (и это роковое заблуждение), что цель эта принципиально не достигается через стремление к ней как таковой. Ведь ее достижение Западом — результат соотношения с вполне определенными культурными принципами, идеологией, религией, которые и были ориентирующими, ведущими, тянущими весь процесс, тогда как видимая реальность есть результат происшедшего смещения, воплощения этих устремлений. Как заметил один из публицистов, французская революция провозгласила свободу, равенство и братство, а в результате вышли растиньяки. Мы же сознательно и прямым ходом правим к растиньякам. Что же получим в результате?

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРОВ

Типологическая модель К.Юнга. Швейцария

Экстраверсия и четыре функции

Экстравертная установка

Когда чья-либо сознательная ориентация определяется объективной реальностью, фактами, получаемыми из внешнего мира, мы говорим об экстравертной установке. Если такое положение вещей является привычным, обыденным, перед нами — экстравертный тип.⁵²

«Экстраверсия характеризуется интересом к внешнему объекту, отзывчивостью и готовностью к принятию внешних событий и ситуаций, желанием влиять на них и находиться под их влиянием, потребностью присоединяться и быть „в“, способностью терпеть суматоху и шум любого рода и даже находить в этом радость; постоянным вниманием к окружающему миру, стремлением иметь друзей и знакомых, не очень тщательно их выбирая, и, в конечном итоге, сильной привязанностью к выделенной для себя фигуре, и, следовательно, мощной тенденцией демонстрировать самого себя. Соответственно, философия жизни экстраверта и его этика имеют, как правило, в высокой степени коллективную природу с сильной альтруистической чертой, и его нравственное начало, категория совести являются в

⁵² Д.Шарп. Типы личности. Воронеж. 1994. Дайджест.

значительной мере зависимыми от общественного мнения...

Его религиозные убеждения определяются, так сказать, большинством голосов⁵³.

В общем, экстраверт полагается на получаемое из внешнего мира и также не склонен подчинять личные мотивы критической проверке.

«Реальный субъект⁵⁴ является, насколько это возможно, погруженным в темноту. Он прячет свою личность от самого себя под покровами бессознательного... У него нет секретов, он не хранит их долго, поскольку делится ими с другими. Если, тем не менее случается что-то не могущее быть упомянуто, он предпочтет это забыть. Избегается все, что может сделать тусклым парад оптимизма и позитивизма. Все, о чем он думает, к чему намерен и что делает, производит впечатление уверенности и теплоты».

Согласно Юнгу, психическая жизнь данного типа разыгрывается снаружи, непосредственно, как реакция на окружающую среду:

«Он живет в других и через других; любое самообщение приводит его в содрогание. Опасности гнездящихся во внутреннем диалоге лучше всего топят шумом. Если у него даже и есть какой-то „комплекс“, он находит убежище в социальном кружении и разрешает себе быть уверенным по несколько раз в день, что все в порядке».

Юнг заканчивает свое описание экстравертного типа благожелательным пониманием и высокой оценкой: «В том случае, если он не слишком хлопотун, не слишком суется в чужие дела, если он не сверхинициативен и не слишком поверхностен, то такой⁵⁵ может с лихвой быть полезным членом сообщества».

Юнг полагал, что типовая дифференциация начинается очень рано, «столь рано, что в некоторых случаях можно говорить о ней, как о врожденной»:

«Самым ранним признаком экстраверсии у ребенка является его быстрое приспособление к окружающей среде и его необычное внимание, которое он уделяет объектам, в особенности, тем результатам, которые он от них получает. Страх перед предметами минимален; он живет и перемещается среди них с уверенностью... и может, поэтому, свободно играть с ними и учиться, благодаря им. Ему нравится доводить свои начинания до крайности и подвергать себя риску. Все неизвестное его манит».

Хотя любой человек неизбежно подвержен воздействию объективных условий, у экстраверта мысли, решения, стереотипы поведения реально определяются этими условиями, а не просто оказываются под их влиянием, то есть объективные условия доминируют над субъективными взглядами.

Естественно, экстраверт имеет и свои собственные взгляды, но в текущей жизни они неизменно ставятся в зависимость от условий, обнаруживаемых во внешнем мире. Внутренняя жизнь всегда занимает второе место после внешней необходимости. Сознание человека, как целое, ориентировано наружу, потому что оттуда исходят существенные и решающие детерминанты. Интерес и внимание сфокусированы на объективных событиях, на предметах, и других людях, обычно сосредоточенных в непосредственном окружении. Юнг дает несколько примеров этого типа:

«Святой Августин: „Я не смог бы поверить в Евангелие, если бы авторитет Католической Церкви не заставил это сделать“.

Покорная дочь: «Я не могу позволить себе думать о чем-либо, что могло бы не понравиться моему отцу».

Некто, считающий произведение современной музыки прекрасным лишь потому, что все вокруг думают, что эта музыка замечательная. Мужчина женился с намерением доставить удовольствие своим родителям, сам совершенно того не желая. Есть люди, которые ищут

⁵³ Все высказывания К. Юнга здесь и далее приводятся по К.Юнг. Психологические типы. М., 1994.

⁵⁴ Экстравертная личность.

⁵⁵ Экстраверт.

способа выглядеть посмешищем, для того, чтобы развлечь других людей... Не так уж мало найдется таких, кто во всем, что они делают или не делают, живут единственным побуждением: что о них подумают другие?»

Преобладание моральных стандартов диктует экстраверту его личную точку зрения, его личностную позицию. Если сами нравы изменяются, экстраверт подстраивает свои взгляды и стереотипы поведения под новые образцы. Его способность и склонность к подстраиванию, к подгонке в соответствии с существующими внешними условиями выступает одновременно и как его сила, и как ограничение. Тенденция экстраверта столь мощно ориентирована вовне, что, в общем, он не обращает заметного внимания даже на собственное тело — до тех пор, пока с ним не случится чего-то серьезного. В данном случае, тело, как таковое, недостаточно «объективно», оно не «внешне», чтобы обращать на него внимание, следовательно, экстраверт смотрит сквозь пальцы на удовлетворение элементарных потребностей, необходимых для нормального самочувствия.

Страдает не только тело, но в равной степени и психика. В конце концов, тело «выдает» физические симптомы, которые даже экстраверт не может игнорировать; что же касается психики, то отклоняющиеся от нормы настроение и поведенческие стереотипы могут быть заметны только другим людям.

Экстраверсия, вне сомнения, ценное качество в общественных ситуациях и в реагировании на требования внешней среды. Но экстравертная установка в крайнем своем проявлении может непостижимым образом пожертвовать самим субъектом для того, чтобы осуществить то, что рассматривается как объективное требование — например, потребности других, или многочисленные требования расширяющегося бизнеса...

«В этом кроется опасность для экстраверта», — поясняет Юнг. — «Он засасывается объектами и совершенно в них теряется. Получающиеся в результате функциональные расстройства, нервные или телесные, обладают компенсаторной ценностью, как если бы они вынуждали его к невольному самоограничению».

Самая частая форма невроза у экстравертного типа — истерия. Это обычно проявляется в преувеличенном отношении к людям из окружающей среды; другим характерным признаком данного расстройства служит прямо-таки подражательная приноровленность к внешним обстоятельствам.

Основное качество истерика — это постоянное стремление делать себя интересным и производить хорошее впечатление на окружающих. Его внушаемость весьма заметна, истерик очень восприимчив к влияниям, идущим от других. Зачастую он прекрасный рассказчик, доходящий в своей общительности до весьма фантастических элементов (истерическая ложь).

Истерический невроз начинается с преувеличения всех обычных характеристик экстраверсии, а затем он усложняется компенсаторными реакциями из бессознательного. Эти реакции в противовес преувеличенной экстраверсии при помощи физических симптомов принуждают индивида к интроверсии. Это, в свою очередь, констеллирует подчиненную интроверсию экстраверта и создает другую категорию симптомов, наиболее типичными из которых является болезненно повышенная деятельность фантазии и страх остаться одному.

Экстраверт склонен жертвовать внутренней реальностью во имя внешних обстоятельств. Это не является проблемой до тех пор, пока экстраверсия не доходит до крайностей. Но в той степени, в какой это необходимо для компенсации односторонности, в бессознательном будет возникать нарастание субъективного фактора, а именно, заметная тенденция к самоцентрированию.

Все те потребности или желания, которые оказались заглушёнными или подавленными сознательной установкой, возвращаются, так сказать, через заднюю дверь в форме примитивных и инфантильных мыслей и эмоций, центрируемых на себе.

Приспособление экстраверта к объективной реальности приводит к тому, что мешает слабоэнергизированным субъективным импульсам достичь сознания. Однако, подавленные импульсы своей энергии не утрачивают; но поскольку они бессознательны, то могут проявлять себя в примитивном и архаическом виде. По мере того, как субъективные потребности подавляются или игнорируются все больше и больше, постепенно набирающая силу

бессознательная энергия работает на подрыв сознательной установки.

Опасность здесь заключается в том, что экстраверт, столь пристрастно — и по-видимому самоотверженно — настроенный на внешний мир и на потребности других людей, может, фактически, стать совершенно индифферентным. Юнг пишет:

«Чем более полной делается сознательная установка экстраверсии, тем более инфантильной и архаичной будет установка бессознательная. Эгоизм, характеризующий бессознательную установку экстраверта, идет гораздо дальше детского эгоизма; он граничит с безжалостностью и жестокостью».

В тот момент, когда бессознательное делается сверхактивным, оно выходит на свет в симптоматической форме. Эгоизм, инфантилизм и примитивизм, обычно скомпенсированные и относительно безвредные, теряют свой компенсаторный характер и начинают подстрекать сознание к абсурдному преувеличению, нацеленному на дальнейшее подавление бессознательного.

Конечная драма может принять объективную форму, когда внешняя деятельность экстраверта станет неблагоприятной или искаженной субъективными соображениями.

Юнг рассказывает о типографе, который после двадцатилетнего упорного труда достиг положения владельца крупного дела. Дело расширилось и дальше, типограф все глубже и глубже в него втягивался, постепенно растворяя в нем все остальные жизненные интересы. Дело кончилось полным поглощением и катастрофой. Как же это случилось? В виде компенсации его исключительно деловых интересов, в нем бессознательно оживились некоторые воспоминания из детства, а именно: в юные годы ему доставляло большое удовольствие писать красками и рисовать. И тут, вместо того, чтобы принять эту способность, как таковую, и использовать ее в виде уравновешивающего побочного занятия, он сделал ее частью своего дела и начал фантазировать о придании своим продуктам внешнего «художественного» вида. К несчастью, фантазии стали действительностью: поскольку его вкус был примитивным и неразвитым, то бизнес вскорости захирел и дело окончательно лопнуло. Типограф зашел слишком далеко и подпал под власть субъективных инфантильных притязаний.

Результат может также носить и субъективную природу — нервный срыв. Вероятней всего это может случиться, когда влияние бессознательного, в конечном итоге, парализует сознательное действие:

«В этом случае притязания бессознательного навязываются сознанию категорически и тем самым производят пагубный разлад, проявляющийся в большинстве случаев в том, что люди или не знают больше, чего они, собственно говоря, желают, а от этого и не имеют ни к чему больше охоты; или же в том, что они сразу же хотят слишком многого и имеют слишком много желания к вещам невозможным. Подавление инфантильных и примитивных притязаний, необходимое часто по культурным основаниям, легко приводит к неврозу или к злоупотреблению наркотиками, такими, как алкоголь, морфий, кокаин и др. В еще более тяжелых случаях внутренний душевный разлад приводит к самоубийству».

В общем, компенсирующая установка бессознательного работает на поддержание психического равновесия. Следовательно, даже в норме экстравертный индивид временами действует интровертным путем. Пока экстравертная установка доминирует, наиболее развитая функция будет проявляться экстравертным образом, в то время как подчиненная функция оказывается более или менее интровертной.

«Ведущая функция всегда является выражением сознательной личности, ее целей, воли, достижений, в то время как менее дифференцированные функции принадлежат той категории, в которой события с человеком „просто случаются“».

Хорошим примером этого является экстравертный чувствующий тип, который в норме получает удовольствие от близкого контакта с людьми, однако, временами, выражает мнения или делает замечания, которые шокируют своей бестактностью. Он может предложить тост за упокой на свадьбе и принести свои поздравления на похоронах. Такие «ляпы» исходят из подчиненного мышления, четвертой функции, которая у данного типа находится вне сознательного контроля и поэтому не слишком хорошо связана с другими.

Бессознательное обычно проявляется через менее дифференцированные функции,

которые у экстраверта имеют субъективную окраску и эгоцентрический уклон. Кроме того, как уже упоминалось во введении, постоянный наплыв бессознательных содержаний в сознательный психологический процесс оказывается таким, что наблюдателю часто трудно сказать, какие функции здесь принадлежат сознанию, а какие бессознательной личности. Как указывает Юнг, в дальнейшем это приводит к еще большей путанице, вносимой собственной психологией наблюдателя:

«Понятно, что это сильно зависит от установки наблюдателя, — постигает ли он больше сознательный или бессознательный характер личности. В общем, можно сказать, что наблюдатель, установленный на суждение⁵⁶, скорее всего будет постигать сознательный характер, тогда как наблюдатель, установленный на восприятие⁵⁷ будет больше поддаваться влиянию бессознательного характера, так как суждение интересуется, главным образом, сознательной мотивацией психического процесса, тогда как восприятие больше регистрирует сам процесс».

Поэтому, решая, какой установке принадлежит ведущая функция, необходимо внимательно смотреть, какая функция в большей степени находится под сознательным контролем, а какие — имеют бессистемный случайный характер. Ведущая функция — если таковая вообще имеется — всегда более высоко развита, нежели другие, которые неизбежно несут в себе инфантильные и примитивные черты. Кроме того, необходимо всегда помнить о своей собственной типологической предрасположенности, которая неизбежно искажает все наблюдения.

Экстравертный мыслительный тип

Когда жизнь индивида управляется, главным образом, рефлексией, а его действия строятся на основе интеллектуально осмысленных мотивов, мы говорим о мыслительном типе.

Мыслительная функция не имеет обязательной связи с рассудком или качеством мысли, это просто процесс. Мышление имеет место, когда некто формулирует научное понятие, реагирует на дневные новости или подсчитывает расходы, просматривая ресторанный счет. Мышление может быть экстравертным или интровертным, в соответствии с тем, куда оно ориентировано: на объект или на самого субъекта.

Экстравертное мышление обусловлено объективными данными, передаваемыми через восприятие (иначе апперцепцию). Как рациональная функция или функция суждения, мышление содержит суждение в самом себе. В случае экстравертного мышления любое суждение строится на критерии, получаемом из внешних условий, то есть тех, которые передаются традицией или образованием.

Экстравертные мыслительные типы настолько увлечены объектом, что без него они просто не могут существовать. Их рефлексия все время вращается вокруг внешних условий и обстоятельств. Это может быть столь же плодотворным, что и в случае интровертного мышления, которое не ориентируется на непосредственный объективный опыт, или на общие и объективно сформулированные идеи. Согласно Юнгу, экстравертный мыслительный тип: «... человек, который — конечно лишь, постольку поскольку он представляет собой чистый тип, — имеет стремление ставить всю совокупность своих жизненных проявлений в зависимость от интеллектуальных выводов, в конечном счете, ориентирующихся всегда по объективно данному, — или по объективным фактам, или по общезначимым идеям. Человек такого типа придает решающую силу объективной действительности, или, соответственно, ее объективно ориентированной интеллектуальной формуле, — и, притом, не только по отношению к самому себе, но и по отношению к окружающей среде».

В лучшем случае, мыслители-экстраверты становятся государственными деятелями, адвокатами, учеными-практиками, почтенными академиками, успешными антрепренерами. Они

⁵⁶ Мыслительный или чувствующий тип.

⁵⁷ Ощущающий тип или интуитивный тип.

превосходны в организации любого дела, будь то проект на бумаге, повседневная жизнь или деловая встреча. Владея хорошим чувством реальности, они вносят ясность в эмоциональные ситуации. Они составляют положительное качество любой организации, любого комитета; ибо знают букву закона и знают как эту букву применять на практике.

Наихудшим для этого типа является религиозный фанатик, политический оппортунист, зубрила, строгий учитель, не терпящий разногласий.

Согласно Юнгу, в своем крайнем выражении, экстравертные мыслительные типы подчиняют как себя, так и других, интеллектуальной «формуле»: системе правил, идеалов и принципов, которые, в конце концов, становятся жестким моральным кодом. Их отметкой являются справедливость и истина, основанные на том, что они рассматривают, как чистейшее постигаемое описание объективной реальности. «Обязан» и «должен» — типичные наиболее выпуклые аспекты их интеллектуальной точки зрения. Все окружающее их должно, для всеобщего блага, подчиниться «универсальному закону»:

«Если формула достаточно широка, то такой тип может сыграть в общественной жизни чрезвычайно полезную роль в качестве реформатора, общественного обвинителя и „очистителя совести“, а также пропагандиста важных новаций. Но чем уже формула, тем скорее этот тип превращается в брюзгу, резонера и пустослова, самодовольного критика, который хотел бы втиснуть и себя, и других в какую-нибудь схему».

Лучший аспект экстравертной установки находится на периферии их сферы деятельности, где неблагоприятные воздействия их тирании не столь заметны. Испытывать на себе дурные последствия экстравертной формулы приходится больше всего близким родственникам и друзьям, ибо они первые неумолимо осчастливливаются ею.

Наиболее пагубные эффекты экстравертного мышления приходятся на долю самого субъекта, поскольку, там, где основными параметрами существования оказываются объективные идеи, идеалы, правила и принципы, там очень мало внимания уделяется самому субъекту.

«То обстоятельство, что никогда не было и никогда не будет такой интеллектуальной формулы, которая могла бы вместить в себе и надлежащим образом выразить полноту жизни и ее возможности, — вызывает некоторую задержку и, соответственно, исключение других важных жизненных форм и жизненных проявлений. У человека этого типа, в первую очередь, подвергнутся подавлению все, зависящие от чувства, жизненные формы, как, например, вкус, эстетические представления, художественное чутье и понимание, культ и переживание дружбы и т.д. Иррациональные формы — религиозный опыт, страсти и т.п. — зачастую бывают полностью вытеснены из сознания... Существуют, правда, исключительные люди, которые могут всю свою жизнь принести в жертву одной определенной формуле, однако, большинство не в состоянии жить в такой исключительности сколь-нибудь длительно. Рано или поздно, в зависимости от внешних обстоятельств и внутреннего предрасположения, вытесненные интеллектуальной установкой жизненные формы косвенно обнаружатся через нарушение сознательного образа жизни. Когда такое расстройство достигнет определенного уровня, то можно говорить о неврозе».

Функцией наиболее антитетичной по отношению к мышлению является чувство. Следовательно, у данного типа, интровертное чувство бесспорно окажется подчиненным. Это означает, что всякая деятельность, зависящая от чувства — эстетический вкус, чувство артистизма, приобретение друзей, время, проводимое с семьей, любовные взаимоотношения и так далее, — по большей части, будут страдать. Мария-Луиза фон Франц описывает интровертное чувство как «очень трудное для понимания»:

«Хорошим примером для этого является австрийский поэт Рильке. Однажды он написал: „Я люблю вас, но это не ваше дело!“ Это любовь ради самой любви. Чувство оказывается очень сильным, но оно не течет по направлению к объекту. Оно скорее предпочитает оставаться в состоянии любви с самим собой. Естественно, этот чувственный тип во многом непонятен, и такие люди рассматриваются, как очень холодные. Но они вовсе не таковы: просто само чувство полностью без остатка пребывает внутри них».

В той степени, в какой мышление экстравертно, чувственная функция останется инфантильной и подавленной (вытесненной). «Если подавление успешно», — пишет Юнг, —

«то чувство исчезает из сознания и на подпороговом уровне развивает свою деятельность, противоборствующую сознательным намерениям и, при известных обстоятельствах, достигающую таких эффектов, происхождение которых представляется для индивида полнейшей загадкой. Так, например, осознанный альтруизм пресекается тайным и скрытым от самого индивида самолюбием, которое накладывает печать своекорыстия на бескорыстные, по существу, поступки. Чистые высоконравственные намерения могут привести индивида к критическим положениям, в которых, более чем вероятным сказывается, что решающие мотивы суть вовсе не этические, а совсем другие. Таковы, например, добровольные спасители или блюстители нравов, которые вдруг сами оказываются ищущими спасения, или скомпрометированными. Их ненасытное стремление спасти заставляет их же самих прибегать к таким средствам, которые способны повести, именно, к тому, чего хотелось бы избежать. Есть экстравертированные идеалисты, которые так стараются над осуществлением своего идеала для блага человечества, что не боятся даже лжи и других нечестных средств...

И все это по формуле: цель оправдывает средства. Только подчиненная функция, действующая бессознательно и вводящая в соблазн, может довести до таких заблуждений людей, в других отношениях, стоящих на высоте».

Подчиненное интровертное чувство обычно проявляется в сознательной установке, которая более или менее безличностна. Вот почему данный тип может казаться холодным и недружественным. Однако, с точки зрения самого типа, их просто больше интересуют сами факты, чем тот эффект, который их установка может произвести на других.

В крайнем случае, это ведет к умалению (пренебрежению) своих собственных жизненных интересов, равно как и интересов семьи, близких. В компенсацию к этому, бессознательные чувства становятся глубоко личностными и сверхсенситивными, проявляясь в мелочности, агрессивности, недоверчивости к другим.

Между тем, поддерживающая интеллектуальная «формула», которая, в действительности, может иметь существенную внутреннюю заслугу, становится более жесткой и догматичной, совершенно закрытой для любой модификации. Она может даже принять религиозное качество абсолютизма.

«Тем самым формула становится религией, даже если она, по своему существу, не имеет никакого отношения ни к чему религиозному. От этого она приобретает и присущий религии характер безусловности. Она становится, так сказать, интеллектуальным суеверием. Но все вытесненные ею психические тенденции скапливаются в бессознательном, образуют там оппозицию и вызывают приступа (пароксизмы) сомнений. Обороняясь от этих сомнений, сознательная установка становится фанатичной, ибо фанатизм есть не что иное, как сверхкомпенсированное сомнение. Такое развитие ведет, в конце концов, к преувеличенной защите сознательной позиции и к образованию противоположного бессознательного отношения, которое, например, в противоположность к сознательному рационализму является крайне иррациональным, а в противоположность к современной научности сознательной точки зрения, оказывается крайне архаичным и суеверным».

В этом случае, сохраняется опасность полного коллапса сознательной установки. С тем, чтобы не позволить расстраивающим бессознательным факторам войти в сознание, нормальное позитивное и творческое мышление экстраверта становится инертным, вялым и регрессивным. Сама формула дегенерирует в интеллектуальный предрассудок, в суеверие, а индивид делается замкнутым, мрачным, обидчивым педантом, или, в крайнем случае, затворником и мизантропом.

Подчиненное интровертное чувство этого типа также проявляется в том, что оказывается малопривлекательным, а для постороннего наблюдателя, сбивающим с толку: внезапные и необъяснимые вспышки любви; неистовая и длительная «беспричинная» преданность; сентиментальные привязанности или мистические интересы, которые начисто отменяют всякую логику.

В таких случаях, сознательный мыслительный процесс ниспровергается примитивными реакциями, имеющими свой источник в бессознательном субъекта и в недифференцированном чувстве.

Экстравертный чувствующий тип

Чувство экстравертного типа, как и экстравертное мышление, ориентировано объективными данными и обычно пребывает в гармонии с объективными ценностями.

Из того, что это рациональная функция, определяющая «что чего стоит», можно предположить, что чувство основывается на субъективных ценностях. Однако, согласно Юнгу, это справедливо только для интровертного чувства:

«Экстравертное чувство отделило себя — насколько это возможно — от субъективного фактора и всецело подчинило влиянию объекта. Даже там, где экстравертное чувство обнаруживает свою видимую независимость от свойств конкретного объекта, оно, тем не менее, остается под обаянием традиционных или каких-нибудь других общепринятых ценностей».

Эта характеристика экстравертного чувства подчеркивает, что оно ищет творческих и поддерживающих гармонию условий в окружающей среде. Например, экстравертный чувствующий тип будет восхвалять нечто, как «прекрасное» или «хорошее» не из-за субъективной оценки, но потому что это подходит другим и находится в согласии с общественной ситуацией. И это не претензия, и не лицемерие, но подлинное выражение чувства в своей экстравертной форме — акт приспособления к объективному критерию.

«Так, например, картина может быть названа „прекрасной“ потому, что, повешенная в салоне и подписанная известным именем, она, по общему предположению, должна быть „прекрасной“, или потому, что, назвав ее „некрасивой“, можно огорчить семью или счастливого владельца картины, или еще потому, что посетитель имеет намерение создать приятную атмосферу, а для этого необходимо, чтобы во всем чувствовалось согласие и приязнь».

Без экстравертного чувства «цивилизованная» общественная жизнь была бы, фактически, невозможной. Коллективные выражения в культуре всецело от этого зависят. Экстравертное чувство ведет людей в театр, на концерт, в церковь и в оперу; люди принимают участие в деловых встречах, пикниках, именинах и т.п.; посылают друг другу рождественские и пасхальные открытки, посещают свадьбы и похороны, празднуют годовщины, отмечают Первой или День Независимости.

Экстравертные чувствующие типы обычно очень добродушны и легко приобретают друзей. Они быстро оценивают требования внешней ситуации и с готовностью жертвуют собой для других. Они, буквально, «излучают» атмосферу теплого одобрения, именно, они чаще других «получают» мяч, перебрасываемый в компании. Исключая крайние случаи, чувство несет в себе определенное личностное качество — непосредственную связь (раппорт) с другими — несмотря на то, что субъективный фактор, в основном, подавлен. Преобладающее впечатление о таком человеке говорит, что он хорошо приспособлен к внешним условиям и общественным ценностям.

Юнг описывает типичное проявление экстравертного чувства у женщины:

«Чувства согласуются с объективными ситуациями и общезначимыми ценностями. Это нигде не проявляется так ясно, как, в так называемом, выборе объекта любви: любят „подходящего мужчину, а не какого-нибудь другого; он является подходящим не потому, что вполне отвечает субъективному скрытому существу женщины — в большинстве случаев она об этом совершенно ничего не знает, — а потому, что он отвечает всем разумным требованиям в отношении возраста, социального положения, дохода, респектабельности его семьи и т.д... Чувство любви у этой женщины вполне соответствует ее выбору. Чувство ее — подлинное, а не выдуманное от „разума“. Таких „разумных“ браков — бесчисленное множество, и они, отнюдь, не самые плохие. Жены этих браков бывают хорошими подругами своих мужей и хорошими матерями, пока их мужья и дети сохраняют неизменным сам психический уклад общественной жизни».

Опасность для этого типа кроется в подавлении его объектом — традиционными и общепринятыми стандартами, — в этом случае утрачивается любое подобие субъективного чувства, то есть то, что происходит в самом субъекте.

Экстравертное чувство, лишённое личностных параметров, теряет весь свой шарм и, как и в случае крайней экстраверсии, делается бессознательным относительно скрытых самоцентрированных мотивов. Оно сталкивается с требованиями или ожиданиями,

представленными внешними ситуациями и в них застревает. Оно удовлетворяет требуемой эстетической стороне момента, но остается бесплодным. Обычно сердечное выражение чувств здесь делается механическим, эмпатические жесты выглядят театральными или расчетливыми.

«Если этот процесс прогрессирует, то наступает любопытная противоречивая диссоциация чувства: все становится объектом чувственных оценок, так что завязывается множество отношений, которые внутренне противоречат друг другу. Поскольку это было бы совсем невозможно при наличии сколько-нибудь ярко выраженного субъекта, то подавляются и последние остатки действительно личной позиции. Субъект до такой степени всасывается в отдельные чувственные процессы, что наблюдателю кажется, будто бы перед ним был представлен только один чувственный процесс, а субъекта чувства, как такового, уже и нет. В таком состоянии чувство утрачивает всю свою человеческую теплоту; оно производит впечатление позы, непостоянства, ненадежности, а в худших случаях — впечатление истерического состояния»

Для данного типа крайне важно установить хорошую чувственную связь с окружающей средой. Но когда это переходит в разряд «слишком важно», субъект — лицо чувствующее — оказывается поглощенным ею. Тогда чувство теряет свое личностное качество и делается чувством ради самого чувства. Сама личность растворяется в последовательности моментальных чувственных состояний, часто конфликтующих друг с другом. Для наблюдателя это представлено в виде различных настроений или расположений духа и утверждений, которые оказываются явно противоречивыми.

В действительности, мышление, другая рациональная функция, неизменно подавляется, когда доминирует чувство. Ничто так не разрушает чувство, как мышление (и, как мы уже видели, в равной степени имеет место обратное). Чувствующие типы не должны думать о том, что кто-то или что-то имеет для них ценность, они просто знают это.

Экстравертный чувствующий тип может уделять мыслям значительное время и, фактически, быть чрезвычайно умным, но мышление, тем не менее, всегда будет подчинено чувству. Следовательно, логические умозаключения, процессы мысли, способные привести к расстройству чувства, здесь отвергаются начисто. «Все, что пребывает в согласии с объективными ценностями», — пишет Юнг — «является хорошим и любимым, а все прочее кажется... существующим в отдельном мире».

В крайнем случае, здоровая компенсаторная установка бессознательного встает в открытую оппозицию. Это проявляется, прежде всего, в экстравагантном выставлении чувств — излитие чувств в разговоре, страстные заявления, и так далее — которые, кажется, намереваются блокировать логические заключения, несовместимые с теми чувствами, которые «требуются» на данный момент.

«Хотя мышление экстравертного чувствующего типа подавлено как независимая функция, само вытеснение неполное..., а лишь постольку поскольку его беспощадная логика принуждает к выводам, не подходящим для чувства. Однако, мышление допускается, как слуга чувства или, лучше сказать, как его раб. Его хребет сломлен, оно не может провести само себя согласно со своим собственным законом. Но так как все же логика и неумолимо верные выводы где-то существуют, то возникает вопрос, где они осуществляются? Разумеется вне сознания, а именно, в бессознательном. Поэтому бессознательное содержание данного типа является прежде всего своеобразным мышлением. Это мышление инфантильно, архаично и негативно. До тех пор, пока сознательное чувство сохраняет личный характер или, другими словами, пока личность не поглощается отдельными состояниями чувств, — бессознательное мышление остается компенсаторным».

Когда личность растворяется в потоке противоречивых чувственных состояний, то идентичность эго утрачивается и субъект проваливается в бессознательное. Чем сильнее сознательное чувство, тем сильнее делается бессознательная оппозиция. «Мышление в стиле „не что иное, как“ оказывается здесь на месте, ибо оно разрушает превосходящую силу прикованного к объектам чувства».

Люди этого типа часто думают весьма плохо о тех самых людях, которых наиболее ценят своими чувствами. В действительности, наличие такого мышления, обычно дремлющего где-то позади, является одним из главных показателей, что экстравертное чувство есть функция

доминирующая.

Такие мысли обычно основываются на каком-то циничном взгляде на жизнь; более того, они зачастую повернуты вовнутрь:

«В сущности, он позволяет себе думать о самом себе, что он никто, а его жизнь мало чего стоит, и что любой другой может развиться и пойти по пути индивидуализации, но он сам в этом отношении безнадежен. Эти мысли поселяются на задворках разума, и время от времени, — когда он или в депрессии, или плохо себя чувствует, или, в особенности, когда он сосредоточен на самом себе, то есть, когда остается на полминуты один, — какой-то злополучный бес шепчет изнутри позади головы: „Ты ничтожество, и все связанное с тобой, неправильно“. (Ф.Франц).

В результате, экстравертный чувствующий тип ненавидит оставаться один; когда такие дурные мысли начинают приходить в голову, обычная реакция для него — включить телевизор или отправиться на встречу с приятелем.

Экстравертный ощущающий тип

Экстравертное ощущение превосходит остальные функции в стремлении ориентироваться на объективную реальность. Как способ восприятия с помощью органов чувств, функция ощущения, — экстравертная или интровертная, — естественно, зависит от объектов. Но, как мы увидим, в случае интровертного ощущения, возможна также и субъективная ориентация на то, что объективно постигается.

В экстравертном ощущении субъективный компонент заторможен или вытеснен. Реакция-ответ на объект обусловлена объектом. Когда это оказывается привычным способом функционирования индивида, мы имеем экстравертный ощущающий тип.

Данный тип выискивает те объекты, — и людей, и ситуации, — которые возбуждают самые сильные ощущения. Результатом оказывается мощная сенсорная связь с внешним миром.

«Поскольку объекты вызывают ощущения, они считаются значимыми и, насколько это вообще возможно при посредстве ощущений, всецело воспринимаются в сознании, независимо от того, подходящи ли они, с точки зрения разумного суждения, или нет. Единственным критерием их ценности является та сила ощущения, которая обусловлена их объективными свойствами. Вследствие этого все объективные процессы вступают в сознание, поскольку они вообще вызывают ощущения. Однако, в экстравертной установке только конкретные, чувственно воспринимаемые объекты или процессы вызывают ощущения, и при том исключительно такие, которые каждый повсюду и во все времена ощущал бы в качестве конкретных. Поэтому индивид ориентируется по чисто чувственной фактической данности».

Хотя у таких людей недостает терпения или понимания абстрактной реальности, их ощущение объективных фактов развито крайне хорошо. Они хозяева деталей («мелочей») жизни. Они могут читать карты, легко находить дорогу в незнакомом городе; их жилища опрятны и весьма аккуратно обставлены; они не забывают о назначенных встречах и всегда пунктуальны; они не теряют ключи; помнят о том, что надо закрыть трубу в печи и не забывают гасить свет на ночь. Их можно встретить среди инженеров, редакторов, атлетов и людей, работающих в бизнесе.

Экстравертные ощущающие типы обращают внимание на внешнюю сторону жизни. Они сознательно придерживаются моды в одежде и любят быть одетыми безупречно; организуют хороший стол с множеством превосходных вин; окружают себя изысканными вещами и красивыми людьми. Они любят вечеринки и активный спорт, встречи и собрания. Они из той породы людей, которые взбираются на Эверест «потому что это там». Те, кто не разделяют их типологические пристрастия, получают пуританские прозвища и слывут робкими, застенчивыми.

Короче, этот тип ориентирован на конкретное наслаждение «реальной жизнью», — жизнью «на полную катушку».

«Его постоянный мотив в том, чтобы ощущать объект, иметь чувственные впечатления и, по возможности, наслаждаться. Это — человек, не лишенный любезности; напротив, он часто отличается отрадной и живой способностью наслаждаться; по временам он бывает веселым

собутыльником, иногда он выступает, как обладающий вкусом эстет. В первом случае великие проблемы жизни зависят от более или менее вкусного обеда, во втором — они принадлежат к хорошему вкусу. Если он ощущает, — то этим все существенное для него сказано и исполнено. Для него ничего не может быть выше конкретности и действительности; предположения, стоящие за этим или выше этого, допускаются лишь постольку, поскольку они усиливают ощущения. При этом совсем не надо, чтобы они усиливали ощущения только в приятном смысле, ибо человек данной сластолюбец, — он только желает наиболее сильных ощущений, которые, согласно с его природой, он всегда должен получать извне».

Идеалом экстравертных ощущающих типов является способность быть хорошо приспособленным к реальности, к существующим вещам, в том смысле, в каком они понимают и переживают эти вещи и эту реальность. Их любовь неизменно зависит от физической привлекательности избранного объекта. Что другой партнер думает, чувствует, чему удивляется или негодует, их заботит мало или вообще не интересует, — но они очень хорошо замечают детали, которые другие типы забывают отметить: марку одеколона после бритья, форму ушных серег, новую прическу, длину пиджака или платья. Они могут быть превосходными любовниками, поскольку их чувство прикосновения всегда естественно настроено на другое тело.

Ахиллесовой пятой данного типа является интровертная ситуация. Все, что не оказывается фактическим, что невозможно увидеть, услышать, понюхать, до чего нельзя дотронуться, мгновенно попадает под подозрение. Все, что приходит изнутри, кажется нездоровым или патологическим. Только в области осязаемой реальности они могут дышать свободно. Их мысли и чувства объясняются объективными причинами или влиянием окружающих. Изменения в настроении без колебаний списываются на погоду. Психические конфликты здесь нереальны — «ничего кроме» воображения, — какое-либо нездоровое состояние дел легко поправить, когда вокруг собираются друзья. Внутри самого субъекта подчиненная интуиция проявляется в дурных предчувствиях, подозрительных мыслях, возможностях несчастья, катастрофы, дурных фантазиях и так далее. Подчиненная интуиция является «словно собака, обнюхивающая мусорные ведра». (Ф.Франц).

Наиболее неприятные черты данного типа проступают до такой степени, что погоня за ощущениями делается всепотребляющей самоцелью. В своих крайних проявлениях, люди этого типа становятся грубыми искателями удовольствий, беспринципными эстетами, вульгарными гедонистами. Юнг описывает, как это выглядит у мужчины:

«Насколько необходимым становится тогда для него объект, настолько же объект и обесценивается, как нечто, существующее в себе самом и через себя самого. Объект подвергается вопиющему насилию и выжиманию, ибо он⁵⁸ пользуется объектом вообще лишь, как поводом для ощущений. Связанность с объектом доводится до крайности. Но тем самым и бессознательное лишается компенсирующей роли и вынуждается к явной оппозиции. Прежде всего заявляют о себе вытесненные интуиции и, притом, в форме проекций на объект».

Проекции в этом случае дают начало дичайшим подозрениям, ревностным фантазиям и состояниям беспокойства, в особенности, если в дело включается сексуальность. Источник этих проекций кроется в подавленных подчиненных функциях, а сами проекции оказываются все более заметными. Обычно они опираются на самые абсурдные предположения, в полном контрасте с сознаваемым чувством реальности экстравертного ощущающего типа и нормальной добродушной установкой.

«Возникают самые причудливые предчувствия; если речь идет о сексуальном объекте, то большую роль играют фантазии ревности, а также и состояния страха. В более тяжелых случаях развиваются разного рода фобии, и, в особенности, симптомы навязчивости. Патологические содержания имеют заслуживающий внимания характер ирреальности, нередко с моральной и религиозной окраской. Развивается мелочная — до смешного — мораль и примитивная суеверная и магическая религиозность, отбрасывающая назад к диким ритуалам. Все это возникает из вытесненных, менее дифференцированных функций, которые в таких случаях

⁵⁸ Ощущающий экстраверт.

резко противостоят сознанию и проявляются тем ярче потому, что они, по-видимому, бывают основаны на нелепейших предположениях, в полной противоположности с сознательным чувством действительности. В этой, второй личности вся культура чувства и мышления оказывается извращенной в болезненную примитивность; разум становится умничанием и расходуется на мелочные различия; мораль оказывается праздным морализированием и явным фарисейством; религия трансформируется в нелепое суеверие; а интуиция, этот высокий человеческий дар, вырождается в надоедливые вмешивания в чужие дела, в обнюхивание каждого угла, и, вместо того, чтобы двигаться вширь, она⁵⁹ опускается на самый низкий уровень человеческой посредственности».

Как и с любой из функций, достигающих ненормальной степени односторонности, здесь также всегда есть опасность, что сознание будет подавлено бессознательным.

Конечно, психологическая ситуация становится патологической сравнительно редко. Гораздо чаще компенсаторная подчиненная функция попросту передает самой личности очаровательный воздух несообразности, несовместимости. У этого типа, например, интровертная интуиция выражается в наивном присоединении к религиозным движениям, в детском интересе к оккультным вещам или во внезапном духовном прозрении.

Экстравертный интуитивный тип

Интуиция — это функция бессознательного восприятия. В экстравертной установке интуиция направлена на внешние объекты и ими обусловлена. Когда такой способ функционирования предопределен, то можно говорить об экстравертном интуитивном типе. Юнг пишет:

«В сознании интуитивная функция представлена в виде известной выжидательной установки, созерцания и всматривания, причем, всегда только последующий результат может установить, сколько было „всмотрено“ в объект и сколько действительно было в нем „заложено“. Подобно тому, как ощущение, когда оно является доминирующей функцией, не есть только реактивный, в дальнейшем безразличный для объекта процесс, но, напротив, есть некая активность, некое действие, захватывающее объект и придающее ему форму, так и интуиция не есть только восприятие, только созерцание, но активный творческий процесс, который столько же вносит в объект, сколько извлекает из него. Поскольку он делает это бессознательно, то столь же бессознательно совершается некое действие в объекте».

Первичная цель интуиции — постигнуть те аспекты мира, которые не понимаются (не ухватываются) другими функциями. Интуиция подобна шестому чувству, которое «видит» нечто, чего, в действительности, нет. Интуитивные мысли приходят совершенно неожиданно, так сказать, как догадка или предчувствие.

У экстраверта, у которого интуиция ориентирована в направлении вещей и других людей, наблюдается необычная способность ощущать то, что происходит «за сценой», под поверхностью; интуиция «видит» через внешний слой. Там, где сравнительно мирское восприятие ощущающего типа видит «вещь» или «лицо», интуитив прозревает душу.

Когда интуиция доминирует, мышление и чувство оказываются более или менее подавленными, в то время как ощущение — другая иррациональная функция, но настроенная на физическую реальность — пребывает в наибольшей недоступности к сознанию.

«Ощущение нарушает ясное непредвзятое наивное восприятие; его назойливые чувственные раздражения направляют внимание на физическую поверхность, то есть именно на те вещи, за которые интуиция старается проникнуть. Так как интуиция, при экстравертной установке, направляется преимущественно на объект, то она, в сущности, очень приближается к ощущению, ибо выжидательная установка, обращенная на внешние объекты, может почти со столь же большой вероятностью пользоваться и ощущением. Но для того, чтобы интуиция могла осуществиться, ощущение должно быть в значительной степени подавлено. Под ощущением я в данном случае понимаю простую и непосредственную физиологическую и

⁵⁹ Вся культура чувства и мышления.

психическую данность. Это важно с самого начала отчетливо установить, так как, если спросить интуитива, как он ориентируется, тот начнет говорить о вещах, которые, как две капли воды, похожи на ощущения. Он будет даже пользоваться термином „ощущение“. И действительно, ощущения у него есть, но он ориентируется не по ним самим, — ощущения являются для него лишь точкой опоры для созерцания. Они выбраны им на основании бессознательной предпосылки».

Там, где экстравертное ощущение ищет высшего уровня физического реализма, экстравертная интуиция страдает постигнуть самый широкий спектр возможностей, заложенных в объективной ситуации. Для первого, объект всего лишь объект и только; для второго, истина начинается по ту сторону внешнего вида и связана с тем, что может быть сделано с объектом, каким образом он может быть использован.

Ощущающие типы обозревают только то, что находится перед ними. Интуитивы ту же самую сцену видят трансформированной, как бы во внутреннем зрении, как будто дом уже обставлен мебелью и полностью отремонтирован. Ничего из этого для ощущающей функции в наличии не имеется, и она, естественно, видит лишь то, что есть на данный момент. Следовательно, ощущающий тип получит хороший совет от интуитива, когда встанет вопрос о покупках для дома. Естественно, что верно и обратное, — так, в то время пока интуитив очаровывается возможностями, ощущающий тип замечает, где в подвале скапливается сырость, каково состояние сантехнических узлов, количество электрических розеток, расстояние от ближайшей школы, и так далее.

Экстравертная интуиция постоянно высматривает новые возможности, новые области для завоевания и подчинения. Существующие ситуации интересны для нее очень недолго; интуитиву быстро наскучивают «вещи, как они есть». Интуиция может разыскивать («разнюхивать») возможности, но чтобы актуализировать их, требуются сфокусированные способности ощущения и мышления.

«Так как экстравертная интуиция ориентируется по объекту, то заметна сильная зависимость от внешних ситуаций, однако, род этой зависимости вполне отличается от зависимости и ощущающего типа. Интуитивный человек никогда не находится там, где пребывают общепринятые реальные ценности, но всегда там, где имеются возможности. У него тонкое чутье для всего, что зарождается и имеет будущее. Он никогда не находится в условиях устойчивых, издавна существующих и хорошо обоснованных, имеющих общепризнанную, но ограниченную ценность. Поскольку он всегда пребывает в поисках за новыми возможностями, то в устойчивых рутинных условиях он рискует задохнуться. Правда, он очень интенсивно берется за новые объекты и пути, подчас даже с чрезвычайным энтузиазмом, но, как только размер их установлен и уже нельзя предвидеть в дальнейшем их значительного развития, так он тотчас же хладнокровно бросает их, без всякого пиетета и, по-видимому, потом даже не вспоминая о них. Пока существует какая-нибудь возможность, интуитив прикован к ней как бы силой рока».

Главная дилемма для экстравертных интуитивов заключается в том, что сами ситуации, которые, кажется, сулят волнительную свободу, быстро ведут — как только их возможности истощаются — к чувству заточенности, несвободы. Очень тяжело оставаться верным чему-либо сколь-нибудь долгое время. И как только перестает просматриваться возможность дальнейшего развития, интерес данного типа иссякает, и он начинает искать для себя что-то новое.

Отмечается заметный недостаток способности суждения, так как зрелое суждение возникает из хорошо развитых мыслительной и чувственной функций. Но крайне выраженные интуитивы находятся совершенно вне влияния мыслей или чувств, как своих собственных, так и других людей. В той степени, в какой их видение оказывается всеохватывающим, они становятся равнодушными ко всему остальному. Другие видят их бессердечными эксплуататорами, хотя, в действительности, они попросту слишком односторонне преданы своему типу.

Тем не менее, такие люди незаменимы в определенных областях культуры и экономики. Их особые таланты делают их хорошо приспособленными для тех профессий, где сама способность видеть возможности во внешних ситуациях имеет большую ценность. Их можно встретить среди директоров предприятий индустрии, биржевиков-аналитиков, в

изобретательских фондах, наблюдателями в государственных структурах и т.п. В социальной сфере они обладают сверхъестественной способностью образовывать «правильные» связи.

Когда ориентация данного типа более направлена на людей, нежели на предметы, интуитивы демонстрируют исключительную способность к диагностике потенциальных возможностей человека. Именно они, зачастую, открывают лучшее в других людях, и могут быть превосходными свахами. Никто не может лучше интуитива подбодрить своих близких или воодушевить их на новое дело, даже если он сам бросит его уже на следующий день.

Экстравертный интуитив, работающий в качестве творческого специалиста, психологически хорошо приспособлен видеть коммерческие возможности своего ремесла и добиваться в нем успеха. Фон Франц отмечает:

«Творческие люди, как правило, интроверты сами по себе и настолько заняты своим творчеством, что у них нет времени заниматься реализацией продуктов своего творчества. Сама работа отнимает так много энергии, что уже нет никаких сил думать еще и о том, как ее оформить для показа, как организовать рекламу и пр. И здесь очень часто на помощь приходит экстравертный интуитив. И, естественно, если он занимается этим всю жизнь, то начинает проектировать свою собственную слабую творческую способность в художника; здесь его поджидает опасность потерять самого себя. Рано или поздно такие люди должны обратиться к своей собственной подчиненной функции и к тому, что может из этого получиться».

В этом кроется большая опасность для экстравертных интуитивов, так как они тратят свое время и энергию на возможности, в особенности, на возможности других людей, и никогда ничего не реализуют сами. Они не могут оставаться неизменными; они начинают дело, но не могут поддержать в себе интереса его закончить. По этой причине они часто представляются другим типам, как ведущие праздный образ жизни или же как беззаботные искатели приключений. Они имеют видение того, что может быть, но не способны постараться воплотить видимую потенцию в жизнь. Зачастую они начинают дело с нуля и оставляют его на пороге успеха; следовательно, другие пожинаят урожай, посеянный ими.

Чем более обнажается крайность данного типа — чем больше эго такого человека идентифицируется со всеми воображаемыми возможностями — тем более активнее становится бессознательное в смысле компенсации.

«Бессознательное интуитива имеет некоторое сходство с бессознательным ощущающего типа. Мышление и чувство у него сравнительно вытеснены и образуют в бессознательном инфантильно-архаические мысли и чувства, сравнимые с таковыми же у противоположного типа. Они проявляются также в форме интенсивных проекций и оказываются столь же нелепыми, как и проекции ощущающего типа; но только, как мне кажется, они лишены мистического характера; в большинстве случаев они касаются конкретных, квази-реальных вещей, как-то: сексуальных, финансовых и других предвосхищений, например, предчувствия болезни».

Другие патологические симптомы этого типа включают невротические фобии и бессознательную компульсивную (навязчивую) привязанность к ощущению, возникающему от объекта, будь то другой человек или материальные предметы.

Кроме того, поскольку интровертное ощущение, в данном случае, функция сама подчиненная, то наблюдается заметный раскол между сознанием и собственным телом. Даже «нормальные» экстравертные интуитивы склонны обращать мало внимания на свои физические потребности. Например, они просто не замечают, когда они устали или проголодались. Такая небрежность субъекта, в конце концов, отражается на его здоровье, приводя к различного рода физическим недомоганиям, как реальным, так и воображаемым.

Компенсаторное проявление подчиненной функции данного типа гораздо чаще и относительно безвредней наблюдается в преувеличенно повышенном внимании к своему телу, личной гигиене, особой диете и т.п.

Интроверсия и четыре функции

Интровертная установка

Отличительной чертой интроверсии, — в отличие от экстраверсии, которая прежде всего связывается с объектом и данными, исходящими из внешнего мира, — является ориентация на внутренние личностные факторы.

«Человек этого типа мог сказать: „Я знаю, что доставил бы своему отцу величайшее удовольствие, если бы поступил так-то и так-то, но как-то все не получается подумать в эту сторону“. Или: „Я вижу, что погода портится, но, несмотря на это, буду действовать согласно своему плану“. Этот тип не путешествует ради удовольствия, а всегда с заранее обдуманной идеей... На каждом шагу должны быть получены санкции субъекта, иначе ничего не может быть предпринято или выполнено. Такие люди могли бы ответить Святому Августину⁶⁰: «Я уверовал бы в Евангелие, если бы авторитет Католической Церкви не заставлял это сделать». Он всегда должен доказывать, что все им делаемое, основывается на его собственных решениях и убеждениях, и что никто никогда на него не влияет, а он не стремится кому-то понравиться или примирить чье-то лицо или мнение».

Естественно, интровертное сознание может быть достаточно хорошо осведомлено о внешних условиях, но субъективные детерминанты оказываются решающими в качестве движущей силы, мотива. В то время как экстраверт реагирует на то, что приходит субъекту от объекта (внешняя реальность), интроверт связан, главным образом, с впечатлениями, вызываемыми объектом у субъекта (внутренняя реальность).

Характерна некоторая стилизация, используемая Юнгом в описании черт данного типа:

«Интроверт не имеет вперед, не приближается, он как будто бы находится в постоянном отступлении перед объектом. Он держится в стороне от внешних событий, не вступает в них, сохраняя отчетливую неприязнь к обществу, как только оказывается среди большого количества людей. В большом собрании он чувствует себя одиноким и потерянным. Чем многочисленней коллектив, тем сильнее возрастает его сопротивление. Он ни в малейшей степени не стремится быть „с ним“ и не проявляет никакого радостного энтузиазма от людской сплоченности. Он — человек необщительный. То, что он делает, он делает своеобразным образом, забаррикадировавшись от влияния со стороны... Он легко становится недоверчивым, своевольным, часто страдает от неполноценных чувств и по этой причине всегда завистлив. Он противостоит миру с тщательно разработанной оборонительной системой, составленной из добросовестности, щепетильности, педантичности, умеренности, бережливости, осторожности, болезненной совестливости, твердогубой честности и прямоты, вежливости и открытого недоверия... В нормальных условиях он пессимистичен и озабочен, потому что мир и люди в нем ни капельки не добры к нему, но, наоборот, стремятся его сокрушить...

Его собственный мир — это безопасная гавань, заботливо выращенный за крепкой стеной сад, закрытый для публики и спрятанный от любопытных глаз. Самым лучшим остается своя собственная компания».

Не удивительно, что интровертная установка часто рассматривается как автоэротическая, эгоцентрическая, эгоистическая и даже патологическая. Но, по мнению Юнга, такое отношение отражает обычное пристрастие экстравертной установки, которая, по определению, убеждена в превосходстве объекта.

«Никогда не следует забывать, — а экстравертное воззрение забывает это слишком легко, — что всякое восприятие и познание обусловлено не только объективно, но и субъективно. Мир существует не только объективно, но и субъективно. Мир существует не только сам по себе, и в себе, но и так, как он мне является. Да, в сущности, у нас даже совсем нет критерия, который помог бы нам судить о таком мире, который был бы неассимилируем для субъекта. Упустить из виду субъективный фактор, значило бы отрицать великое сомнение в возможности абсолютного познания. Это повело бы на путь того пустого и пошлого позитивизма, который обезобразил конец прошлого и начало нынешнего века, и, вместе с тем, к той интеллектуальной нескромности, которая предшествует грубости чувств и столь же тупоумной, сколь и претенциозной насильственности. Переоценивая способность к

⁶⁰ см. выше

объективному познанию, мы вытесняем значение субъективного фактора, даже прямо значение субъекта как такового».

Под «субъективным фактором» Юнг понимает «тот психологический акт или ту реакцию, которые сливаются с воздействием объекта — в новое психическое состояние». Например, раньше обычно думали, что, так называемый, научный метод полностью объективен, но теперь стало ясно, что наблюдение и интерпретация любых данных искажаются субъективной установкой наблюдателя, который неизбежно втягивает в само исследование и свои собственные ожидания и свое психологическое предрасположение.

Юнг указывает, что наше знание прошлого зависит от субъективных реакций тех, кто переживает и описывает происходящее вокруг них. В этом смысле субъективность представляется как реальностью, прочно основанной на традиции и опыте, так и ориентацией по отношению к объективному миру. Другими словами, интроверсия не менее «нормальна», чем экстраверсия.

Конечно, обе являются относительными. Там, где экстраверт видит интроверта асоциальным, неспособным или не готовым адаптироваться к «реальному» миру, интроверт осуждает экстраверта, как пустого, лишённого внутренней глубины. Суждения по поводу той или иной установки в равной степени высказываются и той и другой стороной, поскольку каждая обладает своей силой и имеет свои слабости.

Юнг приводит из признаков интроверсии у ребенка: «это рефлексивная задумчивая манера, отмеченная застенчивостью и даже страхом перед незнакомыми объектами»:

«Очень рано появляется стремление утверждать себя с помощью знакомых предметов и делаются попытки овладеть ими. Все неизвестное встречается с недоверием; внешние влияния, как правило, наталкиваются на сильное сопротивление. Ребенок стремится все делать по-своему и ни при каких условиях не подчиняется правилу, которое не может понять. Когда он задает вопросы, то делает это не из любопытства или желания получить ощущение, но потому что хочет, чтобы имена, смыслы, объяснения давали ему субъективную защиту против объекта. Я видел интровертного ребенка, который сделал свои первые попытки отправиться в самостоятельную прогулку только после того, как изучил названия всех предметов, находившихся в комнате, до которых он мог дотронуться».

Этот способ действия, отвращающего беду, — «магической» депотенциации объекта — также характеризует интровертную установку у взрослого. Отмечена тенденция обесценивать вещи и других людей, отрицать их значение. В той же степени, в какой объект играет слишком большую роль в экстравертной установке, для интроверта он мало что значит.

В той степени, в какой сознание оказывается субъективированным, а это делается напыщенным и до чрезмерности важным, в бессознательном, естественно, возникает и накапливается компенсаторное подкрепление объективного влияния. Последнее дает почувствовать себя, пишет Юнг, «в виде абсолютной и неуправляемой связи с объектом»:

«Чем больше эго борется за сохранение своей независимости, за отсутствие обязательств и всяческое преобладание, тем сильнее оно попадает в рабскую зависимость от объективных данных. Индивидуальная свобода разума заковывается в цепи унижительной финансовой зависимости, независимый образ действий раз за разом робко уступает, сломленный общественным мнением, моральное превосходство попадает в болото малоценных отрошений, властолюбие завершается жалобной тоской жаждой быть любимым. Бессознательное печется прежде всего об отношении к объекту и при том, каким способом, который способен самым основательным образом разрушить в сознании иллюзию власти и фантазию превосходства».

Личность в данной психологической ситуации истощает себя оборонительными мерами (для того, чтобы сохранить иллюзию превосходства), в то же самое время делая бесплодные попытки утвердиться — навязать свою волю объекту. «Из боязни перед объектами развивается своеобразная трусость, мешающая отстаивать себя или свое мнение, ибо такой человек боится усиленного влияния со стороны объекта. На него наводят ужас потрясающие аффекты окружающих его лиц, и он едва удерживается от страха, при мысли попасть под чужое (читай, враждебное) влияние».

Естественно, что это отнимает огромное количество энергии. Всю дорогу необходима чудовищная внутренняя борьба, чтобы удерживать себя в русле движения. Вследствие этого,

интроверт особенно подвержен психастении, «болезни, отличающейся, с одной стороны, большой чувствительностью, а, с другой, непомерной истощаемостью и хроническим утомлением».

В обычных случаях интроверты оказываются попросту более консервативными: они экономят энергию и предпочитают оставаться на месте, нежели двигаться. Но благодаря привычной субъективной ориентации, также наблюдается заметная степень инфляции эго, вкуче с бессознательной энергией побуждения.

Хотя Юнг признавал, что «особенности» интроверта, во многом, плод суждения экстравертной установки, он также указывал, что интроверт «ни в коей степени не является социальной потерей. Его уход в себя не есть окончательное самоотречение от мира, а лишь поиск тишины и покоя, которые дают ему возможность, в свою очередь, сделать свой вклад в общественную жизнь».

Кроме того, пишет Юнг, там где экстраверт склонен избегать интроспекции, «самообщение» интроверта остается его неперменной радостью и удовольствием:

«Он чувствует себя в своем мире как дома, здесь все перемены осуществляются только им самим. Лучшая работа делается с помощью собственных ресурсов, по собственной инициативе, собственным путем. И если он преуспевает после длительной и часто утомительной борьбы по усвоению чего-то чуждого ему, то способен придать этому значительную пользу».

Интровертный мыслительный тип

Мышление в интровертной установке ориентируется прежде всего субъективным фактором. Фокусируется ли мыслительный процесс на конкретных или абстрактных объектах, его мотивация исходит изнутри.

Интроверт — мышление не зависит ни от непосредственного переживания, ни от общепринятых традиционных идей. Оно не в меньшей степени (или в большей) логично, чем экстравертное мышление, но не мотивируется ни объективной реальностью, ни какими-либо директивами извне.

«Внешние факты не являются причиной и целью этого мышления, — хотя интровертный мыслительный тип очень часто хотел бы придать своему мышлению такой вид, — но это мышление начинается в субъекте и приводит обратно к субъекту, даже если оно делает широкие экскурсии в область реальных фактов. Поэтому оно, в деле установления новых фактов, имеет, главным образом, косвенную ценность, поскольку передает, прежде всего, новые воззрения, и, в гораздо меньшей мере, знание новых фактов. Такое мышление выдвигает вопросы и теории, открывает перспективы и направляет взор вглубь, но к фактам оно относится со сдержанностью. Оно принимает их в качестве иллюстрирующих примеров, однако, последние не должны преобладать. Оно собирает факты лишь в качестве доказательств, но никогда не ради них самих... Для этого мышления факты имеют второстепенное значение, а преобладающую ценность имеет для него развитие и изложение субъективной идеи, изначального символического образа, который более или менее туманно вырисовывается перед его внутренним взором».

Другими словами, там, где экстравертное мышление напрямую выискивает факты, а затем обдумывает их, интровертное мышление обращено прежде всего на прояснение идей или даже самого умственного процесса и лишь потом (возможно) на его практическое применение. Оба превосходны во внесении порядка в жизнь; одно работает снаружи внутрь, другое изнутри наружу.

Интровертные мыслители, по определению, не являются практически мыслящими, они склонны быть теоретиками. Интенсивность, напряженность, сила и энергия — вот их цель, а не экстенсивность, не распространение. Они следуют своим идеалам, обращенным внутрь, а не наружу. Фон Франц описывает их следующим образом:

«В науке существуют люди, которые постоянно пытаются помешать своим коллегам потеряться в экспериментах, которые, время от времени, стремятся вернуться назад к основным понятиям и спрашивают, а что же, в действительности, мы совершаем на своем умственном пути. В физике обычно есть один профессор практической физики, и есть другой — физики

теоретической; один читает лекцию о камере Вильсона и организует эксперименты, а другой рассказывает о математических принципах и теории науки».

Как и экстравертные мыслительные типы, интровертные мыслители поставляют хороших редакторов, хотя те и могут бесконечно суетиться по поводу одного неправильного слова. Поскольку их мыслительный процесс логичен и прямолинеен, они особенно замечательны при заполнении лакун, в так называемом, нелинейном или латеральном мышлении — прыгание от мысли к мысли, — что характеризует интуитива. В писательском ремесле писатели, их сильная сторона не в оригинальности содержания, а скорее, в ясности и точности в организации и представлении имеющегося материала.

Недостаток ориентации на внешние факты, интровертные мыслительные типы легко компенсируют в мире фантазии. Их субъективная ориентация может совратить на создание теорий ради самих теорий, с очевидностью, основанных на реальности, но в действительности, привязанных к внутреннему образу. В самом крайнем случае этот образ становится всепотребляющим и отчуждается от других.

Как и следовало бы ожидать, эти типы склонны проявлять безразличие к мнениям других. В той степени, в какой они не поддаются влиянию, они не стремятся влиять и на других. Они лишь представляют свою оценку реальности — как ее видят — и совершенно не заботятся о том, как это будет воспринято.

Самым слабым местом у данного типа является подчиненная функция, то есть экстравертное чувство. Связанное с внутренним миром мыслей и идеалов, оно склонно быть рассеянным, забывчивым к объективным требованиям, скажем, межличностных взаимоотношений. Это не значит, что такие люди не любят, но они попросту в затруднении, не зная, как это выразить. Их чувства стремятся быть причудливыми и капризными — сами типы часто не знают вообще, что они чувствуют — но когда эти чувства оказываются на поверхности, обычно зараженные аффектом, то могут стать непреодолимыми и неконтролируемыми. (В таких случаях бывает необходимо различать между эмоциональной реакцией и чувством, как функцией психологической).

Такое бессознательное чувство может быть восхитительным и удивительным, равно как и совершенно тягостным, когда оно направлено на другое лицо. Фон Франц (она, по ее собственному признанию, — интровертный мыслительный тип) говорит, что подчиненное экстравертное чувство проявляется, как что-то вроде «липкой привязанности»:

«В то время как экстравертный мыслительный тип глубоко любит свою жену, но говорит вместе с Рильке: „Я люблю тебя, но это не твое дело“, чувство интровертного мыслительного типа привязано к внешним объектам. Он мог бы, поэтому, сказать в манере Рильке: „Я люблю тебя, и это твое дело. Я сделаю это твоим делом!“... Подчиненное чувство обоих типов прилипчиво, и экстравертный мыслительный тип сохраняет такого же рода невидимую верность, которая может длиться бесконечно. То же самое истинно для экстравертного чувства интровертного мыслительного типа, за исключением того, что оно не будет невидимым... Это имеет сходство с клееобразным потоком чувства у эпилептоидного больного; тот же род прилипчивости, собачьей привязанности, которая, в особенности, для самого возлюбленного, далеко не развлекательна. Можно сравнить подчиненную функцию интровертного мыслительного с потоком горячей лавы из вулкана — поток движется всего лишь пять футов в час, но на своем пути уничтожает все».

Подчиненное экстравертное чувство может, тем не менее, быть совершенно неподдельным. Являясь недифференцированным, оно примитивно, но нерасчетливо — «точно так же, как собака виляет своим хвостом», — пишет фон Франц.

Обратным образом, подчиненное экстравертное чувство проявляется в том, что другие чувствуют себя обесцененными и «невидимыми». Юнг отмечает:

«*Интровертный мыслительный тип*, как и параллельный ему экстравертный случай, находится под решающим влиянием идей, которые вытекают, однако, не из объективно данного, а из субъективной основы. Он, как и экстравертный, будет следовать своим идеям, но только в обратном направлении, — не наружу, а вовнутрь. Он стремится к углублению, а не к расширению. По этому качеству он, в высшей степени, отличается и характеристически от параллельного ему экстравертного случая. То, что отличает от другого, а именно, его

интенсивная отнесенность к объекту, отсутствует у него иногда почти совершенно, как, впрочем, и у всякого интровертного типа. Если объектом выступает человек, то этот человек ясно чувствует, что он, собственно говоря, фигурирует здесь лишь отрицательно, то есть в более мягких случаях, он просто чувствует себя лишним, в более крайних случаях, он начинает понимать, что его, как мешающего, просто отстраняют. Это отрицательное отношение к объекту, — от безразличия до устранения, — характеризует всякого интровертного и делает само описание интровертного типа вообще крайне затруднительным. В нем все стремится к исчезновению и к скрытности».

Случайные знакомые интровертных мыслителей могут посчитать их невнимательными к другим и высокомерными, но те, кто понимает и принимает пронизательный ум, оценит их дружбу весьма высоко. В поисках своих идей, они обычно упрямы, не податливы для каких-либо влияний. Это сильно контрастирует с их суггестивностью (внушаемостью) в личных вопросах; как правило, они совершенно наивны и доверительны, так что другим ничего не стоит захватить у них преимущественно и пальму первенства.

Поскольку они скупы на внимание к внешней реальности, то данный тип вошел в поговорку как «рассеянный профессор», или «забывчивый Иван». Определенный шарм такого качества уменьшается по мере того, как его носители становятся однодумцами, прикованными к собственным идеям или внутренним образам. Тогда их убеждения делаются жесткими, негнушимися, а суждения холодными, капризными, непоколебимыми. В самом крайнем случае, они могут утратить всякую связь с объективной реальностью и совершенно изолироваться от друзей, семьи и коллег.

Это и есть та самая разница между крайностями интровертного и экстравертного мышления. «По мере того, как экстраверт устремляется на уровень простого представления фактов, — пишет Юнг, — интроверт воспаряет в представление непредставимого, далеко за пределы того, что может быть выражено в образе».

В обоих случаях, дальнейшее психологическое развитие подавляется и — обычно положительный — мыслительный процесс узурпируется бессознательными эффектами других функций: ощущением, интуицией и чувством. В норме они представляют здоровую компенсацию одностороннему мышлению. Но в крайних проявлениях, где их компенсаторному влиянию противостоит сознание, целостная личность искажается негативностью и примитивным аффектом, горечью, сверхчувствительностью и мизантропией.

Интровертный чувствующий тип

Чувство в интровертной установке принципиально определяется субъективным фактором. В своей незаинтересованности объектом оно столь же отлично от экстравертного чувства, столь интровертное мышление отличается от экстравертного.

Данный тип труден для понимания, поскольку мало что появляется на его поверхности. Согласно Юнгу, к таким людям применимо выражение «тихие воды текут глубоко». В той степени, в какой они оказываются односторонними, они кажутся совсем бесчувственными и бессмысленными. Здесь легко впасть в неправильное понимание, посчитав это, с одной стороны, холодностью или безразличием, а с другой — глупостью.

Юнг описывает цель интровертного чувства как «не приспособить себя к объекту, а подчинить его себе в бессознательном усилии реализовать лежащие в нем образы»:

«Поэтому оно *интровертное чувство* постоянно ищет образ, который в действительности, не существует, но который оно представляет в своем видении. Это чувство, как бы без внимания скользит над объектами, которые никогда не соответствуют его цели. Оно стремится к внутренней интенсивности, для которой объекты, самое большее, дают некоторый толчок. Глубину такого чувства можно только предугадать, — но ясно постигнуть нельзя. Интровертное чувство делает людей молчаливыми и трудно доступными; ибонюгодно мимозе, — сморщивается от грубости объекта, чтобы заполнить сокровенные глубины субъекта. Для обороны оно выдвигает отрицательные чувственные суждения или глубокое равнодушие».

То, что справедливо для интровертного мышления, в равной степени справедливо и для

интровертного чувства, только в первом случае мы имеем дело с мыслью, а во втором — с чувством. Оба ориентированы прежде всего на внутренние образы, а не на внешние факты. Образы интровертного мыслителя привязаны к мыслям и идеалам; образы интровертного чувства характерно проявляются как ценности.

Так как интроверсия данного типа подавляет внешнее выражение, такие люди редко высказываются по поводу того, что они чувствуют. Но их субъективная ценностная система, как замечает фон Франц, в большинстве случаев, осуществляет «положительное тайное влияние на свое окружение»:

«Интровертные чувствующие типы, например, очень часто образуют этический костяк группы; не раздражая других моральными или этическими поручениями, они сами несут в себе такие правильные стандарты этических ценностей, которые они незримо эмануруют, оказывая, тем самым, положительное влияние на окружающих. И любой вынужден или обязан вести себя корректно, поскольку они владеют мерой ценностного стандарта, который всегда суггестивно принуждает человека быть приличным и сдержанным в их присутствии. Их дифференцированное интровертное чувство видит „в уме“ то, что действительно является важным фактором».

Люди данного типа не блистают и не стремятся обнаруживать самих себя. Их мотивы, если таковые имеются, в большинстве случаев остаются глубоко запрятанными. Они несут в себе загадочную атмосферу независимости, самостоятельности. Они склонны избегать вечеринок и больших собраний, не потому что они судят тех, кто ходит на них, как незначительных или неинтересных (под которыми, естественно, предположить экстравертный чувствующий тип), но просто из-за того, что их оценочная чувственная функция немеет, когда в одно и то же время появляется слишком много людей. Юнг пишет:

«В большинстве случаев они молчаливы, трудно доступны, непонятны, часто скрыты под детской и банальной маской, нередко также отличаются меланхолическим темпераментом. Так как они, преимущественно, отдают себя руководству своего, субъективно ориентированного чувства, то их истинные мотивы, в большинстве случаев, остаются скрытыми. Вовне они проявляют гармоническую ступенчатость, приятное спокойствие, симпатичный параллелизм, который не стремится вызвать другого, произвести на него впечатление, переделать его или изменить. Если эта внешняя сторона выражена несколько ярче, то возникает легкое подозрение в безразличии или холодности, которое может дойти до подозрения в равнодушии к радостям и горестям других. Тогда ясно чувствуется отвращающееся от объекта движение чувства... За настоящими эмоциями объекта данный тип не следует, он подавляет их и отклоняет или, лучше сказать, „охлаждает“ их отрицательным суждением чувства. Хотя и имеется постоянная готовность спокойно и гармонично идти рука об руку, тем не менее, к объекту не обнаруживается ни любезность, ни теплая предупредительность, а проявляется отношение, которое кажется безразличным: холодное, подчас даже отклоняющее обращение. Иногда объект начинает чувствовать, что все его существование излишне. По отношению к какому-нибудь порыву или проявлению энтузиазма этот тип сначала проявляет благосклонный авторитет, иногда с легким оттенком превосходства и критики, от которого у чувствительного объекта легко опускаются крылья. Напористая же эмоция может быть подчас резко и убийственно холодно отражена, если только она случайно не захватит индивида со стороны бессознательного, то есть, иными словами, не оживит какой-нибудь окрашенный чувством исконный образ и тем самым не полонит чувство этого типа».

Экстраверты, в особенности те, чьей доминирующей функцией является мышление, полностью обескуражены интровертным чувствующим типом. Они считают его представителей одновременно и странными, и обворожительными. Этот привлекающий магнетизм возникает благодаря очевидной «пустоте» — с точки зрения экстраверта — кричащей о том, чтобы ее наполнили. Конечно, обратное тоже верно: интровертный чувствующий тип, естественно, тянется к тому, что легко сходится с другими, и ясно, и отчетливо представлен в группе. В каждом случае, этот другой есть персонификация подчиненной функции.⁶¹

⁶¹ В более зрелом возрасте обычно взаимное притяжение возникает между доминантной функцией одного и вспомогательной функцией другого. Представляется, что это более работающая комбинация, возможно потому,

Такие встречи и столкновения являются обычными, повседневными, равно как и становящаяся следствием желчность (характера). Хотя путем взаимного прозрения всегда сохраняется возможность длительного взаимоотношения, очарованность противоположным типом, как уже указывалось в первой главе, редко продолжается долго. Точно так же, как интровертное мышление контр-уравновешено определенного рода примитивным чувством, к которому объекты привязываются с магической силой, интровертное чувство имеет противовесом примитивное подчиненное мышление. Так как мышление у этого типа является экстравертным, то оно склонно быть пониженным — конкретным, рабски ориентированным на факты. Фактически, это нормальная и здоровая компенсация, которая работает, чтобы смягчить и уменьшить важность субъекта, так как этот тип также склонен к эгоцентризму, как и другие интровертные типы.

Оставаясь бесконтрольным, эго интроверта способно присваивать себе всю полноту личности. В этом случае, пишет Юнг, «таинственная сила интенсивного чувства превращается в банальное и претенциозное властолюбие, тщеславие и тираническое принуждение». Там, где подсознательные компенсаторные процессы полностью подавлены, бессознательное мышление становится открыто враждебным и негативным, и оказывается спроектированным в окружающую среду. Юнг описывает некоторый итог у женщины данного типа:

«Тип остается нормальным до тех пор, пока эго чувствует себя ниже уровня бессознательного субъекта и пока чувство раскрывает нечто более высокое и более властное, нежели эго. Хотя бессознательное мышление архаично, однако оно, при помощи редуций, успешно компенсирует случайные поползновения возвести эго до субъекта. Но если этот случай все-таки наступает вследствие совершенного подавления редуцирующих бессознательных влияний мысли, тогда бессознательное мышление становится в оппозицию и проецирует себя в объекты. От этого субъект, ставший эгоцентрическим, начинает испытывать на себе силу и значение обесцененных объектов. Сознание начинает чувствовать то, „что думают другие“. Другие же думают, конечно, всевозможные низости, замышляют зло, втайне подстрекают и интригуют и т.д. Все это субъект должен предотвратить, и вот, он сам начинает превентивно интриговать и подозревать, подслушивать и комбинировать. До него доходят всевозможные слухи, и ему приходится делать судорожные усилия, чтобы, по возможности, превратить грозящее поражение в победу. Возникают бесконечные таинственные соперничества, и в этой ожесточенной борьбе человек не только не гнушается никакими дурными и низкими средствами, но употребляет во зло и добродетели, только для того, чтобы иметь возможность козырнуть. Такое развитие ведет к истощению. Форма невроза не столько истерична, сколько неврастенична; при этом часто страдает физическое здоровье, например, появляется анемия со всеми ее последствиями».

Интровертный ощущающий тип

В интровертной установке ощущение изначально основано на субъективном компоненте восприятия. Хотя сама его природа делает его зависимым от объективных стимулов, ощущаемый объект стоит на втором плане по отношению к ощущающему субъекту.

Ощущение является функцией иррациональной, потому что она ориентируется не логическим процессом суждения, но лишь тем, что есть, и тем, что происходит. «В то время, как экстравертный ощущающий тип определен интенсивностью воздействия со стороны объекта, — интровертный представлен интенсивностью субъективного ощущения, вызванного объективным раздражением».

Интровертный ощущающий тип напоминает высокочувствительную фотографическую пластинку. Физическая чувствительность к объектам и другим людям включает каждую малейшую тень и деталь: как они выглядят, как они чувствуют прикосновение, их вкус и запах, и звуки, которые они издают. Фон Франц пишет, что впервые она поняла этот тип, когда Эмма Юнг дала ей статью об интровертном ощущении, как своей собственной доминирующей

функции.

«Когда кто-нибудь входит в комнату, такой тип замечает манеру, с которой человек вошел, волосы, выражение лица, одежду, походку человека... каждая деталь усваивается. Впечатление переходит от объекта к субъекту; как будто камень упал в глубокую воду — впечатление падает глубже и глубже, и тонет. Внешне интровертный ощущающий тип выглядит крайне глупо. Он просто сидит, уставившись, и вы не знаете, что происходит внутри него. Он выглядит, как кусок дерева без какой-либо реакции... но внутренне, впечатления усваиваются... Быстрые внутренние реакции продолжаются вниз, а внешний ответ приходит со значительной задержкой. Это те самые люди, которые, услышав утрENNую шутку, начинают смеяться в полночь».

Интровертные ощущающие типы, если они художники-творцы, обладают способностью вносить жизненные картины в живопись или литературу. Например, Томас Манн, описывая каждую деталь изображаемого, воссоздает целостную атмосферу комнаты или личности. Французские художники-импрессионисты также оказываются в этой когорте; они точно воспроизводят внутренние впечатления, которые возникли у них от картины или человека из реального мира.

В этом-то и заключена разница между экстравертным и интровертным ощущениями. В первом случае, у художника воспроизводится реалистическое отражение-рефлексия объекта, во втором — верное изображение (передача) впечатления, произведенного объектом на субъекта. Юнг пишет:

«...субъективное ощущение больше постигает глубокие планы психического мира, чем его поверхность. Решающей вещью является не реальность объекта, а реальность субъективного фактора, а именно, реальность изначальных образов, которые в их совокупности представляют из себя психический мир зеркальных отображений. Но также зеркало обладает своеобразным свойством — изображать наличные содержания сознания не в знакомой и привычной нам форме, но, в известном смысле, с точки зрения вечности, то есть примерно так, как видело бы их сознание, прожившее миллион лет. Такое сознание видело бы становление и исчезновение вещей одновременно с их настоящим и мгновенным бытием, и не только это, но одновременно и другое, — то, что было до их возникновения и будет после их исчезновения. Настоящий момент является для этого сознания неправдоподобным. Само собою разумеется, что это лишь уподобление, которое, однако, мне нужно для того, чтобы хотя до некоторой степени наглядно пояснить своеобразную сущность интровертного ощущения. Последнее передает образ, который не столько воспроизводит объект, сколько покрывает его осадком стародавнего и грядущего субъективного опыта. От этого простое чувственное впечатление развивается в глубину, исполненную предчувствий, тогда как экстравертное ощущение схватывает мгновенное и выставленное напоказ бытие вещей».

Субъективный фактор в ощущении, в сущности, тот же самый, что и у других интровертных типов. Это бессознательная дислокация, которая изменяет ощущение-восприятие в своем источнике, лишая его, таким образом, возможности чисто объективного влияния. Субъективное восприятие скорее ориентировано на значение, которое пристает к объектам, нежели на присущие им физические свойства.

Трудность самовыражения, характерная для интроверта, справедлива и для данного типа. Юнг полагает, что это маскирует существенную иррациональность интровертного ощущающего типа:

«Напротив, он может обратить на себя внимание своим спокойствием, своей пассивностью или разумным самообладанием. Эта своеобразность, которая вводит в заблуждение поверхностное суждение, обязана своим существованием его неотнесенности к объектам. Правда, в нормальном случае, объект совсем не обеспечивается сознательно. Но устраняется в своем свойстве возбудителя тем путем, что побуждение тотчас же замещается субъективной реакцией, которая не имеет более, никакого отношения к реальности объекта. Это, конечно, действует, как обесценение объекта. Такой тип легко может поставить вам вопрос, для чего люди вообще существуют, для чего вообще объекты имеют еще право на существование, если все существенное все равно ведь происходит без них».

Глядя со стороны, очень часто складывается впечатление, что эффект объекта вовсе не

проникает в субъекта, не затрагивает его. В своих крайних проявлениях это может быть и так — субъект не способен больше различать между реальным объектом и субъективным восприятием — но обычно очевидное безразличие к объекту есть лишь средство защиты, типичное для интровертной установки, защиты против вторжения или влияния внешнего мира.

Без способности к художественному выражению, впечатления погружаются в глубины психического и держат сознание зачарованным, в собственном плену. Поскольку мышление и чувство также относительно бессознательны, впечатления внешнего мира организуются только архаическим путем. Способности рационального суждения о вещах либо очень мало, либо она вовсе отсутствует. Такой человек, согласно Юнгу, «лишь с чрезвычайным трудом доступен для объективного понимания, да и сам он в большинстве случаев относится к себе без всякого понимания».

Подчиненная экстравертная интуиция этого типа, пишет фон Франц, «имеет очень нечистое, жуткое, мрачное, сверхъестественное, фантастическое качество... занятое безличностным коллективным внешним миром». Как уже упоминалось ранее, ощущение имеет тенденцию, фактически, подавлять интуицию, поскольку она вмешивается в восприятие конкретной реальности. Следовательно, интуиция у данного типа, когда она проявляется, носит архаический характер.

«Тогда как экстравертная интуиция отличается характерной находчивостью, „хорошим чутьем“ для всех возможностей объективной реальности, архаически экстравертная интуиция обладает способностью пронюхать все двусмысленное, темное, грязное и опасное на задних планах действительности. Перед этой интуицией — действительное и сознательное намерение объекта не имеет никакого значения, ибо она подозревает за ним все возможности архаически предшествующих ступеней такого намерения. Поэтому, в ней есть нечто прямо-таки опасно подкапывающееся, что нередко стоит в самом ярком контрасте с доброжелательной безобидностью сознания».

В отличие от экстравертных ощущающих типов, которые подхватывают интуицию, касающуюся субъекта — его самого, — интровертные ощущающие типы более склонны иметь темные профетические фантазии о том, что может случиться во внешнем мире — с их семьей или «с человечеством». Они также склонны, замечает фон Франц, к душеизвергающим озарениям, (инсайтам), которые противоречат их обычной заземленной природе:

«Такой тип может, прогуливаясь по улице, увидеть хрустальную посуду в магазинной витрине, и его интуиция может вдруг осознать ее символическое значение: целостный символический смысл хрусталя потечет в его душу... Этот поток запущен внешним событием, поскольку его подчиненная функция, в сущности, является экстравертной. Естественно, он имеет ту же самую плохую характеристику экстравертного ощущающего типа: у обоих интуиция очень часто носит зловещий характер, и если она не срабатывает, то, естественно, прорывающиеся профетические содержания будут пессимистичными и отрицательными».

Аккуратная в регистрации физической реальности, ощущающая функция склонна быть медлительной, вялой, инертной. В той степени, в какой другие функции бессознательны, этот тип легко увязает в привычной рутинной колее текущего момента. Настроенные на то, чтобы быть здесь и теперь, на то, что есть, люди этого типа испытывают огромные трудности, пытаясь вообразить, что могло бы быть, сами возможности, представляющие естественное поле деятельности для интуитива.

До тех пор, пока ощущающий тип не будет держаться слишком в стороне от объекта, пишет Юнг, — «бессознательная установка действует, как благотворное компенсирование к установке сознания, которая является несколько фантастичной и склонной к легковерию»:

«Но как только бессознательное становится в оппозицию к сознанию, архаические интуиции всплывают на поверхность и развивают свое пагубное влияние, насильственно навязываясь индивиду и вызывая у него навязчивые идеи самого отвратительного толка. Возникающий из этого невроз есть обыкновенно невроз навязчивости, в котором истерические черты закаскированы симптомами истощения».

Интровертный интуитивный тип

Интуиция, как и ощущение, есть иррациональная функция восприятия. Там, где ощущение мотивировано физической реальностью, интуиция ориентирована на реальность психическую. В экстравертной установке субъективный фактор вытеснен, но у интроверта он является решающим. Когда такой способ функционирования оказывается доминирующим, мы имеем интровертный интуитивный тип.

Интровертная интуиция направлена на содержания бессознательного. Хотя она и может стимулироваться внешними объектами, пишет Юнг, «но сама по себе совершенно не озабочена внешними возможностями, а фокусируется на том, что было вызвано внешним внутри субъекта». Интровертный интуитив видит происходящее за сценой, устреляет туда свой взор, очаровывается теми внутренними образами, которые приносятся в его жизнь.

Юнг приводит пример человека, страдающего приступом головокружения. Там, где интровертное ощущение могло бы отметить физические нарушения, ухватить все его качества, его интенсивность, течение, как оно возникает и как долго длится, интровертная интуиция ничего такого не заметит, а будет прежде всего исследовать каждую деталь образов, возникающих в результате такого расстройства. «Она удерживает этот образ и с живейшим сочувствием констатирует, как этот образ изменяется, развивается далее и, наконец, исчезает»:

«Таким образом, интровертная интуиция воспринимает все, что происходит на дальних планах сознания, приблизительно с такой же ясностью, с какой экстравертное ощущение воспринимает внешние объекты. Поэтому, для интуиции бессознательные образы получают достоинство вещей или объектов. Но так как интуиция исключает сотрудничество ощущения, то она или вовсе ничего не узнает лишь недостаточно о расстройствах иннервации, о влияниях бессознательных образов на тело. От этого образы являются как бы отрешенными от субъекта и существующими сами по себе, без отношения к личности. Вследствие этого, в данном примере, интровертный интуитив, имевший приступ головокружения, и не подумал бы даже, что воспринятый им образ мог бы как-нибудь относиться к нему самому. Это покажется, конечно, почти невысказанным для человека, установленного на суждение (мышление или чувство), а между тем это факт».

Интровертный интуитивный тип, как и экстравертный интуитив» обладает сверхобычной способностью вынюхивать будущее, еще не проявленные возможности и ситуации. Но интуиция направлена вовнутрь, следовательно, такие люди прежде всего обнаруживаются среди видящих (сиеров) и пророков, поэтов, художников; среди первобытных людей таковыми являются шаманы, которые передают сообщения от богов своему племени.

На более светском уровне люди этого типа склонны быть мистическими мечтателями. Общаются они с трудом, постоянно пребывая в недоразумении и имея недостаточно хорошее суждение, как о себе, так и о других; ничего не доводят до конца. Они «переходят от образа к образу», — пишет Юнг, — «гоняясь за всеми возможностями, заключенными в творческом лоне бессознательного, не устанавливая никаких связей между явлением и собой».

Этот тип особенно расположен пренебрегать обычными физическими нуждами. Такие люди мало осведомлены о своем собственном телесном существовании или о его воздействии на других. Часто оказывается, что реальность для них совершенно не существует — они просто затеряны в бесплодных фантазиях. Отчасти парировав это, Юнг описывает ценность данного типа для коллективной общины;

«Правда, созерцание образов бессознательного, создаваемых творческой силой в неиссякаемом изобилии, бесплодно лишь в смысле непосредственной пользы. Но поскольку эти образы суть возможности концепций, способных при известных условиях сообщить жизни новый потенциал, постольку и эта функция, наиболее чуждая внешнему миру, неизбежна в общем психическом домоводстве, также как и психическая жизнь народа, отнюдь, не должна быть лишена соответствующего типа. Если бы этого типа не существовало, Израиль не имел бы своих пророков».

Характерно, что интровертные интуитивы имеют смутное представление о подробностях «реального» мира. Они легко теряются в незнакомых городах; вечно кладут свои вещи не на место; забывают придти на назначенную встречу; редко приходят вовремя; приезжают в аэропорт в самую последнюю минуту. Их рабочая среда обитания обычно находится в беспорядке; они не могут отыскать нужную бумагу, необходимые принадлежности, чистую

одежду. Редко, когда что-то вокруг них оказывается в чистоте и порядке. Они имеют привычку доводить дело до конца кое-как, в зависимости от терпения и добрых намерений друзей, ориентированных на ощущение.

Их поведение часто, в лучшем случае, раздражает другие типы, в худшем — становится для них тягостным. Сами же они остаются беззаботными и равнодушными, отговариваясь, при соответствующем нажиме, что «детали не такое уж важное дело».

Равнодушные этого типа к осязаемой реальности очень легко истолковать неправильно, как безразличие, с одной стороны и неверность, с другой. Они верны не внешним фактам, а внутренним образам. Они могут несознательно солгать, но их память или воскрешение события едва ли совпадает с так называемой объективной реальностью. В своих крайних проявлениях человек данного типа делается совершенной загадкой для друзей и, в конечном счете, — поскольку они не чувствуют, что их ценят и к их мнению прислушиваются, — друзья имеют все основания постепенно исчезнуть с горизонта.

Крайне интровертный интуитив подавляет обе функции суждения — мышление и чувство — но более всего вытесняет ощущение объекта. Это, естественно, дает начало проявлению компенсаторного экстравертного ощущения архаической природы. Бессознательную личность, пишет Юнг, «можно было бы, поэтому, лучше всего описать, как экстравертный ощущающий тип только низшего примитивного порядка»:

Сила влечения и безмерность являются свойствами этого ощущения, так же как чрезвычайная зависимость от чувственных впечатлений. Это качество компенсирует разреженный горный воздух сознательной установки интуитива и придает ей некоторую тяжесть, так что это мешает полному «сублимированию». Но если, вследствие сформированного преувеличения сознательной установки, наступает полное подчинение внутреннему восприятию, тогда бессознательное вступает в оппозицию и тогда возникают навязчивые ощущения с чрезмерной зависимостью от объекта, которые сопротивляются сознательной установке. Формой невроза является, в таком случае, невроз навязчивости с гипохондрическими симптомами, сверхчувствительностью органов чувств и навязчивой привязанностью к определенным лицам или к другим объектам.

Интровертный интуитив имеет особую проблему в сексуальной области. Такие типы не лучшие любовники в мире, попросту потому, что они слабо ощущают то, что происходит в их собственном теле, равно как и в теле их партнера. В то же самое время они имеют похотливую натуру — отражение подчиненной и поэтому примитивной ощущающей функции — и через недостаточность суждения выходят наружу с вульгарными, непристойными и социально неуместными сексуальными иллюзиями.

Юнг признавал, что хотя оба — и интровертный интуитив, и интровертный ощущающий тип — являются, с экстравертной и рационалистической точки зрения, «наиболее бесполезными людьми», способ их функционирования, тем не менее, поучителен:

«Но если посмотреть с высшей точки зрения, но такие люди являются живыми свидетелями того факта, что богатый и полный движения мир, и его бьющая через край упоительная и пьянящая жизнь живут не только вовне, но и внутри. Конечно, такие типы суть лишь односторонние демонстрации природы, но они поучительны для того, кто не позволяет духовной моде данного момента ослеплять себя. Люди такой установки являются своего рода двигателями культуры и ее воспитателями. Их жизнь поучает большему, чем их слова. Жизнь людей данного типа и не в последней степени их величайший недостаток — неспособность к нормальному общению, — объясняет нам одно из великих заблуждений нашей культуры, а именно, суеверное отношение к слову и изображению, безмерную переоценку обучения путем слов и методов».

Типологическая модель Э.Кречмера. Германия

Типы строения тела

Еще нет точного учения о конституции, основанного на строении тела, отсутствуют систематические исследования, разработанные в деталях. Мы стоим на такой точке зрения: конституциональные типы, охватывающие человека в целом, его тело и психику и соответствующие действительным биологическим связям, можно считать установленными лишь тогда, когда вскрыты закономерные взаимоотношения между чисто эмпирически установленными сложными типами телосложения и сложными эндогенными типами (как, например, циркулярный и шизофренический психозы). Мы получим правильный критерий только тогда, когда можно будет контролировать действительную зависимость психического синдрома от его соматической основы и соматическую группировку симптомов от их психических проявлений. Предложенную нами ниже группировку и следует рассматривать как такой эксперимент.⁶²

Описанные ниже типы не являются «идеальными типами», которые возникли согласно определенной руководящей идее. Они получены эмпирически следующим образом: где можно установить достаточное количество морфологических сходств у достаточного количества лиц, там мы приступаем к определению цифровых данных. Если мы исчисляем средние величины, то в этом ясно выступают общие признаки, между тем как различные черты в каждом отдельном случае затушевываются в средней величине. Подобным же образом мы поступаем при остальных, только оптически улавливаемых признаках. Мы действуем, как бы копируя портреты 100 лиц одного типа на одной и той же бумаге, при этом совпадающие черты интенсивно усиливаются, не соответствующие друг другу затушевываются. Мы описываем как типичные лишь черты, усиливающиеся в средней величине. Вряд ли возможно на нашем материале обнаружить такой тип в массовом количестве без кропотливого предварительного упражнения глаза: скорее мы в каждом отдельном случае находим тип завуалированным гетерогенными «индивидуальными» чертами и местами затушеванным.

При нашем описании типов мы руководствуемся не наиболее частыми, но наиболее яркими случаями, которые яснее всего изображают то общее и эмпирически констатируемое, что мы обычно видим в сглаженной форме. То же самое касается, впрочем, и психологического описания типов во второй части книги.

Пользуясь описанным методом, мы установили три постоянно повторяющихся главных типа строения тела, которые мы назвали астеническим, атлетическим и пикническим. Эти типы встречаются у мужчин и женщин, но при более слабой морфологической дифференцировке женского тела яркие картины у женщин бывают гораздо реже. Способ же распределения этих типов в шизофренической и циркулярной группах весьма различен и очень любопытен.

В здоровой жизни мы всюду замечаем эти же три типа; сами по себе они не содержат ничего болезненного, но свидетельствуют об определенных нормально-биологических предрасположенностях, из которых лишь незначительная часть достигла патологического завершения как в психиатрической области, так и в определенных внутренних заболеваниях. Наряду с этими большими главными типами мы нашли затем различные небольшие группы, которые объединяем под общим названием диспластических специальных типов, поскольку они представляют собой сильные отклонения от среднего типа.

Мы даем сначала лишь очерк главных типов в их самых общих признаках и в следующих главах для наглядности описываем тонкую морфологию строения тела, особенно строение лица, черепа и поверхности тела. Мы еще раз подчеркиваем, что морфологию строения тела надо сначала изучать на мужчинах, а затем уже на женщинах. Строение женского тела (в чертах лица, развитии мышц и жира) в общем менее рельефно, поэтому женщины часто демонстрируют атипичные и менее резкие проявления.

а) Астенический тип

Габитус мужчины-астеника характеризуется главным образом слабым ростом по толщине при среднем неумноженном росте в длину. Это недостаточное развитие толщины проходит

⁶² Э.Кречмер. Строение тела и характер. М., 1995. Дайджест.

через все части тела — лицо, шею, туловище, кости, сосудистую систему — и через все формы тканей, кожу, жировую ткань, мышцы, кости, сосудистую систему. Вследствие этого средний вес, а также размеры в объеме и ширине понижены по сравнению со средними размерами, характерными для мужчин.

Следовательно, в тяжелых случаях мы имеем картину худого, тонкого человека, кажущегося выше, чем он на самом деле, малокровног, с узкими плечами, с сухими тонкомышечными руками, с токо костными кистями, с длинной, узкой, плоской грудной клеткой, на которой можно пересчитать ребра, с острым реберным углом, с тонким, лишенным жира животом, с такими же руками и ногами. У мужчин наблюдается явное отставание веса тела от его длины и объема груди от объема бедер.

Представители этого типа, склонные к шизофрении, имеют более широкие плечи при плоской, как доска, грудной клетке и очень нежных плечевых костях. Вместо тонкого живота в отдельных случаях наблюдается дряблый, энтероптоичный отвисший живот или отложения жира евнухоидного или женского распределения, что нельзя смешивать с пикническим жирным животом. Часто возникают варианты астенического типа с более сильным или слабым выражением стигмат телосложения дисгенитальной группы, инфантилизма (акромикрия), феминизма (образование талии, увеличенный объем таза, резкая округленность бедер) и особенно евнухоидного высокого роста с чрезмерной длиной конечностей. Позже мы возвратимся к этому.

Нередко образуются варианты и комбинации астенического и атлетического типов, когда наряду с астеническими стигматами выступают и атлетические (например, длинная, узкая грудная клетка с крепкими конечностями, инконгруэнтность между лицом и строением тела и т.д.) или средний тип жилисто-стройной фигуры, для которого характерна грациозная худощавость или крепкие мышцы.

Если мы рассмотрим тип в течение развития его жизни, то заметим, что во всех возрастных периодах он остается довольно постоянным. В детском возрасте эти люди бывают слабыми и нежными; в период созревания они быстро растут и вытягиваются, в зрелости и старости они не обнаруживают ни малейшей склонности к правильному накоплению жира и развитию мышц. Они, как крестьяне, могут выполнять тяжелую физическую работу, но у них очень слабо утолщаются мышцы. Они могут прекрасно питаться и даже, как многие обитатели больниц в мирное время, отличаться прожорливостью, но, несмотря на это, оставаться такими же худыми. Возраст изменяет у части астеников тип распределения волос (см. дальше). Черты лица лишь на восемнадцатом году приобретают свои характерные формы и могут при прогрессирующем похудании в пожилом возрасте сделаться еще резче.

У части астеников, бросается в глаза как важный биологический признак их преждевременное старение. Я встречал мужчин в возрасте между 35 и 40 годами, казавшихся стариками с морщинистой, совершенно сухой, дряблой и поблекшей кожей и с перевитыми височными артериями.

Астенические женщины по своему габитусу напоминают астенических мужчин, за исключением одного: они не только худощавы, но часто и малорослы. Нормальный и даже усиленный рост в длину у них встречается, но не так часто. Эта группа женщин не просто астенична, а астенично-гипопластична, причем во всей нашей работе под астеническим мы понимаем задержанный рост в толщину, под гипопластическим — общее недоразвитие тела и его частей, особенно роста в длину. Несоответствие между ростом и весом тела у астенических мужчин выражено более резко, чем у женщин.

б) Атлетический тип

Мужской атлетический тип характеризуется сильным развитием скелета, мускулатуры, кожи.

Общий облик самых ярких представителей этого рода: среднего или высокого роста мужчины с особенно широкими и выступающими плечами, статной грудной клеткой, упругим животом, с формой туловища, снижающегося книзу, так что таз и все еще статные ноги по сравнению с верхними частями тела и особенно гипертрофичным плечевым поясом кажутся

иногда тонкими. Плотная высокая голова прямо держится на свободной шее, причем линейные контуры *trapezius*, видимые спереди, придают шейной части плеча особый отпечаток.

Линии, очерчивающие тело, образуются выступающими мышцами хорошей или гипертрофической мускулатуры, которая вырисовывается пластически, как мускульный рельеф. Костный рельеф наиболее заметен в чертах лица. Грубое строение костей характерно для ключицы, запястья и плюсны. Наряду с плечевым поясом трофический акцент лежит еще на концах конечностей, которые могут напоминать акромегалию. Наибольший объем руки у атлетов достигает 25 см, величины, превышающей на 5 см средние размеры у мужчин. Объем руки в 23 см довольно част. Длина конечностей скорее велика, чем мала. Наряду с костями и мышцами в гипертрофии участвует и кожа. Она обладает хорошим упруго-эластичным тургором, а на лице кожа особенно плотная, толстая, иногда пастозная. В противоположность всем этим тканям жировой слой сравнительно умерен, почти нормально выражен. Этим прежде всего обуславливается точный мускульный рельеф, причем чрезмерно развитая мускулатура заметно проступает через тонкий жировой слой.

Рост тела в общем выше среднего; длина больше 180 см встречается нередко. Нижнюю границу фиксировать невозможно, так как морфологические переходы между атлетическим типом и типом гипопластической плечистости (см. ниже) довольно неясны.

В остальном у представителей атлетического типа, главным образом в чертах лица, наблюдаются варианты. В строении тела мы находим наряду с только что намеченным типом, обладающим сравнительно стройной нижней частью тела и пластическим выступанием форм тела, еще вариант, который отличается общей неуклюжестью. Различие в развитии плеч и таза при этом не заслуживает внимания, все некрасиво, грубо, неуклюже, кожа лица пастозна, мускульный рельеф затушевывается диффузным развитием жира.

Исследование развития атлетического типа в зависимости от возраста дает мало интересного. Этот тип ясно выступает уже в периоде созревания приблизительно с 18 лет; с полным развитием головы после 25 лет он становится более пластичным и четким. Мне удалось установить несколько случаев атлетов в 50-летнем возрасте. Трудно предположить, что этот хорошо выраженный тип в более позднем возрасте так быстро нивелируется, что его нельзя распознать хотя бы по голове и строению скелета.

Атлетический тип у женщин, поскольку его здесь можно распознать, такой же, что и у мужчин, но с известными характерными отличиями. Развитие жира у атлетических женщин не задержано, а обильно; конечно, оно гармонирует с остальными тканями, прежде всего с костями и мышцами, и, по крайней мере, в наблюдаемых нами случаях не элективно усилено, как у пикников. Наряду с этим типом атлетических женщин с женственно округленными формами мы встречаем, однако, и пациенток с выраженным маскулинизмом в чертах лица и строении тела. Следует иметь в виду, что трофическое акцентирование плечевого пояса можно часто наблюдать и у атлетических женщин (до 39 см ширины плеч), причем Оно не идет по линии вторичных половых признаков, а скорее противоречит ей. Последнее указывает ей на то, что такое строение плечевого пояса представляет собой не что-то случайное, а вытекает из своеобразно направленных импульсов роста. Кроме грудино-плечевого пояса часто сильно развит и таз.

Строение тела у атлетических женщин производит впечатление ненормального, чрезмерно выступающего, грубоватого и массивного в отличие от строения тела у атлетических мужчин. Это происходит потому, что мужчины-атлеты иногда приближаются к нашему художественному идеалу красоты, в то время как наш идеал женской красоты не согласуется с атлетическим. Здесь уместно предостеречь от внесения субъективных оценок в диагностику строения тела. Мы мало чего достигнем характеристикой «нормальный» и «анормальный» по отношению к нашим трем главным типам. Все три встречаются у здоровых, так и у душевнобольных и больных с внутренними болезнями. Нельзя также утверждать, что один из трех типов в физическом отношении лучше приспособлен к жизненной борьбе. Атлетика легче быть борцом, астенику — летчиком, при многих профессиях совершенно безразлично, посвящает ли себя им тот или другой. Многие астеники в течение всей жизни здоровы и доживают до глубокой старости, тогда как их более статные ровесники давно умерли от сердечного удара.

в) Пикнический тип

Пикнический тип в среднем возрасте характеризуется сильным развитием внутренних полостей тела (головы, груди, живота) и склонностью торса к ожирению при нежной структуре двигательного аппарата (плечевого пояса и конечностей).

Общее впечатление при выраженных случаях довольно характерное: среднего роста плотная фигура, с мягким широким лицом на короткой массивной, сидящей между плечами, шее, основательный жирный живот выступает из расширяющейся книзу глубокой сводчатой грудной клетки.

Если мы рассмотрим конечности, то заметим, что они мягкие, круглые, со слабовыраженным рельефом мышц и костей, часто изящные; руки мягкие, короткие и широкие. Кистевые суставы и ключицы нередко стройные и нежные. При этом плечи не выступают широко, как у атлетов, но (главным образом у старых людей) круглы, несколько приподняты и сдвинуты вперед, часто спускаются к груди при резком изгибе на внутреннем крае *deltoideus*. Создается впечатление, что весь плечевой пояс сдвинут вперед и вверх по отношению к несколько вздутой грудной клетке; голова принимает участие в этом статическом перемещении: она опускается вперед между плечами, так что короткая, толстая шея постепенно почти исчезает и верхняя грудная часть позвоночника делает легкий кифотический изгиб. В профиль шея не выглядит, как у других типов, стройной, круглой колонной, на которой держится резко выступающая и отграниченная голова, а в выраженных случаях среднего и более пожилого возраста кончик подбородка косой линией непосредственно связан с верхним концом грудины.

Пропорция груди, плеч, шеи, не касаясь конфигурации лица, характера ожирения, является самой интересной в пикническом строении тела. Если туловище атлетического типа кажется широким, то пикнического — глубоким; если трофический акцент лежит на плечевом поясе и концах рук и ног, то — на центре туловища, на бочкообразно расширяющейся книзу грудной клетке и богатом жиром животе. Конечности в среднем скорее коротки, чем длинны.

Пикники имеют определенную тенденцию к ожирению. Характер ожирения также типичен и должен быть сразу замечен не для сравнения с атлетиками и астениками, которые не проявляют склонности к ожирению, а для сопоставления с известными грубодиспластическими типами (см. ниже). Ожирение пикников держится в умеренных границах и в первую очередь проявляется в склонности к ожирению торса, жир преимущественно отлагается в компактном жирном животе. Все остальные формы тела благодаря диффузному отложению жира мягки и закругленны, но не скрыты и не уродливы. Так, лицо характеризуется своими округленными, мягкими очертаниями; бедра, а часто и икры также подвержены ожирению. Напротив, предплечья, кисти и боковые части плеч имеют умеренный жировой слой. Ноги у пожилых пикнических мужчин могут быть очень тонкими.

Кожа не дряблая, как у астеников, не упругая, как у атлетов, а мягкая и хорошо облегает тело. Она средней толщины с сильными изгибами контуров, в особенности у скуловых костей. На наружной поверхности плеч кожа натянута. Мышцы средней силы, но мягкой консистенции.

Рост пикников средний. Относительно сильное отложение жира сказывается на том, что, в противоположность другим типам, а также атлетическому, вес тела у пикников превышает рост. Пикники нередко обнаруживают в зависимости от периодов и смены психотических фаз сильные и резкие колебания веса тела. Небольшие коренастые фигуры среди пикников нашего населения встречаются довольно часто, но только один из обследованных нами был ниже 160 см. Очень высокие пикники бывают редко. Мы обнаруживали только два случая с ростом 181 и 182 см (при наличии атлетических элементов строения тела), которые перешли границу 180 см.

Пикнический тип является достаточно очерченным и не обнаруживает каких-либо неожиданных вариантов. Следует подчеркнуть, что он благодаря строению скелета и прежде всего не зависящим от жирового слоя размерам черепа и лица и кистей часто имеет характерные пропорции груди, плеч и шеи. Для его диагноза вовсе не требуется наличия более сильного жирового слоя. Грубые очертания тела существенно различаются в зависимости от того, имеет ли пикник жирный живот или толстую шею. Если не забывать того, что

большинство рабочих тяжелого труда и лица моложе 35-40 лет не обладают компактным пикническим жировым слоем, то можно понять, почему возможны ошибочные диагнозы, если полагаться только на этот весьма важный и производящий впечатление, но не всегда постоянный симптом. Присоединение признаков других типов может совершенно затушевывать пикническую картину, но при тщательном рассмотрении и измерении обнаруживаются характерные пикнические компоненты. Комбинации с атлетическими элементами нередки — в этом случае плечи шире и конечности более костлявы и грубы. Астенически-пикнические структурные интерференции наблюдаются в следующем сочетании: небольшой жирный живот, длинный thorax, длинные узкие конечности. Кроме того, в конфигурации лица и черепа можно отметить легкую оксифеалию с мягкими пикническими щеками и широкими челюстями. Здесь, как и при других типах, возможно бесчисленное множество таких комбинаций; нет вообще ни одного отдельного симптома, который не комбинировался бы со стигматами другого типа.

Морфологические различия у пикников разных возрастных групп значительно больше, чем при других типах. Пикнический тип приобретает свою характерную форму в более зрелом возрасте, между 30-40 годами, а после 60 лет стирается. Эти различия зависят прежде всего от жирового слоя и отчасти от вторично обусловленного этим изменения формы грудной клетки. Встречаются случаи, когда жирный живот и одновременное с ним расширение нижней апертуры грудной клетки развиваются вскоре после 20 лет. Но это исключения. В большинстве случаев у молодых пикников в возрасте 20-30 лет мы находим следующий габитус: широкая, нежная форма лица с правильными пропорциями и характерной нижней челюстью, короткая, чаще толстая, но весьма плотная и резко отграниченная от нижней поверхности подбородка шея. Thorax еще не вздут, соблюдена гармония между шеей и плечами, поэтому нет еще кифоза и не отмечается характерного наклона головы вперед между приподнятыми плечами. При таком телосложении молодой пикник на первый взгляд может быть принят за атлетика.

Молодые пикники по объему головы, груди и живота занимают первое место и обнаруживают свою предрасположенность к ширине и округленности. Пикник по размерам плеч отстает от атлетика, между тем как по объему груди он его превосходит. Изгиб плеч на внутреннем крае *deltoideus* можно иногда встретить у молодых пикников.

Жировой слой у них распределяется еще диффузно, его можно заметить прежде всего на лице и на мягких со слабым мышечным рельефом формах торса и конечностей.

В старческом возрасте жирный живот мало заметен, он иногда западает, и тогда грудная клетка не вытягивается кверху. Кожа дряблая и сухая. Существенные признаки строения тела, однако, сохраняются.

Пикническое строение тела у женщин несколько модифицируется. Жир откладывается главным образом на торсе, но его больше на груди и бедрах. Соотношение груди и плеч такое же, как у мужчин. По объему груди и бедер пикнические женщины относительно превосходят атлетических. Низкий рост у них наблюдается довольно часто. Очень молодых пикнических женщин с изящным строением тела, не имеющих значительного жирового слоя, при первом взгляде можно принять за атлетических. Такой ошибки мы избежим, если уделим должное внимание данным измерения, конфигураций лица, формам, которые и здесь являются более круглыми и полными. Молодые пикнические мужчины с хорошей мускулатурой и свежим тургором кожи на первый взгляд могут казаться «атлетическими». Если форма лица и пропорции между грудью и плечами типичны, то их смешать нельзя. В отдельных случаях дифференциальный диагноз может быть довольно сомнительным.

Вообще при сравнении юношеских фотографий пожилых циркулярных больных бросается в глаза, что отдельные мужчины к 20 годам обнаруживали совершенно атипические формы тела, удлиненное лицо, узкое телосложение, которые позже развились совершенно пикнически. Поэтому надо быть весьма осторожным с отрицательным суждением о молодом циркулярном, так как до 40 лет нельзя с уверенностью утверждать, что отсутствуют пикнические компоненты. Вопрос о смене явлений именно при этих эпизодически наступающих пикнических компонентах играет немаловажную роль.

У нас было только двое циркулярных моложе 17 лет; оба при хорошо выраженных, округленных формах обнаруживали явное недоразвитие для своего возраста. Из-за

недостаточности наблюдений нельзя утверждать, что в этом проявляется определенная закономерность.

г) Распределение типов строения тела по группам: циркулярной и шизофренической

Прежде чем перейти к более тонкой диагностике строения головы и поверхности тела, следует дать обзор того, как выражаются в цифрах типы строения тела циркулярной и шизофренической групп.

Следует отметить, что, само собой разумеется, не существует резкой границы между отдельными типами, и, следовательно, отнесение пограничных случаев к той или иной группе не может быть точным. У циркулярных случаи с несомненным преобладанием пикнических структурных элементов мы выделили в отдельную рубрику (58 случаев). Остальные 14 — это смешанные варианты, которые обнаруживают явные пикнические симптомы строения тела, но вместе с тем и сильные гетерогенные налеты, например пикнически-атлетические (5 случаев) и пикнически-астенические смешанные картины. У шизофреников астенически-атлетические смешанные формы мы также рассматриваем особо. Некоторые черты других типов в деталях строения мы, разумеется, сможем установить в большом количестве «чистых» случаев. Им следует уделить должное внимание; в связи с наследственностью, характерологией и психотическим построением симптомов они могут быть весьма интересны. В общем статистическом обзоре они не играют никакой роли.

Таблица

Строение тела и психическая предрасположенность

	Циркулярные	Шизофр.
Астеническое	4	8
Атлетическое	3	3
Атлетически-астеническое смешанное	2	1
Пикническое	58	2
Пикнически смешанные формы	14	3
Диспластическое	-	3
Расплывчатые картины и не внесенные в рубрики	4	1
Всего	85	1

Картина, которую дает таблица, является показательной и имеет большое биологическое значение. Разумеется, нельзя полагаться на абсолютные цифровые данные. Надо считаться с

пограничными случаями и возможностью проникновения ошибок из экзогенных факторов.

Мы находим у циркулярных больных среди большого числа смешанных и неясных картин значительное преобладание пикнических типов строения тела, с одной стороны, при слабом участии классически выраженных астенических, атлетических и диспластических форм тела — с другой.

Напротив, у шизофреников мы находим среди известного числа гетерогенно-смешанных и неясных картин явное преобладание астенических, атлетических и диспластических типов (или их комбинаций), с одной стороны, при слабовыраженном участии классических пикнических форм тела — с другой.

Следовательно, мы можем сделать выводы, что:

между психической предрасположенностью к маниакально-депрессивным заболеваниям и пикническим типом строения тела существует ясное биологическое родство;

между психической предрасположенностью к шизофрениии и строением тела астеников, атлетиков и некоторых диспластиков существует ясное биологическое родство;

напротив, существует незначительное родство между шизофренией и пикническим типом строения тела, с одной стороны, и циркулярным психозом и астенически-атлетически-диспластическим типом строения тела — с другой.

Циклоидные темпераменты

Шизоидом или циклоидом мы называем колеблющиеся между здоровьем и болезнью патологические личности, которые отражают в легкой степени основные симптомы шизофренического и циркулярного психоза; такие шизоидные и циклоидные типы прежде всего встречаются в препсихотическом периоде самих душевнобольных, а затем среди их близких и кровных родственников. Обе группы дают прочную основу для нашего описания. Раз мы их установили, то имеем право называть шизоидами и циклоидами такие патологические личности, которые по своему телесному и психическому габитусу совпадают с ними, хотя соответствующий психоз в ближайшем поколении отсутствует.

Менее ясным представляется облик типов личности циркулярных. В случае, где встречались описания таких людей, нам часто не удавалось ясно выделить существенное содержание циклоидных темпераментов, скорее мы находили его сильно смешанным с иного рода элементами — с шизоидными и другими дегенеративными чертами, с налетами, которые мы, разумеется, довольно часто обнаруживаем в отдельном случае наследственности и препсихозе маниакально-депрессивных; при этом, при сравнении многочисленных характерологических серий случаев, они не выглядели типичными.

Прежде всего, пока отсутствует широкое характерологическое связующее звено между тем, что называют гипоманиакальным и конституционально-депрессивным темпераментами; не существует описания людей, стоящих между гипоманиакальным и депрессивным настроениями, поскольку они находятся в связи с циркулярной формой; не строго выделены черты темперамента, общие для гипоманиакальных и депрессивных и, таким образом, для всей циркулярной формы. Если даже легко бросающийся в глаза гипоманиакальный тип изображен не очищенным от всех гетерогенных элементов, то особые трудности начинаются при определении понятия «конституциональное расстройство настроения». Прежде всего мы должны попытаться приблизительно охарактеризовать те расстройства настроения темперамента, которые ближе к циркулярным формам, в противовес тем, которые более склонны к шизофрениии.

Диатетическая пропорция

При этом для маниакально-депрессивных пациентов обнаружались следующие признаки темперамента как самые частые и постоянно возвращающиеся:

- 1) общительный, добросердечный, ласковый, душевный;
- 2) веселый, остроумный, живой, горячий;

3) тихий, спокойный, впечатлительный, мягкий. Для наглядности все признаки мы разделили на три

группы. Первая объединяет до некоторой степени основные черты циклоидного темперамента, которые постоянно возвращаются, как в маниакальном, так и в депрессивном состоянии, и придают веселости и мрачности оттенок, характерный именно для циклоидного человека. Люди с маниакально-депрессивным психозом преимущественно общительны, добродушны, с ними легко иметь дело, они понимают шутку и приемлют жизнь такой, какова она есть. Они естественны и откровенны, быстро вступают в приятельские отношения с другими, в их темпераменте есть что-то мягкое и теплое.

Это совершенно соответствует тому, что мы наблюдаем и у циркулярных больных; известно, что возбужденные маньяки в общем отличаются детским добродушием, доверчивостью и уступчивостью: они скорее производят беспорядок, чем совершают грубое насилие; циркулярные больные редко причиняют серьезное зло кому-либо, быстро вспыхивают, но сейчас же становятся опять хорошими, нечасто на них можно обидеться. И типичные чистые депрессивные из циркулярных имеют в своем настроении нечто мягкое. В тех случаях, где течение душевных процессов не очень затруднено высокой степенью задержки, можно с ними вступить в душевный контакт и иногда, несмотря на все их отчаяние, сказать им что-нибудь приятное; они испытывают потребность в одобрении и, при стихающей задержке, в желании высказаться; если приближается выздоровление, они скромны, ласковы и благодарны. Пациенты, у которых преобладает задержка, часто и особенно сильно жалуются на недостаток теплого, душевного чувства к людям и к вещам; это признак того, что именно данное чувство составляет их жизненный элемент. Несмотря на это субъективное ощущение задержки, они при объективном наблюдении наряду с шизофрениками производят впечатление обходительных и душевно теплых.

Наряду с общительными натурами мы находим среди циклоидов, особенно с депрессивной окраской, обходительных отшельников, людей немножко тяжеловесных, спокойных, живущих созерцательной жизнью. Их отличает от соответствующих шизоидов отсутствие какой-либо внутренней антипатии или враждебного нежелания общаться с людьми, но этим отшельникам свойственна известная мрачность, иногда также боязливость и склонность к чувствам недостаточности. Если с ними пытаются войти в общение, то они бывают ласковы, естественны и доступны, в большинстве своем посещают определенный тихий трактир, имеют узкий круг знакомых и друзей, с которыми приятно проводят время.

Важное значение имеет тот факт, что конституционально-депрессивные, т.е. люди, у которых печальное настроение постоянно стоит на первом плане, не так уж часто встречаются среди представителей маниакально-депрессивного психоза. Можно было бы из нашего циркулярного материала составить серию типичных гипоманиакальных темпераментов гораздо скорее, чем собрать ряд конституционально-депрессивных, несмотря на то, что швабы представляют собой особенно мрачных тип людей. Если мы предложим родственникам людей, склонных к периодическим депрессиям, рассказать об их личности вне психоза, то не получим вначале указания, что больной бывал постоянно в дурном и подавленном настроении; в лучшем случае родные дают негативную формулировку: он никогда не мог радоваться так, как другие; часто они говорят: он тих и спокоен, он все близко принимает к сердцу, у него мягкая душа. Если мы прямо спросим о его настроении, то нам скажут: он в обычное время дружелюбен, его любят, он не угрюм, понимает юмор, смеется вместе с другими, иногда и сам острит. Но он легко начинает плакать, уже мелочи его волнуют, и при печальных обстоятельствах он печалится дольше и глубже других. Следовательно, такие люди не сами по себе печальны, они лишь легче откликаются на печальные события. Но особенно характерно следующее. На тяжелых ответственных постах, при опасных положениях, при неприятных ситуациях, при неожиданном крахе в делах они не становятся нервными, раздражительными, угрюмыми, как средние люди и особенно многие шизоиды, а делаются печальными. Все представляется им в мрачном свете и стоит перед ними как непреодолимое препятствие.

Следовательно, люди этого типа обладают мягким, способным к глубоким сомнениям темпераментом. Настроение колеблется здесь между веселостью и печалью, но в сторону веселости не так сильно и часто, как в сторону печали. В типичных случаях колебания в иной

плоскости (нервной раздражительности) слабо выражены, так как и на эмоциональные воздействия, которые лежат в этом направлении, они реагируют преимущественно не так, а своим типичным, преформированным симптомокомплексом: печалью и чувством задержки.

То же самое, но в обратном порядке мы наблюдаем при частых гипоманиакальных темпераментах. Не только гипоманиакальное настроение является особенно лабильным и отклоняется в сторону депрессии, но и многие из этих веселых натур, если с ними ближе познакомиться, всегда имеют в глубине существа мрачный уголок. «Во мне постоянно таилась частичка этого», — сказал мне всегда ранее веселый мужчина, который лишь в старости заболел депрессией. Мать Гете, имея веселый маниакальный темперамент, строго запрещала своим слугам сообщать ей что-нибудь неприятное; ее душа сильно нуждалась в искусственной защите.

Поэтому мы не должны циклоидных людей называть просто гипоманиакальными или депрессивными. Многие гипоманиакальные таят в себе небольшой депрессивный компонент, а у большинства циклоидных меланхоликов есть налет юмора. Гипоманиакальная и меланхолическая половины циклоидного темперамента сменяют друг друга, переплетаются между собой в каждом отдельном случае в различнейших комбинациях. Это отношение, при котором в циклоидной личности сочетаются гипоманиакальные и мрачные черты темперамента, мы называем диететической пропорцией или пропорцией настроения.

Гипоманьяк вспыльчив. Это человек, которого гнев освежает, он быстро вспыливает и тут же становится добрым. Гипоманьяк не может держать язык за зубами; если ему что-нибудь неприятно, лицо его краснеет, он тут же высказывает свое мнение. Он не создан для того, чтобы таить в себе недовольство и нести его в сердце с нежным чувством и со скорбью; поэтому такой человек ничего не оставляет в себе: скрытность, интриги и обидчивость ему чужды. Если пронесся гром, то всякое дурное настроение исчезает и остается только освежающее чувство облегчения. О типично гипоманиакальном человеке мы не вправе говорить, что он не бывает печален, скорее, он никогда не бывает нервен. «Я не знаю, что такое нервы, у меня лошадиная натура». Это любимые выражения гипоманиакальных темпераментов. И действительно, они не знают ни утомления, ни раздражительности и напряжения нервов.

Это согласуется с тем, что мы раньше сказали о чисто депрессивных темпераментах. В неприятных ситуациях циклоидный человек становится печальным или вспыльчивым, но отнюдь не нервным, в равной степени в борьбе его (гипоманиакального, а также депрессивного) нет эмоций холодной строгости, уязвляющей обидчивости и резкой враждебности. Разумеется, мы не хотим сказать (и это относится *mutatis mutandis* ко всем нашим анализам), что никогда не встречаются нервные циркулярные; но должны отметить, что в среднем при анализе больших характерологических серий нервозность не оказывается наиболее яркой чертой характера циклоидных людей.

Большинство циклоидов отличает отзывчивая эмоциональная сфера, которая содержит в себе все оттенки и переходы сангвинического, живого темперамента гипоманиакальных и устойчивого теплого чувства более мрачных натур. Темперамент циклоидов колеблется в глубоких, мягких, закругленных волнах настроения между веселостью и грустью, у одних это протекает быстро и мимолетно, у других — долго и обстоятельно. Только центр подобных колебаний у одних направлен к гипоманиакальному, у других — к депрессивному полюсу.

Циклоидные люди отличаются душевностью. Слово «душевность» (*Gemuth*) или, лучше, «добродушие» (*Gemuthlichkeit*) выражает собою общее для большинства таких натур при всем различии их настроений: мягкий, теплый, добросердечный, естественно откликающийся на радости и горе темперамент. Слово «юмор» родственно этому. Мы встречаем юмор при среднем типе циклоидных темпераментов, когда способность к смеху с гипоманиакальной стороны сочетается с душевной глубиной с депрессивной стороны.

Социальная установка

Темперамент циклоидов определяет характер их социальной установки, на что уже было указано. Они имеют потребность высказаться, высмеяться и выплакаться, ближайшим естественным путем стремятся к тому, что приводит их душу в адекватное движение, радуется и

облегчает ее, — к общению с людьми. Всякий раздражитель настроения находит в них отклик: отсутствуют тормозящие моменты, заранее готовые мнения. Они могут в настроении момента слиться со средой, тотчас же принять участие и свыкнуться со всем. Каждая мелочь, каждый предмет окрашивается их теплым чувственным тоном. «С благодарностью и любовью» относятся они к жизни. Конечно, только вне депрессивных настроений. Поэтому средний циклоид в своем обычном состоянии общителен, человеколюбив, реалистичен и легко приспосабливается к окружающему. Так как темперамент сливается со средой, то у человека нет никакого резкого противоречия между «я» и внешним миром, нет принципиального отрицания последнего, нет желания корригировать мир по твердо установленным положениям, нет трагически заостренного конфликта, но есть жизнь в вещах, слияние с вещами, спайка с жизнью, сочувствие и сострадание.

То, что называют у маниакального эгоизмом, имеет все же нечто детски-наивное, которое находит свой настоящий прототип в чрезмерной радости награждать другими подарками и доставлять им удовольствие. Это гипоманиакальное чувство собственного достоинства не включает в себе резкого противопоставления между собственной личностью и враждебным или безразличным внешним миром, но требует жизни для себя и дает жить другим; здесь полная удовлетворенность самим собой и миром, почти странная убежденность в ценности и правах своей собственной индивидуальности.

Эта реалистическая настроенность циклоидов, естественное слияние с данными людьми и обстановкой в зависимости от притяжения к депрессивному или гипоманиакальному полюсу имеет несколько различную окраску. Гипоманиакальный — это подвижный человек, постоянно поддающийся под влияния настроения и среды. Он радуется всякому новому лицу и сразу становится его другом. Склонность к известному материалистическому образу мышления: наслаждениям, любви, пище и вину, естественному приятию всех прекрасных даров жизни — не только совершенно ясна у гипоманиакального, но ее можно характерологически проследить через циклоидные типы вплоть до депрессивной сферы, где мы их вновь встречаем среди известного сорта уютно-меланхолических старых любителей выпить. Кроме того, эта реалистическая отзывчивость к другим людям приобретает этическую углубленность у депрессивных: она проявляется как неморализующее умение понимать особенности других, добродушная скромность, которая делает мрачных циклоидов столь приятными при личном общении.

Эта способность растворяться в реальной среде и сопереживать ее теснейшим образом связана с другой типичной чертой характера. Циклоиды не являются людьми строгой последовательности, продуманной системы и схемы. Сказанное касается всех оттенков. При быстром темпе гипоманиакального это свойство принимает форму постоянно изменяющегося непостоянства. Но и среди спокойных лиц среднего типа, и среди мрачных мы встречаем группу людей, с которыми можно добродушно беседовать, и они, несмотря на всю совесть, склонны к уступчивости и компромиссам. Это практики, которые раньше знакомятся с человеком и реальными возможностями, а затем уже считают с принципом. Любопытно, что данная черта характера обнаруживается также при маниакальных и депрессивных психозах. Известна бедность циркулярных бредовыми идеями. Ни маниакальный, ни депрессивный не создают в типических случаях бредовую систему с последовательным ходом мыслей и методическим сочетанием их. Без долгих размышлений содержание представлений приобретает у них окраску печали или веселья, так возникают несколько простых идей обеднения и греховности или мимолетные идеи величия. Настроение — это все, размышление не играет здесь никакой роли.

Поэтому мы встречаем у циклоидов много радости в работе, текучей практической энергии, но у них нет твердой, непреклонной, решительной активности известных шизоидных темпераментов. Лишь в редких случаях мы наблюдаем у циклоидов сильное честолюбие. У гипоманиакальных влечение к труду и самомнение значительно больше, нежели сильное стремление к высоким идеалам. Вообще, качества, основанные на интрапсихических напряжениях, все эксцентричное, фанатическое чуждо чистым циклоидам. В этом их сила и слабость.

Несомненно, в связи с описанной структурой характера стоит тот факт, что среди

препсихотических типов личности циркулярного круга ассоциальные качества довольно редки. Названия «деятельный», «экономный», «солидный» и, прежде всего, «прилежный» относятся к самым частым характеристикам нашего материала. Нередко даже восхваляют громадную работоспособность натур с гипоманиакальной окраской. Выражения «суетлив, деятелен, предприимчив» характеризуют такую работу; тем не менее следует подчеркнуть, что бестактность и беспощадность, смелые, необдуманные предприятия хотя и встречаются у гипоманиакального, но поступки уголовного характера и тяжелые асоциальные действия мы находим у них довольно редкое особенно если психические свойства не достигли степени душевного расстройства. В отдельных случаях влечение к пьянству, расточительности, эротическая распушенность становятся опасными для их личного благополучия. Все-таки, игнорируя некоторые соображения морального свойства, надо сказать, что большинство гипоманиакальных темпераментов, поскольку они не выходят из рамок характерологического, социально вполне пригодны, а одаренные люди среди них даже резко возвышаются над средним уровнем.

В нашем материале мы находим много примеров, когда гипоманьяки, которых надо причислить к очень «легкомысленному» типу, в определенных профессиях (купцы, ораторы, журналисты и т.п.) имели удивительный успех и пользовались большой популярностью. Из их положительных качеств надо прежде всего указать на неутомимую работоспособность и радость в труде, не энергичность, находчивость, порыв, смелость, обходительность, приспособляемость, беспристрастие, умение обращаться с людьми, богатство идей и способность быстро схватывать конъюнктуру. Будет ли действовать гипоманьяк полно— или малоценно в социальном смысле, зависит прежде всего от компенсирующего сочетания в наследственном предрасположении гипоманиакального элемента с другими свойствами характера, а также, разумеется, от воспитания, от подходящих товарищей по работе, которые дополняют неустойчивого воителя жизни и ослабляют его отрицательные стороны, его склонность к поверхности, бестактность, непостоянство, переоценку самого себя и отважность.

И среди депрессивных мы находим необычайно прилежных работников. Об энергичных практиках среднего типа мы позже поговорим. Темпераменты с депрессивной окраской не могут быть вождями и организаторами вследствие своей рассудительности, мягкости и впечатлительности, но они великолепно исполняют свои обязанности как чиновники и уполномоченные, а в спокойные периоды даже на ответственных постах. Уже на первой своей службе, благодаря добросовестному отношению к делу, солидности, спокойствию, практичности, а также добросердечию, обходительному отношению с людьми и личной привязанности, они становятся всеми любимыми, уважаемыми, незаменимыми руководителями дела. Мне приходилось видеть несколько таких типов. Если они неожиданно попадают в беспокойную, необычную, ответственную ситуацию, то быстро теряют мужество, мысль и энергию и даже заболевают типичной депрессией с задержкой, что мне пришлось наблюдать в революционное время среди фабрикантов и чиновников. Таким был машинист М., добросовестный, преданный делу человек, который не мог справиться со своими обязанностями, когда в плохих паровозах военного времени медные части заменили железными. Несмотря на старания и осторожность, постоянно обнаруживались дефекты. Когда случались такие вещи, он, при своей исключительной добросовестности, не мог как следует спать и есть. В железнодорожных мастерских он успокоился, но, когда ему вновь пришлось вести поезд с плохим паровозом, заболел типичной депрессией. Подобные типы в качестве сельских священников или уважаемых ремесленников представляют собою необычайно симпатичные и деятельные фигуры. Среди депрессивных темпераментов мы встречаем нередко религиозных. В своей набожности, как и по характеру вообще, они мягки, душевны, сердечны, эмоциональны, глубоко верующи, но без ханжества и педантизма, скромны и терпимы к инакомыслящим, без сентиментальности, фарисейства и излишнего морализма.

Психический темп и психомоторная сфера

Особенности психического темпа и психомоторной сферы, какие наблюдаются при циркулярной форме, столь известны и так легко понятны, что только полноты ради мы

несколько остановимся на них. Веселое настроение у циклоидов, как известно, в большинстве случаев сопровождается простым ускорением психического темпа. То и другое называют гипоманиакальным темпераментом. Восприятие молниеносно и резко экстенсивно, оно не проникает вглубь, а одновременно охватывает разнообразное. Мысли текут гладко, без малейшей задержки; при более высоких степенях это называют вихрем идей. Здесь особенно ясно выступает несистематическое мышление, обусловленное моментом, свежим впечатлением, случайно всплывшей идеей, отсутствие оценки анализа, системы последовательного построения и твердой руководящей идеи, т.е. преобладание интереса при недостаточной выдержке (Tenasitat). Все эти особенности: экстенсивную многосторонность, наивную наглядность и недостаток систематического построения — мы встретим позже, при рассмотрении гениального творчества здоровых циклотимических поэтов и исследователей. Между тем систематическое, абстрактное и последовательное можно установить как элективный признак отдельных шизотимических групп.

Психический темп депрессивных циклоидов в отношении недостатка настойчивости, системы и последовательности, отсутствия сложных задержек и комплексных механизмов сходен главным образом с таковым гипоманиакальных. И у них реакция на раздражения наступает тотчас же, и они обнаруживают непосредственную мягкую впечатлительность. Но их темп простой и равномерно замедленный. Движения осторожны и скудны; для мыслей необходимо время, решения созревают с трудом. Комбинацию простого замедления психического темпа со склонностью к депрессивным аффектам мы называем мрачным типом темперамента, который (с психотическим уклоном) непосредственно примыкает к картине депрессии с задержкой. Между гипоманиакальным и мрачным типами располагается вся совокупность чисто циклоидных темпераментов. Лица со средним настроением и темпом, которые находятся между обоими полюсами, составляют большинство.

Нам остается лишь немного сказать о психомоторной сфере циклоидов. И здесь, как и в интрапсихических актах, нет более сильных задержек, порывистости, угловатости. Психомоторная сфера проста, адекватна раздражению, мимика и движения закруглены, плавны и естественны, но только с той разницей, что гипоманиакальный обнаруживает быстрые и обильные движения, депрессивный — медленные и скудные. Общее впечатление от моторной сферы и психического темпа гипоманиакального лучше всего характеризуется словом «подвижный», таковое депрессивного — лучше всего словом «довольный» («behagig»), причем слово «довольный» включает в себя представление о пикническом телосложении вместе с замедленным темпом и добродушным настроением.

Циклоидные варианты

Известные боязливость и застенчивость свойственны некоторым циклоидно-депрессивным натурам, но означенные качества не особенно часто отмечаются в моей статистике. Боязливость и застенчивость сочетаются тогда со скромностью и склонностью к чувству недостаточности и ими же психологически мотивируются, вот почему у этих людей она большей частью умеренна, не бросается в глаза и легко преодолевается. Резкие степени нелюдимости и застенчивости у вполне взрослых, у которых уже обычно наступает типичная моторная неподвижность и задержка в ходе мыслей, согласно нашим наблюдениям, стоят вне конституционально депрессивных рамок в циклоидном смысле и, вероятно, объясняются шизоидными конституциональными налетами.

То же самое касается случаев, при которых депрессивная совестливость принимает характер педантичного узкосердечия или навязчивости, а обычная религиозность переходит в систематическое мудрствование, богатство идей — в причуды изобретателя и гневливое самосознание — в постоянные жалобы или параноидное состояние. Шизоидные налеты в наследственности и строении тела идут нередко параллельно с этим, и психозы, которые возникают на такой конституциональной почве, обнаруживают иногда признаки шизофренической симптоматиологии, хотя их главным образом надо считать маниакально-депрессивными. Также, если внимательно отнестись, и в более редких атипических формах маниакально-депрессивного помешательства, и в некоторых случаях

меланхолии с ворчливостью, недовольством, ипохондрическими параноидными идеями, с двигательными симптомами можно изредка констатировать посторонние конституциональные налеты шизоидного или иного характера. Мы еще не выдвигаем определенных положений в этом направлении, так как не имеет достаточного количества наблюдений. Впрочем, и Гофман пришел к аналогичным результатам на основании своих исследований о наследственности.

В области характерологии наша статистика вместе с психологическим сравнением отдельных качеств дает нам определенные подсказки. Качества, которые мы в шизоидной группе встречаем очень часто в типичной форме, а в циклоидной, напротив, изолированно, мы будем вначале объяснять шизоидными компонентами, особенно там, где они выступают в рамках циклоидной личности. Таким путем мы получим предварительные данные для клиники и для исследования о наследственности, не устанавливая догматов для каждого отдельного случая и сознавая, прежде всего, что не все характерологическое должно непременно находиться только в циклоидных и шизоидных формах или в комбинации обеих, хотя пока и было бы целесообразно возможно шире пользоваться этими двумя группами.

Что же касается конституциональной депрессии, то мы все больше и больше удаляемся от центра циклоидной группы, когда в меланхолическую мягкость вплетаются черты сухости, ипохондрической ненависти к миру и к людям, нервозности, непостоянства настроения (но не мягкого циклического колебания настроения), бледности аффекта, ворчливого недовольства, пессимизма, мрачной замкнутости и угрюмости. Именно для такого типа резко выраженное расстройство настроения вовсе не является прототипом конституциональной депрессии циклоидного характера, скорее, оно стоит ближе к шизоидным формам, чем к циклоидным. Мало того, я видел, что отдельные случаи этого рода прямо заканчивались шизофреническим психозом. Из нашего материала можно было бы составить непрерывный ряд случаев, в которых при постепенном ослаблении характерных признаков одной из названных выше групп (в смысле характерологии, строения тела и соответственных психозов) можно было бы наблюдать постепенный переход от типичных циклоидов к типичным шизоидам.

В отношении соответствующих гипоманиакальных переходных форм наш материал менее богат; весьма вероятно, что редкие среди гипоманьяков опустившиеся типы, которые изображаются как крайне ленивые, грубые, неуправляемые, нетерпимые, кверулирующие, сварливые, базируются на аналогичных конституциональных комбинациях. Это же касается небольшой криминальной группы, которая в характерологическом отношении выпадает из рамок остальных.

Все эти вопросы составят плодотворную и интересную область для отдельных исследований как в клиническом смысле, так и в отношении наследственности. Пока эта работа не будет выполнена, мы воздержимся от окончательного суждения.

Шизоидные темпераменты

Общая часть

Циклоидные люди — прямые, несложные натуры, чувства которых в естественной и непритворной форме всплывают на поверхность и в общем вполне понятны каждому. Шизоидные люди за внешним скрывают еще и нечто глубинное. Язвительно-грубая, или ворчливо-тупая, или желчно-ироническая, или моллюскоподобно-робкая, бесшумно скрывающаяся — такова внешность. Без нее мы видим человека, который стоит на пути как вопросительный знак, мы ощущаем нечто шаблонное, скучное и неопределенно проблематичное. Что скрывается за этой маской? Она может быть ничем, пустотой мрака — аффективной тупостью. За безмолвным фасадом, который слабо отражает угасающее настроение, — ничего, кроме обломков, зияющей душевной пустоты или мертвящего дыхания холодной бездушности. Мы не можем по фасаду судить, что скрывается за ним. Многие шизоидные люди подобны римским домам и виллам с их простыми и гладкими фасадами, с окнами, закрытыми от яркого солнца ставнями, но где в полусумраке внутренних помещений идут празднества.

Цветы шизофренической внутренней жизни нельзя изучать на крестьянах, здесь нужны короли и поэты. Бывают шизоидные люди, относительно которых после десятилетней совместной жизни нельзя сказать, что мы их знаем. Робкая, кроткая, как ягненок, девушка служит в течение нескольких месяцев в городе, она послушна, нежна со всеми. Однажды утром находят троих детей убитыми в доме. Дом в пламени, она не расстроена психически, она знает все. Улыбается без причины, когда признается в преступлении. Молодой человек бесцельно проводит свои молодые годы. Он так вял и неуклюж, что хочется растолкать его. Он падает, когда садится на лошадь. Он смущенно, несколько иронически улыбается. Ничего не говорит. В один прекрасный день появляется томик его стихотворений, с нежнейшим настроением; каждый толчок, полученный от проходящего неуклюжего мальчишки, перерабатывается во внутреннюю трагедию; ритм строго выдержан и отличается стилем.

Таковы шизоидные люди. Аутизмом называет это Блейлер, жизнью в самом себе. Нельзя знать, что они чувствуют; иногда они сами этого не знают; или же только неопределенно ощущают, как несколько моментов в расплывчатой форме одновременно проникают друг в друга, переплетаются друг с другом и находятся в предчувственном мистическом взаимоотношении; или же самое интимное и самое пошлое сочетается у них с цифрами и номерами. Но все, что они чувствуют, банальность ли это, прихоть, низость или сказочные фантазии, — все только для них одних, ни для кого другого.

В шизофреническом цикле нам труднее отделить здоровое от больного, характерологическое от психотического. Циркулярные психозы протекают волнами, которые набегают и уходят и опять выравниваются. Почти одно и то же наблюдается в картине личности до и после психоза. Шизофренические психозы протекают толчками. Что-то перемещается во внутренней структуре. Все строение может рушиться внутри, или же появляются некоторые уклоны. Но в большинстве случаев сохраняется нечто, что уже больше не восстанавливается. В легких случаях мы называем это постпсихотической личностью, в тяжелых — шизофреническим слабоумием; между тем и другим нет никаких границ. Но мы часто не знаем, закончился ли психоз. Люди, которые в течение десятилетий исполняли свои служебные обязанности как оригинальные и недружелюбные личности, могут нам случайно открыть, что они таили в себе фантастические бредовые идеи, — и здесь нет границ. Кроме того, что представляет собой оригинальность и что является бредовой системой? Наконец, особенно ясно меняется человек в период полового созревания, и шизофрения падает преимущественно на этот период. Должны ли мы таких людей, которые в это время сильно изменились, рассматривать как психотические личности или считать их никогда не болевшими шизоидами? Этот вопрос очень важен для родственников шизофреников. В период полового развития шизоидные черты характера находятся в полном расцвете; однако в легких случаях нам неизвестно, стоим ли мы перед развитием шизофренического психоза, наступил ли уже психоз, есть ли психологические продукты закончившегося приступа или, наконец, все это лишь бурное и причудливое половое развитие шизоидной личности. Ведь нормальные аффекты периода полового развития — робость, неповоротливость, сентиментальность, патетическая эксцентричность, напыщенность — находятся в тесном родстве с некоторыми чертами темперамента у шизоидов.

Короче говоря, мы можем выделить препсихотическое, психотическое, постпсихотическое и непсихотическое, но не в состоянии психологически расчленить шизоидное. Только сопоставив все, мы получим правильное представление.

К этому присоединяется дальнейшая методологическая трудность. Шизоидный человек обнаруживает лишь свою психическую поверхность так же, как это делает шизофренический душевнобольной. Поэтому клиницисты в dementia praecox в течение многих лет ничего не видели, кроме аффективной тупости, странности, дефективности и умственной неполноценности. Это было необходимой предварительной стадией, на которой уже давно застряло исследование. Лишь Блейлер нашел ключ к шизофренической внутренней жизни и открыл доступ к удивительным богатствам психологического содержания; пока здесь, вероятно, сделано очень мало. Ведь ключ к шизофренической внутренней жизни — это одновременно ключ (и единственный ключ) к большим областям нормальных человеческих чувств и поступков.

Ясно, что при таком положении вещей и о шизоидной характерологии путем грубого статистического метода, прибегая к исследованию родственников шизофреников, мы можем установить лишь часть психических данных: главным образом шизоидную поведенность, а из глубины лишь более редкие, часто шаткие, психологически совершенно неточные черты. О внутренней жизни шизоидных темпераментов мы можем получить целостное представление из автобиографий даровитых, образованных шизоидов и прежде всего из объективных психологических документов, каковые нам оставили шизоидные и шизотимические гении, особенно поэты. О более глубокой характерологии шизоидов можно будет судить на основании отдельных тонких психологических анализов.

Развитие жизни шизоидов

Циклоидные люди сохраняют через все маниакально-депрессивные колебания основные симптомы темперамента от колыбели до могилы. Биологически действующее начало, создающее шизофрению и шизоидную личность, есть нечто, что уже заранее заложено и наступает с известной последовательностью в определенном периоде жизни и затем действует дальше. Порядок в тяжелых случаях следующий: с самого раннего детства имеется налицо шизоидная личность, в период полового созревания развивается шизофренический психоз, после него остается специфическое слабоумие или постпсихотическая личность, которая, даже если оставить в стороне грубые дефекты, отличается от препсихотической более ярким проявлением шизоидных симптомов.

Этот типичный ход может варьировать в своем временном появлении. Мы находим иногда шизоидов, которые производят впечатление, будто они испытали шизофренический психоз до рождения: уже в раннем детстве они столь слабоумны, упрямы, недружелюбны, необходимы, каковыми делается большинство шизоидных людей, перенесших тяжелый психоз. Врожденное асоциальное слабоумие такой шизоидной окраски может, благодаря своим кататоническим толчкам, в более позднем возрасте обнаружить несомненную принадлежность к шизофреническому циклу. Все эти разрушительные дефективные состояния врожденного или приобретенного характера — независимо от того, принимают ли они окраску криминальной антиобщественности или ворчливости, странности, тупости, нелепости, — имеют типичный отпечаток шизофренической психологии; но для характерологии они дают так мало материала, что мы, несмотря на их частоту, лишь вкратце упоминаем о них, тем более что они подробно описаны в учебниках психиатрии.

Если в упомянутых случаях появление шизофренического действующего начала было слишком рано, то нередко наблюдается обратный случай — его запоздание. В моем материале имеется небольшое количество очень интересных шизофреников, у которых в их детские годы нельзя было обнаружить никаких признаков препсихотической шизоидной личности, и они их родными воспринимались как живые, довольные, добродушные и веселые. Здесь психоз времени полового развития или наступает внезапно, или же препсихотический шизоид запаздывает при хронических изменениях личности в период полового созревания; эти изменения стабилизируются в течение всей жизни, застывают в рамках характерологического, а также могут заканчиваться шизофреническим психозом. И в детстве шизоиды после короткого расцвета всех их психических качеств могут переживать этот надлом личности в период полового развития, но без психоза. Для психологии гениального творчества такой расцвет продуктивности и неожиданное прекращение ее, особенно у писателей, весьма важен (я припоминаю, например, здорового, но в физическом и психическом смысле классического шизотимика Уланда). Наконец, существует несколько редких случаев, когда шизоидные частичные компоненты наследственного предрасположения могут выявиться поздно, например в период инволюции, когда у людей, ранее веселых, цветущих, добродушных, после 40 лет появляются черты недоверия, ипохондрии, отчужденности и угрюмого человеконенавистничества. Мы уже коснулись этого процесса поздней смены доминант при описании конституциональных стигмат.

Психэстетическая пропорция

Из шизоидных качеств характера, наблюдаемых на поверхности, выделены из нашего материала следующие:

- 1) необщителен, тих, сдержан, серьезен (лишен юмора), чужак;
- 2) застенчив, боязлив, тонко чувствует, сентиментален, нервен, возбужден, друг книги и природы;
- 3) послушен, добродушен, честен, равнодушен, туп, глуп.

Наша статистика отражает, прежде всего, препсихотические личности, ставшие позже душевнобольными. По ним мы, вероятно, можем судить об основных чертах шизоидных темпераментов, но временами нам придется дополнять их чертами, характерными для шизофренических психозов и постпсихических личностей, причем часто отсутствуют возможность и надобность отделять эти постоянно переходящие друг в друга случаи.

Мы расчленили наиболее частые шизоидные черты на три группы. Черты группы 1 — самые частые, так как они красной нитью проходят через всю шизоидную характерологию, а также через группы 2 и 3. Они объединяют, кроме лишней юмора серьезности, которая обнаруживает слабое участие в диатетической (циклоидной) шкале темпераментов, главным образом то, что Блейлер называет аутизмом. Группы 2 и 3 известным образом противоположны друг другу, они образуют такую же контрастную пару, как у циклоидов качества веселых, живых гипо-маньяков и тяжеловесных, мрачных меланхоликов. Группа 2 дает всевозможные оттенки психической чрезмерной чувствительности: от мимозоподобной тонкости чувств до гневной возбужденности. Группа 3 обнаруживает, наоборот, признаки известной психической нечувствительности, тупости, понижения способности к самопроизвольным псам. Она приближается к тому полюсу, который Крепеин при очень тяжелых психотических случаях называет эффективным отупением.

Если мы хотим кратко охарактеризовать шизоидные темпераменты, то должны сказать: шизоидные темпераменты находятся между полюсами раздражительности и тупости, так же как циклоидные темпераменты находятся между полюсами веселости и печали. При этом необходимо особо выделить симптомы чрезмерной психической раздражительности, так как им как интегрирующему составному элементу общей шизоидной психологии слишком мало придавалось значения, между тем симптомы тупости уже давно оценены.

Только тот владеет ключом к пониманию шизоидных темпераментов, кто знает, что большинство шизоидов отличаются не только чрезмерной чувствительностью или холодностью, а тем и другим одновременно, и при этом в совершенно различных комбинациях. Мы можем из нашего шизоидного материала образовать непрерывный ряд, который начинается тем, что я обычно называю типом Гельдерлина, — теми крайне сентиментальными, чрезмерно нежными, постоянно обидчивыми мимозоподобными натурами, «состоящими только из нервов», — и который прекращается на тех холодных, застывших, почти безжизненных типах тяжелой dementia praecox, прозябающих, как «животное», в углах больницы. И тем не менее у нежнейших представителей этой мимозоподобной группы мы ощущаем еще легкий, незаметный налет аристократической холодности и неприступности, аутистическое сужение сферы чувств отграниченным кругом избранных людей и вещей, слышим иногда резкое замечание о людях, находящихся вне этого круга и по отношению к которым аффективная откликаемость совершенно умолкает. «Между мной и людьми завеса из стекла», — сказал мне недавно такой шизоид с неподражаемой четкостью. Эту тонкую, холодную, остро колющую стеклянную завесу мы чувствуем у сделавшегося кататоником Гельдерлина, представителя мимозоподобной группы, и еще яснее у шизофреника Стриндберга, который о себе говорит: «Я тверд, как железо, и все-таки полон чувств до сентиментальности». Этот мимозоподобный тип лучше всего изучать на гениальных шизоидах, но он встречается и среди обычного больничного материала, особенно среди интеллигентных и образованных, в препсихотической форме или в начальных стадиях психоза.

От мимозоподобного полюса шизоидные темпераменты во всевозможных оттенках идут к холодному и тупому полюсу, причем элемент «тверд, как лед» (или «туп, как кожа») все больше и больше расширяется, а «полон чувств до сентиментальности» постоянно идет на убыль. Но и среди половины нашего материала с бедностью аффекта мы довольно часто

находим в глубине их души, если только ближе знакомимся с такими шизоидами, за застывшим, лишенным аффекта покрывалом нежное ядро личности с крайне уязвимой нервной сентиментальностью. «Вы не знаете, как мне все это больно», — сказал недавно своим родителям юный гебефреник, который по внешним проявлениям отличался равнодушием, вялостью и полным отсутствием темперамента. Блейлер первый показал, что и те, напоминающие мумии, старые обитатели больниц, которых обычно рассматривают как тип глубочайшей аффективной тупости, подчас имеют остатки «комплексов», отдельные чрезмерно чувствительные места в своей душевной жизни, которые сохраняются, и прикосновение к ним может оказать неожиданное, удивительное действие. Нам постоянно приходится видеть, как сразу исчезает окаменелость у таких, совершенно бесчувственных на вид, кататоников и как из глубины души исходят аффективные толчки. Таким образом, по отношению ко многим шизофреническим картинам мы совсем не в состоянии оценить, сколько в этом полном оцепенении элементов действительного аффективного отупения и сколько судорожного аффекта.

Комбинацию соотношений, при которой у отдельного шизоида гиперэстетические элементы переплетаются с анестетическими элементами шизоидной шкалы темпераментов, мы называем психэстетической пропорцией. Припомним, что и при циклоидных темпераментах в их диатетической пропорции, или пропорции настроения, мы находили такие же отношения, и там нам приходилось реже встречать абсолютно веселых или абсолютно мрачных, скорее можно было отметить наслоения и колебания между веселым и печальным; у солнечно-веселых — ясно депрессивный фон и остатки юмора, которые можно было отметить даже среди самых мрачных темпераментов.

Пропорция настроения циклоидов колеблется волнами. Психэстетическая пропорция шизоидов перемещается. Это значит, что отношение между гиперэстетическими и анестетическими частями темперамента меняется в течение всей жизни у многих шизоидов толчкообразно, но больше не возвращается к исходному пункту. Но и психэстезия здорового человека со смешанным средним темпераментом в эксцентричности и сентиментальности периода полового созревания достигает своего наивысшего пункта, чтобы, приблизительно 25-летнего возраста, постепенно прийти к известной спокойной основательности, солидности или же к отрезвляющему, сухому реализму. Студенческая песня отражает охлажденное филистерское чувство посредственного человека, обращающего свои взоры назад, к периоду полового созревания.

Перемещение психэстетической пропорции шизоидов часто идет параллельно с этим нормальным развитием. Оно составляет как бы более углубленную форму последнего. У шизофреника Гельдерлина такое перемещение может считаться образцом, если мы проследим жизнь поэта, начиная от возвышенной нежности его юных годов вплоть до тупоумия его кататонической инвалидности. Переход от гиперэстетического к анестетическому полюсу с жестокой явственностью переживается как постепенное внутреннее охлаждение.

Таким путем и без душевного заболевания развивается целая группа одаренных шизоидов, которые с детства отличались нежностью, застенчивостью и нервозностью; в раннем периоде полового созревания они пережили непродолжительный расцвет всех своих способностей и эмоций, на почве повышенной возбудимости темперамента, в смысле элегической нежности или напыщенности и экзальтированности. Через несколько лет они становятся более вялыми, более холодными, молчаливыми и сухими. Волна полового развития подымает их выше и опускает ниже нормального человека.

Или же психэстетическое перемещение совершается постепенно, в течение более длинных промежутков времени, без определенной даты. При всех этих различных возможностях перемещение пропорций идет большей частью в направлении от гиперэстетического к анестетическому полюсу, от раздражения к параличу, причем (выражаясь схематически) после первой стадии общей чрезмерной чувствительности вначале утрачивают свой аффективный резонанс ценности, чуждые личности, между тем как ценности, свойственные личности, сами по себе постоянно подчеркиваемые, сохраняют выраженный акцент, и лишь тогда, когда и свойственные личности элементы утрачивают свою аффективную ценность, наступает третья стадия — аффективной тупости. Аллопсихический резонанс утрачивается раньше

аутопсихического. Наполовину мертвый шизофреник желает в этой переходной стадии сделаться артистом или музыкантом. Самооценка еще налицо; во всяком случае он рассчитывает быть футуристическим художником, экспрессионистским поэтом, изобретателем или создателем абстрактно-схематических философских систем. Это несоответствие между угасанием аллопсихического резонанса и чрезмерной чувствительностью аутопсихического элемента часто становится закономерным источником безграничной переоценки самого себя. Понятно, что из этой психэстетической пропорции должна получиться неправильная картина взаимоотношения между «я» и внешним миром. Мы можем себе представить, что у многих шизоидов охлаждение темперамента идет снаружи вовнутрь, так что при постоянно нарастающем торпидном застывании обращенных наружу слоев остается все более и более сжимающееся нежное и чрезмерно чувствительное ядро. Такое представление совпадает с тем любопытным фактом, что самые чувствительные и тонкочувствующие шизоиды при беглом знакомстве производят такое впечатление, будто они отделены тонким ледяным слоем от внешнего мира, и, напротив, при самых тяжелых оцепенениях могут наблюдаться сильные реакции чрезмерной чувствительности, если случайно затронуть наиболее интимные комплексы их личности. «Это капля крепкого вина в бочке льда».

Следует добавить, что стадии абсолютной чрезмерной чувствительности, как и абсолютного охлаждения аффекта, в самом точном смысле слова лишь теоретические фикции, которые в действительности вряд ли полностью выявляются. Практически пред вами выступает психэстетическая пропорция — чрезмерная чувствительность и холодность в определенных, изменчивых комбинациях. Только часть шизоидов проходит в течение жизни путь от выраженного гиперэстетического до преимущественно анестетического полюса, часть из них остаются гиперэстетичными, другие же торпидны уже с момента появления на свет. Наконец, бывают случаи, когда после шизофренического психоза делаются даже более гиперэстетичными, чем раньше; таковым был Стриндберг.

Социальная установка

Аутизм, рассматриваемый как шизоидный симптом темперамента, имеет оттенки в зависимости от психэстетической шкалы отдельного шизоида. Бывают случаи, когда аутизм является преимущественно симптомом повышенной чувствительности. Такими крайне раздражительными шизоидами сильные краски и тона реальной жизни воспринимаются как резкие, некрасивые, грубые, неприятные и даже с душевной болью, между тем как для циклоида и нормального человека они желанны и составляют необходимый возбуждающий жизненный элемент. Их аутизм проявляется в том, что они уходят в самих себя, стремятся избегнуть всяких внешних раздражений, заглушить их, закрывают окна своего дома, чтобы в нежном, тихом полумраке внутреннего «я» вести фантастическую «бездеятельную, но полную мыслей» жизнь в грезах (Гельдерлин). Они ищут, как красиво о себе сказал Стиндберг, одиночества, чтобы закутаться в шелк своей собственной души. Они обычно предпочитают определенной среде, которая не причиняет боли и не ранит, аристократический, холодный салонный мир, механически протекающую чиновничью работу, одинокую прекрасную природу, древность, кабинет ученого. Если шизотимик из чопорного, сверхцивилизованного светского человека становится взьерошенным анахоретом, как Толстой, то скачок уж не так велик. Одна среда дает ему то же самое, что другая, — единственное, что он вообще желает от внешнего мира: пощады его гиперэстезии.

Напротив, аутизм анестетика — это простая бездушность, отсутствие аффективного резонанса для внешнего мира, который для его эмоциональной жизни не представляет интереса, и к справедливым требованиям этого мира он остается глух. Он замыкается в самом себе, потому что у него нет основания делать что-нибудь другое, а окружающее ему ничего не может дать.

Аутизм большинства шизоидов и шизофреников представляет комбинацию обоих элементов темперамента: равнодушие с налетом боязливости и враждебности и холод одновременно со страстным желанием быть оставленным в покое. Судорога и паралич в одной картине.

Характер социальной установки шизоидных людей, а также и здоровых шизотимиков, о которых речь пойдет позже, обуславливается только что описанной психэстетической пропорцией. Шизоидные люди или абсолютно необщительны, или общительны избирательно, в узком замкнутом кругу, или поверхностно-общительны, без более глубокого внутреннего контакта с окружающим миром. Необщительность шизоидов имеет многочисленные оттенки; редко это лишенная аффекта тупость, большей частью она характеризуется ясным налетом неудовольствия, даже враждебности защитительного или наступательного характера. Эта антипатия к общению с людьми варьирует от нежной тревоги, робости и застенчивости через иронический холод и угрюмую причудливую тупость до резкого, грубого, активного человеконенавистничества. И самое любопытное — то, что эмоциональная установка отдельного шизоида в отношении ближнего переливается замечательными цветами радуги между застенчивостью, иронией, угрюмостью и жестокостью. Красивым характерологическим примером такого рода служит Робеспьер. И у шизофренических душевнобольных эта аффективная установка к внешнему миру имеет часто характер «принятия мер защиты» (Адлер), подобно инфузории, недоверчиво со стороны наблюдающей с полупущенными ресницами, осторожно выдвигающей свои щупальца и вновь съеживающейся. По отношению к чужим, вновь появляющимся людям пробуетесь весь регистр психэстетической шкалы с нервозностью и неуверенностью. Это чувство неуверенности переносится на наблюдателя. Некоторые шизоиды производят впечатление чего-то расплывчатого, непроницаемого, чуждого капризности, интриганства или даже коварства. Но для постороннего всегда остается нечто за колебаниями шизоидной аффективной установки, чего он не может ни понять, ни постичь и что не исчезает.

Многие шизоиды, а в нашем швабском материале, пожалуй, большинство препсихотиков, считались в общежитии добродушными. Это добродушие совершенно иное, чем соответствующее свойство характера циклоидов. Циклоидное добродушие — это добросердечие, готовность разделить горе и радость, активная доброжелательность или дружелюбное отношение к ближнему. Добродушие шизоидного ребенка складывается из двух компонентов: боязливости и утраты аффекта. Это и есть уступка желаниям окружающих вследствие равнодушия, смешанного с робкой боязливостью оказать им сопротивление. Циклоидное добродушие — это дружеское участие, шизоидное — боязливая отчужденность. В соответствующих конституциональных соединениях и это боязливое шизоидное добродушие может получить черты истинной доброты, приятной нежности, мягкости, внутренней привязанности, но всегда с элегической чертой болезненной отчужденности и уязвимости. Это тип Гельдерлина; послушность известных шизоидных примерных детей можно сравнить с *flexibilitas cerea* кататоников.

Также и застенчивость, довольно частая и специфически шизоидная особенность темперамента, с характерным построением из заторможенности в ходе мышления и моторной неподвижности — точное отображение кататонических симптомов болезни, но лишь в слабой форме. Застенчивость в этих случаях — гиперэстетическая аффективная установка при появлении чужих лиц в аутистическом заколдованном круге шизоидной личности. Вступление в него нового человека ощущается как чрезмерно сильное раздражение, вызывает чувство неудовольствия: это чрезмерно сильное раздражение, парализуя, действует на ход мыслей и двигательную сферу. Беспомощная боязливость по отношению к новым необычным ситуациям и антипатия к их смене являются гиперэстетическим признаком многих шизоидных педантов и чудаков.

Среди застенчивых, нежно-мечтательных шизоидов мы особенно часто встречаем тихих друзей книги и природы. Если любовь к книге и природе у циклоидных натур вытекает из равномерной любви ко всему, что существует, и прежде всего к человеку, а затем к вещам, то сфера интересов шизоидных людей не обнаруживает такой равномерной окраски. Шизоидные люди, даже простого происхождения, весьма часто являются друзьями природы и книги, но с известным элективным подчеркиванием. Они делаются таковыми вследствие бегства от людей и из склонности ко всему тому, что спокойно и не причиняет боли. У некоторых эта склонность имеет нечто компенсаторное. Всю нежность, на которую они способны, они расточают красивой природе и мертвым предметам своей коллекции.

Наряду с тихими мечтателями мы встречаем среди необщительных шизоидов как характерную фигуру угрюмого чудака, который, замкнувшись от внешнего мира в своей келье, всецело поглощен собственными мыслями, будь то ипохондрические телесные упражнения, технические открытия или же метафизические системы. Эти оригиналы и чудачки внезапно покидают свой угол, как «озаренные» и «обращенные в новую веру», отпускают себе длинные волосы, образуют секты и проповедуют в пользу человеческих идеалов, сырой пищи, гимнастики и религии будущего или все это вместе. Многие из этих активных типов изобретателей и пророков имеют различные конституциональные соединения и заключают в себе все оттенки — от типичных шизофреников до резко-гипоманиакальных. Шизофреники эксцентричны, витиеваты, туманно-расплывчаты, мистически метафизичны, склонны к системе и к схематическому изложению; гипо-маньяки, напротив, лишены системы, говорливы, находчивы, сговорчивы, подвижны, как ртуть. Шизофренические изобретатели и пророки производят на меня впечатление не столько препсихотиков, сколько людей с остаточными состояниями или даже психозами.

Аутистическая изоляция от других действует, разумеется, в смысле выработки собственного мировоззрения и любимых занятий. Но это не обязательно. Некоторые шизоиды не отличаются особенной продуктивностью в мышлении и поступках, они просто необщительны. Они ворчат и уходят, если кто-нибудь появляется; если подобные шизоиды остаются, то чувствуют себя страдальцами. Они проявляют стоическое душевное спокойствие и ни слова не говорят.

Наряду с простой необщительностью, специфической чертой некоторых высокоодаренных шизоидов, существует избирательная общительность в замкнутом кругу. Многие чувствительные аутисты отдают предпочтение определенным социальной среде, сторонам психической атмосферы, которые они считают своим жизненным элементом. Это, прежде всего, изящные светские формы жизни, аристократический этикет. В его строго выдержанном, вылощенном формализме нежная душа находит все, что ей нужно: красивую линию жизни, которая нигде и ничем не нарушается, и заглушение всех аффективных акцентов при общении с людьми. Кроме того, безличный культ формы прикрывает то, что так часто отсутствует у шизоида, — недостаток сердечности и непосредственной душевной свежести за холодной эlegantностью, что вскрывает также и в этих тонко чувствующих натурах начинающееся охлаждение эмоции.

Аристократическое некоторых шизоидных натур выявляется и у простых людей в потребности высокомерия, желании быть лучшими и иными, чем другие. Стремление говорить на изысканном верхненемецком наречии в среде непривыкших к этому иногда вскрывают шизоидное предрасположение. То же касается изысканности в одежде и внешности. С дальнейшим развитием болезни, со сдвигом психэстетической пропорции эта крайняя утонченность и важность могут перейти в резкую противоположность. Мало того, часто мы обнаруживаем, что эlegantность и неаккуратность соседствуют у одного и того же индивидуума. Впрочем, холодную аристократическую эlegantность, которая вполне подходит к некоторым здоровым шизотимикам, можно проследить во всех шизоидных оттенках, вплоть до симптоматики шизофренических психозов. Там мы находим ее как известную карикатурную напыщенность в речи и движениях.

Существенное в этой характерологической тенденции — стремление к замкнутому кругу. Дружба таких шизоидов избирательная дружба к одному. Неразделимый союз двух мечтающих чудаков или союз юношей, эфирный, торжественный, удаленный от народа; внутри его — экстатический культ личности, вне его — все резко отвергается и презирается. История юности Герлерлина служит наглядным примером этого.

В шизофренических семьях мы нередко встречаем ханжей. Многие шизоиды религиозны. Их религиозность с тенденцией к мистически трансцендентальному. Иногда она характеризуется фарисейством, набожностью, эксцентричностью, таинственностью или вращается в ограниченном кругу и удовлетворяет свои личные прихоти.

Так же обстоит дело и с эротикой. Не горячее естественное влечение, но экстаз и резкая холодность. Ищут не красивую девушку, но женщину вообще, «абсолютное»: женщину, религию, искусство — в одном лице. Или святая, или мегера — середины нет. Стриндберг —

красивый пример такого типа.

Третья социальная установка шизоидов — поверхностная общительность без более глубокого психического rapport'a. Такие люди могут быть очень ловкими, расчетливыми дельцами, суровыми властелинами или холодными фанатиками, а также равнодушными, вялыми, ироническими натурами, которые вращаются среди людей всякого круга, но при этом ничего не ощущают. Мы подробнее опишем эти типы у здоровых шизотимиков.

Словом, шизоид не растворяется в среде. Здесь всегда — стеклянная завеса. При гиперэстетических типах развивается иногда резкая антитеза: «я» и внешний мир. Постоянный самоанализ и сравнение: «Как действую я? Кто поступает со мной несправедливо? Кому я сделал уступку? Как теперь я пробьюсь?» Эта черта четко выступает у талантливых художников, которые позже заболели шизофренией или происходили из шизофренических семей: Герлерлин, Стриндберг, Людвиг II Баварский, Фейербах, Тассо, Микеланджело. Это люди постоянного душевного конфликта, жизнь которых представляет собою цепь трагедий и протекает по одному только тернистому пути. Они, если можно так выразиться, обладают талантом к трагическому. Циклотимик вовсе не в состоянии обострить ситуацию, если она трагична; он уже давно приспособился, и окружающий мир к нему приспособился, так как он его понимает и в контакте с ним. Такой здоровой натурой из пикнически-циклотимической группы был, например, Ганс Тома (Hans Thoma), который был далеко не так понят, как Фейербах, и жизнь которого все-таки протекала, как тихий ручей.

Резкий, холодный эгоизм, фарисейское самодовольство и чрезмерное самомнение во всех вариациях мы находим в шизофренических семьях. Но перечисленные качества не являются единственной формой аутизма. Другой его формой служит желание осчастливить людей, стремление к докринарским принципам, к улучшению мира, к образцовому воспитанию собственных детей, при полном игнорировании своих потребностей. Альтруистическое самопожертвование высокого стиля, особенно в пользу общих идеалов (социализм, воздержание от алкоголя), — специфическое качество некоторых шизоидов. В одаренных шизофренических семьях мы иногда встречаем прекрасных людей, которые по своей искренности и объективности, непоколебимой стойкости убеждений, чистоте воззрений и твердой настойчивости в борьбе за свои идеалы превосходят самых полноценных циклотимиков; между тем они уступают им в естественной, теплой сердечности в отношении к отдельному человеку и в терпеливом понимании его свойств.

Психэстетические варианты

Мы до сих пор рассматривали гиперэстезию и анестезию как нечто однородное. Но существует весьма значительное количество случаев, относительно которых мы не знаем, отличаются ли они только по степени или качественно, в биологическом смысле.

На анестетическом полюсе мы встречаем главным образом три варианта темпераментов, которые часто существуют одновременно и обнаруживают многочисленные переходы: тупость (с параличностью аффекта или без этого), холодность и безразличие. Между тем на гиперэстетическом полюсе нам приходится отличать раздражительность, сентиментальность, вспыльчивость.

Теперь нам нужно выделить препсихотиков из общей массы шизоидов. Статистически, правда, на нашем швабском материале мы не встречаем в детстве и в период раннего полового развития позже заболевших столь часто соответствующие типы, каковые численно преобладают у взрослых родственников шизофреников и постпсихотиков: своенравных, упрямец, злых, холодных и педантично-сухих. Разумеется, и среди нашего препсихотического материала отмечаются такие качества, как грубость, упрямство; при этом нельзя с уверенностью сказать, что родственники описывали действительно первоначальную личность или уже незаметную раннюю перемену в ней в наступившем периоде полового развития. Но грубость, упрямство численно отступают на задний план по сравнению с качествами, о которых мы говорили в начале главы.

Наиболее распространенный тип в нашем препсихотическом материале — ребенок, лишенный аффекта, тихий, боязливый, послушный, застенчивый, но вместе с тем

добродушный. Примерные дети встречаются среди них довольно часто. Многие из них характеризуются как прилежные, солидные, набожные и миролюбивые. Термин «параличность аффекта» подходит к популярному народному языку, который называет таких людей «расслабленными» и тем самым правильно выражает, что внешне наиболее резко выступающим является психомоторный симптом. Выражение «параличность аффекта» вполне совпадает с термином «тупость аффекта», который ясно ставит акцент на сенсорной стороне. Хочется, чтобы он был бодрее. Он слишком равнодушен. Жизнь и темперамент у него всегда отсутствуют — обычные характеристики молодых людей, лишенных аффекта. Отсутствие свежести, непосредственно реагирующей живости в психомоторных проявлениях касается также и высокоодаренных людей этой группы с их чрезмерно нежной внутренней способностью реагировать.

Спокойный циклоид доволен; спокойный шизоидный тип, о котором мы здесь говорим, расслаблен. Флегматичность — характерологическое выражение для самых легких степеней психомоторного типа, который мы встречаем в задержке депрессивных. Оно обозначает нечто тяжеловесное, медлительные речь и действия, но при этом, в каждом двигательном и речевом акте присутствуют теплота и эмоциональное участие. Психомоторная медлительность является общей для расслабленного и флегматичного. Расслабленность обозначает, кроме того, утрату непосредственной связи между эмоциональным раздражением и двигательной реакцией. Этим объясняется, почему у нас по отношению к флегматичному постоянно существует чувство эмоционального *garport'a*, даже если он ничего не говорит, между тем расслабленный производит впечатление чуждого, несимпатичного, поскольку мы не можем по выражению его лица и движениям уловить того, что он чувствует, а также адекватную реакцию на наши слова и действия. Самым характерным для расслабленного является то, что он может стоять как вопросительный знак, с неопределенным выражением лица и опущенными руками при ситуации, которая даже флегматичного может наэлектризовать.

Если наступает психическая реакция, то она не вполне соответствует раздражению. Выразительные движения у лишенного аффекта отличаются неопределенностью, так что его иногда считают гордым, иногда он робок, или ироничным, когда он глубоко оскорблен.

К этому присоединяются нередко отклонения в моторной сфере. Люди, которых называют расслабленными, иногда отличаются вялой осанкой и неуклюжестью в жестах. Они не знают, куда им девать свои руки и ноги. Некоторые из них непрактичны, беспомощны в повседневной жизни, делают неудачные движения во время гимнастики. Сюда еще вплетаются моторные задержки, возникающие вследствие общей застенчивости или специальных комплексов. Словом, при рассмотрении более узкой психомоторной сферы отсутствует непосредственная совместная работа промежуточных инстанций между раздражением и реакцией. Отсутствует то, чем обладают циклоиды: округленность, естественность, непринужденность в проявлении аффекта и в двигательных актах.

Однако здесь ничего не говорится о психосенсорной стороне процесса. Расслабленность может соответствовать действительной тупости аффекта по отношению к данному раздражению, или могут развиваться самая утонченная сентиментальность и очень тяжелые интрапсихические напряжения. Простой обыватель большей частью не может их отличить, он считает человека, лишенного аффекта, глупым, тупоумным, бесчувственным, сонливым, скучным, которого приходится расталкивать. Он ему не симпатизирует. Молодые люди, лишенные аффекта, становятся в школе, а особенно в казарме козлами отпущения. Если они тонко чувствуют и одарены, то в этом и заключается их трагедия. Ведь некоторые из них гораздо тоньше чувствуют, чем нормальные люди.

Большое количество наших шизофренических препсихотиков представляет тип добродушного, тихого отшельника, который внешне обладает слишком небольшим темпераментом, кажется равнодушным, мало общается с товарищами и слишком много позволяет другим по отношению к себе. Часть этих юношей слабо одарены: на первый план у них выступают равнодушие, эмоциональная тупость. У примерных детей специальные школьные способности хороши, но значительная часть их продуктивности объясняется эмоциональным дефектом, недостатком отзывчивости на то, что обычно аффективно заполняет и занимает молодых людей.

И у средних типов нашей группы, лишенных аффекта, мы находим черты нервозности, раздражительности, боязливости, нежности и, прежде всего, утонченной чувствительности, о чем часто упоминают необразованные родственники. Но такие родственники не могут более тонко и точно описать эти качества, и, действительно, у необразованного среднего шизоида они в психологическом отношении довольно диффузны. Он производит впечатление робкого, застенчивого или угрюмого, жалуется на нервные боли, боязливо уклоняется от грубых игр и драк. Чем ближе мы подступаем к образованным и одаренным препсихотикам, тем за внешней стороной ярче выступают те специально гиперэстетические качества, наиболее выраженную степень которых представляет тип Гельдерлина.

И у более развитых типов, лишенных аффекта, мы обнаруживаем черты угрюмости, упрямства и раздражительности, но их гнев не отличается жестокостью, а упрямство — нелепостью; чаще всего гиперэстезия принимает характер нежности, внутренней сентиментальности, в плане как легкой ранимости с долгодействующими, скрытыми затем комплексами и болезненными интрапсихическими напряжениями аффекта, так и нежности к немногим близким лицам, которая обретает эксцентричные, сентиментальные, патетические, мечтательные и элегические черты, а также, в плане тонкой восприимчивости к природе, искусству и книгам. Но здесь чувствительность остается элективной, ограниченной своим предметом; кроме небольшой, но резко отгороженной зоны личных интересов существует обширная область общих человеческих интересов и чувствований, которые у этих тонкочувствующих гиперэстетиков не находят никакого резонанса. Прежде всего настоящее чувство к людям распространяется лишь на нескольких человек; здесь можно принять частичную тупость аффекта.

В негативном смысле наш тип сентиментального, лишенного аффекта имеет общие характерные черты с большинством всех шизоидов. Они, как правило, лишены юмора, часто серьезны без ясной реакции на печаль и веселье. Диететическая шкала — главная шкала циклоидов — в их темпераменте лишь слабо выражена. У шизоидов часто бывает расстройство настроения, но это расстройство настроения совсем иное, чем печаль циклоида. Оно носит в себе черты угрюмости с ясным характером внутренней раздражимости и напряжения; поэтому мы среди шизоидов можем найти таких лиц с конституциональным расстройством настроения, которые постоянно путешествуют, между тем как депрессивные с задержкой (циклоиды) остаются дома. Наряду с этим нервно напряженным унынием мы встречаем среди самодовольных шизоидов с аутистическим спокойствием духа, между тем как их сильные позитивные аффекты носят характер скорее экстаза и эксцентрической мечтательности, нежели свободной веселости.

Тип сентиментального, лишенного аффекта во всем его объеме, начиная от боязливых шизоидных имбецилов с слабым аффектом вплоть до очень сложных натур, мы должны признать самым важным шизоидным типом темперамента и одним из наиболее частых препсихотических основных и исходных типов. И постпсихотически мы находим его нередко среди старых обитателей больниц. В равной степени он встречается и у здоровых родственников шизофренических семей.

Мы познакомились с аффективной тупостью как с одной из составных частей темперамента. Выражение «тупость» обозначает пассивную бесчувственность. Аффективная тупость широко распространена в шизофреническом цикле. Более легкие характерологические степени, каковые мы встречаем у здоровых родственников шизофреников, импонируют как непоколебимое душевное спокойствие, которое отличается от спокойствия циклоидов отсутствием теплого душевного участия к другим. Более тяжелые степени шизофренического тупоумия, как правило с налетом угрюмой жестокости и робкой боязливости, мы встречаем у шизоидных имбецилов, но они довольно распространены среди постпсихотиков, а также после переломов в личности в период полового созревания. Это внутреннее притупление в остальном деятельного и даже одаренного человека может выражаться в неаккуратности, небрежности в одежде и беспорядке в квартире. Или оно сказывается в неожиданной, непонятной бестактности и безвкусице, которая иногда прорывается сквозь сохранившийся фасад хорошего воспитания. Это производит особенно странное впечатление у тонко чувствующих аристократических типов среди шизоидов. Вообще можно этот изъян личности особенно хорошо изучать на

литературном стиле заболевающих шизофренией поэтов, например Гердерлина. Не вся личность равномерно гибнет, но торжественность и изысканность стиля прерываются где-нибудь посреди стиха ужасающей банальностью. Психический аппарат таких людей, их стиль в жизни функционируют иногда так, как плохая швейная машина, которая делает известное количество нежных стежков и затем подпрыгивает. Тонкое чувство и абсолютная тупость могут непонятным образом здесь сосуществовать: самая грязная рубашка наряду с блестящими ногтями, хаотический беспорядок в комнате, в которой создаются громадные художественные ценности. Такие картины мы встречаем не только как переходную стадию к полному шизо равной степени он встречается и у здоровых родственников шизофренических семей.

Мы познакомились с аффективной тупостью как с одной из составных частей темперамента. Выражение «тупость» обозначает пассивную бесчувственность. Аффективная тупость широко распространена в шизофреническом цикле. Более легкие характерологические степени, каковые мы встречаем у здоровых родственников шизофреников, импонируют как непоколебимое душевное спокойствие, которое отличается от спокойствия циклоидов отсутствием теплого душевного участия к другим. Более тяжелые степени шизофренического тупоумия, как правило с налетом угрюмой жестокости и робкой боязливости, мы встречаем у шизоидных имбецилов, но они довольно распространены среди постпсихотиков, а также после переломов в личности в период полового созревания. Это внутреннее притупление в остальном деятельного и даже одаренного человека может выражаться в неаккуратности, небрежности в одежде и беспорядке в квартире. Или оно сказывается в неожиданной, непонятной бестактности и безвкусице, которая иногда прорывается сквозь сохранившийся фасад хорошего воспитания. Это производит особенно странное впечатление у тонко чувствующих аристократических типов среди шизоидов. Вообще можно этот изъян личности особенно хорошо изучать на литературном стиле заболевающих шизофренией поэтов, например Гердерлина. Не вся личность равномерно гибнет, но торжественность и изысканность стиля прерываются где-нибудь посреди стиха ужасающей банальностью. Психический аппарат таких людей, их стиль в жизни функционируют иногда так, как плохая швейная машина, которая делает известное количество нежных стежков и затем подпрыгивает. Тонкое чувство и абсолютная тупость могут непонятным образом здесь сосуществовать: самая грязная рубашка наряду с блестящими ногтями, хаотический беспорядок в комнате, в которой создаются громадные художественные ценности. Такие картины мы встречаем не только как переходную стадию к полному шизофреническому слабоумию, но они могут сохраниться в течение всей жизни как странные черты личности. Здесь сочетаются здравый смысл и нелепость, моральный пафос и банальные прихоти, оригинальная мысль и странные суждения.

Мы не знаем подробнее останавливаться на этих шизофренических дефектах, тем более что речь у нас идет не только об аффективных, но и о глубоко проникающих расстройствах ассоциаций; мы хотим из аффективно-тупых выделить группу, которая имеет известное значение как тип темперамента. Это тип гневно-тупых, или тупо-жестокых. Данный тип встречается, прежде всего, пост-психически после былых шизофренических приступов или как незаметно развивающийся продукт шизоидного изменения; он, вероятно, также бывает врожденным. Темпераменты такого рода — комбинация гиперэстетических и анэстетических компонентов, но в данном случае в очень грубой форме. Если наблюдать такие натуры в течение короткого времени в благоприятной обстановке, вне их обычной среды, то их отличает полное душевное спокойствие; они производят впечатление несколько тупых, честных людей, которые никому не причиняют вреда. Если исследовать их домашнюю обстановку, то она имеет, соответственно их тупости, жалкий вид. Там они уже не душевно спокойные, но из-под покрывала угрюмой молчаливости постоянно сверкает искра внутренней раздражительности, которая носит комплексный характер и возникает из сублимирования небольших внутренне накапливающихся и невысказываемых неприятных раздражений повседневной жизни на службе и в семье; искра нервной внутренней раздражительности, которая при легком прикосновении к какому-нибудь комплексу может разрядиться в жесточайшую вспышку гнева, прорывая при этом покров тупости. Эта форма шизофренического гнева по своему психологическому механизму скрытого аффективного застоя и бессмысленного разряжения

имеет некоторое родство с известными синдромами травмы мозга и эпилепсии. Гневно-тупые шизоиды могут сделаться жесточайшими и опаснейшими тиранами дома, которые безжалостно, бесчувственно относятся к окружающим и распоряжаются ими согласно своим педантичным прихотям. Некоторые известные в истории деспоты имеют, по крайней мере внешне, немалое сходство с этими шизоидными типами.

Безразличие — частый шизоидный вариант аффективной тупости. Это — равнодушие, выставяемое напоказ; следовательно, частичная тупость, принимающая черты психической активности. Безразлично ко всему относящийся знает, что многие вещи, важные для других, не представляют для него никакого интереса: это сознание он выявляет в своих поступках, к чему иногда примешиваются причудливый юмор или сарказм. Безразлично относящиеся ко всему являются, вероятно, теми полуопустошенными людьми, которых мы описали выше, когда сохранившиеся обломки психической активности лежат среди развалин отупевшей души; вероятно, это также расщепление, когда неразрушенная часть личности в полукомичёском виде вырисовывается среди этих развалин. В области душевных заболеваний сюда также относится неприятная, грубая осанка гебефреников.

Как из лиц, ко всему безразлично относящихся, так и из других полуопустошенных, тупых рекрутируется большая армия социально гибнущих, неудержимых расточителей, игроков и пьяниц, богатых папенькиных сынков, эксплуатируемых женщинами, студентов-пьяниц, преступников и главным образом проституток и бродяг. Близкое отношение к шизоидному циклу имеет также группа постоянно странствующих, у которых безразличие комбинируется с шизоидными приступами расстройства настроения. Полуравнодушные, полустрадающие внутренне, они бродят с места на место по всему свету. Иногда сюда вплетаются легкие шизофренические толчки, отдельные галлюцинации. Черты такого типа можно встретить у некоторых высокоодаренных, а также у простых бродяг.

Что такое холодность аффекта в противоположность тупости его? Прежде всего, холодными называются такие натуры, у которых отсутствует сердечное отношение к людям, юмор, сочувствие к радости и горю других. Короче говоря, у которых слабо звучит диатетическая темпераментная шкала. Другой вариант диатетического дефекта называется сухостью. Простой народ, как мы видели, выраженных диатетиков, например циклоидов, называет душевно теплыми людьми. В этом общем смысле, следовательно, все шизоиды отличаются холодным темпераментом.

Здесь уместно отметить, что тонкочувствующие шизоидные люди воспринимают все очень своеобразно. Шиллер, здоровый шизотимик, говорит в своих сочинениях: «Когда я впервые познакомился с Шекспиром, меня возмутила его холодность, его нечувствительность, которая позволяет ему шутить в состоянии высшего пафоса». Аналогичное суждение, как здесь о Шекспире, я читал о Готфриде Келлере. Шизотимики не могут вполне вчувствоваться в циклотимические темпераменты. Тонким шизотимиком кажется бесчувственным, грубым, если циклотимик созерцательно рассматривает и «ощупывает», юмористически снисходительно улыбается и даже начинает смеяться по поводу таких ситуаций, которые, нежно трогая и утрашая, приводят шизотимика к торжественному пафосу или к мечтательной элегии. То, что типичный шизотимик называет душевностью и теплотой, — это сильно позитивные аффекты, его психэстетическая темпераментная шкала. Диатетик же для этих ценностей в основу кладет свою собственную шкалу. Обычный человек чувствует аналогично циклотимику, а не так, как шизотимик.

Выражение «душевно холодный» имеет более узкое значение. Тупым мы называем человека, которого можно толкать, а он при этом не поднимает головы. Холодным мы называем человека, который проходит мимо трупов и ничего при этом не ощущает. Тупым называют в обыденном смысле пассивную бесчувственность; холодным, напротив, — активную. При тупости дефект касается психомоторной сферы; холодность — это чистая анестезия при ненарушенной способности действовать. Производят ли шизоидные личности скорее впечатление холодных или тупых или же (что бывает весьма часто), являются теми и другими — это вопрос конституциональных комбинаций соединения. Кроме того, можно иногда наблюдать, как с перемещением психэстетической пропорции тупость превращается в холодность, и наоборот. Приходится видеть случаи (таковой ниже представлен), когда типично

шизоидные преПСихотики с сентиментальным, лишенным аффекта темпераментом, в период полового созревания при незаметном перемещении становятся, даже без психоза, холодными, жестокими людьми. На основании поверхностных сведений, особенно относительно шизоидных родственников, нельзя выяснить, сколько холодных шизоидов развилось под влиянием толчков и незаметных перемещений.

Известно, что черты активной холодности, случайной грубости и эгоистической раздражительности вплетаются в картину сентиментального, лишенного аффекта типа. Стильные аристократические шизоиды производят впечатление особенно холодных.

Вообще говоря, часто в семьях шизофреников мы находим черты активного бездушия, холодную стойкость, жестокость, сварливость, циничный эгоизм, деспотическое упрямство, тупую ненависть, наконец, жестокие, преступные инстинкты. Мы могли бы предложить вниманию читателя целую серию злобных, худосочных старых холостяков и злых жен, язвительных, ироничных, кислых существ, сухих, угрюмых педантов, недоверчивых, холодных интриганов, ограниченных тиранов и скряг. Мало того, мы могли бы заполнить целую книгу очерками жизни всех этих конституциональных вариантов и социальных типов, которые в цикле шизофренического помешательства выявляют анестетически-шизоидные компоненты в смысле душевной бедности, холодности и сухости. Следует указать на то, что шизоидные налеты наследственности в благоприятных сочетаниях могут создавать высокоценные социальные варианты. Резкая холодность по отношению к судьбе отдельного человека вместе со склонностью к схематической принципиальной последовательности и строгой справедливости могут как хорошо компенсирующие элементы личности создавать людей со стальной энергией и непоколебимой решительностью.

Настойчивая энергия являет собой противоположный «недостатку импульса», полному равнодушию и слабоволию шизоидных психопатов и гебефреников полюс. И здесь в психомоторной сфере шизоидов чрезмерная энергия и равнодушие составляют аналогичную биологическую контрастную пару раздражения и паралича, как психэстетическая чрезмерная чувствительность и нечувствительность. Психэстетическая тупость и психомоторное безразличие настолько переходят друг в друга, что их нельзя изолированно рассматривать. Шизоидная эмоциональная холодность при неблагоприятных конституциональных соединениях может выделиться в дурные поступки. Особенно в сочетании с вышеописанной недостаточной устойчивостью инстинкта, например в сочетании с садистскими компонентами. Здесь встречаются жесточайшие преступные натуры.

Стоит только представить себе жестокости, которые описаны в дневнике шизофренического короля Людвига II Баварского, осуществленными в действительности более активной натурой в абсолютическом государстве, чтобы понять многое из того, что происходило столетия тому назад благодаря полудушевнобольным цезарям.

Выразительные движения и психомоторная сфера

Мы выдвинули на первый план психэстетические качества шизоидных темпераментов, так как они составляют важнейшую основу построения личности. Но мы должны наряду с этим еще коротко остановиться на их характерологических выразительных свойствах и психомоторной сфере. О шизоидных волевых процессах мы только что сказали. Если у циклоидов выразительные движения в психомоторной сфере закруглены, естественны, адекватны раздражению, то многие шизоиды характеризуются отсутствием непосредственной связи между эмоциональным раздражением и моторной реакцией.

У душевнобольных шизофреников путь от душевного раздражения до реакции, благодаря задержкам промежуточных импульсов и кататоническим механизмам, часто так загороживается, искажается и перемещается, что мы его не в состоянии распознать или можем судить о нем лишь на основании косвенных заключений. В более легких степенях мы находим эту инконгруэнцию между раздражением и выразительной реакцией у многих шизоидных личностей.

Мы уже подробно говорили о двух важнейших шизоидных психомоторных симптомах в их психэстетических взаимоотношениях: параличности аффекта и застенчивости. Наряду с

этими существует много вариантов, которые отчасти объясняются внутренними различиями в пропорции и конституциональных сочетаниях, а отчасти простыми условиями среды. Деревянность аффекта можно рассматривать как «спастический» прототип параличности аффекта. Эта деревянность аффективно выразительных движений наблюдается у шизоидов с аристократическими манерами и патетическими характерами. В зависимости от того или иного повода или окружающей обстановки она выражается в напыщенности, церемониальности, торжественности или педантизме. Живые шизоиды производят, напротив, впечатление торопливых, суетливых, вертлявых, причем выявляется порывистость моторного темпа в противоположность подвижности гипоманиакального. Душевное спокойствие — симптом как психомоторный, так и психэстетический. Оно может комбинироваться с нервной суетливостью в удивительных сочетаниях.

Наряду с этими грубыми стигматами мы находим ряд мелких ослаблений и напряжений в выразительных движениях, что может благоприятным образом действовать на личность. Мы уже упомянули о стильности и сдержанности в жестах и движениях, что вместе с гиперэстетическим тонким чувством составляет аристократический симптомокомплекс и вырисовывает в жизни таких людей своеобразную красивую линию, которая отсутствует у циклоидов. Такт, вкус, нежная внимательность, избегание всего грубого, неуклюжего и ординарного составляют особое преимущество этой шизоидной группы и делают ее антиподом гипоманиакальных темпераментов. Тонкое чувство и стильность бывают только у одних, свежесть и естественность — только у других. Вследствие этого оба сорта людей плохо понимают друг друга.

Своеобразную военную выправку в выражениях и движениях мы встречаем иногда как наследственную в шизоидных семьях даже таких сословий, где подобные вещи вовсе не культивируются и даже не признаются. Если таких людей называют стройными, то таким образом их одновременно характеризуют и соматически и психически. Здесь речь часто идет о властных натурах, крайне настойчивых и с сильным характером.

Склонность к психомоторной инконгруэнции стоит в тесной биологической связи со склонностью к психэстетической чрезмерной чувствительности, интрапсихическим задержкам и комплексным образованиям. Все эти три момента, выражаясь схематически, можно рассматривать как выявление того же действующего начала на различных частях психической рефлекторной дуги. Многие шизоиды предрасположены к аффективно сильным переживаниям, к расстройствам проводимости так, как мы это определили при сензитивном бреде отношения. Некоторые шизоиды при группировке симптомов дают ту комбинацию гиперэстезии и сдержанности, которая предрасполагает сензитивные реакции переживаний. Поэтому мы находим такие сензитивные моменты развития при шизофренических психозах.

Психический темп

Этим мы заканчиваем наши исследования о психэстезии и психомоторной сфере шизоидов и на момент остановимся на близкородственном психическом темпе. Мы сказали, что циклоиды имеют волнообразный тип темперамента, аффективность, постоянно отзывающуюся на эмоциональные раздражения, которые в глубоких волнообразных линиях эндогенного или реактивного характера колеблются между веселостью и печалью. Циклоиды не имеют никаких комплексов или лишь очень незначительные; вливающийся аффективный материал становится тотчас же видимым и непосредственно перерабатывается. Напротив, шизоидные люди, поскольку они сохранили способность к психическим реакциям, часто имеют прыгающий тип темперамента. У них не бывает закругленной, волнообразной кривой; их кривая аффекта обрывиста. В психозе мы видим этот тип особенно развитым в кататонических картинах, при переходах от полной замкнутости к внезапным разряжениям аффекта. Шизоиды — типичные люди комплекса, у которых суммированные немногие повседневные раздражения, а также большие группы представлений, аффективно окрашенные в судорожном напряжении, долго действуют под покрывалом и затем могут дать неожиданно аффективные реакции, если их кто-нибудь коснется. Так, шизоиды часто становятся капризными, неожиданно меняются в настроении при невинном замечании во время беседы, чувствуют себя обиженными, делаются

холодными, уклончивыми, ироничными и язвительными. Благодаря этим механизмам комплексов взаимоотношение между причиной и действием их аффективности более сложно и менее ясно, чем у циклоидов.

Так, многие шизоидные темпераменты группируются около двух полюсов: чрезмерной тягучести и чрезмерной порывистости. Мы встречаем, с одной стороны, энергичные, упрямые, своенравные, педантичные натуры, а с другой — неудержимые, капризные, порывистые, нестойкие. Циклоидные темпераменты двигаются между «быстро» и «медленно», шизоидные — между «тягуче» и «порывисто». Циклоидная кривая темперамента волнообразна, шизоидная — прыгающая.

С этим, пожалуй, отчасти стоят в связи известные особенности мышления. Наряду с непостоянными, разорванными, соскальзывающими, афоризматическими, туманными рукописями у высокоодаренных шизоидов, параноидных пророков и в рукописях тяжелых кататоников мы находим стремление к тягучести, перечислению имен и чисел, к схематизации, последовательной абстракции и образованию систем. Эту характерную особенность мы опять встретим в психологии гениальных шизотимиков. В связи с прыгающей кривой аффекта следует упомянуть то, что Блейлер называет амбивалентностью — колебание чувств и воли между «да» и «нет», что характерно для многих шизоидов. Мы присоединяем сюда, вероятно, близко примыкающую психологическую черту, которая часто наблюдается не только у пациентов (очень хорошо у некоторых шизофреников с незаметным началом болезни), но особенно в биографиях шизоидных художников и у здоровых шизотимиков: альтернативную установку аффективности. В то время как известные циклоидные типы являются типичными представителями здравого смысла, примиряющей уверенности, сглаживания и аффективного выравнивания, шизоиды, о которых мы говорим, характеризуются тем, что у них отсутствует аффективное среднее положение. Они или восхищены, или шокированы, или преклоняются, или ненавидят человека; сегодня они проникнуты чрезмерным самосознанием, завтра — совершенно разбиты. И это происходит вследствие пустяков: кто-нибудь употребил грубое выражение или произвольно коснулся их чувствительного комплекса. Или весь мир, или ничего, или как Шиллер, «срывающий с головы венок», или как жалкий игрок, для которого единственным выходом является пуля в лоб. Они не видят людей, которые могут быть добрыми или злыми, с которыми можно ладить, если к ним отнестись несколько юмористически; для них существует только джентльмен или простолюдин, ангел или черт, святая или мегера — третьего нет.

Эту особенность темперамента нельзя смешивать с сангвинической преизбыточностью некоторых гипоманиакальных натур. Циклоид преизбыточен, шизоид эксцентричен. Темперамент преизбыточного колеблется, темперамент эксцентричного перескакивает и съезживается. Циклоидный сангвиник, как бы высоко ни поднимались и низко ни опускались волны его настроения, колеблется все-таки в естественно закругленных переходах, проходя через аффективное среднее состояние; мечтательный шизоид перескакивает через них от одного противоположного полюса к другому. Здесь уместно указать, что старое обозначение темперамента как сангвинического и флегматического неприменимо для более тонких психологических анализов, так как они без резкой дифференцировки объединяют преизбыточное и эксцентричное, циклоидное довольство и шизоидную аффективную тупость.

Следует иметь в виду эту альтернативную эффективность некоторых шизоидов, так как мы ее позже встретим в нормальной психологии и у гениальных людей как страсть к пафосу и элегической мечтательности и как склонность к фанатизму в поступках шизотимиков.

Мы говорим очень кратко, чтобы понапрасну не переходить от анализа шизоидных темпераментов в область шизофренических расстройств мышления. Мы подчеркиваем, что не наша задача писать психологию шизофреников, мы хотим только осветить проблему шизофрении в связи с общим биологическим учением о темпераментах. Клиницисту, кроме того, надо еще иметь в виду, что известные, четко выступающие у отдельных шизоидов черты характера напоминают некоторые стороны описания «нервного характера» и «истерического характера». Не подлежит никакому сомнению, что существуют нервные и истеричные психопаты и дегенераты, которые в биологическом отношении являются не чем другим, как шизоидами.

Возможно, что некоторые черты таких шизоидов отмечены в обычном описании нервного или истерического характера. Следует отметить, что нервозность и истерия, хотя и являются целесообразными сборными клиническими понятиями, вовсе не представляют собой конституциональных понятий в углубленном биологическом смысле. Существует базедовидная, травматическая, шизоидная нервозность и т.д. Все это мы здесь не можем рассматривать. Это задача будущих исследований, при современных средствах они неразрешимы. Мы воздерживаемся поэтому от всякого суждения, насколько шизоидное проникает в область нервозности, истерии, дегенеративной психопатии, врожденного слабоумия и т.д. Мы советуем только не сливать все в одно и не устанавливать границ. В равной степени мы не рекомендуем делать попытки уже теперь решить вопрос, является ли шизофрения или шизотимический конституциональный тип чем-то биологически однородным или представляет собою лишь группу родственных между собой типов. Это же, разумеется, касается и циклотимических конституций. Но мы чувствуем, не имея, однако, положительных доказательств, что главная масса циклотимического круга по своему телесному и психическому строению производит более простое и целостное впечатление, чем это можно было бы сказать о весьма различных типах строения тела и характера шизоидного круга; разумеется, большое внешнее разнообразие не служит доказательством против внутреннего единства. Наша цель — только по возможности характеризовать телесно и психически шизотимический тип в целом, в противоположность циклотимическому; но этим мы не хотим сказать, что шизотимическое и циклотимическое заключают в себе нечто абсолютно однородное или что наряду с обоими группами нет других конституциональных главных групп, которых мы пока не знаем.

Циклотимические и шизотимические средние люди

Мы не остановимся на границе области психиатрического исследования. Проблема конституции развернется перед нами во всей широте лишь тогда, когда мы приобретенные результаты перенесем в нормальную психологию. Переходом в нормальную психологию мы не делаем никакого скачка. Переноса связующие нити между строением тела и психическим предрасположением на все варианты психопатической личности и отодвигая благодаря этому на задний план грубые душевные расстройства как исходные пункт нашего исследования, мы неожиданно оказываемся среди здоровых людей, среди знакомых нам лиц. Здесь, у нормальных, четко выступают перед нами те черты, которые мы видели там в искаженной форме. Мы находим те же самые типы строения тела, те же самые стигматы телесной конструкции и обнаруживаем, что за той же внешней архитектурой живет та же психическая стимулирующая сила. Те же самые задатки, которые здесь служат разумными регуляторами здоровой психической установки, там, нарушая равновесие, гибнут, подвергаясь расстройству.

Этим путем мы лучше всего освобождаемся от узости психиатрического кругозора: мы уже не смотрим на мир через больничные очки, пытаемся всюду у здоровых людей выискивать ненормальные черты, но мы можем свободно стать в большой круг и в нем правильно судить о здоровом или, лучше сказать, об общебиологическом и, исходя из этого круга, верно понять небольшой круг болезненного. Мы уже не станем рассматривать психопатические личности как психопатические abortивные формы определенных психозов, напротив, мы будем считать конкретные психозы карикатурой определенных нормальных типов личностей. При таких условиях психозы представляют собою лишь редкие заострения широко распространенных больших конституциональных групп здоровых.

В этом смысле и следует обозначить термины. Мы называем людей, принадлежащих к тому большому конституциональному кругу, из которого рекрутируются шизофреники, шизотимическими людьми, а тех, которые принадлежат к одной группе с циркулярными, — циклотимическими. Переходные формы между здоровьем и болезнью или болезненные abortивные формы целесообразнее всего называть цилоидными или шизоидными, как мы это уже сделали. Нужно, следовательно, с самого начала ясно помнить, что названия «шизотимический» и «циклотимический» ничего общего не имеют с вопросом, здоровый или больной, но они представляют собою термины для больших общих биотипов, которые

заклюают в себе огромную массу здоровых индивидуумов и лишь небольшую группу разрозненных, относящихся сюда психозов. Слова, следовательно, не указывают, что у большинства всех шизотимиков должны быть психические расщепления, а у большинства всех циклотимиков эмоциональные колебания, но мы только воспользовались существующими названиями для обозначения болезненного, применив их, целесообразности ради, и по отношению к здоровым.

Методический прием при этом был следующий: из нескольких сотен физически и психически здоровых людей, мне хорошо известных, я выбрал приблизительно 150, которые в строении своего тела носят яркие и несомненные признаки астенического, атлетического или пикнического типа. Кроме того, я имею в своем распоряжении фотографии большинства из них. Это были, следовательно, соответственно шизофреническому кругу, люди с длинными носами и угловым профилем, с чрезмерно высокой средней частью лица, с овальными, яйцевидными очертаниями его, при этом с худощавой, стройной фигурой, с грубо выделяющимся мышечно-костным рельефом и, напротив, хорошо известные из циркулярного круга пикнические фигуры с полными, мягкими лицами, широкими очертаниями в форме щита или пятиугольника и с гармоничным строением профиля, короткой шеей, округленными формами тела и склонностью к пикническому отложению жира.

При этом вскоре обнаружились две большие группы темпераментов, из которых одна совпадает с пикническими, другая — с соответствующими шизофреническому КРУГУ формами строения тела: разумеется, и здесь нам приходилось встречать небольшое количество частичных или полных перекрещиваний.

Преимущественно у пикников наблюдающиеся темпераменты можно разделить на следующие подгруппы, которые связаны между собою широкими переходами и часто одновременно наблюдаются у одного и того же лица. Мы описываем здесь представителей групп мужского пола, каковых мы встречали в молодом возрасте студентами и затем, позже, уже занятыми своей профессией; варианты к этим типам среди женщин можно себе легко представить.

1. БОЛТЛИВО-ВЕСЕЛЫЕ

Уже издали доносится их речь. Они всегда там, где весело и шумно, при каждом разговоре делают громкое замечание. Вино и веселье они любят больше, чем работу мысли или тяжелый и опасный труд. Они вносят освежающий и оживляющий элемент; веселы, приятные собеседники, любезны, довольны, подвижны, но иногда и тягостны вследствие недостатка такта и тонкости, вследствие выставляемой напоказ грубости, наивного эгоизма и чрезмерной болтовни.

2. СПОКОЙНЫЕ ЮМОРИСТЫ

Они сидят и наблюдают, говорят мало. Иногда они делают ценное критическое замечание. Они врожденные рассказчики, в устах которых каждое простое происшествие принимает характер приятного и интересного. Они говорят пространно, спокойно и без всякой искусственности. В обществе и в занятиях они воспламеняются. Они довольны миром, доброжелательно относятся к людям и к детям; сухое и «принципиальное» им противно. Они преданные друзья, считаются с каждым, и прекрасно умеют обращаться с людьми; для них приятнее всего правдивость и простота.

3. ТИХИЕ, ДУШЕВНЫЕ ЛЮДИ

Он — хороший парень, немножко флегматичный, душа-человек. Он осторожно двигается и неохотно решается на что-нибудь. Он производит симпатичное впечатление, несмотря на то что ничего не говорит. Он охотно смеется и никому не мешает. У него на глазах легко появляются слезы. Если это для него возможно, то он поселяется в деревне, где с добросовестностью и скромностью несет свои обязанности. Он очень немного берет на себя, слишком мало доверяет себе. Многого в жизни он не достигает.

Если мы теперь рассмотрим специальную жизненную установку в профессии и в обществе, к которой склонны такие темпераменты в зрелом возрасте, то найдем, не касаясь уже намеченных направлений, главным образом две многочисленные группы, которые можно считать или самостоятельными типами, или же только фазами развития (выявления) уже описанных темпераментов.

4. БЕСПЕЧНЫЕ ЛЮБИТЕЛИ ЖИЗНИ

Этот тип особенно развивается там, где при соответствующем темпераменте интеллект не слишком высок и духовное воспитание не было очень заботливым. Его, следовательно, встречают часто у простых людей, а также среди образованных, вышедших из народа. В более высоких слоях он уклоняется несколько в сторону эстетической, красивой жизни, но при этом он не теряет своих материальных основных черт. Чаще всего мы встречаем этот тип в качестве постоянных посетителей в мелких трактирах и ресторанах, где они изображают юмористов и душевнобольных (тип 2-3), но, так сказать, в тривиальной форме. У представителей данного типа заметна склонность к доброжелательной душевности, но без глубоких мыслей и серьезности. Напротив, здесь на первый план у них выступает удовольствие в материальном, чувственно-осязаемом и в конкретных благах жизни. В Швабии таких людей называют «Vesperger», поскольку многочисленные, вкусно приготовленные кушанья и соответствующие напитки составляют содержание их жизни, благодаря чему их еще с юных лет намечающееся пикническое строение тела расцветает пышным цветом. Профессия служит скромным придатком к этой главной их деятельности.

5. ЭНЕРГИЧНЫЕ ПРАКТИКИ

Это средний тип, который сочетает свежесть, подвижность, живость с трудолюбием и трезвостью ума 2-го и 3-го типов. Энергичные практики — люди с отзывчивым сердцем, которые для всех могут быть полезны. Они сидят во всех комитетах, постоянно перегружены работой и все делают весьма охотно. Работают они неутомимо. Они берутся за разнообразную новую работу и склонны к конкретной практической деятельности: к медицине, политике, социальному обеспечению. Они все делают толково, отличаются ловкостью, умеют ладить, но действуют решительно, высказывают определенное мнение, всегда веселы; некоторые из них честолюбивы, уверены, довольны, держатся с сознанием собственного достоинства, знают себе цену, обращают внимание не столько на чины и отличия, сколько на освежающую деятельность. Экцентричность и идеалистические порывы они не ценят.

Этот тип в гипоманиакальную сторону имеет текучие переходы к ртутному темпераменту постоянно дилетантствующего полипрагматика. То, что в обыденной речи называют пашой, то есть людьми, которые с известным величием управляют окружающими, также примыкает сюда и без резких границ переходит постепенно в соответствующие шизотимические типы холодных властелинов и эгоистов.

Этим мы заключаем ряд циклотимических темпераментов, причем мы ограничились приведением из каждого типа одного или двух взятых непосредственно из жизни портретов ярких личностей. Мы полагаем, что сказанным мы оказываем большую услугу читателю, чем перечислением отдельных качеств, всех комбинаций и оттенков в наших типах; для ясности узора мы умышленно отказываемся от полноты и подчеркиваем только, что выделили отдельные типы потому, что уже раньше сопоставили все остальное в отношении их существенных качеств.

Теперь же мы можем дать характеристики людей повседневной жизни, которые по строению своего тела сходны главным образом с шизофрениками.

1. ТОНКОЧУВСТВУЮЩИЕ АРИСТОКРАТЫ

Крайне нежная нервная система. Отрицание всего шаблонного, эстетический вкус. Общительность распространяется на строго избранные круги. *Odi profanum vulgus*. Тщательная чистоплотность. Плохо выглаженное белье может оскорбить их; они останавливаются на эстетических деталях, склонны к франтовству и педантизму. Они заботятся о своей личности, знают и наблюдают тонкие психические переживания (самая нежная сентиментальность). Они крайне уязвимы и чувствительны в личных отношениях, по незначительному поводу могут оскорбиться до глубины души; достаточно одного слова, чтобы охладить их внутренние чувства к старому другу. У них вообще отсутствуют средние тона. Они или пребывают в мечтательном экстазе, или относятся с резкой холодностью и крайней антипатией; у них тонкое, изысканное чувство к искусству. У них нет прямоты, стройности и простоты в характере; их собственные чувства отличаются надломленностью, внутренней неуверенностью, заключают в себе нечто ироническое и характеризуются расплывчатостью и логической формальностью. В среде, в которой они хорошо себя чувствуют, такие люди весьма любезны,

тонки, внимательны, проникнуты нежными чувствами и окружают себя едва заметной атмосферой неприступности. В их образе мыслей лежит отпечаток благородства, аристократизма и благопристойности, но они игнорируют судьбу отдельных лиц.

Этот полноценный тип в дегенеративную сторону переходит без резких границ в круг бесчувственных и декадентов, людей бездушных, но с большими притязаниями, людей с изнеженными чувствами, но бедных эмоциями, пустых марионеток высшего круга общества, эстетов и холодных «умников».

2. ЧУЖДЫЕ МИРУ ИДЕАЛИСТЫ

Они погружаются в мир философских идей, они работают над созданием особенных излюбленных проектов, идеал их профессии связан с самопожертвованием. Они предпочитают абстрактное и одинокую природу. В скудном общении с людьми они застенчивы, неловки, неумелы; лишь с отдельными лицами, старыми знакомыми, они доверчивы и могут развивать свои идеи с теплотой и внутренним участием. Их внутренняя установка колеблется между эксцентричным самомнением и чувством недостаточности, возникающими вследствие неуверенности в реальной жизни. Презрение к роскоши и внешним удобствам жизни может достигнуть крайней воздержанности и даже опущенности. Некоторые в своих внешних проявлениях саркастичны, нервно-раздражительны или угрюмы, другие в детской отчужденности от мира, в полном отсутствии потребностей, в самоотверженности имеют нечто трогательное и даже величественное. Не все из этих идеалистов нелюдимы. Многие постоянно готовы открыто выступить со своими убеждениями, вербовать поклонников.

Наряду с описанными рассудочными людьми встречаются моральные идеалисты и ригористы, не признающие компромиссов с реальными условиями жизни, отстаивающие абстрактные, априорные постулаты добродетели, то с энтузиазмом в восторженном рвении, то с фарисейской удовлетворенностью, то руководствуясь непреклонными, неизменными жизненными принципами.

Мы уже упоминали, что здесь при хороших конституциональных сочетаниях могут возникнуть прекрасные типы с громадной нравственной энергией, широтой и чистотой образа мыслей.

3. ХОЛОДНЫЕ ВЛАСТНЫЕ НАТУРЫ И ЭГОИСТЫ

В этой группе встречается несколько ярких фигур из офицерской и чиновничьей среды. Совершенно нечувствительные к опасности, стойкие, холодные, рожденные давать приказания. Быстро и надолго уязвляемое самолюбие, бурное расстройство настроения при прикосновении к чувствительным пунктам. Они нелегко прощают. При сильно выраженном стремлении к справедливости и умеренности они легко становятся резкими и пристрастными. Такие натуры решительны, всякое колебание им чуждо. В инакомыслящих, особенно в политических противниках, они видят подлецов. Они вежливы и внимательны по отношению к равным себе, очень далеки от другого круга занятий, но им импонирует энергичная деятельность других. Они умеют командовать и строго руководить бюрократическим учреждением. Их понятия о законности и службе очень узки и ограничены, и в этом отношении они отличаются человеконенавистнической холодностью. В иной среде мы встречаем тех же людей как упрямых, скупых, своенравных, властолюбивых дворовых и тиранов в семье.

Вариант этого типа, встречающийся особенно часто среди чиновников, отличается не резкостью и упрямством, а хладнокровием, ироническими чертами, гибкостью, без всякой скрупулезности и колебаний. На первый план у них выступает рассудительность, крючкотворство, честолюбие и некоторое интриганство.

4. СУХИЕ И ПАРАЛИЧНЫЕ

Отсутствие остроумия и огня. Они едва улыбаются и держатся очень скромно, отличаются неуклюжестью в жестах. Некоторые вздорно болтают. Слегка дружелюбны, слегка враждебны. Сухи. Рожденные подчиняться. Или молчаливые глупцы. Или поросшие мхом отшельники с ипохондрическими причудами.

Мы видим, что типы, которые получаются на основании изучения строения тела здоровых средних людей, не обнаруживают у своих типичных представителей никаких принципиальных отличий по сравнению с характеристиками, данными в последних главах при помощи материала душевнобольных. Строение тела и эндогенные психозы ведут нас при исследовании

общей человеческой характерологии приблизительно к тем же целям. Они корректируют и дополняют друг друга. При комбинации обоих методов возможно, вероятно, поставить на прочный фундамент общее психологическое учение о темпераментах.

Теория темпераментов

Три понятия конституция, характер и темперамент получили в течение нашего исследования следующий смысл. Под конституцией мы понимаем сумму всех индивидуальных свойств, которые покоятся на наследственности, т.е. заложены генотипически. Только часть конституциональных факторов мы положили в основу наших исследований: взаимоотношение между строением тела, предрасположением личности, а также психической и соматической заболеваемостью. Понятие о конституции является психофизическим, общебиологическим и относится как к телесному, так и к психическому. Понятие «характер», напротив, — чисто психологическое.

Под характером мы понимаем сумму всех возможных реакций человека в смысле проявления воли и аффекта, которые образовались в течение его жизни из наследственного предрасположения и все экзогенных факторов: соматических влияний, психического воспитания, среды и переживаний.

Понятие «характер» выделяет из аффективной сферы целостную психическую личность, включая, разумеется, интеллект. Он имеет много общего с понятием «конституция»: унаследованную часть психических качеств оно абстрагирует от телесных коррелятов, которые заключаются в понятии конституции, но одновременно в него как составная часть входят экзогенные факторы, особенно результаты воспитания и среды, чуждые понятию конституции. Тяжелые болезненные душевные состояния не относятся к характеру.

Кроме этого точно отграниченного значения можно пользоваться выражением «характер» для построения личности, не придавая существенного значения различию между конституциональными и экзогенно развивающимися факторами.

Понятие «темперамент» является для нас не строго установленным, а лишь эвристическим термином, который должен стать отправным пунктом для главной дифференцировки биологической психологии.

Мы представляем себе пока два основных, переплетающихся между собой круга действий.

1. Психические аппараты, которые называют также психической рефлекторной дугой, следовательно, факторы, которые, вероятно по филогенетически наслоенному пути, способствуют переработке в смысле образов и представлений психических раздражений от чувственного раздражения до моторного импульса. Их телесный коррелят — мозговые центры и пути — находится в неразрывной связи с органами чувств и двигательными инстанциями, — словом, аппарат чувств, мозга и движений.

2. Темпераменты. Они, как мы это твердо эмпирически знаем, обусловлены гуморально химизмом крови. Их телесный представитель — аппарат мозга и желез. Темпераменты составляют ту часть психического, которая, вероятно по гуморальному пути, стоит в корреляции со строением тела. Темпераменты, давая чувственные тона, и задерживая и стимулируя, проникают в механизм «психических аппаратов». Темпераменты, насколько возможно эмпирически установить, очевидно, имеют влияние на следующие психические качества: 1) психэстезию — чрезмерную чувствительность или нечувствительность к психическим раздражениям; 2) окраску настроения — оттенок удовольствия и неудовольствия в психических содержаниях, прежде всего на шкалу веселого или печального; 3) психический темп — ускорение или задержка психических процессов вообще и их специального ритма (цепко держащийся, неожиданно соскакивающий, задержка, образование комплексов); 4) психомоторную сферу — общий двигательный темп (подвижный или флегматичный), а также на специальный характер движений (параличный, быстрый, стройный, мягкий, закругленный).

Следует эмпирически установить, что силы, которые влияют на все эти факторы, очевидно, имеют значение для образования типов представления, для того, что мы называем интеллектом и психическим предрасположением. Мы уже обращали внимание на это в

отдельных главах, особенно по поводу ученых и художников. Мы еще не в состоянии установить, в какой степени действуют при абстрактном и наглядном мышлении, оптических и акустических представлениях влияние темперамента и структурные особенности специальных мозговых аппаратов. Тем более при наличии возможности, что гуморальные действия гормонов оказывают влияния на атомическое строение мозга и на строение тела вообще, вследствие чего весь вопрос приобретает необычайную сложность. Поэтому будет правильно группировать понятие темперамента вокруг психических инстанций, которые легко реагируют на острые химические действия как экзогенного (алкоголь и морфий), так и эндогенного характера, следовательно, вокруг аффективности и общего психического темпа.

В частности, по поводу биологической основы наших представлений о темпераментах надо сказать следующее: мозг остается заключительным органом для всех действий, относящихся к темпераменту, даже тех, которые исходят от химизма крови. Экспериментальные наблюдения над травмами мозга показывают, что непосредственные воздействия на мозг могут вызвать резкие изменения темперамента. Этот очевидный факт следует особенно подчеркнуть, чтобы не впасть вновь из анатомической односторонности в гуморальную, тем более что при современных течениях таковая опасность существует. В настоящее время мы не можем решить вопрос, насколько мозг наряду со свойствами заключительного органа обладает еще первичными, активными функциями при возникновении таких психических качеств, как окраска настроения и общий психический темп.

Напрашивается мысль, что нормальные типы темпераментов циклотимиков и шизотимиков в эмпирической корреляции со строением тела могут возникать аналогичным, параллельным гуморальным действием. Мы вместо одностороннего параллелизма — мозг и душа — выставим сознательно и уже окончательно другой — тело и душа, метод мышления, который все больше и больше укореняется в клинике.

Во всяком случае мы легко можем себе представить, что темперамент человека, безотносительно к состоянию его мозга, зависит от двух химических гормональных групп, из которых одна связана с диететической, другая — с психэстетической шкалой аффектов, или, лучше сказать, одна сочетается с циклотимическим типом, другая — с шизотимическим. У среднего человека, можно полагать, обе гормональные группы смешаны и соотношения между ними изменчивы, в то время как типичные циклотимики и Шизотимики с односторонним усилением одной гормональной группы могут возникать благодаря или отдельным наследственным вариантам, или последовательному культивированию их среди определенных семей.

Темпераменты, таким образом, разделяются на две большие конституциональные группы — шизотимиков и циклотиков. Внутри обеих главных групп происходит дальнейшее разделение в зависимости от того, направлен ли циклотимический темперамент больше к полюсу веселого или печального, а шизотимический — к полюсу раздражительного или холодного. Множество индивидуальных оттенков темперамента объясняется уже диететической и психэстетической пропорцией, т.е. тем отношением, при котором, в пределах того же типа темперамента, полярные противоположности перемещаются, наслаиваются друг на друга и сменяют друг друга. Кроме пропорций индивидуального темперамента нас интересуют его конституциональные сочетания, т.е. те оттенки, которые приобретает господствующий тип темперамента в ходе наследственности благодаря элементам другого рода.

Это богатство оттенков еще увеличивается различиями психического темпа. Здесь перед нами эмпирический факт: веселые циклотимики в то же время и подвижны, а представителей темперамента с депрессивной окраской отличает спокойная медлительность. Нам уже давно из клинического опыта известна тесная зависимость между веселым возбуждением, вихрем идей и психомоторной легкостью в маниакальной картине и депрессией, задержкой мышления и воли в меланхолическом симптомокомплексе. У здоровых циклотимических темпераментов известное настроение связано с определенным психическим темпом, причем веселость и подвижность сочетаются с гипоманиакальным типом темперамента, тенденция к депрессиям и медлительность — с мрачным типом темперамента.

Напротив, у шизотимиков нельзя установить такие же стойкие взаимоотношения между

психэстезией и специальным психическим ритмом: у нежных гиперэстетиков мы находим удивительную тягучесть в чувствах и желаниях и порывистость у совершенно равнодушных. Следовательно, нам приходится встречать все 4 комбинации: как чувствительную, так и холодную тягучесть, порывистую сентиментальность и капризное равнодушие.

Мы уже подробно говорили об отдельных дифференцировках шизотимических темпераментов. Гиперэстетические качества обнаруживаются главным образом как нежная сентиментальность, как тонкое чувство в отношении к природе и искусству, как такт и вкус в личном стиле, как мечтательная нежность по отношению к определенным лицам, как чрезмерная чувствительность и уязвимость повседневными трениями жизни, наконец, у более грубых типов, особенно у постпсихотиков и их эквивалентов, как комплексная гневливость. Анэстетические качества шизотимиков проявляются как резкая, активная холодность или пассивная тупость, как сужение интересов ограниченными аутистическими зонами или как непоколебимое равнодушие. Их порывистость сказывается то в невоздержанности, то в капризах: их настойчивость характерологически выражается в различных вариантах: стальной энергии, своенравии, педантизме, фанатизме, систематической последовательности в мышлении и поступках.

Вариации диатетических темпераментов гораздо меньше, если оставить в стороне более сильные конституциональные сочетания (кверулянтов, спорщиков, боязливых и сухих ипохондриков). Гипоманиакальный тип наряду с веселым обнаруживает и гневливое настроение. Он варьирует между быстро воспламеняющимся, горячим темпераментом, живой практичностью, суетливостью и солнечной веселостью.

Психомоторная сфера циклотимиков характеризуется то быстротой, то медлительностью, но (не касаясь тяжелых, болезненных задержек) всегда закругленностью, естественностью и адекватной импульсу формой мимики и телесных движений. Между тем у шизотимиков мы часто встречаем психомоторные особенности, прежде всего в смысле отсутствующей адекватной непосредственности между психическим раздражением и моторной реакцией, в форме аристократической сдержанности, парализованного аффекта или, наконец, временной задержки — деревянности или робости.

В комплексной установке жизни и в реакции на среду циклотимики дают главным образом людей с тенденцией раствориться в окружающей их действительности, людей открытых, общительных, добросердечных и непосредственных, независимо от того, предприимчивы они или содержательны, спокойны или полнокровны. Отсюда возникают повседневные типы энергичных практиков или веселых прожигателей жизни. Среди высокоодаренных в отношении художественного стиля мы встречаем типы спокойно описывающих реалистов и душевно сердечных юмористов; в отношении научного способа мышления — типы наглядно описывающих и оцупывающих эмпириков, а также умелых популяризаторов; в практической жизни — типы доброжелательного опытного посредника, живого организатора крупного масштаба и смелого борца. Установка жизни шизотимических темпераментов, напротив, склонна к аутизму, замкнутости, созданию ограниченной индивидуальной зоны, внутреннего, чуждого действительности мира принципов и грез «я» в противоположность внешнему миру, к равнодушному или сентиментальному уединению от людей или холодному пребыванию среди них без всякого контакта с ними. Среди таких людей мы находим множество дефективных типов: угрюмых чудаков, эгоистов, бездельников и преступников.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДАРОВАНИЯ

Поэты:

Циклотимики — Реалисты, юмористы

Шизотимики — Патетики, романтики, художники формы

Исследователи:

Циклотимики — Наглядно описывающие эмпирики

Шизотимики — Люди точной логики, системы, метафизики

Вожди:

Циклотимики — Смелые борцы, ловкие организаторы, умелые посредники

Шизотимики — Чистые идеалисты, деспоты и фанатики, люди холодного расчета

Среди социально полноценных типов мы находим тонко чувствующих мечтателей, далеких от мира идеалистов, нежных и холодных в одной то же время, аристократов формы. В искусстве и поэзии мы воспринимаем их как художников формы и чистого стиля, как уходящих от мира романтиков и сентиментальных идеалистов, как трагических патетиков вплоть до яркого экспрессионизма и тенденциозного натурализма, наконец, как людей остроумных, ироничных и саркастических. В их научном способе мышления мы обнаруживаем склонность к схоластическому формализму и философской рефлексии, мистически-метафизическому и точной системе. Наконец, из типов, которые проникают в практическую жизнь, шизотимики дают энергичных, непреклонных, принципиальных и последовательных, властных натур, моралистов, чистых идеалистов, фанатиков, деспотов и дипломатически гибких людей холодного расчета.

Мы объединяем эти, подробно описанные в главе 13 специальные дарования в одной таблице (см. выше) так, как они, по нашему мнению, биологически связаны между собой; подчеркиваем, однако, что таблица объединяет лишь полноценные социальные варианты и из них лишь самые важные, следовательно, таблица охватывает, в общем, только часть всех темпераментов.

Типологическая модель У.Шелдона. США

Психология конституциональных различий у У.Шелдона

Основные работы американского психолога У.Г. Шелдона относятся к началу 40-х годов. Они продолжают исследования связи между строением тела и характером, начатые Э.К.Кречмером, и вносят дополнения и изменения в его систему.⁶³

Исходным для Шелдона является понятие не типа (как совокупности физических и психологических черт), а компонента. Для того чтобы выбрать компоненты телосложения, Шелдон применил так называемый антропоскопический метод: он визуально обследовал фотографии 4000 обнаженных студентов колледжа, снятых спереди, сбоку и сзади. В результате очень кропотливого анализа фотографий Шелдону удалось выбрать самые крайние варианты телосложения, максимально не похожие друг на друга. Таких вариантов оказалось всего три.

Первый характеризовался общей сферической формой, мягкостью, наличием очень большого живота, большого количества жира на плечах и бедрах, круглой головой, крупными внутренними органами, вялыми руками и ногами, неразвитыми костями и мышцами.

Для второго были характерны широкие плечи и грудная клетка, мускулистые руки и ноги, минимальное количество подкожного жира, массивная голова.

Третий тип олицетворял худой человек, с вытянутым лицом, высоким лбом, тонкими длинными руками и ногами, узкой грудной клеткой и животом, неразвитой мускулатурой, отсутствием подкожного жирового слоя, с хорошо развитой нервной системы.

На основании этих типов Шелдон выделил три первичных компонента телосложения, которые получили обозначения соответственно: эндоморфный, мезоморфный, эктоморфный. Эти термины произошли от названий зародышевых листков. Согласно имеющейся в то время в биологии точке зрения из антодермы (внутреннего зародышевого листка) развиваются внутренние органы, из эндодермы (среднего зародышевого листка) развиваются кости, мышцы, сердце, кровеносные сосуды, эктодермы (внешний зародышевый листок) — волосы, ногти, рецепторный аппарат, нервная система и мозг.

Вторым нововведением Шелдона была идея количественной оценки каждого компонента

⁶³ Психология индивидуальных различий. Тексты. М. 1982.

в каждом конкретном индивиду. Для этой цели он использовал процедуру субъективного шкалирования — оценки по семибалльной шкале (с предлагаемыми равными интервалами между цифрами), так что 1 представляла абсолютный минимум выраженности данного компонента, а 7 — абсолютный максимум. Таким образом, телосложение каждого конкретного индивида оказалось представленным оценкой, состоящей из трех цифр. Такая система оценки телосложения получила название соматотипирования, а набор из трех цифр, характеризующих степень выраженности компонентов телосложения данного человека — соматотипа человека.

Например, индивид, у которого соматотип 4-6-1, имеет приблизительно среднюю степень эндоморфии, высокую выраженность мезоморфии и полное отсутствие эктоморфии. Соответственно крайний эндоморф описывается формулой 7-1-1; крайний мезоморф — 1-7-1 и крайний эктоморф — 1-1-7.

После того как Шелдон получил и описал три основных соматотипа, он предпринял детальное исследование характера (или, в его терминологии, темперамента). Здесь он также использовал понятие компонента.

Чтобы получить компоненты темперамента, Шелдон проштудировал литературу по психологии личности и выписал из нее 650 названий черт, характеризующих личность, или характер. Затем он дополнительно проанализировал этот список черт, комбинируя пересекающиеся свойства в одно, отбрасывая незначительные признаки и т.д., оставив в окончательном списке 50 черт.

Имея в виду данный список черт, Шелдон в течение целого года обследовал 33 человека, применяя различные методики, беседы, анкеты, опросники, анализ профессиональной деятельности и наблюдение за поведением, взаимоотношениями с окружающими. Проранжировав каждую из 50 черт по семибалльной шкале, он оценил в каждом из обследованных испытуемых степень ее выраженности.

Затем Шелдон скоррелировал между собой оценки всех черт характера по всем испытуемым и в результате анализа полученных коэффициентов выделил три группы черт. Черты внутри каждой группы имели положительный коэффициент корреляции от 0,6 и выше, а черты, относящиеся к разным группам, — отрицательную корреляцию с коэффициентом более 0,30 (по абсолютной величине).

Хотя Шелдон, по его мнению, пытался найти четвертую такую группу, это ему не удалось. Общее число черт в выделенных группах оказалось 22 (табл.1).

Шелдон предположил, что обнаруженные группы черт соответствуют «первичным компонентам темперамента», которым позднее он дал наименование: висцеротония, соматотония, церебротония⁶⁴

Далее Шелдоном была проделана большая работа по расширению списка черт каждой группы. Для этого он в течение четырех лет искал и проверял на корреляционные свойства (т.е. высокую положительную корреляцию с чертами данной группы и значительную отрицательную корреляцию с чертами других групп) новые черты, которые он получил главным образом из анализа и описания индивидов с сильно выраженными чертами какой-либо из групп первоначального списка.

В результате список черт каждой группы был доведен до 20 (табл.2).

Таким образом, каждый компонент темперамента определился уже по 20 чертам. Для этого каждая черта оценивалась по семибалльной системе и среднее арифметическое оценок всех 20 черт представляло степень выраженности данного компонента.

Оцененный таким образом по всем компонентам (т.е. по 60 чертам) индивид получал свой индекс темперамента.

Так, индекс крайнего висцеротоника был 7-1-1, индекс крайнего соматотоника — 1-7-1 и крайнего церебротоника — 1-1-7.

Наконец, Шелдон предпринял исследование связи между соматотипом и темпераментом.

⁶⁴ По Шелдону: висцеротония — функциональное преобладание органов пищеварения; соматотония — функциональное и анатомическое преобладание двигательного аппарата; церебротония — преобладание деятельности высших нервных центров.

Для этой цели он в течение пяти лет исследовал 200 взрослых мужчин, определяя для каждого индивида соматотип и индекс темперамента. Прокоррелировав эти данные между собой, он обнаружил высокие коэффициенты корреляции (в среднем равные +0,8) между висцеротонией и эндоморфией, соматотонией и мезоморфией, церебротонией и эктоморфией (табл.3).

Чтобы проиллюстрировать использование Шелдоном шкалы темперамента (см. табл.2) для получения психологических портретов, приводим его подробное описание крайнего висцеротоника и описания крайних соматотоника и церебротоника (с сокращениями).

Таблица 1
ТРИ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ГРУППЫ ЧЕРТ

I группа:

- расслабленность;
- удовольствие от пищеварения;
- жажда похвалы и одобрения;
- глубокий сон;
- потребность в людях в тяжелую минуту.

II группа:

- уверенность поз;
- энергичность;
- потребность в движениях;
- решительные манеры;
- громкий голос;
- тяга к действиям в тяжелую минуту.

III группа

- скромность поз;
- повышенная скорость реакций;
- социофобия;
- затруднения в установлении социальных контактов;
- Трудность приобретения новых привычек;
- тихий голос;
- недостаточный сон; хроническая усталость;
- юношеская живость манер и внешнего облика;
- тяга к одиночеству в тяжелую минуту.

Таблица 2
ШКАЛА ТЕМПЕРАМЕНТА, ПО ШЕЛДОНУ

I. Висцеротоник

1. Расслабленность в осанке и движениях.
2. Любовь к комфорту.
3. Замедленная реакция.
4. Любовь к пище.
5. Социализация пищевой потребности.
6. Удовольствие от пищеварения.
7. Любовь к вежливому обхождению.
8. Социология.
9. Приветливость со всеми.
10. Жажда похвалы и одобрения.
11. Ориентация на других людей.
12. Стабильность эмоциональных проявлений.
13. Терпимость.

II. Соматотония

1. Уверенность в осанке и движениях.
2. Любовь к физическим нагрузкам и приключениям.
3. Энергичность.

4. Потребность в движениях и удовольствие от них.
5. Стремление к господству, жажда власти.
6. Склонность к риску.
7. Решительные манеры.
8. Храбрость в бою.
9. Агрессивность в соревновании.
10. Психологическая нечувствительность, амонациональная черствость.
11. Клаустрофобия.
12. Отсутствие жалости и такта.
13. Громкий голос.

III. Церебротония

1. Сдержанность манер и движений, скованность в осанке.
2. Черезмерная физическая реактивность.
3. Повышенная скорость реакции.
4. Склонность к интимности.
5. Черезмерное умственное напряжение, повышенный уровень внимания, тревожность.
6. Скрытность чувств, эмоциональная сдержанность.
7. Беспокойные движения глаз и лица.
8. Социофобия.
9. Затруднения в установлении социальных контактов.
10. Трудность приобретения новых привычек, слабый автоматизм.
11. Агорафобия.
12. Неумение предвидеть отношение к себе других людей.
13. Тихий голос, боязнь вызвать шум.

Таблица 3
КОРРЕЛЯЦИЯ МЕЖДУ ТЕЛОСЛОЖЕНИЕМ И ТЕМПЕРАМЕНТОМ

Тип телосложения	Тип темперамента		
	Висцеротония	Соматотония	Церебротония
Эндоморфный	+0,79	-0,29	-0,32
Мезоморфный	-0,23	+0,82	-0,58
Эктоморфный	-0,40	-0,53	+0,83

Анализ конституциональных различий по биографическим данным

ОБРИ: КРАЙНЯЯ ВИСЦЕРОТОНИЯ

Обри — 22-летний круглолицый, полный, породистый мужчина, среднего роста. Хотя его семья принадлежала к кругу богатых промышленников, Обри на них совсем не походил. Он всегда был ленивым, инертным и безответственным, но при этом необычайно располагал к себе. У него не было сложностей с людьми, он легок на подъем, очень миролюбив, человек, который не может не нравиться и которому все сходило с рук. Его никогда ни в чем серьезном не обвиняли. IQ, измерявшийся у него в школе трижды, всегда не превышал 100-115. Он отличался завидным здоровьем. Раннее детство его в целом было нормальным, хотя за ним не замечали особенных успехов в учебе. Как правило, отметки его были средними, но он никогда не был последним учеником в классе. Два года тому назад он поступил в университет, но и здесь успехи в учебе у него были средними. После двух лет ему пришлось оставить университет и пойти работать в скобяную лавку отца, но отец понял, что неряшливость и бессмысленное «транжирство» сына принесут ему больше долгов, чем выгоды.

Обри был исключительно щедрым, раздавая не только свое личное имущество, но и

имущество отца. Он не чувствовал никакой ответственности, много пил и ел и, казалось, совсем не думал о своем будущем. Отца его больше всего раздражала привычка сына собирать вокруг себя бездельников, которые постоянно его окружали. Когда он находился в лавке, ленивейший и бесполезнейший сброд городка собирался здесь, как мухи вокруг куска сахара.

Теперь рассмотрим каждую из 60 окончательных оценок, полученных по шкале темперамента. При практическом использовании данного метода в течение периода наблюдения и анализа оценки выделяемых параметров даются много раз, но в данном примере мы рассмотрим окончательные оценки. Кроме того, будут даны дополнительные пояснения в отношении каждой оценки.

Общее описание

Компоненты темперамента

Висцеротония

1. Расслабленность (7).⁶⁵ Уже одно созерцание Обридействует расслабляюще. Тело вялое, с хорошо заметным животом. Дыхание поверхностное, грудная клетка практически неподвижна, и поэтому живот кажется еще более выпуклым. Мимические мышцы лица почти полностью расслаблены. Руки обычно висят, как тюленьи лапы, а ноги всегда расставлены. Когда он сидит, то явно этим наслаждается, напоминая большой мешок с бобами, лежащий на стуле.

2. Любовь к физическому комфорту (7).

Он изобретателен только в одном — он гений по части собственного комфорта. Любит сидеть на солнышке, любит низкую, мягкую мебель.

3. Замедленные реакции (6).

Реакции почти всегда одинаково замедленны и неторопливы. Никогда нет резких движений. Лицо кроткое и никогда не меняет своего выражения. Сексуальное вождение замедленное и слабое. Он обнаруживает некоторый намек на оживленность только при поиске удобного положения в своей любимой мебели.

4. Любовь к пище (7).

Пища для него — основная цель в жизни, ее главное удовольствие. Основные разговоры сосредоточены на ней, а наибольший энтузиазм связан с пищей. Сам по себе процесс еды — самое приятное событие. Он не набрасывается на пищу как собака, а относится к ней благоговейно как верный любовник к своей возлюбленной.

5. Социализация пищевой потребности (7).

Еда для него является самым главным событием дня. Он редко опаздывает к обеду и ужину, но может легко пропустить завтрак. Он любит застольную компанию и может заговорить мать и гостей, если его вовремя не остановить. Основой дружбы для Обри служат взаимные приглашения к обеду. Гостеприимство для него — святыня.

6. Удовольствие от пищеварения (7).

Его пищеварительная система работает, как доменная печь, он может поглощать пищу непрерывно. Нет ничего такого, что он не мог бы переварить. Наибольшим счастьем является покой и отдых после хорошей еды в ожидании нового приема очередной порции. Удаление ее из организма — одно из самых приятных занятий.

7. Любовь к вежливому обращению (7).

Для него большое значение имеют проявления любезности. Основным предметом его раздумий является то, как его оценивают и как к нему относятся.

8. Социофобия (7).

Эта черта выражена в крайней степени. Он не может переносить одиночества. Ему постоянно надо быть среди людей. Поскольку Обри не надо заботиться о пропитании, все его сознательные усилия направлены на поиск людей и удержанию их вокруг себя. Он в высшей степени общителен. Общение составляет основу его Я, но контакт с людьми у него поверхностный.

9. Приветливость со всеми (6).

⁶⁵ Здесь и далее цифра в скобках означает среднюю оценку данной черты по отдельным оценкам (в количестве не менее двадцати), полученным в результате многочисленных бесед и наблюдений.

Он проявляет товарищеские чувства ко всем без разбору. Это единственное его дело, в котором он преуспел. Хорошее отношение к пестрому кругу своих знакомых постоянное и ровное. Его искренность никогда не ставилась под сомнение.

10. Жажда похвалы и одобрения (7).

Его зависимость от одобрения унижительная и вызывает жалость, ему невыносимы даже малейшие проявления недоброжелательства со стороны своих приятелей. Он постоянно раздаёт товары из отцовской лавки, лишь бы не огорчать друзей. Его основное занятие — быть «хорошим малым».

11. Ориентация на других людей (6).

Он прекрасно ориентирован к определенной группе людей. Люди являются его основной заботой. Он неутомимый болтун. Это живой барометр колебаний социального состояния и престижа в пределах своего узкого круга.

12. Стабильность эмоциональных проявлений (6).

За ним не наблюдается резких смен мнений или явных перемен в чувствах. Он всегда такой, какой он есть. Социофилия является его устоявшимся свойством. Его вкусы не претерпевают никаких изменений.

13. Терпимость (6).

У него нет социальных предубеждений, определенных политических мнений, он ровен в отношениях с людьми всех классов. Он олицетворяет абсолютное удовлетворение и принятие жизни такой, какая она есть. Он может быть резким только на словах.

14. Безмятежная удовлетворенность (7).

Эта черта предельно выражена в нем и больше всего раздражает его родителей. Он безмятежен, как полная луна, доволен и собой и семейными обстоятельствами. Для него нет ничего неотложного, и его честолюбивые планы не простираются дальше текущего дня.

15. Глубокий сон (7).

Сон в высшей степени глубок. Он засыпает через несколько минут после того, как прикасается к подушке, максимально расслабляется и беспробудно спит как дитя. Его можно перенести (что однажды и сделано в присутствии автора) с кресла в кровать, не нарушив его сна. Храп раздается тут же, как только он заснет. Храп его громок, ни на минуту не прерывается.

16. Бесхарактерность (7).

В нет страсти и душевной силы. Он производит впечатление абсолютного отсутствия душевной и эмоциональной работы. Кажется, что все его цели не идут дальше простого существования и комфорта. Обри легко подчиняется волевым людям. При рукопожатии его рука холодна и вяла, как кусок жирной свинины.

17. Легкость в общении и выражении чувств: висцеротоническая экстраверсия (7).

В проявлении своих чувств он легок и естествен и никогда у него нельзя заподозрить задней мысли. Он никого не шокирует, и никто не может понять его неправильно. Он является экстравертом в аффективном (а не в волевом) смысле.

18. Общительность и мягкость в состоянии опьянения (7).

Алкоголь только подчеркивает преобладание в нем висцеротонии. При опьянении он еще больше расслабляется и стремится к общению, не кричит и не проявляет агрессии, не обнаруживает никаких проявлений соматотонии. Он любит выпить, но очень умеренно.

19. Потребность в людях в тяжелую минуту (7).

В беде он стремится к людям. Не переносит конфликтов, а если они случаются — сразу же ищет кого-нибудь, чтобы излить свою душу, и делает это не колеблясь. В отличие от соматотоника, он никогда не стремится действовать в таких ситуациях.

20. Ориентация к детству и семейным отношениям (7).

Ему присуща эмоциональная связь с семьей и большая привязанность к матери? Лучше всего ему удаются отношения с маленькими детьми. Дети любят его и не бывают с ним скованными. Он уверен, что раннее детство — самое лучшее время жизни.

Соматотония

1. Уверенность в осанке и движениях (1).

Он выглядит тяжело и неуклюже, первым делом он напоминает студень. Это справедливо

как в отношении тела, так и в отношении лица. В его облике и в движениях нет никакой агрессии. Любовь к физическим нагрузкам и приключениям (1). Полностью отсутствует. Он не любит даже водить автомобиль. Он никогда не проявил ни малейшего интереса к спорту. Хотя и держится на воде так же хорошо, как поплавок, и любит купаться, как ребенок, редко занимается плаванием.

3. Энергичность (1).

Он необычайно ленив. Взрывы энергии ему абсолютно не свойственны. Если его насильно не разбудить утром, то никогда не встанет. Пульс слабый и медленный. Кровяное давление низкое — 100/70.

4. Потребность в движениях (1).

Никогда не испытывает никакой потребности в движениях. По словам его отца, она появляется только тогда, когда ему хочется есть.

5. Стремление к власти (1).

Ему не нужно командовать никем, даже кошкой, Обри не жаждет власти. Он стремится быть таким, как все, и не вызывать неодобрения.

6. Любовь к риску (1).

Он и гроша не поставит на кон. Не ввязывается в драки. Не любит ездить в автомобиле на большой скорости и часто отказывается летать на самолете.

7. Решительные манеры (1).

«Храбрый заяц». Он слаб и беззащитен перед лицом любой опасности. Он никогда прямо не идет к своей цели, а все время рассчитывает на чью-то помощь.

8. Храбрость в бою (1).

Трус от рождения. За всю свою жизнь у него не было никаких стычек, за исключением одной или двух потасовок с девочками или маленькими мальчишками.

9. Агрессивность в соревновании (1).

В этой личности нет и намека на агрессивность. В нем не видно никаких признаков негодования. Он послушен, безмятежен, безвреден. И никогда не делает зла людям.

10. Психологическая нечувствительность, эмоциональная черствость (1).

Его зависимость от людей вызывает жалость, он почителен и в высшей степени безобиден.

11. Клаустрофобия (2).

Каких-либо признаков страха у Обри не наблюдается. У него есть едва заметное предпочтение просторной комнаты, но больше всего ему нравятся угловые и небольшие комнаты.

12. Отсутствие жалости и такта (2).

Он щепетилен в отношении всех связей с людьми. Он никогда никому не наступит на ногу и не рискнет затеять вражду с кем-либо. Но он абсолютно нечувствителен к животным и растениям. Без всякого сострадания наступает на насекомых.

13. Громкий голос (2).

Обычно в его слабом и высоком голосе никогда не присутствуют признаки агрессии. Только очень редко в голосе у него появляются повышенные нотки.

14. Спартанское безразличие к боли (1).

Эта черта характера у него полностью отсутствует. А если и есть что-либо, так это сверхчувствительность к боли. В детстве всегда был плакса.

15. Общая шумливость (2).

Обычно очень спокоен. Смех у него — просто хихиканье. Но если его кто-то одобряет, а в особенности, если слегка выпьет, то будет также шуметь и проявлять свои чувства, как и вся группа собеседников.

16. Внешний вид соответствует более пожилому возрасту (1).

У него нет никакого намека на эту соматотоническую характеристику. На его лице нет никаких признаков зрелости. Мягкое, расслабленное, детское лицо, в котором полностью отсутствуют, всякие живые черты, и юношеская любознательность церебротоника.

17. Соматотоническая экстраверсия. Экстраверсия в поступках, но скрытность в чувствах и эмоциях (1).

В истории его нет никаких намеков экстраверсии действия и никаких следов этой тенденции в текущем поведении. Обри не способен к волевым действиям, никоим образом это не динамическая личность. В детстве у него никогда не было никаких вспышек раздражимости. Здесь нет и малейшего признака на какое-либо раздвоение между его внешними и скрытыми отношениями. Везде и всегда он одинаков. Никакая сногшибательная новость не изменит его обычного спокойного поведения.

18. Агрессивность и настойчивость в состоянии опьянения (1).

Влияние алкоголя сказывается только в слабой акцентуации висцеротонических черт.

19. Тяга к действию в тяжелую минуту (1).

Когда Обри сталкивается с затруднениями или с ним случается беда, единственной потребностью для него является призыв о помощи.

20. Ориентация на юношеские цели и занятия (1).

У него нет особой любви к периоду юношества и никакого интереса к основным стремлениям юности. Какой-либо вид соревнования его совсем не интересует, даже если кто-то что-то сделает за него, у него отсутствует всякое желание быть сильным. Раннее детство — самый лучший период жизни, а старость — самый худший. Юность для него просто неопределенный период.

Церебротония

1. Сдержанность манер и движений. Скванность в осанке (1).

Нет и следа натянутости или чопорности. Он расхлябан во всех отношениях. Походка как у слона.

2. Чрезмерная физиологическая реактивность (1). Полное отсутствие этих симптомов. Ни при каких

обстоятельствах нет нарушений работы пищеварительного тракта. Нарушения работы сфинктера не известны ему, так же как и запоры. Ничто не нарушает его регулярного дыхания. Простуды переносит очень легко. Нет никаких реакций на укусы комаров. Считает, что эти насекомые вовсе не жалят его. Никогда не вздрагивает и не раздражается.

3. Повышенная скорость реакций (1).

Все реакции замедленны. Его никогда ничем не смутить или взволновать. Речь, сокращения зрачка, все рефлексы замедленны. Движения глаз также заметным образом замедленны. Он не бледнеет, не краснеет. Сексуальные реакции замедленны и очень слабы.

4. Склонность к интимности (1).

Обри редко, а может быть вообще никогда не переживал потребности в интимности. Для него одиночество — пытка. Больше всего на свете он боится одиночества.

5. Чрезмерное умственное напряжение, повышенный уровень внимания, тревожность (1).

Реакция внимания у него замедленная и тяжеловесная и резко отличается от сверхбыстрого внимания церебротоника. Он настолько медленно переключает внимание с одного фокуса на другой, что со стороны это легко заметить. Это напоминает переключение скоростей у допотопного автомобиля. Толпа, ничуть не смущая и не подавляя его, стимулирует и привлекает его.

6. Скрытность чувств. Эмоциональная сдержанность (1).

Никакого намека на какую-либо скрытность или подавление выражения своего чувства. Как будто нет никакого промежуточного клапана, а есть только открытый канал коммуникации между чувствами Обри и внешним выражением.

7. Беспокойные движения глаз и лица (1).

Лицо в высшей степени расслаблено. Оно напоминает круглую луну, а мышцы, если и реагируют, то в очень слабой степени.

8. Социофобия (1).

Данная черта отсутствует полностью. Ему уютно только в обществе людей. Не держит никаких секретов, у него нет ни тени недоверия к людям. Он в высшей степени прилипчив к людям.

9. Затруднения в установлении социальных контактов (1)

Он невозмутим и лишен застенчивости.

10. Трудность приобретения новых привычек. Слабый автоматизм (2).

Нет особых трудностей в приобретении новых привычек. Чтобы сломать навык, не делает никаких сознательных усилий. У него вообще очень мало навыков: инициативы начать выработку нового навыка кончаются неудачей. Отсюда мало шаблонов в жизни, хотя все, что способствует хорошему настроению, доводится до конца.

11. Агорафобия (1).

Нет никаких признаков какого-либо вида фобии. Ему безразлично, обращают ли на него внимание, или он сам себя выставляет напоказ.

12. Неумение предвидеть отношение к себе других людей (1).

Нет никаких видимых изменений отношения к людям. Направленность чувства, по-видимому, никогда не меняется. Его желания непосредственны и биологичны, они не меняются. Легко предсказать поведение Обри.

Тихий голос, боязнь вызвать шум (1).

Голос не выражает никакой агрессии и отсюда очень редко бывает громким, но в нем нет и следа активной скованности церебротонии. Обри не прилагает никакого усилия, чтобы контролировать или следить за своим голосом. Смеху его не хватает энергичного взрыва соматотоника, это просто несдержанное хихиканье. Он громко не говорит, так как инертен, но специально и не сдерживает свой голос.

14. Чрезмерная чувствительность к боли (2).

Он часто жалуется на небольшой дискомфорт, но редко вздрагивает или морщится. Жалобы у него только на словах. Нет никаких настоящих физиологических признаков чрезмерной чувствительности к боли — ни побледнения, ни напряжения, ни обморока. Никаких особенных реакций на слабые ожоги и укусы насекомых. Когда его проверяли в лабораторных условиях, в ответ на электрическую стимуляцию, вызывающую умеренную боль, пульс и дыхание почти не изменились (хотя протесты его были очень громкими).

15. Недостаточный сон. Хроническая усталость (1).

Все наоборот. Он непревзойденный соня. Если ему разрешить, он проспит половину своей жизни.

16. Юношеская живость манер и внешнего облика (1).

Перед нами висцеротоническое «лицо сосунка», прямая противоположность полного решимости лица церебротоника. У него лицо ребенка, без всякого выражения решительности.

17. Церебротоническая интроверсия (1).

В истории Обри не было никаких шизоидных эпизодов, их нет и в настоящий момент. Нет никаких признаков решимости, а есть скорее противоположные качества. Обри не испытывает никаких иллюзий, никакого отмежевания от реальности, никакого намека на возможность жизни в другом мире. Он обеими ногами твердо стоит на земле.

19. Устойчивость к действию алкоголя и других депрессантов (1).

Никакой устойчивости. Он любит выпить, ему приятен как сам процесс выпивки, так и последующее опьянение. Нет никаких фактов сильной напряженности или мрачности в ответ на принятие депрессантов, а также никаких последствий увеличения усталости.

20. Потребность в уединении в тяжелую минуту (1)

Все наоборот. Он нуждается в людях, а одиночество для него как раз то, чего он очень не хочет. Если его заключить в одиночку — это будет самым жестоким наказанием для Обри.

21. Ориентация к поздним периодам жизни (1).

У него ориентация очень ясно выражена назад к младенчеству и детству, к семейной и социальной зависимости.

Итог: Висцеротония — 135

Соматотония — 24

Церебротония — 22

Индекс темперамента 7-1-1

Соматотип — 6-2-2

БОРИС: КРАЙНЯЯ СОМАТОТОНИЯ

Борис высокий, стройный юноша, 21 год. На вид тонкий, но в действительности

широкоплечий, мускулистый и сильный. Выглядит на несколько лет старше своего возраста. Смеется легко и энергично.

Борис очень агрессивен, драчлив, часто вспыхивает и заводится. Дважды был в драке серьезно ранен. IQ в период обучения равен 105. Вообще успеваемость была низкой. Из-за низкой успеваемости дважды бросал колледж.

Но он замечательный футболист. Очень любит спорт. Среди товарищей пользуется популярностью, считается красивым.

Собирается стать киноактером или профессиональным тренером или тем и другим одновременно. Сильно переживает, что стареет, жизнь быстро проносится.

У него всегда уверенные позы и движения. Очень энергичная походка с чеканным шагом, строгое выражение лица.

Презирает физический комфорт. Одевается легко и свободно. Еде отдает должное, но проглатывает ее как волк, быстро без церемоний. Никогда не засиживается за столом. Не зависит от других людей, не привык к вежливому обращению, бесцеремонен и резок. Презирает приличия и правила хорошего тона. Никогда не откликается на просьбы других людей.

У него очень страстный, вспыльчивый характер. Нетерпелив. Он — холерик, возбудим и всегда критически настроен.

Обычно встает в 5.30 утра, принимает очень холодный душ и долго занимается зарядкой. Физическими упражнениями занимается регулярно — физкультура для него вместо религии.

Бесстрашен как бульдог. Нечувствителен и заносчив, ни следа щепетильности. Любит простор и свободу. Хочет прожить жизнь по большому счету.

По внешнему виду никогда не скажешь, что ему всего 21 год. Наоборот, все считают, что ему 25-30 лет. Лицо с упругой и загорелой кожей.

В трудную минуту не бежит ни к кому за помощью и никогда не впадает в тоску. Борьба — вот что главное, когда он попадает в беду.

Ценит силу, деньги, секс и престиж.

Индекс темперамента 1-7-1. Соматотип 1-6-2.

КРИСТОФОР: КРАЙНЯЯ ЦЕРЕБРОТОНИЯ

Кристофор — хрупкий, очень болезненный юноша, среднего роста.

Хотя ему уже 24 года, на вид ему дашь не больше 18 лет.

С людьми всегда нерешителен, колеблющийся и извиняющийся, а голос настолько подавлен, что едва слышен. Черты лица утонченные и деликатные. Темные глаза яркие и очень живые. Зубы белые и сильные.

Он всегда был исключительно застенчив. У него были одинокое детство и юность, никогда не принимал участия в шумных детских играх, не было друзей, его часто дразнили «слабенькой сестричкой». Однако IQ был высок — 135. Начальную школу закончил в 13, среднюю — в 17, а колледж — в 21 год.

Когда смотришь на Кристофора, почти всегда видишь одно и то же — во всем облике сильное напряжение: руки сжаты, пальцы впились в ладони, голова резко наклонена вперед, еле дышит.

Физические и умственные реакции очень быстрые. Глаза так и сверкают все время. Ест быстро. Никогда о еде не думает. Она вроде досадной необходимости, которой следует уделять как можно меньше внимания, предпочитает есть один.

Очень застенчив. Внешне — очень слабая зависимость от социального одобрения.

Одиночество — обычная картина его жизни. У него очень ограничен круг знакомых. Очень плохо знает людей. Настроение, как правило, подавленное. Все реакции носят острый, оборонительный характер.

Сон очень плохой. Засыпает с трудом, очень долго и, как правило, крепко засыпает только к утру, приблизительно к тому моменту, когда надо уже вставать. Почти постоянно страдает от хронической усталости.

Нет каких-либо особых желаний.

Ненормальное отсутствие агрессивности. Все поведение Кристофора отмечено

болезненной пугливостью. Никогда не дрался. Труслив. Крайне щепетилен. Сильная агорафобия. Хочет укрыться в уголок от посторонних взглядов. Очень жалостлив. Никогда не наступит на муравья и не убьет мухи, не переносит вида крови. Очень сомнителен. Из-за какой-нибудь чепухи может не спать всю ночь.

Температуру теплой воды может переносить, если только она равна температуре тела, а холодная вода причиняет болезненные ощущения и даже может остановить дыхание.

Выглядит моложе своих лет.

В случае затруднений или неудач уходит в себя. Закрывается как устрица в раковину.

Производит впечатление напряженного, натянутого, преследуемого существа.

Эмоциональные ситуации приводят к расстройству кишечника.

Повышенный уровень внимания ко всему, что бы ни случилось.

Глубокое чувство страха перед будущим.

Очень скрытен. Сам ненавидит тех, кто не умеет скрывать своих чувств. Очень напоминает шизоидный темперамент Кречмера, о котором последний пишет, что «за закрытыми шторами окнами в полусумраке внутренних помещений идут празднества».

Испытывает внутреннее напряжение и скованность от встреч с людьми. Лучше перейдет на другую сторону улицы, лишь бы не попасться на глаза знакомому. Однако испытывает тоску по настоящей дружбе, и если она возникает и становится крепкой, он ревностно оберегает ее.

Ищет одиночества, чтобы в одиночку, как он выражается, нести свое бремя.

Индекс темперамента 1-1-7.

Соматотип 1-1-6.

Типологическая модель Хейманса-Ле-Сенна. Франция

Остановимся на одной из психологических характерологии — типологии Хейманса, которая была развита и завершена Ле Сенном и французской школой. Эта характерология наиболее применима в повседневной жизни.⁶⁶

а) Основные элементы характера

Характер рассматривается как совокупность (в различной дозировке) трех основных составных частей.

— Эмоциональность (обозначаемая как Э+ или Э-).

— Речь идет о том, с какой легкостью данная ситуация вызывает у человека эмоциональное состояние (эмоцию или чувство).

У некоторых людей обыденные события (заботы, неудачи, ошибки или же, напротив, хорошие новости, вознаграждение, успех и т.д.) вызывают довольно сильные эмоции.

Другие реагируют менее быстро, бесстрастно. О таких говорят: «Их ничем не проймешь».

Не следует смешивать людей бесстрастных с теми, чья эмоциональность носит внутренний характер. Она тем более важна, что не выражается вовне. Внимательный человек, однако, может часто судить о ней по некоторым признакам (краска на лице, бледность, молчание, дрожь и т.д.).

— Активность (обозначаемая А+ или А-)

Активность — это потребность в действии, в осуществлении плана или замысла.

Некоторые люди не выносят состояния безделья или простоя. Им нравится быть чем-то занятыми, и они всегда находят себе занятие. Они быстро принимают решение. Их не пугают трудности, и их нелегко привести в уныние. О таких говорят: «Выгонят в дверь, лезут в окно». Но есть и другие, которым нужно долго думать, прежде чем начать действовать, и даже такие, кого действие парализует. На обдумывание задачи они тратят больше энергии, чем на ее решение. Однако такие люди не обязательно ленивы.

Первичность и вторичность (обозначаемые как П и В).

⁶⁶ М.-А.Робер, Ф.Тильмав. Психология индивида и группы. М., 1988. Дайджест.

Наши мнения, чувства и цели, которые мы преследуем, могут оказывать на нас более или менее длительное влияние. Некоторые люди долго остаются под впечатлением пережитого. Они похожи на аккумуляторы, которые сильно «заряжаются», но мало «разряжаются». Они надолго остаются под впечатлением, например, приведшей их в ярость ситуации. Они не скоро забывают нанесенную им обиду, долго переживают утрату дорогого существа или испытывают волнение при воспоминании об удаче или счастливом случае.

Их настроение чаще всего бывает ровным. Редко их можно видеть в подавленном состоянии, не часто и в слишком приподнятом. Они редко сердятся, но, когда чаша терпения переполняется, гнев их бывает страшен. Они верны своим привязанностям, принципам и привычкам. Они мало меняются, и им трудно навязать новую точку зрения. Они могут работать ради достижения отдаленных целей: они упорны и терпеливы. Это так называемые «вторичные».

Другие люди, напротив, недолго остаются под впечатлением пережитого или под влиянием своих чувств. Они непрестанно «разряжают» свои эмоции. Они живут настоящим и в отличие от «вторичных» не погружены в прошлое или будущее. Поэтому они без труда приспосабливаются к обстановке. Таких людей называют «первичными». Если они видят, что не могут быстро достичь желаемого, они быстро отказываются от своей цели или идеи. Они способны на большое усилие, но не на длительное. Упорный труд им претит. Они любят неожиданности и приключения и ненавидят рутину.

б) Восемь характеров

Составляя различные комбинации из Эмоциональности (+ или -), Активности (+ и -), Первичности и Вторичности, мы получим восемь основных свойств:

Э+, А-, П: НЕРВНЫЙ

Э+, А-, В: СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ

Э+, А+, П: ОЧЕНЬ ДЕЯТЕЛЬНЫЙ, БУРНЫЙ

Э+, А+, В: СТРАСТНЫЙ

Э-, А+, П: САНГВИНИК

Э-, А+, В: ФЛЕГМАТИК

Э-, А-, П: АМОРФНЫЙ, или БЕСПЕЧНЫЙ

Э-, А-, В: АПАТИЧНЫЙ

Это все, разумеется, «чистые» типы, редко встречающиеся в действительности. Но ориентируясь на них, нам легче будет определить, что представляют собой «смешанные» типы, с которыми мы чаще всего встречаемся в повседневной жизни.

Э+, А-, П: нервный

Сильная и беспорядочная эмоциональность: нервный человек — раб настоящего. Он неустойчив, склонен к жестокости и подозрительности. Но он легко примиряется.

У него живой, но неметодичный ум, импульсивная, неровная и непостоянная активность.

Нервный человек чувствителен, но его эмоции быстротечны. Он может работать лишь тогда, когда его желание совпадает с необходимостью, то есть время от времени.

Сильный и возбудимый, он постоянно находится в поисках новых и сильных ощущений. Ему неуютно в семейном кругу, и потому он нуждается в многочисленных и разнообразных друзьях вне дома. Он мало считается с прошлым и говорит и делает то, что ему удобно в данный момент. Поэтому он довольно расположен ко лжи. Он подчиняет истину своим минутным настроениям и желаниям.

Недоверчив, ибо легко допускает, что другие поступают так же, как и он. Доволен собой и любит, когда другие подтверждают это его представление.

Его влияние на группу весьма слабо. Что касается работы, то его следует держать в рамках, указывать, как и что делать, и не бояться идти с ним на столкновение, так как он легко соглашается на примирение. Плохо переносит монотонный труд.

Э+, А-, В: сентиментальный

Сентиментальный человек тоже наделен большой чувствительностью, но если нервный быстро отвлекается от своих впечатлений, радостей или огорчений, то сентиментальный долго их переживает, помнит о них и постоянно к ним возвращается.

Это глубокая, мечтательная и постоянная натура.

Он любит одиночество и довольствуется одним или двумя товарищами.

Он достаточно трудолюбив, но решения принимает с трудом.

«Вторичность» сентиментального обуславливает то, что он глубоко переживает все, что с ним происходит, как и все, что ему говорят.

Перемены в его настроениях медленны, но глубоки. Он не является рабом событий и пытается трезво их оценивать. Он редко живет настоящим, хорошо помнит прошлое и думает о будущем. Верен своим привычкам, не любит перемен.

Учитывая сказанное, а также сильную эмоциональность сентиментального, следует вести себя с ним с большой осторожностью. Грубое обращение — лучший способ заставить его замкнуться в себе еще больше. Нерешительный и непрактичный, робкий и чувствительный, он требует к себе мягкого и доброжелательного отношения. Но и тактичного также. В разговоре и обращении с ним надо быть справедливым. Необходимо постоянно взывать к его чувствам и показывать, что с ними считаются. Не следует идти наперекор его привычкам и пристрастиям.

Э+, А+, П: бурный, активный

Благодаря своей «первичности» этот характер отличается большой силой, отвагой, предприимчивостью и полной свободой. Его аффективность приобретает иногда неистовый характер.

Это импульсивный, увлекающийся человек, смешивающий часто независимость с анархией.

Он услужлив, с сочувствием относится к другим и не скрывает своих симпатий. Откровенен, но переменчив. Жизнерадостен и всегда пребывает в хорошем настроении. Натура яркая, душа общества и фантазер. Но может быть и грубым.

Его не пугают препятствия, он умеет их обходить благодаря своей изобретательности. Хвастун, он любит все приукрасить. Доверчив, некапризен и незлопамятен.

Он охотно участвует в общем деле и выполняет все, что требуется. Ему необходимо чувствовать симпатию даже в упреках. Не следует публично упрекать и унижать его не потому, что он будет долго переживать, а потому, что можно вызвать бурное возмущение.

Он способен взяться за работу «засучив рукава», но надо постоянно поддерживать его интерес к ней.

Именно этому характеру следует поручать такую, хотя и непоказную работу, которая, однако, должна быть выполнена без промедления. Надо пользоваться его чрезвычайной жизнеспособностью, не забывая, однако, о его легкой отвлекаемости.

Э+, А+, В: страстный

Это люди одной идеи, которые отдаются своей работе со всей своей неизменной страстью. Любят порядок. Их реакции решительны, но не взрывные, разве только в том случае, когда их порывы слишком долго и часто сдерживались. Тогда они разряжаются справедливым гневом. Их ум быстр и надежен. Удачу переживают тихо и скромно. Не любят менять своих убеждений.

Поэтому при назначении на руководящую должность человека, имеющего такой характер, следует предварительно — во избежание конфликта — удостовериться, что его точка зрения не расходится с позицией начальства. Не следует также поручать одно и то же дело двум таким людям, так как они вряд ли смогут прийти к соглашению.

Э-, А-Б, П: сангвиник

Этот тип весьма практичен. Он легко и быстро адаптируется. Покладист и оптимистичен. Это — делец. Он мало возбудим и «первичен», а потому спокоен и смел. Его ум широк, он склонен к обобщениям, но любит точность, основательность и объективность. Его рассудок ясен и открыт для любых проблем. К порученному делу относится с большой ответственностью.

Э-, А+, В: флегматик

Наиболее заметной чертой этого характера является скорее всего его холодность и, как следствие, исключительное спокойствие.

Флегматик относится к тем людям, чье приветствие всегда степенно, прохладно и лишено всяких эмоций. Он не склонен к товариществу и предпочитает одиночество.

Не разговорчив, и сводит беседу к выяснению главного. Иногда, когда бывает «в ударе», позволяет себе бесстрастно пошутить.

Он верен себе и своему кругу. Солгать может лишь в исключительных случаях. В работе любит порядок и выполняет ее спокойно и методично. Любит чистоту, любовь к ней может стать настоящей манией и превратиться в педантизм. Не боится работать с полной отдачей, но лишь тогда, когда это ему выгодно. Ум его работает довольно медленно, но надежно, потому что эта медлительность объясняется желанием знать причины происходящего. Флегматика можно убедить только доводами.

Надо помогать ему избавляться от одиночества.

Его лучше всего использовать на стадии проектирования работы и в подготовительный период. Здесь весьма полезными оказываются его организаторские способности, спокойствие и уравновешенность.

Э-, А-, П: аморфный и Э-, А-, В: апатичный

Аморфный очень инертен. Он никогда не делает больше того, что ему велено. Его ум незатейлив. Он с готовностью откладывает на завтра все, что можно сделать сегодня. Его поступки лишены элементарной пунктуальности.

Апатичный тоже безразличен к тому, что делает. Он способен удовлетворительно выполнять повседневную работу, требующую определенного порядка.

Всегда в ровном расположении духа, он получает определенное удовольствие от одиночества. Но его одиночество бедно.

Лица, наделенные таким характером, наименее услужливы и наиболее безразличны к другим.

Само собой разумеется, что описанные выше характеры встречаются довольно редко. Это все «чистые» типы. В действительности они сочетаются друг с другом в зависимости от большей или меньшей интенсивности каждой из трех переменных. Кроме того, на эти черты характера оказывают влияние культурные, религиозные, моральные факторы, которые либо усиливают, либо ослабляют их в зависимости от обстоятельств и их требований.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ АКЦЕНТУАЦИЙ ХАРАКТЕРА И ПСИХОПАТИЙ

Типологическая модель К.Леонгарда. Германия

Человек как индивидуальность и как акцентуированная личность

Люди различаются между собой не только акцентуированными чертами. Даже не обнаруживая черт, выделяющих личность на фоне среднего уровня, люди все же несходны между собой. Имеются в виду те особенности, которые придают человеку как таковому его индивидуальные черты. Если мы задались целью понять, что же такое акцентуация личности, необходимо познать эти отличительные черты.⁶⁷

Людей отличают друг от друга не только врожденные индивидуальные черты, но также и *разница в развитии*, связанная с течением их жизни. Поведение человека зависит от того, в какой семье он вырос, в какой школе учился, кто он по профессии, в каком кругу вращается. Два человека с натурами, первоначально сходными, могут впоследствии иметь весьма мало общего между собой, а, с другой стороны, сходство жизненных обстоятельств может выработать сходные черты и реакции у людей, в корне различных.

Так называемые жизненные типы, например тип служащего, офицера, коммерсанта, ученого, учителя, официанта, формируются благодаря тому, что определенное положение или должность накладывают отпечаток на образ жизни. Конечно, этому часто способствует тот факт, что заложенная в человеке природой тенденция взаимодействует с избранной профессией, более того, человек и определенную профессию часто избирает именно потому,

⁶⁷ К.Леонгард. Акцентуированные личности. М., 1989. Дайджест.

что она соответствует его индивидуальным склонностям. Отпечаток, о котором идет речь, у взрослого человека не может серьезно отразиться на диагностике личности, ведь внешние формы поведения в гораздо большей степени определяются благоприобретенными привычками, чем проявлением внутренней направленности. Так, например, у учителя известная уверенность в себе, самоуверенность естественны, поскольку он привык играть важную роль в детском коллективе. Совсем другое впечатление производит человек, самоуверенность которого не обусловлена его профессией. Кстати, наряду с уверенностью в себе учитель может обладать безусловной скромностью. Или возьмем офицера, отличающегося исключительной дисциплинированностью, аккуратностью. Такая черта в военном более оправдана, чем из ряда вон выходящий педантизм, заложенный в самой натуре человека.

Обычно поведение, связанное с профессиональной привычкой, не смешивают с поведением, отражающим внутреннее своеобразие человека. Иное дело, если черты большого своеобразия проявились уже в раннем детстве. Тут бывает трудно установить, насколько глубоко это своеобразие отразилось на структуре личности взрослого.

Я должен оговориться, что вопрос происхождения акцентуированных черт личности не является в данной работе предметом особого внимания: эти черты занимают нас лишь в том виде, в каком мы непосредственно наблюдаем их у обследуемых лиц. Например, можно считать установленным, что у любого человека в натуре заложено желание заслужить похвалу, одобрение, что любой человек не лишен чувства жалости. Вполне возможно, что впечатления детского возраста наложили определенный отпечаток на особенности проявления этих черт у взрослого. Однако бесспорно одно: и склонности, и направленность интересов человека исходят извне. В какую сторону направлены честолюбивые помыслы человека, зависит исключительно от внешних стимулов. Двое одинаково честолюбивых людей могут быть злейшими врагами в силу того, что ставят себе прямо противоположные цели. По-разному может быть направлено и чувство долга. Какое именно направление избирается человеком, во многом зависит от общества, в котором он живет. Точно так же врожденная направленность Интересов и склонностей ни в коей мере не препятствует воспитательному воздействию. Более того, именно врожденная направленность и есть основа воспитания, без нее воспитание вообще невозможно. Если бы в человеке не была заложена тенденция к формированию чувства долга, то при помощи воспитания нельзя было бы побудить его делать одно и не делать другого.

Люди отличаются друг от друга независимо от того, каким путем такое отличие возникает. Точно так же, как по внешности один человек всегда отличается от другого, так и психика каждого человека отлична от психики других людей.

И все же, говоря об индивидуальных чертах, мы не представляем их себе как какой-то необозримый ряд возможностей, вдобавок еще и с множеством переходов: не может быть и речи о бесконечном количестве неповторимых индивидуальных черт. Можно выдвинуть следующий тезис: основные черты, определяющие индивидуальность и характер человека, весьма многочисленны, но все же их число нельзя считать неограниченным.

Черты, определяющие индивидуальность человека, могут быть отнесены к различным психическим сферам.

Назовем прежде всего сферу, которую правильнее всего было бы обозначить как *сферу направленности интересов, и склонностей*. Некоторые интересы и склонности носят характер эгоистический, другие, напротив, альтруистичны. Так, один человек может все подчинять жажде наживы или обладать непомерным тщеславием, другой — отзывчив, добр, у него высоко развито чувство гражданской ответственности. К этой же сфере относятся и чувство справедливости, боязливость или ненависть к человеку.

Если одно из этих свойств психики очень ярко выражено или, напротив, мало развито, то есть основания говорить о них как об индивидуальных чертах человека, т.е. яркую выраженность описываемых индивидуальных черт еще нельзя считать основной причиной акцентуации личностей, которые неизменно чем-то выделяются на фоне людей среднего уровня.

Легко установить, что отклонения в ту или иную сторону у личностей нацентуированных всегда находятся в пределах общечеловеческих норм. Эти черты, заложенные в человеке от природы, именно вследствие своей общечеловеческой значимости составляют настолько

крепкий остов, что особого индивидуального «разнобоя» обычно не наблюдается. Не исключены, конечно, *вариации человеческого реагирования* : бывают люди более или менее эгоистичные или альтруистичные, более или менее тщеславные, более или менее сознательно относящиеся к своему долгу. Таким путем, т.е. на фоне вариаций в сфере направленности интересов и склонностей, возникают различные индивидуальности, но их еще нельзя отнести к акцентуированным личностям.

Вторую сферу можно обозначить как *сферу чувств и воли* . Характер внутренней переработки явлений также определяет значительные индивидуальные различия. В результате возникают модификации индивидуальности и характера. Речь идет о самом процессе протекания эмоций, о скорости, с которой они овладевают человеком и затем ослабевают, о глубине чувства. Сюда же относятся и виды волевых реакций, к которым мы относим не только слабость или силу воли, но также и внутреннюю волевою возбудимость в плане холерического или флегматического темперамента. Свойства этой эмоционально-волевой сферы также в той или иной мере обуславливают различные вариации поведения, наделяя людей специфическими индивидуальными чертами. Однако и они не определяют сами по себе личность, которая отчетливо выделялась бы на среднем фоне.

Третья сфера связана с интеллектом, который обычно не включают в понятие личности. Существует, однако, область ассоциативных чувств, в которых заложено начало таких черт личности, как заинтересованность, стремление к упорядоченности. Данная сфера может быть названа *ассоциативно-интеллектуальной* . Такую черту человека, как любовь к порядку, нельзя сразу же категорически определять как потребность ананкаста в упорядоченности. Сплошь и рядом эта черта является лишь одним из индивидуальных проявлений ассоциативно-интеллектуальной сферы, которое отнюдь не должно связываться с чертами акцентуации личности.

Чтобы понять сущность человека, необходимо пристально присмотреться к свойственным ему различным чертам названных выше психических сфер. Специфические свойства, о которых здесь говорилось, не так бросаются в глаза, чтобы их можно было убедительно подтвердить соответствующим материалом. Ни наблюдения, ни беседы с людьми не помогают однозначно описать и определить упомянутые выше вариации. Зато их можно очень явственно представить себе, если посмотреть на человека изнутри. Именно такую возможность дают нам писатели. Они не только изображают чисто внешние поступки героев, передают их слова и даже высказывания о себе самих, но нередко сообщают нам и то, о чем их герои думают, что чувствуют и чего желают, показывая внутренние мотивы их поступков. У персонажей художественных произведений легче выявить весьма тонкие индивидуальные вариации. Если человек проявляет боязливость или самоуверенность, сострадание или чувство справедливости, либо даже не проявляя этих качеств сам себе их приписывает, то трудно с уверенностью сказать, перешагнул ли он границы нормальных реакций. Но когда мы встречаем у писателя персонаж, у которого проявляются названные черты, выписанный талантливо, со всеми его мыслями и чувствами, это в большинстве случаев дает возможность безошибочно распознать проявление одной из сфер индивидуальности. Итак, персонажи художественной литературы дают нам любопытнейшие примеры индивидуальных вариаций человеческой психики.

Не всегда легко провести четкую грань между чертами, формирующими *акцентуированную личность* , и чертами, определяющими вариации индивидуальности человека. Колебания здесь наблюдаются в двух направлениях. Прежде всего, особенности застревающей, или педантической, или гипоманиакальной личности могут быть выражены в человеке *столь незначительно* , что акцентуация как таковая не имеет места, можно лишь констатировать отклонение от некоего «трафаретного» образца. Особенно ярко это выражено при определении тех или иных свойств темперамента, представляющих все промежуточные ступени его видов вплоть до почти нейтральной. Акцентуация всегда в общем предполагает усиление степени определенной черты. Эта черта личности, таким образом, становится акцентуированной.

Многие черты невозможно строго дифференцировать, т.е. трудно установить, относятся они к ряду акцентуаций или лишь к индивидуальным вариациям личности. Например, если говорить о *честолюбии* , то следует прежде всего определить, относится оно к сфере интересов

и склонностей или является чертой акцентуированного застревания. Последнее определение возможно при яркой выраженности данной черты: твердолобый, слепой карьеризм вряд ли можно отнести к сфере направленности интересов. Кроме того, застревание никогда не проявляется одним только честолюбием, к нему присоединяются повышенная чувствительность к обидам и сильно выраженная злопамятность.

С подобным же положением мы сталкиваемся, наблюдая яркие проявления *чувства долга*. Его можно отнести к сфере направленности интересов и склонностей, но можно усматривать в нем и черту, свойственную ананкастам. Дифференциация должна учитывать следующие моменты: в случаях, когда чувство долга — просто характерологическая особенность, человек отличается ровным, спокойным поведением, его преданность долгу лишена напряженности и является чертой как бы само собой разумеющейся; у ананкаста же чувство долга сопряжено с беспокойством, постоянными вопросами о том, достаточно ли самоотверженно он поступает.

Весьма интересно и существенно с психологической точки зрения то, что застревающие личности обнаруживают проявления *эгоистических чувств* (честолюбия, болезненной обидчивости), а педантические — *проявления альтруистические*, в частности чувство долга. Следует подчеркнуть, что черты застревания взаимосвязаны в основном с эгоистическими чувствами, а черты сомнения, постоянных колебаний (ананкастические) — с чувствами альтруистического порядка. Чем больше человек колеблется в своих решениях, тем сильнее, альтруистические чувства завладевают сознанием и воздействуют на принятие решения.

Еще больше бросается в глаза контраст при сравнении ананкастической личности не с застревающей, а с истерической, поскольку истерики еще в большей мере склонны к эгоизму. Они часто принимают необдуманные решения, редко взвешивают свои поступки, оставаясь в эгоистическом кругу направленности интересов, который им ближе.

Ананкастические и истерические черты пересекаются и с другими чертами индивидуальности. Я уже и прежде занимался вопросом о том, не является ли *длительное раздумывание* при принятии решения легкой формой ананкастической предрасположенности или же это просто одно из свойств сферы чувства и воли. Параллельно с этим я пытался также установить, является ли *готовность к необдуманным действиям* выражением слегка истерического уклона или же ее следует расценивать как самостоятельное проявление свойства из сферы чувства и воли. Имеются и другие неясности такого рода.

Сильно развитая область эмоций у человека активизирует альтруистические чувства — чувство сострадания, радости за чужую удачу, чувство долга. В гораздо меньшей мере в подобных случаях развиты стремление к власти, алчность и корыстолюбие, возмущение, гнев в связи с ущемлением самолюбия. Для эмотивной натуры особенно характерно такое свойство, как *сочувствие*, но оно может развиваться и на другой почве.

Не обнаруживает единой генетической основы и такая черта личности, как *тревожность (боязливость)*. В нормальной степени боязливость свойственна многим людям, но она может стать господствующей, накладывая свой отпечаток на все поведение человека. В этих случаях нередко обнаруживается и физическая основа этого состояния в *виде повышенной возбудимости вегетативной нервной системы*, которая, воздействуя на сосудистую систему, может привести к физическому чувству стесненности, страха и тоски. Вероятно, лишь в последнем случае констатируется тенденция перешагнуть границы средних проявлений боязливости и вызвать акцентуацию личности.

Из-за большого количества пересечений некоторые специалисты полагают, что, рассматривая индивидуальные черты людей, следует отказаться от всяких классификаций и лишь в общем виде описывать наблюдаемое. Я придерживаюсь иной точки зрения, а следовательно, могу ожидать упрека в попытках втиснуть в схему то, что не поддается четкому определению. И все-таки я убежден, что существуют *основные черты человеческой индивидуальности*, существуют объективно и что в силу этого наука должна стремиться к их выделению и описанию. Естественно, это связано с большими трудностями, ведь речь идет не о том, чтобы приспособить диффузный материал к более или менее приемлемой схеме, а о том, чтобы вскрыть объективно существующие, лежащие в основе понятия «личность» черты, несмотря на наличие их многочисленных пересечений.

Акцентуированные черты далеко не так многочисленны, как варьирующие

индивидуальные. Акцентуация — это, в сущности те же индивидуальные черты, но обладающие тенденцией к переходу в патологическое состояние. Ананкастические, паранойяльные и истерические черты могут быть присущи в какой-то мере, собственно, любому человеку, но проявления их так ничтожны, что они ускользают от наблюдения. При большей выраженности они накладывают *отпечаток на личность* как таковую и, наконец, могут приобретать патологический характер, *разрушая структуру личности*.

Личности, обозначаемые нами как акцентуированные, не являются патологическими. При ином толковании мы бы вынуждены были прийти к выводу, что нормальным следует считать только среднего человека, а всякое отклонение от такой середины (средней нормы) должны были бы признать патологией. Это вынудило бы нас вывести за пределы нормы тех личностей, которые своим своеобразием отчетливо выделяются на фоне среднего уровня. Однако в эту рубрику попала бы и та категория людей, о которых говорят «личность» в положительном смысле, подчеркивая, что они обладают ярко выраженным оригинальным психическим складом. Если у человека не наблюдаются проявления тех свойств, которые в «больших дозах» дают паранойяльную, ананкастическую, истерическую, гипоманиакальную или субдепрессивную картину, то такой средний человек может безоговорочно считаться нормальным. Но каков в таком случае прогноз на будущее, какова оценка состояния? Можно сказать, не колеблясь, что такого человека не ожидает неровный жизненный путь существа болезненного, со странностями, неудачника, однако маловероятно и то, что он отличится в положительном отношении. В акцентуированных же личностях потенциально заложены как возможности социально положительных достижений, так и социально отрицательный заряд. Некоторые акцентуированные личности предстают перед нами в отрицательном свете, так как жизненные обстоятельства им не благоприятствовали, но вполне возможно, что под влиянием других обстоятельств они стали бы незаурядными людьми.

Застревающая личность при неблагоприятных обстоятельствах может стать несговорчивым, не терпящим возражений спорщиком, но если обстоятельства будут благоприятствовать такому человеку, не исключено, что он окажется неутомимым и целеустремленным тружеником.

Педантическая личность при неблагоприятных обстоятельствах может заболеть неврозом навязчивых состояний, при благоприятных — из нее выйдет образцовый работник с большим чувством ответственности за порученное дело.

Демонстративная личность может разыграть перед нами рентный невроз, при иных обстоятельствах она способна выделиться выдающимися творческими достижениями. В целом при отрицательной картине врачи склонны усматривать психопатию, при положительной — скорее акцентуацию личности. Подобный подход в достаточной мере оправдан, поскольку легкая степень отклонений связана чаще с положительными проявлениями, а высокая — с отрицательными.

Обозначение «*патологические личности*» следовало бы применять лишь в отношении людей, которые отклоняются от стандарта, и тогда, когда внешние обстоятельства, препятствующие нормальному течению жизни, исключаются. Однако необходимо учитывать различные пограничные случаи.

Жесткой границы нет и между нормальными, средними людьми и акцентуированными личностями. Здесь также не хотелось бы подходить к этим понятиям слишком узко, т.е. неверно было бы на основании какой-либо мелкой особенности человека тотчас же усматривать в нем отклонение от нормы. Но даже при достаточно широком подходе к тому, какие качества можно называть стандартными, нормальными, не бросающимися в глаза, все же существует немало людей, которых приходится отнести к акцентуированным личностям. Согласно обследованиям, проведенным в Берлинской клинике Зитте среди взрослых и Гутьяром среди детей, население нашей страны, во всяком случае население Берлина, это на 50% акцентуированные личности и на 50% — стандартный тип людей. В отношении населения какого-либо иного государства данные могут оказаться совершенно другими. Немецкой национальности, например, приписывают не только такую лестную черту, как целеустремленность, но и довольно неприятную — карьеризм. Может быть, этим можно объяснить, что Зитте нашла среди обследованных ею людей много застревающих и педантических личностей.

Ниже я подробно излагаю свое понимание акцентуированной личности. Однако, поскольку при этом я все время обращаюсь и к *личностям патологическим*, следовало бы детально изложить сущность моих расхождений во мнениях с некоторыми известными учеными, занимающимися идентичными проблемами.

Педантические, или ананкастические, личности, представляют собой, на мой взгляд, особо важную группу как в силу своей распространенности, так и в связи с очень широким масштабом отклонений от среднего уровня.

То же можно сказать и о *демонстративных, или истерических*, личностях, которых в последнее время ряд ученых тоже отказываются выделять в особую группу. Между тем, ананкастические и истерические черты способны емко отражаться на личности человека.

Понятие «*параноический*» я трактую несколько иначе, чем было принято до сих пор, так как наиболее существенной стороной его считаю склонность к застреванию аффекта.

Я не ввожу в свою систематику *нестойких, неустойчивых личностей*, так как в описании их не нахожу единства структуры личности: когда читаешь о таких людях, видишь перед собой то истерических, то гипоманиакальных, то эпилептоидных личностей. Даже если бы под нестойкостью понималось одно лишь *слабоволие*, все равно я не смог бы отнести эту черту к акцентуации, а отнес бы ее только к вариациям индивидуальности: ведь слабоволие никогда не может достигнуть такой степени, при которой можно было бы говорить о накладывании отпечатка на личность в целом. Следует отметить, что в условиях применяемой ныне диагностики неустойчивость является наиболее распространенной формой психопатии. Это связано с тем, что в понятие неустойчивости включают дополнительно еще множество патологических черт личности, в то же время собственно слабоволие сплошь и рядом к этому понятию не относят.

В главах об акцентуации личности я не рассматриваю и *бесчувственность*, которую иногда обозначают термином *гебоид*⁶⁸.

В этих случаях речь идет, судя по последнему термину, о латентном душевном заболевании. Что же касается обычной холодности чувств, то с нею мы сталкиваемся только при вариациях характера, а не при его акцентуации.

Гипертимические, дистимические и циклотимические личности различаются мной по *Кречмеру*, однако надо оговорить, что я расцениваю их как личностей, обладающих лабильным темпераментом, а поэтому постоянно колеблющихся между гипертимическим и дистимическим состоянием. *Синтонными* считаю, напротив, таких людей, которые обладают, как правило, средним уравновешенным настроением. Из общей массы циклотимических личностей я выделяю *аффективно-лабильных*, склонных к постоянным чрезмерным колебаниям настроения как бы между двумя полюсами.

За счет области мышления и психомоторики следовало бы *увеличить количество специальных групп акцентуации темперамента*, так как некоторые лица обнаруживают особое возбуждение или торможение именно в процессе Мышления, с чем связана и их психомоторика, в частности оживленность или вялость мимики.

Более детально здесь следует заняться *интровертированными и экстравертированными личностями*, поскольку в цитируемых мной работах такой информации нет. В эти понятия я также вкладываю смысл, несколько отличный от общепринятого, хотя они и без того лишь частично сохранили содержание, которое в них в свое время вкладывал Юнг.

В моем представлении эти понятия тесно связаны с периодом переходного возраста, т.е. с периодом *формирования у ребенка психики взрослого человека*. Вкратце изложу свои взгляды по данному вопросу.

Ребенок экстравертирован: он обращен к процессам, воздействующим на его чувства, и реагирует на них соответствующим поведением, мало раздумывая. Взрослый, по сравнению с

⁶⁸ Гебоид — термин, предложенный Кальбаумом для обозначения изменений личности по психопатическому или психопатоидному типу, наблюдающихся в юношеском возрасте и характеризующихся наклонностью к асоциальным поступкам. Гебоидная симптоматика, по своевременным представлениям, встречается в рамках психопатии или относительно мягко протекающей шизофрении. (гебоидофрения. — Прим. ред.)

ребенком, интровертирован: его гораздо меньше занимает окружающее, внешний мир, реакции его гораздо менее непосредственны, он имеет обыкновение предварительно размышлять над поступком. При экстравертированности в мыслях и в поведении преобладает *мир восприятий*, при интровертированности — *мир представлений*. У экстравертированного взрослого человека *радость принятия решения* гораздо интенсивнее, ибо он больше сосредоточен на внешнем, окружающем его мире и поэтому в значительно меньшей степени рассуждает, взвешивает различные возможности; у интровертированного — преобладает тенденция предварительно обдумывать и оценивать решения. Для экстравертированного человека характерно проявление чисто внешней активности, не зависящей от мыслительных процессов, т.е. значительно большая импульсивность поведения: эта черта также сродни детской психологии. Нерешительность интровертированного человека связана с усиленной работой мысли, но, несмотря на это, он менее способен ощутить радость в связи с принятием решения.

В детском возрасте экстравертированность у обоих полов имеет одинаковую форму выражения. В отроческом возрасте поворот к интровертированности у мальчиков носит значительно более резкий характер, чем у девочек. Поэтому женщина всегда больше связана с объективными событиями жизни, больше зависима от них и в большинстве случаев обладает более практическим умом. Однако принять необдуманное решение, навеянное моментом, и действовать, не взвесив последствий, — это всегда реальная опасность для нее. Мужчина лучше понимает взаимосвязь явлений и истинные, не всегда очевидные причины их, он больше склонен к обобщениям, его мысль работает в соответствующем направлении более эффективно. Опасность же для мужчины заключается в том, что он опускается в теоретические рассуждения и упускает те возможности, которые требуют незамедлительных действий. Вследствие этого различия нельзя одинаково расценивать акцентированную экстравертированность и интровертированность у мужчин и у женщин. То, что для женщины является нормой, для мужчины — экстравертированность, и наоборот, то, что у мужчин следует считать нормой, у женщин надо рассматривать как интровертированность.

Решение в экстравертированном плане может быть менее реалистичным и менее объективным, чем в интровертированном, поскольку последнее, принимаемое после основательного и всестороннего взвешивания, всегда бывает более здравым, трезвым. Я согласен с Юнгом, когда он говорит: «Экстравертированные натуры ориентируются на данные конкретные факты, интровертированный человек вырабатывает собственное мнение, которое он как бы „вдвигает“ между самим собой и объективной данностью».

Остановлюсь на том, о чем Юнг пишет дальше: «Говоря об интровертированности, нужно иметь в виду еще и другой тип мышления, который, собственно, еще скорее может подойти под данную рубрику, а именно тип, который не ориентируется ни на непосредственный объективный опыт, ни на общие идеи, полученные посредством объективных выкладок».

Итак, Юнг здесь приходит к выводу, что не только конкретная ориентация на объект исключает интровертированность, но и такие идеи, которые «отталкиваются от объекта». Вначале Юнг говорил, что экстравертированный человек приемлет объективную действительность такой как она есть, интровертированный же внутренне перерабатывает ее; в последующем он выдвигает положение, согласно которому интровертированный человек вообще все объективное воспринимает под субъективным знаком: «Я применяю термин „субъективный фактор“ по отношению к тем психологическим акциям и реакциям, которые, испытывая воздействие объекта, порождают новый факт психического порядка».

Далее еще яснее излагается, что именно представляет собой мышление в интровертированном плане: «Нельзя отрицать в подобных случаях, что идея берет свое начало в неясном и сумрачном символе. Такой идее присущ некий мифологический характер: в одном случае эту идею истолковывают как проявление оригинальности в другом, худшем, — как чудачество. Дело в том, что архаический символ для специалиста (ученого), незнакомого с мифологическими мотивами, всегда кажется завуалированным». Конкретно это означает, что немалое количество идей можно связать только с экстравертированностью. У К.Юнга читаем: «В процессе практического мышления у коммерсанта, техника, естествоиспытателя мысль не может не быть направлена на объект. Не столь ясной представляется картина там, где речь идет о мышлении философа, занимающегося областью идей. В этом случае необходимо прежде

всего установить, не являются ли данные идеи лишь абстракциями, возникающими в процессе познания некоего объекта. Если это так, то соответствующие идеи представляют собою не что иное, как общие понятия высшего порядка, включающие в себя некую сумму объективных фактов. Если же идеи не есть абстракции из непосредственно полученного опыта, то также следует установить, не переняты ли они откуда-либо по традиции и не заимствованы ли из окружающей интеллектуальной среды. Если да, то и эти идеи относятся к категории объективной данности, а тем самым и это мышление надо будет признать экстравертированным».

Я считаю мыслительную работу естествоиспытателя акцентуацией лишь в тех случаях, когда его деятельность носит характер собирания, коллекционирования. Чем больше он мысленно перерабатывает наблюдаемое, тем более его психическая деятельность приближается к плану интроверсии. Философу же, разрабатывающему определенные идеи, я приписываю только интровертированный характер умственной деятельности даже в тех случаях, когда ход его мысли основывается на объективных источниках или фактах.

Если я, несмотря на расхождения во мнениях с Юнгом, пользуюсь его терминологией, то это происходит по двум причинам. Во-первых, в медицинской психологии эти термины укоренились больше в том значении, которое приписывается им мною. Во-вторых, при практическом подходе к вопросу не наблюдается столь большого расхождения, как в области теории. Чем конкретнее примеры, приводимые Юнгом, тем больше я склонен с ним согласиться. Например, Юнг пишет: «Один человек, только услышав, что на улице холодно, тотчас же бросается надевать пальто, другой считает это излишним из тех соображений, что „нужно закаляться“; один восхищается новым тенором по той причине, что все „на нем помешаны“, другой вовсе им не восхищается, но не из тех соображений, что он ему не нравится, а потому, что глубоко убежден: если все чем-то восхищаются, то это совсем еще не значит, что данное явление заслуживает восхищения; один покоряется существующим обстоятельствам, ибо, как показывает его опыт, что-либо другое все равно невозможно, другой же уверен, что пусть такой результат был уже тысячу раз, но тысяча первый случай может повернуться по-иному». Эти противоположные типы поведения я рассматриваю под тем же углом зрения, что и Юнг.

Иногда специалисты недостаточно четко разграничивают экстравертированность и интровертированность поведения с чертами темперамента. Например, гипоманиакальные личности постоянно отвлекаются, они целиком ориентированы в сторону происходящих вокруг событий, готовы в любой момент включиться в них. Их можно обозначить и как экстравертированный тип, однако их поведение лишено специфики экстравертированности.

Айзенк, у которого в диагностике личности экстравертированность и интровертированность играют первостепенную роль, на мой взгляд, не избежал вышеупомянутой опасности и вовлек в число признаков также и гипоманиакальный темперамент. Об экстравертированном человеке Айзенк пишет: «Он любит пошутить, очень находчив, постоянно ищет развлечений, разнообразия; он оптимист, много и охотно смеется. Чрезвычайно деятельный человек, склонен к агрессии, часто им овладевает нетерпение. Не следит за сдержанностью в проявлении чувств; на него не всегда можно положиться». В этом описании явно слышатся нотки гипоманиакального темперамента, который принципиально отличается от темперамента экстра-вертированной личности. Всегда серьезный, не склонный к оптимизму, не любящий смеяться человек может точно так же проявлять признаки экстравертированности, но только его экстравертированность не так резко бросается в глаза. С другой стороны, гипоманиакальная личность может обладать чертами интровертированности.

Существует еще один фактор недостаточного разграничения типов, проявляющийся в сфере контактов между людьми. Так, человек, живущий преимущественно в мире восприятий, легко устанавливает контакт с другими людьми; тому, кто больше углублен в себя, труднее устанавливать отношения с окружающими. Однако такая зависимость наблюдается не всегда. Человек интровертированный не проявляет большой готовности включаться в общение, и все же он может быстро сдружиться с кем-нибудь, тогда как другой человек, всегда ориентирующийся на окружение, живущий «нараспашку», при установлении контактов может испытывать трудности. В чем же причина этого? Очевидно, в установлении непосредственного

понимания между двумя людьми, связанного в большей мере с *областью выразительности, экспрессии поведения*. Несомненно, у некоторых людей существует особый дар действовать на других выразительной, располагающей манерой общения, чутко понимать тончайшие оттенки чувств и настроения других. Но есть и люди, лишенные такого дара, такой чуткости. В первом случае контакт устанавливается быстро даже при наличии интровертированности, во втором — даже у экстравертированных людей установление контакта с другими происходит туго. *Способность к установлению контактов и ослабленную контактоустанавливающую функцию* часто рассматривают как нечто идентичное экстравертированности и интровертированности соответственно. Особенно часто термины *аутизм* или *шизоидный характер* расшифровываются как интровертированность плюс слабость контактов.

После сделанных мною предварительных замечаний я могу обратиться к диагностике акцентуированных личностей. Даже там, где моя методика диагностики ничем не отличается от методик других авторов, описание ее все же не будет излишним: оно покажет, каким образом можно конкретно отграничить одну акцентуированную личность от другой.

Методика диагностики личности

К сожалению, у нас нет пока перечня обязательных вопросов, с помощью которых можно было бы определить акцентуированные черты личности. Это объясняется тем, что, задавая вопросы, мы всякий раз должны применять индивидуальный подход, проверяя, правильно ли нас понял обследуемый, постоянно пристально наблюдая его, контролируя полноценность его ответов. В этих условиях схематическая игра в вопросы-ответы бессмысленна, а гесты можно использовать лишь с большими оговорками.

Шмишек и Мюллер составили перечень вопросов, многие из которых я применяю при диагностировании личности. Необходимо, однако, делать поправку на возможные ошибки, так как понятия, связанные с установлением акцентуации личности, можно истолковывать совершенно по-разному. Так, например, на определенный вопрос, заданный дважды, один и тот же обследуемый дает противоположные ответы в зависимости от того, как он воспринял это понятие. Можно, конечно, большим количеством наводящих и поясняющих вопросов постепенно свести такие недоразумения к минимуму, но однозначное заключение сделать нельзя, ибо невозможно предвидеть заранее сопровождающую ответ мимику, способную придать разное значение двум идентичным ответам. В другой работе я подробно осветил, какую важную роль играют наблюдения за мимикой обследуемого при диагностике личности. Мне еще придется коснуться этого вопроса позднее.

Важнейшими средствами диагностики личности являются *наблюдение и обследование*. Если у врача есть возможность наблюдать человека непосредственно, изучать его поведение на работе и в домашней обстановке, в семье, среди друзей и знакомых, в узком кругу и при большом количестве собравшихся, то, несомненно, можно составить представление о его личности. Впрочем, многое и в этом случае остается скрытым и познается лишь при длительном тесном контакте с наблюдаемым. Однако провести тщательное наблюдение над пациентами едва ли возможно даже в условиях стационара, поскольку здесь люди находятся не в том окружении, в котором обычно проявляются особенности их личности.

Иначе обстоит дело с больными детьми, которые не связаны постельным режимом. Как только такой ребенок привыкнет к обстановке, он начинает «проявлять себя» гораздо выразительнее, чем взрослый больной. Вначале и ребенок стесняется новой обстановки, считая, что она обязывает к непривычному поведению, и испытывая также известную боязнь. Но проходит всего несколько дней, и ребенок начинает чувствовать себя в обстановке стационара как дома. На своих товарищей по палате ребенок смотрит не как на больных, вместе с которыми он проходит курс лечения, а просто как на других детей, с которыми он сталкивался и дома, и на улице, и в школе, с которыми можно играть, ссориться и снова мириться. Общая игра в обстановке детского психиатрического отделения вряд ли отличается от любой другой детской игры. Распорядок в клинике, точное время подъема, еды, отхода ко сну расценивается маленькими пациентами не как обстановка больницы, а как, несколько видоизмененный домашний режим. Поэтому наблюдения в клинике над детьми дают гораздо более богатый

материал, чем над взрослыми. Кроме того, если врач не может сам заняться наблюдениями над маленькими больными, он может получить сведения у психолога или сестры-воспитательницы, которые находятся с детьми постоянно. Еще больше дает наблюдение в тех случаях, когда непосредственно при отделении есть школа, так как очень важно наблюдать детей и в школьной обстановке. Отношение взрослого человека к труду, к трудовой деятельности, столь важное для суждения о личности в целом, во время пребывания в клинике, естественно, не может выявиться; трудовая деятельность ребенка — это его отношение к школьным занятиям, его работа над домашними заданиями. Таким образом, можно определить, как ребенок справляется с поставленной перед ним задачей, как он относится к обязанностям, насколько важным стимулом является для него соревнование.

Но если у ребенка можно многие данные получить путем наблюдения, то вторая сторона диагностики, т.е. обследование, у взрослого проходит безусловно успешнее, чем у ребенка: у детей еще недостаточно выработана способность к самонаблюдению, поэтому они о себе, о своих внутренних переживаниях в состоянии дать лишь весьма поверхностные сведения. В таких случаях могут помочь расспросы родителей и воспитателей.

Один тип наблюдения в одинаковой мере важен и у детей, и у взрослых — это наблюдение над *мимикой, жестикуляцией и интонациями обследуемого*. Если мы, например, хотим установить, действительно ли обследуемый испытывает чувство печали, радости, воодушевления, надежды, опасения, разочарования и т.д., как он нас в том заверяет, то одни его слова не могут служить гарантией. Но по мимике можно определить, соответствует ли то, что говорится, истине. Ничего не выражающее лицо свидетельствует о равнодушии обследуемого, вопреки его утверждениям о том, что он полон печали или надежды. Даже в тех случаях, когда при собеседовании говорят о, казалось бы, давно забытых чувствах, эта тема обязательно находит отражение в мимике, ибо чувства оживают вновь, когда о них вспоминают. Даже если в правдивости рассказа пациента можно не сомневаться, то и тогда по мимике можно определить, насколько глубоко затронуло человека описываемое им чувство, например, действительно ли потеря близкого родственника так сильно потрясла его, как он уверяет. Или наоборот, человек хочет скрыть огорчение или досаду и заявляет, что «все это давно забыто». В таких случаях по мимике нередко можно определить, что огорчение не прошло, что оно мучает человека и поныне.

Интонации также часто позволяют судить о том, что говорится, более верно, чем сами слова. Выражение, с которым произносятся фразы, модуляции голоса играют существенную роль. Иногда удается «подслушать» вздох или даже стон, которые выдают то, что словами показать не хотят. Большое значение имеет и подчеркивание мимикой и голосом того или иного слова (слов). Иногда из рассказа обследуемого мы извлекаем гораздо меньше, чем из сопровождающей рассказ мимики. О чем бы ни шла речь, мимика и интонация могут усилить или ослабить сказанное. Они же могут помочь разобраться в том, уверен ли полностью обследуемый в сообщаемом или кое в чем сомневается. Любое «да», любое «нет» в плане чисто словесного материала как будто однозначны, но тон и мимика позволяют предполагать и другое значение, даже противоположное. Если человек говорит чуть-чуть нерешительно, если он почти незаметно растягивает слова, то это может служить знаком, что глубоко в его сознании живет сомнение в сказанном. Неуверенность выражается и мимически — мы видим вопрошающий, ищущий взгляд, иногда полуоткрытый рот, свидетельствующие о том, что вопрос или высказывание еще не доведены до конца. Тут даже не требуется особого предварительного изучения мимики, она как бы сама заявляет о своей диагностической силе, а мы включаем полученные сведения в общее суждение об обследуемом.

Таким образом, наблюдения за мимической, жестикуляционной и фонической системой выразительных средств можно считать важным подспорьем при диагностике личности. Найдутся, конечно, врачи, которые сочтут эту методику малодостоверной. Я же напротив, хотел бы подчеркнуть, что наблюдения за мимикой — наиболее достоверный из всех методов, которые можно привлечь для диагностирования человеческой личности, ибо здесь чисто духовное содержание находит непосредственное внешнее выражение, которое также непосредственно может быть воспринято другим человеком, о чем я уже писал в своей монографии. Если, например, человек в какой-либо ситуации проявляет страх, то это ни в чем

не найдет столь отчетливого выражения, как в его мимике. Пусть он даже пытается подавить выражение страха, но мимически это у него получится гораздо хуже, чем попытка скрыть страх словами или какими-либо действиями. Если повод для страха незначителен, то по мимике почти безошибочно можно сделать заключение о тревожности, боязливости обследуемого. Разумеется, нельзя точно установить и математически доказать, что определенная мимика человека свидетельствует о переживании им минут радости, печали, сомнения и т.п., но все же этот признак достоверен более, чем всякое иное проявление.

Нам хорошо известно из повседневного опыта, что человека можно принимать именно таким, каким он познается нами по мимике и жестике: человек с печальным выражением лица едва ли думает о чем-то веселом, а человек, выражение лица которого обнаруживает раздражение, никогда не окажется в мирном и приятном расположении духа. Поскольку мы приходим в таких случаях к выводам непосредственно и иногда очень быстро, то бывает, что о личности человека, просидевшего напротив врача всего каких-нибудь две минуты, можно узнать гораздо больше, чем после тщательного обследования его с применением тестов и анкет. Следует, однако, учесть, что даже после прохождения отличной умственной «зарядки» живость ума со временем все более бледнеет (приходит в упадок), если стимулы — пусть в иной форме — не продолжают поступать.

Можно сказать следующее: за единицу времени у человека, привыкшего активно мыслить, рождается больше мыслей, чем у другого, не привыкшего мыслить, независимо от того, у кого из обоих выше интеллект.

Достаточно посмотреть на лицо человека, чтобы составить себе суждение о том, насколько он умственно подвижен. При собеседовании, нацеленном на анализ личности, этот момент весьма важен, ибо, независимо от того, какие вопросы мы задаем и какие ответы получаем, нужно отчетливо представлять себе внутреннюю позицию человека. Особую роль она играет при определении экстра— или интровертированности личности. Например, у человека с высшим образованием, привыкшего постоянно оценивать окружающие его объекты, об интровертированности может свидетельствовать ярко выраженная склонность к продуцированию собственных идей. У человека же, не прошедшего достаточной интеллектуальной школы, особенно бросаются в глаза черты экстравертированности.

И все же необходимо признать, что мимика при детальном исследовании черт личности является не более чем превосходным вспомогательным средством. Конкретные констатации отлично подтверждаются выражением лица, но более полная картина личности выявляется при определении всевозможных реакций обследуемого.

Прежде всего, можно попросить обследуемого *высказаться о собственном отношении к своему характеру*. Мы предлагаем ему набросать свой психологический портрет, спрашиваем, как он смотрит на жизнь, как справляется с ее сложностями. Уже при одном таком самоописании можно выявить важные моменты: одни не могут смотреть на жизнь просто, другие отличаются чрезмерной чувствительностью и возбудимостью, у третьих жизнь протекает спокойно, они любят общество, веселье. Если по мимике и по модуляции голоса мы замечаем, что обследуемый чего-то не договаривает, можно остановиться на этом и расспросить детальнее. Если нам кажется, что мы столкнулись с определенной чертой личности, то можно углубить эту тему. Даже если мы окончательно убедились в наличии данной черты, она должна быть подтверждена не общими фразами обследуемого, не утвердительным «да», а *фактами из жизни, поступками*. Всякий охотно ответит утвердительно на поставленный вопрос (за исключением тех случаев, когда возможно установочное поведение), если положение соответствует истине, но такой ответ приобретает ценность только при подтверждении его объективными фактами. Обследуемый может отрекомендовать себя как человека старательного, целеустремленного, серьезного, живого и т.д., но все эти заявления ничего не стоят, если он не сможет рассказать, в чем именно проявляется его старательность или серьезность. Примеры должны быть выразительными, яркими, ведь речь идет о качествах, которые выделяют данного человека на фоне людей среднего уровня. Примеры должны свидетельствовать, что в аналогичной ситуации поведение обследуемого существенно отличается от поведения других. Утверждать нечто такое, что объективно не соответствует истине, возможно, но никто не сможет в подтверждение привести конкретные случаи и факты,

если их не было в действительности, разве что одаренный богатым воображением актер, но актера сразу можно распознать. Итак, заявления обследуемого могут служить лишь ориентиром, критерий же определения личности — это особенности поведения человека в конкретных ситуациях. Я сказал бы, что *это, пожалуй, важнейший методический пункт в анализе личности*.

Рассмотрим, как в беседе с обследуемым та или иная акцентуированная черта, определяющая структуру акцентуированной личности, выделяется с достаточной четкостью.

Если мы предполагаем, что перед нами личность *застревающая*, то прежде всего выясняем вопрос о ее *чувствительности*. Некоторые люди не совсем верно подходят к понятию «чувствительность», они толкуют ее как «впечатлительность». В таких случаях следует разъяснить пациенту, что имеется в виду чувствительность к личной обиде. Обследуемого спрашивают, что он чувствует, когда к нему относятся несправедливо, может ли он принять это спокойно. Многие не хотят признаваться в чувствительности такого рода, опасаясь обвинения в нетерпимости, неуживчивости; возможно, им приходилось уже выслушивать упреки подобного рода. Реакция сразу же отразится в мимике, и обследуемому необходимо тут же разъяснить, что имеются в виду вовсе не агрессивные проявления, а то, *как он внутренне переносит нанесенную ему обиду*, — иными словами, снять с данного качества отрицательный налет. В таком случае застревающие люди обычно признаются, что их легко задеть и обидеть. Но любопытно, что такое свойство, как *злопамятность*, многие продолжают отрицать до конца. Впрочем, отрицая, такие люди имеют в виду лишь одно: что внешне они в определенный момент уже не проявляют враждебности, так как «свое уже отыграли». Это верно лишь в той мере, в какой происшедшее перестало быть для них актуальным; причиненное же зло они продолжают помнить. Некоторые обследуемые прямо так и говорят: «я могу простить обиду, но не забыть ее». В плане акцентуации личности достаточно доказательным является то, что причиненная когда-то несправедливость постоянно остается в памяти, хотя другие черты той же личности могут тормозить проявления этой давней оскорбленности.

От многих приходится слышать, что они внутренне глубоко страдают от обид и несправедливости, хотя внешне этого не проявляют.

При более высокой степени чувствительности *внешние проявления (реакции) обиды редко отсутствуют*. Хороший результат дают следующие вопросы к обследуемому: бывали ли у него конфликты в связи с тем, что он не выносит несправедливости? Не случилось ли так, что пришлось и с работы уволиться, потому что он не мог примириться с тамошними обстоятельствами? А может быть, обследуемый был уволен по инициативе администрации, потому что он проявлял резкость и неуступчивость в любом споре?

Если поставить вопрос не о чувствительности, а о *склонности вступаться за других, когда к ним несправедливы*, то застревающие личности сразу отвечают утвердительно. Они считают такую черту ценным качеством и не видят оснований скрывать его. Впрочем, обычно их все же больше задевает несправедливость по отношению к ним самим.

Если конфликты все больше нагромождаются, если мы сталкиваемся со все растущей вздорностью и неуживчивостью, то здесь приходится констатировать (если, конечно, исключить крайне неблагоприятную ситуацию) уже не акцентуированную черту личности, а *паранойяльную психопатию*, при которой застревание переходит в патологическую стадию.

Однако застревание проявляется не только в чувствительности, лица этого склада весьма *честолюбивы*. Взаимосвязь обеих черт особенно хорошо заметна в случаях, когда обида вызвана ущемлением личного престижа. Тот, кто претерпел несправедливость по ошибке, в силу стечения обстоятельств, но при этом его личный авторитет не пострадал, вряд ли будет особенно этим задет. Стремление утвердить себя, добиться высокого положения может проявиться и вне связи с чувствительностью. Профессиональная деятельность застревающего человека подтверждает сказанное. Такие люди часто достигают весьма высокого служебного положения, хотя оно и не всегда соответствует их образованию. Если недостаточные интеллектуальные данные этих людей препятствуют занятию такого поста, все равно, пусть в узких рамках их деятельности, чувствуется непрерывное желание выдвинуться. При значительной степени акцентуации личности честолюбивые устремления часто претерпевают срывы. Должному признанию, должной оценке таких людей постоянно мешают их конфликты

с окружающими, из-за которых они не только не продвигаются вверх по служебной лестнице, но сплошь и рядом их понижают в должности.

Такие люди обычно обвиняют в этом других, но иногда осознают и собственную вину. Они своенравны и не терпят возражений, они настолько бестактны в своих честолюбивых замыслах, что вызывают своим поведением искреннее возмущение коллег. Приходится иногда опрашивать сослуживцев, так как сами обследуемые не могут объективно отобразить события. Развитие чувствительности и честолюбия, взятых в комплексе, неблагоприятно, но фактически угрожает лишь в тех случаях, когда застреваемость приобретает характер паранойяльной психопатии. Если акцентуация не переходит известных границ, то достижения застревающих личностей обычно бывают выше среднего уровня.

Если мы предполагаем, что обследуем *личность педантическую*, лучше всего начинать опрос с *вопросов о профессии* пациента. Мы спрашиваем, как он относится к своим служебным обязанностям, старателен ли. Поскольку никому не может быть приятно обвинить самого себя в небрежном отношении к работе, то от большинства людей мы получаем положительный ответ. Однако, если утвердительный ответ носит более или менее формальный характер, то, как правило, это можно определить уже по мимике и интонации. Путем дальнейших расспросов мы выясняем, не относится ли обследуемый к некоторым рабочим процессам чересчур серьезно, не перепроверяет ли себя по многу раз, хотя это и не вызывается необходимостью, не случается ли, что по дороге с работы домой он мысленно возвращается к рабочему дню, спрашивая себя, все ли им было сделано как следует. На этот вопрос большинство людей дают отрицательный ответ. Однако педантические личности тут понимающе кивают головой и дают понять, что мы коснулись их ахиллесовой пяты. Мы узнаем, что они по 2-3 раза себя проверяют, прежде чем сдать работу. Они рассказывают и о том, что с концом рабочего дня для них вовсе не кончаются служебные заботы, что, улегшись спать, они еще долго обдумывают, «как все сегодня получилось», а иногда, забегая вперед, начинают заранее «переживать» и завтрашний день.

Бывает и так, что такие люди с полдороги возвращаются в учреждение: им показалось, что они забыли сделать что-то важное, хотя это почти никогда не подтверждается.

Если такого человека спросить конкретно, *добросовестен ли он в работе, можно ли на него положиться*, то в большинстве случаев он ответит, что себя хвалить считает неудобным. Но если продолжать настаивать на ответе, то мы узнаем то, что хорошо известно всему производству или учреждению: человек этот невероятно скупуплезен, на него можно положиться как ни на кого другого. Может быть, именно из этих соображений ему поручают такую работу, при исполнении которой недопустимы ошибки. Правда, ему часто требуется больше времени, чем другим людям, чтобы довести работы до конца. Такие люди поэтому сплошь и рядом работают сверхурочно, не требуя никакой оплаты.

Для педантических личностей трудности начинаются там, где особая точность оказывается известной помехой в работе, так как бывают ситуации, когда в интересах работы в целом можно не стремиться к совершенству в отдельных деталях. Эти люди могут в связи со своим характером дойти в таких случаях даже до конфликтов. Вообще такие лица очень серьезно страдают под бременем ответственности: невозможность все выполнить так, как требует их добросовестность, делает их несчастными. Вследствие этого они не только не стремятся к повышению по службе, но даже отказываются, когда им предлагают более ответственную высокооплачиваемую должность.

В дальнейшей беседе мы касаемся *домашней жизни* обследуемого, узнаем, царят ли и там тщательность, пунктуальность. Нередко при этом устанавливаем, что педантичность распространяется не на все области жизни. Мужчины, озабоченные тем, чтобы на работе все шло идеально четко, часто в быту оказываются не слишком аккуратными. Это можно приписать определенной внутренней установке, например, что за порядок в доме отвечает жена. Любопытно, что для педантических личностей нередко более приемлемо вовсе снять с себя ответственность за порученное дело, чем пытаться справиться с ним неполноценно.

Женщины больше чувствуют себя ответственными за дом. Но поскольку и на работе педантичность их дает о себе знать, то они предпочитают работать на должностях минимально ответственных. Если же у женщин чрезмерная аккуратность выражается только в быту, то с выводами приходится быть осторожнее, ибо нередко женщины соблюдают образцовую чистоту

и чрезмерный порядок в доме лишь потому, что гордятся своим очагом и всегда хотят видеть и показывать его в безукоризненном состоянии. Обыкновенная любовь к порядку — это следует иметь в виду — к болезненным проявлениям педантической акцентуации не относится.

Наконец, определив педантичность личности, мы предлагаем *ряд стандартных вопросов*, на которые не во всех случаях получаем утвердительный ответ (не все области психики вовлекаются в соответствующие проявления), но все же часто в ответ обследуемый смущенно утвердительно кивает головой. Под стандартными я имею в виду вопросы о постоянных перепроверках, закрыты ли газовые краны, хорошо ли заперта дверь, не оставлен ли где-нибудь невыключенным свет, действительно ли опущено важное письмо в почтовый ящик и т.д.

До тех пор пока педантичность не выходит за пределы акцентуации личности, ее следует оценивать как положительную черту характера, хотя педантичные люди зачастую теряют много сил зря на никому не нужные перепроверки. Но если акцентуация достигает степени, свойственной *ананкастической психопатии*, отрицательное начинает проступать все более отчетливо. Постоянная неуверенность, постоянный последующий контроль могут достигнуть такой степени, при которой всякая работа продвигается вперед черепашным шагом. Предусмотрительное взвешивание превращается в бесплодные раздумья. Некоторые представления могут приобретать навязчивый характер. Это уже сигнал навязчивых идей, которые не являются предметом настоящего исследования.

При обследовании *демонстративной личности* нужно действовать очень осторожно, поскольку в беседе с такими людьми очень легко «попасться на удочку». Получаемым ответам в большинстве случаев нельзя доверять: обследуемые рисуют себя не такими какими являются на самом деле, а такими, какими им хотелось бы казаться. Многие демонстративные личности, например, характеризуют себя как добросовестных и даже сверхдобросовестных, являясь при этом иногда абсолютно ненадежными людьми. Они улавливают любую возможность представить себя с наилучшей стороны и с удовольствием ее используют. Поэтому здесь *особенно важно требовать подтверждения ответов конкретными примерами*. На этот случай у демонстративных личностей не припасены фактические иллюстрации, как это наблюдается у личностей педантических, которые и здесь, как и во всем, отличаются аккуратностью. Демонстративные личности вообще склонны приписывать себе разные весьма положительные качества даже и тогда, когда о них не спрашивают.

Кроме того, в процессе диагностики демонстративных личностей существует один весьма характерный момент: следует учитывать не только сообщаемые фактические данные, но также и манеру обследуемого держать себя во время беседы. Свою *истерическую сущность* такие люди, как правило, *выдают всем своим поведением*, все у них преувеличено — выражение чувств, мимика, жесты, тон. Всегда чувствуется отсутствие настоящего внутреннего фона всех этих проявлений. Вот где может особенно пригодиться способность к непосредственному восприятию и соответствующему истолкованию мимики и жестов. Обладая такой способностью, можно всегда отличить показное от искреннего. Впрочем, еще и еще раз следует подчеркнуть, какую большую роль здесь играет опыт: молодых врачей такие личности постоянно вводят в заблуждение. Молодые коллеги считают их ответы и заявления объективными, хотя по картине в целом сразу можно определить, что обследуемый хитрит. В этих случаях врачи также не всегда делают правильные выводы из *самовосхваления* и *самосожаления* этих людей, часто столь обманчивых. Мы полагаем, что в реальной жизни демонстративные личности благодаря своему упорству имеют немалый успех, ибо они бы давно отучились от своих манер, если бы каждый видел этих хитрецов насквозь.

Некоторые демонстративные личности с врачом ведут себя иначе, чем с окружающими их людьми. Бывает, что по объективным описаниям членов семьи или сослуживцев такие люди предстают весьма упорными, но при врачебном обследовании оказываются столь выдержанными, что всему, что они говорят начинаешь невольно верить. Однако все это лишь еще раз свидетельствует о приспособляемости таких людей: они показывают себя не такими, какими есть на самом деле, а такими, какими им в данных обстоятельствах выгодно себя показать. Например, многие *патологические мошенники* умышленно прячут назойливые манеры демонстративной личности, ибо хорошо знают, что с помощью спокойного поведения можно снискать больше доверия.

Демонстративные личности, если расспрашивать их осторожно, охотно признаются в *своем актерском даровании*. Они с удовлетворением подчеркивают, что в обществе всегда чувствовали себя уверенно, что еще в школе выразительно декламировали стихи, с успехом участвовали в детских театральные постановках, а позже — в любительских спектаклях. Из этой области своей жизни им легко черпать вполне конкретные примеры.

В способности играть сказывается и положительный характер данной акцентуации: подобно тому как они играют, чтобы выставить себя в выгодном свете, они весьма успешно играют и на сценических подмостках. Демонстративные личности вообще часто *одарены фантазией*, столь важной и в других областях искусства. В большинстве своем они охотно признаются в полетах фантазии. Например, мне неоднократно приходилось слышать, что обследуемому «ничего не стоит придумать славные рассказы». При тактичном проведении обследования можно добиться у пациента и подтверждения, что ему *легко «выкрутиться» при помощи ловко придуманной небылицы*.

При обследовании демонстративной личности важнее, чем при других видах акцентуации, *охватить весь ее жизненный путь*. Поскольку у таких людей явно выражена склонность избегать трудностей, они часто меняют не только место работы, но и профессию. Чем больше акцентуация приближается к *истерической психопатии*, тем больше насчитывается на работе срывов, внезапных отказов от работы, которая якобы слишком тяжела; наблюдается также и бегство в болезнь. «Истощение нервной системы», которое на самом деле является ни чем иным, как демонстрацией, и «переутомление», о котором объективно не может быть и речи, играют в подобных случаях немалую роль. Многие больные, которых при неточном анализе относят к *слабохарактерным*, на самом деле являются истериками. Рассказ о своей жизни истерические психопаты обычно пересыпают *самовосхвалением и выражением жалости к себе*. При определенной степени акцентуации эти психопаты лгут и хитрят бессознательно, что всегда следует учитывать при обследовании. Дело может дойти до *патологической склонности к обману до pseudologiaphantastica*. Наряду с этим у демонстративных личностей встречаются и такие черты, которые способны компенсировать истерическую склонность к отлыниванию от работы.

У *возбудимых личностей* также часто констатируется весьма *неровное течение жизни*, однако не потому, что они постоянно избегают трудностей, а потому, что часто высказывают недовольство, проявляют раздражительность и склонность к импульсивным поступкам. Достаточно того, чтобы им что-либо не понравилось, как они сразу же отворачиваются и, не утруждая себя взвешиванием последствий, берутся за новое. Если спросить таких людей о причинах перемены места работы или профессии, то редко услышишь ответ о трудности самой работы, зато выдвигаются другие мотивы: начальник не хотел пойти на уступки, коллега относился не так, низкая зарплата и т.д. Работа как таковая, в частности физический труд, этим акцентуированным личностям приносит радость, поэтому они здесь достигают успехов. Особенно отчетливо их возбудимость проявляется при глубоких аффектах. Неприятные события, расстроенные чувства могут привести этих людей к необдуманным поступкам, иногда к попытке самоубийства. Но особенно характерна для них *необузданная возбудимость со вспышками ярости*. Многие из обследуемых прямо подтверждают, что в *состоянии запальчивости* они не способны сдержаться, другие говорят об этом не так откровенно, но самих фактов не отрицают. Для определения степени возбудимости целесообразно опросить родных.

Возбудимые личности нередко производят впечатление людей примитивных, т.е. уже по их мимике можно судить о невысокой интеллектуальной подвижности, они замечают только то, что сразу бросается в глаза. В беседе такие люди *угрюмы на вид*, на вопросы отвечают крайне скупое. Они, собственно, как показывают некоторые реплики, отнюдь не желают проявить недружелюбие, им просто не нравится, что приходится давать такое количество ответов и поэтому реагируют очень раздраженно. Одним словом, здесь они не умеют держать себя в руках; может быть, им и хотелось бы показаться воспитанными людьми, но мимика и манеры выдают их с головой.

Впрочем, явная угрюмость и недовольство при обследовании обнаруживаются лишь тогда, когда развитие акцентуации прогрессирует и можно говорить уже об *эпилептоидной*

психопатии или о переходе к ней. Недостаточность управления собой нередко ведет к конфликтам в общении с людьми. Нередко у этих лиц мы сталкиваемся с *хроническим алкоголизмом*, так как и в приподнятом, и в подавленном настроении они охотно прибегают к алкоголю как возбуждающему средству. У девушек отмечается также *сильное сексуальное влечение*

Гипертимическая личность легко распознается в обычной беседе. Разговорчивость и жизнерадостное настроение сразу обращают на себя внимание. Умственная подвижность находит свое отражение в мимике. Такие люди любят господствовать в обществе. Здесь они выделяются своим повышенным тонусом, весельем, находчивостью и остроумными выходками. В трудовой деятельности их отличительные качества — изобретательность и богатство идей. Иногда они бывают раздражительны, что особенно заметно в семейном кругу, где нет ни отвлекающего оживленного общества, ни сдерживающего влияния начальства. Если мы задаемся целью определить, не являются ли нарушения чем-то более серьезным, чем только лишь акцентуированно структурой личности, то в первую очередь должны подумать о *гипоманиакальной психопатии*. Мы выясняем, не слишком ли беззаботно отношение человека к жизни, не «витают» ли его мысли, не отклоняются ли они от принятых норм. А может быть, в связи с живостью такого человека наблюдается и распыленность его деятельности? Проявлением гипоманиакальной психопатии может явиться общее беспокойство, суетливость. Все это сопровождается частой сменой места работы, а иногда и профессии.

Дистимическая личность также может быть легко распознана в обыкновенной беседе уже по одному застенчивому и безрадостному виду. Мимика у таких людей маловыразительная. При расспросах они обычно подтверждают, что всегда серьезны, а чувства свободной и принятой веселости вообще никогда по-настоящему не испытали. Если серьезность достигает патологической степени, т.е. при *субдепрессивной психопатии*, это может привести к полной утрате жизнерадостности и общей замедленности реакции.

Как при гипертимическом, так и при дистимическом поведении необходимо предварительно убедиться, что это поведение присуще обследуемому постоянно. Если одно из них периодически сменяется другим, то перед нами *аффективно-лабильный темперамент*. Люди этого типа, в зависимости от направления и общего тона беседы, могут представляться в одном случае оживленными и веселыми, в другом — тихими и скромными, возможна и средняя позиция темперамента.

Следует отметить, что и многие гипертимические личности в сложной ситуации могут проявить признаки глубокой депрессии, так что, по сути, и их темперамент должен быть отнесен к аффективно-лабильному типу.

Если в момент обследования человек показывает себя ровным и выдержанным, все же при опросе иногда можно довольно быстро убедиться в лабильности его темперамента. Для этого можно привести в разговоре известную антитезу Гете о настроениях — «то возносящийся, ликуя, до небес, то опечаленный смертельно» — и зафиксировать реакцию. В таких случаях при установлении диагноза нужно, кроме того, исключить аффективно-экзальтированный тип темперамента, к которому мы ниже перейдем. Нелегко определить, что именно вызывает колебания в настроении людей с аффективно-лабильным темпераментом — внешние или внутренние причины, поэтому зачастую, несмотря на данную специфику темперамента, следует исключить внешние стимулирующие моменты. Впрочем, и внешние причины могут иногда вызвать такие колебания настроения. И лишь при яркой выраженности аффективно-лабильного темперамента преобладают колебания, связанные с сугубо внутренними мотивировками, но в таких случаях перед нами уже не аффективно-лабильный темперамент, а *циклотимия как вид психопатии*.

Поскольку колебания поведения при аффективно-лабильном темпераменте могут быть вызваны и внешними причинами, необходимо исключить *эмотивный темперамент*. Дифференциацию следует проводить по следующим признакам: эмотивные личности бывают глубоко потрясены самим событием, а люди аффективно-лабильного темперамента еще некоторое время после события-стимула продолжают «вибрировать» на струне радостного возбуждения или серьезности, хотя само событие уже давно «снято с повестки дня».

Легче всего убедиться в эмотивности темперамента данного обследуемого, получив

утвердительный ответ на вопрос не слишком ли он *мягкосердечен*. Под этим подразумевают, что тяжелые переживания чересчур глубоко задевают обследуемого, что он не может «выключиться», его легко растрогать, события, происходящие в романе или в фильме, часто вызывают у него слезы. Такие люди предельно *жалостливы*, детских слез они не выносят и часто начинают плакать вместе с обиженным ребенком. Мужчины стесняются сознаться в чрезмерной слезливости, но они знают свою слабость и признают, что легко поддаются глубокой растроганности. Необходимо спрашивать у людей эмотивного темперамента также и о том, какое впечатление на них оказывают приятные переживания: вызывают ли глубокую реакцию радостные события, счастливые переживания, семейное счастье, красота природы, ощущают ли они трепет перед великими произведениями искусства. Эмоциональные реакции сильнее захватывают таких обследуемых, когда речь идет о печальных событиях, но они необычно сильны также и при радостных. Стоит лишь заговорить о событиях, мало-мальски связанных с эмотивными переживаниями, и мимика таких людей всегда выражает мягкосердечие или жалость.

В патологических масштабах эмотивный темперамент перерастает в *реактивно-лабильную психопатию*. Нередко у таких лиц сталкиваемся с *реактивной депрессией*, иногда со склонностью к самоубийству.

Переходя к *аффективно-экзальтированному темпераменту*, заметим, прежде всего, что отчасти он сродни аффективно-лабильному темпераменту, а отчасти — эмотивному. Такие личности склонны к глубокому реагированию на отдельные события, но также и к депрессивным или эйфорическим состояниям в широком общем плане. От лиц, которым присущи эти типы темперамента, они отличаются *избытком эмоциональных колебаний*. Они с такой же легкостью впадают в безутешное отчаяние, как и погружаются в восторженное блаженство. Человеку, у которого мы предполагаем данный тип темперамента, нужно задавать примерно следующие вопросы: склонен ли он воодушевляться, может ли глубоко и горячо отдаться какому-нибудь делу, испытывать в связи с этим особенно приподнятое настроение; чувствует ли он себя подавленным неприятными переживаниями, склонен ли сразу в таких случаях считать, что «все погребло», смотрит ли на будущее с безнадежностью.

В процессе самой беседы обследуемые также могут занимать то восторженно-радостную позицию по поводу того, что их трогает, то выражать взволнованными словами горестные реакции по поводу печальных событий. Поскольку проявляемые реакции весьма патетичны, легко прийти к заключению о наличии истерических черт характера. По ходу беседы мы постепенно убеждаемся в том, что тут имеют место не только яркие внешние проявления, но также и несомненная искренность чувств, т.е. об игре, столь свойственной истерикам, не может быть и речи. Проявляемые экзальтированной личностью чувства внутренне трогают нас, в то время как в беседе с личностью истерической мы постоянно ощущаем, что дальше «фасада» здесь дело не идет. Именно сам характер выражения чувств наводит на эти мысли. Если в подобных случаях профессия обследуемого не связана с артистической деятельностью, то всегда надо специально расспросить его об отношении к искусству, так как артистический вкус, эстетизм часто является характерной чертой этих людей.

Чрезмерное проявление чувств возможно в направлении и радостных, и горестных эмоций, но может быть и так, что эмоциональные переживания касаются в основном одного какого-либо полюса, а уклон в другую сторону возможен лишь в результате особо сильного стимула. При уклоне преимущественно в эйфорическую сторону наблюдаем *легко воодушевляемых личностей*, в депрессивную — *личностей, постоянно готовых впасть в отчаяние*, — я предложил бы называть их так.

При избыточных степени и темпе аффективно-экзальтированных реакций, т.е. в тех случаях, когда перед нами *аффективно-экзальтированная циклотимия*, наблюдается патологическая зависимость от эмоций с тенденцией к реакциям типа короткого замыкания. При психопатии у больных могут также наблюдаться преимущественно противоположные уклоны то к легкому воодушевлению, то к отчаянию.

Тревожность, боязливость может быть как результатом аффективной экзальтации, так и первичным свойством личности. У детей частично отмечается акцентуация личности в плане тревожности, боязливости, у взрослых такая отличительная черта чаще присуща женщинам.

При предположении об акцентуированной тревожности рекомендуется расспросить, замечался ли в детстве страх перед темнотой, грозой, животными, особенно собаками, перед старшими детьми и учителями. Таким путем можно получить нужные данные. Если же на подобные вопросы мы не получаем утвердительного ответа, хотя страх и находит подтверждение в анамнезе, то это значит, что его происхождение связано с *навязчивым неврозом*. Такая дифференциация при наличии у человека навязчивого страха обычно не проводится, но она имеет существенное значение для более точной диагностики личности. Возникновение фобии обычно связано не с первичной боязливостью, тревожностью, а с ананкастическими чертами. Акцентуированная боязливость у ребенка может достигать патологической степени, у взрослых же это наблюдается лишь в случаях угрозы чего-либо извне.

Наконец, чрезвычайно важно не проглядеть отчетливую *экстра* — или *интровертированность*. Предположим, что мы определяем, не является ли обследуемый *экстра-вертированной личностью*. В таком случае следует задавать *вопросы, связанные с контактностью данного человека*: хорошо ли он устроен в жизни, обладает ли хорошей приспособляемостью к обстоятельствам, легко ли заводит знакомства, вступает в дружеские отношения. К контактности относится и вопрос об отношениях с противоположным полом. Ответы на все эти вопросы не ведут еще к однозначной оценке. Более однозначную оценку можно дать, лишь проверив, соответствует ли мнение обследуемого о социальных, политических, религиозных взглядах, семейных отношениях общераспространенному мнению. Далее спрашиваем, как он проводит свободное время, общается ли с другими людьми (беседа, общие занятия чем-либо с друзьями), а если обследуемый коллекционер, то делится ли он с другими коллекционерами информацией о новых приобретениях. Если обследуемый много читает, спрашиваем, какого рода книги он предпочитает, приемлет ли он читаемое бездумно или размышляет над произведением, что именно интересует обследуемого при чтении книги, просмотре телевизионной программы, сосредоточено ли его внимание на конкретных фактах. Если вопросы не слишком суггестивны, то можно получить вполне достоверные ответы, так как зачисление в категорию экстравертированных людей обследуемые отнюдь не считают для себя постыдным.

Если мы предполагаем *интровертированную личность*, расспрос нужно также прежде всего начать с *вопроса о контактах с людьми*. Можно, например, спросить, не трудно ли обследуемому завязывать отношения с окружающими, особенно с лицами противоположного пола. Но и тут важнее другие вопросы: любит ли обследуемый быть один, чтобы подумать, сосредоточенно поразмышлять; любил ли он в детстве коллективные детские игры или предпочитал мастерить что-либо один. Интересно провести с таким человеком беседы на социальную, общественно-политическую и эстетическую темы, чтобы установить, есть ли у него собственное мнение по этим вопросам. Иногда можно поинтересоваться, не возникают ли у него оригинальные идеи. Целесообразно также спросить, как обследуемый проводит свободное время — в кругу семьи, с друзьями или, быть может, за чтением или любимым занятием, в которое вкладывает много творческой фантазии, любит ли он одинокие прогулки, во время которых предается думам и размышлениям.

Если поставить такие, а возможно, и другие вопросы, возникающие по ходу обследования, можно с достоверностью определить *экстра*— или *интровертированную акцентуацию*. Это подтверждается и поведением обследуемого во время приема.

Экстравертированные личности всегда готовы отвечать на вопросы и очень *охотно сообщают сведения о себе*. При этом они не долго раздумывают, «выдают» о себе информацию очень быстро, а иногда отвечают с изяществом, в том же тоне и ритме, в котором был задан вопрос. Если, судя по вопросу, ожидается положительный ответ, то они отвечают «да»; если врач невольно предвосхищает отрицательный ответ, то он его и получает. Нужно очень следить за собой, чтобы не дать обследуемому почувствовать, какого ответа от него ждут. В этом отношении *интровертированные личности* оказываются более *самостоятельными* всегда *ведут свою линию*. Если экстравертированному пациенту дать какой-нибудь совет или врачебную рекомендацию, он сразу готов всему последовать. Если данное качество выражено очень ярко, обследуемый проникается *доверием* к врачу и все его предписания готов выполнять с детской готовностью. Он сразу начинает видеть во враче друга

и чувствовать в нем непререкаемый авторитет.

Интровертированные личности в беседе отличаются сдержанностью, разговорчивыми становятся лишь тогда, когда сообщают о своих идеях или пристрастиях. Вообще часто для ответов таких людей характерна нерешительность: они еще не дали себе отчета в собственной установке.

Акцентуированные черты личности

Ниже рассматриваются различные черты характера и темперамента, формирующие человека как личность в тех случаях, когда он представляет собой отклонение от некоего стандарта.

Демонстративные личности

Сущность *демонстративного* или, при более выраженной акцентуации, *истерического* типа заключается в аномальной способности к *вытеснению*. Этим понятием пользовался Фрейд, который, собственно, и ввел его в психиатрию, где оно получило новое содержание, далеко отошедшее от буквального значения этого слова. Смысл процесса вытеснения убедительно иллюстрируется в приведенном ниже отрывке из Ницше («По ту сторону добра и зла»): «Я сделал это — говорит мне память. Я не мог этого сделать — говорит мне гордость, остающаяся в этом споре неумолимой. И вот приходит момент, когда память, наконец, отступает».

Механизм вытеснения нашел свое отражение и в поступках героев Льва Толстого. Ниже мы вернемся к тому, насколько он глубоко — и как художник, и как психолог — описывает подобные внутренние конфликты.

По теории Фрейда, в связи с вытеснением уже в раннем детстве возникает подсознательный психический мир, чрезвычайно действенный, предрасполагающий к возникновению впоследствии невроза. Мы не присоединяемся к соображениям Фрейда, хотя и исходим из аналогичного положения: человек может в определенный момент или даже на очень длительное время вытеснить из памяти знание о событиях, которые не могут не быть ему известны. По сути, каждый из нас обладает способностью поступать подобным образом с неприятными для себя фактами. Однако это вытесненное знание обычно остается у порога сознания, поэтому нельзя полностью игнорировать его. У истериков же эта способность заходит очень далеко: они могут совсем «забыть» о том, чего не желают знать, они способны лгать, вообще не осознавая, что лгут. Лица, вовсе чуждые способности к демонстрации, не поймут разницы и сочтут неправду истерика самой обыкновенной ложью; отсюда и тенденция толковать истерическое притворство как симуляцию.

Никто не станет отрицать, что между «неправдой» истерика и обыкновенной ложью существуют известные переходы, скажем больше: даже истерики в большинстве случаев не столь уж неосознанно лгут и притворяются. И все же стоит обратиться к крайним типам реагирования, наблюдаемым у истериков, как различие сразу бросится в глаза. Истерик способен к вытеснению даже физической боли. Например, вкалывая себе в тело иглы, он может не испытывать при этом болезненных ощущений.

Представим себе истерика, который, находясь в заключении, поставил перед собой цель попасть в тюремную больницу. Для этого он решил проглотить черенок ложки или какой-либо другой предмет, что ему и удастся, так как он «выключил» неизбежный в подобном случае рвотный рефлекс. Истерик, следовательно, умеет подавлять даже физиологические рефлексy. Человек без такого умения не проглотит обломок ложки даже под страхом смерти, ибо рвотный рефлекс помимо его воли задержит ложку в глотке. Если учесть такого рода факты, нетрудно понять, что истерическая неправдивость существенным образом отличается от сознательной лжи. Подтверждением служит следующее сопоставление. Сознательная ложь чаще всего сопровождается угрызениями совести, боязнью разоблачения. Такая ложь связана со смущением, иногда с замешательством, нередко лжец заливается краской. То ли дело истерики! Они лгут с невинным выражением лица, говорят с собеседником дружелюбно, просто и

правдиво. Непринужденность их поведения объясняется тем, что отъявленная ложь для истерика в момент общения становится истиной.

Человек не в силах заведомо лгать, ничем не выдавая себя. Кто способен так искусно управлять мимикой? Она всегда выдаст лгуна. Необходимо преодолеть нечестность внутренне, чтобы начисто ликвидировать ее внешние проявления.

В дальнейшем, при анализе темы «Авантюристические личности», мы увидим, что залогом успеха людей этой категории является доверие, внушаемое их кажущейся искренностью, возможной благодаря тому, что внутренне они своей лжи не чувствуют.

Несколько иное положение в тех случаях, когда ложь с умыслом становится привычной, когда человек «входит» в нее. Например, человек, несмотря на враждебную внутреннюю настройку «становится» личностью в плане той роли, которую он в данный момент играет. Это вживание в роль может зайти настолько далеко, что истерик на время перестает принимать в расчет свою конечную цель.

Авантюристические личности порой делают грубейшие «ошибки» в глазах объективного наблюдателя: на какой-нибудь непредвиденный поворот в событиях они, войдя в роль, реагируют импульсивно, ничего не взвешивая, и тем самым выдают себя с головой. Нередко такие срывы облегчают розыскную работу полиции. И если вопреки этим «ошибкам» авантюристические личности все же добиваются своих целей, то тем самым лишь подтверждается известная истина, что окружающих легче убедить уверенной манерой держать себя, чем логическими рассуждениями.

Если же авантюристические личности настолько увлекаются своей ролью, что вредят себе, то это происходит потому, что состояние, вызванное вытеснением, лабильно, неустойчиво.

Истерики лгуны выступают под вымышленными именами и титулами лишь до тех пор, пока в этом есть необходимость. Они никогда не сохраняют фальшивых титулов себе во вред, не появляются под вымышленными именами перед людьми, которые их знают.

Демонстративные личности в любое мгновение могут вытеснить из своей психики знания о каком-либо событии, а при необходимости «вспомнить» о нем. Не исключено, однако, что эти личности полностью могут забыть то, что они длительное время вытесняли из своей психики.

Особенность демонстративных реакций заключается в том, что их начало связано с осознанным или хотя бы частично осознанным стремлением к чему-либо. Ни одно желание не может возникнуть абсолютно неосознанно; не может появиться неосознанно и уверенность, что есть способ приблизиться к осуществлению этого желания. Лишь после того как цель проведена через сознание, — дальнейшее может протекать уже неосознанно.

Конечно, намерения могут и не быть сформулированы в виде четких положений, они нередко оказываются стертыми вытеснением. И все же факт, что в какой-то мере, хотя бы частично, сознание истерика участвует в постановке цели, учитывается даже в судебной психиатрии: за проступки истерических обманщиков и аферистов судом предусматривается примерно та же мера наказания, что и за нарушения закона вполне нормальными аферистами. Такой судебный подход не мог бы считаться правомерным, если бы возникновение желаний и целей совсем не контролировалось сознанием.

Истерик хочет того же, чего повседневно пытаются добиться, о чем хлопчут и некоторые неистерические личности: он ищет, например, выход из затруднительного положения, пробует разрешить досадный конфликт, отлынивает от трудоемкой работы, добивается материальных средств для осуществления своих планов, для наслаждения радостями жизни, и ему, как и всем, хотелось бы пользоваться авторитетом в своем окружении.

Надо сказать, что пресловутая «потребность в признании» как одна из мотивировок истерического реагирования часто переоценивается: ведь многие полагают, что именно в ней заключается наиболее характерная особенность истерического типа. Любому врачу хорошо известны, например, так называемые больные *рентным истерическим неврозом*, которые зачастую не придают ровно никакого значения признанию, а добиваются лишь одного — материальной обеспеченности. Истерики мошенники также чаще всего исходят лишь из соображений корыстных, из денежных интересов. Некоторые истерики действительно стремятся лишь к завоеванию признания. Возможно, в таком случае следует говорить о

различиях психического поведения, лежащих вообще за пределами истерии как таковой.

Потребность в признании окружающих существует у множества людей, однако она подвержена значительным индивидуальным колебаниям. Не чужды этого и представители демонстративного типа. Не все истерики жаждут признания в большей степени, чем неакцентуированные личности. Быть может, первые отличаются от вторых не столько наличием данной потребности, сколько упорством, с которым они добиваются своего. Они и здесь вытесняют, т.е. подавляют, тормоза, проявляющиеся обычно у человека, когда он впадает в соблазн выдвинуться, почувствовать себя на первом плане. Так, например, неакцентуированные личности, как правило, сами себя не расхваливают; многие из них, и даже часто, были бы не прочь это делать, однако они опасаются всеобщего неодобрения: ведь известно, что похвала ценна тогда, когда она объективна. Личность демонстративная может вытеснять такие нормальные тормоза и поучать удовлетворение от собственного бахвальства. Таким образом, истерик обладает в общем не большей потребностью в признании, чем большинство людей, но тем не менее создается именно такое впечатление, поскольку он более других самонадеян и кичлив.

К словесному самовосхвалению присоединяется тщеславное поведение, стремление всячески привлечь к себе внимание присутствующих. Проявляется это уже в детстве: ребенок в школе рассказывает различные истории, читает стихи и, обладая способностью всех истериков «вживаться» в роль, верно нащупывает нужный тон. То же можно наблюдать, когда маленький «артист» разыгрывает сценки перед сверстниками или взрослыми. Как правило, человек обычно стесняется выделяться, чувствует неловкость, становясь центром внимания; даже в тех случаях, когда его выделяют заслуженно, он смущается. Подобного рода смущение демонстративной личности чуждо, а повышенный интерес со стороны она принимает с величайшим удовольствием и стремится «испытать чашу до дна». Любопытно, что если внимание собравшихся, как бывает иногда, носит недоумевающий или даже неодобрительный характер, то истерик легко закрывает на это глаза: лишь бы быть заметным.

Чаще всего именно эту потребность истериков находиться в центре внимания принимают за пресловутую жажду признания. Действительно, многие демонстративные личности отличаются упорным стремлением вызвать к себе внимание окружающих, хотя это тоже свойственно не всем истерикам. Данные черты могут быть связаны не с повышенной потребностью в признании, а с недостатком выдержки, с отсутствием торможения. Поэтому у таких истериков то же свойство выдвигает на передний план иные, хотя также сугубо эгоистические, устремления, например безудержную жажду наживы.

То же следует сказать и о жалости к себе как проявлении демонстративной личности. Человек часто склонен считать, что по отношению к нему совершена несправедливость, что его незаслуженно постиг удар судьбы. Общество не может одобрить в подобных случаях такую субъективную позицию: насколько обоснованы жалобы пострадавшего, судить не ему самому, для этого требуется объективная оценка ситуации со стороны. Зная это, истерикам следовало бы быть сдержаннее в сетованиях, обвинениях. Но и здесь «срабатывает» вытеснение, истерик раздражается целыми тирадами о своей горемычной доле, и врач безошибочно распознает, что кроется под страдальческим видом, под позой мученика. Ведь он повседневно наблюдает то же самое у других своих больных, которые «спасаются бегством в болезнь», выдуманными страданиями стараются произвести впечатление на окружающих, разжалобить их. Приходится выслушивать преувеличенные описания болезненных явлений. Каких только подробностей не выслушивает врач! О безумных мучениях, о катастрофе, когда жизнь больного висела на волоске (впрочем, угроза еще не миновала). Все это излагается в спокойной обстановке, тихом врачебном кабинете, а самое любопытное, что и посетитель не производит впечатления тяжело больного человека: пространные словесные излияния поддерживаются активной жестикуляцией и мимикой. Жалость к себе переплетается с самовосхвалением: уж как больной старался терпеть молча, какую силу духа выказывал, какое самообладание, и все же в конце концов болезнь подкосила его.

В подобных случаях речь идет не всегда о патологии людей, тяжело страдающих от болезней, немало. Но у личностей демонстративного типа жалобы носят подчеркнутый, назойливый характер, так как у них вытеснено нормальное торможение.

Следует упомянуть еще об одной характерной для истерика черте — о необдуманности его поступков.

Как известно, истерики весьма озабочены впечатлением, которое они производят. Однако обдумать линию поведения заранее они не способны. Они хитры на выдумки, но эту хитрость легко разоблачить, так как, стремясь к цели, такие люди без разбора пользуются любыми средствами. Если у истерика и мелькнет мысль о возможности разоблачения, то он тут же ее вытеснит, ведь будущее туманно, а демонстративный тип всегда живет моментом. Именно поэтому истерики часто больше теряют, чем выигрывают. Следует отметить, что необдуманность линии поведения является признаком выраженной истерической акцентуации личности.

Такая необдуманность прекращается лишь вместе с переоценкой самой цели, когда у демонстративной личности развивается истерический невроз. Так, если желание добиться пенсионного обеспечения или страх его потерять овладевают всеми помыслами человека, то поведение определяется исключительно «пенсионным комплексом». И в случае, когда под угрозу поставлена самая главная цель, истерик уже не разменивается на минутные вспышки удовлетворения.

Впрочем, в этих случаях он часто попадает «из огня да в полымя». Предположим, что для получения пенсии по инвалидности человек вынужден постоянно симулировать хромоту или в течение длительного времени вовсе не подниматься с постели. Разве он не обрекает себя тем самым на большие неудобства, чем если бы регулярно ходил на работу? Появление сверхценных идей знаменует добавление параноических черт к истерическому типу — положение, к которому мы еще вернемся.

Многие из описанных фактов и черт характера не могут не насторожить врача. Однако не следует односторонне подходить к демонстративному типу. В быту многие характерные черты истерической психики не без оснований оцениваются положительно. Так, в тех профессиях, где требуется проникновение в психику человека, умение приспособливаться к другим относится к положительным особенностям этого типа. Например, в сфере обслуживания люди демонстративного типа работают особенно успешно. Возьмем хотя бы продавцов: они превосходно «чувствуют» покупателя и к каждому нащупывают верный подход. Эта способность связана с даром демонстративной личности «отречься» от себя, играя ту роль, которая особенно импонирует партнеру. Так, с покупателем уверенным, властным эти продавцы становятся скромными, даже робкими; с покупателем застенчивым держат себя активно и энергично. Как правило, реакции продавца не акцентированного носят на себе отпечаток его собственной личности, что далеко не всегда приятно покупателю. Зато демонстративные натуры у прилавка способны к полному подавлению своего «я».

Демонстративная личность способна сбалансировать отношения при тяжелых ситуациях и с тяжелыми людьми. Брак, например, может быть удачным именно в силу того, что один из супругов обладает умением приспособливаться. Но главной положительной особенностью людей истерического типа являются их артистические способности, на которых мы детальнее остановимся ниже.

Так же можно объяснить и особый дар демонстративной личности внушать к себе чувство симпатии, любви. Часто ребенка с выраженными истерическими чертами считают «паинькой», «примерным», а уж если случится, что он нашалит, то как не простить его, ведь с кем не бывает... Шалости таких детей не столь уж редки, хотя они никогда не шалят на глазах у воспитателя. Отношение к воспитателю неизменно вежливое, выдержанное, ребенок, с полуслова подчиняется требованиям. Зато среди своих сверстников или других взрослых такое дисциплинированное дитя нередко слышит маленьким эгоистом. К одноклассникам «паинька» относится враждебно, готов очернить их в глазах учителя, действуя нечестными методами, а воспитатель охотно выслушивает «примерного» ученика и верит ему. Демонстративный ребенок лжет, не сознавая себя лгуном. В соответствии с особенностями возраста вытеснение у детей происходит еще легче, чем у взрослых. Маленькие сплетники и клеветники чаще всего принадлежат к личностям демонстративным.

То же поведение сохраняется и у взрослых. Благодаря умению приспособливаться люди демонстративного типа быстро находят друзей, которых привлекает их общительность,

готовность услужить, к другим же чертам новые друзья не присматриваются. Любопытно, что в то время как объективно у больной констатируется отсутствие воли к труду, коллеги по работе нередко хвалят ее за трудолюбие. Они настолько ослеплены ее обходительностью, что не могут даже подумать о ней плохо. Впрочем, обходительность проявляется истериками лишь там, где она им выгодна. В отношениях с другими сотрудниками, занимающими, допустим, менее высокую должность, проявляются их эгоистические устремления. Конкурент подвергается нападкам исподтишка, против него плетутся интриги. Встречается и двойная игра, когда стремятся «снести» сразу двух соперников — сначала одного, затем другого. Истерик начинает с того, что льстит и вкрадывается в доверие первого, исподволь начиная чернить его в глазах второго; затем происходит обратное — устанавливается контакт со вторым, которому клеветают на первого. Описанное уродство поведения показывает, как мало развит у демонстративных личностей этический комплекс. Что же касается самих форм поведения в данном случае — бессовестного и беззастенчивого притворства, — то они характерны для истерического типа. Умение приспособливаться, следовательно, может приводить и к отрицательным результатам.

Педантические личности

На уровне явной патологии личности *педантическому типу* соответствует *аланкастическая психопатия*. У лиц педантического типа, в противоположность демонстративному, в психической деятельности исключительно мало представлены *механизмы вытеснения*. Если поступки истериков характеризуются отсутствием разумного взвешивания, то ананкасты «тянут» с решением даже тогда, когда стадия предварительного обдумывания окончательно завершена. Они хотят, прежде чем начать действовать, еще и еще раз убедиться, что лучшее решение найти невозможно, что более удачных вариантов не существует. Ананкаст не способен вытеснить сомнения, а это тормозит его действия. Таким образом, необдуманности истериков противопоставляется *нерешительность ананкастов*. Разумеется, решения, с которыми связаны колебания педантичного субъекта, должны быть в какой-то мере важны для него: оказывать сопротивление естественному вытеснению трудно лишь тогда, когда неверный поступок грозит либо вызвать неприятности, либо воспрепятствовать приятному. То, что для человека не имеет серьезного значения, сознание вытесняет без всякого труда, для этого не нужно принимать особого решения даже ананкасту.

При развитии у лиц педантического типа *невроза* важность решения не снимается с повестки дня, но в этом случае предполагаемая *угроза*, тормозящая принятие решения, может оказаться *ничтожной*. Если мать-ананкаст прячет в комнате, где находится младенец, все колющие и режущие предметы, то ее действия в известной мере оправданы страхом, что ребенок может пораниться. Но если та же мать вообще боится прикоснуться к младенцу, «чтобы не повредить ему», то она страдает неврозом навязчивых состояний.

Так, например, навязчивое умывание может с натяжкой быть оправдано тем, что даже после тщательного мытья на теле все же остаются мельчайшие частицы грязи, часто невидимые (бациллы). В случаях, когда минимальная возможность опасности сопровождается резким, бурным аффектом, можно говорить о том, что стадия психологической нормы развития истекла, т.е. приходим к закономерности, описанной в цит. соч. Это можно образно представить как *основной закон развития человеческих чувств*, согласно которому эмоции, раскачиваемые между двумя полюсами, все «набирают высоту» и таким образом из незначительных реакций перерастают в глубокие аффекты. С этой закономерностью мы столкнемся еще при анализе развития параноических состояний. При *неврозах навязчивых состояний* сильный страх, заставляющий видеть в пустяковом обстоятельстве зловещую угрозу, возникает из-за длительной неуверенности в том, оправдан ли данный страх. Мать в нашем примере сначала хотела лишь убедиться, нет ли острых предметов вблизи ее ребенка. Но успокоиться окончательно не могла, подозревая, что упустила из виду еще какой-то опасный предмет, и вновь гнала от себя мрачные мысли, и вновь они возвращались. Вследствие таких постоянных, разъедающих душу сомнений возникает болезненный страх, сбедающий невротиков с навязчивыми идеями. При этом их же собственный разум считает страхи необоснованными, но преодолеть их они не в силах, уже в периоде развития аффекта ананкаст борется с навязчивыми

представлениями; но поскольку его способность к вытеснению заведомо недостаточна, то именно эта борьба усиливает навязчивые представления, ведя к тому самому «раскачиванию», которое взвинчивает страх до предела. Последуй женщина в нашем примере первому импульсу, унеси она из комнаты свои иголки, булавки, ножницы, прежде чем войти туда с младенцем, прекрати она размышлять в данном направлении — и навязчивая идея не развилась бы. Женщина забыла бы о чрезмерных предосторожностях, если бы не продолжала упорно о них думать, страх ее улетучился бы сам собой. Но ей не удается «поставить точку», всплывают новые опасения, и, борясь с ними, она невольно способствует их развитию, создает для них питательную среду.

Но не только такие колебания склоняют людей к патологическим сомнениям; толчком, способствующим «раскачиванию» чувств, могут быть и внешние обстоятельства. *Ипохондрический невроз* чаще всего возникает в связи с медицинским обследованием, консультациями, предписаниями; больной начинает колебаться между надеждой и опасениями, и в конечном итоге — появляется патологический страх перед тяжким заболеванием. Осознание необоснованности страхов у ипохондриков еще менее вероятно, чем при навязчивых сомнениях, поскольку легче убедиться в необоснованности сомнения, чем в несерьезности физического заболевания, причина которого нередко неясна и самому врачу.

В данной монографии речь идет не о *психическом развитии*. Мы привели эти вступительные замечания лишь с целью облегчить *понимание типа ананкаст*, так как сведения о психопатиях, развивающихся у акцентуированной педантической личности, облегчат читателю правильное суждение о ней. Легче будет раскрыть и отрицательные стороны акцентуации этого типа.

При отсутствии невроза педантичность наносит ущерб личности только тогда, когда она приобретает болезненный характер. *Способность принять решение* в этих случаях настолько резко нарушена, что человек не в состоянии нормально работать. Обуреваемый сомнениями, он вновь и вновь проверяет, удовлетворителен ли результат его труда, можно ли считать работу законченной. Он начинает отставать от других, от коллектива. Это в известной мере (но далеко не полностью) компенсируется старательным и добросовестным выполнением порученного дела. Ананкаст часто добровольно работает сверхурочно, чтобы наверстать потерянное время. Немалый вред приносит педантичность и в личной жизни. Например, рабочий день закончился, но ананкаст все никак не может «расстаться» с рабочим местом; уходя, неоднократно возвращается, чтобы проверить, заперты ли ящики, закрыты ли все двери, все ли оставлено в полном порядке. Если он сдерживает себя, отказывается от многократных самопроверок, то по дороге домой все равно его изводят мысли о прошедшем рабочем дне, тревожат разные мелочи. Особенно усиливаются его сомнения, когда порученная работа ответственна. Беспокойство не покидает ананкаста и дома: время засыпания, являющееся для другого периодом «выключения», становится для педантической личности тяжелым испытанием. Ананкаст еще раз подвергает скрупулезному анализу все, что было сделано сегодня, погружается в мысли о планах на завтра и не находит лишь одного — покоя.

Бытовые обязанности также не могут выполняться спокойно и гладко. Женщины больше мужчин подвержены чрезмерной, навязчивой аккуратности. Уборка в комнате производится дотошно и основательно, да и куда чаще, чем нужно. Особая чистота должна царить на кухне. Приготовление пищи отнимает у ананкастов много времени, ибо мытье продуктов, их чистка, перебирание овощей, крупы выполняются с предельной тщательностью. Посуду ананкасты моют по три-четыре раза, меняя всякий раз воду. Если ожидаются гости, уборка производится особенно интенсивно. Трудоемкой оказывается и забота о предотвращении бытовых несчастных случаев. Женщина, которая ни разу в жизни не забывала закрыть газовый кран, обязательно многократно проверяет себя, поднимаясь для этого с постели даже ночью. То же самое проделывается и с входной дверью. А днем опять повторяется знакомая картина: покидая дом, ананкаст возвращается проверить, аккуратно ли заперта дверь, тянет ее, трясет; между тем еще ни разу не случилось, чтобы он не закрыл дверь. Выключение утюга и света при уходе из дому также перерастает в проблему. Таким образом, для педантических личностей и трудовая деятельность, и бытовые заботы протекают настолько усложненно, что радости жизни, возможность ими наслаждаться как бы проходят мимо них.

Если педантичность выступает лишь как *акцентуированная черта характера*, то описанные выше отрицательные моменты не проявляются. Поведение педантической личности не выходит за пределы разумного, и в этих случаях часто сказываются *преимущества*, связанные с тенденцией к основательности, четкости, законченности. Так, в области профессиональной деятельности педантическая личность проявляет себя положительно, так как выполняет работу очень добросовестно. Другие подумают: да что тут возиться и так сойдет! Такая установка людям описываемого типа чужда. На производстве хорошо знают работника с этой стороны, знают, что на него можно положиться безоговорочно: ему всегда доверяют работу, при выполнении которой необходима большая точность, тщательность. Любопытно следующее: на ананкаста ответственное задание может оказать угнетающее действие, так как вызовет множество тревог и опасений, в то же время педантическая личность возьмется за работу без особых раздумий и выполнит ее четко. Если учесть, что педантичность, сверхаккуратность это одновременно и сверхдобросовестность, — то сразу становится понятным положительное значение такой черты характера. Позитивное начало педантической личности проявляется и в том, что такой человек любит свое производство, хорошо осознает обязательства по отношению к нему и не меняет место работы без веских оснований. Нередко такие люди много лет, а иногда и всю жизнь работают на одном и том же предприятии. С *мелочным педантизмом* скрупулезность такой личности не имеет ничего общего, а любовь к порядку тоже еще не говорит о том, что обладатель этого качества — ананкаст (на этом подробно остановимся ниже). В быту для лиц педантического типа также характерна добросовестность. Муж в таких случаях нередко, пасуя перед бытовыми трудностями, перекладывает ответственность на жену. Иногда из-за чрезмерного усердия такие лица, которых еще нельзя отнести к ананкастам: (они обнаруживают только черты педантичности), могут серьезно осложнить себе жизнь. Однако для общества они очень ценны.

Педантическая скрупулезность, впрочем, выражается не только в высоких деловых качествах. Она чревата тем, что *акцентуированная личность* начинает *усиленно пещься о собственном здоровье*. При умеренных проявлениях это положительное качество. Сверхаккуратный человек осторожен, не увлекается курением, не слишком много пьет. Однако при неблагоприятных обстоятельствах такая установка служит толчком к *развитию ипохондричности*.

Следует отметить, что если человек — в связи со страхом болезни — не только сообщает о неопределенных соматических симптомах, но и жалуется на конкретные, четко локализованные неприятные ощущения, — это уже свидетельствует о предрасположении к невротическому развитию.

Возникают *не идеоипохондрические* состояния, как я предполагаю их называть, а *сенсоипохондрические*, при которых появляются не только болезненные опасения, но и явные болезненные ощущения без конкретной телесной основы. При подобном предрасположении опасность невротического развития возрастает, так как боль воспринимается как подтверждение органического заболевания. Если момент опасений, страха перед болезнью отсутствует, то описываемое предрасположение не проявляется, следовательно, в нем нет ничего патологического. У Г. в начальной стадии невроза предрасположение к невротическому развитию не проявило себя ничем. И лишь совпадение таких факторов, как нервное и физическое переутомление и выраженные черты личности педантического типа, вызвали невроз, а вслед за ним и разветвленные болевые ощущения.

Ипохондрический невроз не всегда легко отличим от невроза навязчивых состояний. Люди, страдающие кардиофобией, т.е. болезненной мнительностью в отношении заболеваний сердца, могут одновременно бояться выходить на улицу, опасаясь, что именно там произойдет инфаркт. Такая фобия ситуации — она также должна быть отнесена к неврозам навязчивых состояний — есть не что иное, как следствие нозофобии, т.е. ипохондрической мнительности. В других же случаях это вообще страх перед чем-то роковым и зловещим, но он не содержит представлений о конкретном заболевании своего собственного организма.

Застревающие личности

Основой застревающего, параноического, типа акцентуации личности является *патологическая стойкость аффекта*.

Чувства, способные вызывать сильные реакции, обычно идут на убыль после того, как реакциям «дать волю»: гнев у разгневанного человека гаснет, если можно наказать того, кто рассердил или обидел его; страх у боязливого проходит, если устранить источник страха. В тех случаях, когда адекватная реакция почему-либо не состоялась, аффект прекращается значительно медленнее, но все же, если индивидуум мысленно обращается к другим темам, то в норме аффект через некоторое время проходит. Даже если разгневанный человек не смог отреагировать на неприятную ситуацию ни словом, ни делом, то тем не менее не исключено, что уже на следующий день он не ощутит сильного раздражения против обидчика; боязливый человек, которому не удалось уйти от внушающей страх ситуации, все же чувствует себя через некоторое время освобожденным от страха. У застревающей личности картина иная: действие аффекта прекращается гораздо медленнее, и стоит лишь вернуться мыслью к случившемуся, как немедленно оживают и сопровождавшие стресс эмоции. Аффект у такой личности держится очень долгое время, хотя никакие новые переживания его не активизируют.

Как уже говорилось, патологическим последствием чреватости в первую очередь *эгоистические аффекты*, так как именно им присуща особая сила. Вот почему застревание аффекта наиболее ярко проявляется тогда, когда затронуты личные интересы акцентуированной личности. Аффект в этих случаях оказывается ответом на уязвленную гордость, на задетое самолюбие, а также на различные формы подавления, хотя объективно моральный ущерб может быть ничтожным. Оскорбление личных интересов, как правило, никогда не забывается застревающими личностями, поэтому их часто характеризуют как *злопамятных или мстительных людей*. Кроме того, их называют *чувствительными, болезненно обидчивыми, легкоуязвимыми людьми*. Обиды в таких случаях в первую очередь касаются самолюбия, сферы задетой гордости, чести.

Однако и ущерб, наносимый интересам другого плана, например жажде материальных благ, страсти к приобретательству, также болезненно воспринимается людьми, которые отличаются чрезмерной стойкостью аффекта. Чувство возмущения общественной несправедливостью у личности застревающего типа наблюдается в более слабой степени, чем аффекты на уровне эгоистических побуждений. И если среди представителей данного типа все же встречаются иногда борцы за гражданскую справедливость, то лишь в той мере, в какой эти люди отстаивают одновременно справедливость в отношении себя; обобщением они лишь стараются придать больше веса своим личным претензиям.

Черты застревания сказываются не только при нанесении ущерба акцентуированной личности, но и в случае *ее успеха*. Здесь мы часто наблюдаем проявления *заносчивости, самонадеянности*. Честолюбие — особенно характерная, четкая черта у лиц с чрезмерной стойкостью аффекта: честолюбие сопровождается самоуверенностью, а поощрений таким людям всегда бывает мало.

Поскольку помехи эгоистическим целеустремлениям исходят от окружающих людей, то при высокой степени застревания, т.е. у личностей параноического типа, наблюдается такая характерная черта, как *подозрительность*. Человек болезненно чувствительный, постоянно страдающий от мнимого «плохого отношения» к себе, точно так же теряет доверие к людям, как и человек, недоверие которого объективно обоснованно. Ведь подозрительность вполне обоснованна, например, у ревнивца, которого действительно обманывают. Но в то время как оправданная подозрительность не идет дальше данного случая, подозрительность застревающей личности носит всеохватывающий характер, поскольку болезненная подозрительность порождается не определенными внешними обстоятельствами, а коренится в психике самой личности. Поэтому о подозрительности как свойстве психики можно говорить только при наличии общей настроенности недоверия, распространяющейся на любые области и отношения.

Повторение нескольких однотипных случаев может послужить толчком к началу параноического развития, но объяснять последнее только *суммированием* подобных случаев было бы неверно.

Если какое-то лицо постоянно чувствует себя мишенью для обидных замечаний,

допустим, со стороны своего начальника, то, с одной стороны, будет постоянно расти ненависть к этому человеку, а с другой — появится притупление реакций на систематически действующий раздражитель, т.е. произойдет постепенное ослабление аффекта. Такой результат наблюдается обычно в тех случаях, когда вступить в борьбу с обидчиком невозможно, но параноического развития такие ситуации не дают.

Постоянное нарастание аффекта вызывается появлением описанного выше длительного чередования успехов и провалов. Представим себе, что есть возможность должным образом прореагировать на обиду, однако успех этот будет лишь частичным, так как вскоре за ним вновь последует новый выпад со стороны обидчика. Такая непрерывная смена удовлетворений и новых поражений и ведет к возникновению параноического аффекта. Подобное развитие может иметь место — при описанных предпосылках — даже у лиц, не отличающихся застреманностью аффектов. Часто встречается такое положение в быту, скажем, в «борьбе» невестки со свекровью возможно развитие реакций типично параноических. При этом сам аффект бывает неизмеримо сильнее, чем вызвавший его повод.

Особенно велика опасность тогда, когда в вышеописанное «раскачивание» вовлекаются аффекты, обладающие тенденцией к стойкости. В этом случае толчок в обратную сторону не дает достаточного снижения силы аффекта.

Аффекты, достигающие большой силы и обнаруживающие тенденцию к застреманию, постепенно все больше поглощают мысли больного, что приводит к возникновению *сверхценных* или даже *бредовых, параноических* идей.

Вне области психиатрии такого рода развития почти бредового порядка мы наблюдаем в первую очередь *в связи с ревностью*. В области эротики больше, чем во всех других, человек постоянно колеблется между надеждой и опасениями, в силу чего аффект все усиливается. Это усугубляется тем, что любовные проявления обычно держат в тайне, так что судить о том, есть ли измена или нет, бывает затруднительно. Добавим к этому, что кокетливые женщины нередко специально дразнят партнера двойственным поведением, чтобы он терзался ревностью, ибо известно, что с ревностью усиливается любовь.

При такой смене чувств страдание от мысли о возможной неверности любимой достигает апогея, но ему тут же противостоит захватывающее ощущения счастья, связанное с надеждой, что, может быть, она все-таки верна. В другой работе я детально описал этот процесс, который ведет к *«любви, исполненной ненависти»*. Ревность может охватить не только мужчину, но и женщину. Правда, ревность женщины обычно не доходит до столь опасных финалов, как у мужчин, так как последние воспринимают факт, что их «предали», не только эротически. У них в гораздо большей мере, чем у женщин, страдает самолюбие.

Кроме эротической сферы человека могут «раздирать на части» также *судебные тяжбы*. Они безжалостно выматывают сутягу, который как бы раскачивается, то поднимаясь на вершину, то стремительно падая вниз. В конечном итоге аффект достигает наивысшей точки и настолько овладевает мыслями, что для благоразумия уже не остается места. Весь «путь» тяжбы усеян сильными аффектами, а человек постоянно находится во власти противоречивых умозаключений: то он в отчаянии, что проиграет процесс, то полон надежды, что все же выиграет. Даже если дело не доходит до подобных крайностей, то параноически настроенный человек может просто упереться, считая себя правым, хотя факты свидетельствуют об обратном. В таких случаях мы имеем дело с индивидуумом несговорчивым, не терпящим ни в чем возражений, упрямо настаивающим на своем. Преобладающие черты несговорчивости часто проявляются у людей и в быту.

При *экспансивно-параноическом* развитии заболевания на переднем плане также стоит аффект. Для человека, который поставил перед собой большую цель и которого постоянно «штатает» между успехом и фиаско, уже сама цель начинает таить в себе магическую привлекательность, не терпящую объективной критической оценки. В ходе развития такого психоза человек, например, может возомнить себя крупным изобретателем, хотя объективно об этом ничто не свидетельствует. Так как подобные радужные ощущения обнаруживают тенденцию к стойкости, ибо человек вообще охотно погружается в оптимистические грезы, то экспансивного пути развития акцентуации следовало бы ожидать чаще, чем персектурного (брёда преследования). Однако при перевесе радужных чувств резко снижается активность,

необходимая для постоянного поддержания описанных падений и взлетов, а их смена и есть основной механизм патологического развития.

Идеи, возникающие в результате параноического развития, часто не носят бредового характера, однако они должны быть отнесены к *сверхценным* (название предложено Вернике), т.е. всецело овладевающим мышлением человека. Например, человек до такой степени может быть захвачен мыслями о своей ущербности, которые появились у него на почве ревности, или своей идеей грандиозных достижений, что все другие интересы и цели для него не существуют. В этом поведении выявляется такая характерная черта, как твердолобость параноической личности.

На процессе психического развития этих состояний мы уже останавливались, описывая акцентуированных личностей *ананкастического типа*. У последних, например, мысли о своем тяжком недуге или навязчивое представление, что нечто важное упущено, — по сути, те же сверхценные идеи, хотя психиатры их так и не называют. Сходство параноического и ананкастического развития еще больше бросается в глаза в тех случаях, когда у застревающих личностей потенцируется *страх*. Страх может лежать в основе как ананкастического, так и параноического развития. При колебаниях между надеждой выздороветь и опасением умереть страх в большей или меньшей мере овладевает и застревающими личностями. В результате — картина *ипохондрического* развития протекает у акцентуированных личностей и педантического, и застревающего типа примерно одинаково, хотя у последних она встречается значительно реже.

Застревающий тип личности интересен тем, что он в равной мере таит в себе возможности как *положительного*, так и *отрицательного* развития характера. Как известно, человек лишь в том случае может добиться уважения и авторитета, если он в чем-то достигает положительных результатов, выделяясь на фоне других. Поэтому всякий честолюбивец стремится достичь высоких показателей в любом виде деятельности.

Истерики, впрочем, могут обойтись и без этого, они часто бывают довольны собой без видимой причины. Объяснение простое: путем вытеснений истерики могут субъективно продемонстрировать тот престиж, которым объективно вовсе не обладают.

Паранойальные личности, не обладая склонностью к самовнушению, должны завоевать реальное признание других людей, чтобы иметь основания гордиться собой. Таким образом, честолюбие может стать *важной движущей силой на пути к отличным трудовым или творческим показателям*. Но честолюбие может оказаться и отрицательным фактором, например, когда честолюбец бесцеремонно подавляет и оттесняет своего коллегу, в котором видит конкурента. В таких случаях честолюбец обычно наталкивается на протест общественности, и выход может быть двояким: либо он образумится и снова попытается добиться признания самоотдачей в труде, либо победит вторая особенность такой личности — ее подозрительность, враждебность.

В приводимых ниже примерах мы познакомимся с тем, как застревание может отразиться на поведении личности и в положительную, и в отрицательную сторону. У первого обследуемого, который ранее уже был описан Зайге в нашем коллективном труде, до 60-летнего возраста преобладали положительные черты акцентуации, а вместе с ними и позитивная жизненная установка. Позднее положение резко изменилось: стала преобладать подозрительность, а не честолюбие. Именно подозрительность и толкала больного на бесплодную борьбу с окружением и окружающими.

Такое положение встречается нередко: застревающие личности в юные годы отличаются выдающимися достижениями в различных областях, так как они искренне и с увлечением ищут удовлетворения в осуществлении своих честолюбивых замыслов, но с возрастом превзойти других бывает нелегко, и застревающая личность, характеризующаяся чрезмерной стойкостью аффектов, с возрастом уже не чувствует былого удовлетворения своей деятельностью. Признание ее достижений становится теперь весьма умеренным, и возникает параноическая готовность взвалить вину за создавшееся положение на других, на тех, которые якобы враждебно к ней настроены. Со временем такая личность окончательно становится на отрицательный путь, вредный для общества.

Возбудимые личности

Весьма существенны черты характера, вырабатывающиеся в связи с недостаточностью управляемости. Они выражаются в том, что решающими для образа жизни и поведения человека часто являются не благоразумие, не логическое взвешивание своих поступков, а влечения, инстинкты, неконтролируемые побуждения. То, что подсказывается разумом, не принимается во внимание.

Само понятие влечения можно трактовать обобщенно, усматривая в нем, главным образом, стремление к разрядке в большей мере физического, чем морального (духовного) свойства. Вот почему в таких случаях можно говорить о *патологической власти влечений*. При повышенной степени реакций этого типа мы сталкиваемся с *эпилептоидной психопатией*, хотя прямая связь с эпилепсией отнюдь не обязательна. Возможно, в данном случае существует известное сходство с психическим складом больного эпилепсией, но внутреннего родства нет никакого.

Реакции возбудимых личностей импульсивны. Если что-либо им не нравится, они не ищут возможности примириться, им чужда терпимость. Напротив, и в мимике, и в словах они дают волю раздраженности, открыто заявляют о своих требованиях или же со злостью удаляются. В результате такие личности по самому пустячному поводу вступают в ссору с начальством и с сотрудниками, грубят, агрессивно швыряют прочь работу, подают заявления об увольнении, не отдавая себе отчета в возможных последствиях. Причины недовольства могут оказаться самыми разными: то им не нравится, как на данном предприятии с ними обращаются, то зарплата мала, то рабочий процесс их не устраивает. Лишь в редких случаях речь идет о тяжести самого труда, ибо возбудимые личности, как правило, имеют склонность к занятиям физическим трудом и могут похвастаться тут более высокими, чем у других людей, показателями. Раздражает их чаще не столько напряженность труда, сколько моменты организационные. В результате систематических трений наблюдается *частая перемена места работы*.

По мере возрастания гнева личности с повышенной возбудимостью от слов обычно переходят к «делам», т.е. к рукоприкладству. Бывает, что рукоприкладство у возбудимых личностей опережает слова, так как такие люди вообще не очень склонны обмениваться мнениями, если не считать отборных ругательств. Ведь обмен мнениями равнозначен обмену мыслями, а уровень мышления таких людей довольно низок. Да они и не ощущают потребности в объяснении — ведь причина гнева и так ясна. И все же не скажешь, что поступки и действия этих импульсивных людей опрометчивы, скорее наоборот, их досада подспудно растет, постепенно усиливается и ищет выхода, разрядки. Уже одна их неповоротливость, тяжеловесность, о которой речь пойдет ниже, несовместима с быстротой реакций. Наблюдается скорее непомерное наращивание аффекта, чем его вспышка, поэтому внезапные взрывы гнева менее характерны для таких людей, гораздо типичнее его массивные проявления. Впрочем, часто и в тех случаях, когда реакция характерна именно своей интенсивностью, тоже употребляют обозначение *вспыльчивость*. *Раздражительность*, которая свойственна также и холерическим натурам, у последних не отличается подобными массивными реакциями, она более быстротечна. Когда сердится холерик, у него сразу же проявляется возмущение, протест; возбудимая личность в подобном случае бывает не столько возбуждена, сколько сосредоточена на аффекте, и то, что этот человек расстроен, часто можно определить по одной лишь мимике. На приеме у врача — а обстановка приема возбудимым личностям обычно неприятна — они чрезвычайно скупы на слова, сидят, угрюмо глядя перед собой, на вопросы почти не отвечают.

Импульсивность патологического характера относится также и к *влечением в узком смысле слова*. Возбудимые личности едят и пьют все подряд, без разбору, многие из них становятся *хроническими алкоголиками*. Когда хочется выпить, они не думают об опасности внезапного острого опьянения и о пагубных последствиях для служебного престижа, для семейной жизни, здоровья. Среди хронических алкоголиков можно найти немало возбудимых личностей.

Импульсивны их проявления и в сексуальной сфере, однако у мужчин это не очень бросается в глаза, так как они, будучи неумеренными в половых потребностях, часто

длительное время не меняют партнершу, более того — довольно прочно к ней привязываются. Впрочем, это не имеет никакого отношения к верности, просто с данной женщиной инстинкт удовлетворяется наиболее полно. Если же таких людей, охватывает влечение к другой женщине, то они без раздумья ему следуют. Они неразборчивы в половых связях, особенно в юные годы, и часто становятся отцами множества внебрачных детей. У женщин также часто наблюдается постоянство в отношении избранного партнера, у немолодых женщин подобным путем нередко устанавливаются длительные половые связи. Однако возбудимые личности — молоденькие девушки, а также эпилептоидные психопатки в юном возрасте нередко полностью лишены моральных устоев и легко отдаются многим мужчинам. Некоторые эпилептоидные психопатки вступают на путь проституции.

Вообще, *моральные устои* в жизни возбудимых личностей *ве играют* сколько-нибудь *заметной роли*. При «благоприятных» обстоятельствах они нередко совершают нечестные поступки, например берут то, что «плохо лежит». Уголовные преступления эпилептоидных психопатов-мужчин чаще всего связаны с грубыми актами насилия. У подростков наблюдаются случаи изнасилования девушек.

У возбудимых личностей обоих полов в юности нередко *импульсивные побеги* из дому. Нередко возбудимых подростков что-либо дома не устраивает, а простейшим выходом им кажется удрать, порвать всяческую связь с домом. Иногда это способ избежать на некоторое время посещения школы, а что будет дальше — для них не имеет значения. Девочки во время таких побегов, попадая в бедственное положение, часто завязывают сексуальные отношения с мужчинами. Мальчики совершают взломы либо для того, чтобы чем-нибудь поживиться, либо просто в поисках ночлега.

Наблюдаются также *немотивированные побеги*, чаще всего тоже у подростков с легковозбудимым, импульсивным характером. Высказывания об этом в литературе мы встречаем у Ширмера. Подростки или дети часто уезжают в таких случаях далеко от дома и задерживаются в местах, «где есть на что смотреть», но в момент побега такой цели у них могло и не быть. Поскольку лица с эпилептоидными чертами характера обладают примитивными импульсами, то возможно, что в них просыпается древний инстинкт к бродяжничеству, проявляется извечная жажда переживаний, принимающая опять-таки свою древнейшую форму. Эта жажда побуждала, возможно, когда-то людей искать все новые переживания и тем самым накапливать жизненный опыт. В своей книге «Инстинкты и первичные инстинкты» я прихожу к заключению, что примитивные (древние) инстинкты проявляются преимущественно в детском возрасте.

Когда *преступность* возникает на почве неудержимого инстинкта, она носит не совсем обычный характер. Хотя возбудимая личность, совершившая грубое насилие, часто характеризуется как бессердечная, бездушная, а причиной преступления считается *жестокость*, такая оценка основана на непонимании этих людей. Акты насилия у них вызываются не бездушием, а аффективным напряжением (стрессом). В спокойном состоянии эти люди отличаются привязчивостью, заботятся о своих детях, любят животных и нередко готовы оказать любую помощь. Эти добрые чувства социального порядка у них точно так же, как и дурные, не испытывают торможения. Однако социальный долг высшего порядка — для них в общем чуждое понятие. Они не осознают, что нельзя прогуливать уроки, что нельзя до безобразия напиваться, что пропустить хотя бы один день на работе разрешается только по весьма уважительной причине, что перед начальником работник обязан отчитываться.

Сходство проявлений эпилептоидной психопатии с изменениями характера эпилептического порядка проявляется еще и в *тяжеловесности мышления*. У возбудимых личностей констатируется замедленность мыслительных процессов. Затруднено даже восприятие чужих мыслей, так что часто приходится прибегать к долгим и детальным объяснениям, для того чтобы быть правильно понятым ими. Особенно бросается в глаза замедленность мышления тогда, когда обследуемому нужно хотя бы немного задуматься над ответом. Задавая простейшие вопросы, приходится подолгу ждать ответа. Если же предоставить такому человеку возможность говорить, не перебивая его, то замедленность проявляется в *чрезмерной обстоятельности*. Они рассказывают о мелких подробностях, «размазывают» их, а на информацию по существу их все равно приходится «наводить».

Интеллектуальную тяжеловесность эпилептоидных психопатов можно, как правило, распознать в самом простом разговоре, но особенно ясно она видна при опросах с целью проверки интеллектуального уровня. Так же убедительно доказывается тяжеловесность мышления и пробой на продуктивность. Испытуемому предлагают в течение трех минут назвать как можно больше предметов. Нормальный человек называет не менее 60 понятий, эпилептоидный психопат значительно от него отстает.

Тяжеловесность мышления, затрудняющая и внутреннее переключение психики, может проявиться и в педантичности, которая, однако, далеко не так четко проявляется у эпилептоидных психопатов, как у большинства эпилептиков.

Более или менее четко проявляющиеся признаки возбудимой личности могут несколько сглаживаться наличием природного ума, однако не настолько, чтобы снять движущую силу инстинкта. Решение, которое импульсивными людьми принимается в нормальном состоянии, «в здравом уме», следующий же приступ эмоционального возбуждения может свести на нет. Особенно заметно это у возбудимых детей. Можно прилагать любые усилия, взывать к благоразумию, неотступно вести намеченную тактику — и все же воспрепятствовать проявлению импульсивных реакций невозможно. Ни в одном из случаев акцентуации другого рода *воспитательное воздействие* не является столь труднодостижимым. Возможно, это происходит в силу того, что сама сфера инстинктов, которая порождает импульсы, остается недоступной для воспитательных мероприятий. Впрочем, по мере созревания личности наблюдается некоторое улучшение. При различных побуждениях и «соблазнах» повседневной жизни у этих людей оказывается достаточно самоконтроля, чтобы удержаться от безрассудства. И лишь при необычных, острых аффективных напряжениях самоконтроль исчезает.

Общие черты у эпилептоидных психопатов и эпилептиков наблюдаются не только в психике. Часто у них отмечается *атлетическое телосложение*. Отличаясь большой физической силой, возбудимые личности в состоянии аффекта могут становиться зверски жестокими — ведь уже под влиянием одного лишь аффекта физическая сила возрастает.

Сочетание акцентуированных черт характера

Если в структуре человеческой личности различать свойства *характера и темперамента*, то в вышерассмотренных типах акцентуации личности преобладают свойства характера. Свойствами характера определяются направленность интересов человека и форма его реакций, в то время как от темперамента зависят темп и глубина эмоциональных реакций. Четкой границы между темпераментом и характером, однако, не существует. *Кречмер и Эвальдте* по-разному подходили к их разграничению. Например, у возбудимой личности, у которой доминируют патологические импульсивные и аффективные реакции, можно усматривать в какой-то мере преобладание черт темперамента. С другой стороны, глубина эмоциональных восприятий у эмотивных личностей (см. ниже) сильнее отражается на альтруистических чувствах, чем на эгоистических, обуславливая и некоторые черты их характера. В силу этого я не считаю, что предлагаемое мной деление личностей по характеру — *на демонстративных, педантических, застревающих и возбудимых* — является чем-то абсолютным, точно так же как и черты, анализируемые в ряде последующих глав, определяют отнюдь не один лишь темперамент человека.

Зная отдельные черты, несложно проследить и их сочетаемость. Однако именно в области характера сочетания некоторых черт отличаются столь явственными особенностями, что их необходимо обсудить подробнее. Усиление, ослабление или варьирование одной черты можно проследить. Предсказать же характер преломления, например возбудимости у застревающей, импульсивной (возбудимой) или педантичной личности, невозможно. Правильно судить об этом можно только на основании практических наблюдений и опыта. Вот почему я считаю целесообразным начать с конкретных наблюдений над некоторыми сочетаниями описанных черт характера.

Сочетание *демонстративных и педантических черт* у акцентуированных личностей не встречается, поскольку демонстративные и педантические личности противопоставлены друг другу в одной и той же сфере реакций. Для демонстративной личности в состоянии аффекта

показательны внезапные действия по типу короткого замыкания, в то время как педантические личности исключительно медлительны, объективного наблюдателя их нерешительность повергает в полное недоумение. Способность вытеснять из сознания эмоциональные вопросы, не сразу поддающиеся психологическому решению, у демонстративных личностей повышена, у педантических — резко понижена. Если бы в психике человека имелись черты и те и другие, то неизменно возникало бы нечто нормальное, среднее. Наши наблюдения, проведенные на весьма большом количестве пациентов, подтвердили, что людей, обладающих одновременно обеими упомянутыми чертами характера, не существует.

Особый интерес вызывает сочетание черт характера *демонстративной и застревающей личности*. Результат при этом бывает различный. Слабость истерика может в известной степени компенсироваться стойкостью и упорством реакций паранойяльной личности, но иногда возможны и деформации психики. Причина заключается, видимо, в социальной двойственности паранойяльной акцентуации, при которой возможны как высокие трудовые и творческие показатели, так и бесплодная трата времени на бессмысленную борьбу. При таком сочетании последняя тенденция нередко особенно ярко проявляется у упорных рентных невротиков, которые не только симулируют симптомы заболевания по типу истерического вытеснения, но еще и борются с чисто паранойяльным упорством за признание этих симптомов истинными болезненными явлениями.

Гипертонические личности

Гипертимический темперамент, резкая степень проявления которого носит название *гипоманиакального состояния*, хорошо известен в психиатрии. Как и при *маниях*, правда, в несколько смягченной форме, приподнятое настроение сочетается при этом с жадой деятельности, повышенной словоохотливостью и с тенденцией постоянно отклоняться от темы разговора, что иногда приводит к скачке мыслей. Гипертимическая акцентуация личности не всегда чревата отрицательными последствиями, она может благотворно влиять на весь уклад жизни человека. Гипертимические натуры всегда смотрят на жизнь оптимистически, без особого труда преодолевают грусть, вообще им нетрудно живется на свете. Благодаря усиленной жадности, они достигают производственных и творческих успехов. Жажда деятельности стимулирует у них инициативу, постоянно толкает их на поиск нового. Отклонение от главной мысли порождает множество неожиданных ассоциаций, идей, что также благоприятствует активному творческому мышлению. В обществе гипертимические личности являются блестящими собеседниками, постоянно находятся в центре внимания, всех развлекают. Они способны говорить и рассказывать без конца, только бы их слушали. Такие люди не могут наскучить, с ними интересно, они пересыпают свою речь прибаутками, остротами и никогда долго не задерживаются на одной теме.

Однако *если данный темперамент выражен слишком ярко*, положительный прогноз снимается. Безоблачная веселость, чрезмерная живость таят в себе опасность, ибо такие люди шутя проходят мимо событий, к которым следовало бы отнестись серьезно. У них постоянно наблюдаются нарушения этических норм, поскольку они в определенные моменты как бы утрачивают и чувство долга, и способность к раскаянию. Ярко выраженный гипоманиак легкомысленно ставит на карту свой авторитет, нередко рискует потерять имущество, пускаясь в сомнительные предприятия. Чрезмерная жажда деятельности превращается в бесплодное разбрасывание, человек за многое берется и ничего не доводит до конца. Богатство идей в подобных случаях превращается в пустое прожектерство.

Чрезмерная веселость может переходить в раздражительность. Если такие переходы резко выражены и наблюдаются часто, это наводит на мысль о паранойяльном компоненте, о чем речь будет ниже.

Доля психической вовлеченности гипертимического темперамента в область *мыслей, чувств и волевых проявлений* не всегда одинакова. Иногда в человеке прежде всего бросается в глаза беспечная веселость, иногда она отступает перед безудержной разговорчивостью, в некоторых случаях мышление, ни на чем не задерживаясь, перескакивает с одной идеи на другую. Однако всегда в большей или меньшей степени наблюдаются все три признака

одновременно, представляя единство, подобно тому как это бывает при мании. Иногда удается прямо доказать, что гипертимический темперамент представляет собой не что иное, как некое «разбавление» мании. Иногда выраженная мания может обнаружиться либо у самого обследуемого, либо у одного из его родственников. В целом гипертимический темперамент отнюдь не обязательно связан с манией. При сравнительно легких проявлениях он представляет собой нормальный вариант акцентуации человеческой личности.

Дистимические личности

Дистимический темперамент (при более резком проявлении *субдепрессивный*) представляет собой противоположность гипертимическому. Личности этого типа по натуре серьезны и обычно сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни в гораздо большей степени, чем на радостных. События, потрясшие их глубоко, могут довести эту серьезную пессимистическую настроенность до состояния *реактивной депрессии*, особенно в тех случаях, когда налицо резко выраженные субдепрессивные черты. Стимулирование жизнедеятельности при дистимическом темпераменте ослаблено, мысль работает замедленно. В обществе дистимические люди почти не участвуют в беседе, лишь изредка вставляют замечания после длительных пауз.

Серьезная настроенность выдвигает на передний план тонкие, возвышенные чувства, несовместимые с человеческим эгоизмом. Серьезная настроенность *ведет к формированию серьезной этической позиции*. Показательно уже то, что в обоих случаях мы пользуемся определением «серьезный». Это указывает на внутреннюю близость между данными проявлениями. Именно в них мы и усматриваем положительную сторону дистимического темперамента. Пассивность в действиях и замедлительное мышление в тех случаях, когда они выходят за пределы нормы, относятся к отрицательным свойствам этого темперамента.

Субдепрессивный темперамент легко поставить в связь с депрессивным психическим заболеванием, но, как и при гипертимии, эта связь отнюдь не обязательна. Этот темперамент очень часто соответствует психической норме.

Особенности темперамента удается, как правило, *установить уже в детстве*. Гипертимический темперамент у детей определить легко, пожалуй, легче, чем у взрослых, так как к естественной детской живости присоединяется живость темперамента. В своем труде «Детские неврозы и детская личность» я описал таких «сверхбойких», «сверхрезвых» детей. Дистимический темперамент у детей также нетрудно распознать. Такие дети выделяются среди других робостью, нерешительностью. Об этом свидетельствует случай, описанный Целлером в нашей книге.

Аффективно-лабильный темперамент

Аффективно-лабильные, или (при ярко выраженных проявлениях) *циклотимические личности* — это люди, для которых характерна смена гипертимических и дистимических состояний. На передний план выступает то один, то другой из этих двух полюсов, иногда без всяких видимых внешних мотивов, а иногда в связи с теми или иными конкретными событиями. Любопытно, что радостные события вызывают у таких людей не только радостные эмоции, но также сопровождаются общей картиной гипертимии: жаждой деятельности, повышенной говорливостью, скачкой идей. Печальные события вызывают подавленность, а также замедленность реакций и мышления.

Причиной смены полюсов не всегда являются внешние раздражители; иногда достаточно бывает неуволнимо поворота в общем настроении. Если собирается веселое общество, то аффективно-лабильные личности могут оказаться в центре внимания, быть «заводилами», увеселять всех собравшихся. В серьезном, строгом окружении они могут оказаться самыми замкнутыми и молчаливыми. Этот темперамент также имеет параллель среди психических заболеваний — *маниакально-депрессивный психоз*, который также проходит как бы между двумя полюсами. Однако этиологическая связь в этом случае не обязательна.

Можно было бы предположить, что лабильность внутреннего состояния связана с

наследственным совмещением гипертимического и дистимического темперамента, т.е. одна черта унаследована от отца, другая — от матери. Однако мои наблюдения показали, что такое совмещение не вызывает аффективной лабильности. Напротив, в подобных случаях возникает *взаимокомпенсация*, обуславливающая появление *синтонного темперамента*, для которого характерно постоянно ровное, нейтральное настроение. При этом наблюдается картина, подобная той, которая встречается при сочетании *истерических и ананкастических черт характера*. Весьма показательным, что сочетание акцентуированных или психопатических личностных черт в том или ином человеке не усиливает акцентуацию или психопатию, напротив, *оно ведет к выравниванию характера, т.е. к норме*. Это наблюдение представляет интерес в первую очередь для тех, кто склонен усматривать в психопатиях нечто принципиально отрицательное. Между тем *две психопатии, сложенные вместе, могут дать в результате норму*.

Аффективно-экзальтированный темперамент

Аффективно-экзальтированный темперамент, когда он по степени выраженности приближается к психопатии, можно было бы назвать темпераментом тревоги и счастья. Это название подчеркивает его близкую связь с психозом тревоги и счастья, который сопровождается резкими колебаниями настроения. Описываемый темперамент может действительно оказаться ослабленной формой этого заболевания, но такая взаимосвязь не обязательна. В случаях, когда наблюдается чистая аффективная экзальтация, тем более не может быть и речи о патологии.

Аффективно-экзальтированные люди реагируют на жизнь более бурно, чем остальные. Темп нарастания реакций, их внешние проявления отличаются большой интенсивностью. Аффективно-экзальтированные личности одинаково легко *приходят в восторг от радостных событий и в отчаяние от печальных*. От «страстного ликования до смертельной тоски», говоря словами поэта, у них один шаг. Экзальтация в незначительной мере связана с грубыми, эгоистическими стимулами, гораздо чаще она мотивируется тонкими, альтруистическими побуждениями. Привязанность к близким, друзьям, радость за них, за их удачу могут быть чрезвычайно сильными. Наблюдаются восторженные порывы, не связанные с сугубо личными отношениями. Любовь к музыке, искусству, природе, увлечение спортом, переживания религиозного порядка, поиски мировоззрения — все это способно захватить экзальтированного человека до глубины души.

Другой полюс его реакций — крайняя впечатлительность по поводу печальных фактов. Жалость, сострадание к несчастным людям, к больным животным способна довести такого человека до отчаяния. По поводу легко поправимой неудачи, легкого разочарования, которое другим назавтра уже было бы забыто, экзальтированный человек может испытывать искреннее и глубокое горе. Какую-нибудь рядовую неприятность друга он ощущает болезненнее, чем сам пострадавший. Страх у людей с таким темпераментом обладает, по-видимому, свойством резкого нарастания, поскольку уже при незначительном страхе, охватывающем экзальтированную натуру, заметны физиологические проявления (дрожь, холодный пот), а отсюда и усиление психических реакций.

Тот факт, что экзальтированность связана с тонкими и очень человеческими эмоциями, объясняет, почему этим темпераментом особенно часто обладают артистические натуры — *художники, поэты*. Артистическая одаренность представляет собой нечто в корне иное, чем научные способности в определенной области, например в математике. В чем заключается причина данного явления?

Во-первых, я полагаю, что сама по себе одаренность еще не обеспечивает возможности создания произведения искусства. Такое произведение рождается лишь тогда, когда творец способен к высокому накалу эмоциональных переживаний. Если человек обладает глубоким умом и практическим здравым смыслом, то ничто не мешает ему развивать свои математические, технические или организационные способности. Но при подобной разумной практической установке данное лицо не пишет стихов и не сочиняет музыку, хотя его природных данных хватило бы на это.

Во-вторых, эмоции сами по себе позволяют создавать верное суждение о возникающем произведении, давать ему верную оценку. Уровень науки измеряется ее прикладным значением, ценность же художественного произведения познается лишь по эмоциональному воздействию. Из этого следует, что неотъемлемым свойством поэта или художника прежде всего должна быть *эмоциональная возбудимость*. Вторым стимулирующим моментом для артистической натуры может быть наличие *демонстративных черт характера*. Наконец, с третьим моментом мы столкнемся, рассматривая *интровертированность*.

Конфликты артистических натур с жизнью часто происходят из-за слишком большой чувствительности, «проза» жизни, ее подчас грубые требования им не по плечу.

Например, избыток чувств у Гельдерлина стимулировал его поэтическое творчество, но одновременно не давал приспособиться к повседневным жизненным требованиям. Возможно, его постоянная эмотивная возбудимость носила болезненный характер, так как во второй половине жизни у него развилось тяжелое психическое заболевание.

Гельдерлинью жизнь больше страдал, чем испытывал порывы восторженной радости, но это было связано с большими жизненными трудностями, которые ему пришлось испытать из-за чрезмерной чувствительности. К началу душевного заболевания эта исключительная эмотивная возбудимость еще возросла. В письме к В.Ланге он пишет: «Поверь мне, дорогой! Я боролся до смертельного изнеможения, чтобы сохранить высшую жизнь, в вере и в созерцании, о, да! Я боролся, страдая невыразимо, и полагаю, что мучения мои превышают все, когда-либо испытанное человеком». В подобных жизненных гиперболах мы не только узнаем Гельдерлина, но одновременно получаем представление о силе импульсов, которыми возбудимость питала его поэтическое вдохновение.

Выдающийся немецкий лирик приведен мною как пример. Подобным же образом, хотя, возможно, и не в такой степени, эмотивная возбудимость является базой создания художественных произведений у многих артистических натур. Добавим к этому закономерное стремление художника отразить в своем творчестве то, что его так сильно и глубоко захватывает.

Тревожные (боязливые) личности

В детском возрасте чувство страха нередко достигает крайней степени. Дети такого склада, обладающие тревожно-боязливым темпераментом, боятся, например, засыпать в темноте или когда в помещении никого нет, заходить в неосвещенные комнаты и коридоры. Боятся собак. Трепещут перед грозой. Наконец, боятся других детей, поэтому те их часто преследуют и дразнят. Они не решаются защищаться от нападений, что как бы провоцирует других более сильных и смелых, детей поиздеваться над своим боязливым товарищем, ударить его. Это «козлы отпущения», как их обычно называют, или «мишени», как предложил бы их назвать я, ибо они постоянно «вызывают огонь на себя». Любопытно, что сверстники сразу распознают их слабое место. Если, например, ребенок-«мишень» поступает в детское психиатрическое отделение, то и здесь, стоит лишь воспитательнице отвернуться, его сразу же начинают «преследовать». Такие дети испытывают сильный страх перед учителями, которые этого, к сожалению, часто не замечают, усугубляя страх ребенка своей строгостью. Иногда дети при очередной шалости сваливают вину на боязливого ребенка, который действительно становится «козлом отпущения».

У взрослых картина несколько иная, страх не столь полно поглощает взрослого, как ребенка. Окружающие люди не представляются им угрожающими, как в детстве, а поэтому их тревожность не так бросается в глаза. Впрочем, неспособность отстоять свою позицию в споре остается. Достаточно противнику выступить познергичнее, как люди с тревожно-боязливым темпераментом стушеваются. Поэтому такие люди отличаются *робостью*, в которой чувствуется элемент *покорности*, униженности. Наряду с этим различают еще *ананкастическую робость*, спецификой которой является внутренняя неуверенность в себе. В первом случае человек постоянно настороже перед внешними раздражителями, во втором — источником робости служит собственное поведение человека, именно оно все время находится в центре его внимания. Эти два типа робости можно дифференцировать при простом

наблюдении. В обоих случаях возможна сверхкомпенсация в виде самоуверенного или даже дерзкого поведения, однако неестественность его сразу бросается в глаза. Боязливая радость может иногда перейти в доверчивость, в которой сквозит просьба: «Будьте со мной дружелюбны».

Временами к робости присоединяется *пугливость*, которая может иметь чисто рефлекторный характер, но может быть и проявлением внезапного страха. Чем ярче выражена пугливость, тем более вероятна сопровождающая ее *повышенная возбудимость автономной нервной системы*, усиливающая соматическую реакцию страха, которая через систему иннервации сердца может сделать страх еще более интенсивным.

Эмотивные личности

Эмотивность характеризуется чувствительностью и глубокими реакциями в области тонких эмоций. Не грубые чувства волнуют этих людей, а те, что мы связываем с душой, с гуманностью и отзывчивостью. С подобными реакциями мы уже встречались, описывая аффективно-экзальтированный темперамент, явно родственной эмотивному. Но эмотивные личности не впадают в такие крайности в области эмоций, как аффективно-экзальтированные, эмоции их развиваются с меньшей быстротой. Аффективно-экзальтированных личностей можно охарактеризовать словами «бурный, порывистый, возбужденный», эмотивных — «чувствительный, впечатлительный». Обычно людей этого темперамента называют *мягкосердечными*. Они более жалостливы, чем другие, больше поддаются растроганности, испытывают особую радость от общения с природой, с произведениями искусства. Иногда их характеризуют как людей задушевных.

Мягкосердечие, задушевность людей этого типа *связаны с усиленным внешним проявлением их реакций*. В беседе с эмотивными личностями сразу видно, как глубоко их захватывают чувства, о которых они говорят, поскольку все это отчетливо отражает мимика. Особенно характерна для них слезливость: они плачут, рассказывая о кинофильме с печальным концом, о грустной повести. Так же легко у них появляются слезы радости, растроганности. Эмотивным детям нередко нельзя читать сказки, так как при печальных поворотах сюжета они сразу же начинают плакать. Даже мужчины часто не могут удержаться от слез, в чем признаются с немалым смущением.

Особая чувствительность натуры ведет к тому, что душевные потрясения оказывают на таких людей болезненно глубокое воздействие и вызывают *реактивную депрессию*. Иногда, когда душевный разлад достигает патологической степени, возможны попытки самоубийства. Однако при этом патология развивается несколько иным путем, чем при реактивных депрессиях *удистимических или циклотимических личностей*, у которых то или иное переживание как бы «развертывает» заложенную в человеке от природы готовность к депрессии. Это может произойти и без особо тяжелых ударов судьбы; нередко такое состояние вызывается лишь случайным поводом, приводящим в действие некий механизм. У эмотивных же личностей тяжесть депрессии всегда соответствует тяжести события, переживания. У них отсутствует предрасположение к депрессивным реакциям. Они легко поддаются и радости, причем радость также захватывает их глубже, чем других людей.

Здесь мы сталкиваемся с *важным различием между эмотивным и циклотимическим реагированием*. В обоих случаях наблюдается лабильность эмоционального уровня: нейтральное состояние с одинаковой легкостью может перейти и в радость, и в печаль. Однако в случае циклотимии реакция по характеру и по глубине непрочно связана с переживанием. Незначительный успех может привести такого человека в бурный восторг, а пустячная неудача — в глубокое депрессивное состояние. Как мы видели, пребывание в весело настроенном обществе может нередко вызвать первое, а пребывание с опечаленными, скучными людьми — второе состояние. На эмотивную личность воздействие оказывает только само переживание, вызывая абсолютно адекватную эмоциональную реакцию без преходящих настроений. Поэтому человек эмотивного склада не может «заразиться» весельем в веселом обществе, не может беспричинно сделаться ни смешливым, ни счастливым.

К реактивной депрессии близки случаи, когда мягкосердечные личности под влиянием

событий испытывают столь острую угнетенность, что *теряют силу сопротивляться*. Протест против нападков других людей или какие-либо действия наперекор судьбе для них невозможны из-за наличия депрессивного состояния.

Экстравертированная акцентуация личности и ее комбинации

Я уже отмечал, в чем усматриваю своеобразие *экстра-вертированной личности*. Экстравертированный человек больше обращен в сторону *восприятий, чем представлений*. Такой человек легко поддается влиянию окружения, стимулам извне, постоянно ищет новых переживаний, любит ходить в кино, смотреть телевизионные передачи. Он отлично чувствует себя в оживленном обществе, где получает сразу множество впечатлений и богатую информацию, и с удовольствием проводит время с приятелем, болтая о том, о сем. Среди любимых занятий таких людей следует отметить спорт, в котором они либо активно участвуют сами, либо с увлечением отдаются спортивному зрелищу. Попадают и экстравертированные коллекционеры, однако в собирании ими тех или иных предметов не чувствуется внутренней заинтересованности. Коллекционирование не служит для них определенным интеллектуальным толчком. Во время путешествий экстравертированная личность нацелена прежде всего на занимательные переживания, а вовсе не на то, чтобы обогатить свои знания и свой внутренний мир впечатлениями нового.

При некоторой поверхности мышления все, поступающее извне, не подвергается особому анализу. Это обуславливает *подверженность чуждому влиянию и легковерие*. Любое сообщение, последовавшее в категорическом тоне, для экстравертированного лица — бесспорный факт, даже в том случае, когда достаточно хотя бы немного задуматься и сопоставить факты, чтобы возникли сомнения в достоверности информации. Поэтому часто описываемый тип людей становится просто рупором своего окружения. Все, что они слышат от других, читают, слышат по радио (а для женщин — очень часто высказывания мужа), является неопровержимой истиной. Однако их мнения не отличаются стойкостью, поскольку внутренне не перерабатываются. Поэтому новое сообщение, заключающее иное освещение фактов, легко может все опрокинуть в их сознании.

Явной обращенностью к тому, что приходит извне, обусловлена непосредственность реакций на внешние раздражители. События, привлекающие внимание в данный момент, легко становятся для таких людей господствующими и приводят к поступкам, подсказываемым сугубо внешней ситуацией. Мысли, которые могли бы притормозить подобную необдуманность реакций, отсутствуют. Вот почему экстравертированная акцентуация влечет за собой импульсивность поступков.

Интровертированная акцентуация личности и ее комбинации

Интровертированная личность живет не столько своими восприятиями и ощущениями, сколько своими представлениями. Поэтому внешние события как таковые влияют на жизнь такого человека относительно мало, гораздо важнее то, что он о них думает. В большинстве случаев интровертированный человек приходит к объективно правильным умозаключениям: он не связан впечатлениями момента, он учитывает то, что ему подсказывают его прежние представления, его жизненный опыт. Известная степень интровертированности вырабатывает способность к правильным суждениям. Но если данная акцентуация сильно выражена, то личность все более отдаляется от действительности и в конечном итоге настолько погружается в мир своих представлений, что объективно принимает в расчет воспринимаемое все меньше. В силу этого идеи не подвергаются достаточной коррекции, в результате они могут формироваться, расширяться и приобретать субъективную значимость, у которой отсутствует всякая объективная подоплека. Таким образом, в то время как разумная степень интровертированности способствует выработке самостоятельного суждения, сильно интровертированная личность живет большей частью в мире нереальных идей.

Куда именно заводят подобные идеи интровертированного человека, в какой степени идеи теряют связь с действительностью, — зависит от *интеллекта*. Однако преобладание

«внутренней жизни» распознается во всех случаях. Профессиональная деятельность интровертированного работника, например, постоянно сопровождается размышлениями, он вводит всякие усовершенствования, которые представляются ему целесообразными, хотя на самом деле это может быть и не так. В свободное время он ищет для себя занятий, которые будят мысль. Содержание книг он воспринимает не пассивно, а создает о них собственное мнение. Он подбирает для себя такую литературу, которая дает ему возможность углубиться в ту или иную область. Если интровертированные люди имеют любимое занятие, увлечение, то оно поддерживается постоянным внутренним интересом, это не может быть, например, механическое накопление экспонатов для коллекции. Если они занимаются спортом, то также постоянно исходят из каких-то расчетов, взвешиваний, которые практически, возможно, значения и не имеют. Однако ощущение удовольствия, которое доставляет чисто физическая деятельность, лежит за пределами как экстравертированности так и интровертированности личности.

Интровертированные личности нередко предпочитают другим играм шахматы, которые ставят перед партнерами большое количество умственных задач. Ручная работа (у тех, кто любит ею заниматься) связана у таких людей с оригинальными замыслами, изобретениями. Немало интровертированных людей являются настоящими изобретателями, у других же дело не идет дальше пустых выдумок. Нередко эти личности носятся с идеями «исправления жизни на земле». Особенно их волнуют всякие загадки окружающего мира и трудноразрешимые вопросы. Излюбленная пища для мышления — проблемы религии, политики, философии. По многим из этих проблем Они способны выработать вполне обоснованное собственное суждение, в других случаях их позиция весьма далека от жизни, ибо мало учитываются реальные факты.

Действия, поступки следуют за идеями отнюдь не обязательно или, во всяком случае, не сразу. С одной стороны, попытки действовать у интровертированных личностей неоднократно приводят к столкновению с действительностью, которая не принималась во внимание при созревании идеи, с другой стороны, сильная сосредоточенность на идеях не располагает к конкретной деятельности и даже чужда ей. Действия людей в норме всегда направлены на объект. Если этот объект все время находится в центре внимания, как это бывает у экстравертированных личностей, то он становится стимулом к началу действий, если же внимание больше направлено на внутренние процессы, то начало действий затягивается. В последнем случае то побуждение, которое исходит от объекта, слабеет, теряет эффективность. Таким путем *возникает связь между подчеркнутой склонностью к раздумьями слабой готовностью к поступкам*. Интровертированные люди, как правило, медлительны и нерешительны в поступках. Само собой разумеется, что такую медлительность могут обуславливать и другие факторы, например, определенные черты темперамента, которые подталкивают или сдерживают включение в активные действия.

Ярко выраженная интровертированность ведет к *изоляции личности от других людей*, которые не в состоянии понять ее подчас чуждающихся идей. С другой стороны, связи с людьми могут быть слабыми также *из-за первичной слабости контактов*. Дифференцировать первый и второй случаи не так уж сложно, нужно только внимательнее понаблюдать за этими «одиночками». В первом случае мы обнаруживаем наличие у обследуемого странных, необычных идей, во втором общении затруднено даже тогда, когда оно касается обыденных бытовых тем. Во втором случае особенно бросается в глаза бедность мимики, застывшее выражение лица и отсутствие модуляции голоса. Если человек, несмотря на явную интровертированность личности, обладает хорошей способностью контактирования, он сам будет искать общения, но ему постоянно будет трудно найти отклик на свои идеи, понимание их. Однако стоит интровертированному человеку установить контакт, как он будет искренне рад общению с понимающим его партнером, между ними установятся теплые отношения.

Некоторые из наблюдаемых нами интровертированных людей в прошлом перенесли невроз или психоз. Оценка их состояния складывалась из собственных рассказов обследуемых и описаний их родных.

Мне представляется, что мы, безусловно, имеем право привлекать для характеристики интровертированных личностей обследуемых, перенесших психоз, из следующих соображений:

1) не всегда эти лица болели шизофренией, иногда это был фазовый психоз; 2) мы имеем в виду исключительно поведение данных лиц уже после перенесенного психоза. Известно, что шизофреники нередко с юности, за много лет до начала заболевания, являются интровертированными личностями. Наиболее яркие случаи интровертированности я наблюдал в поведении шизофреников до заболевания и, насколько это было возможно, уже во время ее течения. Каково конкретное соотношение между данной особенностью личности и шизофренией, — пока неизвестно. Я склонен думать, что, по сути, здесь нет ничего общего. Просто интровертированные люди более восприимчивы к этому заболеванию, чем другие, поэтому у них процесс носит более ярко выраженный характер, так же как, например, некоторые особенности конституции человека явно способствуют заболеванию туберкулезом. Замечу, что особого различия между интровертированными здоровыми людьми и интровертированными людьми, перенесшими психоз, я не замечал. Возможно и такое положение, когда «готовности» к шизофрении способствует не столько интровертированность, сколько затруднение в контактах с людьми, а также оба фактора, вместе взятые.

Типологическая модель А.Е.Личко Россия

Психопатии и акцентуации характера

Психопатии — это такие аномалии характера, которые, «определяют весь психический облик индивидуума, накладывая на весь его душевный склад свой властный отпечаток», «в течение жизни... не подвергаются сколько-нибудь резким изменениям» и «мешают... приспособляться к окружающей среде». (П.Б.Ганнушкин). Эти три критерия были обозначены О.В. Кербиковым как тотальность, относительная стабильность патологических черт характера и их выраженность до степени, нарушающей социальную адаптацию.⁶⁹

Указанные критерии служат также основными ориентирами в диагностике психопатий у подростков. Тотальность патологических черт характера выступает в этом возрасте особенно ярко. Подросток, наделенный психопатией, обнаруживает свой тип характера в семье и в школе, со сверстниками и со старшими, в учебе и на отдыхе, в труде и в развлечениях, в условиях обыденных и привычных, и в чрезвычайных ситуациях. Всюду и всегда гипертимный подросток кипит энергией, шизоидный отгораживается от окружения незримой завесой, а истероидный жаждет привлечь к себе внимание. Тиран дома и примерный ученик в школе, тихоня под суровой властью и разнузданный хулиган в обстановке попустительства, беглец из дома, где царит гнетущая атмосфера или семью раздирают противоречия, отлично уживающийся в хорошем интернате — все они не должны причисляться к психопатам, даже если весь подростковый период проходит у них под знаком нарушенной адаптации.

Относительная стабильность черт характера является менее доступным для оценки в этом возрасте ориентиром. Слишком короток бывает еще жизненный путь. Под «сколько-нибудь резкими изменениями» в подростковом возрасте следует понимать неожиданные трансформации характера, внезапные и коренные смены типа. Если очень веселый, общительный, шумливый, неугомонный ребенок превращается вдруг в угрюмого, замкнутого, ото всех отгороженного подростка или нежный, ласковый, очень чувствительный и эмоциональный в детстве становится изощренно-жестоким, холодно-расчетливым, бездушным к близким юношей, то все это скорее всего не соответствует критерию относительной стабильности, и как бы не были выражены психопатические черты, случаи эти нередко оказываются за рамками психопатии.

Говоря об относительной стабильности, следует учитывать, однако, три обстоятельства.

⁶⁹ А.Е.Личко. Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1977. Дайджест.

Первое — подростковый возраст представляет собой критический период для психопатий, черты большинства типов здесь заостряются.

Второе — каждый тип психопатий имеет свой возраст формирования. Шизоида можно увидеть с первых лет жизни — такие дети предпочитают играть одни. Психастенические черты нередко расцветают в первых классах школы, когда беззаботное детство сменяется требованиями к чувству ответственности. Неустойчивый тип выдает себя либо уже с поступления в школу с наступающей необходимостью сменить удовольствие игр на учебный труд, либо с пубертатного периода, когда спонтанно складывающиеся группы сверстников позволяют вырваться из-под родительской опеки. Гипертимные черты становятся особенно яркими с подросткового возраста. Циклоидность, особенно у девочек, может обнаружиться с наступлением полового созревания. Сенситивная психопатия складывается позже — в возрасте, обозначенном Г. К. Ушаковым как «этап формирования социального стереотипа личности», т.е. к 16-19 годам, в период вступления в самостоятельную жизнь с ее нагрузкой на межперсональные отношения. Паранойяльная психопатия крайне редко встречается у подростков, максимум ее развития, как известно, падает на 30-40 лет.

Третье — существуют некоторые закономерные трансформации типов характера в подростковом возрасте. С наступлением полового созревания наблюдавшиеся в детстве гипертимные черты могут смениться очевидной циклоидностью, астено-невротические черты — психастеническим или сенситивным типом, эмоциональная лабильность — заслониться выраженной истероидностью, черты неустойчивости присоединиться к гипертимности и т.п. Все трансформации могут произойти в силу как биологических, так и социальных причин.

Нарушения адаптации или точнее социальная дизадаптация в случаях психопатий обычно проходят через весь подростковый период. Именно в силу только особенностей своего характера подросток не удерживается ни в школе, ни в интернате, ни в ПТУ, быстро бросает ту работу, куда еще недавно поступил. Столь же напряженными, полными конфликтов или патологических зависимостей, оказываются семейные отношения. Нарушается также адаптация к среде своих сверстников — страдающий психопатией подросток либо вообще неспособен устанавливать с ними контакты, либо отношения бывают полными конфликтов, либо способность адаптироваться ограничивается жестко очерченными пределами — небольшой группой подростков, ведущих аналогичный, большей частью асоциальный, образ жизни.

Таковы три критерия — тотальность, относительная стабильность характера и социальная дизадаптация — позволяющие отличать психопатии. Но как оценить те отклонения характера, которые удовлетворяют лишь одному или двум из этих критериев?

С самого начала становления учения о психопатиях возникла практически важная проблема — как разграничить психопатии в качестве патологических аномалий характера от крайних вариантов нормы. Еще в 1886 г. В.М.Бехтерев упоминал о «переходных степенях между психопатией и нормальным состоянием», о том, что «психопатическое состояние может быть выражено в столь слабой степени, что при обычных условиях оно не проявляется». В 1894 г. бельгийский психиатр Dallemagne выделил, наряду с «desequilibres», т.е. «неуравновешенными» (термин во французской психиатрии, аналогичный «психопатии»), еще и «desequilibrants», т.е. легко теряющих равновесие. Подобные случаи Kahn обозначил «дискордантно-нормальными», П.Б.Ганнушкин — «латентными психопатиями», Г. К. Ушаков — «крайними вариантами нормального характера». Было предложено много других наименований, но наиболее удачным нам представляется термин Leonhard — «акцентуированная личность», при всей его краткости подчеркивающий и то, что речь идет именно о крайних вариантах нормы, а не о зачатках патологии, и то, что эта крайность сказывается в усилении, акцентуации отдельных черт. Однако правильнее было бы говорить не об акцентуированных личностях, а об акцентуациях характера. Именно типы характера, а не личности в целом, с ее способностями, наклонностями и другими структурными компонентами, описаны в монографиях Leonhard, именно особенности характера отличают эти личности от других.

В противовес психопатиям при акцентуациях характера его черты могут проявляться не везде и не всегда. Они могут даже обнаруживаться только в определенных условиях. И главное — особенности характера либо вообще не препятствуют удовлетворительной социальной

адаптации, либо ее нарушения бывают преходящими. Последние случаются во время пубертатного периода в силу биологических пертурбаций или под влиянием особого рода психических травм или ситуаций, а именно тех, которые предъявляют повышенные требования к *locus minoris resistentiae* — «месту наименьшего сопротивления» в характере данного типа. Например, такого рода травмами и ситуациями могут послужить изоляция от контактов, лишение всякого поля деятельности при строго размеренном режиме для характера гипертимного, постоянная необходимость широкого круга новых и неформальных контактов для характера шизоидного и т.п. Если же психическая травма, даже тяжелая, не адресуется к месту наименьшего сопротивления, если ситуация не предъявляет в этом отношении специфических требований, то дело обычно ограничивается адекватной личностной реакцией. В этом, по нашим представлениям, одно из важных отличий акцентуаций от психопатий. При психопатиях нарушения адаптации могут быть следствием любого рода травм или даже возникать без видимых причин, при акцентуациях адаптация нарушается только при ударах по месту наименьшего сопротивления.

Разграничение психопатий по тяжести и акцентуаций по выраженности

Как писал П.Б.Ганнушкин о психопатиях, степень их проявлений представляет прямо запутывающее богатство оттенков — от людей, которых окружающие считают нормальными, — и до тяжелых психотических состояний, требующих интернирования. Попытка как-то систематизировать эти степени представляет насущную практическую задачу. Такое разделение способствовало бы уточнению прогноза, содействовало бы более дифференцированному подходу к семейной и трудовой реадaptации и смогло бы оказать помощь в экспертной практике. В последние годы в судебно-психиатрической экспертизе получает распространение термин «глубокая психопатия». Им обозначаются наиболее тяжелые случаи, когда на высоте декомпенсаций возникают психотические расстройства, исключающие вменяемость, или в основе нарушений характера лежат выраженные эндокринные расстройства. Разделение психопатий на три степени тяжести, осуществленное в отношении взрывного типа, принадлежит Л. И. Спиваку. Им учитывались тяжесть декомпенсаций, возраст формирования психопатии, патологические изменения на пнеймо— и электроэнцефалограмме и др. Однако критерии разделения психопатии по степеням не были предметом специального исследования. Важнейшим же является именно выбор этих критериев. Степень отклонений характера сама по себе трудно поддается количественной оценке. Возможно, последнюю доступнее осуществить по другим, зависящим от этих отклонений, показателям.

Типы психопатий и акцентуаций характера в подростковом возрасте

Краткие сведения о группировках типов психопатий и акцентуаций характера

Все довольно многочисленные попытки в области группировок типов психопатий можно разделить на два направления.

Одно из них основывалось на клинико-индуктивном методе и отражало стремление как-то систематизировать то многообразие клинических проявлений, с которым приходится сталкиваться. Большинство авторов, придерживавшихся этого направления, выделяло около десятка типов психопатий. Наиболее известными классификациями этого направления были систематики Шнейдер и П.Б.Ганнушкин.

Другое направление более базировалось на теоретико-дедуктивном подходе. Определенные концепции, изначальные установки служили отправной точкой для классификаций. Все богатство клинических картин психопатий оценивалось с точки зрения определенного постулата. Обычно систематики такого типа отличались подкупающей на первый взгляд простотой (два — четыре типа), но на практике оказывались недостаточными.

Систематика, которой мы придерживаемся при дальнейшем изложении, в основном исходит из классификаций П. Б. Ганнушкина, Г. Е. Сухаревой и типов акцентуированных личностей у взрослых по Леонгарду. Однако наша систематика отличается от предыдущих двумя особенностями. Во-первых, она предназначена специально для подросткового возраста. Все типы описываются такими, какими они в этом возрасте предстают. Во-вторых, она охватывает психопатии, т.е. патологические отклонения характера, и акцентуации, крайние варианты нормы.

В силу сказанного к систематике Г. Е. Сухаревой нами добавлены такие типы, как циклоидный, лабильный, астено-невротический, сенситивный, конформный. Циклоидность обычно дебютирует только начиная с подросткового возраста. Лабильные подростки в детстве мало отличаются от остальных сверстников или наделены некоторой инфантильностью (гармонический инфантилизм). Астено-невротический тип включает подростков, как правило, страдавших в детстве невропатией. Сенситивный тип формируется только в старшем подростковом возрасте — на пороге вступления в самостоятельную жизнь. Конформный тип также обнаруживается только начиная с подросткового возраста, когда опекаемое взрослыми детство сменяется стремлением к эмансипации и группированию со сверстниками. Естественно, все эти типы не были представлены в систематике Г. Е. Сухаревой, касающейся в основном детей и подростков до 14 лет.

В итоге далее нами описываются следующие типы психопатий и акцентуаций у подростков: 1) гипертимный, 2) циклоидный, 3) лабильный, 4) астено-невротический, 5) сенситивный, б) психастенический, 7) шизоидный, 8) эпилептоидный, 9) истероидный, 10) неустойчивый, 11) конформный.

Паранойальный тип в подростковом возрасте встречается чрезвычайно редко — он раскрывается на третьем-четвертом десятке лет жизни, в период наступления полной социальной зрелости. Поэтому нами данный тип не описывается. Астено-невротический и психастенический типы представлены кратко, преимущественно, как типы акцентуаций, на базе которых могут развертываться соответствующие неврозы.

Гипертимный тип

Сведения от родных свидетельствуют, что с детства гипертимные подростки отличаются большой подвижностью, общительностью, болтливостью, чрезмерной самостоятельностью, склонностью к озорству, недостатком чувства дистанции в отношении ко взрослым. С первых лет жизни они везде вносят много шума, любят компании сверстников и стремятся командовать ими. Воспитатели детских учреждений жалуются на их неугомонность. Однако лишь в очень редких случаях возбудимость в детстве бывает столь сильной, что заставляет обратиться к врачу.

Первые трудности могут выявиться при поступлении в школу. При хороших способностях, живом уме, умении все схватывать на лету обнаруживается неусидчивость, отвлекаемость, недисциплинированность. Учатся поэтому они очень неровно — то блеснут пятерками, то «нахватывают» двоек. В пубертатном периоде двигательная возбудимость может сгладиться, но особенности характера выступают еще более ярко.

Главная черта гипертимных подростков — почти всегда очень хорошее, даже приподнятое настроение. Лишь изредка и ненадолго эта солнечность омрачается вспышками раздражения, гнева, агрессии. Причиной негодования обычно служит противодействие со стороны окружающих, стремление со стороны последних слишком круто подавить бурную энергию подростка, подчинить его чужой воле. Иногда поводом для раздражения становится сознание уж слишком явных собственных промахов и неудач. Вспышки раздражения и гнева учащаются и усиливаются в ситуации строго регламентированного дисциплинарного режима, который гипертимные подростки очень плохо переносят, а также, когда они оказываются в одиночестве, лишены общества, широких контактов, возможности для чего-либо применить свои силы.

Хорошее настроение гипертимных подростков гармонично сочетается с хорошим самочувствием, высоким жизненным тонусом, нередко цветущим внешним видом. У них всегда

хороший аппетит и здоровый сон. Хотя спят они чаще немного, но по утрам встают бодрыми. При тяжелых физических нагрузках, недосыпании, напряженной ситуации, требующей активности, энергии, находчивости, они довольно долго сохраняют силы. Однако напряжение в сочетании с вынужденным бездельем переносится плохо. Акселерация в отношении физического и полового развития обычно бывает ярко выражена, к 15-16 годам нередко можно видеть вполне сформировавшуюся фигуру взрослого.

Специфически-подростковые поведенческие реакции у гипертимов сильно выражены.

Реакция эмансипации бывает особенно отчетливой. В силу этого с родителями, педагогами, воспитателями легко возникают конфликты. К ним ведут мелочный контроль, повседневная опека, наставления и нравоучения, «проработка» в семье и на публичных собраниях. Все это обычно вызывает только усиление «борьбы за самостоятельность», непослушание, нарочитое нарушение правил и порядков. Стараясь вырваться из-под опеки семьи, гипертимные подростки охотно уезжают в лагеря, уходят в туристские походы и т.п., но и там вскоре приходят в столкновение с установленными режимом и дисциплиной. Как правило, обнаруживается склонность к самовольным отлучкам, иногда продолжительным. Истинные побеги из дому у гипертимов встречаются нечасто. При этом они склонны подбивать кого-либо из приятелей себе в попутчики. В побегах особенно выступает их неутомимость, способность не теряться в незнакомых местах, в необычных ситуациях, быстро устанавливать контакты, ловчить и изворачиваться при трудностях. Отношение к правилам и законам менее претерпевает влияние реакции эмансипации. Оно более определяется легкомыслием, чем намерением их нарушать. Проглядывается грань между дозволенным и запрещенным. Заманчивое предприятие оправдывает и «мелкие», с их точки зрения, нарушения законов и даже риск быть пойманным при явных правонарушениях.

Реакция группирования проходит не только под знаком постоянного тяготения к компаниям сверстников, но и стремления к лидерству в этих компаниях. Это стремление обнаруживается как только гипертимный подросток хоть немного ознакомился с обществом, куда попал. В отношении лидерства в неформальных группах сверстников гипертимы обычно достигают успеха. Их умение всегда быть впереди, бестрепетная готовность в любой момент в случае нужды оказать сопротивление, вступить в драку, рисковать, играть с опасностью, — все это признается сверстниками, нередко наделяющими их словечком «заводной парень». Они бывают на высоте и в организации развлечений, и в чрезвычайных ситуациях, где требуется быстрота, смелость и находчивость, и в обстановке трудового подъема, «аврала», «штурма», создающих благоприятную возможность для раскрытия положительных сторон их характера.

Однако в закрытом учреждении для подростков, со строгим режимом, ограниченностью новых контактов и необходимостью круглосуточного многодневного общения замкнутого круга лиц, слишком брызжущая энергия гипертимных подростков, их постоянное желание всюду вступать и везде командовать начинает тяготить сверстников, которые утрачивают симпатию к ним. Реагируя бурными вспышками на их же неутомимостью спровоцированные протесты других подростков, они могут постоянно создавать вокруг себя грозную атмосферу и утрачивать лидерскую роль.

Неудержимый интерес ко всему вокруг делает гипертимных подростков неразборчивыми в выборе знакомств. Контакт со случайными встречными не представляет для них проблемы. Устремляясь туда, где «кипит жизнь», они порою могут оказаться в неблагоприятной среде, попасть в асоциальную группу. Всюду они быстро осваиваются, перенимают манеры, обычаи, поведение, одежду, модные «хобби». Однако энергия и эмоциональность не позволяют гипертимным подросткам замкнуться только в рамках интересов и жизни одной группы. Их живость побуждает обратить взор на многое, что происходит вокруг. Тем не менее с товарищами они с удовольствием отдаются развлечениям, выпивкам, даже сомнительным похождениям.

Гипертимные подростки склонны к групповым формам делинквентного поведения и нередко сами становятся вдохновителями правонарушений, на которые их толкает не только жажда развлечений или желание заполучить средства для удовольствий — элемент риска сам по себе также привлекателен для них.

Алкоголизация представляет для гипертимов серьезную опасность с подросткового

возраста. Выпивают они в компаниях с приятелями. Предпочитают неглубокие эйфоризирующие стадии опьянения, но легко становятся на путь частых и регулярных выпивок. Если представится случай, могут проявить интерес к наркотикам, особенно к «модным» суррогатам, успокаивая себя мыслью, что «наркоманом от этого не станешь». И действительно, они долго удерживаются на уровне наркотизма, не достигающего степени наркомании.

Реакция увлечения отличается у гипертимных подростков богатством и разнообразием проявлений, но главное — крайним непостоянством хобби. Коллекции сменяются азартными играми, одно спортивное увлечение другим, один кружок на другой, мальчики нередко отдают мимолетную дань техническим увлечениям, девочки — художественной самодеятельности. При постоянном стремлении командовать сверстниками «лидерские хобби» (роль старост, физоргов, культоргов и т.п.) также надолго не увлекают. Официальное лидерство в формализованных группах, видимо, сопряжено не столько с командными функциями, сколько с необходимостью выполнения повседневной мелочной, кропотливой работы, требующей усидчивости и аккуратности. Такого рода труд всегда плохо дается гипертимным подросткам.

Аккуратность отнюдь не составляет их отличительной черты ни в занятиях, ни в выполнении обещаний, ни, что особенно бросается в глаза, в денежных делах. Рассчитывать они не умеют и не хотят, охотно берут в долг, отодвигая в сторону неприятную мысль о последующей расплате. Любят «шиковать», легко пускаются в сомнительные авантюры. Незаконная сделка, мелкая кража в их глазах нередко не носит характер серьезного поступка.

Реакции, связанные с формированием сексуального влечения, обычно проявляются достаточно ярко. Половое чувство рано пробуждается и бывает сильным, это толкает на ранние сексуальные связи. Хотя романтические увлечения и случаются, но обычно непродолжительны. Быстро возникает стремление вступить с объектом влюбленности в половую связь. Если это не удастся, то влюбленность вскоре остывает, а влечение удовлетворяется посредством случайных знакомств. Онанизм, как правило, не минует мальчиков этого типа, не пренебрегают они и совместной мастурбацией со сверстниками. Но они не склонны к фиксации на этой форме сексуальной активности и ищут полноценных сношений. К транзиторному подростковому гомосексуализму и иным аномалиям влечения особой склонности не обнаруживается.

Всегда хорошее настроение и высокий жизненный тонус создают благоприятные условия для переоценки своих способностей и возможностей. Избыточная уверенность в своих силах побуждает «показать себя», предстать перед окружающими в выгодном свете, прихвастнуть. Последнее иногда накладывает истероидный отпечаток на поведение гипертимных подростков. Но им присуща искренность задора, действительная уверенность в собственных силах, а не натужное стремление «показать себя больше, чем есть на самом деле», как у настоящих истероидов. Лживость не является их характерной чертой, она может быть обусловлена необходимостью извернуться в трудной ситуации или зиждется на смешении собственных оптимистических представлений с реальной действительностью. Все новое — новые люди, новые места, новые предметы — живо их привлекает в силу искреннего интереса и желания применить свои силы, а не с целью только произвести впечатление. Взгляд на собственное будущее, как правило, полон оптимизма, даже при отсутствии к этому оснований. Неудачи способны вызвать бурную аффективную реакцию, но не выбить надолго из колеи.

Самооценка гипертимных подростков отличается достаточной искренностью. В случаях акцентуаций, не приводящих к выраженным нарушениям поведения, большинство черт характера подмечается правильно. Даже при декомпенсированных психопатиях сохраняется способность видеть главные гипертимные черты — хорошее настроение, общительность и т.п. Они подтверждают также, что плохо переносят одиночество, отмечают склонность рисовать свое будущее в радужных красках, страсть к приключениям и риску, привлекательность «первой роли» в опасной ситуации, свою неподатливость критическим замечаниям в свой адрес. Они сознаются в легкости, с которой они могут нарушить правила и законы для «интересных» и «заманчивых» дел, и в том, что задним числом упрекают себя в этом.

Добросовестно отмечают некоторые черты, объединяющие с типом неустойчивых — выписки в веселых компаниях, прогулы с целью поразвлечься и т.п. Вместе с тем иногда выступает желание представить себя более конформным к окружению, чем это есть на самом деле. В особенности это касается сексуальных вопросов и отношений с родителями, но в

какой-то степени и других проблем. Например, «люблю одеваться как все» — частый ответ гипертимов при оценке отношений к одежде. Однако конформный тип подразумевает при этом наиболее устоявшиеся фасоны, а гипертимы — последнюю моду. В оценке денежных дел также проявляется намерение показать себя более «правильным», чем в действительности. Отвергается склонность бежать от неудач, хотя обычно это нередко случается.

Наши наблюдения показали, что в возрасте 14-18 лет гипертимность как в виде акцентуации, так и в виде психопатии встречается довольно часто. Из 300 подростков мужского пола, госпитализированных в психиатрическую больницу, где была диагностирована психопатия или установлена акцентуация, 23% были расценены как представители гипертимного типа, у 2/3 госпитализированных была диагностирована психопатия, а остальная треть отнесена к акцентуациям характера. В общей популяции гипертимная акцентуация встречается также нередко.

В случаях, когда речь заходит о более тяжелых аномалиях характера — психопатиях, гипертимное ядро либо получает дополнительные напластования, делающие личность сходной с другими типами, либо весь тип подвергается существенной трансформации.

Гипертимно-неустойчивый вариант психопатизации является наиболее частым. Здесь жажда развлечений, веселья, рискованных походов все более выступает на первый план и толкает на пренебрежение занятиями и работой, на алкоголизацию и употребление наркотиков, на сексуальные эксцессы и делинквентность — в конечном итоге может привести к асоциальному образу жизни.

Ядро личности по-прежнему остается гипертимным, и от представителей типа неустойчивых таких подростков всегда отличает и повышенный жизненный тонус, и оптимизм, и живой интерес к новому, и может быть более всего неугасающее стремление к лидерству, к роли вожака, заводилы, зачинателя самых рискованных авантюр.

Психопатизация по гипертимно-неустойчивому типу нередко осуществляется по принципу психопатического развития, т.е. под влиянием окружающей среды. Решающую роль в том, что из гипертимной акцентуации произрастает гипертимно-неустойчивая психопатия, обычно играет семья. Как чрезмерная опека — гиперпроекция, мелочный контроль и жесткий диктат, да еще сочетающийся с неблагоприятием внутрисемейных отношений, так и гипоопека, безнадзорность могут служить стимулами к развитию гипертимно-неустойчивой психопатии.

Гипертимно-истероидный вариант встречается значительно реже. На фоне гипертимности постепенно вырисовываются истероидные черты. При столкновении с жизненными трудностями, при неудачах, в отчаянных ситуациях и при угрозе серьезных наказаний возникает и желание разжалобить других (вплоть до демонстративных суицидных действий), и произвести впечатление своей незаурядностью, и прихвастнуть, «пустить пыль в глаза». Возможно, в развитии этого типа также важнейшую роль играет среда. Воспитание по типу «кумира семьи», потакание прихотям в детстве, избыток похвал по поводу мнимых и действительных способностей и талантов, привычка всегда быть на виду, созданная родителями, а иногда и неправильными действиями воспитателей, обуславливает в подростковом периоде трудности, которые могут оказаться непреодолимыми.

Гипертимно-аффективный вариант психопатизации отличается усилением черт аффективной взрывчатости, что создает сходство с эксплозивными психопатиями. Вспышки раздражения и гнева, нередко свойственные гипертимам, когда они встречают противодействие или терпят неудачи, здесь становятся особенно бурными и возникают по малейшему поводу. На высоте аффекта нередко утрачивается контроль над собой: брань и угрозы вырываются без всякого учета обстановки, в агрессии собственные силы не соизмеряются с силами объекта нападения, а сопротивление может достигать «буйного безумства». Все это обычно позволяет говорить о формировании психопатии возбужденного типа. Это понятие, нам представляется, подразумевает весьма сборную группу. Сходство гипертимной аффективности с эксплозивностью эпилептоидов остается чисто внешним: здесь присуща большая отходчивость, склонность легко прощать обиды и даже дружить с тем, с кем только что был в ссоре. Отсутствуют и другие эпилептоидные черты. Возможно, в формировании этого варианта психопатизации существенную роль могут играть не столь редкие у мальчиков гипертимного типа черепно-мозговые травмы.

Четвертый вариант динамики обусловлен какими-то эндогенными закономерностями. Речь идет о формировании на фоне предшествующей гипертимности последующей циклоидности. Этот вариант будет представлен при описании циклоидного типа.

Циклоидный тип

Как известно, этот тип был описан Кречмером и сперва стал широко использоваться в психиатрических исследованиях. П. Б. Ганнушкин включил в «группу циклоидов» четыре типа психопатов — «конституционально-депрессивных», «конституционально-возбужденных» (гипертимных), циклотимиков и эмотивно-лабильных. Циклотимия им рассматривалась как тип психопатии. Однако в дальнейшем под этим понятием стали подразумевать относительно легкие случаи маниакально-депрессивного психоза. Существование циклоидности за рамками этого заболевания было поставлено под сомнение. С 40-х годов термин циклоидная психопатия исчез из психиатрических руководств. И лишь в редких современных работах циклоиды упоминаются как преморбидный тип больных эндогенными психозами, причем они не дифференцируются от гипертимов.

Между тем существует особая группа случаев, когда циклические изменения эмоционального фона никогда даже не приближаются к психотическому уровню. Г.Е.Сухарева отметила, что такие непсихотические циклотимические колебания у подростков с наступлением зрелости могут полностью сгладиться. Подобные случаи, с нашей точки зрения, правомерно было бы рассматривать как циклоидную акцентуацию.

Наши исследования показали, что в подростковом возрасте можно видеть два варианта циклоидной акцентуации — типичные и лабильные циклоиды.

Типичные циклоиды в детстве ничем не отличаются от сверстников или чаще производят впечатление гипертимов. С наступлением пубертатного периода (у девочек это может совпасть с менархе) возникает первая субдепрессивная фаза. Ее отличает склонность к апатии и раздражительности. С утра ощущается вялость и упадок сил, все валится из рук. То, что раньше давалось легко и просто, теперь требует невероятных усилий. Труднее становится учиться. Людское общество начинает тяготить, компании сверстников избегаются, приключения и риск теряют всякую привлекательность. Прежде шумные и бойкие подростки в эти периоды становятся вялыми домоседами. Падает аппетит, но вместо свойственной выраженным депрессиям бессонницы нередко наблюдается сонливость. Созвучно настроению все приобретает пессимистическую окраску. Мелкие неприятности и неудачи, которые обычно начинают сыпаться из-за падения работоспособности, переживают крайне тяжело. На замечания и укоры нередко отвечают раздражением, порою грубостью и гневом, но в глубине души впадая еще в большее уныние. Серьезные неудачи и нарекания окружающих могут углубить субдепрессивное состояние или вызвать острую аффективную реакцию с суицидными попытками. Обычно лишь только в этом случае циклоидные подростки попадают под наблюдение психиатра.

У типичных циклоидов фазы обычно непродолжительны и длятся две-три недели. Субдепрессия может смениться обычным состоянием или периодом подъема, когда циклоид снова превращается в гипертима, стремится в компании, заводит знакомства, претендует на лидерство и легко наверстывает упущенное в занятиях. Периоды подъема случаются реже, чем субдепрессивные фазы, и по выраженности бывают менее ярки. Лишь несвойственные им обычно рискованные шутки над старшими, да стремление везде и всюду острить бросается в глаза окружающим в эти периоды.

У циклоидных подростков имеются свои «места наименьшего сопротивления». Важнейшим из них, вероятно, является неустойчивость к коренной ломке жизненного стереотипа. Этим, видимо, объясняются присущие циклоидам затяжные субдепрессивные реакции на первом курсе высших учебных заведений. Резкое изменение характера учебного процесса, обманчивая легкость первых студенческих дней, отсутствие ежедневного контроля со стороны преподавателей, сменяющееся необходимостью усвоить в короткий период зачетно-экзаменационной сессии гораздо больший, чем в школе, материал — все это ломает привитый предшествующим десятилетием учебный стереотип. Способность в период подъема

на лету усваивать материал школьной программы здесь оказывается недостаточной. Упущенное приходится наверстывать усиленными занятиями, а в субдепрессивной фазе и это не приводит к желаемым результатам. Переутомление и астения затягивают субдепрессивную фазу, появляется отвращение к учебе и к умственной работе вообще.

Лабильные циклоиды, в отличие от типичных, во многом приближаются к лабильному (эмоционально-лабильному или реактивно-лабильному) типу. Фазы здесь гораздо короче — несколько «хороших» дней сменяют несколько «плохих». «Плохие» дни более отмечены дурным настроением, чем вялостью, упадком сил или неудовлетворительным самочувствием. В пределах одного периода возможны короткие перемены настроения, вызванные соответствующими известиями или событиями. Но в отличие от описываемого далее лабильного типа нет чрезмерной эмоциональной реактивности, постоянной готовности настроения легко и круто меняться от незначительных причин.

Подростковые поведенческие реакции у циклоидов как типичных, так и лабильных, обычно выражены умеренно. Эмансипационные устремления и реакции группирования со сверстниками усиливаются в период подъема. Увлечения отличаются нестойкостью — в субдепрессивные периоды их забрасывают, в период подъема находят новые или возвращаются к прежним заброшенным. Заметного снижения сексуального влечения в субдепрессивной фазе сами подростки обычно не отмечают, хотя, по наблюдению близких, сексуальные интересы в «плохие дни» гаснут. Выраженные нарушения поведения (делинквентность, побеги из дому, знакомство с наркотиками) мало свойственны циклоидам. К алкоголизации в компаниях они обнаруживают склонность в периоды подъема.

Суицидальное поведение в виде аффективных (но не демонстративных) попыток или истинных покушений возможны в субдепрессивной фазе.

Самооценка характера у циклоидов формируется постепенно, по мере того, как накапливается опыт «хороших» и «плохих» периодов. У подростков этого опыта еще нет и поэтому самооценка может быть еще очень неточна.

Циклоидная акцентуация, как указывалось, лишь изредка попадает под наблюдение психиатра. Однако среди здоровых подростков ее удается выявить в 2-5%. Причем из них половина может быть отнесена к типичным, а другая половина — к лабильным циклоидам.

Лабильный тип

Этот тип наиболее полно описан под разными наименованиями «эмоционально-лабильный», «реактивно-лабильный» или «эмотивно-лабильный». В систематике психопатий у Г. Е. Сухаревой этот тип отсутствует. Однако в описанной ею картине «общего» или «гармоничного» инфантилизма содержатся почти все свойственные лабильному типу признаки. При этом добавляется, что с возрастом детский инфантилизм может сгладиться, но остается реактивная лабильность. Как известно, проблема взаимоотношения инфантилизма и психопатий с давних пор привлекает внимание. Наиболее рациональной нам представляется точка зрения на инфантилизм, в том числе и на общий, гармоничный, как на основу, на которой могут формироваться разные типы психопатий.

В детстве лабильные подростки, как правило, особенно не выделяются среди сверстников. Лишь у некоторых обнаруживается склонность к невротическим реакциям. Однако почти у всех детство наполнено инфекционными заболеваниями, вызываемыми условно патогенной флорой. Частые ангины, непрерывные «простуды», хронические пневмонии, ревматизм, пиелоститы, холециститы и др. заболевания, хотя протекают и не в тяжелых формах, но склонны принимать затяжное и рецидивирующее течение. Возможно фактор «соматической инфантилизации» играет важную роль во многих случаях формирования лабильного типа.

Главная черта лабильного типа — крайняя изменчивость настроения. В этом его существенное отличие от сходного по названию типа «неустойчивых», при котором основной дефект падает на волевую сферу. Как известно, изменчивость настроения вообще свойственна подростку. В какой-то мере все они наделены эмоциональной лабильностью. Поэтому диагностика этого типа в подростковом возрасте представляет трудную, но все же выполнимую задачу. Можно говорить о намечающемся формировании лабильного типа в случаях, когда

настроение меняется слишком часто и чрезмерно круто, а поводы для этих коренных перемен бывают ничтожными. Кем-то нелестно сказанное слово, пошедший дождь, оторвавшаяся от костюма пуговица способны погрузить в унылое и мрачное расположение духа при отсутствии каких-либо серьезных неприятностей и неудач. В то же время какая-нибудь приятная беседа, интересная новость, мимолетный комплимент, удачно к случаю одетый костюм, услышанные от кого-либо, хотя и малореальные, но заманчивые перспективы могут поднять настроение, даже отвлечь от действительных неприятностей, пока они снова не напомнят чем-либо о себе. При психиатрическом осмотре во время откровенных и волнующих бесед, когда приходится касаться самых разных сторон жизни, на протяжении получаса можно видеть не раз готовые навернуться слезы и вскоре радостную улыбку.

Настроению присущи не только частые и резкие перемены, но и значительная их глубина. От настроения данного момента зависит и самочувствие, и аппетит, и сон, и трудоспособность, и желание побыть одному или только вместе с близким человеком или же устремиться в шумное общество, в компанию, на люди. Соответственно настроению и будущее то расцветается радужными красками, то представляется серым и унылым, и прошлое предстает то как цепь приятных воспоминаний, то кажется сплошь состоящим из неудач, ошибок и несправедливостей. Одни и т.е. же люди, одно и то же окружение кажутся то милым, интересным и привлекательным, то надоевшим, скучным и безобразным, наделенным всяческими недостатками.

Маломотивированная смена настроения иногда создает впечатление о поверхности и легкомыслии. Но это суждение не соответствует истине. Представители лабильного типа способны на глубокие чувства, на большую и искреннюю привязанность. Это прежде всего сказывается в их отношении к родным и близким, но лишь к тем, от кого они сами чувствуют любовь, заботу и участие. К ним привязанность сохраняется несмотря на легкость и частоту мимолетных ссор.

Не менее свойственна лабильным подросткам и преданная дружба. В друге они стихийно ищут психотерапевта. Они предпочитают дружить с тем, кто в минуты грусти и недовольства способен отвлечь, утешить, рассказать что-нибудь интересное, приободрить, убедить, что «все не так страшно», но в то же время в минуты эмоционального подъема легко откликнуться на радость и веселье, удовлетворить потребность сопереживания.

Лабильные подростки весьма чутки ко всякого рода знакам внимания, благодарности, похвалам и поощрениям — все это доставляет им искреннюю радость, но вовсе не побуждает к заносчивости или самомнению. Порицания, осуждения, выговоры, нотации глубоко переживаются и способны вторгнуть в беспросветное уныние. Действительные неприятности, утраты, несчастья лабильные подростки переносят чрезвычайно тяжело, обнаруживая склонность к реактивным депрессиям, тяжелым невротическим срывам.

Реакция эмансипации у лабильных подростков выражена весьма умеренно. Им хорошо в семье, если они чувствуют там любовь, тепло и уют. Эмансипационная активность проявляется в виде коротких вспышек, обусловленных капризами настроения и обычно трактуемых взрослыми как простое упрямство. Однако реакция эмансипации становится более постоянной и направленной, если ее подогревает неблагоприятная семейная ситуация. Тяга к группированию со сверстниками также подчинена изменениям настроения: в хорошие минуты лабильные подростки ищут компании, а плохие — избегают общений. В группе сверстников они не претендуют на роль вожака, а более ищут эмоциональных контактов; охотно довольствуются положением любимца и баловня, которого опекают и защищают более стеничные приятели.

Реакция увлечения лабильных подростков обычно ограничивается типами хобби, обозначенными нами, как информативно-коммуникативный и эгоцентрический. Им чужд и опьяняющий азарт игр, и скрупулезная дотошность коллекционирования, и настойчивое совершенствование силы, ловкости, умений, и высоты утонченных интеллектуально-эстетических наслаждений. Тем более они не претендуют на лидерство. Общение с товарищами, художественная самодеятельность, да еще некоторые домашние животные (большей частью собственная собака) относятся к тому роду увлечений, которые дают легкий отток эмоциональной энергии, наполняющей их в момент перепадов настроения.

Но ни одно из хобби не длится слишком долго и скоро сменяется другим.

Сексуальная активность обычно ограничивается флиртом и ухаживаниями, а влечение остается малодифференцированным, вследствие чего возможно отклонение на путь транзиторного подросткового гомосексуализма. Но чрезмерных сексуальных эксцессов лабильные подростки всегда стараются избежать.

Самооценка отличается искренностью. Лабильные подростки хорошо знают особенности своего характера, знают, что они — «люди настроения» и что от настроения у них все зависит. Отдавая отчет в слабых сторонах своей натуры, они не пытаются что-либо скрыть или затушевать, а как бы предлагают окружающим принимать их такими, какие они есть. В том, как относятся к ним окружающие, они обнаруживают удивительно хорошую интуицию — сразу, при первом контакте чувствуя кто к ним расположен, кто безразличен, а в ком таится хоть капля недоброжелательности или неприязни. Ответное отношение возникает незамедлительно и без попыток его утаить.

Степень выраженности эмоциональной лабильности в подростковом возрасте обычно не превышает уровня явной акцентуации. Под наблюдение психиатра случаи лабильной акцентуации попадают, когда психические травмы или трудная обстановка вызывают острые аффективные реакции (иногда с суицидным поведением), реактивные депрессии, тяжелые невротические состояния. В фокусе внимания обычно оказываются сами эти реакции и вызвавшие их травмы, а личность, особенности характера, обуславливающие легкость подобных срывов, нередко остаются в тени. Именно поэтому эмоционально-лабильный тип Шнейдера-Ганнушкина не получил распространения как рабочий термин в психиатрической практике, несмотря на яркость описаний и частоту, с которой этот тип встречается.

Лабильно-истероидный вариант. В описании лабильного типа можно увидеть черты сходства с другими типами. Богатая эмоциональность, хорошая интуиция, некоторый эгоцентризм, точнее — любовь внимания к себе, излюбленные «хобби» объединяют лабильных подростков с истероидными. Но искренность в отношении к себе и к окружающим, отсутствие нарочитой демонстративности в поведении, способность к теплой привязанности отличает их от истероидов. Лабильным подросткам свойственна также гораздо лучшая самооценка характера. И у лабильных, и у истероидных подростков приходится также встречать склонность к фантазированию. Но фантазии лабильных подростков лишены упоительно-авантюрной жилки, намерения обратить своими выдумками на себя все взоры окружающих, выставить исключительность своей особы. Это — фантазии более романтические, это — скорее идиллические мечты о свершении надежд, о безмятежном счастье и радости всегда и везде и для себя, и для своих близких.

Тем не менее в некоторых случаях истероидные черты бывают выраженными и, главное, под действием психических травм и с трудных ситуациях аффективные реакции и реактивные состояния приобретают отчетливый истерический оттенок. Подобные случаи расценивались нами, как смешанный лабильно-истероидный тип.

Лабильно-аффективный вариант. Как указывалось, степень выраженности лабильного типа в подростковом возрасте обычно ограничивается акцентуацией и лишь изредка достигает психопатии. Лишь иногда психопатизация идет по пути усиления эмоциональной лабильности до аффективной взрывчатости. Обычно такие случаи попадают в сборную группу возбудимых психопатов. Действительно, аффективные вспышки здесь нередко возникают по ничтожному поводу, но они быстро истощаются. В аффекте не бывает склонности к агрессии. Постоянная смена настроения резко сказывается на всем поведении, проявляясь неусидчивостью, несобранностью, отвлекаемостью, быстрой сменой интересов. От всего этого страдает учеба, возникают постоянные конфликты как со старшими, так и со сверстниками. Кроме того, обычно отсутствует способность к правильной самооценке, присущая лабильной акцентуации критичность в отношении своего характера. В поведении также нередко обнаруживаются некоторые черты неустойчивого типа.

Другие варианты лабильного типа. Часть представителей эмоционально-лабильного типа занимает положение, близкое к типу циклоидному. У них наблюдается фазность в колебаниях настроения: чередуются «хорошие» и «плохие» дни. Нами подобные случаи рассматривались, как вариант циклоидного типа — «лабильные циклоиды». Нами отмечено также, что

эмоциональная лабильность нередко сочетается с сенситивностью. Возможно, лабильность может служить одним из фонов для последующего формирования сенситивного типа (см. сенситивно-лабильный вариант при описании сенситивного типа).

Лабильно-циклоидный вариант ограничивается рамками акцентуации, лабильно-истероидный и сенситивно-лабильный могут достигать степени психопатии, при этом особенно усиливаются именно истероидные или сенситивные черты. Таким образом, на базе лабильности мы сталкиваемся с тремя типами психопатизации: лабильно-аффективным, лабильно-истероидным и сенситивно-лабильным.

Астено-невротический тип

Этот тип является той точкой, где область психопатий и область неврозов соприкасаются особенно тесно. П.Б.Ганнушкин, отметив особую склонность неврастеников к ипохондичности, включил неврастению, обычно рассматриваемую как один из неврозов, в рамки психопатий. Такая ломка устоявшихся границ не встретила сочувствия. Однако нет нужды доказывать, что лица, склонные к неврастеническим реакциям, обладают особым складом характера. Поэтому астено-невротический тип правомерно рассматривать, как одну из форм акцентуации, которая благоприятствует невротическим реакциям, преимущественно неврастенического круга. На основе этой акцентуации может начаться «невроз развития». Разграничить такие случаи с психопатиями бывает нелегко. Критериями для разграничения психопатий и невротических развития служат отношение личности к своим переживаниям, нарушениям, изменениям характера и т.п., как к болезненным, чуждым, от которых жаждут избавиться, а также склонность невротических нарушений к определенной «локальности», системности, парциальности — изменения не охватывают личность в целом. К сожалению, с помощью этих критериев не всегда удается провести четкую грань между невротическим и психопатическим развитием, т.е. теми случаями психопатий, при которых психотравмирующая ситуация играла решающую роль в становлении. При далеко зашедших случаях невротических развития (астенических, ипохондрических) может утрачиваться и парциальность, и даже критическое отношение к нарушениям.

Подростки астено-невротического типа лишь изредка поступают в психиатрические стационары и вовсе не потому, что этот тип в данном возрасте выявляется редко. Однако возникающие нарушения обычно не требуют вмешательства психиатра и такие подростки остаются под наблюдением терапевтов или невропатологов, лишь иногда пользуясь услугами психотерапии.

У подростков астено-невротического типа с детства нередко обнаруживаются признаки невропатии — беспокойный сон и плохой аппетит, капризность, пугливость, плаксивость, иногда ночные страхи, ночной энурез, заикание и т.п. С наступлением полового созревания, физического возмужания невропатические черты могут сглаживаться. В других случаях детская невропатия трансформируется в астено-невротическую акцентуацию и служит у подростков почвой для неврастенических реакций или невротического развития. Наконец, в третьих случаях этот тип акцентуации может впервые раскрыться именно в подростковом возрасте.

Главными чертами астено-невротической акцентуации является повышенная утомляемость, раздражительность и склонность к ипохондичности. Утомляемость особенно проявляется в умственных занятиях. Умеренные физические нагрузки переносятся лучше, однако физические напряжения, например обстановка спортивных соревнований, оказываются невыносимыми. Раздражительность неврастеников существенно отличается от гневливости эпилептоидов и вспыльчивости гипертимов и более всего сходна с аффективными вспышками у подростков лабильного типа. Раздражение нередко по ничтожному поводу легко изливается на окружающих, порою случайно попавших под горячую руку, и столь же легко сменяется раскаянием и даже слезами. В отличие от эпилептоидов аффект не отличается ни постепенным накоплением, ни силой, ни продолжительностью. В отличие от вспыльчивости гипертимов поводом для вспышек вовсе не обязательно служат встречаемое противодействие, бурного неистовства аффект также не достигает. Склонность к ипохондизации является особенно типичной чертой. Такие подростки внимательно прислушиваются к своим телесным

ощущениям, крайне подвержены ятрогении, охотно лечатся, укладываются в постель, подвергаются осмотрам. Наиболее частым источником ипохондрических переживаний, особенно у мальчиков, становится сердце.

Делинквентность, побеги из дому, алкоголизация и другие нарушения поведения подросткам астено-невротического типа не свойственны. Но это не означает, что специфически подростковые поведенческие реакции у них отсутствуют. Стремление к эмансипации или тяга к группированию со сверстниками, не получая прямого выражения, в силу астеничности, утомляемости и т.п. могут исподволь подогревать маломотивированные вспышки раздражения в отношении родителей, воспитателей, старших вообще, побуждать к обвинению родителей в том, что их здоровью уделяется мало внимания или же порождать глухую неприязнь к сверстникам, у которых специфически-подростковые поведенческие реакции выражаются прямо и открыто. Сексуальная активность обычно ограничивается короткими и быстро и быстро истощающимися вспышками. К сверстникам тянутся, скучают без их компании, но быстро от них устают и ищут отдыха, одиночества или общения с близким другом. Самооценка астено-невротических подростков обычно отражает их ипохондрические установки. Они отмечают зависимость плохого настроения от дурного самочувствия, плохой сон ночью и сонливость днем, разбитость по утрам. В мыслях о будущем центральное место занимают заботы о собственном здоровье. Они сознают также, что утомляемость и раздражительность глушат их интерес к новому, делают непереносимыми критику и возражения, стесняющие их правила. Однако далеко не все особенности отношений подмечаются достаточно хорошо.

Сенситивный тип

Еще Кречмер, описав одну из форм реактивного психоза, названную сенситивным бредом, обратил внимание, что этот психоз развивается у личностей особого склада: чрезмерная чувствительность и впечатлительность сочетаются у них с высокими моральными требованиями к самим себе, с «этической скрупулезностью». Под ударами судьбы они легко становятся крайне осторожными, подозрительными и замкнутыми. П. Б. Ганнушкиным было подмечено, что за всем этим лежит резко выраженное чувство «собственной недостаточности». Позднее, пытаясь разделить человечество на шизоидов и циклоидов, Кречмер отнес сенситивных субъектов к первым. С тех пор сохраняется три тенденции в отношении к сенситивному типу: рассматривать его как вариацию типа шизоидного, включать его в группу астеников, даже считая нецелесообразным и искусственным обособлять его в специальный вариант и, наконец, считать сенситивный тип характера как совершенно особый. Кречмер также впоследствии изменил свой взгляд: сенситивный тип выделен, как один из основных. Как будет видно из дальнейшего изложения, сенситивные личности существенно отличны от шизоидов и скорее принадлежат к широкому кругу астеников, составляя среди них все же особую подгруппу.

В известных руководствах по детской психиатрии описание сенситивного типа вообще отсутствует и это — не случайно. Сенситивная психопатия формируется относительно поздно. Ее становление чаще всего падает на возраст 16-19 лет, то есть на постпубертатный период, на момент самостоятельного вступления в социальную жизнь.

Однако с детства проявляется пугливость и боязливость. Такие дети часто боятся темноты, сторонятся животных, страшатся остаться одни. Они чуждаются слишком бойких и шумных сверстников, не любят чрезмерно подвижных и озорных игр, рискованных шалостей, избегают больших детских компаний, чувствуют робость и застенчивость среди посторонних, в новой обстановке и вообще не склонны к легкому общению с незнакомыми людьми. Все это иногда производит впечатление замкнутости, отгороженности от окружающего и заставляет подозревать свойственные шизоидам аутистические наклонности. Однако с теми, к кому эти дети привыкли, они достаточно общительны. Сверстникам они нередко предпочитают игры с малышами, чувствуя себя среди них увереннее и спокойнее. Не проявляется также свойственный шизоидам ранний интерес к абстрактным знаниям, «детская энциклопедичность». Многие чтению охотно предпочитают тихие игры, рисование, лепку. К родным они иногда обнаруживают чрезвычайную привязанность, даже при холодном

отношении или суровом обращении с их стороны. Отличаются послушанием, часто слышат «домашним ребенком».

Школа пугает их скопищем сверстников, шумом, возней, суетой и драками на переменах, но привыкнув к одному классу и даже страдая от некоторых соучеников, они неохотно переходят в другой коллектив. Учатся обычно старательно. Пугаются всякого рода контрольных, проверок, экзаменов. Нередко стесняются отвечать перед классом, боясь сбиться, вызвать смех или, наоборот, отвечают гораздо меньше того, что знают, чтобы не прослыть выскочкой или чрезмерно прилежным учеником среди одноклассников.

Начало пубертатного периода обычно проходит без особых осложнений. Трудности адаптации чаще возникают в 16-19 лет. Именно в этом возрасте выступают оба главных качества сенситивного типа, отмеченные П.Б.Ганнушкиным — «чрезвычайная впечатлительность» и «резко выраженное чувство собственной недостаточности».

Реакция эмансипации у сенситивных подростков бывает выражена довольно слабо. К родным сохраняется детская привязанность. К опеке старших относятся не только терпимо, но даже охотно ей подчиняются. Упреки, нотации и наказания со стороны близких скорее вызывают слезы, угрызения и даже отчаяние, чем обычно свойственный подросткам протест. Тем более не возникает желания отвергать духовные ценности, интересы и обычаи старшего поколения. Иногда даже выступает подчеркнутое следование идеалам и модусу жизни взрослых.

Созвучно этому рано формируется чувство долга, ответственности, высоких моральных и этических требований и к окружающим, и к самому себе. Сверстники ужасают грубостью, жестокостью, циничностью. В себе же видится множество недостатков, особенно в области качеств морально-этических и волевых. Источником угрызений у подростков мужского пола зачастую служит столь частый в этом возрасте онанизм. Возникают самообвинения в «гнузости» и «распутстве», жестокие укоры себя в неспособности удержаться от пагубной привычки. Онанизму приписывается также собственное слабование во всех областях, робость и застенчивость, неудачи в учебе вследствие якобы слабеющей памяти или свойственная иногда периоду роста худоба, диспропорциональность телосложения и т.п.

Чувство собственной неполноценности у сенситивных подростков делает особенно выраженной реакцию гиперкомпенсации. Они ищут самоутверждения не в стороне от слабых мест своей натуры, не в областях, где могут раскрыться их способности, а именно там, где особенно чувствуют свою неполноценность. Девочки стремятся показать свою веселость. Робкие и стеснительные мальчики натягивают на себя личину развязности и даже нарочитой заносчивости, пытаются показать свою энергию и волю. Но как только ситуация неожиданно для них требует смелой решительности, они тотчас же пасуют. Если удастся установить с ними доверительный контакт и они чувствуют от собеседника симпатию и поддержку, то за спавшей маской «все нипочем» оказывается жизнь, полная укоров и самобичевания, тонкая чувствительность и непомерно высокие требования к самому себе. Нежданное участие и сочувствие могут сменить заносчивость и браваду на бурно хлынувшие слезы.

В силу той же реакции гиперкомпенсации сенситивные подростки оказываются на общественных постах (старосты и т.п.). Их выдвигают воспитатели, привлеченные послушанием и старательностью. Однако их хватает лишь на то, чтобы с большой личной ответственностью выполнять формальную сторону порученной им функции, но неформальное лидерство в таких коллективах достается другим. Намерение избавиться от робости и слабования, толкает мальчиков на занятия силовыми видами спорта — борьбой, гантельной гимнастикой, и т.п. Так, например, 16-летний сенситивный юноша, тихий и нерешительный, почти все свободное время проводил на парашютной вышке, прыгая по несколько раз в день и проделывая в воздухе разного рода гимнастические упражнения, чтобы «навсегда подавить всякий страх». Возможно занятия спортом приносят им определенную пользу, но заметных успехов они здесь не достигают.

Реакция группирования со сверстниками, как и реакция эмансипации, получает мало внешних проявлений. В отличие от шизоидов, сенситивные подростки не отгораживаются от товарищей, не живут в воображаемых фантастических группах и не способны быть «белой вороной» в обычной подростковой среде. Они разборчивы в выборе приятелей, предпочитают

близкого друга большой компании, очень привязчивы в дружбе. Некоторые из них любят иметь более старших по возрасту друзей. Обычная подростковая группа ужасает их господствующими там шумом, развязностью, грубостью.

Увлечения чувствительных подростков можно разделить на истинные, гармонирующие с их характером, и на контрастные их натуре и обусловленные реакцией гиперкомпенсации. Первые, в основном, относятся к типу интеллектуально-эстетических хобби. Они весьма разнообразны и определяются уровнем интеллекта и общего развития, примерами старших, индивидуальными способностями и склонностями. Здесь встречается и увлечение разными видами искусства: музыкой (обычно классической), рисованием, лепкой, шахматами. Здесь же и разведение домашних цветов, певчих птиц, аквариумных рыб, приручение мелких животных. Удовлетворение здесь доставляет сам процесс этих занятий: возможность прочесть интересную книгу в оригинале на иностранном языке, послушать любимую музыку, порисовать, решить сложную шахматную задачу, полюбоваться растущими цветами, покормить рыбок и т.п. Эти увлечения начисто лишены желания привлечь к себе внимание окружающих или добиться поразительных результатов. Даже реальные успехи самими подростками оцениваются весьма скромно.

Увлечения, связанные с гиперкомпенсацией, чаще принадлежат к хобби типа «лидерских» или телесно-мануальных. Здесь Главное уже цель и результат, а не сам процесс. О характере этих увлечений уже было сказано выше.

Реакции, связанные с формирующимся сексуальным влечением, густо окрашены переживаниями собственной неполноценности. Как указывалось, подростковый онанизм становится порою источником мучительных угрызений и терзаний. Робость и застенчивость выступают с особой силой, когда вспыхивает первая любовь. Нередко объект влюбленности так и остаётся неосведомленным о вызванном им чувстве. Или же объяснения и признания бывают, возможно в силу той же гиперкомпенсации, столь решительными и неожиданными, что пугают и отталкивают. Отвергнутая любовь повергает в отчаяние и крайне обостряет чувство собственной неполноценности. Самобичевания и самоукоры доводят до суицидных мыслей.

Суицидальное поведение чувствительных подростков отличается двумя качествами. Во-первых, повторными вспышками суицидных мыслей без осуществления каких-либо попыток. Вспышки эти всегда обусловлены ситуацией — ударами жизни по слабым местам чувствительных субъектов, подогревающими представление о собственной никчемности. Во-вторых, истинными суицидными действиями, лишенными всякого элемента демонстративности. Суицидный акт совершается обычно под влиянием цепи неудач, разочарований (долгий «предсуицидальный период»), причем последней каплей может послужить довольно ничтожный повод. В силу этого суицидные действия могут оказаться совершенно неожиданными для окружающих.

Ни к алкоголизации, ни к употреблению наркотиков, ни к делинквентному поведению чувствительные подростки не склонны. Чувствительные юноши, как правило, даже не курят, алкогольные напитки же способны внушать им отвращение. В алкогольном опьянении часто приходится видеть не эйфорическую, а депрессивную реакцию с возрастанием переживаний своей неполноценности. В отличие от шизоидов, алкоголь не способен играть роль своеобразного коммуникативного допинга, т.е. не облегчает контактов и не вселяет уверенности в себе.

Ложное суждение о делинквентности может сложиться при побегах из дому, прогулах школьных занятий или даже полном отказе посещать школу, которые вызваны психическими травмами или непереносимой для чувствительных подростков ситуацией. Претерпеваемые подростком насмешки, грубость, обиды, тягостная обстановка могут оставаться неизвестными для других. Неожиданная отчаянная бурная агрессия в адрес обидчика иногда неправильно трактуется, как банальная драчливость или хулиганство.

Самооценка чувствительных подростков отличается довольно высоким уровнем объективности. Подмечается свойственная с детства обидчивость и чувствительность, застенчивость, которая особенно мешает подружиться с кем хочется, неумение быть вожаком, заводилой, душой компании, неприязнь к авантюрам и приключениям, всякого рода риску и острым ощущениям, отвращение к алкоголю, нелюбовь к флирту и ухаживаниям. Они

подчеркивают, что не склонны ни легко ссориться, ни быстро мириться. У многих из них имеются проблемы, к которым они не могут определить своего отношения или не хотят сделать это. Чаще всего этими проблемами являются отношение к друзьям, к своему окружению, к критике в свой адрес, к деньгам, к спиртным напиткам. Видимо, все это бывает связано с окрашенными эмоциями затаенными переживаниями. Питая отвращение ко лжи и маскировке, чувствительные подростки отказ предпочитают неправде.

Слабым звеном чувствительных личностей является отношение к ним окружающих. Непереносимой для них оказывается ситуация, где они становятся объектом насмешек или подозрения в неблаговидных поступках, когда на их репутацию падает малейшая тень или когда они подвергаются несправедливым обвинениям. Иллюстрацией сказанному могут послужить следующие примеры. К 14-летнему чувствительному подростку на улице пристал пьяный мужчина, обоим отвели в милицию, подростка тотчас же отпустили, но «все видели как его вел милиционер» и это послужило причиной долгих тягостных переживаний и отказа ходить в школу. От прибора, на котором работа в лаборатории другой 17-летний чувствительный юноша, пропала ценная деталь, кто-то из сослуживцев шутя бросил фразу: «Если взял, то верни!» Этого было достаточно, чтобы прийти к заключению, что его все считают вором, и бросить работу в научно-исследовательском институте, которой этот юноша очень дорожил. Из гардероба, когда дежурной была 15-летняя школьница, пропала куртка; ее стала мучать мысль, что «воровкой все должны считать ее».

Не случайно в семьях чувствительных подростков неоднократно встречались бредовые больные или паранойяльные психопаты, которые предъявляли этим подросткам вздорные обвинения. Мать 16-летнего чувствительного мальчика, страдавшая инволюционным параноидом, корила его в том, что он якобы сожительствует с пожилой женщиной, бывшей любовницей его давно умершего отца. Другая мать, подозрительная и скупая, бранила своего сына, домоседа, любителя птиц и цветов, за то, что он якобы связан с шайкой бандитов, которая собирается ее ограбить. Престарелой бабке, уехавшие на север родители, поручили воспитание 15-летней чувствительной девочки. Увидев внучку на улице с одноклассником, она при соседях назвала ее публичной девкой и потребовала пойти к гинекологу на освидетельствование. Все описанные ситуации послужили причиной реактивных состояний. Естественно, стать посмешищем для окружающих, вследствие каких-либо действительных недостатков или неудачных действий родителей или воспитателей, более чем достаточно, чтобы оказаться повергнутым в депрессивное состояние.

Среди 300 подростков мужского пола, госпитализированных в психиатрическую больницу с психопатиями и акцентуациями характера, к чувствительному типу было отнесено 8%, причем лишь в четвертой части из них был поставлен диагноз психопатии, а в остальных — реактивных состояний на фоне соответствующей чувствительной акцентуации.

Чувствительно-лабильный и шизоидно-чувствительный варианты. Отличия чувствительного типа от шизоидного упоминались по ходу предшествующего изложения. К сказанному следует добавить, что чувствительные субъекты лишены одного весьма существенного качества шизоидов — недостатка интуиции. Наоборот, они очень чувствительны к тому, как окружающие относятся к ним. Тем не менее встречаются смешанные типы, где чувствительность и шизоидность сочетаются, тогда именно шизоидность является главенствующей чертой.

Более трудным является различение чувствительного и лабильного типов. У чувствительного подростка отсутствуют всплески радостного настроения, есть постоянная готовность к унынию, застенчивость, даже в самом благорасположенном окружении, — всего этого обычно нет у представителя лабильного типа. Тем не менее сочетание чувствительности с выраженной лабильностью эмоций — легкого упадка духа и слез, даже при воспоминании о давних неприятностях, и быстрой податливости утешению и успокоению — заставляет некоторые случаи рассматривать, как смешанный тип («чувствительно-лабильный вариант»). Однако в отличие от чувствительных шизоидов здесь именно чувствительность составляет главную основу характера.

Психастенический тип

Этот тип, так же как и астено-невротический, относится к области тесного соприкосновения психопатий и неврозов. Психастеническая личность особенно расположена к развитию обсессивного невроза («невроз навязчивых состояний»).

Психастенические проявления в детстве незначительны и ограничиваются робостью, пугливостью, моторной неловкостью, склонностью к рассуждательству и ранними «интеллектуальными интересами». Иногда уже в детском возрасте обнаруживаются навязчивые явления, особенно фобии — боязнь незнакомых людей и новых предметов, темноты, боязнь оказаться за запертой дверью и т.п. Реже можно наблюдать появление навязчивых действий, невротических тиков и т.п.

Критическим периодом, когда психастенический характер разворачивается почти во всей своей полноте, являются первые классы школы. В эти годы безмятежное детство сменяется первыми требованиями к чувству ответственности. Подобные требования представляют один из самых чувствительных ударов для психастенического характера. Воспитание в условиях «повышенной ответственности», когда родители возлагают недетские заботы по надзору и уходу за младшими или беспомощными стариками, положение старшего среди детей в трудных материальных и бытовых условиях способствует становлению психастении. В прошлые годы, возможно, все это было важнейшими факторами. В наше время материального благополучия пришлось столкнуться с иной формой «повышенной ответственности». Родители лелеют слишком большие надежды на успехи ребенка, требуя только отличной учебы или заметных достижений в занятиях музыкой или языками, или отдавая дань какой-либо очередной моде, вроде фигурного катания на коньках. Склонный к психастении ребенок не остается безучастным к родительским надеждам, чутко воспринимает эти высокие ожидания и страшится их не оправдать, дабы не потерять всей полноты родительского внимания и любви.

По сравнению с другими типами психопатий резких обострений психастении в пубертатном периоде обычно не бывает. Психастенические черты в этот период могут даже несколько сглаживаться. Однако чаще все же выступает склонность к рассуждательству, мудрствованию, чрезмерному самоанализу, но все это обычно не приводит к социальной дизадаптации. Декомпенсации могут наступать опять же в моменты высоких требований к чувству ответственности, например во время экзаменов. Наибольшего расцвета психастения достигает в возрасте 20-40 лет, с началом инволюции ее проявления опять ослабевают.

Главными чертами психастенического типа в подростковом возрасте являются нерешительность и склонность к рассуждательству, тревожная мнительность и любовь к самоанализу и, наконец, легкость образования обсессий — навязчивых страхов, опасений, действий, ритуалов, мыслей, представлений.

Тревожная мнительность психастенического подростка отличается от сходных черт астено-невротического и сенситивного типов. Если астено-невротическому типу присущи страх за свое здоровье (ипохондрическая направленность мнительности и тревоги), а для сенситивного типа свойственно беспокойство по поводу отношения, возможных насмешек, пересудов, неблагоприятного мнения о себе окружающих (релятивная направленность мнительности и тревоги), то опасения психастеника целиком адресуются к возможному, даже к маловероятному в будущем (футуристическая направленность). Как бы чего не случилось ужасного и непоправимого, как бы не произошло какого-либо непредвиденного несчастья с ними самими, а еще страшнее с теми близкими, которым они обнаруживают патологическую привязанность. Опасности реальные и невзгоды уже случившиеся пугают куда меньше. У подростков особенно характерной бывает тревога за мать — как бы она не заболела и не умерла, хотя ее здоровье никому не внушает никаких опасений, как бы не попала в катастрофу, не погибла бы под транспортом. Если мать опаздывает с работы, где-то без предупреждения задержалась, психастенический подросток не находит себе места.

Защитой от постоянной тревоги за будущее становятся специально выдуманные приметы и ритуалы. Если, на пример, шагая в школу, обходить все люки, не наступая на их крышки, то не провалишься на экзаменах, если не дотрагиваться до ручек двери, то не заразишься и не заболеешь, если при всякой вспышке страха за мать произносить про себя самим придуманное заклинание, то с ней ничего не случится и т.п. Другой защитой становится специально выработанный педантизм и формализм. Осознанно или подсознательно психастенический

подросток исходит здесь из постулата, что если все заранее предусмотреть и поступать в точном соответствии с заранее намеченным решением, то ничего плохого не случится. Педантизм психастеника отличается от такового у эпилептоида. За педантизмом последнего всегда стоят себялюбие, заботы о собственных интересах и благополучии; педантизм психастеника более надуман и формалистичен.

Нерешительность и рассудительство у психастенического подростка идут рука об руку. Такие подростки бывают сильны на словах, но не в действиях. Всякий самостоятельный выбор, как бы малозначим он не был — например, какой фильм пойти посмотреть в воскресенье — может стать предметом долгих и мучительных колебаний. Однако уже принятое решение должно быть немедленно исполнено. Ждать психастеники не умеют, проявляя удивительное нетерпение. У психастенических подростков нередко приходится видеть реакцию гиперкомпенсации в отношении своей нерешительности и склонности к сомнениям. Эта реакция проявляется у них самоуверенными и безапелляционными суждениями, утрированной решительностью и скоропалительностью действий в моменты, когда требуется неторопливая осмотрительность и осторожность. Постигающие вследствие этого неудачи еще более усиливают нерешительность и сомнения.

Склонность к самоанализу более всего распространяется на размышления по поводу мотивов своих поступков и действий, проявляется в компании в своих ощущениях и переживаниях.

Физическое развитие психастеников обычно оставляет желать лучшего. Спорт, как и все ручные навыки, дается им плохо. Обычно у психастенических подростков особенно слабы и неловки руки при более сильных ногах. Поэтому привлечение к спорту лучше начинать с бега, прыжков, лыж и т.п., что такому подростку облегчает возможность утвердиться.

Специфически-подростковые поведенческие реакции у психастеников выражены слабо или своеобразно. Вместо реакции эмансипации нередко приходится видеть патологическую привязанность к кому-либо из членов семьи, у мальчиков — чаще к матери. Возможно эта привязанность питается несамостоятельностью и нерешительностью. Тяга к сверстникам проявляется в робких формах — места в подростковой группе им обычно не находится, если только не посчастливится попасть в компанию юных интеллектуалов. Психастенические увлечения, как правило, относятся к области интеллектуально-эстетических хобби. Даже коллекционирование более питается этими потребностями, чем страстью накопительства («Я собираю марки, чтобы изучать географию» — заявил 12-летний психастеник).

Сексуальное развитие обычно опережает общее физическое. Нередко наблюдается интенсивный онанизм, который становится источником самоугрызений и символических запретов. Может обнаруживаться также склонность к гомосексуализму.

Все описанные формы проявления подростковых нарушений поведения не свойственны психастеникам. Ни делинквентность, ни побеги из дому, ни алкоголь, ни наркотики, ни даже суицидальное поведение в трудных ситуациях нами не встречались. Их место, видимо, полностью вытеснили навязчивости, мудрствование и самоанализ.

Самооценка, несмотря на склонность к самоанализу, далеко не всегда бывает правильной. Часто выступает тенденция находить у себя самые разнообразные черты характера, включая совершенно несвойственные (например, истероидные).

В зависимости от того, как выражены психастенические явления и насколько они нарушают социальную адаптацию подростка, следует говорить о психастенической психопатии или акцентуации характера.

Шизоидный тип

Наиболее существенной чертой данного типа считается замкнутость, отгороженность от окружающего, неспособность или нежелание устанавливать контакты, снижение потребности в общении. Сочетание противоречивых черт в личности и поведении — холодности и утонченной чувствительности, упрямства и податливости, настороженности и легковерия, апатичной бездеятельности и напористой целеустремленности, необщительности и неожиданной назойливости, застенчивости и бестактности, чрезмерных привязанностей и

немотивированных антипатий, рациональных рассуждений и нелогичных поступков, богатства внутреннего мира и бесцветности его внешних проявлений — все это заставило говорить об отсутствии «внутреннего единства». В последнее время привлекло внимание суждение о недостатке интуиции как главном дефекте. Под интуицией здесь следует подразумевать прежде всего пользование неосознанным прошлым опытом.

Шизоидные черты выявляются раньше, чем особенности характера всех других типов. С первых детских лет поражает ребенок, который любит играть один, не тянется к сверстникам, избегает шумных забав, предпочитает держаться среди взрослых, иногда подолгу молча слушает их беседы. К этому иногда добавляется какая-то холодность и недетская сдержанность.

Подростковый период является самым тяжелым для шизоидной психопатии.

С наступлением полового созревания все черты характера выступают с особой яркостью. Замкнутость, отгороженность от сверстников бросаются в глаза. Иногда духовное одиночество даже не тяготит шизоидного подростка, который живет в своем мире, своими необычными для других интересами и увлечениями, относясь со снисходительным пренебрежением или явной неприязнью ко всему, что наполняет жизнь других подростков. Но чаще же шизоиды страдают сами от своей замкнутости, одиночества, неспособности к общению, невозможности найти себе друга по душе. Неудачные попытки завязать приятельские отношения, мимозоподобная чувствительность в моменты их поиска, быстрая истощаемость в контакте («не знаю о чем еще говорить») нередко побуждают к еще большему уходу в себя.

Недостаток интуиции проявляется отсутствием «непосредственного чутья действительности», неумением проникнуть в чужие переживания, угадать желания других, догадаться о неприязненном отношении к себе или, наоборот, о симпатии и расположении, уловить тот момент, когда не следует навязывать свое присутствие, и когда, наоборот, надо выслушать, посочувствовать, не оставлять собеседника с самим собой.

К дефициту интуиции следует добавить тесно с ним связанные недостаток сопереживания — неумение разделить радость и печаль другого, понять обиду, прочувствовать чужое волнение и беспокойство. Иногда это обозначают как слабость эмоционального резонанса. Недостаток интуиции и сопереживания обуславливает, вероятно, то, что называют холодностью шизоидов. Их поступки могут быть жестокими, что скорее связано с неспособностью вчувствоваться в страдания других, чем желанием получить садистическое наслаждение. К гамме шизоидных особенностей можно добавить неумение убеждать своими словами других.

Внутренний мир почти всегда закрыт от посторонних взоров. Лишь перед немногими избранными занавес может внезапно приподняться, но никогда не до конца, и столь же неожиданно вновь упасть. Шизоид нередко раскрывается перед людьми малознакомыми, даже случайными, но чем-то импонирующими его прихотливому выбору. Но он может навсегда остаться скрытой, непонятной вещью в себе для близких или тех, кто знает его много лет.

Богатство внутреннего мира свойственно далеко не всем шизоидным подросткам и, конечно, связано с определенным интеллектом или талантом. Поэтому далеко не каждый из них может послужить иллюстрацией слов Кречмера о подобии шизоидов «лишенным украшений римским виллам, ставни которых закрыты от яркого солнца, но в сумерках которых справляются роскошные пиры». Но во всех случаях внутренний мир шизоидов бывает заполнен увлечениями и фантазиями.

Фантазируют шизоидные подростки для самих себя, они не склонны ни распространяться о своих мечтаниях перед окружающими, ни перемешивать обыденную жизнь с красотами своих выдумок и грез. В этом коренное отличие шизоидных и истероидных фантазий. Шизоидные фантазии либо служат утешению собственной гордости, либо носят эротический характер.

Недоступность внутреннего мира и сдержанность в проявлении чувств делают непонятными и неожиданными для окружения многие поступки шизоидов, ибо все, что им предшествовало — весь ход переживаний и мотивов остались скрытыми. Некоторые выходки носят характер чудачества, но в отличие от истероидов, они не служат цели привлечь к себе всеобщее внимание.

Реакция эмансипации нередко проявляется весьма своеобразно. Шизоидный подросток может долго терпеть мелочную опеку в быту, подчиняться установленному для него распорядку жизни и режиму, но реагировать бурным протестом на малейшую попытку

вторгнуться без позволения в мир его интересов, увлечений и фантазий. Вместе с тем эмансипационные устремления легко могут оборачиваться социальной нонконформностью — негодованием по поводу существующих правил и порядков, насмешками над распространенными вокруг идеалами, духовными ценностями, интересами, злопыхательством по поводу «отсутствия свободы». Подобного рода суждения могут долго и скрытно вынашиваться и неожиданно для окружающих реализоваться в публичных выступлениях или решительных действиях. Зачастую поражает прямолинейная критика других лиц без учета ее последствий для себя.

Реакция группирования внешне обычно выражена слабо. Как правило, шизоидные подростки стоят особняком от компаний сверстников. Их замкнутость затрудняет вступление в группу, а их неподатливость общему влиянию, общей атмосфере, их неконформность не позволяет ни слиться с группой, ни подчиниться ей. Попав же в подростковую группу, нередко случайно, они остаются в ней белыми воронами. Иногда они подвергаются насмешкам и даже жестоким преследованиям со стороны сверстников, иногда же, благодаря своей независимости, холодной сдержанности, неожиданному умению постоять за себя, они внушают уважение и заставляют соблюдать дистанцию. Успех в группе сверстников может оказаться в сфере сокровенных мечтаний шизоидного подростка. В своих фантазиях он творит подобные группы, где занимает положение вождя и любимца, где чувствует себя свободно и легко и получает те эмоциональные контакты, которых не достает ему в реальной жизни.

Реакция увлечения у шизоидных подростков выступает обычно ярче, чем все другие специфические поведенческие реакции этого возраста. Увлечения нередко отличаются необычностью, силой и устойчивостью. Чаще всего приходится встречать интеллектуально-эстетические хобби. Большинство шизоидных подростков любит книги, поглощает их запоем, чтению предпочитают все другие развлечения. Выбор для чтения может быть строго избирательным — только определенная эпоха из истории, только определенный жанр литературы, определенное течение в философии и т.п. Вообще в интеллектуально-эстетических хобби поражает прихотливость выбора предмета. Нам приходилось встречать у современных подростков увлечение санскритом, китайскими иероглифами, древнееврейским языком, срисовыванием порталов соборов и церквей, генеалогией дома Романовых, органной музыкой, сопоставлением конституций разных государств и разных времен и т.д. и т.п. Все это никогда не делается напоказ, а только для себя. Увлечениями делятся, если встречают искренний интерес. Часто таят их, боясь непонимания и насмешек. При менее высоком уровне интеллекта и эстетических притязаний дело может ограничиться менее изысканными, но не менее странными предметами увлечений. Коллекции шизоидных подростков, иногда уникальные, иногда поражающие своей никчемностью, также более служат цели изощренных эстетических потребностей, чем просто накопительству. Один подросток собирал дуплеты из открыток с репродукциями картин известных художников и почтовых марок с изображением тех же картин.

На втором месте стоят хобби мануально-телесного типа. Неуклюжесть, неловкость, негармоничность моторики, нередко приписываемая шизоидам, встречается далеко не всегда, а упорное стремление к телесному совершенствованию может сгладить эти недостатки. Систематические занятия гимнастикой, плавание, велосипед, упражнения йогов сочетаются обычно с отсутствием интереса к коллективным спортивным играм. Место увлечений могут занимать одинокие многочасовые пешие или велосипедные прогулки. Некоторым шизоидам хорошо даются тонкие ручные навыки — игра на музыкальных инструментах, прикладное искусство — все это также может составить предмет увлечений.

Реакции, связанные с формирующимся сексуальным влечением, на первый взгляд могут как будто совсем не проявляться. Внешняя «асексуальность», презрение к вопросам половой жизни обычно сочетается с упорным онанизмом и богатыми эротическими фантазиями. Последние склонны к развитию, питаются случайными сведениями и эпизодами и легко включают перверзные компоненты. Болезненно чувствительные в компании, неспособные на ухаживание и флирт и неумеющие добиться сексуальной близости в ситуации, где она возможна, шизоидные подростки могут неожиданно для других обнаружить сексуальную активность в самых грубых и противоестественных формах — часами сторожить, чтобы

подсмотреть чьи-то обнаженные гениталии, эксгибиционировать перед малышами, онанировать под чужими окнами, откуда их видят, вступать в связь со случайными встречными, назначать свидания по телефону незнакомым «на один раз» и т.п. Свою сексуальную жизнь и сексуальные фантазии шизоидные подростки глубоко таят. Даже когда их действия обнаруживаются, они стараются не раскрывать мотивов и переживаний.

Алкоголизация среди шизоидных подростков встречается нечасто. Большинство из них не любит спиртные напитки. Опьянение не вызывает у них выраженной эйфории. Уговорам товарищей, питейной атмосфере компаний они легко противостоят. Однако некоторые из них находят, что небольшие дозы алкоголя, не вызывая эйфории, могут облегчать установление контактов, устраняют чувство робости и неестественности во время общений. Тогда легко образуется особого рода психическая зависимость — стремление регулярно использовать небольшие дозы алкогольных напитков, часто крепких, с целью «побороть застенчивость» и облегчить контакты. Употребление алкоголя в качестве подобного коммуникативного допинга может осуществляться как с приятелями, так и в одиночку. Например, 15-летний шизоидный подросток тайком ото всех хранил в своей постели бутылку коньяка и каждое утро прикладывался к ней, чтобы «свободно чувствовать себя в школе».

Не меньшую угрозу, чем алкоголь, для шизоидных подростков, видимо, представляют наркотики. Возможно, они лучше, чем алкоголь, могут выполнить роль коммуникативного допинга. Возможно, некоторые летучие вещества льют воду на мельницу шизоидных фантазий, делая их более чувственными, красочными, эмоциональными.

Суицидальное поведение не свойственно шизоидным психопатиям, а шизоидная акцентуация не располагает, видимо, к подобному способу решения трудностей. На психические травмы, на конфликтные ситуации, на положения, где шизоидной личности предъявляются непосильные для нее требования, реакция проявляется еще большим уходом в себя, в свой внутренний мир глубоко затаенных фантазий. Или же эта реакция выявляется неожиданными, вычурными, порою жестокими поступками.

Делинквентность встречается нечасто, при этом в самом делинквентном поведении явственно выступают шизоидные черты. Еще обследуя подростков-беспризорников двадцатых годов, Н.И.Озерецкий отметил, что шизоиды предпочитают воровать в одиночку, избирают воровскую «профессию», требующую искусных навыков — например, кража денег из внутренних карманов или умения влезть в квартиру через форточку. Действительно, шизоидные подростки не склонны к групповой делинквентности, но могут совершать серьезные правонарушения, действуя «во имя группы», желая чтобы группа «признала своим». В одиночку совершаются и сексуальные преступления (эксгибиционизм, развратные действия над малолетними, сексуальная агрессия т.п.). Иногда делинквентному поведению предшествует прием небольшой дозы алкоголя в качестве «допинга», но настоящего алкогольного опьянения не бывает.

Самооценка шизоидов отличается констатацией того, что связано с замкнутостью, одиночеством, трудностью контактов, непониманием со стороны окружающих. Отношение к другим проблемам оценивается гораздо хуже. Противоречивости своего поведения они обычно не замечают или не придают ей значения. Любят подчеркивать свою независимость и самостоятельность

Соматические признаки, которые со времен Кречмера считаются свойственными шизоидам — астеническое сложение, дряблая мускулатура, сутулая фигура, длинные ноги и высокий таз, слабо развитые гениталии, угловатость движений — у современных подростков можно видеть далеко не всегда. Акцелерация и связанные с ней эндокринные сдвиги могут исказить эти черты, обуславливая, например, избыточную полноту, раннее и сильное сексуальное развитие.

С первых шагов выделения шизоидной психопатии было обращено внимание на ее сходство с некоторыми формами шизофрении (в частности, с вялотекущей формой и с картинами дефекта после перенесенного шизофренического приступа). Это дало основание многим психиатрам вообще усомниться в существовании шизоидной психопатии как конституциональной аномалии характера, а все, что описывалось под ее названием, трактовать как дефект после приступа шизофрении, прошедшего незамеченным или случившегося в

раннем детстве, или как «латентную шизофрению». В последние годы вновь обращалось внимание на то, что в семьях больных шизофренией, особенно ее непрерывно-прогредиентной формой, нередко можно встретить шизоидные личности.

В итоге в последние десятилетия шизоидная психопатия почти перестала диагностироваться и ее выраженные случаи стали обычно трактоваться как вялотекущая шизофрения, а соответствующие шизоидные акцентуации с хорошей социальной адаптацией наводили вновь на мысль о «латентной шизофрении». Даже дифференциальный диагноз между шизофренией и психопатиями стал проводиться в отношении всех типов последних, кроме шизоидного.

Такое положение нельзя считать правильным. Диагноз вялотекущей шизофрении правомерен, если есть признаки процесса, хотя и медленно развивающегося, если эти признаки выявлены тщательно собранным анамнезом и подтверждены наблюдением. Догадки о неизвестно когда перенесенном и никем не замеченном «шубе» остаются только догадками и не могут служить основой для диагноза.

Подростковый возраст создает особые трудности для дифференциальной диагностики шизофрении и шизоидной психопатии. Пубертатное заострение последней легко может быть принято за начавшийся процесс или за «новый шуб». И, наоборот, дебют шизофрении может маскироваться пубертатными нарушениями поведения. Мы считаем важным подчеркнуть выделение шизоидной психопатии как особой формы.

Шизоидный тип — не слишком частый вариант характера. Лишь 5% из 300 госпитализированных подростков с психопатиями или акцентуациями были отнесены к этому типу, и еще у 5% констатировано сочетание шизоидности с чертами других типов — сенситивного, психастенического, истероидного или эпилептоидного. Следует отметить, что все случаи «чистых» шизоидов были расценены как психопатии, в том числе большая часть как тяжелые и выраженные. В умеренных случаях социальная дизадаптация бывала порциальной — срыв наступал либо дома при благополучии по месту учебы или работы, либо в школе или на работе при удовлетворительной адаптации в семье.

Шизоидные акцентуации обычно не ведут за собой ни социальной дизадаптации, ни тяжелых нарушений поведения, ни острых аффективных реакций и поэтому, вероятно, не попадают под наблюдение психиатра. Встречается же шизоидный тип акцентуации не так уж редко.

Скрытая шизоидная акцентуация может обнаруживаться, если к личности внезапно предъявляются непосильные для нее требования — например, быстро установить широкий круг неформальных и достаточно эмоциональных контактов. Шизоиды также срываются, когда к ним настойчиво и бесцеремонно «лезут в душу».

Еще Кречмер, описывая шизоидный тип, выделил экспансивный и сенситивный варианты. Последний, как было указано, правильнее рассматривать как тип особый, принадлежащий к группе астенических психопатий, так как замкнутость здесь вторичная, компенсаторная. Тем не менее среди шизоидов встречаются и более стеничные, и совсем астенические личности. Разнообразие шизоидных проявлений может быть столь велико, что число описываемых вариантов могло бы стать двухзначным. Поэтому нам представляется целесообразным констатировать сочетание шизоидности с чертами других типов. Главная основа характера, его ядро всегда остается шизоидным. На него могут наслаиваться сенситивные, психастенические, паранойяльные, эпилептоидные, истероидные или неустойчивые черты.

Эпилептоидный тип

Название «эпилептоидный» было дано на основании сходства с изменениями личности, которые наступают у некоторых больных эпилепсией.

Сходство эпилептоидной психопатии с изменениями личности у больных эпилепсией, видимо не случайно. При эпилептоидном типе психопатии нередко можно отметить пренатальные, натальные и ранние постнатальные вредности, оставившие след в виде неврологической «микросимптоматики». Возможно, многие особенности эпилептоидного характера являются компенсаторными при медленно развивающемся или неглубоком

поражении мозга. Однако подобная форма компенсации таких поражений встречается далеко не всегда и возможно сама по себе является эндогенно обусловленной. У больных эпилепсией в раннем детстве (до 3-4 лет) изменений характера не бывает, все ограничивается двигательным беспокойством, утомляемостью и т.п. Лишь с 5-6 лет могут появляться первые эпилептоидные черты.

Главными чертами эпилептоидного типа являются склонность к дисфориям и тесно связанная с ними аффективная взрывчатость, напряженное состояние инстинктивной сферы, иногда достигающее аномалии влечений, а также вязкость, тугоподвижность, тяжеловесность, инертность, откладывающие отпечаток на всей психике — от моторики и эмоциональности до мышления и личностных ценностей. Дисфории, длящиеся часами и днями, отличает злобно-тоскливая окраска настроения, накапливающее раздражение, поиск объекта, на котором можно сорвать зло. Аффективные разряды эпилептоида лишь при первом впечатлении кажутся внезапными. Их можно сравнить с разрывом парового котла, который прежде долго и постепенно закипает. Повод для взрыва может быть случайным, сыграть роль последней капли. Аффекты не только очень сильны, но и продолжительны — эпилептоид долго не может остыть. Этим эпилептоидная эксплозивность отличается от легко возникающих и быстро истощающихся аффектов при органической психопатии, от капризной изменчивости аффектов лабильного типа и от аффективности гипертимов, которые сразу вспыхивают, но столь же легко остывают, когда препятствие устранено или обойдено, или просто внимание отвлечено чем-нибудь другим.

Картина эпилептоидной психопатии в части случаев выявляется еще в детстве. По данным Л. И. Спивака, именно в этих случаях с годами психопатия достигает тяжелой степени. С первых лет такие дети могут подолгу, многими часами плакать и их невозможно бывает ни утешить, ни отвлечь, ни приструнить. В детстве дисфории проявляются капризами, стремлением нарочито изводить окружающих, хмурой озлобленностью. Рано могут обнаружиться садистические склонности — такие дети любят мучать животных, исподтишка избивать и дразнить младших и слабых, издеваться над беспомощными и неспособными дать отпор. В детской компании они претендуют не просто на лидерство, а на роль властелина, устанавливающего свои правила игр и взаимоотношений, диктующего всем и все, но всегда в свою пользу. Можно видеть также недетскую бережливость одежды, игрушек, всего «своего». Любые попытки покуситься на их ребячью собственность вызывают крайне злобную реакцию.

В первые школьные годы выступает мелочная скрупулезность в ведении тетрадей, всего ученического хозяйства, но эта повышенная аккуратность превращается в самоцель и может полностью заслонить суть дела, саму учебу.

В подавляющем большинстве случаев картина эпилептоидной психопатии разворачивается лишь в период полового созревания — от 12 до 19 лет. По нашим наблюдениям, в этот период дисфории обычно выступают на первый план. Подростки сами начинают отмечать их спонтанность («на меня находит»), а проявляться они могут не только злобно-раздражительной тоской, но и апатией, бездельем, бесцельным сидением с угрюмо-хмурым видом. Такие состояния постепенно развиваются и постепенно ослабевают.

Аффективные разряды могут быть следствием дисфории — подростки в этих состояниях нередко сами ищут повода для скандала. Но аффекты могут быть и плодом тех конфликтов, которые легко возникают у эпилептоидных подростков вследствие их властности, неуступчивости, жестокости и себялюбия. Повод для гнева может быть мал и ничтожен, но он всегда сопряжен, хотя бы с незначительным, ущемлением интересов. В аффекте выступает безудержная ярость — циничная брань, жестокие побои, безразличие к слабости и беспомощности противника и неспособность учесть его превосходящую силу. Эпилептоидный подросток в ярости способен наотмашь по лицу ударить престарелую бабушку, столкнуть с лестницы показавшего ему язык малыша, броситься с кулаками на заведомо более сильного обидчика. В драке обнаруживается стремление бить противника по гениталиям. Вегетативный аккомпанемент аффекта также ярко выражен — в гневе лицо наливается кровью, выступает пот и т.д.

Инстинктивная жизнь в подростковом возрасте оказывается особенно напряженной. Сексуальное влечение пробуждается с силой. Однако свойственная эпилептоидам повышенная

забота о своем здоровье, «страх заразы» до поры до времени сдерживает случайные связи, заставляет отдать предпочтение более или менее постоянным партнерам. Любовь у представителей этого типа почти всегда бывает окрашена мрачными тонами ревности. Измен как действительных, так и мнимых они никогда не прощают. Невинный флирт трактуется как тяжкое предательство.

Эпилептоидные подростки склонны к сексуальным эксцессам, а их половое влечение сопряжено с садистическими, а иногда и с мазохистическими стремлениями. В ситуациях, где нормальная половая активность неосуществима (например, в закрытом учреждении с однополым составом), подростки этого типа нередко вступают на путь перверзий. В гомосексуальных связях они обычно выступают в активных ролях и не довольствуются взаимным онанизмом, а побуждают партнера к педерастии или другим формам грубых извращений. Обогатившись перверзным опытом, некоторые из них в дальнейшем способны совмещать нормальные сношения с гомосексуальными. У некоторых эпилептоидных подростков на первый план выступают мазохистические желания — они причиняют себе боль нарочитыми ожогами, уколами, укусами. Ни половым возбуждением, ни тем более оргазмом болевые ощущения могут не сопровождаться, они доставляют особое наслаждение, которое трудно описать, но удержаться от которого такие подростки часто не в силах.

Напряженность и вместе с тем необычность влечений нередко проявляется в особой манере алкоголизации. После первых опьянений может возникнуть потребность пить «до отключения». В отличие от большинства современных подростков представители эпилептоидного типа предпочитают пить не вино, а водку и другие крепкие напитки. Обычная алкогольная эйфория редко бывает их уделом. Часто наблюдаются амнестические формы опьянения, во время них совершаются поступки, о которых не сохраняется воспоминаний. Иногда такие поступки осуществляются как бы автоматически, каким-то непонятным для самого подростка образом и потом удивляют их и смущают не менее, чем окружающих.

Один из подростков в подобном опьянении неясно зачем, влез на высотный кран, другой поднялся на чердак, разделся там донага и стал примерять развешенное для просушки женское белье. Алкоголь способен также выступать как провокатор дисфорических состояний с яростными аффективными разрядами — алкогольное возбуждение приобретает дикий характер со стремлением всех бить и все крушить.

Эпилептоидные подростки, видимо, гораздо менее склонны к употреблению неалкогольных наркотиков. Может быть, отчасти сдерживает страх стать наркоманом, забота о своем здоровье, может быть наркотики и их суррогаты дают не тот сорт ощущений, которого они жаждут. В одном случае вдыхания паров пятновыводителя эпилептоидным подростком было много сходного с описанной манерой алкоголизации. В отличие от своих приятелей, ограничивавшихся достижением эйфории, этот подросток вдыхал пары пятновыводителя на протяжении многих часов по несколько раз в день, стараясь довести себя до «отключения» от действительности, а на обращение к нему и на отвлекающий шум реагировал злобной агрессией.

Такие формы расстройств влечений как дромомания и пиромания встречаются относительно редко. Побег из дома, как указывалось, у подростков чаще бывают ситуативно обусловленными или побуждаемыми реакцией эмансипации. Истинная дромомания крайне редка и сопряжена с дисфорией. В этих случаях побег совершается без внешних поводов, в одиночку, при этом эпилептоидный подросток устремляется в дальние края, но часто по знакомому и стеретипно повторяющемуся маршруту. Во время дромоманического побега эпилептоидные подростки напряжены, бледны, аппетит утрачен, но обнаруживается удивительная выносливость. Алкоголизация «до отключения» может оборвать дромоманический дранг. Столь же сопряженными с дисфориями оказываются пироманические акты. Обычно они не являются в строгом смысле импульсивными, так как реализуются в процессе нарастающего желания, а не как «реакция короткого замыкания».

Серьезные трудности для анализа представляет склонность к суицидальному поведению. У взрослых психопатов возбуждаемого типа описаны истинные суицидные попытки, возникающие во время тяжелых дисфории. У эпилептоидных подростков истинные суицидные действия крайне редки. Нам приходилось сталкиваться только с демонстративным суицидным

поведением, нередко носящим характер явного «суицидального шантажа». В отличие от сходных поступков истероидов, добивающихся внимания к своей особе, здесь суицидальные демонстрации всегда были спровоцированы наказаниями, которые подростками трактовались, как несправедливые, и всегда были окрашены чувством мести в отношении обидчика и призваны доставить ему серьезные неприятности. Например, в школе-интернате завуч за драку лишила 14-летнего эпилептоидного подростка возможности пойти со всем классом в театр. Тогда этот подросток на глазах других учителей пытался изобразить повешение у дверей ее кабинета. Другой подросток, будучи в детской инфекционной больнице, за шалости был наказан тем, что нагим уложен в постель. Тогда он заперся в туалете, изображал повешение, издавал хрипящие звуки, добился того, что в больнице была поднята тревога и дверь туалета взломана.

Реакция эмансипации у эпилептоидных подростков нередко протекает очень тяжело. Дело может доходить до полного разрыва с родными, в отношении которых выступает крайняя озлобленность и мстительность. Эпилептоидные подростки не только требуют свободы, самостоятельности, избавления от власти, но и «прав», своей доли имущества, жилища, материальных благ. При конфликтах с матерью и отцом они могут держаться за бабушек и дедушек, которые их балуют, о них заботятся, им потакают. В отличие от представителей других типов эпилептоидные подростки не склонны генерализовывать реакцию эмансипации с родителей на все старшее поколение, на существующие обычаи и порядки. Наоборот, перед начальством они бывают готовы на угодничество, если ждут поддержки или каких-либо выгод для себя.

Реакция группирования со сверстниками тесно сопряжена со стремлением к властвованию, поэтому охотно выискивается компания из младших, слабых, безвольных, неспособных дать отпор. В группе такие подростки хотят установить свои порядки, выгодные для них самих. Симпатиями они не пользуются и их власть держится на страхе перед ними. Они чувствуют себя нередко на высоте в условиях жесткого дисциплинарного режима, где умеют угодить начальству, добиться определенных преимуществ, завладеть формальными постами, дающими в их руки определенную власть, установить диктат над другими и использовать свое положение к собственной выгоде. Их боятся, но постепенно против них зреет бунт, в какой-то момент их «подводят» и они оказываются низринутыми со своего начальственного пьедестала.

Реакция увлечения обычно бывает выражена достаточно ярко. Почти все эпилептоиды отдают дань азартным играм. В них пробуждается почти инстинктивная тяга к обогащению. Коллекционирование их привлекает также прежде всего материальной ценностью собранного. В спорте заманчивым кажется то, что позволяет развить физическую силу. Подвижные коллективные игры даются им плохо. Совершенствование ручных навыков, особенно если это сулит определенные материальные блага (прикладное искусство, ювелирная работа и т.п.), также может оказаться в сфере увлечений. Многие из них любят музыку и пение. В отличие от истероидов охотно занимаются ими наедине, получая от своих упражнений какое-то особое чувственное удовольствие.

Интересно, что совокупность основных признаков эпилептоидной психопатии, как постоянно соседствующие друг с другом, была выделена с помощью компьютера при анализе нарушений поведения разнородной группы из полутора тысяч американских подростков. Этими признаками оказались «неповиновение с ненавистью», «гневливость», «драчливость с властолюбием», склонность к разрушительным действиям, поджоги и лживость. Среди семейных факторов с указанными признаками достоверно коррелировали наличие отчима или мачехи или отвергающая ребенка мать, а в воспитании сочетание «порки» и «подкупа».

Внешность эпилептоидных подростков — это приземистая сильная фигура, массивный торс при коротких конечностях, круглая, чуть вдавленная в плечи голова, большая нижняя челюсть, крупные гениталии у мальчиков — все это бывает свойственно многим, но конечно, не всем представителям этого типа. Медлительность, тяжеловесность моторики встречаются гораздо чаще.

Самооценка эпилептоидных подростков носит однобокий характер. Как правило, они отмечают склонность к мрачному расположению духа, свои соматические особенности — крепкий сон и трудность пробуждений, любовь сытно и вкусно поесть, силу и напряженность

сексуального влечения, отсутствие застенчивости и даже свою склонность к ревности. Они подмечают свою осторожность к незнакомому, приверженность к правилам, аккуратности и порядку, нелюбовь пустых мечтаний и предпочтение жить реальной жизнью. В остальном, в особенности во взаимоотношениях с окружающими, они представляют себя значительно более комфортными, чем это есть на самом деле.

Эпилептоидный тип характера, видимо, один из весьма трудных для социальной адаптации. Не случайно большинство наших наблюдений этого типа были расценены как психопатии.

В случае явных акцентуаций при внешне удовлетворительной социальной адаптации жизненный путь может быть переполнен конфликтами и поведенческими нарушениями. Есть особый вариант эпилептоидности у подростков, отличающихся «гиперсоциальностью» — работоспособностью, аккуратностью, педантизмом, которые «не являются психопатами». В. В. Ковалев именно эти качества характера считает компенсаторными. Однако, по нашему наблюдению, «гиперсоциальность» остается односторонней и может принять карикатурные формы. В таких случаях подростки оказываются способными на «двойную жизнь»: будучи подчеркнуто правильными в одной ситуации, они обнаруживают крайнее себялюбие, злобность, агрессивность, моральную и физическую жестокость — в другой.

Скрытая акцентуация по эпилептоидному типу обнаруживается либо в ситуации, способствующей выявлению черт этого типа (конфликты по поводу ущемления интересов, возможность проявления деспотической власти в отношении других), либо под влиянием алкогольного опьянения, которое, как указывалось, у эпилептоидных подростков протекает тяжело.

Одной из особенностей эпилептоидного типа является относительная частота, с которой он встречается в «чистом» виде, без сочетания с чертами других типов (в 26 из 38 наших наблюдений, т.е. в 77%). Из 12 случаев, расцененных как смешанные типы, в пяти была констатирована комбинация эпилептоидности и истероидности. В этом сочетании трудно бывает решить, какой компонент является ведущим, но, по-видимому, главным все же является эпилептоидное ядро.

В итоге эпилептоидный тип можно признать одним из самых трудных. Тяжелые и выраженные степени психопатии относительно часты, внешняя адаптация при акцентуациях сопряжена с тяжелыми конфликтами и даже при скрытой акцентуации возможны неожиданные тяжкие эксцессы.

Истероидный тип

Данный тип описан во многих монографиях и руководствах и включен в самые разнообразные систематики психопатий. Его главная черта — беспредельный эгоцентризм, ненасытная жажда постоянного внимания к своей особе, восхищения, удивления, почитания, сочувствия. На худой конец предпочитается даже негодование или ненависть, направленные в свой адрес, но только не безразличие и равнодушие — только не перспектива остаться незамеченным («жаждущие повышенной оценки»). Все остальные качества истероида питаются этой чертой. Внушаемость, которую нередко выдвигают на первый план, отличается избирательностью: от нее ничего не остается, если обстановка внушения или само внушение не льют воду на мельницу эгоцентризма. Лживость и фантазирование целиком направлены на приукрашение своей персоны. Кажущаяся эмоциональность в действительности оборачивается отсутствием глубоких искренних чувств при большой экспрессии эмоций, театральности, склонности к рисовке и позерству.

Истероидные черты нередко намечаются с ранних лет. Такие дети не выносят, когда при них хвалят других ребят, когда другим уделяют внимание. Игрушки им быстро надоедают. Желание привлечь к себе взоры, слушать восторги и похвалы становится насущной потребностью. Они охотно перед зрителями читают стихи, танцуют, поют и многие из них действительно обнаруживают неплохие артистические способности. Успехи в учебе в первых классах во многом определяются тем, ставят ли их в пример другим.

С наступлением пубертатного периода обычно наблюдается заострение истероидных

черт.

Как известно, в последние десятилетия картина истерии у взрослых существенно изменилась. Почти исчезли истерические припадки, параличи и т.п. На смену им пришли менее грубые неврастеноподобные симптомы. Это положение относится также и к подростковому возрасту. Однако в этом периоде истерические черты характера проявляются прежде всего в особенностях поведения, в специфически подростковых поведенческих реакциях. К тому же акселерация физического развития существенно изменила прежнее представление об инфантильной грацильности, хрупкости, детскости истероидных подростков. Лишь при одном из описываемых нами вариантов («лабильные истероиды») нередко приходится встречать грацильную внешность. В прочих случаях от нее может не остаться и следа.

Среди поведенческих проявлений истероидности у подростков на первое место следует поставить суицидальность. Речь идет о несерьезных попытках, демонстрациях, «псевдосуицидах», «суицидальном шантаже». Первые псевдосуицидальные демонстрации, по нашим наблюдениям, у акцелерированных подростков чаще падают на возраст 15-16 лет, а не на 17-19 лет, как в прошлом поколении. Способы при этом избираются либо безопасные (порезы вен на предплечье, лекарства из домашней аптечки), либо рассчитанные на то, что серьезная попытка будет предупреждена окружающими (приготовление к повешению, изображение попытки выпрыгнуть из окна или броситься под транспорт на глазах у присутствующих и т.п.).

Обильная суицидальная «сигнализация» нередко предшествует демонстрации или сопровождает ее: пишутся различные прощальные записки, делаются «тайные» признания приятелям, записываются «последние слова» на магнитофоне и т.п.

Нередко причиной, толкнувшей истероидного подростка на «суицид», называется неудачная любовь. Однако часто удается выяснить, что это лишь романтическая завеса или просто выдумка. Действительной причиной обычно служит уязвленное самолюбие, утрата ценного для данного подростка внимания, страх упасть в глазах окружающих, особенно — сверстников, лишиться ореола «избранника». Конечно, отвергнутая любовь, разрыв, предпочтение соперника или соперницы наносит чувствительный удар по эгоцентризму истероидного подростка, особенно если все события разворачиваются на глазах приятелей и друзей. Сама же суицидальная демонстрация с переживаниями окружающих, суетой, скорой помощью, любопытством случайных свидетелей дает немалое удовлетворение истероидному эгоцентризму.

В поисках причин суицидальной демонстрации важно заметить, где она совершается, кому адресуется, кого она должна разжалобить, чье утраченное внимание вернуть, кого заставить пойти на уступки или уронить в глазах окружающих. Если, например, причиной суицида объявляется разлад с возлюбленной, а суицидальная демонстрация совершается так, что та ни увидеть, ни узнать о ней не может, но зато ее первым свидетелем становится мать, можно не сомневаться, что именно в отношениях с матерью кроется конфликт. Родители, правда, нередко играют у истероидных подростков «козла отпущения» за те «разочарования», которые их постигли в среде сверстников. В случаях истероидных психопатий суицидальные демонстрации могут осуществляться повторно, особенно если предыдущие имели успех, могут превращаться в своего рода поведенческий штамп. К суицидальным демонстрациям примыкает истероидная бравада «игрой со смертью» с претензией заполучить репутацию исключительной личности.

Кроме суицидальных демонстраций, приходится встречать острые аффективные суицидные попытки, более частые у лабильных истероидов. Подобные аффективные реакции чаще всего также бывают вызваны ударами по самолюбию, унижением в глазах окружающих, утратой надежд на особую роль, перспективы возвыситься в чьих-либо глазах. Аффективные суицидные попытки обычно также бывают насыщены элементами демонстрации, нацелены на то, чтобы привлечь внимание. Однако на фоне крайнего аффекта на какой-то момент может промелькнуть истинная суицидальная цель. И даже при ее отсутствии грань безопасного в аффекте легко может быть перейдена и демонстративное по замыслу действие закончиться завершённым суицидом.

Свойственное истероидам «бегство в болезнь», изображение необычных таинственных заболеваний принимает иногда в среде некоторых подростковых компаний, в частности

подражающих: западным «хиппи», новую форму, выражаясь стремлением попасть в психиатрическую больницу и тем заполучить в подобной среде репутацию необычности. Для достижения этой цели используется разыгрывание роли наркомана, суицидальные угрозы, и, наконец, жалобы, подчерпнутые из учебников психиатрии, причем разного рода деперсонализационно-дереализационные симптомы и циклические колебания настроения пользуются особой популярностью.

Алкоголизация или употребление наркотиков у истероидных подростков также иногда носит демонстративный характер. Истинный алкоголизм встречается крайне редко, причем в этих случаях обычно имеет место сочетание истероидности с чертами другого типа. Выпивают истероидные подростки немного, предпочитают легкие степени опьянения, однако непрочь прихвастнуть огромным количеством выпитого, способностью пить, не пьянея или изысканным выбором алкогольных напитков («Я пью только коньяк и шампанское» — заявил один 14-летний истероидный подросток). Однако они не склонны изображать алкоголиков, так как эта роль не сулит им ни ореола необычности, ни жадно любопытных взоров. Зато нередко готовы представить себя настоящим наркоманом. Понаслышавшись о наркотиках или испробовав раз-другой тот или иной суррогат, истероидный подросток начинает расписывать свои наркотические эксцессы, необычный «кайф», упоминает о приеме героина или ЛСД, которых он нигде достать не мог, и т.п. Детальный распрос выявляет, что ничего о действительных ощущениях он рассказать не может, что нахватанные где-то сведения быстро истощаются. Подобный модус поведения свидетельствует, к сожалению, о том, что ампула наркомана, в отличие от алкоголика, пользуется привлекательностью в некоторых асоциальных подростковых группах. Употребление наркотиков, мнимое или эпизодическое, может быть также способом апелляции к близким, намерением обратить на себя их особое внимание. Обидевшись на мать, которая все заботы сосредоточила на больном брате, 14-летний истероидный подросток неделю носил в своем школьном портфеле шприц, надеясь, что мать найдет его. А когда мать так и не удосужилась заглянуть в его портфель, стал разбрасывать по квартире иглы для инъекций.

Делинквентность истероидных подростков обычно носит несерьезный характер. Речь идет о прогулах, нежелании учиться и работать, так как «серая жизнь» их не удовлетворяет, а занять видное место в учебе или труде, которое бы тешило их самолюбие, не хватает ни способностей, ни настойчивости. Столкновения бывают также по поводу вызывающего поведения в общественных местах, пристаивания к иностранным туристам, шумных скандалов. В более серьезных случаях приходится сталкиваться с мошенничеством, подделкой чеков или документов, обмане и обворовывании лиц, к которым втерлись в доверие. Истероиды избегают тяжких преступлений, связанных с насилием, грабежом, взломом, риском и, по видимому, сравнительно редко встречаются среди криминальных подростков.

Побеги из дома могут начинаться еще с первых классов школы или даже в дошкольном возрасте. Обычно они вызваны наказаниями, имевшими место или ожидаемыми, или обусловлены одной из детских поведенческих реакций — реакцией оппозиции. Эта реакция у детей и подростков чаще всего связана с утратой прежнего внимания со стороны близких. Убежав из дому, они стараются быть там, где их будут искать, или обратить на себя внимание милиции, чтобы их привели домой или вызвали за ними родителей. С возрастом побеги могут становиться более продолжительными и приобретать романтическую окраску. Причинами их нередко бывают те же, что толкают на суицидную демонстрацию — утрата внимания, крах надежд на возвышенное положение, необходимость выпутаться из истории, которая грозит неизбежностью быть осмеянным и низринутым с почетного пьедестала. Например, уверив своих знакомых в том, что его родители занимают высокое положение, и нарасказав им о роскошном образе жизни своей семьи, 16-летний юноша убежал в дальние края, когда требования приятелей пригласить к себе домой стали слишком настойчивыми.

У истероидных подростков сохраняются черты детских реакций оппозиции, имитации и др. Чаще всего приходится видеть реакцию оппозиции на утрату или уменьшение привычного внимания со стороны родных, на потерю роли семейного кумира. Проявления реакции оппозиции могут быть теми же, что и в детстве — уход в болезнь, попытки избавиться от того, на кого внимание переключилось (например, заставить мать разойтись с появившимся

отчимом), но чаще эта детская реакция оппозиции выявляется подростковыми нарушениями поведения — выпивки, знакомство с наркотиками, прогулы, воровство, асоциальные компании предназначаются для того, чтобы просигнализировать: «Верните мне прежнее внимание, иначе я собьюсь с пути!» Реакция имитации может определять в поведении истероидного подростка. Однако модель, избранная для подражания, не должна заслонять саму подражающую персону. Поэтому для имитации избирается образ абстрактный или лицо, пользующееся популярностью среди подростков, но не имеющее непосредственного контакта с данной группой («кумир моды»). Иногда же подражание зиждется на собирательном образе: в погоне за оригинальностью воспроизводятся сногшибательные высказывания одних, необычная одежда других, вызывающая манера вести себя третьих и т.п. Реакция гиперкомпенсации менее свойственна истероидам, так как она сопряжена с настойчивостью и упорством, которых им как раз не хватает. Зато реакция компенсации бывает достаточно выраженной. Можно думать, что именно эта реакция играет существенную роль в свойственной истероидам «косметической» лжи, в фантазиях, которым они заставляют верить окружающих и, если не верят сами, то наслаждаются ими.

Выдумки подростков-истероидов отчетливо разнятся от фантазий шизоидов. Истероидные фантазии изменчивы, всегда предназначены для определенных слушателей и зрителей, подростки легко вживаются в роль, ведут себя соответственно своим выдумкам, Геннадий У. был доставлен в подростковую психиатрическую клинику после того, как явился в органы государственной безопасности с заявлением, что его завербовала иностранная разведка, поручает ему устроить взрыв на заводе, указал на определенных лиц как на агентов этой разведки и т.п. — все это оказалось чистейшим вымыслом.

Истероидов, склонных к подобному мифотворчеству, часто выделяют в особую психопатическую группу псевдологов. С нашей точки зрения, для подросткового возраста вряд ли это оправдано, так как украшающие собственную личность фантазии и ложь свойственны почти всем истероидным подросткам. И даже, когда выдумки составляют главное в поведении, заслоняя, казалось бы, все прочие истероидные черты, все это рассказы всегда питаются основой истероидного характера — ненасытным эгоцентризмом.

Специфически подростковые поведенческие реакции также бывают окрашены этой главной истероидной чертой. Реакция эмансипации может иметь бурные внешние проявления — побеги из дому, конфликты с родными и старшими, громогласные требования свободы и самостоятельности и т.п. Однако по сути дела настоящая потребность свободы и самостоятельности вовсе не свойственна подросткам этого типа — от внимания и забот близких они совсем не жаждут избавиться. Эмансипационные устремления часто сползают на рельсы детской реакции оппозиции.

Реакция группирования со сверстниками всегда сопряжена с претензиями на лидерство или на исключительное положение в группе. Не обладая ни достаточной стеничностью, ни бестрепетной готовностью в любой момент силой утвердить свою командную роль, подчинить себе других, истероид рвется к лидерству доступными для него путями. Обладая хорошим интуитивным чутьем настроения группы, еще назревающих в ней порою неосознанных желаний и стремлений, истероиды могут быть их первыми выразителями, выступать в роли зачинщиков и зажигателей. В порыве, в экстазе, воодушевленные обращенными на них взглядами они могут повести за собой других, даже проявить безрассудную смелость. Но они всегда оказываются жокаками на час — перед неожиданными трудностями пасуют, друзей легко предают, лишены восхищенных взоров, сразу теряют весь задор. Главное, группа вскоре распознает за внешними эффектами их внутреннюю пустоту. Это осуществляется особенно быстро, когда истероидные подростки не склонны слишком долго задерживаться в одной и той же подростковой группе и охотно устремляются в новую, чтобы начать все сначала. Если от истероидного подростка слышишь, что он разочаровался в своих приятелях, можно смело полагать, что те «раскусили» его.

В условиях замкнутых подростковых групп, например в закрытых учреждениях с регламентированным режимом, где произвольная смена компании затруднена, для того, чтобы занять исключительное положение, нередко избирается иной путь. Истероидные подростки охотно принимают из рук взрослых формальные лидерские функции — должности старост,

организаторов всякого рода мероприятий и т.п. — с тем, чтобы занять позицию посредника между старшими и подростковой группой и тем упрочить свое особое положение.

Увлечения почти целиком сосредоточиваются в области эгоцентрического типа хобби. Увлечь может лишь то, что дает возможность покрасоваться перед другими. Если есть способности, то художественная самодеятельность открывает здесь наибольшие возможности. Предпочитаются те виды искусства, которые наиболее модны среди подростков своего круга (в настоящее время чаще всего — джазовые ансамбли, эстрада) или поражают своей необычностью (например, театр мимов). Нельзя не заметить среди современных подростков малую популярность драматических кружков и падающую — танцевальных ансамблей. Порою избранные увлечения, казалось бы, не относятся к эгоцентрическим хобби. Однако на деле оборачивается, что увлечение иностранным языком, сводящееся обычно к усвоению самых ходовых диалогов, предпринимается для того, чтобы блеснуть перед приятелями беседой с туристами, а увлечение философией сводится к самому поверхностному знакомству с модными течениями и предназначено опять же для того, чтобы произвести впечатление на соответствующее окружение. Подражание йогам и хиппи представляет в этом отношении особенно благодатную почву. Даже коллекции служат все той же цели — блеснуть ими (и собой!) перед приятелями. Спорт и другие мануально-телесные хобби избираются гораздо реже, так как требуют большого упорства. В противовес этому лидерские хобби (роль разного рода организаторов и руководителей) более предпочтительны, так как позволяют быть всегда на виду. Однако вскоре начинают тяготиться сопряженными с ними формальными обязанностями.

Сексуальное влечение истероидов не отличается ни силой, ни напряжением. В их сексуальном поведении много театральной игры. Подростки мужского пола предпочитают таить свои сексуальные переживания, уходить от бесед на эту тему. Девочки, наоборот, склонны афишировать свои действительные связи и придумывать несуществующие, способны на оговоры и самооговоры, могут изображать распутниц, наслаждаясь ошеломляющим впечатлением на собеседника.

Самооценка истероидных подростков далека от объективности. Подчеркиваются те черты характера, которые в данный момент могут произвести впечатление.

Три варианта истероидного типа в подростковом возрасте встречаются чаще всего: «чистый» истероидный тип, неустойчивый истероид и лабильный истероид. Первый из них не требует особого описания. Лабильный истероид, сочетающий черты эмоционально-лабильного и истероидного типов, охарактеризован в разделе, посвященном разновидностям лабильного типа. Как правило, основой здесь является именно лабильность, а истероидность либо дополняется при воспитании по типу «кумира семьи», либо выявляется в чрезвычайной ситуации.

Неустойчивый истероид — вариант истероидного типа, наиболее распространенный среди подростков мужского пола. У большинства из них отсутствует свойственная по — классическим описаниям для истероидов инфантильность и грацильность. Наоборот, акселерация физического развития обычно бывает достаточно выражена. Внешне при первом знакомстве такие подростки могут произвести впечатление неустойчивых. Асоциальные компании сверстников, выпивки, интерес к наркотикам, праздность и тяга к «веселой жизни», пренебрежение всеми обязанностями, уклонение от учебы и труда — все это действительно имеет место. Однако за всем этим стоит не безволие и бездумность, не почти инстинктивная тяга к постоянным развлечениям и удовольствиям, а все тот же истероидный эгоцентризм. Все формы асоциального поведения — алкоголизация, наркотизм, делинквентность и т.п. — служат для бравады перед старшими и сверстниками, для того, чтобы заполучить репутацию исключительности. В асоциальных компаниях обнаруживаются претензии на лидерство, на необычность. Алкоголизация и употребление наркотиков могут носить нарочито демонстративный характер. Безделье, праздность, иждивенчество сопряжено с высокими, фактически невыполнимыми претензиями в отношении будущей профессии. Лживость бывает не только защитной, как у настоящих неустойчивых, она почти всегда служит цели приукрасить себя.

Помимо истероидной психопатии, приходится встречать истероидную акцентуацию как в

явной, так и в скрытой форме. Следует еще раз подчеркнуть, что ударом по слабому звену, способным обнаружить скрытую акцентуацию или обусловить яркую истерическую реакцию при явной, чаще всего бывает ущемление самолюбия, утрата внимания, крах надежд на привилегированное положение, развенчанная исключительность.

Диагностика истероидного типа у подростков должна осуществляться с осторожностью. Не следует обманываться кажущейся легкостью. Истероидные черты могут быть поверхностным наслоением на характерологическую основу другого типа — лабильного или гипертимного чаще всего. Эти же черты могут включаться в картину органической психопатии. Демонстративное суицидальное поведение у эпилептоидов также может ошибочно навести на мысль об истероидности. К сказанному следует еще добавить необходимость дифференцирования между истероидностью и выраженным психическим инфантилизмом в подростковом возрасте, когда также можно встретить необузданное фантазирование, выдумки, детскую эмоциональность, внушаемость и многие другие сходные с истероидами черты. Однако отсутствие выраженного эгоцентризма позволяет отличить таких подростков от истероидов.

Неустойчивый тип

Крап един назвал представителей этого типа — безудержные, неустойчивые.⁷⁰ Шнейдер более подчеркнул в своих названиях недостаток воли («безвольные», «слабовольные»). Их безволие отчетливо выступает, когда дело касается учебы, труда, исполнения обязанностей и долга, достижения целей, которые ставят перед ними родные, старшие, общество. Однако в поиске развлечений представители этого типа также не обнаруживают напористости, а скорее плывут по течению.

В детстве они отличаются непослушанием, непоседливостью, всюду и во все лезут, но при этом трусливы, боятся наказаний, легко подчиняются другим детям. Элементарные правила поведения усваиваются с трудом. За ними все время приходится следить. У части из них встречаются симптомы невропатии (заикание, ночной энурез и т.д.).

С первых классов школы нет желания учиться. Только при непрестанном и строгом контроле, нехотя подчиняясь, они выполняют задания, всегда ищут случаи отлынивать от занятий. Вместе с тем рано обнаруживается повышенная тяга к развлечениям, удовольствиям, праздности, безделью. Они убегают с уроков в кино или просто погулять по улице. Подстрекаемые более стеничными сверстниками, могут ради компании сбежать из дома. Все дурное словно липнет к ним. Склонность к имитации у неустойчивых подростков отличается избирательностью: образами для подражания служат лишь те модели поведения, которые сулят немедленные наслаждения, смену легких впечатлений, развлечения. Еще детьми они начинают курить. Легко идут на мелкие кражи, готовы все дни проводить в уличных компаниях. Когда же они становятся подростками, то прежние развлечения, вроде кино, их уже не удовлетворяют, и они дополняют их более сильными и острыми ощущениями — в ход идут хулиганские поступки, алкоголизация, наркотики.

Еще Крапелин писал о нецелестремленной криминальности неустойчивых. Делинквентность этих подростков — это прежде всего желание поразвлечься. Выпивки начинаются рано — иногда с 12-14 лет и всегда в компаниях асоциальных подростков. Поиск необычных впечатлений легко толкает на знакомство с наркотиками, с разного рода их суррогатами. О возникающих при их действии необычных ощущениях и иллюзорных переживаниях делятся с приятелями с тем же упоением, как в детстве рассказывали о детективных фильмах.

С наступлением пубертатного периода такие подростки стремятся высвободиться из-под родительской опеки. Реакция эмансипации у неустойчивых подростков тесно сопряжена все с теми же желаниями удовольствия и развлечения. Истинной любви к родителям они никогда не

⁷⁰ При сходстве названий «лабильный» и «неустойчивый» (installe) следует указать на то, что первое относится к эмоциональной сфере, а второе — к поведению.

питают. К бедам и заботам семьи относятся с равнодушием и безразличием. Родные для них — лишь источник средств для наслаждений.

Неспособные сами занять себя, они очень плохо переносят одиночество и рано тянутся к уличным подростковым группам. Трусость и недостаточная инициативность не позволяет им занять в них место лидера. Обычно они становятся орудиями таких групп. В групповых правонарушениях им приходится таскать каштаны из огня, а плоды пожинают лидер и более стеничные члены группы.

Их увлечения целиком ограничиваются информативно-коммуникативным типом хобби, да азартными играми. К спорту они испытывают отвращение. Только автомашина и мотоцикл сохраняют заманчивость как источник почти гедонического наслаждения бешеной скоростью с рулем в руках. Но упорные занятия и здесь отталкивают их. Зато угон автомашин и мотоциклов с целью покататься составляет существенную часть их делинквентности. Художественная самодеятельность их не привлекает, даже модные эстрадные ансамбли им скоро приедаются. Все виды хобби, требующие какого-то труда, для них непостижимы.

Сексуальное влечение не отличается силой, но пребывание в асоциальных группах ведет к раннему сексуальному опыту, включая знакомство с развратом и извращениями. Сексуальная жизнь становится для неустойчивых подростков таким же источником развлечений, как постоянные выпивки и похождения. Романтическая влюбленность проходит мимо них, на искреннюю любовь они не способны, как и на настоящую дружбу. Компания для развлечений всегда предпочтительнее преданного друга.

Учеба легко забрасывается. Никакой труд не становится привлекательным. Работают они только в силу крайней необходимости. Поражает их равнодушие к своему будущему, они не строят планов, не мечтают о какой-либо профессии или о каком-либо положении для себя. Они целиком живут настоящим, желая извлечь из него максимум развлечений и удовольствий. Трудности, испытания, неприятности, угроза наказаний — все это вызывает одинаковую реакцию — убежать подальше.

Побеги из дому и интернатов — нередкий поступок неустойчивых подростков. В побегах они ищут асоциальной компании, подходящего попутчика, под влияние которого легко поддаются. Первые побеги служат примитивным способом избежать неприятностей или, по крайней мере, отсрочить наказание. Повторные побеги нередко обусловлены уже поиском развлечений, тягой к «свободной жизни».

Суицидальная активность, по нашим наблюдениям, не свойственная неустойчивым подросткам. Лишь среди конформно-неустойчивых встречаются аффективные суицидные попытки.

Существует ряд точек зрения на сущность неустойчивого типа — неустойчивость эмоций, слабость воли, нарушение влечений, патологическая подвижность нервных процессов, невозможность выработать стойкий жизненный стереотип и др.

Слабоволие является, видимо, одной из основных черт неустойчивых. Именно слабоволие позволяет удержать их в обстановке сурового и жестко регламентированного режима. Когда за ними непрерывно следят, не позволяют отлынивать от работы, когда безделье грозит суровым наказанием, а ускользнуть некуда, да и вокруг все работают — они на время смиряются. Но как только опека начинает ослабевать, они немедленно устремляются в ближайшую «подходящую компанию». Слабое место неустойчивых — безнадзорность, обстановка попустительства, открывающая просторы для праздности и безделья.

Самооценка неустойчивых подростков нередко отличается тем, что они приписывают себе либо гипертимные, либо конформные черты.

Среди госпитализированных в психиатрическую клинику подростков мужского пола тип неустойчивых в равной степени был представлен как психопатиями, так и акцентуациями. Как правило, в случаях психопатий нарушения поведения начинаются с детства.

Кроме явной акцентуации по неустойчивому типу, когда все особенности поведения и характера налицо, приходится сталкиваться со скрытой акцентуацией. В этих случаях нарушения поведения, свойственные типу неустойчивых, выявляются внезапно, на фоне предшествующего благополучия. Обнаруживаются они при сочетании неожиданного для подростка положения относительной бесконтрольности со стороны старших с пагубным

влиянием кого-либо из приятелей.

Сходная с наблюдаемой у представителей типа неустойчивых манера поведения может встречаться в процессе психопатизации при других типах — гипертимном, истероидном, конформном. В этих случаях поведение типа неустойчивых является наслоением на эндогенную характерологическую основу иного типа. Гипертимно-неустойчивые подростки всегда обнаруживают большую активность, стремление к лидерству в подростковых группах, они бывают смелы до отчаянности, не склонны подчиняться строгому дисциплинарному режиму, реагируя на ограничения бурным протестом. Истероидно-неустойчивых с описываемым собственно-неустойчивым типом, кроме внешних проявления нарушений поведения, прежде всего объединяет лживость. Однако ложь истероидно-неустойчивых является «косметической», предназначена прежде всего для украшения их личности, самовозвеличения, питается желанием произвести впечатление. Они лгут по своей инициативе, когда обстоятельства к этому вовсе не понуждают. Лживость собственно-неустойчивых всегда обусловлена ситуацией. Она более всего служит цели избежать наказания, выпутаться из трудностей, заполнить какие-либо блага.

Особый конформно-неустойчивый вариант встречался как следствие психопатического развития конформного в преморбиде типа. Причиной была безнадзорность, гипоопека и случайное попадание в компанию асоциальных подростков. Далее следовало постепенное «вживание» в эту среду, усвоение ее манер поведения, приобщение к ее интересам и ценностям. По мере развития поведение становится неотличимым от поведения собственно-неустойчивых и только тщательный анамнез позволяет выявить конформный преморбид. Такие подростки сохраняют конформность как главную черту своего характера, но конформными они становятся в отношении асоциальных подростковых групп. Из прежних черт конформного типа прочнее всего держится неприязнь к чужакам, подозрительность ко всему незнакомому. Для собственно-неустойчивых чужаки скорее служат предметом мимолетного любопытства или развлекающих злых забав.

Наконец, необходимо упомянуть еще и о неустойчиво-подобном варианте органической психопатии.

Неустойчивый тип психопатий и акцентуаций — один из самых частых среди подростков мужского пола, попадающих под наблюдение психиатра (11% среди госпитализированных подростков без психоза). У взрослых этот тип психопатии диагностируется гораздо реже. Лишь менее 1% среди нескольких сотен психопатов, проходивших судебно-психиатрическую экспертизу, т.е. в популяции, где можно было ожидать представителей этого типа относительно часто, было оценено как неустойчивые. Можно предположить, что значительная часть неустойчивых подростков, став взрослыми, пополняют ряды алкоголиков и наркоманов. Диагноз «хронический алкоголизм» или «наркомания» заслоняет их прошлое — психопатию или акцентуацию неустойчивого типа. По данным Б.В.Марченко, до 30% страдающих хроническим алкоголизмом может быть отнесено к неустойчивому типу. У 74% взрослых психопатов неустойчивого типа диагностирована токсикомания.

Конформный тип

Психопатий конформного типа не существует. Этот тип встречается в чистом виде только в форме акцентуаций и поэтому в клинические систематики не включался. Картина конформной акцентуации в характерологических исследованиях вырисовывалась очень постепенно. Еще в конце прошлого столетия Ribot описал «аморфный тип» характера, якобы лишенный каких-либо определенных черт, плывущий по течению, слепо подчиняющийся своей среде. По словам Ribot, за таких людей думает и действует общество, совершенствование у них ограничивается подражанием. П. Б. Ганнушкин метко обрисовал некоторые черты этого типа — постоянную готовность подчиниться голосу большинства, шаблонность, банальность, склонность к ходячей морали, благонаравию, консерватизму, однако он неудачно связал данный тип с низким интеллектом. В действительности дело вовсе не в интеллектуальном уровне. Подобные субъекты нередко хорошо учатся, получают высшее образование, при определенных условиях с успехом работают.

Главная черта характера этого типа — постоянная и чрезмерная конформность к своему непосредственному привычному окружению — наиболее выступила в описаниях американских социальных психологов. Ими также отмечено свойственное этим личностям недоверие и настороженное отношение к незнакомцам. Как известно, в современной социальной психологии под конформностью принято понимать подчинение индивидуума мнению группы в противоположность независимости и самостоятельности. В разных условиях каждый субъект обнаруживает ту или иную степень конформности. Однако при конформной акцентуации характера это свойство постоянно выявляется, будучи самой устойчивой чертой.

Представители конформного типа — это люди своей среды. Их главное качество, главное жизненное правило думать «как все», поступать «как все», стараться чтобы все у них было «как у всех» — от одежды и домашней обстановки до мировоззрения и суждений по животрепещущим вопросам. Под «всеми» подразумевается обычное непосредственное окружение. От него они не хотят отстать ни в чем, но и не любят выделяться, забегать вперед. Это особенно проступает на примере отношения к модам одежды. Когда появляется какая-нибудь новая необычная мода, нет более ярких ее хулителей, чем представители конформного типа. Но как только их среда осваивает эту моду, скажем брюки или юбки соответствующей длины и ширины, как они сами облачаются в такую же одежду, забывая о том, что говорили два-три года назад. В жизни они любят руководствоваться сентенциями и в трудных ситуациях склонны в них искать утешение («утраченного не воротишь» и т.п.). Стремясь всегда быть в соответствии со своим окружением, они совершенно не могут ему противостоять. Поэтому конформная личность — полностью продукт своей микросреды. В хорошем окружении — это неплохие люди и неплохие работники. Но попав в дурную среду, они со временем усваивают все ее обычаи и привычки, манеры и правила поведения, как бы все это ни противоречило предыдущим и каким бы пагубным ни было. Хотя адаптация у них первое время происходит довольно тяжело, но когда она осуществилась, новая среда становится таким же диктатором поведения, как раньше была прежняя. Поэтому конформные подростки «за компанию» легко спиваются, могут быть втянуты в групповые правонарушения.

Конформность сочетается с поразительной нескритичностью. Все, что говорит привычное для них окружение, все, что они узнают через привычный для них канал информации, это для них и есть истина. И если через этот же канал начинают поступать сведения, явно не соответствующие действительности, они по-прежнему их принимают за чистую монету.

Ко всему этому конформные субъекты — консерваторы по натуре. Они не любят новое, потому что не могут к нему быстро приспособиться, трудно осваиваются в новой ситуации. Правда, в наших условиях они в этом открыто не признаются, видимо, потому что в подавляющем большинстве микроколлективов, где они оказываются, чувство нового официально и неофициально высоко ценится, новаторы поощряются и т.п. Но положительное отношение к новому у них остается только на словах. На деле они предпочитают стабильное окружение и раз и навсегда установленный порядок. Нелюбовь к новому прорывается наружу беспричинной неприязнью к чужакам. Это касается как просто новичка, который появился в их группе, так и представителя другой среды, другой манеры держать себя, и даже, как нередко приходится наблюдать, другой национальности.

От еще одного качества зависит их профессиональный успех. Они — неинициативны. Очень хорошие результаты могут достигаться на любой ступени социальной лестницы, лишь бы работа, занимаемая должность не требовали бы постоянной личной инициативы. Если именно этого от них требует ситуация, они дают срыв на любой, самой незначительной должности, выдерживая гораздо более высококвалифицированную и даже напряженную работу, если она четко регламентирована.

Опекаемое взрослыми детство не дает чрезмерных нагрузок для конформного типа. Возможно, поэтому, только начиная с подросткового возраста, черты конформной акцентуации бросаются в глаза. Все специфически-подростковые реакции проходят под знаком конформности.

Конформные подростки очень дорожат своим местом в привычной группе сверстников, стабильностью этой группы, постоянством окружения. Они совсем не склонны менять свою подростковую группу, в которой свыклись и освоились. Нередко решающим в выборе учебного

заведения является, куда идет большинство товарищей. Одной из самых тяжелых психических травм, которая, по-видимому, для них существует — это когда привычная подростковая группа почему-либо их изгоняет. Конформные подростки обычно оказываются также в трудном положении, когда общепринятые суждения и обычаи их среды приходят в столкновение с их личностными качествами. Например, рискованные приключения чужды конформности, но свойственны подростковой среде. Лишенные собственной инициативы конформные подростки могут быть втянуты в групповые правонарушения, в алкогольные компании, подбиты на побег из дому или науськаны на расправу с чужаками.

Реакция эмансипации ярко проявляется только в случае, если родители, педагоги, старшие отрывают конформного подростка от привычной ему среды сверстников, если они противодействуют его желанию «быть как все», перенять распространенные подростковые моды, увлечения, манеры, намерения. Увлечения конформного подростка целиком определяются его средой и модой времени.

Конформная акцентуация у подростков, видимо, является довольно распространенной, особенно у мальчиков.

Существует особый вариант конформного типа — конформно-гипертимный. От других конформных подростков его отличает повышенная витальная самооценка. Такие подростки несколько эйфоричны, подчеркивают свою бодрость, здоровье, хороший сон и аппетит. Им свойственна также чрезмерно оптимистическая оценка своего будущего, убежденность, что исполнятся все желания. Но этим и ограничивается их сходство с гипертимным типом. Ни большой активности, ни живости, ни предприимчивости, ни инициативы, ни стремления к лидерству они не обнаруживают. Они податливы дисциплине и регламентированному режиму, особенно если все это соблюдается окружающими.

Конформные подростки, кроме случаев сочетания с дебильностью, относительно редко попадают под наблюдение психиатра. Лишь 3% обследованного нами контингента госпитализированных подростков были оценены как представители этого типа. Тем не менее явная конформная акцентуация — это крайний вариант нормы. Еще П.Б.Ганнушкин отметил склонность представителей этого типа к реактивным состояниям — ипохондрии после «страшного диагноза», реактивной депрессии при утрате близких или имущества, реактивного параноида — при угрозе ареста и т.п. Их слабое звено — чрезмерная податливость влиянию среды и чрезмерная привязанность ко всему привычному. Ломка стереотипа, лишение обычного для них общества может послужить причиной реактивных состояний, а дурное влияние окружающей среды толкнуть на путь интенсивной алкоголизации или приобщения к наркотикам. Длительное неблагоприятное влияние может послужить причиной психопатического развития по неустойчивому типу.

Помимо острых реактивных состояний, помимо опасности алкоголизма и наркоманий, помимо возможности психопатического развития по неустойчивому типу, следует оговорить, что подростковая конформность может служить временным этапом, как бы предваряя относительно позднее формирование акцентуации по другим типам, например, паранойяльному или эпилептоидному.

Типологическая модель П.Б.Ганнушкина. Россия

О, так называемом, нормальном характере

Никто... не будет отрицать, что в обычной жизни, в сношениях людей друг с другом громадное значение имеет знание их психологии, знание их индивидуальных особенностей. Это знание имеет и чисто теоретическое, научное значение и утилитарно-практическое (так называемая психотехника).⁷¹ Мы входим, таким образом, в задачи индивидуальной или

⁷¹ Отрывок из работы «Психиатрия, ее задачи, объем и преподавание». (Избранные труды М., 1964)

дифференциальной психологии. Главным предметом этой психологии является изучение личных особенностей индивидуума, другими словами, изучение тех его свойств и качеств, которыми он отличается от других индивидуумов. Наличие этих качеств и свойств накладывает специфический отпечаток на его психику; этими качествами и свойствами он отличается от окружающей Среды, от так называемой нормы, от золотой середины. Здесь мы попадаем не только в сферу психологии, но определенно и в сферу патопсихологии. На этом я остановлюсь более подробно и более отчетливо. Когда говорят о «нормальной личности», то сплошь и рядом забывают, что соединение двух таких терминов, как «личность» или «индивидуальность», с одной стороны, и «норма» или «средняя величина» — с другой, — такого рода соединение грешит внутренним противоречием; это есть соединение двух по существу совершенно не согласных друг с другом терминов. Слово «личность» именно подчеркивает индивидуальное в противоположность схеме, норме, середине. Решительно то же самое относится и к выражению «нормальный характер». Когда говорят о наличии у кого-либо того или другого определенного характера, того или другого темперамента, то ведь тем самым, конечно, указывают на известную однобокость его психической организации, тем самым дают понять о наличии в сфере его психики известной дисгармонии, об отсутствии равновесия во взаимоотношении отдельных сторон его душевной деятельности. Ведь если бы мы имели под наблюдением человека с идеально-нормальной психикой, ежели бы, конечно, таковой нашелся, то едва ли бы можно было говорить о наличии у него того или другого «характера». Такого рода человек был бы, конечно, «бесхарактерным» в том смысле, что он всегда действовал бы без предвзятости и внутренние импульсы его деятельности постоянно регулировались бы внешними агентами...

Рибо — известный французский психолог, так много посвятивший труда изучению характеров, задается вопросом, следует ли признавать существование характера «умеренного» или, как говорит Рибо, существование такого рода. «Не является ли такой характер, — говорит Рибо, — лишь идеалом? а если даже и допустить, что действительно встречаются люди, у которых чувства, мысли и действия находятся в полном равновесии, то не есть ли это уничтожение всякого характера, всякого индивидуального оттенка?», другими словами, уничтожение всякой индивидуальности. Такого рода идеальный характер есть, конечно, утопия, фикция, реальные же, действительные характеры именно свидетельствуют об особенностях характера, о своеобразии их носителей. Ясно, что изучение характеров может быть плодотворным только в том случае, если оно выйдет из узких рамок нормальной психологии и будет руководствоваться данными, кроме того, патопсихологии. Все это совершенно ясно уже а priori, но то же самое становится совершенно определенным и незыблемым из данных опыта. Если взять любое описание характеров или темпераментов, хотя бы то, которое сделано знаменитым Кантом, если вдуматься и вчитаться в это описание, если сопоставить его с нашим клиническим опытом, то нужно будет прийти к совершенно определенному выводу, что это описание так называемых нормальных темпераментов до мелочей совпадает с описанием психопатических личностей, взятым из клинической психиатрии; можно сказать даже больше, что правильное понимание этих типов, этих темпераментов сделалось возможным только с тех пор, когда в основу этого понимания была положена психиатрическая точка зрения. Можно, думаю, с достаточной определенностью считать, что изучение характеров, темпераментов — нормальных или патологических — это все равно, здесь сколько-нибудь принципиальной разницы нет — должно вестись при совместной работе психологов и психиатров; эта точка зрения несомненно расширяет компетенцию психиатра, но она с несомненностью вытекает из существа дела; нужно признать, что учение о характерах должно быть предметом дисциплины, находящейся на рубеже между психологией и психиатрией.

Систематика психопатий

Есть группа громадного значения, которая по-прежнему навлекает на психиатрию недовольство со стороны соматиков: соматики по-прежнему готовы видеть в психиатрах не биологов, а «психологов» в специфическом смысле этого слова, по-прежнему отказываются от

общего языка и даже общего мышления.⁷²

Это группа так называемых конституциональных психопатий. Эта группа крайне разнообразна, до сих пор она остается крайне разрозненной, в эту группу входят и циркулярный психоз, и паранойя, и истерия, и «психопатические личности», и ненормальные реакции, и половые извращения и т.д.

Мы должны изучать и систематизировать психопатии, изучать их в статическом и динамическом разрезах; мы должны взять всю эту большую группу конституциональных психопатий за одно целое и исследовать эту общую сумму фактов с одних и тех же точек зрения, не разрывая отдельных ингредиентов этой суммы, а, наоборот, всегда сопоставляя одни слагаемые с другими.

Психопат должен изучаться под одним и тем же углом зрения, одними и теми же приемами. Это — первое. Второе — психопат должен изучаться как целое, как личность во всей ее полноте, во всем ее объеме; конечно, должны изучаться возможно полнее соматические корреляции этой личности, но их одних пока еще слишком мало; психопат должен изучаться во взаимоотношении с окружающей его средой, во всех его столкновениях с этой средой, во всех его реакциях на нее, во всех противоречиях его психики, но всегда он должен изучаться как нечто единое, целостное. Наконец, психопат должен изучаться не только в течение отдельных, болезненных этапов его жизни, а по возможности на протяжении всего его жизненного пути; только тогда можно быть до известной степени гарантированным от всякого рода поспешных выводов и обобщений, только тогда можно отделить временное, случайное, преходящее от постоянного и стойкого. Эти три методологические условия кажутся нам необходимыми при изучении психопатий.

Путь, которым можно идти при изучении этого материала, думается нам, двоякий: один путь, путь испытанный, надежный, давший нам уже блестящие результаты, это — путь от болезни к здоровью, от большой сугубой психиатрии к малой, пограничной, путь, которым до сих пор шла наша дисциплина и от которого нет никаких оснований отказываться. Другой путь, если угодно, — обратный: от здоровья к болезни или, вернее говоря, путь, имеющий своим исходным пунктом обычную жизненную среду, обычную жизненную атмосферу; этот путь изучает личность в ее взаимоотношениях с окружающей средой, с акцентом на последней. Результатом чрезмерного увлечения таким взглядом является предложение заменить термин «психопат» термином «социопат», — предложение на наш взгляд и неприемлемое, и ничем неоправдываемое, а главное, слишком упрощающее эту столь сложную проблему. На этом втором пути изучения особенно много внимания уделяется вопросам воспитания, быта, профессии, ситуации. Эти два пути совершенно разные, но они не исключают, а дополняют один другой. Вторым путем, думается нам, в деле изучения психопатий дал еще очень немного, но некоторые вопросы, поставленные благодаря именно этому пути, и очень интересны, и принципиально важны. Соединить, однако, эти два пути в одном исследовании, нам кажется, очень затруднительным. Психопатические личности, патологические характеры всегда оказываются предметом последних заключительных глав учебников и руководств по психиатрии; мы же начинаем свое изложение именно с них, как с той основной статической базы, как с той почвы, которая приходит в колебание, в сотрясение, которая меняет свои свойства на долгий или короткий срок под влиянием тех или других факторов (динамика психопатий). Статический и динамический разрез одной и той же психопатической личности — вот принцип нашего понимания предмета, принцип, который не всегда, к сожалению, удается последовательно провести. Ясно в таком случае, что статический разрез личности, как точка приложения внешнего фактора, должен изучаться и излагаться раньше, чем ее динамика, в которую должны войти формы реакции этой личности на то или другое внешнее раздражение. Правда, в процессе жизни статика не отделима от динамики; ведь понятие о статике есть понятие в достаточной мере условное, абстрактное, почти математическое, но все же определенные свойства личности к известному моменту жизни индивидуума (к 18-20 годам) оказываются более или менее стойкими, установленными и могут быть взяты, как нечто данное,

⁷² Клиника психопатий, их статика, динамика. Дайджест. /П.Б.Ганнушкин. Избранные труды. М., 1964.

как статический материал, как исходная точка динамики. Быть может, — и это даже наверное — то, что мы описываем в статике, есть нечто производное, есть уже результат динамики; быть может, число основных типов («статических») гораздо меньше, чем взято в нашем изложении, но мы не хотели бы сказать больше того, что в настоящее время знаем.

Общие вводные соображения

Современное учение о конституциональных психопатиях явилось результатом углубленной клинической разработки области так называемых пограничных состояний, — пограничных между «душевыми» и «нервными» болезнями, с одной стороны, и между душевной болезнью и душевным здоровьем — с другой. Область эта обнимает материал, в значительной степени разнородный. Сюда входят и легкие абортивные формы психозов — процессов (прогредиентные формы) с определенным моментом начала заболевания, и явления, наблюдаемые в течение всей жизни у неправильно организованных, дисгармоничных личностей. Первые, как бы мягко они не протекали и какие бы мало заметные изменения после себя ни оставляли, всегда представляют нечто чуждое основной тенденции, направляющей развитие данной личности. При них в ход жизненных процессов организма обязательно вмешивается некоторый особый, обуславливающий сдвиг, фактор и начинается развитие явлений, которые, будучи чуждыми организму и всей личности, приводят ее полностью или частично к изменению и разрушению, к упадку. Принципиально несущественно, сказывается ли в этих случаях болезненный процесс явлениями резкими, яркими или лишь крайне слабыми, идет ли он быстро или медленно, дает ли остановку в своем течении, или все время прогрессирует; нет поэтому никакой необходимости трактовать отдельно легкие формы таких психозов-процессов вне рамок описания основных их групп. Совсем иначе обстоит дело по отношению к тем случаям, где ненормальные явления не представляют результата вмешательства инородного процесса, а оказываются врожденными, присущими самому существу личности и развивающимися только в тех пределах, в которых этого требуют ее обычное жизненное развитие или условия ее соотношений с окружающей средой. Для обозначения подобного рода форм употребляется термин «конституциональные психопатии». Соответственно этому психопатическими называются личности, с юности, с момента формирования представляющие ряд особенностей, которые отличают их от так называемых нормальных людей и мешают им безболезненно для себя и для других приспособляться к окружающей среде. Присущие им патологические свойства представляют собой постоянные, врожденные свойства личности, которые, хотя и могут в течение жизни усиливаться или развиваться в определенном направлении, однако обычно не подвергаются сколько-нибудь резким изменениям. Надо добавить при этом, что речь идет о таких чертах и особенностях, которые более или менее определяют весь психический облик индивидуума, накладывая на весь его душевный уклад свой властный отпечаток, ибо существование в психике того или иного субъекта вообще каких-либо отдельных элементарных неправильностей и отклонений еще не дает основания причислять его к психопатам. Таким образом, психопатии это — формы, которые не имеют ни начала, ни конца; некоторые психиатры определяют психопатические личности, этих постоянных обитателей области, пограничной между душевным здоровьем и душевными болезнями, как неудачные биологические вариации, как чрезмерно далеко зашедшие отклонения в сторону от определенного среднего уровня или нормального типа. Кроме того, для громадного большинства психопатий характерным является также признак недостаточности, дефектности, неполноценности в широком смысле слова, тогда как отклонения в сторону усиления положительных свойств личности, хотя и ставят иногда субъекта тоже вне рамок нормального среднего человека ни в коем случае не дают еще права причислять его к психопатам. При определении психопатий можно также исходить из практического признака, выдвигаемого Шнейдером, по словам которого психопатические личности, это — такие ненормальные личности от ненормальности которых страдают или они сами, или общество. Надо добавить, что это — индивидуумы, которые, находясь в обычной жизни, резко отличаются от обыкновенных, нормальных людей, они, между прочим, легко вступают в конфликт с правилами общежития, с законом, но оказавшись, добровольно или по

приговору суда, в стенах специального заведения для душевнобольных, не менее резко отличаются и от обычного населения этих учреждений.

Количественная сторона дела, степень психопатичности, если можно так выразиться, конечно, может быть настолько велика, что при наличии этой степени психопат может быть очень далек от пограничной полосы и целиком подлежать закрытому психиатрическому учреждению, — однако очень большое количество психопатов находится именно на границе между больными и здоровыми.

Надо сказать, что разделение всех эндогенных форм, изучаемых психиатрией, на болезненные процессы (психозы-процессы), с одной стороны, и конституциональные психопатии — с другой, является все же лишь рабочей гипотезой, хотя бы и очень полезной, абсолютность которой ограничивается двумя соображениями: 1) практической трудностью постановки точного диагноза и установления наличности сдвига, трудностью, позволяющей некоторым психиатрам считать известные группы психопатий скрытыми процессами (так называемые, латентные шизофрении и эпилепсии), и 2) несомненным существованием комбинаций, где процесс развивается на почве конституциональной аномалии.

Вопрос об этиологии психопатий очень сложен. Громадную роль в их происхождении издавна приписывали тому, до сих пор недостаточно выясненному биологическому процессу, который называется вырождением. К сожалению, понятие это до сих пор остается чрезвычайно неопределенным. Во всяком случае применение его в интересующей нас области определенно подчеркивает факт врожденности психопатий. При этом большая часть их должна быть отнесена к состояниям не только врожденным, но и унаследованным, некоторая группа, по видимому, имеет в своей основе так называемое «повреждение зачатка», и небольшая, может быть, относится к последствиям внутриутробных заболеваний и повреждений. От последних принципиально нельзя отделить некоторые состояния, являющиеся результатом неполного выздоровления (выздоровления с дефектом) после имевших место в раннем детском возрасте заболеваний, при этом, конечно, речь может идти только о тех случаях, когда нет ни сколько-нибудь заметной умственной отсталости. Совершенно несомненна громадная роль сифилиса, алкоголизма, а может быть, и туберкулеза родителей в этиологии психопатий. Однако пути, по которым эти факты оказывают свое влияние, остаются совершенно неизвестными. Часть психиатров до сих пор поддерживает выдвинутое Морелем представление как бы о медленно протекающем болезненном процессе, поражающем не отдельную человеческую личность, а ряд сменяющих друг друга поколений. Другие ограничивают влияние указанных вредностей процессом уже упомянутого выше «повреждения зачатка», которое, строго говоря, нельзя относить к числу наследственных факторов. В случаях простой передачи в неизменном виде одних и тех же психопатических свойств от одного поколения другому много говорить не приходится, ибо они несомненны, но, по-видимому, нередки и такие случаи, когда психопатическая личность представляет неудачную комбинацию наследственных задатков, самих по себе ничего патологического не представляющих. В этих случаях некоторые, отдельные признаки, имеющиеся у отца и у матери, будучи родственными или даже тождественными в своей основе, могут взаимно усиливать друг друга, приобретая таким образом непропорционально важное значение в психическом облике некоторых или всех представителей потомства. Наконец, известную роль, может быть, следует отнести также сочетанию качеств, противоречащих друг другу или вообще друг с другом дисгармонирующих, например сочетанию повышенных требований к жизни с недостаточным интеллектом или со слабостью воли, нерешительностью и робостью. К сожалению, до сих пор нет достаточного фактического материала, чтобы обосновать или опровергнуть все такого рода предположения.

Уяснению механизма, лежащего в основе неспособности психопатов приспособляться к действительности, много помогает понятие о задержке развития. Нередко, сталкиваясь с психопатическими проявлениями, мы невольно получаем впечатление чего-то недоразвитого, детского; таковы хотя бы повышенная внушаемость, склонность к преувеличению и чрезмерно развитая деятельность фантазии у «истеричных» субъектов, эмоциональная неустойчивость — у эмотивно-лабильных и конституционально-нервных, слабость воли — у неустойчивых психопатов, находящееся во власти аффектов, некритическое мышление — у параноиков и т.д. Такого рода психические дефекты Крепелин объясняет недостаточным развитием тех или

других сторон личности и называет частичными, парциальными инфантилизмами (преимущественно воли и чувства) в противоположность полному, тотальному психическому инфантилизму, находящему свое определенное клиническое выражение в олигофрении.

Широкую известность приобрела попытка Кречмера установить связь между строением тела и характером, попытка хотя и не приведшая пока к бесспорным результатам, однако представляющая для интересующей нас области принципиальный интерес и значение в виду того, что автор в своей работе исходил из наблюдений как над душевнобольными в собственном смысле этого слова, так и над конституциональными психопатами.

Приведенные соображения, может быть, сделаются более понятными в связи с той отличительной особенностью учения о психопатиях, которая выражается положением, что изучаемые формы не имеют определенных границ; будучи часто трудно отличимыми от нерезко выраженных психозов, они, с другой стороны, уже совершенно незаметным образом сливаются с так называемой нормой, иоо между психопатическими особенностями и соответствующими им «простыми человеческими недостатками» разница, большей частью, только количественная, а не качественная, так называемые «нормальные» характеры (если только таковые существуют) без всяких границ переходят в патологические; благодаря этому обстоятельству мы имеем здесь дело то со случаями, далеко заходящими в патологию, то с лицами, никем не считающимися за больных. Необходимо добавить, что границы между отдельными психопатиями столь же расплывчаты и неопределенны, как и общие рамки всей этой, подлежащей изучению, области. Выделяемые нами отдельные формы, большей частью, представляют искусственный продукт схематической обработки того, что-наблюдается в действительности: на самом деле чистые формы психопатий в том виде, как их принято описывать, встречаются редко: в жизни преобладают формы смешанные, — отсюда и необыкновенное многообразие и большая неустойчивость отдельных симптомов.

Как мы говорили, психопаты обычно отличаются недостаточной способностью приспособляться к окружающей их среде и легко вступают в конфликты с обществом. Содержание этих конфликтов бывает очень разнообразно, и представителей подлежащей нашему описанию группы мы видим в самых разнообразных общественных положениях, — в общем, диапазон их социальной деятельности очень широкий: от благодеяний до преступления; по отношению к некоторым из них иногда невольно напрашивается старый французский термин — бред поступков: психопаты этого типа рассуждают очень хорошо, правильно, логично, а поступают, действуют очень «плохо» вплоть до совершения уголовно наказуемых поступков. Поэтому учение о психопатиях имеет не только узкомедицинское, но и социальное значение, в частности проблема преступности вряд ли может быть правильно решена, если игнорировать среди преступников наличность значительного процента психопатов. В связи с этим именно по делам о психопатах психиатрам особенно часто приходится выступать экспертами в судах, давая заключение об их преступлениях, заключения, от которых нередко зависит и судьба обвиняемого, и безопасность общества.

Статика психопатий

Группа циклоидов

Конструктивно-делрессивные. В чистом виде эта группа немногочисленна. Дело идет о лицах с постоянно пониженным настроением. Картина мира как будто покрыта для них траурным флером, жизнь кажется бессмысленной, во всем они отыскивают только мрачные стороны. Это — прирожденные пессимисты. Всякое радостное событие сейчас же отравляется для них мыслью о непрочности радости, от будущего они не ждут ничего, кроме несчастья и трудностей, прошлое же доставляет только угрызения совести по поводу действительных или мнимых ошибок, сделанных ими. Они чрезвычайно чувствительны ко всяким неприятностям, иной раз очень остро реагируют на них, а кроме того, какое-то неопределенное чувство тяжести на сердце, сопровождаемое тревожным ожиданием несчастья, преследует постоянно многих из них. Другие никак не могут отделаться от уверенности в своей собственной виновности, окрашивающей для них чрезвычайно тяжелым чувством воспоминания о самых обычных

поступках юности. Соответственно этому им часто кажется, что окружающие относятся к ним с презрением, смотрят на них свысока. Это заставляет их сторониться других людей, замыкаться в себе. Иной раз они настолько погружаются в свои самобичевания, что совсем перестают интересоваться окружающей действительностью, делаются к ней равнодушными и безразличными. Вечно угрюмые, мрачные, недовольные и малоразговорчивые, они невольно отталкивают от себя даже сочувствующих им лиц. Однако за этой угрюмой оболочкой обычно теплится большая доброта, отзывчивость и способность понимать душевные движения других людей; в тесном кругу близких, окруженные атмосферой сочувствия и любви, они проясняются: делаются веселыми, приветливыми, разговорчивыми, даже шутниками и юмористами, для того, однако, чтобы, едва проводив своих гостей или оставив веселое общество, снова приняться за мучительное копание в своих душевных ранах. Во внешних их проявлениях, в движениях, в мимике большей частью видны следы какого-то заторможения: опущенные черты лица, бессильно повисшие руки, медленная походка, скупые, вялые жесты, — от всего этого так и веет безнадежным унынием, Какая бы то ни была работа, деятельность по большей части им неприятна и они скоро от нее утомляются. Кроме того, в сделанном они замечают преимущественно ошибки, а в том, что предстоит — столько трудностей, что в предвидении их невольно опускаются руки. К тому же большинство из них обычно неспособно к продолжительному волевому напряжению и легко впадает в отчаяние. Все это делает их крайне нерешительными и неспособными ни к какой действенной инициативе. Интеллектуально такого рода люди часто стоят очень высоко, хотя, большей частью, умственная работа окрашена для них неприятно, сопровождаясь чувством большого напряжения, — здесь больше всего сказывается внутреннее торможение, проявляющееся в чрезвычайной медленности интеллектуальных процессов: среди них преобладают «тугодумы».

Физическое их самочувствие обыкновенно находится в полном согласии с настроением: их преследует чувство постоянной усталости и разбитости, особенно по утрам, голова кажется несвежей, мучает чувство давления в ней, некоторые жалуются на тяжелые мигрени. Кишечник работает плохо и постоянные запоры еще больше ухудшают настроение. Иной раз и желудок оказывается не в порядке, делаясь жертвой всевозможных нервных диспепсий. Большинство жалуется на недостаточный и неосвежающий сон, который к тому же часто прерывается кошмаром, сменяясь днем трудно преодолеваемой сонливостью.

У некоторых из описываемых нами людей внутренняя угнетенность и заторможение до некоторой степени компенсируются во вне волевым напряжением, чрезвычайно трудно, однако, им дающимся: нередко можно видеть, как в минуты усталости или ослабления воли у них спадает надетая на их действительное «я» маска, обнажая подлинное их лицо, — и место веселого балагура занимает полный безнадежного внутреннего отчаяния вялый меланхолик.

Часто такого рода лица уже в детстве обращают на себя внимание своей задумчивостью, боязливостью, плаксивостью и капризностью. Чаше, однако, периодом, когда выявляются особенно ярко черты конституциональной депрессии, бывает возраст полового созревания, когда у казавшихся раньше совершенно нормальными подростков начинается сдвиг в настроении: до того — веселые, общительные, живые, они начинают ощущать тяжелый внутренний разлад, появляются мысли о бесцельности существования, тоскливое настроение и все другие перечисленные выше особенности, чтобы с тех пор, то усиливаясь, то ослабевая, сопровождать больного уже до старости, когда они или постепенно смягчаются, или же наоборот, усиливаются до того, что принимают явно психотические формы. Нередко жизненный путь этих психопатов преждевременно обрывается самоубийством, к которому они словно готовы в любую минуту жизни. Наконец, в ряде случаев на описанном основном фоне от времени до времени развиваются психотические вспышки: или маниакальные или депрессивные.

Как уже было сказано, чистые формы конституциональной депрессии встречаются сравнительно редко. Чаше приходится видеть случаи переходные к смежным группам: конституциональной нервности, в частности — к психастении, иногда даже к конституциональному возбуждению. Мы имеем тогда перед собой то чрезмерно чувствительных, мимозоподобных личностей, болезненно реагирующих на всякую неприятность, то людей, у которых на первый план выступают неуверенность в себе,

нерешительность, тревожность, то, наконец, случаи, где вместо угнетения наше внимание, прежде всего, останавливается на раздражительности и склонности к гневным вспышкам.

Ковституционально-возбужденные. Эта группа психопатов представляет полярную противоположность только что описанной. Одной из самых интересных ее особенностей является то обстоятельство, что представители ее в нерезко выраженных случаях практически считаются вполне здоровыми и, действительно, вряд ли могут быть причислены к людям, доставляющим страдания себе или обществу. Крепелин описывает их как блестящих, но, большей частью, неравномерно одаренных субъектов, которые изумляют окружающих гибкостью и многосторонностью своей психики, богатством мыслей, часто художественной одаренностью, душевной добротой и отзывчивостью, а главное, всегда веселым настроением. Это люди, быстро откликающиеся на все новое, энергичные и предприимчивые. Однако при более близком знакомстве с ними наряду с перечисленными положительными чертами в их духовном облике обращают на себя внимание и особенности другого порядка: внешний блеск иной раз соединяется с большой поверхностностью и неустойчивостью интересов, которые не позволяют вниманию надолго задерживаться на одном и том же предмете, общительность переходит в чрезмерную болтливость и постоянную потребность в увеселениях, в работе не хватает выдержки, а предприимчивость ведет к построению воздушных замков и грандиозных планов, кладущих начало ширококвещательным, но редководимым до конца начинаниям. С такими людьми очень приятно встречаться в обществе, где они очаровывают своим остроумием, приветливостью и открытым характером, но не всегда легко поддерживают деловые отношения: помимо того, что их обещаниям нельзя верить, многие из них чрезвычайно высокого мнения о себе и поэтому с большим неудовольствием выслушивают возражения против высказываемых ими мыслей или критические замечания по поводу развиваемых ими проектов, позволяя между тем себе насмешки и остроты, иногда чрезвычайно меткие, но очень больно задевающие собеседника. В более резко выраженных случаях мы встречаемся уже с несомненными психопатическими особенностями, кладущими определенный отпечаток на весь жизненный путь таких людей. Уже в школе они обращают на себя внимание тем, что, обладая в общем хорошими способностями, учатся обыкновенно плохо: чрезвычайно неустойчивое внимание не позволяет им надолго сосредоточиваться на одном предмете, поэтому они легко отвлекаются, не способны к усидчивой работе и решительно не в состоянии заставить себя заниматься систематически. Малоаккуратные, они часто пропускают занятия, заполняя свое время любой деятельностью, только не школьной работой. В результате они усваивают большей частью, только поверхностно связанные между собой обрывки знаний, часто претерпевая неудачи и даже катастрофы при различного рода проверках знаний. Кроме того, они легко распускаются и выходят из повиновения, делаясь вожаками товарищей во всех коллективных шалостях. Их дурно направленная энергия и способность увлекать за собой других иной раз причиняет настолько большие неприятности школьному начальству, что, несмотря на многие привлекательные особенности этих милых шалунов, оно начинает стараться от них отделаться; с большим трудом переносят они при своих наклонностях и военную службу, часто нарушая дисциплину и подвергаясь всевозможным взысканиям. Рано пробуждающееся интенсивное половое влечение ведет за собой многочисленные эротические эксцессы, которые нередко непоправимо калечат их физическое здоровье. Часто подобного рода пациенты оказываются, кроме того, малоустойчивыми по отношению к употреблению алкоголя и легко спиваются: веселые и легкомысленные, они не только беззаботно прокучивают все, что у них есть, но влезают в неоплатные долги. При всем том они вовсе не часто опускаются на дно: предприимчивые и находчивые, такие субъекты обыкновенно выпутываются из самых затруднительных положений, проявляя при этом поистине изумительную ловкость и изворотливость. И в зрелые годы их жизненный путь не идет прямой линией, а все время совершает большие зигзаги от крутых подъемов до молниеносных падений. Многие из них знают чрезвычайно большие достижения и удачи: остроумные изобретатели, удачливые политики, ловкие аферисты, они иногда шутя взбираются на самую вершину общественной лестницы, но редко долго на ней удерживаются, — для этого у них не хватает серьезности и постоянства. Нельзя не отметить, что в своей практической деятельности они далеко не всегда отличаются моральной щепетильностью: по свойственному им легкомыслию

они просто проглядывают границу между дозволенным и запретным, а, самое главное, их бурный темперамент просто не позволяет им все время удерживаться в узких рамках законности и морали. Мы иногда видим представителей этого типа запутавшимися в крупных мошенничествах, в которые их увлекает не находящая в обычных условиях достаточного применения кипучая энергия, развивающая у них неутолимую жажду приключений и страсть к рискованным предприятиям. Чаще, однако, мы встречаемся с более невинной склонностью к лжи и хвастовству, связывающейся обыкновенно с чрезмерно развитым воображением и проявляющейся в фантастических измышлениях о своем высоком положении и о никогда в действительности не совершавшихся подвигах, а иной раз — просто в рассчитанных на создание сенсации выдумках о каких-нибудь небывало грандиозных событиях (близость к патологическим лгунам).

Группа сравнительно невинных болтунов при наличии более резко выраженного самомнения и некоторой раздражительности образует естественный переход к другой, значительно более неприятной, разновидности описываемого типа, к так называемым «несносным спорщикам». Это люди, которые все знают лучше других, чрезвычайно не любят слушать и особенно не терпят возражений, вызывающих у некоторых из них неуправляемые гневные вспышки. Переоценивая свое значение, они склонны предъявлять совершенно неосуществимые притязания, а, встречая непризнание и противодействие, легко вступают на путь упорной борьбы за свои мнимые права. В этой борьбе они обыкновенно не останавливаются ни перед чем. Выведенные из себя, они совершенно не считают с правилами общежития, дисциплиной и требованиями закона, ведут себя вызывающе грубо с окружающими, осыпают своих противников всевозможными оскорблениями и бранными словами, искренно не замечая всей непозволительности своего поведения. Часто они начинают совершенно неосновательные судебные процессы, которые иной раз чрезвычайно упорно проводят до самых последних инстанций, постоянно подстегиваемые испытываемым ими противодействием. От настоящих паранойяльных сутяг такие «псевдокверулянты» отличаются все-таки меньшим постоянством, большей мягкостью характера и способностью под влиянием изменившегося настроения от времени до времени приходить к пониманию нелепости своих выходов, а иногда и склонностью к примирению.

Что касается телосложения и физических особенностей описываемых психопатов то, по-видимому, больше всего среди них «пикников» Кречмера: людей, наклонных к полноте, с мягкими чертами лица, здоровым, часто чрезмерным аппетитом и хорошим пищеварением, в пожилые годы легко заболевающих подагрой. Это — субъекты с оживленной, естественной и выразительной мимикой, чаще всего быстрые и подвижные, иногда, однако, несколько склонные к лени и сибаритству, прихотливо переплетающимися у них с большой энергией и активностью.

Циклотимики. Гораздо чаще, чем конституционально-депрессивные и конституционально-возбужденные психопаты, встречаются личности с многократной волнообразной сменой состояний возбуждения и депрессии. Эти колебания обыкновенно берут начало в возрасте полового созревания, который и в нормальных условиях часто вызывает более или менее значительное нарушение душевного равновесия. Как уже выше было отмечено, часто именно в этом возрасте веселые, живые и жизнерадостные подростки превращаются в меланхолических, угнетенных и пессимистически настроенных юношей и девушек. Бывает и наоборот: половое созревание вызывает неожиданный расцвет личности, и до того вялый, нелюдимый, неуклюжий и застенчивый ребенок вдруг развертывается в блестящего, энергичного, остроумного и находчивого юношу, обнаруживающего массу ранее скрытых талантов, кружащего головы женщинам и полного самых розовых надежд и широких планов. Далее начинается периодическая смена одних состояний другими, иногда связанная как будто с определенными временами года, чаще всего с весной или осенью. При этом состоянии возбуждения обыкновенно субъективно воспринимаются как периоды полного здоровья и расцвета сил, тогда как приступы депрессии, даже если они слабо выражены, переживаются тяжело и болезненно: сопровождающие их соматические расстройства, а также понижение работоспособности, чувство связанности и безотчетно тоскливое настроение нередко заставляют искать облегчения у врачей. В конце концов, однако, и состояния подъема иной раз

теряют свою безоблачно радостную окраску: частые нарушения душевного равновесия утомляют, вызывая чувство внутреннего напряжения и постоянного ожидания новой противоположной фазы; веселое, приподнятое настроение в более позднем возрасте сменяется раздражительно-гневливым, предприимчивость приобретает оттенок агрессивности и т.д. Связанные с чрезмерно богатой эмоциональной жизнью колебания сосудистого равновесия нередко вызывают у психопатов этого рода раннее наступление артериосклероза, развитие которого обыкновенно ведет к углублению патологических особенностей, делает больных менее яркими и придает их психике более ясно выраженный характер ограниченности, а иногда и дементности.

Наличность группы циклотимиков является одним из наиболее важных фактических оснований для произведенного Кречмером выделения циклоидного круга личностей, обнимающего как циркулярных душевнобольных, так и соответствующих психопатов (конституционально-депрессивных, конституционально-возбужденных, циклотимиков и эмотивно-лабильных), равно как и «нормальных» людей родственного склада. В частности, именно у циклотимиков нередко удается наблюдать одновременное сосуществование элементов противоположных, настроений, так, например, во время состояния возбуждения в настроении больного можно открыть несомненную примесь грусти, и, наоборот, у депрессивных субъектов — налет юмора, — обстоятельство, побудившее Кречмера! выставить положение о так называемой «диатетической» пропорции настроения, заключающейся в том, что в каждом отдельном случае гипоманиакальная и меланхолическая половины циклоидного темперамента смешаны между собой только в различных пропорциях. Мысль о наличии подобного сосуществования в одной личности полярных противоположностей того или иного рода высказывается как Кречмером, так и другими исследователями, и по отношению к другим группам психопатов, именно к шизоидам и эпилептоидам.

Эмотивно-лабильные (реактивно-лабильные) психопаты. У некоторых циклотимиков колебания их состояния совершаются чрезвычайно часто, иногда прямо по дням. Такие субъекты больше всего поражают капризной изменчивостью их настроения, как бы безо всякой причины переходящего из одной крайности в другую. Близкое к ним положение занимает группа психопатов, у которых эмоциональная неустойчивость, как таковая, имеет более самостоятельное значение и занимает более выдающееся место. Эта неустойчивость часто придает их характеру отпечаток чего-то нежного, хрупкого, отчасти детского и наивного, чему способствует также и их большая внушаемость. По существу, это, большей частью, люди веселые, открытые и даже простодушные, однако на окружающих часто производящие впечатление капризных недотрог; малейшая неприятность омрачает их душевное расположение и приводит их в глубокое уныние, хотя обыкновенно не надолго; стоит такому субъекту сообщить какую-нибудь интересную новость или немного польстить его самолюбию, как он уже расцветает, делается снова жизнерадостным, бодрым, энергичным. Почти никогда их настроение не меняется беспричинно, однако поводы для его изменений обыкновенно настолько незначительны, что со стороны эти изменения кажутся совершенно беспричинными: на эмотивно-лабильных может действовать и дурная погода, и резко сказанное слово, и воспоминание о каком-нибудь печальном событии, и мысль о предстоящем неприятном свидании, и словом, такая масса совершенно неучитываемых мелочей, что иной раз даже сам больной не в состоянии понять, почему ему, стало тоскливо, и какая неприятность заставила его удалиться из веселого общества, в котором он только что беззаботно смеялся. Надо добавить, что большей частью, у них есть все-таки свои хорошие и дурные дни, причем в хорошие они иной раз очень спокойно переносят даже крупные огорчения и неприятности, тогда как в плохие — почти не выходят из тоскливого угнетения или гневной раздражительности; в некоторых случаях эта раздражительность является даже основной чертой характера такого рода психопатов. Несмотря на известный оттенок легкомыслия и поверхностности, это — люди, способные к глубоким чувствам и привязанностям: они чрезвычайно тяжело — иногда и на долгий срок — переживают всякие сильные душевные потрясения, особенно утрату близких лиц; но и по отношению к другим психическим травмам (катастрофам, переживаниям войны, тюремному заключению) порог их выносливости очень высок, — именно они чаще всего дают так называемые патологические реакции и реактивные психозы. Срок, на который меняется

настроение у этой группы личностей, может быть очень различен: наряду со случаями, где настроение меняется несколько раз в течение дня от беззаботного веселья до приступов полного отчаяния, у них же наблюдается и длительное состояние и радости, и тоски, развивающееся всегда, конечно, по тому или другому поводу, при этом длительность эффекта до известной степени оказывается адекватной тому фактору, который вызвал и родил изменение настроения. Надо добавить, что кроме описанных, есть эмотивно-лабильные личности и несколько иного склада. Мы имеем в виду людей, при обычных условиях ровных и спокойных, может быть, только несколько чересчур мягких, боязливых и тревожных. Они обыкновенно прекрасно уживаются в размеренных рамках хорошо налаженной жизни, но зато чрезвычайно быстро теряются в условиях, требующих находчивости и решительности, очень легко давая патологические реакции на неприятные переживания, хотя сколько-нибудь выводящие их из душевного равновесия.

Группа астеников

Понятие нервно-психической «астении» в широком смысле этого слова охватывает целый ряд состояний как врожденных, так и приобретенных. Выделяя «конституциональную астению» как одну из форм психопатий, мы, естественно, имеем в виду только те случаи, где явления так называемой раздражительной слабости нервной системы и психики (раздражительность + истощаемость), выдвигаясь на первый план, представляют свойства не нажитые, а врожденные и постоянные. Симптоматология этой формы чрезвычайно изменчива и многообразна. Для удобства рассмотрения мы выделим несколько отдельных групп астеников, однако это выделение надо рассматривать, как имеющее лишь условное значение, ибо часто у одного и того же лица можно встретить симптомы, характерные для разных групп.

В наиболее чистом и простом виде симптоматология конституциональной астении представлена у так называемых неврастеников, субъектов, наиболее отличительными чертами которых именно и являются чрезмерная нервнопсихическая возбудимость, раздражительность, с одной стороны, и истощаемость, утомляемость — с другой. Помимо того, в симптоматологии этих случаев большую роль играют явления как бы соматического порядка: ощущения в различных частях тела, функциональные нарушения деятельности сердца, желудочно-кишечного аппарата и др.; больные жалуются на головные боли, сердцебиение, бессонницу ночью и сонливость днем, плохой аппетит, поносы, сменяющиеся запорами, половую слабость. Некоторые из них отличаются, кроме того общей вялостью, отсутствием инициативы, нерешительностью, мнительностью или апатичным, или чаще, равномерно угнетенным настроением. Подобного рода субъекты неспособны к длительному усилию и усидчивой работе: последняя быстро начинает им надоедать, появляется чувство усталости, слабости, даже сонливости. Часто страх перед чрезмерностью требуемого от них трудового напряжения уже заранее парализует их волю и делает их неспособными даже приняться за дело. При попытке преодолеть неохоту и отвращение развиваются всякие неприятные ощущения: чувство тяжести в голове, тянущие боли в спине, частые позывы на мочеиспускание и др., а иногда и какое-то особое состояние возбуждения, не позволяющее субъекту долго сидеть на одном месте. Длительное сосредоточение внимания на предмете работы, кроме того, затрудняется тем, что мысли при первой возможности соскальзывают на привычную для такого рода лиц колею — к заботе о своем теле, которое для них сплошь и рядом представляет предмет особого внимания и несовершенство функций которого они чрезвычайно охотно преувеличивают. Опасаясь всевозможных болезней, подобные «ипохондрики» тщательно ищут в своих отправлениях каких-нибудь признаков отклонения от нормы; направляя свое внимание на мельчайшие ощущения своего тела, они против воли расстраивают и без того неправильно действующие у них вегетативные функции, а если к этому присоединяются какие-нибудь добавочные неблагоприятные моменты (тяжелые условия жизни, инфекции, психические травмы), у них легко развиваются и настоящие «неврозы» органов: нервные диспепсии и энтероколиты, сердечные неврозы и др. В таких случаях мысль о болезни полностью овладевает ипохондриком и гонит его от одного врача к другому, причем каждому он выкладывает массу жалоб на неприятные и болезненные ощущения самого различного рода и в

самых различных частях тела.

От описанного типа вялого неврастеника-ипохондрика несколько отличаются субъекты, у которых наряду с той же, а, может быть, и еще большей истощаемостью, резко выявляется склонность к увлечению той или иной работой, теми или другими интересами; это свойство проистекает из второй основной, характеризующей их организацию, черты — возбудимость, раздражимость. Эти люди легко усваивают все новое, но, как и только что описанные, совершенно не выдерживают длительного напряжения. В их работе нередко поражает бросающееся в глаза противоречие между удачным началом и очень незначительным объемом общего эффекта, — результат наступающего уже через очень короткое время быстрого падения продуктивности. Вследствие этого им приходится постоянно прерывать работы большими или меньшими периодами отдыха. Как только остывает первое увлечение работой, так тотчас является чувство скуки и потребность к смене впечатлений. Благодаря этому внимание их очень неустойчиво и легко отвлекается, но не потому, что его привлекают к себе все новые и новые впечатления, а потому что оно устает от сколько-нибудь длительного фиксирования одних и тех же объектов и невольно ищет перемены. Такого рода субъекты чрезвычайно чувствительны ко всяким помехам в работе и часто с большим трудом привыкают к измененным условиям последней. До полной неработоспособности дело, впрочем, почти никогда не доходит: больные работают неправильно, нерегулярно, скачками и вспышками, однако все-таки сохраняют способность давать достаточно полноценные результаты и оставаться полезными членами общества. Такого рода людей часто обвиняют в «лени», называют «лентяями», но это слишком простое и ничего не говорящее объяснение.

Более сложную группу психопатов астенического склада образуют лица, главными чертами которых являются чрезмерная впечатлительность, с одной стороны, и резко выраженное чувство собственной недостаточности — с другой, в большей или меньшей степени присущее, впрочем, всем вообще астеникам. Их нервная слабость проявляется в крайней ранимости к переживаниям, хотя сколько-нибудь выходящим из ряда обычных житейских происшествий. Они падают в обморок при виде крови, не в состоянии присутствовать при самой ничтожной операции, не выносят сколько-нибудь горячих споров и до крайности травмируются видом необычайных уличных происшествий: несчастных случаев, драк, скандалов и др. Робкие, малодушные, застенчивые, это обыкновенно нежные, тонко чувствующие натуры, страдающие от всякого грубого прикосновения. Многие из них вздрагивают при малейшем шорохе и всякой неожиданности, страдают паническим страхом перед темнотой, боятся, некоторых животных, насекомых, не могут выносить резких звуков, не могут видеть без отвращения ряда вещей, не выносят совершенно прикосновения к себе и т.д. Толпа и вообще людское общество их часто утомляет и заставляет искать одиночества. Их мимозоподобность, однако, не является результатом аутистического ухода от жизни, а лишь проявлением чрезмерной чувствительности. Благодаря постоянному травмированию жизненными впечатлениями преобладающий оттенок настроения у них большей частью пониженный. Так как это обыкновенно люди очень самолюбивые, то особенно их угнетает прежде всего сознание, что они не как все, а затем и вытекающая отсюда крайняя неуверенность в себе. Это создает в них чувство внутренней напряженности и тревоги. Если у больных к тому же есть какие-нибудь телесные дефекты, неуклюжая моторика, недостаточно красивое лицо и др., или если они неожиданно попадают в среду, социально выше их стоящую, то их застенчивость легко переходит всякие границы, и у одних развивается крайняя робость и подозрительность (кажется, что окружающие следят за ним, говорят о нем, критикуют его и смеются над ним), усиливается неловкость, появляется заикание, при ничтожнейшем поводе выступает краска смущения на лице и т.д., другие же, стремясь преодолеть крайне мучительное для них чувство своей слабости и недостаточности, надевают на себя не всегда удающуюся им личину внешней развязности и даже заносчивости, под которой, однако, нетрудно разглядеть того же самого внутренне смущенного и робкого неврастеника. Бичом для подобного рода субъектов являются всякие ответственные выступления перед другими людьми: смущение и страх на экзамене даже хорошо подготовленного юношу иногда приводит в такое замешательство, что развивается полная неспособность вспомнить и связно рассказать то, что требуется (экзаменационный ступор); у ораторов, преподавателей, артистов такого типа каждое

выступление на кафедре, трибуне или сцене вызывает тяжелое нервное потрясение, от которого иной раз приходится оправляться в течение нескольких дней. Очень болезненно действуют на таких людей служебные неудачи, как раз именно у них нередкие: при их болезненном самолюбии такие неудачи ведут к резким и несоразмерным вспышкам угнетения и отчаяния. Чрезмерная нервная возбудимость расстраивает обыкновенно у представителей описываемой группы и соматические функции: сон у них, чаще всего, тревожный, полный кошмарных сновидений, прерываемый острыми приступами страха; нередки кратковременные функциональные расстройства различных органов под влиянием аффективных переживаний (чаще всего страха или замешательства), непорядки в мочеиспускании, нервные рвоты и поносы, резкая потливость и т.д. На почве несоответствия между теми требованиями, которые эти люди предъявляют к себе и к жизни, и тем положением в последней, которое им на самом деле достается, у них иной раз развиваются длительные депрессивные состояния, дающие иногда повод к смешению с циклотимическими депрессиями. Отличием является исключительная зависимость депрессий у конституционально-нервных от внешних влияний, с изменением которых меняется и настроение. Последнее обстоятельство и вообще их эмоциональная неустойчивость, склонность к эмоциональным реакциям сближают этих психопатов также и с эмотивно-лабильными психопатами, от которых их действительно далеко не всегда легко и можно на первый взгляд отграничить. Однако, в своей основе, это совсем разные люди. В то время как эмотивно-лабильные отличаются чрезвычайным богатством эмоциональных оттенков, причем подвижность их чувств — основное свойство их натуры, эмоции астеников, концентрируясь почти всегда вокруг их личных неудач, их ущемленного самолюбия и их чувства недостаточности, гораздо беднее; их эмоциональная неустойчивость есть лишь частичное проявление их нервной слабости.

Общим свойством всех астеников является раздражительность. Редко кто из них, и к какой бы группе он ни относился, не жалуется на приступы гневных вспышек, особенно частых при утомлении, вспышек, иногда ведущих к довольно бурным взрывам, хотя обыкновенно и быстро истощающихся. В некоторых случаях эта особенность настолько выдвигается на первый план, что оказывается самой яркой, характерной и в то же время тяжелой чертой в картине психопатических проявлений астеников. Примером могут служить люди, с одной стороны, самолюбивые, с другой — не обладающие силой воли, выдержкой и работоспособностью, чтобы добиться более или менее видного положения и завоевать себе право на уважение окружающих. Благодаря этому им приходится, обыкновенно, оказываться в подчиненном положении, терпеть невнимание, обиды, даже унижения от лиц, выше их стоящих, в результате чего у них образуется громадный запас неизжитых мелких психических травм, создающий общий напряженный и окрашенный недовольством тон настроения. Сохраняя внешнюю сдержанность там, где вспышка раздражения могла бы повредить ему самому, такой субъект тем охотнее разряжает накопившееся у него внутреннее недовольство на лицах, от него зависящих, например на своих домашних: робкий и малозаметный в обществе, он иной раз дома оказывается настоящим тираном, хотя и неспособным к проявлению действительной силы даже в гневе и переходящим от приступов неудержимой ярости к плачу и самообвинениям. Наличие раздражительности, как постоянной черты у астеников, заставляет думать, что в некоторых случаях здесь дело может идти уже не о «раздражительной слабости», как таковой, а о наличии в общей сумме нервно-психической астении и «стенического» (действенного) компонента, иными словами, дело идет уже не о чистом астеническом типе, а о смешанном, сложном.

Последнюю и наиболее сложную группу описываемой психопатии образуют так называемые психастеники. Основными их чертами являются крайняя нерешительность, боязливость и постоянная склонность к сомнениям. Они чрезвычайно впечатлительны и притом не только к тому, что кругом них в данную минуту происходит, но и еще более к тому, что, по их мнению, может случиться, ко всем тем неприятностям, которые, как они полагают, ожидают их в ближайшем будущем. Таким образом, эмоциональная окраска у психастеников сопровождает мир представлений о будущем еще в большей степени, чем мир непосредственных переживаний и воспоминаний. Только еще возможная опасность или неприятность не менее, а может быть, и более страшна психастенику, чем непосредственно

существующая. Всякая мелочь, всякий пустяк, который психастеник замечает в окружающей жизни, заставляют его думать; целый ряд обыкновенно неприятных ассоциаций возникает в его уме по таким ничтожным поводам, на которые другой человек не обратит никакого внимания. Психастеник очень боязлив и робок, он боится всего, он отступает не только перед действительной опасностью, но и существующей только в его воображении; он боится не только того, чего следует опасаться, нет, он боится даже и того, чего он просто не знает; всякое новое, незнакомое дело, всякая инициатива являются для него источниками мучений; если нет крайности или давления извне, психастеник никогда не решится начать что-нибудь такое, чего он боится или просто не знает. Вообще, принять то или другое решение психастенику крайне трудно, даже в том случае, когда дело касается самого ничтожного обстоятельства. Даже решившись на что-нибудь, начавши уже действовать, психастеник все время сомневается, так ли он поступает, то ли он сделал, что хотел, и эти вечные сомнения, этот всегдашний контроль самого себя делают эту работу и медленной и мучительной. Сомнения в правильности сделанного им заставляют психастеника вновь переделывать то, что он только что сделал; недоверие к самому себе, к своим силам заставляют его обращаться к другим или за помощью, или хотя бы за тем, чтобы его успокоили, чтобы ему сказали, что беспокоиться, волноваться нет решительно никаких оснований. Эта склонность искать поддержки у других, это неумение обходиться без посторонней помощи являются также одной из отличительных черт психастенического характера. Прежде всего, конечно, психастеник боится за себя самого, за то будущее, которое его ожидает и которое он рисует себе мрачными красками, боится за свое физическое и психическое здоровье. Не менее сильно боится он за участь своих близких и родных; постоянные тревоги, опасения, беспокойство — вот что наполняет его жизнь; ждать чего-нибудь, а это что-нибудь рисуется ему, обыкновенно, в черном свете, он положительно не может; всякое ожидание становится ему невыносимо мучительно: вот почему, несмотря на свою обычную нерешительность, психастеник оказывается иногда настойчивым и даже нетерпеливым. Он долго не решается, но если уже на что-нибудь решился, то больше не может быть спокоен до тех пор, пока это не будет сделано; беспокоясь сам, он не дает покоя и тем из окружающих, от кого зависит приведение в исполнение задуманного им решения. Психастеник ни на минуту не забывает, что на пути к выполнению его цели может встретиться какая-нибудь помеха; он с трудом переносит назначение срока, — в таких случаях он начинает бояться, что не успеет к назначенному времени; он не будет, например, спокойно спать, если знает, что на утро должен рано встать, хотя, если бы такой необходимости не было, он, вероятно, встал бы так же рано, а спал бы спокойно и крепко. Будучи вообще человеком очень деликатным и чутким, психастеник тем не менее может причинить много неприятностей окружающим; он обыкновенно большой педант, формалист и требует от других того же самого; всякий пустяк, всякое отступление от формы, от раз навсегда принятого порядка тревожит его, и он не только беспокоится, но и сердится, особенно если дело идет о подчиненных ему лицах, а в домашней обстановке самое мелочное нарушение его привычек выводит его из равновесия и раздражает. Как и все психопаты астенического склада, психастеники обыкновенно люди конфузливые и застенчивые, сознание, что они являются предметом внимания, для них чрезвычайно мучительно. Благодаря своей стеснительности, психастеник часто боится сделать то, что считает необходимым: ему сделали что-нибудь хорошее, — он не решается поблагодарить; ему делают неподходящее предложение, — он не решается его отклонить; ему должны заплатить деньги, — он боится их потребовать. «Я часто лгу из боязливости, — говорил один больной, — потому, что не смею сказать то, что я думаю». Психастеник всегда не энергичен, не активен, бездеятелен, это — не человек дела, а мечтатель и фантазер. Большей частью он не любит физического труда, очень неловок и с большим трудом привыкает к ручной работе. Вообще, психастеник является человеком, неприспособленным к жизни, непригодным для борьбы за существование, ему нужна упрощенная жизнь, тепличная обстановка. Одной из чрезвычайно характерных черт психастеника является склонность его к самоанализу, — собственная психика является для него как бы театром, где разыгрывается сцена какой-то идеологической комедии, на представлении которой он сам присутствует в качестве далеко не безучастного зрителя. Непосредственное чувство малодоступно психастенику, и беззаботное веселье редко является его уделом. Он часто предается всевозможным размышлениям чисто отвлеченного характера,

часто ставит себе те или иные вопросы общего свойства, не имеющие к нему прямого отношения, и непременно старается найти на них ответы. Мысленно в своих мечтах психастеник способен пережить многое, но от участия в реальной действительности он всячески старается уклониться. «Любить, мечтать, чувствовать, учиться и понимать — я могу все, лишь бы меня только освободили от необходимости действовать», — говорит психастеник Амиэль, оставивший после себя чрезвычайно ценный документ в виде громадного дневника всей своей жизни. Своеобразной особенностью психастеников является, по-видимому, представляющая результат их неуверенности в себе потребность все снова и снова вызывать в сознании отдельные более всего тревожащие их мысли и образы с целью проверки, не сделано ли каких-нибудь упущений, и не грозит ли какая-нибудь беда и неприятность. В дальнейшем это часто ведет к застреванию таких представлений в сознании уже против воли психастеника и к образованию так называемых навязчивых представлений и страхов.

Заканчивая описание различных типов конституциональной астении, мы должны еще раз подчеркнуть, что это — не отдельные психопатические формы, а лишь разновидности, вырастающие из одной и той же конституциональной основы и в действительности, большей частью, переплетающиеся друг с другом в своей симптоматологии. Этому соответствует также то обстоятельство, что соматически у большинства астенических личностей мы встречаемся с рядом общих особенностей. По телосложению их чаще всего приходится причислять к так называемому астеническому или лептозомному типу Кречмера, а со стороны нервной соматики у них почти во всех случаях обнаруживаются признаки недостаточности — в смысле ли прямой слабости или чрезмерной возбудимости — тех отделов нервной системы, которые регулируют рефлекторную деятельность вообще и функции так называемой вегетативной нервной системы в частности.

Высказывались предположения, что одни группы «нервных» личностей надо относить к ваготоникам, другие к симпатикотоникам; в действительности симптомы ваго— и симпатикотонии у одних и тех же лиц обыкновенно переплетаются в такие неразделимые и запутанные сочетания, что говорить о преобладании той или другой у астеников разных групп вряд ли целесообразно. У всех описанных нами видов этой психопатии мы обыкновенно встречаемся с повышением сухожильных рефлексов, с повышенной возбудимостью вазомоторов, с легко возникающим при малейшем волнении тремором с уже отмеченной выше склонностью к возникновению функциональных расстройств таких органов, как сердце (так называемые неврозы сердца), пищеварительный аппарат, мочеполовая система и др. Нередки у них и такие «судорожные» расстройства, как тики и заикания. Наконец, астеники часто дают комбинации с так называемыми аллергическими реакциями.

Чрезвычайно было бы интересно и важно установить причинное взаимоотношение между соматикой и психическими переживаниями «конституционального неврастеника»: зависит ли одно явление от другого, причем в одном случае все дело в соматике, а в другом — в психике; являются ли оба явления общим одновременным следствием расстройства деятельности какого-то участка центральной нервной системы; устанавливается ли между обоими рядами взаимно усиливающая патологические явления зависимость, — вот те постоянные вопросы, которые в таких случаях ставятся, но на которые, к сожалению, нет пока ответа.

Группа шизоидов

Термин «шизоид» введен в психиатрию Кречмером и употребляется последним для обозначения психопатических личностей, по своим конституциональным особенностям и чертам характера близким к шизофреникам.

Чрезмерно широкая схема шизоидной психопатии, построенная Кречмером, позволяет, однако, ему и его последователям включать в ее рамки не одну, а целый ряд более или менее отличных друг от друга групп психопатов. Мы предпочитаем оставить это название только за той частью шизоидов Кречмера, в психике которых есть сходство с тем, что мы — при других условиях развития привыкли наблюдать при шизофрении, как в форме прогрессивной; здесь — в психопатии — эти черты характера оказываются не нажитыми, как в процессе, а врожденными, постоянными.

Больше всего шизоидов характеризуют следующие особенности: аутистическая оторванность от внешнего, реального мира, отсутствие внутреннего единства и последовательности во всей сумме психики и причудливая парадоксальность эмоциональной жизни и поведения. Они обыкновенно импонируют, как люди странные и непонятные, от которых не знаешь, чего ждать. Уже самая манера держать себя, движения, жесты шизоидов нередко производят впечатление большого своеобразия. Общей чертой моторики шизоидов надо считать отсутствие естественности, гармоничности и эластичности. Обычно они обращают на себя внимание тугоподвижностью и угловатостью движений, отсутствием плавных и постепенных переходов между ними, причем у одних, кроме того, бросается в глаза манерность и вычурность, у других — стремление к стилизации и, наконец, у третьих — просто крайнее однообразие и скудность движений. Есть шизоиды, никогда не бывшие на военной службе, но поражающие своей почти военной выправкой; эта выправка у них доходит до того, что они кажутся деревянными, вроде кукол,двигающихся на шарнирах. У многих можно отметить привычные гримасы, судорожно стереотипные движения, иногда принимающие форму настоящих тиков. Особенно много своеобразия в их походке: одни ходят, не сгибая колен, другие — как бы подпрыгивая, третьи — волочат ноги при ходьбе и т.д. Большой и интересный материал для изучения шизоидной моторики доставляет почерк — то с особым наклоном букв, то со своеобразным их начертанием, со склонностью ко всевозможным завиткам, с неравномерностью отдельных букв и т.д. Обращает на себя внимание и речь больных, начиная с таких внешних ее моментов, как интонация, ударения и пр., и кончая ее грамматическим и логическим построением. У такого рода субъектов иной раз бросается в глаза несоответствие между содержанием речи, интонацией и сопровождающими ее мимикой и жестами. В построении речи у одних преобладает изысканность, напыщенность, витиеватость и патетичность, у других, наоборот, монотонность, невыразительность, стереотипность, отсутствие модуляций. О содержании шизоидной психики говорить вообще очень трудно, во всяком случае поведение шизоидов не дает о нем никакого представления. Вспомним слова Кречмера, что «многие шизоидные люди подобны лишенным украшений римским домам, виллам, ставни которых закрыты от яркого солнца; однако в сумерках их внутренних покоев справляются пиры». Очень важно помнить, что большинство шизоидов — люди, очень своеобразно, не по-обычному приспособляющиеся к действительности. О том, что происходит кругом них, о ситуации, в которой они находятся, шизоиды обыкновенно имеют чрезвычайно субъективное и неточное представление. Окружающий мир как будто отражается для них в кривом зеркале: все отдельные его частим шизоид видит отчетливо, но отношения и пропорции между этими частями в его представлении почти всегда искажены. Особенно трудно шизоиду проникнуть в душевный мир других людей, гораздо труднее, чем, наоборот, — быть понятным им: это зависит между прочим от отсутствия у большинства шизоидов того, что Кречмер называет «аффективным резонансом» к чужим переживаниям. У них часто можно обнаружить тонкое эстетическое чувство, большой пафос и способность к самопожертвованию в вопросах принципиальных и общечеловеческих, они, наконец, могут проявлять много чувствительности и по отношению к людям ими воображаемым, но понять горе и радость людей реальных, их окружающих, им труднее всего. Их эмоциональная жизнь вообще имеет очень сложное строение; аффективные разряды протекают у них не по наиболее обычным и естественным путям, а должны преодолевать целый ряд внутренних противодействий, причем самые простые душевные движения, вступая в чрезвычайно запутанные и причудливые ассоциативные сочетания со следами прежних переживаний, могут подвергнуться совершенно непонятным на первый взгляд извращениям. Благодаря этому шизоид, будучи отчужден от действительности, в то же время находится в постоянном и непримиримом внутреннем конфликте с самим собой. Может быть это и служит причиной того, что непрерывно накапливающееся, но, большей частью сдерживаемое шизоидом внутреннее напряжение, от времени до времени находит себе исход в совершенно неожиданных аффективных разрядах. Таким образом, раздражительность некоторых шизоидов оказывается в противоречии к их эмоциональной жизни, противоречии, всегда держащем их в состоянии неприятного напряжения. Принято говорить о душевной холодности шизоидов. Как видно из изложенного, что положение нельзя принимать без оговорок. Кречмер считает, что у большинства шизоидов, только в разных сочетаниях,

имеются, несмотря на взаимную полярную противоположность, и гиперэстетические и анестетические элементы; отношение, в котором эти последние смешаны у того или другого лица, Кречмер называет по аналогии с диететической пропорцией настроений у циклоидов — психэстетической пропорцией. Таким образом, по Кречмеру, у мимозоподобных гиперэстетиков чувствительность соединяется с известной отчужденностью от людей, в эмоциональной тупости холодных анестетиков почти всегда заметен какой-то налет раздражительности и ранимости.

Эмоциональной дисгармонии шизоидов нередко соответствует и чрезвычайно неправильное течение у них интеллектуальных процессов. И здесь их больше всего характеризует отрешенность от действительности и власть, приобретаемая над их психикой словами и формулами. Отсюда — склонность к нежизненным, формальным построениям, исходящим не из фактов, а из схем, основанных на игре слов и произвольных сочетаниях понятий. Отсюда же у многих из них склонность к символике. Сквозь очки своих схем шизоид, обыкновенно, и смотрит на действительность. Последняя скорее доставляет ему иллюстрации для уже готовых выводов, чем материал для их построения. То, что не соответствует его представлениям о ней, он вообще обыкновенно игнорирует. Несогласие с очевидностью редко смущает шизоида, и он без всякого смущения называет черное белым, если только этого будут требовать его схемы. Для него типична фраза Гегеля, сказанная последним в ответ на указание несоответствия некоторых его теорий с действительностью: «тем хуже для действительности». Особенно надо подчеркнуть любовь шизоидов к странным, по существу часто не совместимым логическим комбинациям, к сближению понятий, в действительности ничего общего между собой не имеющих. Благодаря этому отпечаток вычурности и парадоксальности, присущих всей личности шизоида, отчетливо сказывается и на его мышлении. Многие шизоиды, кроме того, люди «кривой логики», резонеры в худшем смысле этого слова, не замечающие благодаря отсутствию у них логического чутья самых вопиющих противоречий и самых элементарных логических ошибок в своих рассуждениях. Внимание шизоидов, большей частью, резко избирательно и ограничивается иногда лишь узким кругом специально их интересующих проблем, за пределами которого они могут обнаруживать крайнюю «рассеянность». Большинство из них, соответственно этому, мало отвлекаемы, однако некоторые способны и к очень широкому распределению внимания, если, например, это необходимо для производимой ими работы. Хотя, вообще говоря, шизоиды не внушаемы, даже более — упрямы и негативистичны, однако в отдельных случаях они, подобно шизофреникам, обнаруживают поразительно легкую подчиняемость и легковерие; непонятное соединение упрямства и податливости иногда характеризует их поведение. Воля их большей частью развита и направлена крайне неравномерно и односторонне. Шизоид может целые годы проводить в безразличной пассивной бездеятельности, оставляя в пренебрежении насущнейшие задачи, а с другой стороны, ничтожнейшие цели, как, например, собирание негодных к употреблению почтовых марок, могут поглощать всю его энергию, не оставляя у него времени ни на что другое. В поведении шизоидов вообще обращает на себя внимание непоследовательность и недостаточность связи между отдельными импульсами. Значительную их группу характеризует склонность к чудачествам, неожиданным поступкам и эксцентричным, иной раз кажущимся совершенно нелепыми выходками. Редко, однако, шизоид чудачит, чтобы обратить на себя внимание, гораздо чаще его странное поведение диктуется ему непосредственными импульсами его не похожей на других природы. Так как у шизоидов обыкновенно отсутствует непосредственное чутье действительности, то и в поступках их нередко можно обнаружить недостаток такта и полное неумение считаться с чужими интересами. В работе они редко следуют чужим указаниям, упрямо делая все так, как им нравится, руководствуясь иной раз чрезвычайно темными и малопонятными соображениями. Некоторые из них вообще оказываются неспособными к регулярной профессиональной деятельности, особенно к службе под чужим началом. Они часто по ничтожным поводам внезапно отказываются от работы, переходят от одной профессии к другой и т.д. Все это чрезвычайно мешает их жизненному успеху и, озлобляя их, еще более усиливает обычно свойственные им замкнутость и подозрительность. Надо добавить, однако, что при наличии интеллектуальной или художественной одаренности и достаточной возможности проявить свою инициативу и

самодеятельность, шизоиды способны и к чрезвычайно большим достижениям, особенно ценным именно благодаря их независимости и оригинальности.

Несколько слов об аутизме шизоидов. Он вытекает не только из отсутствия у них «аффективного резонанса» к чужим переживаниям, но и из их внутренней противоречивости и парадоксальности, особенности, которые делают их совершенно неспособными передать другим то, что они сами чувствуют. От времени до времени и у них, конечно, возникает потребность облегчить себя признанием, поделиться с близким человеком радостью или горем, однако испытываемая ими при этом неспособность высказаться до конца и встречаемое непонимание обыкновенно вызывают еще большую потребность уйти в себя, мимозо-подобная замкнутость не от чрезмерной ранимости, а от неспособности найти адекватный способ общения. «Аристократическая» сдержанность, а то и просто чопорность и сухость некоторых шизоидов не всегда является их исконным свойством, в некоторых случаях это — выработанное опытом жизни средство держать других людей на расстоянии во избежание разочарований, которые неизбежны при близком соприкосновении с ними. Отличаясь вообще недоверчивостью и подозрительностью, шизоиды далеко не ко всем людям относятся одинаково: будучи вообще людьми крайностей, не знающими середины, склонными к преувеличениям, они и в своих симпатиях и антипатиях, большей частью, проявляют капризную избирательность и чрезмерную пристрастность. По-настоящему шизоиды любят все-таки только себя: будучи эгоистами, они почти всегда держатся чрезвычайно высокого мнения о себе, о своих способностях и редко умеют ценить по-настоящему других людей, даже тех, к кому относятся хорошо.

Социальное значение отдельных групп шизоидов чрезвычайно разнообразно. Так называемые чудачки и оригиналы — люди, большей частью, безобидные, хотя и малополезные. Таковы некоторые ученые, выбравшие себе какую-нибудь узкую, никому не нужную специальность и ничего не хотящие знать кроме нее, таково большинство коллекционеров, таковы также и субъекты, обращающие на себя внимание странной одеждой, изобретающие особые, часто чрезвычайно своеобразные, диеты, ходящие босиком и пр. Некоторых представителей этой последней группы, может быть, правильнее относить к параноическим личностям. К шизоидам принадлежат и те бродяги, которые выбрали этот образ жизни из неумения и нежелания втиснуть свою оригинальную и с трудом выдерживающую подчинение личность в узкие рамки упорядоченной культурной жизни. Но среди шизоидов можно найти и людей, занимающих позиции на тех вершинах царства идей, в разреженном воздухе которым трудно дышать обыкновенному человеку: сюда относятся утонченные эстеты-художники, творчество которых, большей частью формальное, понятное лишь немногим, глубокомысленные метафизики, наконец, талантливые ученые-схематики и гениальные революционеры в науке, благодаря своей способности к неожиданным сопоставлениям с бестрепетной отвагой преображающие, иногда до неузнаваемости, лицо той дисциплины, в которой они работают.

Отрицательную социальную роль играют эмоционально-тупые шизоиды. Выше уже было отмечено, что большая или меньшая эмоциональная холодность — общее свойство всех шизоидов; однако можно выделить одну их группу, у которой это свойство выступает на первый план и затемняет все остальные их особенности. Чаще всего, это — ленивые, вялые, безразличные люди с отсутствием всякого интереса к человеческому обществу, которое вызывает у них скуку или отвращение. Но есть среди них и люди, отличающиеся большой активностью. Эти холодные энергичные натуры иной раз способны к чрезвычайной жестокости не из стремления к причинению мучений, а из безразличия к чужому страданию. Но здесь мы стоим уже на границе, отделяющей шизоидов, с одной стороны, от антисоциальных психопатов, а с другой — от фанатиков.

Нужно отметить еще один факт наличности «противоречий» у шизоидов. Некоторые из них как бы ни казались оторванными от жизни ориентируются в элементарных ее соотношениях, например в материальном ее устройстве, лучше, чем кто бы то ни был; в психике этих шизоидов словно две плоскости: одна — низшая, примитивная (наружная), в полной гармонии с реальными соотношениями, другая — высшая (внутренняя), с окружающей действительностью дисгармонирующая и ею не интересующаяся.

Относительно биологической основы шизоидной психопатии можно только строить догадки. По-видимому, несомненно ее генетическое родство с шизофренией, на что указывает и факт частого обнаружения большого количества шизоидных психопатов в семьях несомненных шизофреников. Некоторые немецкие психиатры-генетики, устанавливая наследственную обусловленность шизофрении, предполагают, что шизоидная психопатия представляет собой резко выраженную индивидуальную биологическую вариацию (по Кречмеру усиление нормальных шизотимических особенностей), в основе которой лежит ген «шизоидности»; шизофренией, по их мнению, заболевают только шизоиды, у которых к гену «шизоидности» присоединяется ген «процесса». При всем интересе, возбуждаемом этой красивой схемой, ее, ввиду отсутствия каких бы то ни было опытных подтверждений, нельзя принять пока даже за гипотетическую основу биологического понимания отношений между шизоидной и шизофренией; таким образом, пока приходится ограничиваться одним лишь подтверждением наличия связи между этими двумя группами.

Так как шизофрения часто развивается именно у шизоидов, то естественны довольно значительные трудности дифференцирования шизоидной психопатии от шизофрении. Установление точного момента, когда у шизоида начинается шизофренический процесс, вещь часто совершенно невозможная, так как явления, характеризующие начало шизофрении, а также и вообще все течение так называемого вялого шизофренического процесса, иногда почти неотличимо от особенностей поведения шизоидной личности. Единственным прочным критерием во всех таких случаях надо считать наличие признаков эндогенно обусловленной деградации личности, как бы эти признаки ни были иногда незначительны.

Заканчивая описание шизоидных психопатов, мы считаем необходимым отметить, что многие из них представляют, кроме специфических для них особенностей, еще и разнообразные астенические черты (Кречмер считает «нервность» одной из характерных черт шизоидов). Особенно много родственного можно при внимательном анализе обнаружить между погруженными в свой внутренний мир тонко чувствующими шизоидами и некоторыми психастениками.

Мечтатели

Это — обыкновенно тонко чувствующие легко ранимые субъекты, со слабой волей, в силу нежности своей психической организации плохо переносящие грубое прикосновение действительной жизни; столкновения с последней заставляют их съеживаться и уходить в себя, они погружаются в свои мечты и в этих мечтах словно компенсируют себя за испытываемые ими неприятности в реальной жизни. Хрупкость нервной организации роднит мечтателей с астениками, а отрешенность от действительности и аутистическое погружение в мечты не дает возможности провести сколько-нибудь резкую границу между ними и шизоидами. Сплошь и рядом это — люди с повышенной самооценкой, недовольные тем положением, которое они заняли в жизни, но неспособные бороться за лучшее. Вялые, «ленивые», бездеятельные — они как бы свысока смотрят на окружающую их действительность и с отвращением выполняют обязанности, возлагаемые на них необходимостью заботиться о материальном существовании. Свободное время заполняют они фантазированием. Главное содержание фантазии, это исполнение их желаний. Люди бедные, малозаметные, они мечтают о богатстве, почестях, высоком звании; робкие и трусливые — о героизмах и подвигах; бесталанные — о замечательных художественных произведениях, ими созданных, открытиях и изобретениях, ими сделанных; некрасивые и отвергаемые — о благах любовных наслаждений. Большинство проявляет при этом мало оригинальности, заимствуя фабулу своих мечтаний из прочитанных книг, из виденных театральных постановок, из запомнившихся обрывков детских сказок и т.д. Есть среди них, однако, и люди, действительно одаренные богатым и оригинальным творческим воображением, — потенциальные поэты и художники, в своих мечтах преображающие убогую действительность в волшебную сказку, и обыкновенно упорно скрывающие от окружающих свои грезы. Представители этой последней группы отличаются или хорошей способностью пластического воспроизведения зрительных образов или богатой выдумкой, а чаще — и тем, и другим вместе. У них, помимо стремления добиться хотя бы фиктивного удовлетворения своих желаний, большую роль играет и непосредственная потребность в фантазировании само по себе, подобно тому, как это имеет место у детей,

использующих свое живое и яркое воображение и свою способность перевоплощаться в любую ситуацию исключительно для игры. Мечтатели обыкновенно не делают даже слабых попыток к осуществлению своих мечтаний уже в силу того, что последние находятся в резком несоответствии с условиями действительности. В тех редких случаях, где подобные попытки предпринимаются, им уже в самом начале кладется предел, с одной стороны, слабостью инициатора, а с другой — суровой правдой жизни. Иногда, однако, мечтатели настолько вживаются в свои грезы, что почти начинают верить в их действительность, в результате чего, особенно при наличии соответствующих внешних условий, дело может дойти и до настоящих кратковременных бредовых вспышек или даже развития стойкого бреда. Надо добавить, что фантазеры, использующие свою способность к выдумке для мистифицирования окружающих или даже просто для того, чтобы обратить на себя внимание, относятся не к описываемой группе, а к психопатам типа истериков или псевдологов.

Группа параноиков

Описываемый ниже тип психопатов обозначается как параноический в силу целого ряда, ежели можно так выразиться, историко-клинических соображений. Он, действительно, очень часто оказывается той психопатической почвой, на которой развивается паранойя, как определенно выраженное заболевание, далеко от границ нормальной жизни. Однако мы не хотим этим термином связывать себя настолько, чтобы считать совершенно установленным, что паранойя развивается только на этой почве; вполне вероятно и возможно, что и другие родственные психопатии могут быть той основой, на которой при соответствующих условиях вырастает паранойя.

Самым характерным свойством параноиков является их склонность к образованию так называемых сверхценных идей, во власти которых они потом и оказываются; эти идеи заполняют психику параноика и оказывают доминирующее влияние на все его поведение. Самой важной такой сверхценной идеей параноика обычно является мысль об особом значении его собственной личности. Соответственно этому основными чертами психики людей с параноическим характером являются очень большой эгоизм, постоянное самодовольство и чрезмерное самомнение. Это — люди крайне узкие и односторонние: вся окружающая действительность имеет для них значение и интерес лишь постольку, поскольку она касается их личности; все, что не имеет близкого, интимного отношения к его «я», кажется параноику малозаслуживающим внимания, малоинтересным. Всех людей, с которыми ему приходится входить в соприкосновение, он оценивает исключительно по тому отношению, которое они обнаруживают к его деятельности, к его словам; он не прощает ни равнодушия, ни несогласия. Кто не согласен с параноиком, кто думает не так, как он, тот в лучшем случае — просто глупый человек, а в худшем — его личный враг. Параноика не занимает ни наука, ни искусство, ни политика, если он сам не принимает ближайшего участия в разработке соответствующих вопросов, если он сам не является деятелем в этих областях; и наоборот, как бы ни был узок и малозначущ сам по себе тот или иной вопрос, раз им занят параноик, этого уже должно быть достаточно, чтобы этот вопрос получил важность и общее значение. Параноики крайне упорно отстаивают свои мысли, они часто оказываются борцами за ту или иную идею, но тем не менее это все-таки менее всего идейные борцы: им важно, их занимает, что это — их идея, их мысль, дальнейшее их мало интересует. Параноики страдают недостатком критической способности, но этот недостаток очень неравномерно распространяется на различные их суждения. «Обо всем, что не относится до его личности, — говорит В.Ф.Чиж, — параноик может судить правильно, но не может иметь правильных суждений о собственной личности в ее отношении к другим людям; все то, что не имеет непосредственного отношения к его личности, им усваивается и обсуждается правильно; все, что затрагивает его отношение к людям, все, что затрагивает непосредственно его личность, понимается только ложно, но всегда в определенном смысле». В общем, надо сказать, что мышление параноиков — незрелое, неглубокое, по целому ряду особенностей прямо приближающееся к детскому: это мышление не только субъективно, но и резко эффективно окрашенное: правильно только то, что хочется и нравится параноику. У некоторых параноиков мышление, хотя и в меньшей степени, чем у

мечтателей, находится в большой зависимости от непомерно развитой и не сдерживаемой критическим отношением и логикой фантазии, но чаще оно в гораздо большей степени определяется их чрезмерной склонностью к резонерству, т.е. к своеобразным построениям, берущим за основание какую-нибудь одностороннюю мысль и приводящим ее до крайних пределов, не взирая на явные несообразности. В основе резонерских суждений всегда лежит та или иная ошибка суждения самим больным, однако не сознаваемая как в силу его ослепленности аффектом, так и в силу слабости его критики.

Надо добавить, что некоторые параноики любят — свойство, роднящее их с шизоидами — необычные ассоциативные сочетания, предпочитая либо формально-спекулятивные, либо парадоксальные построения простым и естественным. Это свойство до некоторой степени объясняется стремлением к открытию нового, другим неизвестного, желанием противопоставить себя обычным людям. Будучи, как уже выше отмечено, людьми очень узкими, параноики не отличаются богатством идей: обыкновенно они, ухватившись за несколько понравившихся им мыслей, не могут уже от них освободиться и только пережевывают их дальше на все лады. Что касается эмоциональной жизни параноиков, то уже из всего предыдущего изложения со всей ясностью вытекает, что это — люди односторонних, но сильных аффектов: не только мышление, но все их поступки, вся их деятельность определяются каким-то огромным аффективным напряжением, всегда существующим вокруг переживаний параноика, вокруг его «комплексов», его «сверхценных идей»: лишнее добавлять, что в центре всех этих переживаний всегда находится собственная личность параноика. Односторонность параноиков делает их малопонятными и ставит их по отношению к окружающей среде первоначально в состояние отчуждения, а затем и враждебности. Крайний эгоизм и самомнение не оставляют места в их личности для чувств симпатии, для хорошего отношения к людям, активность побуждает их к бесцеремонному отношению к окружающим людям, которыми они пользуются как средством для достижения своих целей; сопротивление, несогласие, борьба, на которые они иногда наталкиваются, вызывают у них и без того присущее им по самой их натуре чувство недоверия, обидчивости, подозрительности. Они неуживчивы и агрессивны: обороняясь, они всегда переходят в нападение и, отражая воображаемые ими обиды, сами, в свою очередь, наносят окружающим гораздо более крупные; таким образом, параноики всегда выходят обидчиками, сами выдавая себя за обиженных. Всякий, кто входит с параноиком в столкновение, кто позволит себе поступать не так, как он хочет этого и требует, тот становится его врагом; другой причиной враждебных отношений является факт непризнаний со стороны окружающих дарований и превосходства параноика. В каждой мелочи, в каждом поступке они видят оскорбление их личности, нарушение их прав. Таким образом, очень скоро у них оказывается большое количество «врагов», иногда действительных, а большей частью только воображаемых. Все это делает параноика по существу несчастным человеком, не имеющим интимно близких людей, терпящим в жизни одни разочарования. Видя причину своих несчастий в тех или других определенных личностях, параноик считает необходимым долгом своей совести — мстить; он злопамятен, не прощает, не забывает ни одной мелочи. Нельзя позавидовать человеку, которого обстоятельства вовлекают в борьбу с параноиком, этого рода психопаты отличаются способностью к чрезвычайному и длительному волевому напряжению, они упрямы, настойчивы и сосредоточены в своей деятельности; если параноик приходит к какому-нибудь решению, то он ни перед чем не останавливается для того, чтобы привести его в исполнение; жестокость подчас принятого решения не смущает его, на него не действуют ни просьба его ближних, ни даже угрозы власть имеющих, да к тому же, будучи убежден в своей правоте, параноик никогда и не спрашивает советов, не поддается убеждению и не слушает возражений. В борьбе за свои воображаемые права параноик часто проявляет большую находчивость: очень умело отыскивает он себе сторонников, убеждает всех в своей правоте, бескорыстии, справедливости, и иной раз, даже вопреки здравому смыслу выходит победителем из явно безнадежного столкновения, именно благодаря своему упорству и мелочности. Но, и потерпев поражение, он не отчаивается, не унывает, не сознает, что он неправ, наоборот из неудач он черпает силы для дальнейшей борьбы. Надо добавить, что, пока параноик не пришел в стадию открытой вражды с окружающими, он может быть очень полезным работником; на избранном им узком поприще деятельности он будет работать со

свойственным ему упорством, систематичностью, аккуратностью и педантизмом, не отвлекаясь никакими посторонними соображениями и интересами. Из родственных групп психопатов значительная часть параноиков имеет много общего с шизоидами; с другой стороны, чрезмерно развитая деятельность незрелой фантазии родник некоторых параноиков и с мечтателями, от которых они, однако, всегда отличаются своей действительностью, активностью и определенностью.

Фанатики.

Этим термином, согласно обычной речи, обозначаются люди, с исключительной страстностью посвящающие всю свою жизнь служению одному делу, одной идее, служению совершенно не оставляющему в их личности мест ни для каких других интересов. Таким образом, фанатики, как и параноики, люди «сверхценных идей», как и те, крайне односторонние и субъективные. Отличает их от параноиков то, что они обыкновенно не выдвигают так, как последние, на передний план свою личность, а более или менее бескорыстно подчиняют свою деятельность тем или другим идеям общего характера. Центр тяжести их интересов лежит не в самих идеях, а в претворении их в жизнь, — результат того, что деятельность интеллекта чаще всего отступает у них на второй план по сравнению с движимой глубоким, неистощимым аффектом волей. Правда, среди фанатиков встречаются и высокоодаренные субъекты, но большинство их все-таки люди неумные, ограниченные. Их мировоззрение не отличается сложностью: оно состоит из небольшого количества идей чаще всего заимствованных, но благодаря своей сильной аффективной окраске, глубоко сросшихся со всей их личностью, и, раз они усвоены, не подвергающихся изменению до самой смерти их носителей. Будучи страстно к ним привязаны или по привычке, или в результате каких-нибудь случайных, но оставивших более или менее глубокий след в их личности аффективных переживаний, фанатики совершенно не испытывают потребности в логическом обосновании этих идей, заменяя последнее отвергающей всякие доказательства верой в то, что им хочется. Аффекты фанатиков так же, как и их идеи, не отличаются богатством. Это — люди не только одной идеи, но и одной страсти, будучи большей частью лишенными грубой корысти и такого неприкрытого и всепоглощающего эгоизма, как это мы видели у параноиков, фанатики, однако, редко оказываются способными проявлять душевную теплоту по отношению к отдельным людям. Последние обыкновенно являются для них лишь орудием, при помощи которого они стремятся достигнуть поставленных ими себе целей. Поэтому в личных отношениях они чаще всего или безразлично холодны, или требовательно строги. Человеческое горе их не трогает, и бездушная жестокость составляет нередко их свойство. Главная сила фанатиков заключается в их несокрушимой воле, которая помогает им без колебания проводить то, что они считают нужным. К голосу убеждения они глухи, вся их страстная, но несложная эффектность находится целиком на службе их веры, а сопротивление и преследования только закалывают их. Железная воля и делает фанатиков опасными для общества. Психиатрам приходится встречаться с ними главным образом, как с вождями религиозных течений и сект. Нередко под их руководством совершались изуверские дела и чудовищные преступления: самоистязание, пытки, мучительства, убийства. Русская действительность знала людские жертвоприношения, коллективное самосожжение и самопогребение и другие не менее страшные дела. Жизненный путь фанатика определяется его внутренним существом: это человек борьбы, редко обходящийся без столкновений с действительностью. Отсутствие у него гибкости и приспособляемости легко приводит его к конфликту с законом и общественным порядком, поэтому одним из этапов его карьеры часто оказывается пребывание в тюрьме или в психиатрической больнице.

Необходимо прибавить, что чистые представители описанного выше типа встречаются нечасто. Действительная жизнь в гораздо большей степени дает смешанные формы, сближающие фанатиков, с одной стороны, с параноиками, а с другой — с эпилептоидами. Не всегда легко провести отграничение групп фанатиков и от шизоидов и мечтателей. Переходные формы в эту сторону изобилуют таким богатством оттенков, что в ряде случаев, как это ни кажется парадоксальным, приходится говорить о «мягких», «вялых», фанатиках. Таковы, например, люди, делающие из какой-нибудь узкой мысли или даже гигиенического правила (например из принципа вегетарианства) вопрос мирозерцания. В подобных случаях мы

иногда встречаемся с таким положением, что фанатически преданный своей идее психопат не находит, однако, в себе достаточно силы для борьбы за присоединение к ней других людей, а довольствуется осуществлением ее исключительно в собственной жизни.

Здесь же, быть может, следует упомянуть и о довольно многочисленной группе, если только можно так выразиться, фанатиков чувства. К ним чаще всего относятся восторженные приверженцы религиозных сект, служащие фанатикам-вождям слепым орудием для осуществления их задач. Тщательное изучение таких легко внушаемых и быстро попадающих в беспрекословное подчинение людям с сильной волей лиц показывает, что они часто почти не имеют представления о том, за что борются и к чему стремятся. Сверхценная идея превращается у них целиком в экстатическое переживание преданности вождю и самопожертвования во имя часто им совершенно непонятого дела. Подобная замена (отодвигание на задний план) сверхценной идеи соответствующим ей аффектом наблюдается не только в области фанатизма и религиозного изуверства, но является также характерной особенностью, например, некоторых ревнивцев, ревнующих не благодаря наличию мысли о возможности измены, а исключительно вследствие наличности неотступно владеющего ими беспредметного чувства ревности. Подобное же положение мы имеем у некоторых конституционально-нервных и психастеников, для которых таким «сверхценным аффектом» без определенной проекции является присоединяющееся решительно ко всему происходящему кругом чувство страха. Этих находящихся в исключительной власти одного аффекта людей, можно называть экноиками.

Группа эпилептоидов

Уже в самом названии «эпилептоидная психопатия» заложена мысль о том, что этим термином должны обозначаться те непрогредиентные конституциональные формы, которые находятся в таком же отношении к эпилепсии, как шизоидная психопатия к шизофрении. Самыми характерными свойствами этого типа психопатов мы считаем: во-первых, крайнюю раздражительность, доходящую до приступов неудержимой ярости, во-вторых, приступы расстройства настроения (с характером тоски, страха, гнева) и, в-третьих, определенно выраженные, так называемые моральные дефекты (антисоциальные установки). Обычно это люди очень активные, односторонние, напряженно деятельные, страстные любители сильных ощущений, очень настойчивые и даже упрямые. Та или другая мысль надолго застревает в их сознании; можно определенно говорить о склонности эпилептоидов к сверхценным идеям. Их аффективная установка почти всегда имеет несколько неприятный, окрашенный плохо скрываемый злобностью оттенок, на общем фоне которого от времени до времени иной раз по ничтожному поводу развиваются бурные вспышки неудержимого гнева, ведущие к опасным насильственным действиям. Обыкновенно подобного рода психопаты очень нетерпеливы, крайне нетерпимы к мнению окружающих и совершенно не выносят противоречий. Если к этому прибавить большое себялюбие и эгоизм, чрезвычайную требовательность и нежелание считаться с чьими бы то ни было интересами, кроме своих собственных, то станет понятно, что поводов для столкновений с окружающими у эпилептоидов всегда много. Даже тогда, когда их нет вовсе, эпилептоиду ничего не стоит их выдумать, только для того, чтобы разрядить неудержимо накапливающее у него временами чувство беспредметного раздражения. Он подозрителен, обидчив, мелочно придирчив. Все он готов критиковать, всюду видит неурядки, исправления которых ему обязательно надо добиться. В семейной жизни эпилептоиды обыкновенно несносные тираны, устраивающие скандалы из-за опоздавшего на несколько минут обеда, подгоревшего кушанья, плохой отметки у сына или дочери, позднего их возвращения домой, сделанной женой без их спроса покупки и т.д. Постоянно делают они домашним всевозможные замечания, мельчайшую провинность возводят в крупную вину и ни одного проступка не оставляют без наказания. Они всегда требуют покорности и подчинения себе и наоборот, сами не выносят совершенно повелительного тона у других, пренебрежительного к себе отношения, замечаний выговора. С детства непослушные, они часто всю жизнь проводят в борьбе, за кажущееся им ограничение их самостоятельности, борьбе, которая им кажется борьбой за справедливость. Неуживчивость эпилептоидов доходит до того,

что многие из них принуждены всю жизнь проводить в скитаниях, с одной стороны, благодаря их страсти во все вмешиваться, а с другой, — и больше всего, из-за абсолютной неспособности сколько-нибудь продолжительное время сохранять мирные отношения с сослуживцами, с начальством, с соседями.

Очень важно подчеркнуть чрезвычайно характерную для эпилептоидов склонность к эпизодически развивающимся расстройствам настроения, расстройствам, могущим возникать как спонтанно как бы без всякой видимой причины, так и реактивно — под влиянием тех или других неприятных переживаний. То, что отличает подобные расстройства от депрессивных состояний всякого другого рода, это почти постоянная наличность в них трех основных компонентов: 1) злобности, 2) тоски и 3) страха. Подобные расстройства настроения могут продолжаться недолго, но могут и затягиваться на день или даже на несколько дней, и именно на эти-то дни и падают наиболее бурные и безрассудные вспышки эпилептоидов.

Несмотря на свою необузданность, эпилептоиды всегда остаются людьми очень узкими, односторонними и не способными хотя бы на мгновение отрешиться от своих эгоистических интересов, полностью определяющих их в общем всегда очень напряженную деятельность. Их аффективность лишена богатства оттенков и определяется, преимущественно, постоянно имеющейся у них в наличии агрессивностью по отношению к окружающим людям. Чувство симпатии и сострадания, способность вчувствоваться в чужие переживания им недоступны. Отсутствие этих чувств в соединении с крайним эгоизмом и злобностью делает их морально неполноценными и способными на действия, далеко выходящие не только за рамки приемлемого в нормальных условиях общежития, но и за границы, определяемые уголовным законом. Особенно часто они сталкиваются с последним из-за склонности их к насильственным актам, попадая под суд по обвинению в убийстве или нанесении тяжелых ран. Более невинное значение имеет их склонность к скандалам, особенно часто проявляемая ими под влиянием алкоголя, который, как правило, они, обыкновенно плохо переносят, давая довольно часто вспышки так называемого патологического опьянения.

Эпилептоиды, как достаточно ясно из предыдущего, люди инстинктов и примитивных влечений. Страстные и неудержимые, они ни в чем не знают меры: ни в безумной храбрости, ни в актах жестокости, ни в проявлениях любовной страсти. В их рядах мы часто встречаем азартных игроков, пьяниц-дипсоманов и лиц, страдающих периодическими приступами неудержимого стремления к бродяжничеству. Иногда, однако, подобные так называемые импульсивные проявления встречаются и у людей, у которых другие особенности эпилептоидной психопатии (злобность, агрессивность) несколько отступают на задний план. Трудно сказать, что является главным дефектом этих импульсивных психопатов, людей инстинктов по преимуществу, чрезмерная ли сила влечений или недостаточная способность к их подавлению. Эта разновидность эпилептоидов дает не меньше, чем основная группа, число правонарушителей, она поставляет преступников против половой нравственности, мошенников, воров, растратчиков и т.д. Среди них много и так называемых половых психопатов, т.е. лиц, страдающих сексуальной извращенностью. Однако склонность к половым аномалиям того или другого рода есть черта, свойственная многим психопатам, а не одной какой-либо определенной их группы.

Вопрос о эпилептоидной психопатии за последнее время привлекает внимание психиатров на Западе и у нас. Особенно оживленно дебатруется вопрос о существовании и в этой психопатии полярности, подобной той, которую Кречмер описал для шизоидов и циклоидов (психэстетическая и диатетическая пропорции). В то время как часть авторов считает характерными для эпилептоидной психопатии лишь описанные выше симптомы, относя часто встречающиеся у эпилептиков черты психической вязкости, педантизма, мелочности, лицемерия не к чертам конституциональной психопатии, а к проявлениям эпилепсии, как болезненного процесса (следовательно, к явлениям, сопутствующим уже нажитому слабоумию), другие говорят либо о двух различных группах эпилептоидных психопатов — кроме описанной (антисоциальной) еще о другой, — «гиперсоциальной» (обстоятельные, аккуратные, исполнительные педанты, скопидомы, ханжи и лицемеры), — либо о наличности у эпилептоидов такой же полярности, как у шизоидов и циклоидов. Черты возбудимости, с одной стороны, и психической вязкости — с другой, в большей или меньшей степени присущи

всякому эпилептоидному психопату. Только будущие исследования укажут реальные соотношения вещей.

С соматической стороны можно отметить, что значительная часть эпилептоидов отличается своеобразным атлетически-диспластическим телосложением и чрезмерной возбудимостью вазомоторов. В связи с последним обстоятельством стоят часто наблюдаемые у них во время вспышек гнева приливы крови к голове. Некоторые психиатры считают определенно возможным говорить, что эпилептоиды оказываются соматически атлетиками, подобно тому как циклоиды — пикниками, а шизоиды — астениками. Мы думаем, что установление и этих положений — дело будущего.

Группа истерических характеров

Благодаря неопределенности самого понятия «истерия» в психиатрической литературе нет полного единодушия в применении термина «истерический» по отношению к психопатическим личностям. Ряд авторов считает даже желательным устранение этого термина из учения о психопатии. Едва ли это целесообразно; выражение «дегенеративная истерия» прочно завоевала себе право гражданства не только в психиатрической, но и в общемедицинской литературе; мы определенно считаем необходимым выделение такой группы.

Главными особенностями психики истеричных являются: 1) стремление во чтобы то ни стало обратить на себя внимание окружающих и 2) отсутствие объективной правды как по отношению к другим, так и к самому себе (искажение реальных соотношений).

Ясперс, объединяя оба эти признака, дает очень короткое и меткое определение той основы, из которой вырастает поведение и характер истеричных, — «стремление казаться больше, чем это на самом деле есть». Исходя из этого определения, Шнейдер предложил заменить самое название «истеричные» термином — «требующие признания».

Во внешнем облике большинства представителей группы, объединяемой этими свойствами, особенно обращают на себя внимание ходульность, театральность и лживость. Им необходимо, чтобы о них говорили, и для достижения этого они не брезгают никакими средствами. В благоприятной обстановке, если ему представится соответствующая роль, истерик может и на самом деле «отличиться»: он может произносить блестящие, зажигающие речи, совершать красивые и не требующие длительного напряжения подвиги, часто увлекая за собой толпу; он способен и к актам подлинного самопожертвования, если только убежден, что им любуются и восторгаются. Горе истерической личности в том, что у нее обыкновенно не хватает глубины и содержания для того, чтобы на более или менее продолжительное время привлечь к себе достаточное число поклонников. Их эмоциональная жизнь капризно неустойчива, чувства поверхностны, привязанности непрочны и интересы неглубоки; воля их не способна к длительному напряжению во имя целей, не обещающих им немедленных лавр и восхищения со стороны окружающих. Часто это — субъекты, не достигшие еще, несмотря иной раз на пожилой возраст, действительной духовной зрелости: их суждения поражают своей противоречивостью, а место логического сопоставления фактов и трезвой оценки действительности занимают беспочвенные выдумки — продукты их детски богатой и необузданной фантазии. Они легко внушаемы, хотя внушаемость эта обыкновенно избирательная и односторонняя, — только по отношению к тому, что соответствует их потребности обращать на себя внимание; наоборот, попыткам внушающей терапии они нередко оказывают чрезвычайно упорное сопротивление. При первом знакомстве многие истерики кажутся обворожительными: они могут быть мягки и вкрадчивы, капризная изменчивость из образа мыслей и настроения производит впечатление подкупающей детской простодушной непосредственности, а отсутствие у них прочных убеждений обуславливает легкую их уступчивость в вопросах принципиальных. Обыкновенно только постепенно вскрываются их отрицательные черты и прежде всего неестественность и фальшивость. Каждый поступок, каждый жест, каждое движение рассчитаны на зрителя, на эффект: дома в своей семье они держат себя иначе, чем при посторонних; всякий раз как меняется окружающая обстановка, меняется их нравственный и умственный облик, они непременно хотят быть оригинальными, и так как это редко удается им в области положительной, творческой деятельности, то они

хватаются за любое средство, подвертывающееся под руку, будь то даже возможность привлечь к себе внимание необычными явлениями какой-нибудь болезни. Отсюда — сцены припадков и обморок, загадочные колебания температуры, продолжительные отказы от пищи с тайной едой по ночам, причинение себе всевозможных повреждений, которые затем выдаются за сами собой появившиеся и т.д. Часто разыгрывают они из себя обиженных и несчастных: им ничего не стоит безо всякого основания обвинить, например, лечившего их врача, с которым приходилось оставаться наедине, в покушении на изнасилование и даже в самом изнасиловании. В таких случаях охотно изображаются сцены крайнего отчаяния и делаются театральные попытки на самоубийство, так рассчитанные, чтобы последнее заведомо не могло удасться. Чтобы произвести впечатление, они готовы противоречить общепринятым воззрениям, хвалить или любить то, что никому не нравится, что даже всем противно, с крайним упорством защищая при этом свои необыкновенные взгляды, мысли и вкусы. Боясь быть опереженными кем-нибудь в задуманном ими эффекте, истеричные обычно завистливы и ревнивы. Если в какой-нибудь области истерику приходится столкнуться с соперником, то он не пропустит самого ничтожного повода, чтобы унижить последнего и показать ему свое превосходство. Своих ошибок истерики не сознают никогда; если что и происходит не так, как бы нужно было, то всегда не по их вине. Чего они не выносят, это — равнодушия или пренебрежения, — им они всегда предпочтут неприязнь и даже ненависть. По отношению к тем, кто возбудил их неудовольствие, они злопамятны и мстительны. Будучи неистощимы и неразборчивы в средствах, они лучше всего чувствуют себя в атмосфере скандалов, сплетен и дразг. В общем они ищут легкой привольной жизни, и если иногда проявляют упорство, то только для того, чтобы обратить на себя внимание.

Духовная незрелость истерической личности, не давая ей возможности добиться осуществления своих притязаний путем воспитания и развертывания действительно имеющихся у нее способностей, толкает ее на путь неразборчивого использования всех средств воздействия на окружающих людей, лишь бы какой угодно ценой добиться привилегированного положения. Некоторые авторы особенно подчеркивают инфантильное строение эмоциональной жизни истериков, считая его причиной не только крайней поверхности их эмоций, но и часто недостаточной их выносливости по отношению к травмирующим переживаниям. Надо только отметить, что и в области реакции на психические травмы нарочитое и выдуманное часто заслоняет у истериков непосредственные следствия душевного потрясения.

В балансе психической жизни людей с истерическим характером внешние впечатления — разумея это слово в самом широком смысле — играют очень большую, быть может, первенствующую роль: человек с истерическим складом психики не углублен в свои внутренние переживания (как это делает хотя бы психастеник) он ни на одну минуту не забывает происходящего кругом, но его реакция на окружающее является крайне своеобразной и прежде всего избирательной. В то время как одни вещи воспринимаются чрезвычайно отчетливо, чрезвычайно тонко и остро, кроме того, фиксируются даже надолго в сознании в виде очень ярких образов и представлений, другие совершенно игнорируются, не оставляют решительно никакого следа в психике и позднее совершенно не вспоминаются. Внешний, реальный мир для человека с истерической психикой приобретает своеобразные, причудливые очертания; объективный критерий для него утрачен, и это часто дает повод окружающим обвинить истеричного в лучшем смысле во лжи и притворстве. Границы, которые устанавливаются для человека с нормальной психикой пространством, с одной стороны, и временем — с другой, не существуют для истеричного; он не связан ими. То, что было вчера или нынче, может казаться ему бывшим десять лет назад и наоборот. И не только относительно внешнего мира осведомлен неправильно истеричный; точно так же осведомлен он относительно всех тех процессов, которые происходят в его собственном организме, в его собственной психике. В то время как одни из его переживаний совершенно ускользают от него самого, другие, напротив, оцениваются чрезвычайно тонко. Благодаря яркости одних образов и представлений и бледности других, человек с истерическим складом психики сплошь и рядом не делает различия или, вернее говоря, не в состоянии сделать таковой между фантазией и действительностью, между виденным и только что пришедшим ему в голову, между имевшим

место наяву и виденным во сне; некоторые мысленные образы настолько яркие, что превращаются в ощущения, другие же, напротив, только с большим трудом возникают в сознании. Лица с истерическим характером, так сказать, эмансипируются от фактов. Крайне тонко и остро воспринимаемая одно, истерик оказывается совершенно нечувствительным к другому; добрый, мягкий, даже любящий в одном случае, он обнаруживает полнейшее равнодушие, крайний эгоизм, а иногда и жестокость — в другом; гордый и высокомерный, он подчас готов на всевозможные унижения; неуступчивый, упрямый, вплоть до негативизма, он становится в иных случаях согласным на все, послушным, готовым подчиниться чему угодно; бессильный и слабый и проявляет энергию, настойчивость, выносливость в том случае, когда этого потребуют от него законы, господствующие в его психике. Эти законы все же существуют, хотя бы мы их и не знали, хотя бы проявления психики истеричных были бы так разнообразны и калейдоскопичны, что было бы правильнее думать не о закономерности явлений, а о полной анархии.

Патологические лгуны. Если потребность привлекать к себе внимание и ослеплять других людей блеском своей личности соединяется, с одной стороны, с чрезмерно возбудимой, богатой и незрелой фантазией, а с другой — с более резко, чем у истериков, выраженными моральными дефектами, то возникает картина той психопатии, которая называется — мифоманий, и представителей которой Крепелин грубее и правильнее обозначает, как «лгунов и плутов». Чаще всего это люди, которым нельзя отказать в способностях. Они сообразительны, находчивы, быстро усваивают все новое, владеют даром речи и умеют использовать для своих целей всякое знание и всякую способность, какими только обладают. Они могут казаться широко образованными, даже учеными, обладая только поверхностным запасом сведений, нахватавшихся из энциклопедических словарей и популярных брошюр. Некоторые из них обладают кое-какими художественными и поэтическими наклонностями, пишут стихи, рисуют, занимаются музыкой, питают страсть к театру. Быстро завязывая знакомства, они хорошо приспособляются к людям и легко приобретают их доверие. Они умеют держаться с достоинством, ловки, часто изящны, очень заботятся о своей внешности и о впечатлении, ими производимом на окружающих: нередко щегольский костюм представляет единственную собственность подобного психопата.

Важно то, что обладая недурными способностями, эти люди редко обнаруживают подлинный интерес к чему-нибудь, кроме своей личности, и страдают полным отсутствием прилежания и выдержки. Они поверхностны, не могут принудить себя к длительному напряжению, легко отвлекаются, разбрасываются. Их духовные интересы мелки, а работа, которая требует упорства, аккуратности и тщательности, тем самым производит на них отталкивающее действие.

«Их мышлению, — говорит Крепелин, — не хватает планомерности, порядка и связности, суждениям — зрелости и обстоятельности, а всему их восприятию жизни — глубины и серьезности». Конечно, нельзя ожидать от них и моральной устойчивости: будучи людьми легкомысленными, они не способны к глубоким переживаниям, капризны в своих привязанностях и обыкновенно не завязывают прочных отношений с людьми. Им чуждо чувство долга, и любят они только самих себя.

Самой роковой их особенностью является неспособность держать в узде свое воображение. При их страсти, к рисовке, к пусканию пыли в глаза они совершенно не в состоянии бороться с искушением использовать для этой цели легко у них возникающие богатые деталями и пышно разукрашенные образы фантазии. Отсюда их непреодолимая и часто приносящая им колоссальный вред страсть к лганью. Лгут они художественно, мастерски, сами увлекаясь своей ложью и почти забывая, что это ложь. Часто они лгут совершенно бессмысленно, без всякого повода, только бы чем-нибудь блеснуть, чем-нибудь поразить воображение собеседника. Чаще всего конечно, их выдумки касаются их собственной личности: они охотно рассказывают о своем высоком происхождении, своих связях в «сферах», о значительных должностях, которые они занимали и занимают, о своем колоссальном богатстве. При их богатом воображении им ничего не стоит с мельчайшими деталями расписать обстановку несуществующей виллы, им будто бы принадлежащей, даже больше — поехать с сомневающимися и показать им в доказательство истины своих слов под видом своей

чью-нибудь чужую виллу и т.д. Но они не всегда ограничиваются только ложью: лишь часть их лгут наивно и невинно, как дети, подстегиваемые желанием прорисоваться все новыми и новыми возникающими в воображении образами. Большинство извлекает из своей лжи и осязательную пользу.

Таковы многочисленные аферисты, выдающие себя за путешествующих инкогнито значительных людей, таковы шарлатаны, присваивающие себе звание врачей, инженеров и др. и часто успевающие на некоторое время держать окружающих под гипнозом своего обмана, таковы шулеры и поддельватели документов, таковы, наконец, даже многие мелкие уличные жулики, выманивающие у доверчивых людей деньги, рассказами о случившемся с ними несчастии, обещаниями при помощи знакомств оказать какую-нибудь важную услугу и др. Их самообладание при этом бывает часто поразительным: они лгут так самоуверенно, не смущаясь ничем, так легко вывертываются, даже когда их припирают к стене, что невольно вызывают восхищение. Многие не унывают и будучи пойманы. Крепелин рассказывает об одном таком мошеннике, который лежал в клинике на испытании и, возвращаясь по окончании срока последнего в тюрьму, так импонировал своим гордым барским видом присланному за ним для сопровождения полицейскому, что заставил последнего услужливо нести свои вещи. Однако в конце концов они отличаются все-таки пониженной устойчивостью по отношению к действию «ударов судьбы»: будучи уличены и не видя уже никакого выхода, они легко приходят в полное отчаяние и тогда совершенно теряют свое достоинство.

Ряд черт роднит психопатов описанного типа с предыдущей группой истериков. Главное отличие в том, что лживость у них заслоняет собой все остальные черты личности. Кроме того, истерики в своих выходках редко переходят границы, определяемые уголовным законом, тогда как с псевдологами часто приходится встречаться и судебным, и тюремным психиатрам.

Гораздо более резкая граница отделяет псевдологов от мечтателей, с которыми они имеют лишь одну общую черту — чрезмерную возбудимость воображения: по остроумному определению Кронфельда, в то время как мечтатель обманывает себя относительно внешнего мира, псевдолог обманывает окружающих относительно себя. То, что последний иногда начинает и сам поддаваться своему обману, представляет только побочный эффект, не лежащий в существе основной тенденции его поведения.

Группа неустойчивых психопатов

Этот термин недостаточно точен и разными психиатрами употребляется не в одинаковом объеме. Мы предпочитаем не расширять чрезмерно его значения и границ и обозначить им только тех душевно неглубоких, слабохарактерных людей, которые легко поддаются под влияние среды, особенно дурной и, увлекаемые примерами товарищей или правами, господствующими в их профессиональном окружении (военная Среда прежнего времени, литературная богема и др.), спиваются, делаются картежниками, для того, чтобы в конце концов очутиться «на дне». Большой частью это — люди «не холодные» и «не горячие», без больших интересов, без глубоких привязанностей, недурные товарищи, часто очень милые собеседники, люди компанейские, скучающие в одиночестве и обыкновенно берущие пример со своих более ярких приятелей. В среде, где не в обычае употребление спиртных напитков, а систематический труд является общей привычкой, они идут в ногу с другими и в общем оказываются несколько не хуже средних людей, ни в какую сторону не выделяясь из них ни своим умственным уровнем, ни своими интересами и нравственными качествами. Может быть, от времени до времени они вызывают неудовольствие окружающих своей беспорядочностью, неаккуратностью, а особенно ленью. Над ними, как говорится, надо вечно стоять с палкой, их надо понукать, бранить или ободрять, смотря по обстоятельствам. Легко вдохновляющиеся, они легко и остывают, далеко не всегда оканчивая начатое ими дело, особенно если их предоставили себе. Их несчастье — наркотические средства, особенно вино, под влиянием которого они часто делаются неузнаваемыми, как будто кто-то подменил того милого человека, с которым так приятно было иметь дело, когда он был трезв: из доброго, услужливого и уступчивого он делается грубым, дерзким, эгоистичным, даже больше — бессердечным, способным в один день пропить все свое жалованье, на которое семья должна была бы

существовать целый месяц, унести из дома и продать последнюю одежду жены и детей и т.д. Протрезвившись, он будет горько раскаиваться в своих поступках, перейдет всякую границу в самообвинениях, но не преминет пожаловаться на случайно сложившиеся обстоятельства, на то, что его, человека с запросами и способностями, «заела среда». Такие люди невольно вызывают сочувствие и желание им помочь, но оказываемое им содействие редко идет впрок: стоит на короткое время предоставить такого человека самому себе, как он уже, оказывается, все спустил, все пропил, проиграл в карты, попал к тому же в какой-нибудь крупный скандал, заразился венерической болезнью и т.д. Только в условиях постоянной опеки, в условиях организованной среды, находясь под давлением сурового жизненного уклада или в руках человека с сильной волей, не выпускающего его из-под наблюдения, может подобного рода психопат существовать благополучно и быть полезным членом общества.

Группа антисоциальных психопатов

В 1835 г. английский психиатр Причард описал как отдельную клиническую форму, особую болезнь, которой он дал название — «нравственное помешательство», разумея под этими словами клиническую картину, характеризующуюся более или менее изолированным поражением эмоциональной сферы, в противоположность случаям, где на первый план выступает поражение интеллекта. Последователи Причарда стали, однако, понимать под этим термином нечто иное, а именно отсутствие нравственных чувств при более или менее сохраненном интеллекте.

Учение о нравственном помешательстве в этом последнем понимании одно время пользовалось общим признанием и большой популярностью, однако, в настоящее время оно определенно принадлежит уже истории. Современная психиатрия не знает такой болезни, как вообще не знает однопредметного помешательства, мономаний.

Однако, несомненно, существуют психопаты, главной, бросающейся в глаза особенностью которых являются резко выраженные моральные дефекты. Это — люди, страдающие частичной эмоциональной тупостью, именно отсутствием социальных эмоций: чувство симпатии к окружающим и сознание долга по отношению к обществу у них, обыкновенно, полностью отсутствует: у них нет ни чести, ни стыда, они равнодушны к похвале и порицанию, они не могут приспособиться к правилам общежития. Почти всегда это — субъекты, во-первых, лживые — не из потребности порисоваться и пофантазировать, а исключительно для маскировки инстинктов и намерений, а во-вторых — ленивые и неспособные ни к какому регулярному ТРУДУ. Искать у них сколько-нибудь выраженных духовных интересов не приходится, зато они отличаются большой любовью к чувственным наслаждениям: почти всегда это лакомки, сластолюбцы, развратники. Чаще всего они не просто «холодны», а и жестоки. Грубые и злые, они очень рано, с детства обнаруживают себя, — сначала своей склонностью к мучительству животных и поразительным отсутствием привязанности к самым близким людям (даже к матери), а затем своим как бы умышленно бесцеремонным нежеланием считаться с самыми минимальными удобствами окружающих. Они способны из-за пустяка плюнуть матери в лицо, начать за столом громко браниться площадной бранью, бить окна, посуду, мебель при самой незначительной ссоре, и все это — не столько вследствие чрезмерного гневного возбуждения, сколько из желания досадить окружающим. Иногда они питают тяжелую злобную ненависть и жажду мести по отношению к тем из близких (чаще всего к отцу), которые стремятся держать их в определенных рамках и проявляют по отношению к ним строгость; в таких случаях дело может дойти и до убийства. Стеснение своей свободы они вообще переносят плохо и поэтому, как правило, рано оставляют дом и семью; при отсутствии привязанности жизнь в домашней обстановке означает для них только ряд несносных ограничений и невозможность развернуть в полной мере свои своеобразные наклонности.

Именно эту группу психопатов имел в виду Ломброзо, когда говорил о прирожденном

преступнике.⁷³

Преступление — это как раз тот вид деятельности, который больше всего соответствует их наклонности; для преступников этого рода чрезвычайно характерна полная их неисправимость и, как следствие этого, склонность к рецидивам. Часто из них вырабатываются настоящие, убежденные «враги общества», мстящие последнему за те ограничения, которые оно ставит их деятельности; ими постепенно овладевает настоящая страсть к борьбе с законом, опасность которой только разжигает их; преступление начинает привлекать их, как любимое дело, развиваются специальные навыки и как последствие чувства обладания своеобразным талантом, известная профессиональная гордость. Однако некоторые из антисоциальных психопатов удерживаются и в рамках общежития, — это преимущественно лица из хорошо обеспеченных классов общества, не нуждающиеся в преступлении для того, чтобы удовлетворить свою жажду наслаждений; таковы многие высокостоящие политики, не брезгающие для своих узкоэгоистических целей никакими средствами; таковы бездушные матери, не питающие никаких привязанностей к своим детям, преследующие их строгостью и жестокостью, и без сожаления бросающие их на попечение нянек. Вообще, надо сказать, что описываемая психопатия обнимает очень широкую группу лиц во многом различного склада. Кроме основного типа, отличающегося чертами, близкими к эпилептоидам (люди грубые, жестокие и злобные), среди них встречаются и «холодные», бездушные резонеры, родственные шизоидам субъекты, у которых хорошо действующий рассудок всегда наготове для того, чтобы оправдывать, объяснять их поступки.

Что касается дифференциального диагноза, то, кроме невозможности резкого отграничения этой формы от шизоидов и эпилептоидов, с одной стороны, лгунов и неустойчивых психопатов — с другой, надо упомянуть, что часто чрезвычайно затруднительно бывает решить, имеем ли мы дело с антисоциальным психопатом или с эмоционально-тупым шизофреником (мягко текущий процесс) без резко выраженных бредовых явлений и спутанности.

Группа конституционально-глупых

Последним заключительным аккордом учения о конституциональных психопатиях является группа людей «конституционально-глупых». Эта группа также находится на границе между психическим здоровьем и психической болезнью; это — люди врожденно ограниченные, от рождения неумные, безо всякой границы, как само собой разумеется, сливающиеся с группой врожденной отсталости (идиотией, олигофренией). Мы не можем здесь заниматься рассмотрением вопроса о причинах, вызывающих к жизни интеллектуальную дефектность этого рода людей. Нашей задачей является только подчеркнуть, что среди конституциональных психопатий (в том смысле и объеме этого термина, какой ему придается в этой работе) надо отвести место и тем лицам, отличительным свойством которых является врожденная умственная недостаточность. Это именно те случаи, оценивая которые, как случаи глупости и ограниченности, мы обыкновенно не в состоянии сказать, что здесь нормально и что уже не нормально. Подобного рода люди иногда хорошо учатся (у них сплошь и рядом хорошая память) не только в средней, но даже и в высшей школе; когда же они вступают в жизнь, когда им приходится применять их знания к действительности, проявлять известную инициативу, — они оказываются совершенно бесплодными. Они умеют «держаться в обществе», говорить о погоде, говорить шаблонные, банальные вещи, но не проявляют никакой оригинальности (отсюда выражение — «салонное слабоумие»)⁷⁴

⁷³ Выделение этого типа конституциональных психопатов, конечно, не дает никакого права считать всех преступников психопатами; в этом-то и заключалась крупнейшая ошибка — ошибка и клиническая, и просто логическая — сделанная Ломброзо.

⁷⁴ Для обозначения того же самого типа Блейлер подчеркивает, что этот тип характеризуется не столько бедностью ассоциаций, сколько неясностью понятий. Блейлер считает, что здесь дело идет об отсутствии прочности ассоциативных комплексов, благодаря чему одна и та же идея в разные отрезки времени оказывается в

Они хорошо справляются с жизнью лишь в определенных, узких, давно установленных рамках домашнего обихода и материального благополучия. С другой стороны, сюда относятся и элементарно-простые, примитивные люди, лишенные духовных запросов, но хорошо справляющиеся с несложными требованиями какого-нибудь ремесла; иногда даже без больших недоразумений работающие в торговле, даже в администрации.

Одной из отличительных черт конституционально-ограниченных является их большая внушаемость, их постоянная готовность подчиняться голосу большинства, «общественному мнению» («что станет говорить княгиня Марья Алексеевна!»); это — люди шаблона, банальности, моды; это тоже люди среды, но не совсем в том смысле, как неустойчивые психопаты: там люди идут за ярким примером этой среды, за «пороком», а здесь, напротив, — за благонаравием. Конституционально-ограниченные психопаты — всегда консерваторы; из естественного чувства самозащиты они держатся за старое, к которому привыкли и к которому приспособились, и боятся всего нового. Это — те «нормальные» люди, о которых Кюльер говорил, что в тот самый день, когда больше не будет полунормальных людей, цивилизованный мир погибнет, погибнет не от избытка мудрости, а от избытка посредственности. Это те «нормальные» люди, которых Ферри сравнивает с готовым платьем из больших магазинов; здесь действует только закон подражания. Как людям с резко выраженной внушаемостью, им близко, им свойственно все «человеческое», все «людские слабости» и прежде всего страх и отчаяние. Они очень легко дают реактивные состояния, вслед за соответствующими травмами: острый паранойд — после ареста и пребывания в тюрьме, острую депрессию — после потери имущества, острую ипохондрию — после страшного диагноза и т.д.

К конституционально-глупым надо отнести также и тех своеобразных субъектов, которые отличаются большим самомнением и которые с высокопарным торжественным видом изрекают общие места или не имеющие никакого смысла витиеватые фразы, представляющие набор пышных слов без содержания (хороший образец — правда, в шаржированном, карикатурном виде — изречения Козьмы Пруtkова). Может быть, здесь же надо упомянуть и о некоторых резонерах, стремление которых иметь о всем свое суждение ведет к грубейшим ошибкам, к высказыванию в качестве истин нелепых сентенций, имеющих в основе игнорирование элементарных логических требований. Не лишнее подчеркнуть, что по отношению ко многим видам конституциональной глупости подтверждается изречение знаменитого немецкого психиатра, что они могут, умеют больше, чем знают, в результате чего в грубо элементарной жизни они часто оказываются даже более приспособленными, чем так называемые умные люди.⁷⁵

Наконец, нельзя не упомянуть здесь также и об отношении, существующем между психопатией и гениальностью (или высокой одаренностью). Здесь надо исходить из того факта, что в нерезко выраженной форме те или другие психопатические особенности присущи почти всем и «нормальным» людям. Как правило, чем резче выражена индивидуальность, тем ярче становятся и свойственные ей психопатические черты. Немудрено, что среди людей высокоодаренных, с богато развитой эмоциональной жизнью и легко возбудимой фантазией количество несомненных психопатов оказывается довольно значительным. Чтобы правильно оценить это обстоятельство, надо еще помнить, что в создании гениального произведения принимают участие два фактора: среда (эпоха) и творческая личность. Что многие психопаты именно благодаря своим психопатическим особенностям должны быть гораздо более чуткими к запросам эпохи, чем так называемые нормальные люди после сказанного понятно само собой. Историю интересует только творение и главным образом те его элементы, которые имеют не личный, индивидуальный, а общий, непреходящий характер. Творческая личность, отступая

разном ассоциативном окружении без того, однако, чтобы это последнее обстоятельство было уловлено самим пациентом.

⁷⁵ Блейлер, выделивший эту болезненную форму одним из первых, высказывает утверждение, что этого типа больные — в противоположность обычным олигофренам — именно больше знают, чем умеют. Мы позволяем себе считать это утверждение несоответствующим действительности и оправдываемся лишь в небольшом ряде случаев.

перед историей на задний план, по своей биологической ценности вовсе не должна обязательно иметь то же положительное значение, какое объективно принадлежит в соответствующей области ее творению. Спор о том, представляет ли гениальная личность явление дегенерации или прогенерации, по существу бесплоден и является в значительной мере результатом незакономерного смещения биологической и социологической точек зрения.

Некоторые общие данные, касающиеся статик психопатий

Заканчивая эту часть нашей работы, мы считаем необходимым подчеркнуть, что предыдущее изложение имеет в виду только статику психопатий. Динамике последних будут посвящены следующие главы. Здесь, еще в пределах статик, мы для лучшего понимания предыдущего описания и для освещения всей проблемы в целом позволяем себе сделать несколько дополнительных замечаний.

Выше уже было упомянуто, что психопатии представляют стационарные, точнее, непрогредиентные состояния, в противоположность болезненным процессам, т.е. формам прогрессивным, приводящим к известному изменению психики (к нажитому слабоумию). Это общее положение, как само собой разумеется, не означает, однако, что психопатическая личность со всеми своими особенностями дана уже в момент рождения и не изменяется в течение жизни. Помимо того, что всякая человеческая личность за время своего индивидуального существования проходит целый ряд этапов развития, нельзя не забывать также того, что она сколько-нибудь отчетливо формируется только в юношеском возрасте к 18-20 годам, и только с этой поры обыкновенно начинает более или менее ясно вырисовываться ее тип, в частности и ее психопатические черты. Правда, мы нередко встречаем несомненных психопатов уже среди детей и подростков, однако характер их психопатии до наступления половой зрелости безошибочно диагностируется только в небольшом числе случаев. Причиной этого является то обстоятельство, что, с одной стороны, сдвиги биологические, происходящие в организме в юношеском возрасте, а с другой — сумма внешних влияний, действующих на человека в этот наиболее восприимчивый, наиболее пластичный (если можно так выразиться) период его жизни — эти именно факторы пробуждают и определяют характер влечений и сил, в дальнейшем делающихся основными направляющими моментами психической деятельности человека. Именно поэтому обычно бывает так, что определенные психопатические черты впервые вырисовываются с полной ясностью только в юношеском возрасте.

Сформировавшись к 18-20 годам, личность затем уже приобретает довольно значительную устойчивость. Она продолжает эволюционировать, накапливая все больший и больший опыт, но ее структура, взаимоотношение различных сил, в ней действующих, и различных сторон в ней открывающихся, раз установившись, в дальнейшем остаются более или менее неизменными, определяя то, что принято называть темпераментом или характером. Надо только не забывать, что в разные периоды жизни под влиянием возраста, перенесенных заболеваний, условий жизни или эпизодических, отдельных переживаний различные компоненты характера в различной степени отражаются в поведении и вообще во внешних проявлениях личности, соответственно чему на первый план могут выступать то одни, то другие ее черты. Этим, может быть, следует объяснить и то обстоятельство, что у одного и того же человека при разных условиях психопатические особенности могут быть то резко выражены, то оставаться почти незаметными.

Сказанное станет еще более понятным, если мы вспомним, что в действительности чистые однотипные психопатии встречаются чрезвычайно редко. Почти всегда мы в этой области имеем дело со смешанными переходными формами, блестящими чрезвычайным полиморфизмом проявлений и богатством форм.

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

Типологическая модель А.Лоуэна. США

Анализ характера

Психоаналитическая концепция характера связана с именем Фрейда, а точнее с выходом его книги «Характер и анальная эротика».⁷⁶ Именно здесь прозвучало его утверждение, что постоянно встречающееся сочетание трех особенностей характера — аккуратность, упрямство и бережливости — связано с анальной эротикой и постулировал идею структуры характера. «...Можно вывести формулу формирования основного характера из определенных черт; постоянные черты представляют собой либо неизменные первоначальные импульсы, либо сублимацию их, либо вызванное ими реактивное образование». Эта формула означала, что характер не может формироваться просто из какого-то сочетания черт. Черты характера — это скорее аспекты единой структуры. Иногда говорят, что характер отражает объективную реальность. Легко обратить внимание на чужой характер, но крайне трудно осознать свой собственный. Мы склонны смотреть на других критически, а на себя — благосклонно. Важно то, что характер проявляет себя типичным паттерном поведения, или привычной направленностью. Это устойчивый, застывший, или структурированный способ реагирования. Он обладает «характерным» качеством, след которого заметен во всем, что бы человек ни делал. В этом смысле любая структура характера патологична.

Про человека, либидозная энергия которого не структурирована в типичный способ реагирования, или привычную направленность, не скажешь, что он имеет структуру характера. Таким людям, встречающимся крайне редко, трудно дать определение, описание или прозвище; они обладают живой экспрессией и спонтанностью, которую охватить невозможно.

Мне бы хотелось четко разграничить понятия личности и характера. И то и другое изучено эмпирически; первое понятие, однако, является более субъективным. Определяя личность, мы говорим, что она приятна, притягательная, сильна, подавлена и т.д. Это — описание наших эмоциональных реакций на другого человека. С другой стороны, характер можно определить путем исследования и изучения поведения. Личность — это экспрессия жизненной силы человека и, пожалуй, распространение этой силы на окружающих. Характер и личность связаны между собой, но эти понятия не заменяют друг друга.

Характер сложным образом связан с Я. Если Я является субъективным восприятием собственной персоны, то характер и личность определяются объективно. Описание пациентом своего Я совершенно ненадежно. Он говорит о нем в терминах Я-идеала, выражая желательное качество, а не действительную функцию. Аналитику необходимо распознать его истинное Я, определив структуру характера и оценив личность. И здесь неопределимое значение приобретает высказывание Отто Фенихела: «Способ согласования различных задач друг с другом является характеристикой личности. Таким образом, привычные способы приспособления Я к внешнему миру, Оно и Сверх-Я, а также типичные сочетания этих способов между собой образуют характер».

К сожалению невротики идентифицируются со своим характером, частью которого является Я-идеал. Это происходит потому, что структура характера отображает только ту модальность, в которой способна функционировать инстинктивная жизнь. Целеустремленный человек может внутренне понимать свою устремленность как величайшее преимущество. В некоторых случаях это действительно так, но во множестве других эта устремленность становится врагом, препятствующим более полной и успешной жизни. Человеку часто не удается избавиться от подобного врага и он жертвует нормальным образом жизни. Ситуация при этом может стать весьма проблематичной. Характер — результат противостояния двух сил: Я-движения и Я-защиты, которые используют энергию Я. Если удастся отделить Я от структуры характера, с которой оно слито, то открывается путь к изменению последней. Но

⁷⁶ А.Лоуэн. Физическая динамика структуры характера. М., 1996. Дайджест.

чтобы пациент идентифицировался со своим Я, а не с характером, необходимо преодолеть и устранить Я-защиты. Это задача любого аналитического подхода. В словах Райха, что «невроз всегда вызван конфликтом между вытесненными инстинктивными требованиями — включая детские сексуальные притязания — и силами подавляющими Я», сформулирована основная задача любой аналитической терапии. ...Реальный успех терапии невозможен, если пациент не понимает, что характер является базисным нарушением. Анализ характера позволяет пациенту почувствовать, что его характер — это невротическая структура, которая вмещается в жизненные функции Я и их ограничивает. Эта задача представляется очень важной. И... даже если клиент чувствует, что невротические симптомы чужды Я, он все равно принимает характер за Я. Проблема требует упорного и последовательного анализа паттерна поведения, демонстрирующего, каким образом каждое действие вписывается в общую картину. Принцип анализа характера не допускает никакой интерпретации на инфантильном уровне, до тех пор, пока характер диссоциирован с Я. В противном случае она будет использоваться как оправдание структуры характера, все более затрудняя ее изменение.

Всем знаком пациент, который улыбается аналитику. Иногда эту улыбку вызывает интерпретация, а иной раз такая улыбка может быть постоянной формой экспрессии, предназначенной для терапевта. Чаще всего человек не осознает своей улыбки, пока она остается привычной формой реагирования. Особенно она бросается в глаза когда пациент чувствует себя в неловком положении или смущается. Такая улыбка редко бывает просто выражением дружелюбия, и я никогда не интерпретировал ее таким образом. Она маскирует негативное отношение. Но какое? У всех пациентов оно разное и проявляется в некотором искажении общей экспрессии лица. У одного человека улыбка покровительственная, у другого — насмешливая, у третьего она может быть глупой ухмылкой дурака, отказывающегося таким образом от ответственности за свои действия. Точно интерпретировать экспрессию можно лишь интуитивно, в этом и состоит искусство анализа. Правильный вывод зависит от знания всего невротического механизма индивида, то есть от знания структуры характера.

Чтобы овладеть техникой анализа характера, необходимо понять теоретическую основу структуры характера, знать ее природу и основные типы характера.

И Райх и Ференци различали невротический симптом и характер. Райх подчеркивал, что невротический симптом переживается, как «инородное тело и человек переживает его как заболевание». Он «никогда не рационализируется полностью как характер». Невротический симптом переживается как нечто чуждое Я. Характер же действительно не рационализируется, это всего лишь способ невротического переживания человеком своего Я. Он рационализируется только после того, как подвергается воздействию. Когда в процессе терапии структура характера начинает надламываться и выявляется более спонтанный способ существования, он кажется пациенту чуждым, даже если он чувствует что этот новый путь ведет к здоровью и благополучию. Конечно, пациенту хочется стать другим. Поэтому он и проходит курс терапии. Это также имеет значение и для его Я-идеала. Но это все равно, что пристально смотреть на противоположный берег реки и не знать, что происходит на этом. Это все равно, что просить поплыть человека, который боится воды. Пациент чувствует, что ему предлагают покинуть привычную территорию ради неизвестных земель. Он начинает видеть то, что его пугает, чувствовать себя слабым и незащищенным, и оказывает поэтому сильное сопротивление. Мотивация должна быть столь же сильной. Чтобы достичь этого, терапевт должен привести пациента к тому, чтобы он начал сознавать свой характер как проблему и одновременно почувствовал возможность более успешного функционирования. Если он сможет получить опыт нового существования, задача значительно упростится.

Человек идентифицируется с характером, и, пока это позволяет ему функционировать без заметных конфликтов в социальных ситуациях, затруднений не возникает. Когда они появляются, он в первую очередь задается вопросом о том, что требуется от его окружения. И только повторные неудачи и глубокая неудовлетворенность заставляют его усомниться в своем образе жизни и действий. Но человек не может сам изменить ничего, он способен только поставить перед собой этот вопрос. Пускаться в новый путь без руководства — все равно, что шагнуть в пропасть. Структура характера — это результат компромисса; это выражение динамического равновесия противоположных сил, которое обладает лишь относительной

стабильностью. Перемены в жизни обычно доказывают его недостаточность. Если подавленные силы вырываются наружу в виде истерики, неистовой ярости или компульсивного реагирования, человек переживает это как угрозу для Я. Если подавлены мощные силы, которые могут проявиться, когда человек попадает в более свободную среду, он начинает чувствовать себя там чужим. Это опять подтверждает идентификацию с характером. Даже временное разрушение структуры характера сбивает человека с толку. Он начинает спрашивать: «Кто я?», «Какой я настоящий?»

Оральный характер

Если поведенческий паттерн индивида характеризует чувство депривации, сильный страх потерять любовь объекта, внутренняя пустота и отчаяние, мы говорим, что у него оральный тип характера. Такие люди зависимы во взаимоотношениях. Их отличают колебания настроения, они то восторженны, то подавлены.

Оральный характер принимает благоприятную реальность и отвергает неблагоприятную, но не отрицает действительность, как это делает шизофреник.

Ко мне обратился пациент за помощью в связи с постоянными приступами депрессии. Кроме того он жаловался, что ему трудно удержаться на работе.

Во время первой нашей встречи я спросил его, как он относится к работе, и он очень не хотел принять саму мысль о том, что работать необходимо. Такая установка характерна для орального характера. Провоцируя, я спросил, не чувствует ли он, что мир обязан обеспечить ему жизнь, и он без колебаний ответил «да». Он не мог аргументировать такую позицию, но она передавала внутреннее чувство лишения. Человек с такой установкой ведет себя так, словно уверен, что его обманули в праве по рождению, и он будет тратить жизнь, стараясь добиться того, что ему принадлежит по наследству.

Людям с таким характером обычно не удается сохранить работу на долгое время. Одна пациентка призналась, что, как только у нее появляется уверенность в работе, она тут же делает что-нибудь, чтобы ее уволили или уходит сама.

Нередко дело доходит до того, что человек восстает против необходимости работать или, что чаще всего, против требований трудовой дисциплины. Альтернативой работе — была депрессия.

Любовные отношения у человека с оральным характером сопряжены с теми же проблемами, что и функция работы. Его интерес нарциссический, требования велики, а реакции ограничены. Он ждет понимания, симпатии и любви и очень чувствителен к любой холодности партнера или окружающих его людей. Там где другой человек не может удовлетворить нарциссические требования, у человека с оральным характером появляются чувства неприятия, обиды и враждебности. Поскольку его партнер имеет собственные потребности, которые человека с оральным характером удовлетворить не способны, ситуация все время остается конфликтной. Такие люди очень «зависимы», но это часто маскируется враждебностью.

Постепенное принятие реальности — одна из целей терапии лиц с оральным характером, поскольку оно обращает их к внешнему миру. Остается еще одна важная проблема. Страх быть отвергнутым, который для человека с оральным характером означает страх потерять любовь объекта, таится в бессознательном, как огромная опасность и угроза. Аналитический подход связывает депрессию с этим страхом.

Человек может отдавать себе отчет, что жить обладая оральным характером трудно. Его супружеская жизнь неудачна. Мой пациент однажды обнаружил, что его жена любит другого человека. Это не было для него неожиданностью, но он пришел в ярость, сила которой не соответствовала его чувствам к жене. Ненависть делала его сильным, но он не знал, что делать с этой силой. Анализ теперь мог раскрыть все инфантильные тенденции его личности. Его как ребенка, интересовали только собственные потребности и чувства.

Работая с оральным характером, крайне важно довести до сведения пациента, что то что он считает любовью, другие воспринимают, как обращенное к ним требование *любить его*. Утверждение «я тебя люблю» для такого человека означает «я хочу, чтобы ты меня любила». Такая позиция в любовных отношениях не основана на взрослом паттерне поведения, в котором

другой человек рассматривается как тот, *кто обеспечивает удовлетворение* психических притязаний.

Человеку с оральным характером присуще желание поговорить и удовольствие от говорения. Это типично. Он любит рассказывать о себе, как правило выставляя себя в выгодном свете. Такой человек легко оказывается в центре внимания и не беспокоится по поводу своего эксгибиционизма. Оральному характеру важны внимание, интерес и любовь.

Эта потребность в вербальном выражении сопровождается высоким уровнем вербального интеллекта. Интеллектуальные способности такого человека никак не отражаются на его достижениях, но тем не менее он обладает преувеличенным представлением Я о себе самом. Правда, такая напыщенность Я имеет место в периоды хорошего самочувствия и возбуждения, но в моменты отчаяния и безнадежности в общей картине преобладают чувства беспомощности и неадекватности.

Нельзя не обратить внимания на депрессивные тенденции. Их наличие представляет собой патогномику оральных тенденций. Личность с подобной доминантой имеет оральную структуру характера. Депрессия наступает после снижения активности и утраты видимого благополучия. Состояние восторженности и депрессии цикличны, но это не всегда легко заметить. Его депрессия — состояние очень стойкое. На глубинном уровне у него обнаруживаются проблемы с восприятием собственных желаний. Такой человек обычно говорит: «Я не знаю чего хочу». Материальные желания редко бывают значительными для таких людей.

Агрессия и агрессивные чувства у человека с оральной структурой характера выражены слабо. Такие люди не предпринимают больших усилий для того, чтобы достичь желаемого. Отчасти это связано с отсутствием сильного желания, отчасти — со страхом неудачи. Такой страх проявляется с легкостью, причем оправдывает переживание постоянного разочарования. *Человек надеется получить желаемое*, не прилагая усилий; таким образом он может избежать разочарования, которого так боится. Гнев пробудить нелегко. Вместо него можно увидеть сильное раздражение. Может быть много крика и ярости, но при этом нет сильного чувства. Нельзя заблуждаться принимая за гнев враждебные фантазии или мечты. В поступках или жестах очень трудно выявить полноценное выражение враждебности.

Оральный характер — это «прилипчивый» тип. В экстремальном случае он способен высасывать чужую силу и энергию. *Неумение стоять на собственных ногах* является верной характеристикой такой структуры Я.

Еще одна характерная черта оральной структуры — *чувство внутренней пустоты*, которая присутствует независимо от внешнего поведения человека.

Кроме того, такие люди испытывают одиночество даже в любовных отношениях.

Абрахам считал, что об оральности можно говорить, если присутствуют: чрезмерная патологическая зависть, невротическая скупость, меланхолическая серьезность или выраженный пессимизм, прилипчивость и назойливость, чрезмерная говорливость, острая потребность во внимании, враждебность, нетерпеливость, беспокойство и, наконец, болезненно острая охота к еде и различные оральные привычки (курение и т.д.).

Не все из этих черт являются типичными для орального характера, но они примешиваются к подавленности и фрустрации, возникшей в результате ранней тяжелой депривации. Враждебность свойственна всем невротическим характерам, но при оральной структуре она бессильна, впрочем, как и все действия таких людей.

Все психологические и биологические проявления орального характера имеют нечто общее. С точки зрения биоэнергетики оральный характер представляет собой недозаряженный организм; он похож на пустой мешок. Энергии хватает, чтобы поддерживать жизненные функции, но ее недостаточно для полного заряда мышечной системы.

Почему оральный характер не может зарядить себя энергией? Ведь она есть в среде в виде пищи, кислорода, удовольствия от любви и работы. Ответ очевиден. Структура характера порождается иммобилизацией агрессивного влечения. Если организм боится или не может дотянуться и взять, то все, что существует вовне, становится бесполезным. Но у орального характера есть потребности, которые должны удовлетворяться. Он относится к ним инфантильно, то есть требует, чтобы внешний взрослый мир понял его нужды и удовлетворил

их без всяких усилий с его стороны.

Мазохистский характер

Проблема мазохизма была и по-прежнему остается одной из самых трудных терапевтических проблем, стоящих перед психоаналитиком. Если аналитик проявляет чуткость и компетентность, оральный характер хорошо поддается аналитической интерпретации. С мазохистским характером дело обстоит иначе. Отрицая существование первичного мазохизма, то есть влечения к смерти, по Фрейду, мы все же соглашаемся, что клинический мазохизм — это садизм, обращенный на себя.

Мазохист часто испытывает сильную тревогу. Однако оральный характер может быть еще более тревожным. Но тревожность мазохистского типа характера отличается от тревожности орального типа. Первый переживает ее под давлением социальных отношений, а второй — из-за ситуации, с которой он еще не встретился. Его инертность не эквивалентна оральной депрессии. Один из пациентов метко назвал ее «мазохистским болотом или трясиной». Люди с другим типом характера никогда сознательно не переживают негативные чувства так, как это делают мазохисты.

Райх отмечал следующие черты мазохистского характера: «Субъективное, хроническое ощущение страдания, которое объективно проявляется как тенденция жаловаться, хроническая склонность к тому, чтобы навредить себе, и к самобичеванию (моральный мазохизм), а также навязчивое стремление мучать других, которое заставляет пациента страдать не меньше, чем его объект. Все люди с мазохистским характером проявляют специфическую неловкость, статичную манеру вести себя в контактах с окружающими, причем часто столь заметную, что она похожа на умственную недостаточность.

Только тогда, когда имеют место все эти черты, которые определяют ключевые моменты личности и ее типичные реакции, они составляют в сумме мазохистскую структуру характера.

Мазохист не отрицает реальность, как шизофреник, но и не отвергает своих требований, как человек орального типа. Он принимает реальность, одновременно сражаясь с ней, он признает рациональность своих требований, в то же время сопротивляясь им. Он больше, чем кто-либо другой, пребывает в состоянии тяжелого конфликта.

Райх подчеркивал, что «мучения мазохиста и мазохистские жалобы, провокация и страдания, объясняются реальной или вымышленной фрустрацией требования любить его, которое чрезмерно и не может доставить удовольствия. Это специфически мазохистский механизм, его не встретишь в других формах невроза». Но почему требование любви чрезмерно? Райх говорит: «Мазохист пытается облегчить внутреннее напряжение и снять тревожность неадекватным способом, а именно требованием любви, которое принимает форму провокации и злобы». Разумеется это заканчивается неудачей. Человек с мазохистским характером едва ли не осознает, что такая неудача неминуема. Это случилось много раз и, пожалуй, является неоспоримым фактом. Можно добавить, что на каком-то определенном уровне он хочет этой неудачи. Есть ли это потребность в наказании, о которой мы так много читали? Существуют две интерпретации. Первая — неудача оправдывает собственную неадекватность такого человека. Он возлагает вину на других. Вторая — успех пугает мазохиста, он освещает его, словно прожектор, и вызывает сильнейшую тревогу, связанную с эксгибиционизмом.

Центральная проблема мазохизма — потребность получать удовольствие и удовлетворение от страха или переживания того, что другие воспринимают как неудовольствие. В обычном случае это потребность страдать выражается чаще всего в фантазиях, которые сопровождают сексуальное возбуждение, или в провоцирующем поведении, которое приводит его к самобичеванию и униженности. В первом случае фантазии о том, что его истязают, — необходимое условие для того, чтобы достигнуть разрядки в половом акте. Провоцирующее поведение выполняет подобную функцию. Униженность ведет к садизму, который раскрывает более глубокие чувства. После борьбы с партнером, мазохист сексуально лучше функционирует.

У мазохиста очень суровое сверх-Я. Потребность страдать интерпретируется как попытка

смягчить его, облегчить чувство вины и угрызания совести. Под мазохистским поведением скрыта злоба и ненависть. Эта скрытая ненависть полностью оправдывает суровость сверх-Я, или совести. Остается вопрос о том, как импульс, т.е. ненависть, изначально направленный наружу, может оборачиваться внутрь на себя самого?

Среди качеств характеризующих мазохиста, первое место занимает субъективное ощущение страдания и несчастливой судьбы, которое объективно проявляется, как тенденция жаловаться. Он страдает на самом деле, и его жалобы имеют под собой основание. Однако мазохиста трудно убедить в том, что одно с другим не связано, что удовлетворение его жалоб не избавит его от страдания. Мазохисту всегда кажется, что он прилагает максимум усилий, которые не ценятся и не приносят успеха. Если так, то в этом виноват кто угодно.

Для мазохиста характерно то, что чем больше он прикладывает усилий, тем более безнадежной становится ситуация. Он находится в западне, и чем больше старается выбраться из нее, тем больше в ней вязнет. Пока агрессия направлена внутрь, нужно помнить, что его активность самодеструктивна по своей природе. Именно это «старание» создает западню для мазохиста. Его усилия не направлены на рациональные требования ситуации. Он старается завоевать одобрение, расположение, получить любовь за то, что искренне старается.

Успеха при лечении мазохистской структуры характера можно достичь, если «упросить» пациента выразить свои негативные чувства. Этим людям легче всего удастся выражение таких чувств как «я не хочу», «я тебя ненавижу» и т.д. Сдерживание агрессии вызывает негативные чувства. До тех пор пока имеется эта базисная негативная установка добиться облегчения страдания невозможно. Окруженный этим слоем негативности, мазохист не доверяет миру, реальности и терапевту. Ни любовь, ни одобрение не могут преодолеть барьер, и никакие позитивные чувства не в силах пробиться сквозь него. Это также причина того, что мазохист страдает. Он хочет вырваться, но не осмеливается, он хочет чтобы вы его освободили, но не верит вам. Ф. М. Достоевский верно отметил эту черту мазохиста в «Братьях Карамазовых». Отец Зосима говорит: «Что есть ад? Страдание о том, что нельзя более любить». Все так пронизано недоверием, что мазохист не доверяет даже самому себе, своим действиям и успехам. В общении с другими людьми мазохист может иметь довольно глупый вид. Это вызвано смущением, которое обычно испытывают такие пациенты. Они страдают потому, что способность выразить мысль и чувство блокированы. Несмотря на внешнюю неуклюжесть, мазохист очень умен и чувствителен. Он проницателен, точно воспринимает и понимает поведение других людей. Он игнорирует те силы, которые определяют его собственное поведение. Он использует свои умственные способности для того, чтобы поставить их на службу собственному недоверию, и они, таким образом, играют зловещую роль в его личной жизни.

Истерический характер

Оральный и мазохистский характер можно рассматривать, как структуры со слабым Я. В них движение энергетического маятника, которое создает основу Я-восприятия, ограничено и он не закреплен в мозговом и генитальном функционировании. Эти типы характера можно назвать импульсивными, в противоположность типам характера, в которых преобладает блокировка аффекта. Кроме того, поскольку количество продуцируемой энергии в целом превышает способность к разрядке в работе или в сексе, оба этих типа часто испытывают приступы тревоги. Но есть другой тип характера, который отличается малой тревожностью, более или менее выраженным аффективным блоком и Я-структурой, закрепленной в установившейся генитальной функции.

Хотя концепция истерического характера была разработана в психоанализе позже, с истерией и ее симптомами работал еще Фрейд, и именно они привели его к созданию психоаналитического метода.

Проанализируем психологию и биологию этой структуры.

Фенихел описывает проблему следующим образом: «Рассматривая механизмы истерии следует иметь в виду, что ее особенности отражают конфликты между интенсивным страхом сексуальности и не менее интенсивным, но подавленным сексуальным влечением». К этому

надо добавить ряд особенностей, которые встречаются не только в случаях истерии, но и у других типов. «Истерический характер — это личность, склонная сексуализировать все несексуальные отношения, ей свойственна суггестивность, иррациональные эмоциональные вспышки, хаотичное, драматизированное и театрализованное поведение и даже обман, вплоть до экстремальной формы — истерических фантазий».

В анализ характера на психоаналитическом уровне, в понимание природы этого феномена, большой вклад внес Райх. Вот что он говорит об истерическом характере: «Самая выраженная его особенность — это явно сексуальное поведение в сочетании со специфически телесной подвижностью, которая носит отчетливый оттенок сексуальности. Связь женской истерии с сексуальностью известна давно. Женщин с такой структурой характера легко заметить по скрытому или неприкрытому кокетству походки, взгляда и речи». Основу этого характера «составляет фиксация на генитальной фазе инфантильного развития с ее инцестуозной привязанностью. Райх классически интерпретировал это чрезмерное развитое сексуальное поведение: „Истерическому характеру свойственно сильное и неудовлетворенное сексуальное стремление, которое сдерживается генитальной тревожностью; он чувствует постоянное присутствие опасности, которая соответствует его инфантильным страхам. Изначальное инфантильное сексуальное стремление позже утилизируется, чтобы почувствовать, как и прежде, природу и величину грозящих опасностей“.

Но есть одна тонкость. Поведение истерического характера, описано на основе исследований, проведенных много десятилетий тому назад. Кроме того, европейская культура во многих отношениях отличается от американской. Кокетство, флирт, обольщение для американцев нетипично. Истерия в том виде, в каком ее знал Фрейд, когда исследовал ее механизм, сегодня встречается редко. Значительные перемены в сексуальной морали изменили внешние проявления этого типа. То есть ту структуру характера, которая была хорошо изучена в культуре, породившей психоанализ, в нынешней практике можно встретить нечасто. Речь идет о компульсивном типе. Но если внешние особенности истерической структуры характера стали менее явными, то структура либидо, в сущности, осталась прежней. По этому поводу Отто Фенихел заметил: «Классическая истерия связана с защитным механизмом вытеснения, которое предполагало просто на просто запрет на всякое обсуждение влечения к объекту... Изменения в неврозах отражают изменившуюся мораль». Чем отличается истерический тип характера от орального или мазохистского характера? У последних конфликт между сексуальным влечением и сексуальным страхом гораздо сильнее, мазохист, например, может временами впадать в состояние паники. При истерическом характере сексуальные влечения подавлены, то есть в значительной степени бессознательны. Желания мазохиста вполне осознанны, но сдержаны и подавлены; то есть он не осознает, что сам сдерживает сексуальные чувства. Мазохистское сжимание, скручивание и проталкивание, направленные на то, чтобы добиться разрядки, не воспринимаются им как способ преодолеть сопротивление. Он удивится, если ему указать на зажатость; человек с истерическим характером удивится, если ему указать на сексуальный смысл его действий.

Мазохист приходит к терапевту потому, что хочет стать свободным; он идентифицируется со своими побуждениями. Женщина с истерическим характером обращается за помощью, потому что что-то вышло из-под контроля. Она хочет восстановить этот контроль.

Истерический характер — это генитальная структура, а оральный и мазохистский характеры — догенитальные. Поскольку генитальная функция установлена достаточно прочно, организм обладает взрослой организацией энергии. Энергетический маятник, движение которого представляет собой принцип реальности и создает основу Я-восприятия, «заякорен» в обоих концах тела: мозге и гениталиях. И пока сохраняются эти «два якоря», организм способен регулировать баланс между количеством выработанной и количеством разряженной энергии. И пока истерический характер поддерживает этот баланс, он способен избежать тревожности, сохранять контроль и контактировать с реальностью.

Два фактора нарушают баланс между продуцированием энергии и ее разрядкой. Если поток энергии увеличивается, а разрядка остается прежней, возникает тревожность. Так часто случается с молодыми девушками в начале подросткового возраста. То же самое происходит и в процессе аналитической терапии, когда высвобождение подавленных эффектов увеличивает

продуцирование энергии прежде, чем достигнуто изменение в способности к разрядке. Так бывает, когда уровень эмоциональной заряженности достигает очень высокой точки, например, в начале любовных отношений, когда немедленная разрядка невозможна. Это нормальная любовная тревожность; она может стать патологической, если вызывает у пациента конфликт с репрессивными силами. Проблема истерии относится к такому процессу. С другой стороны, любое заметное снижение разрядки энергии без соответствующего изменения ее количества вызывает тревожность.

Еще Фрейд, обсуждая неврозы страха, подчеркивал, что недостаточное удовлетворение при половом акте, включая прерванный коитус, всегда порождает тревожность. Точно так же любая помеха в нормальной половой жизни, когда нет возможности для разрядки меняющихся количеств энергии, может стать причиной тяжелой соматической тревожности.

Проблема истерии и истерических приступов связана с первым состоянием. Внезапное резкое возрастание количества продуцируемой энергии, вызванное высвобождением вытесненного аффекта, проявляется в усилении тревожности. Эта тревожность превращается в соматический симптом и конфликт переходит на психический уровень. Истерический приступ — это психический дубликат попытки подавить состояние сильной тревожности. Именно это имел в виду Фрейд, утверждая, что «все становится ясным, если предположить, что невроз страха в действительности есть соматический дубликат истерии». Это специфическое условие относится, однако, только к данному типу характера. Тревожность — это обычное переживание при мазохизме, но оно скорее приводит к возбуждению и разрядке или же заканчивается стагнацией мазохистского болота. У орального характера тревожность влечет за собой уход. Ни в одной из этих структур ситуация не становится взрывоопасной. Плавность энергетических процессов, отсутствие «якорей» и ригидности предохраняют от развития взрывоопасной ситуации.

Приступ истерии — это взрывоопасный феномен. Внезапно возникающий избыток энергии может захлестнуть Я в, так называемой, истерической вспышке, или же эта энергия может перетечь в ту или иную часть тела и изолироваться, продуцируя истерическую телесную симптоматику. Иммунизация может проявиться в поразительной картине истерического паралича. Если энергию невозможно эффективно связать, возникают произвольные движения (клонусы, тики и т.д.). Взрывоопасность ситуации зависит от накопления силы внутри закрытой, ригидной системы, или резервуара. Именно ригидность и составляет неотъемлемую природу истерической структуры характера. Это не просто специфическое напряжение или спастичность, присущие оральной или мазохистской структуре; ригидность истерического характера охватывает все телесные процессы, сковывая организм словно панцирем. Таким образом, истерический характер — это не только ригидный тип, но и панцирный тип структуры.

Понятие панциря ввел Райх, описывая состояние, при котором тревожность «сковывает человека, действуя как защитный механизм, который преследует определенную практическую цель, с одной стороны, защищая от стимулов внешнего мира, а с другой — от внутренних либидозных стремлений». Это наводит на мысль о рыцарских доспехах, выполнявших функцию защиты от определенных внешних сил. Хотя мы и используем термин «панцирь характера» как синоним сопротивления характера, не следует путать панцирь с характером как таковым. Каждый невротик пытается защищаться с помощью панциря от опасностей и угроз внешнего и внутреннего мира. В действительности оральный и мазохистский характеры добиваются успеха лишь отчасти. И тот, и другой подвержены приступам тревожности и развивают иные механизмы, чтобы с ней справиться. Оральный характер уходит от реальности в фантазии или в депрессию; мазохист ретируется и отсиживается в уединении.

Это — беспанцирные типы, и поэтому они очень чувствительны к своему окружению. Способностью образовывать панцирь обладают только структуры характера, основанные на генитальной функции.

Уже Райх доказал, что у панциря характера есть соматический дубликат — мышечный панцирь, выполняющий на биоэнергетическом уровне ту же функцию, которую панцирь характера выполняет на психологическом. Несмотря на то, что соотношение между количеством выработанной и количеством разряженной энергии у разных людей разное, в

каждом случае истерического характера оно является относительно постоянным. Тех, кто относится к этому типу, можно назвать «отрегулированными». Опасность этой структуры состоит в сильных бессознательных побуждениях разбить панцирь, освободиться от ограничений, ощутить полноту жизни. Многие женщины такого склада будут бессознательно искать ситуации, которые приведут их к возбуждению и повысят внутреннюю заряженность организма. Таково биоэнергетическое объяснение флирта. В подобных обстоятельствах сильная тревожность может вызвать типичную истерическую реакцию.

Если в результате соответствующего раннего опыта структура содержит выраженные черты оральности или мазохизма, развивающаяся в конечном счете ригидность может оказаться достаточно сильной, чтобы компенсировать лежащую за ней слабость.

Ригидность, с которой сталкиваются в аналитической работе, весьма разнообразна. В отличие от спастичности оральной и мазохистской структур, процесс образования панциря начинается с поверхностной мускулатуры. Однако при определенных условиях, в случае значительной фрустрации и неблагоприятной жизненной ситуации, организм становится более ригидным, менее гибким, и процесс может двинуться в глубь. Поскольку утрата пластичности приводит к хрупкости, распространение процесса «заморозки» в глубь, может коснуться своими ледяными пальцами сердцевины организма. Если происходит постоянное ослабление импульсов, организм и в самом деле умирает.

Такова природа истерической структуры характера.

Психоаналитики связывают истерический характер с генитальным конфликтом, возникающим из-за неразрешенной эдиповой ситуации. У всех женщин с истерическим характером на сексуальность влияет бессознательная установка, проистекающая из эдиповой ситуации. Такая установка выражается в амбивалентном отношении к сексуальному объекту, и благодаря анализу можно увидеть, что за этим стоит отношение девочки к отцу.

Не обсуждая истоков эдиповой ситуации, мы принимаем ее существование как факт нашей культуры. Для девочки первым сексуальным объектом является ее отец. В эдиповой ситуации многое зависит от реальной роли отца в детстве и подростковом возрасте девочки. Его суровая авторитарность может вызвать у девушки сильный страх перед мужчинами. В таком случае не только сдерживается генитальное желание, но и в результате фрустрации блокируется и подавляется злость.

Основу истерического характера составляет амбивалентное отношение к мужчине. С одной стороны, желание заблокировано страхом, который уходит корнями в изначально отвергнутую отцом детскую сексуальность; с другой — злость сдерживается подавленным желанием, или говоря проще: желание заблокировано злостью, а злость заблокирована подавленным желанием. Ригидность возникает из-за подавления этих противоположных побуждений. Одно из них воздействует на переднюю, а другое на заднюю части тела, создает ригидный панцирь истерического характера.

Как же ведет себя истерический характер в этой ситуации. Подавленное желание препятствует непосредственному сближению с мужчиной. Явно сексуальные жесты, включая специфическую подвижность бедер и взгляд, служат, хотя и бессознательно, тому, чтобы спровоцировать мужчину на агрессивное сексуальное поведение. Структура характера обычного мужчины вполне годится для этой роли. Воспроизводится типичный паттерн преследования, который как правило, приводит женщину к подчиненному положению, причем он от начала и до конца отображает ее бессознательное намерение. Иногда внешнее сопротивление преодолевается силой. Но не всякое преследование оканчивается покорностью женщины. Бывает, что загнанная в угол, она превращается в сущую ведьму и выражает свою ярость с бешенством мегеры.

В чем психологический смысл такого поведения?

Покорность женщины не является актом любви. Если любовь проникает в сексуальные отношения, то смывается клеймо невроза, которым они отмечены. Поскольку покорность является бессознательным намерением, она служит тому, чтобы переложить ответственность за половой акт на мужчину. Под внешней покорностью скрывается агрессивная установка, которая ведет к сексуальной разрядке. Преследование со стороны мужчины помогает смягчить страдание от нарциссической обиды, связанной с отцовским отвержением сексуальности

дочери. Если эти приставания увенчались успехом, то в дальнейшем это служит мести за изначальную обиду со стороны мужского пола. Подобно тому, как мужчина невротик может считать свои действия завоеванием, истеричная женщина точно также расценивает свое поведение. Сексуальная покорность восстанавливает эдиповы отношения, но уже удовлетворительные для женщины.

Пока сохраняется равновесие между выработкой и разрядкой энергии, истерический характер функционирует без симптомов. Но если это равновесие поддерживается на уровне, отличном от того, где возможно полноценное существование, жизнь становится серой и бессмысленной. Низкий уровень продуцирования и разрядки энергии близок к состоянию смерти.

Человек не всегда осознает, что он функционирует на пониженном энергетическом уровне, но он постоянно испытывает скуку, неудовлетворенность, жизнь кажется ему однообразной. Судя по тому, с какой энергией люди ищут возбуждения в той или иной форме, можно сделать вывод, что их повседневная жизнь весьма уныла. Все это известно. Но это важно потому, что становится понятным, почему баланс, о котором говорилось выше, в лучшем случае является ненадежным. Истерический характер постоянно стремится нарушить его, чтобы получить больше энергии и испытать более глубокие чувства. Это как раз то желание и потребность, которые приводят к флирту, поиску любовных приключений, внебрачным отношениям.

Истерическому характеру не так уж трудно повысить уровень выработки энергии; все, что усиливает возбуждение, повышает и количество энергии. Наиболее распространенный способ — через новые любовные связи. Но возникает другая проблема: как разрядить дополнительную энергию. Генитальные напряжения не устраняются во вспышке возрастающего возбуждения. Правда, возросшее возбуждение, вызванное новизной опыта и ощущением победы в новой любовной связи, выражается и повышением сексуального заряда, жизненных сил и чувстве радости. Но поскольку способность к разрядке не соответствует увеличению заряженности, количество энергии должно вернуться к прежнему уровню. Возбуждение пропадает, количество вырабатываемой энергии уменьшается, ощущение новизны любовной связи исчезает, и приходится искать новую.

Для сохранения статус-кво задействованы мощные силы. Пациентке недостаточно осознать проблему. Во-первых, выработка энергии должна подняться на более высокий уровень, а во-вторых, женщине необходимо терпеть и разряжать ее возросшее количество. Поскольку оно превышает способность к разрядке, возникает тревожность. Таким образом, когда любовные чувства сердца приведены в движение в сексуальном импульсе, можно ожидать, что возникающая в результате тревожность может убить сексуальное желание, не допустить сексуальной разрядки или восстановить женщину против мужчины.

Подобные наблюдения учат нас, что в наше время истерическая женщина боится не столько генитальности, сколько глубоких, сердечных, любовных чувств. Это сексуальность, ограниченная гениталиями и не затрагивающая организм целиком. Обнаруживается расщепление между любовными, неживыми чувствами и генитальностью. Истерические женщины в наше время идентифицированы со своими генитальными стремлениями в отличие от истерических женщин, живших в начале века, которые нормальное генитальное стремление отвергали. В то время они были романтичными мечтательницами. В обоих случаях идентификация касается только одного аспекта сексуальности: либо покорной генитальности, либо романтической любви. Невроз заключается в антагонизме двух аспектов одного побуждения.

Если попытаться достичь сердцевины истерического характера, чтобы мобилизовать глубокие чувства любви, можно натолкнуться на самую решительную защиту. Анализ экспрессии свидетельствует о гордости и решительности. Многие женщины истерического склада обладают этими чертами и эта решительность и гордость являются ключевым моментом характера. Эти качества не свойственны людям с оральной и мазохистской структурой характера. Кто-то может сказать, что отсутствие гордости говорит о дефекте в характере. Разумеется, существует естественная гордость, но гордость истерического характера застывшая, негибкая и непреклонная. Это ригидная гордость количественно соотносится со

склонностью к истерической симптоматике.

Фаллически-нарциссический характер

С точки зрения психологии типы характера дифференцируются в зависимости от структуры Я, то есть от того, каково их отношение к реальности. Биоэнергетически их можно различить по генитальной функции. Оральная и мазохистская структуры относятся к догенитальным типам: их установка по отношению к реальности является инфантильной, или детской. Но эти структуры не скованы панцирем. Соответственно другую категорию составляют типы характера, основанные на генитальности. Они в той или иной степени сохраняют контакт с реальностью и снабжены панцирем. Поскольку их невротическая сущность проявляется в виде психологической и соматической ригидности, мы называем их ригидными. К этой категории относится женская истерическая структура характера. Соответствующая мужская структура — фаллически-нарциссический характер.

Однако необходимо внести ясность, почему мы различаем женскую и мужскую ригидные структуры.

При оральном и мазохистском характерах женщины и мужчины переживают одинаковые проблемы. Эти типы являются догенитальными, поэтому половые различия здесь не имеют большого значения. А вот генитальные проблемы мальчиков и девочек различаются. Хотя основное нарушение у обоих полов в разной степени обусловлено ригидным аффектом, паттерн поведения зависит от половой принадлежности.

Райх говорил, что термин «фаллически-нарциссический» обозначает тип характера, который можно разместить «между компульсивным неврозом и истерией». Истерия, однако — это не тип характера, а симптом. Хотя в целом он и связан с характером, но не всегда. Мужчины не страдают истерическими параличами. Образование симптома зависит от особых условий, а структура характера постоянна. Те различия между компульсивным, истерическим и фаллически-нарциссическим характерами, которые делал Райх, основаны на особенностях характера, а не на динамике энергетических процессов. «Если компульсивному характеру, как правило, присущи сдерживание импульсов, самоконтроль и депрессивность, истерическому — нервозность, живость, беспокойство и лабильность, то типичный фаллически-нарциссический характер самоуверен, нередко высокомерен, гибок, энергичен и выразителен. Однако, эти черты не всегда удается строго разграничить. Люди с сильно выраженными компульсивными чертами часто бывают высокомерными, а гибкость и живость смешиваются друг с другом. Эта путаница проявляется в замечании Райха, который рассуждал о фаллически-нарциссическом характере, писал: „Выражение лица носит сильный маскулинный оттенок, а может быть и женоподобным, даже девичьим, несмотря на атлетическое строение“.

Рассмотрим типичный фаллически-нарциссический характер, на примере пациента, которым мне пришлось иметь дело.

Молодой человек, чуть старше тридцати лет, обратился ко мне с жалобой на преждевременную эякуляцию. Он достигал высшей точки через минуту после начала полового акта, всегда значительно опережал партнершу, и это его беспокоило. Кроме того он читал книгу Райха «Функция оргазма» и чувствовал, что мог бы больше получать удовольствия от сексуальных контактов. Адвокат по профессии, он успешно работал и был уверен в будущем.

Я детально рассказываю об этом потому, что фаллически-нарциссический характер не так уж часто приходит к психоаналитику. Обычно такие люди достаточно успешны в своей профессиональной деятельности, хорошо адаптированы в социальном окружении и сексуально привлекательны для противоположного пола. Райх отмечал, что одной из характерных черт таких людей является «агрессивная храбрость», которая как правило ведет к успеху. С другой стороны, это «агрессивное поведение само по себе выполняет функцию защиты». Если учесть этот факт, райховская концепция «генитального характера» становится идеализацией; в таком случае фаллически-нарциссический мужской характер может ранжироваться от почти полного здоровья до тяжелого невроза. Райх пишет: «Относительно здоровые представители этого типа благодаря свободной агрессии социально активны, импульсивны, энергичны и, как правило, продуктивны, но, чем более невротичен характер, тем более своеобразными и односторонними

бывают их достижения. Это описание подходит к моему пациенту. Его поведение отличалось амбициозностью, которую можно было объяснить весьма успешной адвокатской деятельностью. Он был самоуверен, откровенен и все-таки насторожен. Прошло шесть месяцев. Хотя для нас обоих было очевидно, что пациент не отдается полностью ни работе, ни любви, все мои усилия изменить его характер и выпустить на волю его чувства идущие из глубины души, оставались безуспешными.

Мы оба знали, что пациент амбициозен. Нам было известно, что он опасался глубоких чувств к девушке и страдал от преждевременного семяизвержения. Все элементы фаллически-нарциссического характера были налицо. Но ригидность тела и психики оставались без изменений. Единственной эмоцией, которую он не выражал был плач.

Ключ к его личности обнаружился, когда он представил себе, что терапия может не принести успеха. Когда мы начали обсуждать эту проблему, он заметил, что никогда не терпел неудачу в том, к чему стремился. Он никогда не проваливал школьных экзаменов, напротив его оценки всегда были выше средних. В социальной и профессиональной жизни он всегда достигал того чего хотел. Как он добивался этого? Упорством. Если он стремился к чему-нибудь очень важному, он не мог — отдыхать, пока не чувствовал, что сделал все, чтобы его усилия увенчались успехом.

Изучив этот момент, я понял, что это не было навязчивостью. Пациент не терпел мысли о неудаче, но только если речь шла об очень важном. В таких случаях мысль о неудаче вызывала сильную тревогу, и пациент удваивал усилия, чтобы добиться желаемой цели. Решительность, с которой он устремлялся к успеху, была с одной стороны основана на сильном страхе неудачи, а с другой — на вознаграждении, которое сулило успех. Эти рамки поведения были достаточно широкими, чтобы пациент имел возможность вести себя гибко. Многие неудачи благодаря механизму изменения важности целей воспринимались без проявления тревоги. Кроме того, этот механизм задействовался, когда дело касалось и значимых для него целей.

Теперь я понял, почему в предыдущие шесть месяцев терапия стояла на месте. Пациент старался достичь спонтанных чувств, действуя внутри структуры характера. Это то же самое противоречие, которое содержится в указании «постарайся расслабиться».

Мой пациент решительно стремился к любви, то есть отдаться нежным чувствам. Но, если напор и решительность пациента являлись факторами, отвечающими за социальные и профессиональные успехи, то они же были ответственны и за главный аспект его невроза.

Давление, ответственность и борьба вызывают одеревенение или усиливают ригидность. Страх неудачи связан с чувством ответственности.

При изучении фаллически-нарциссической структуры характера вопрос об амбициозности является первостепенным. Фаллически-нарциссического индивида характеризует его напор, то есть его агрессия. Это динамический фактор, в основе которого лежит энергетическое функционирование. Райх отмечал: «С точки зрения конституции вполне возможно, что повышенное количество либидозной энергии, которое вырабатывают эти типы, делают агрессию все более интенсивной». Если это утверждение верно, встает вопрос, что же невротического содержится в этом процессе. Или же оно верно только потому, что описывает внешнее, а невроз состоит в том, что реальное и внешнее различаются. Другими словами, человек фаллически-нарциссического типа ведет себя так, словно обладает огромной половой потенцией. Такие люди хвастаются своими завоеваниями и силой (сила подразумевает количество половых актов за ночь). В действительности же их оргазмическая потенция, то есть способность переживать удовольствие, пропорционально этому снижена. Причиной частых половых актов является невозможность получить удовлетворение сразу. Таким образом, агрессия человека фаллически-нарциссического типа характера преувеличена, чтобы скрыть конституциональную слабость. Если приравнять агрессию к достижению, мы можем описать типы характеров следующим образом: оральный характер боится достичь, мазохист достигает, а потом отступает, а фаллически-нарциссический характер хватается. Его хватание основано на страхе неудачи или поражения. Но если сексуальное либидо меньше, чем его притязания, и если агрессия слабее, чем выглядит внешне, как же объяснить динамику полового влечения, амбициозность и якобы «повышенное количество либидозной энергии»?

Мы отнесли фаллически-нарциссический характер к генитальному типу. Это означает, что

энергетический маятник прочно закреплен в мозговом и генитальном функционировании. Это также означает, что данный тип структуры не является недозаряженным, как оральная характеристика, и не зависит от чувства вины, как мазохистский. Поскольку определяющее нарушение появляется сравнительно поздно, около трех лет, механизм защиты или реагирования на травмирующее переживание отличается от других типов. Генитальность уже проявлена, и давление в виде фрустрации или наказания приводит к тому, что организм становится негибким. Это тот же самый процесс, который наблюдается при истерической структуре характера. Все что я обозначил как ригидные структуры, обязательно надевают панцирь, напоминающий трубу, кирасу или кольчугу. Толщина этих «доспехов» и их диаметр различны. Широкая труба свидетельствует скорее о поверхностном панцире. Узкая возникает из-за спастичности глубокой мускулатуры, она более ригидна и негибка.

Если понять природу этого панциря можно объяснить большинство аспектов фаллически-нарциссической структуры характера. Ригидная трубообразная структура направляя поток энергии в мозг и гениталии, зачастую чрезмерно их заряжает. Вместе с тем ригидность снижает психологическую и соматическую гибкость организма.

Лица с ригидной структурой будут проявлять большую импульсивность, чем догенитальные типы характера. Это верно, но только отчасти. Когда дело касается агрессии, фаллический мужчина демонстрирует более сильную импульсивность, чем любой другой невротический характер. То же самое касается и его напора при достижении материальных успехов. Однако в его агрессивности отсутствует гибкость и спонтанность. Чрезмерная ригидность структуры благоприятствует генитальности и реальности, и вместе с тем она ограничивает эти функции. Мы говорили о человеке, который генитально агрессивен и страдает преждевременным семяизвержением. Половая разрядка происходит задолго до того, как вся излишняя энергия опускается вниз и достигает пениса. Поэтому, чтобы разрядить напряжение, одного акта оказывается недостаточно. Фаллический мужчина считает, что у него большая потенция, поскольку способен за ночь совершить несколько половых актов, дающих разрядку. Но сила агрессии не измеряется числом ее появлений. Поскольку удовлетворение зависит от степени накопления напряжения перед разрядкой, фаллический мужчина, как правило, получает мало удовольствия от сексуальных переживаний. Его амбициозность объясняется динамикой этих процессов. Энергия постоянно поступает к выходам, а удовлетворение от разрядки ограничено. Естественно, человек постоянно испытывает влечение. Легко также понять, почему фаллический мужчина ищет себе «женщину-агрессора». Поскольку сексуальное удовлетворение неполное, возникает чувство неудовлетворенности сексуальным партнером. Человек надеется, сознательно или бессознательно, что новый партнер может принести ему большее удовлетворение. В порыве возбуждения, вызванного погоней за новыми взаимоотношениями, часто так оно и бывает. Когда же эти условия исчезают и возникает прежняя ситуация, сексуальное удовольствие пропадает, и погоня возобновляется. Этот процесс, происходящий на генитальном уровне, является типичным, или характерологическим. Фаллический мужчина, чем бы он ни занимался, никогда не находит глубокого удовлетворения, и он вкладывает силы в дальнейшую погоню и завоевание. Подобную амбициозность, необходимо отличать от творческой и созидательной деятельности здорового индивида.

Шизоидный характер

Если бы индивид никогда явно не отрывался от реальности, правомерно ли описывать его структуру как шизоидную? Такой диагноз зависит от тенденций, а не от событий. Фенихел определяет шизоида несколько иначе: «Человека, не страдающего настоящим психозом, но проявляющего отдельные черты или механизмы шизофренического типа, можно назвать „шизоидом“, „амбулаторным шизофреником“ и тому подобным образом». Такие индивиды обнаруживают признаки, как невротических, так и психотических патогенных механизмов. Далее Фенихел делает важное с динамической точки зрения добавление: «Зависит от обстоятельств, будет ли психотическая диспозиция беспокоить и дальше или же она стихнет». Именно наличие «психотической диспозиции» в противоположность психотическому поведению и отличает шизоида от шизофреника. Но что такое «психотическая диспозиция»?

Указание на «отдельные черты» или «механизмы» как проявление такой диспозиции, возможно и окажет помощь, но постановка диагноза на основе их наличия или отсутствия таит в себе серьезную опасность.

Все исследователи едины во мнении, что в шизоидном характере имеет место аффективное нарушение.

«...Эмоции таких людей, как правило неадекватны... Они ведут себя так, „как будто“ ощущают связь с другими людьми». Хотя такое утверждение в сущности верно, это трудно считать отличительным признаком. Невротики тоже обнаруживают неадекватные эмоциональные реакции, демонстрируют поведение «как будто» и пользуются механизмами «псевдоконтакта» в отношениях с другими людьми. Но... агрессия шизоида является «как будто» агрессией, «изображением» агрессивности, способом пережить и вынести близкие отношения с людьми. Он не ощущает агрессию как неотъемлемую часть реального существования.

Психотическую диспозицию следует прежде всего принимать в терминах психологии Я. Сравним ее с другими типами характера. Ригидной структуре характера присущи прежде всего агрессивность, решительность и нечувствительность. Ее установку можно выразить словами «я хочу». Желание может ослабнуть или усилиться в зависимости от физической силы и витальности тела. Сила Я зависит от того, насколько человек свободен от догенитальных влечений, которые могут примешиваться в структуре. Таким образом, у нас есть количественный и качественные факторы. Для мазохистской структуры характерны сомнения, нерешительность и амбивалентность. Ее базальную установку характеризует выражение «я не хочу», хотя внешне такой человек может изо всех сил стараться достичь успеха. Он неминуемо потерпит неудачу. Агрессия мазохиста обращена вовнутрь, она самодеструктивна. Несмотря на физическую силу, Я мазохиста слабее, чем у ригидного характера. Его генитальная функция менее надежна, а установка к реальности отличается нерешительностью. Оральный характер обладает слабым агрессивным влечением. Его установку можно определить как «я не могу». Эта неспособность справиться с требованиями реальности приводит к их отвержению. Он таит глубокую обиду на несправедливость социальной системы. Его Я слабое, связанное с оральными потребностями и чувством депривации, но оно реальное. Оральный характер в значительной мере идентифицирован с установкой своего Я, которую он воспринимает, как основу личности. Отказаться от нее означает для него потерять свою идентичность, к которой он привык.

Что же можно сказать о структуре Я шизоидной личности? В ней не проявляется ни одна из этих базальных установок и проявляются все до одной. Порой шизоид ведет себя очень решительно, но это длится недолго. Агрессия не вязнет в мазохистском болоте, она попросту разрушается. Когда она вздымается, возникает ощущение всемогущества, поскольку оно не подвергается проверке реальностью. Эта функция относительно недоразвита. Такое всемогущество агрессии отличается от раздутого Я и восторженности орального характера тем, что оно представляет собой истинное материальное влечение. Оно воспринимается как сила действия, но не как сила мысли. Там, где оральный характер не может ничего совершить из-за своего раздутого Я, шизоид способен к конструктивному творчеству. Если Я не сдерживается, оно способно разрушить барьеры реальности, открывая путь к новому чувству и деянию. Подобными достижениями мы во многом обязаны таким художникам, как Ван Гог, Гоген и др. Это желание без Я. У шизоидной личности нет прочно укоренившихся установок «я не хочу» и «я не могу». Поскольку базальная установка шизоида проистекает из отрицания ценностей материальной реальности, у него нет потребности за эту реальность бороться. Но иногда у него можно обнаружить установки и тенденции, внешне напоминающие оральные и мазохистские. Они складываются вследствие специфического опыта в его биографии. Но они не связаны с Я, не проявляются в ситуации переноса и не выражаются в виде глубокого сопротивления. В действительности для шизоида характерно то, что он имеет как бы несколько реальных механизмов защиты Я. Поэтому, если с ним установлен хороший контакт, терапия может продвигаться на удивление успешно.

Шизоидный характер функционирует в реальности ради выживания, но без внутреннего убеждения в истинности ее ценностей. Он не контролирует свои реакции подобно невротикам,

полагающему, что контроль возможен. Он больше, чем невротик, находится во власти внешних сил. Он сразу и непосредственно отвечает на любовь, но столь же быстро застывает в ситуации, которую воспринимает как негативную.

Если оторванный от реальности шизофреник полностью утрачивает свое Я, то шизоид способен избежать этого отрыва и сохранить Я. Но это Я слабее, еще слабее чем Я орального характера. Не то, чтобы шизоид не чувствовал себя — он чувствует. Но его ощущение себя в материальной реальности слабое. С другой стороны, он обладает большой способностью испытывать духовные чувства, нежность, симпатию. Шизоид воспринимает себя как духовную личность, полную глубоких чувств, нежности, симпатии и т.д. К несчастью, ему трудно сфокусировать эти чувства на объекте материального мира, поскольку он не идентифицирован с Я и ему трудно контролировать свою моторную координацию. На самом деле шизоидный характер может на короткое время сфокусировать нежные чувства на другом человеке. Однако напряжение, вызванное попыткой поддерживать контакт, приводит к разрыву. Термин «моторная координация» следует понимать как характеристику движения, интегрированного с соответствующим чувством. Шизоид способен к диссоциированным движениям; он может быть прекрасным артистом балета. Типичным является диссоциированное чувство, экспрессивные движения затруднительными. Для этого состояния характерна тенденция к расслоению влечений, к диссоциации движения и чувства.

Если шизофреник в своем отрыве от реальности страдает от деперсонализации, то шизоидный характер сохраняет тонкую нить, связывающую ум и тело. Он использует свое тело так, как мы пользуемся автомобилем. Он не чувствует, что это его тело, а скорее ощущает его, как место своих чувств и мыслей. Это не является инфантильностью, поскольку нет инфантильной идентификации с телесным удовольствием. Тело человека является непосредственной реальностью, своеобразным мостом, соединяющим его внутреннюю реальность с материальной действительностью внешнего мира. Это как раз является ключевым моментом в терапевтическом воздействии на шизоидную личность... Результатом этого будет усиление и развитие Я, которое по словам Фрейда, «есть прежде всего выражение телесного Я».

Р.Мэй. Чтение характера. США

Портрет личности⁷⁷

Что такое человеческое существо? Чем глубже наше понимание человека, тем эффективнее будет наша консультация. Понятие «мужчина» гораздо шире, чем простая телесная оболочка, чем дело, которым он занят, чем его общественное положение, а понятие «женщина» шире, чем воплощенное в ней материнство, привлекательность или профессия. Все это лишь способы самовыражения. Взятые в совокупности они отразят как в зеркале внутреннюю человеческую структуру, которую мы довольно расплывчато обозначаем словом «личность». Европейские психологи предпочли бы в данном контексте понятие «душа» — как перевод слова *psyche*. Но для американцев слово «личность» более точно выражает то основное в природе человеческого существа, что делает его или ее индивидуумом. Поэтому следует начать с определения понятия «личность». Сознательно уклонившись от такого определения, консультант сформирует его для себя бессознательно, невольно исходя в своей работе с клиентом из предположения, что тот должен развить в себе личностные качества хотя бы своего консультанта, или любимого героя, или черты характера, считающиеся идеальными для данной национальной культуры. Мудрый терапевт сознательно и разумно нарисует портрет личности, не доверяя такое серьезное дело причудам сознания.

Мое определение: слагаемые личности — *свобода, индивидуальность, социальная интегрированность и глубокая духовность*. В качестве более развернутого определения можно

⁷⁷ Р.Мэй. Искусство психологического консультирования. М., 1994. Дайджест.

утверждать, что личность — это осуществление процесса жизни в свободном, социально интегрированном индивиде, наделенном духовным началом.

Свобода личности

Свобода — это основной принцип, обязательное условие существования личности. Именно свобода отличает человеческое существо от животного, потому что человек обладает способностью разорвать прочную цепь стимулов и реакций на них, которым подчиняются животные. Здоровый разум может сдерживать различные импульсы, поддерживая их в состоянии неразрешенного противоречия, пока не будет принято окончательное решение в пользу одного из импульсов. Это наличие творческих возможностей, равнозначное свободе, является главным свойством, определяющим личность. Психотерапевт О. Ранк считал, что в конечном итоге человек сам формирует свою личность с помощью творческой воли, и что причиной неврозов является как раз отсутствие у пациентов такой созидательной энергии.

Свобода личности способна возрастать. Чем здоровее душевно становится человек, тем свободнее он творит себя из жизненного материала и тем больший потенциал приобретает в них свобода. Помогая клиенту преодолеть личностную проблему, консультант помогает ему стать более свободным.

Свобода — первая составляющая понятия личности и первый принцип психологического консультирования. *Задача консультанта — подвести клиента к принятию ответственности за свои поступки и за конечный итог своей жизни*. Надо объяснить ему сложный механизм принятия решений, когда следует учитывать весь предыдущий жизненный опыт и воздействие всех факторов подсознания, что, в конечном итоге позволит клиенту осознать и научиться использовать предоставляемые ему свободой возможности.

Индивидуальность личности

Второй составляющей личности является индивидуальность. Трудность людей обращающихся за консультацией по поводу своих личных проблем, заключается в том, что они не умеют быть самими собой, т.е. иными словами, не могут выразить свою индивидуальность. Это позволило О. Ранку сказать, что «невротический тип, который в известной мере присутствует в каждом из нас, страдает от того, что не может принять себя, не может выносить самого себя и хочет чего-то иного».

Но жить и ладить с окружающим миром человеку приходится именно таким, каков он есть. Каждый индивидуум не похож на остальных, он уникален, и от того, приемлет ли он эту уникальность, зависит его душевное здоровье. Представьте себе бесконечное разнообразие индивидуумов. Взгляните на спящих по магазинам людей. Все они, со своими непроницаемыми лицами, кажутся однообразными, как галька на морском берегу. Но стоит заглянуть под эту защитную маску, и вы увидите удивительное разнообразие и неповторимость скрывающихся под ней характеров.

Жизненные осложнения начинаются тогда, когда индивидуум пытается играть не свою роль. Взгляните на студента, который на всех собраниях обязательно ляпнет что-нибудь не к месту. Возможно им владеют внутренние страхи, которые заставляют его выступать не в своей роли, и, как результат, глупое поведение.

Когда перед дискотекой парень «пропускает для храбрости» стопку, это говорит лишь о том, что на вечеринке он не будет самим собой. Вопрос не в том, почему он хватил лишнего, а в том, почему он стремится ударить от самого себя?

В основе психотерапии лежит принцип индивидуальности. Объясняя свой метод, Ранк писал: «Одним словом, главная его цель — саморазвитие; т.е. индивидуум должен развить себя в то, что он есть на самом деле».

Самая опасная ошибка, которую допускают профессиональные консультанты — это стремление втиснуть своего клиента в одну из известных категорий (экстраверт, интроверт, мазохист, истерик и т.д.), как правило, в ту, к которой принадлежит сам консультант. Всегда существует опасность того, что консультант будет взирать на клиента со своей колокольни, т.е.

руководствуясь своими взглядами, нравственными установками и своей личностной моделью, перенося все это на своего клиента и, тем самым, вторгаясь в его личностную автономию.

И хотя распространенный совет «будь самим собой» имеет весьма серьезное обоснование, от такого совета мало проку, если человек не знает, каков он на самом деле. Часто в человеке одновременно сталкиваются самые противоречивые «самости». Поэтому совет быть самим собой может только усугубить путаницу в его уме. Сначала человек должен отыскать свое настоящее «Я», а помочь ему в этом следует консультанту.

Исходя из второй составляющей личности — индивидуальности, профессиональному консультанту надо руководствоваться следующим: *задача консультанта — помочь клиенту обрести свое истинное «Я» и найти в себе мужество стать этим «Я».*

Социальная интегрированность

Социальная интегрированность является третьей составляющей устойчивой личности. Этот аспект настолько значим, что люди полагают, что если личность испытывает сложности, то они непременно связаны с социальным окружением, а если человек достиг успеха в обществе, то и никаких проблем у него не может быть. Это поверхностный взгляд на личность.

Но если вникнуть в проблему, то для личности огромное значение имеет умение приспособливаться к обществу, ибо человек вынужден жить в мире, состоящем из других индивидуумов. Невозможно понять личность вне ее социального окружения. Представленное сообществом других людей, это окружение является тем миром, без которого личность теряет смысл.

Неспособность ладить с окружающими — главная черта невротика. Его отличает подозрительность, общество кажется ему враждебным, а по жизненному пути он движется, словно в танке.

На первый взгляд возможна некая нестыковка между индивидуальностью и социальной интегрированностью. Чтобы ладить с соседями, человеку приходится подавлять некоторые внешние проявления своей индивидуальности. Но если взглянуть на проблему глубже, нет никакой несовместимости между индивидуальностью человека и его существованием в обществе. Благодаря коллективному подсознанию, мы уже внутри самих себя образуем единое целое с другими людьми. Верно, однако, и то, что наличие эгоцентрической стихии в каждом человеке осложняет ему полное и открытое вхождение в человеческое сообщество. Эта эгоцентрическая стихия разрушительно действует на целостность самой личности. В практическом плане, для консультанта это значит, что чем более социально интегрированным становится его клиент, тем больше у него возможностей реализовать свою неповторимую индивидуальность.

В отношении социальной интегрированности, этой третьей составляющей личности, мы можем сделать следующий вывод для профессионального консультирования. *Задача консультанта — помочь клиенту с готовностью принять на себя социальную ответственность, вдохнуть в него мужество, которое поможет клиенту освободиться от неотступного чувства неполноценности и направить его стремления в социально полезное русло.*

Эмпатия — ключ к процессу консультирования

Мы изучили теорию личности⁷⁸ Теперь перейдем к процессу ее функционирования. Как люди встречаются и какова их взаимная реакция? Здесь следует остановиться на понятии *эмпатии*, обозначающем контакт, взаимовлияние и взаимодействие личностей. «Эмпатия» — дословно «чувствование внутрь». Слово происходит от греческого «*pathos*» (сильное и глубокое чувство, близкое к страданию) с префиксом «*em-*», означающее направление внутрь.

⁷⁸ Смотри «Теории личности в западно-европейской и Американской психологии». Самара. 1996.

Прослеживается аналогия со словом «симпатия», выражающим «сочувствие» и имеющим оттенок сентиментальности. Эмпатия — чувство более глубокое, передающее такое духовное единение личности, когда один человек настолько проникается чувствами другого, что временно отождествляет себя с собеседником, как бы растворяясь в нем. Именно в этом глубоком и несколько загадочном процессе эмпатии возникает взаимное понимание, воздействие и другие значительные отношения между людьми. Так что говоря об эмпатии, мы не только рассматриваем ключевой процесс психотерапии, но и ключевой момент в работе преподавателей, священнослужителей и представителей тех профессий, сущность которых связана с воздействием на людей. Применительно к нашей теме напрашивается вывод, что Эго клиента и психическое состояние консультанта могут временно сливаться, образуя единое психическое целое.

Это и есть эмпатия. Именно в этом состоянии достигается полное взаимопонимание между людьми. Осознавая или не осознавая этот факт, консультант неоднократно переживает подобное состояние в течении своего трудового дня. Эмпатия не волшебный процесс, хотя и загадочный. Именно потому, что он так обычен и глубок его трудно осознать. Большинство людей никогда не задумывались, способны ли они испытывать эмпатию, и поэтому способность осталась неразвитой, рудиментарной. Но это чувство понятнее учителям, священникам и представителям других подобных профессий, имеющих дело с глубоко личными сторонами людей. Их успех на своем поприще зависит от способности последовать за своим подопечным в глубины его души. Эмпатия, по мнению Адлера, является одной из творческих функций личности: «Эмпатия возникает в момент разговора одного человеческого существа с другим. Нельзя понять собеседника, если не отождествить себя с ним.

Если мы попытаемся выяснить, откуда возникает эта способность действовать и чувствовать, как будто вы совсем другой человек, мы обнаружим, что такая способность объясняется существованием врожденного чувства общности. Разумеется, это — космическое чувство, отражение нашей связи со всем мирозданием, которое воплощено в каждом из нас; это — неотъемлемая черта принадлежности к человеческому роду».

Чтение характера

Отличительной чертой консультанта является его особая чувствительность по отношению к людям, их надеждам, страхам и личностным напряжениям. Эта способность позволяет ему улавливать малейшие проявления характера, такие как интонация, поза, выражение лица, даже одежда и, на первый взгляд, случайные движения тела. Так консультант учится читать характер клиента, и тот предстает перед ним не как пресловутая «открытая книга», а как новая страна перед путешественником, где все свежо, интересно и требует понимания.

Каждая деталь в человеке добавляет свой мазок к портрету его личности. Малейшее движение в голове, лице — все полно смысла и не случайно. Личностная модель проявляется в каждом проступке человека, в том, как он смотрит на окружающих, в его рукопожатии, в манере говорить. Случается, человек производит на нас неизгладимое впечатление и мы ощущаем это почти интуитивно.

В этой главе мы хотим остановиться на тех основных моментах, которые помогают при чтении характера. Однако не стоит забывать, что все эти проявления характера имеют свои оттенки для каждого индивидуума, поэтому консультанту следует быть весьма осторожным в своих выводах. Складывается несколько парадоксальная ситуация: невзирая на значимость жестов и выражений лица, они лишь симптомы, нечто вроде буйков на поверхности водоема, которые в каждом отдельном случае указывают на уникальность данной личностной модели. Вот почему нельзя одинаково толковать жесты и выражения, даже если они похожи у двух разных лиц.

Мы хотим сформулировать общее предостережение для консультантов: *предположительный вывод о личностной модели индивидуума следует делать только на основании совокупности всех доступных и разнообразных факторов*. Поза и тон голоса, положение в семье, конкретная проблема клиента, отношения с друзьями и с противоположным

полом, успех или неуспех на работе — все эти и многие другие моменты указывают на особенности характера, но ни один из них в отдельности не может быть достаточным основанием для окончательного вывода. Даже два, три, четыре признака не дают достоверного материала, только совокупность многих признаков, указывающих на одни и те же особенности характера, может стать основой для более или менее надежной гипотезы.

Консультант получает первое впечатление о характере клиента уже по его *манере подходить* к кабинету. Твердый, размеренный шаг указывает на мужество; запинаящаяся походка говорит о нерешительности, робости и тайном желании избежать встречи с консультантом. Когда я работал в колледже, мой кабинет был расположен в конце просторного вестибюля и, слушая, как студент пересекает его и стучит в мою дверь, я уже представлял, кого я увижу. Один мой клиент, бывало, сделает несколько шагов и остановится на мгновение, потом еще несколько шагов — и опять остановка, и так до самой двери кабинета. Затем раздавался извиняющийся стук, словно он надеялся, что в кабинете никого нет. А другой студент, напротив, пересекал вестибюль размашистым звучным шагом, словно выходящий на сцену герой пьесы. Раздавался короткий стук, дверь тут же распахивалась, и мой посетитель входил, как правило, не дожидаясь приглашения.

Рукопожатие давно признано важным моментом в распознавании характера. Вялое, краткое рукопожатие словно говорит за человека: «Мне не хотелось этой встречи». Такой человек либо робок со всеми, либо просто боится именно этой встречи. Грубоватое, крепкое рукопожатие, когда ваш собеседник словно клещами сжимает вашу руку и с энтузиазмом трясет ее, говорит о желании клиента предстать перед вами эдаким прямым потомком мужественных первопроходцев, что само по себе может оказаться попыткой скрыть глубокое чувство неполноценности. Рукопожатие — это символ союза двух лиц и, когда оно выражает искреннее дружелюбие, интерес к человеку и желание дать, а не взять, тогда оно говорит о душевном здоровье личности.

Что касается *одежды* человека, то ее значение подтверждается даже поговоркой. В течение своей многовековой истории человек приучился читать многое в манере одеваться. Неверно, что «человека делает одежда», но верно то, что отдельные детали наряда могут намекнуть на характер его владельца. Фрейд разъясняет этот момент с психотерапевтической точки зрения: «Все, что человек делает со своей одеждой, часто даже сам того не замечая, представляет не менее важный интерес для врача и заслуживает его внимания. Любое изменение в привычном одеянии, любой недочет, незастегнутая пуговица, например, любая привлекающая внимание деталь, все это средство выражения чего-то такого, о чем сам человек не хочет говорить прямо; как правило, он делает это совершенно бессознательно».

Неопрятность в одежде, неухоженные волосы, рваные шнурки ботинок и тому подобное очень красноречиво говорят о самом человеке. С другой стороны, человек, о котором хочется сказать «отутюженный с головы до пят», сдувающий с себя пылинки, с безупречно ровным галстуком и отполированными ногтями, как правило, склонен придавать чрезмерное значение мелочам и в других сферах жизни. В одной из последующих глав мы будем говорить о религиозном неврозе или неврозе принуждения. Так вот, особенно преувеличенную тщательность в одежде проявляют страдающие этим видом невроза.

Если женщина красит ногти зеленым лаком или злоупотребляет косметикой, это для нее лишь способ сказать, что она нуждается в нашем внимании. Либо она испытывает недостаток искреннего внимания со стороны близких, либо избалована настолько, что ее требования выходят за рамки разумного. В обоих случаях неординарную косметику следует воспринимать как симптом глубоких личностных нарушений.

Особое внимание обращает на свой наряд в день приема тот, кто сильно волнуется по поводу встречи с консультантом. Если клиентка является в кабинет принаряженной, консультанту ясно, что она нервничает по поводу предстоящей беседы. С другой стороны, изысканность туалета может указывать на субъективный, возможно, неосознанный интерес к консультанту как к мужчине. В таком случае, чтобы избежать привнесения субъективного элемента в беседу, консультанту особенно важно правильно понять значение нарядной одежды. Неряшливо одетый гость говорит своим видом о неуважении к тем, с кем ему предстоит провести вечер. А если у человека постоянно неопрятный вид, то это говорит об отсутствии у

него всякого интереса к окружающим.

Еще одной подсказкой для понимания клиента служит *расстояние*, на котором он с вами общается. Если он придвигает свой стул поближе к консультанту, это можно воспринимать как дружеское расположение. Если вас разделяет значительное расстояние, значит, существует невидимый барьер. Такое значение придавал расстоянию Адлер, а я бы назвал дистанцию между двумя людьми чем-то вроде «геометрии любви». Движение *в сторону* партнера указывает на дружелюбие, заинтересованность и другие аспекты любви, в то время как движение *от* партнера выражает неприязнь и прочие отрицательные эмоции. Само собой разумеется, что в нашем обществе люди настолько приучены владеть собой, что не позволяют себе явно выказывать подобные эмоции в своих движениях. Но даже слегка вскинутая голова или едва заметный наклон в сторону или от собеседника не ускользают от внимания консультанта. Нормой и признаком идеального душевного здоровья является свободное движение *навстречу*, распахнутое отношение к жизни, или, другими словами, состояние объективной любви. Невротик, постоянно демонстрирующий движение *прочь*, не способен испытывать чувство любви.

Если научиться улавливать неприметные мускульные реакции человека на изменчивый поток его мыслей, то можно разгадать их содержание. Ведь, теоретически, каждая мысль сопровождается соответствующим мышечным движением. Речь идет о более тонких проявлениях, чем просто улыбка или нахмуренные брови. Если консультант легко читает такие проявления, то он развил в себе особую наблюдательность, необходимую для определения характера человека.

Есть много признаков, по которым можно определить, что клиент нервничает во время приема. Это заметно по тому, как он без конца то закидывает ногу на ногу, то распрямляет их, или напряженно сжимает ручки кресла, или по его скованной манере держаться. Тогда мы задаем себе вопрос: почему этот человек нервничает? Иначе говоря, что он скрывает или с чем ведет внутреннюю борьбу? Ответ на эти вопросы выведет нас на его личностную проблему.

В чтении характера большое значение имеет также *мимика*. Многие из нас способны с достаточной точностью прочесть значение произвольных изменений в выражении лица собеседника, но, как правило, не в состоянии распознать, что скрывается за притворной маской. Консультант должен обладать способностью читать по лицу клиента переживаемое им чувство, будь то радость, боль или страх. Но, помимо этого, он должен уметь разглядеть эту боль за видимой маской уравновешенности и непринужденности. Как правило, у вечно улыбающегося человека оптимизм наигранный, а тот, кто всегда демонстрирует безукоризненную выдержку, лишь прикрывает этим глубокую обеспокоенность своими проблемами.

Меня особенно интересует изучение особенностей мимики невротиков, как на фотографиях, так и во время личных контактов. Хочу поделиться результатами своих наблюдений, которые могут послужить подспорьем в работе консультанта, но не должны восприниматься как незыблемые каноны. Чаще всего углы рта у невротиков опущены книзу. Это удлинняет лицо, придавая ему выражение пессимизма, уныния и отсутствия интереса к жизни. Обычно такой человек медлителен в движениях, склонен к критическим и саркастическим замечаниям и весьма нерешителен. Взгляд у невротиков напряженный, а глаза открыты шире обычного, что соответствует выражению лица испуганного человека. Цвет лица бледный, болезненный. Это вполне объяснимо, поскольку невротическое состояние вызывает снижение жизненного тонуса, а беспорядок в мыслях приводит к физическим недугам. Выражение лица невротика очень похоже на то, какое появляется у каждого из нас в минуты крайнего утомления, испуга или беспокойства.

Достоевский, этот тонкий исследователь человеческой природы, точно подметил: «Смех человека может сказать о его характере гораздо больше, чем скучное психологическое обследование». Примечательно, что невротика не так легко от души рассмеяться. Он может позволить себе сардоническую усмешку или ироническую ухмылку, какую изображает провинциальный актер, играющий злодея в старинной пьесе, потому что при такой мимике уголки рта все равно остаются *опущенными*. Искренний смех — это признак душевного здоровья, приглашение к дружелюбию, прямое доказательство распахнутого отношения к жизни.

О многом может поведать нам *интонация* голоса, ибо его музыкальность с выразительностью симфонического произведения говорит нам об умственном и душевном состоянии говорящего. Даже не расслышав слов, по одной только интонации можно понять смысл сказанного. Отчетливый, ясный голос говорит об искренности, твердый — о мужестве, а если голос проникает вам в самую душу, это говорит об интересе к людям. Если человек мямлит или бормочет себе под нос так, что вы изо всех сил напрягаетесь, чтобы его расслышать, ясно, что он не горит желанием сблизиться с вами.

Голос наиболее точно отражает состояние нервозности и душевного разлада. Если клиент говорит медленно и старательно контролирует себя, можно предположить, что он испытывает определенные психологические напряжения. Мы уже говорили о том, как можно определить скрытые подавления торможения по тем фразам, на которых клиент запинаясь, смущается или прибегает к повторам. Когда клиент начинает усиленно возражать консультанту, возникает подозрение, что он сам не очень-то верит в то, что говорит. И чем больше клиент «упирается», тем выше вероятность подсознательного сомнения в истинности собственных слов (что служит доказательством того, что клиент старается убедить не только своего слушателя, но и самого себя). С присущей ему пронизательностью Фрейд замечает, что, когда человек пишет или говорит витиевато и околичностями, справедливо спросить, каким же образом он собирается вас «околпачить»? Прямота высказываний говорит о честности, но если ваш собеседник чрезмерно многословен по вполне ясному вопросу, или в его голосе звучит нервная дрожь, или он, как говорится, ходит вокруг да около, опасайтесь нападения с тыла.

Забывчивость и оговорки

Мы не ставим себе целью глубокое исследование такого удивительного и многообещающего предмета, как память и забывчивость, оговорки и оплошности, поскольку эти проявления подсознания не входят в круг изучаемых консультантом вопросов. Однако следует иметь общее представление о значении этих явлений, если консультант хочет проникнуть вглубь человеческой природы.

Забывчивость отнюдь не случайна. Справедливо будет заподозрить в неискренности хозяйку, встречающую гостя словами: «Простите, ради Бога! Я совсем забыла, что вы придете», или человека, ссылающегося на то, что у него плохая память на имена. И гость, и человек, чье имя не запомнили, будут правы, если обидятся. Память работает целенаправленно. В подсознании индивидуума идет постоянный отборочный процесс, оставляющий то, что следует твердо запомнить, и отсеивающий лишнее. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что на самом деле ничто не забывается. Вопрос в том, почему одни сведения откладываются на поверхности сознания, а другие заталкиваются так далеко, что требуется изрядное усилие, чтобы выудить их, а иногда и никакое усилие не помогает.

В одной из ранних работ Фрейд отметил эту любопытную целенаправленность забывчивости. Объясняя ее как сортировку приятного и болезненного, он пришел к выводу, что индивидуум забывает то, что связано с неприятными эмоциями. Таким образом, механизм забывчивости подвел Фрейда к пониманию подсознания. Я бы посчитал объяснение Фрейда не совсем полным. Часто в нашей памяти наиболее ярко отпечатывается какой-нибудь неловкий поступок в обществе, который причинил нам боль, унизил нас или вызвал наше замешательство. Более углубленное исследование этого предмета дает Адлер, который считает, что память человека удерживает те переживания, которые особенно значимы для его образа жизни. Основываясь на этом положении, Адлер сделал свой наиболее ценный вклад в психотерапевтический анализ — использование *воспоминаний раннего детства* как ключ к пониманию образа жизни человека. Можно показать это на практическом примере: что только ни происходило с Джоном Доу, скажем, на третьем или четвертом году его жизни, но все позабылось, кроме одного яркого события. В этой избирательной детской памяти, очевидно, заключен особый смысл, независимо от того, реальное это событие или выдуманное. Адлер сравнивает такое раннее воспоминание с фотоснимком личностной модели человека, сделанным крупным планом.

Истинность этой идеи верна не только теоретически, но и подтверждается на практике. В

ранних воспоминаниях очень часто можно подметить те же тенденции, которые наблюдаются в личностной модели индивидуума и двадцать лет спустя. Поняв ранние воспоминания, консультант получит ценный материал, если будет достаточно точен и осторожен в его расшифровке.

Оговорки и оплошности, так же, как память и забывчивость, представляют собой проявления подсознания. В этих случаях подсознание заявляет о себе, несмотря на строгую цензуру сознания, словно одним прыжком перескакивая через ограду. Часто оговорки вызывают веселье всей компании, которая начинает подтрунивать над виновником, придумывая разные объяснения (как правило ошибочные) этой оговорке и доводя ее автора чуть ли не до шока. Однако мы не ошибемся, если предположим, что оговорка — это то, что человек думал, но не собирался говорить вслух. Пожалуй, каждый из нас побывал в ситуации, подобной той, в которой оказалась одна из моих приятельниц. Женский клуб колледжа принимал у себя одно очень значительное лицо. Представляя ему членов клуба и дойдя до девушки в шляпе с огромными полями, моя приятельница произнесла: «Мисс Шляпа» — и в ужасе замерла, вызвав всеобщее веселье своей оговоркой.

Таким случаям несть числа. Мы остановимся лишь на одном соображении: во всех оговорках и оплошностях есть скрытый смысл, хотя иногда настолько неясный, что может быть понят только «посвященными». Школьник может потерять свои учебники, но не удочку. Студент может позабыть о встрече со своим преподавателем, чего с ним ни в коем случае не может случиться, если речь идет о блондиночке-второкурснице! Точно подмечено, что домохозяйка, постоянно теряющая свои ключи, никогда не смирится со своим положением домохозяйки.

Некоторые явления этого порядка объяснить довольно просто, и консультант вполне может положиться на свои наблюдения. Например, если человек имеет обыкновение опаздывать на встречи или вовсе забывать о них, мы не без основания можем предположить, что в его подсознании есть чувство неуверенности, поползновение уклониться от темы предстоящего разговора. Если человек без конца забывает имена, можно с уверенностью сказать, что у него нет достаточного интереса к окружающим. Естественно, что для всех этих обобщений есть много исключений. Но процесс обобщения имеет под собой почву и сослужит хорошую службу толковому и внимательному консультанту. Конечно, он не будет, подобно психотерапевту, проникать в глубины подсознания, но значительно расширит свое понимание человеческой природы. В этой области от консультанта скорее требуется *мудрая наблюдательность*, чем теоретические выводы.

Семейное созвездие

В понимании личностной модели индивидуума важную роль играет его положение в семье. Положение это, естественно, должно быть значимым, ведь в первые, формирующие, годы своей жизни человек почти полностью зависим от семьи. Основы личностной модели закладываются в раннем детстве, на третьем году жизни, как считают некоторые психологи. В дальнейшем характер развивается в зависимости от того, как человек реализует эту исходную модель.

К счастью, можно обнаружить общие тенденции, связанные с положением человека в семейном созвездии. У *старшего ребенка* в семье заметно развито чувство ответственности. Безраздельная любовь и забота родителей в первые годы жизни придают ребенку чувство определенной устойчивости. С раннего детства он выполняет несложные домашние поручения, помогая матери, и даже присматривает за младшими детьми. Родители обычноверяют свои заботы старшему и делятся с ним своими планами. Все это как бы поднимает ребенка на тот трон, который он занимал в первые годы своей жизни, когда все внимание родителей было отдано ему одному.

Это предпочтительное положение старшего ребенка в семье давно признано народными традициями и обычаем передавать старшему наследнику корону или аристократический титул или просто крестьянский надел земли. Миссис Д., старшая из пятерых детей, характеризует свое положение в семье. Самое раннее из того, что она помнит о детских годах, это поручение

приносить матери газету, затем постоянная помощь в уходе за младшими детьми. Очень рано мать стала делиться с ней своими планами.

Сейчас миссис Д. занимает должность, требующую значительной ответственности, и считается весьма надежным сотрудником.

Совсем другие черты отмечаются у *второго ребенка* в семье, который приходит в мир, чтобы встретить соперника годом или двумя старше себя, эдакого первопроходца, который раньше тебя научился ходить, говорить и делать кучу других вещей. А тебе остается только идти по его следу и учиться всему этому с неизбежным опозданием, что естественно вызывает неугасающее чувство неполноценности и желание догнать ведущего бегуна. Однако трудно спорить с судьбой, у старшего всегда будет преимущество в силах и росте, и сколько ни старайся, догнать его невозможно. Правда, второй ребенок может проявить себя в какой-либо специфической сфере деятельности, обойдя старшего. Но такая ситуация чревата осложнениями, ибо вызовет ревность старшего и опасение, что новоявленный выскочка потеснит его в сердцах родителей. Все эти моменты глубоко скрыты в подсознании, и часто индивидуум никогда не посмеет признаться даже самому себе в наличии подобного соперничества, хотя объективные признаки доказывают обратное.

У второго ребенка наблюдается развитие непомерного честолюбия и привычки «с боем» добиваться своего. Появляется тенденция к бунтарству, легко объяснимая с точки зрения менее выгодного положения в семье. Отсюда желание «до основания разрушить» и построить все заново, но уже на равных условиях. Консультанту приходится часто сталкиваться с характерной для второго ребенка ущербно-амбициозной моделью. Вспомним уже знакомого нам Джорджа Б., который тоже был вторым ребенком, после первой девочки, что еще больше осложнило ситуацию, поскольку девочки в детские годы физически развиваются гораздо быстрее мальчиков.

Менее значительное место в семье занимают последующие дети, за исключением младшего, последнего ребенка, поэтому мало что можно сказать о дальнейшем развитии их характера. Однако во все времена особое положение в семье принадлежало *младшему ребенку*. Как правило, в народных сказках, младшей дочери достается в мужья принц, а младший сын, благодаря сверхъестественному везению, достигает величия и богатства для себя и своей семьи.

С младенчества, да и в юности, младший ребенок окружен всеобщим обожанием, как со стороны родителей, так и со стороны старших братьев и сестер. Все они опекают его или ее, многое делают за него и, без сомнений, постоянно поучают и воспитывают. Отсюда в высшей степени доброжелательное отношение такого ребенка к миру и естественное ожидание, что все будут любить его так же, как он любит всех. Повзрослев, младшие дети обычно пользуются искренней любовью окружающих. Но существует опасность, что чрезмерная забота может избаловать ребенка и он приучится к мысли, что весь мир должен нянчить и утешать его до конца дней. А когда его ожидания не оправдываются, он обижается на всех и вся, чувствуя себя незаслуженно отвергнутым. Примером такого ребенка может служить мисс Р., необыкновенно обаятельная и приятная особа. Ее личностная проблема заключалась в том, что, обнаружив мир не таким прекрасным, добрым и идеальным, каким она его себе представляла, она сменила свое отношение к нему на цинизм и недоверие.

Возможно, однако, развитие характера младшего ребенка в совершенно противоположном направлении. Окруженный миром взрослых, он может почувствовать неполноценность и, как следствие, в нем разовьется амбициозность и стремление во что бы то ни стало превзойти всех остальных, когда он вырастет.

Поговорим теперь о *единственном ребенке*, положение которого в семье всегда признавалось сложным. Он становится средоточием непомерной родительской любви и заботы. Родители буквально не спускают с него глаз, опасаясь, как бы чего не случилось с драгоценным дитятею. На долю такого ребенка приходится гораздо больше внимания и поучений, чем на ребенка из многодетной семьи. В отличие от последнего, единственный ребенок лишен возможности приобрести навык установления социальных контактов, умение ужиться с другими индивидуумами. Возрастает вероятность того, что ребенок вырастет избалованным, с требовательным и иждивенческим отношением к жизни, рассчитывая, что, как в детстве, все вокруг будут потакать его малейшему желанию. Обнаружив, что дело обстоит совсем не так, он

почувствует себя обманутым, затаит обиду на окружающих и потеряет жизненную стойкость.

Однако перспективы развития единственного ребенка не так уж мрачны. Ему предоставляются гораздо большие возможности для развития, на нем сконцентрированы воспитательные усилия обоих родителей, что стимулирует дальнейшее саморазвитие. В развитии любой личности, что в равной степени относится и к единственному ребенку, одинаково возможны и опасные, и положительные тенденции.

В заключение стоит отметить еще некоторые позиции в семейном созвездии, которые неординарно влияют на формирование личности. Близнецы, например, проявляют тенденцию противоположно направленного развития, обнаруживая различные склонности, которые стараются развить с тем, чтобы превзойти друг друга. Особые черты характера вырабатываются у единственного сына, выросшего в окружении нескольких сестер, равно как и у выросшей среди братьев девочки. Часто при чтении характера консультанту служит подсказкой приязнь или неприязнь клиента к другим членам семьи.

Положение в семье помогает раскрыть характер в перспективе. Мы исследуем жизненный путь клиента, который он прошел, прежде чем попасть к консультанту, и нам становится яснее дальнейшее направление этого пути. Как консультант, я не позволяю себе никаких гипотез, пока не знаю достаточно о жизни клиента, иначе это будет попыткой решать уравнение при отсутствии одного из чисел. Правда бывают случаи, когда невольно начинаешь строить предположения о воображаемой жизни, увидев, например, сидящего перед тобой в автобусе утомленного пассажира.

Само собой разумеется, что семейное воспитание вовсе не является *основной причиной* настоящего состояния клиента, иначе можно впасть в прямой детерминизм. Попытка консультанта объяснить личностную проблему каким-то недочетом детского периода оправдана в той мере, в какой клиент считает себя продуктом причинно-следственных моментов, мешающих коррекции его личностной модели. Задача консультанта заключается в том, чтобы, признав значение детской среды и указав клиенту на те ее факторы, о которых он даже не подозревал, последовательно подвести его к пониманию того, каким образом *использовать* влияние среды для наиболее успешной коррекции личностной модели. Учитывая тенденцию к консервативной устойчивости в модели старшего ребенка в семье, можно найти широкий простор для ее конструктивного использования в интересах общества, поскольку такая тенденция сопровождается готовностью нести социальную ответственность. Зная о наличии революционных устремлений у вторых детей, можно привести немало примеров, когда, повзрослев и творчески отрегулировав свои личностные напряжения, они стали известными благотворителями и реформаторами, обратив свои амбиции на службу обществу. Невозможно отрицать значение семейной среды, но все же любая личностная проблема в первую очередь связана с внутренним миром человека, с его свободным творчеством.

В заключение мы еще раз хотим предостеречь консультантов от любых гипотетических предположений в отношении клиента, пока ими не будет изучено и учтено все разнообразие сведений — манера держаться, говорить, положение в семье, ранние детские воспоминания, то, что выпало из памяти и с трудом вспомнилось, оговорки, суть проблемы, с которой он обратился к консультанту. Для внимательного консультанта все это полно смысла. Если большинство из этих факторов приводят к одному и тому же выводу, только тогда консультант вправе сформулировать свою гипотезу, но не ранее. Мы намеренно используем термин «гипотеза», ибо невозможно прийти к окончательному заключению в отношении личности, поскольку этот материал никогда не бывает в состоянии полной недвижимости. Исходя из своего опыта, я пришел к выводу, что разумнее подождать с построением гипотезы, перебирая и изучая с разных сторон полученные сведения, пока они сами вдруг не выстроятся в определенной осмысленной последовательности.

Цель этой главы — помочь консультанту как бы повисить чувствительность своей «принимающей антенны», а отнюдь не снабдить его сводом правил — упаси нас Бог! Хотелось бы, чтобы чтение характера, можно сказать, его *доброжелательное понимание*, стало второй натурой консультанта. Те моменты, на которых мы остановились, должны послужить для него стимулом в работе, а не шифром. Ведь помимо того, о чем мы упомянули, существуют еще тысячи признаков определения характера, и мы надеемся, что ищущие специалисты сами

откроют их в своей работе.

Нет ли некоей опасности в таком пристальном изучении человеческого характера? Не вызовет ли это протест, как считают некоторые, со стороны самих «объектов изучения»? Конечно, может, если ваше поведение будет напоминать подглядывание в замочную скважину. Такой «анализ» не имеет ничего общего с тем, о чем мы говорим. Действуя подобным образом, тщеславный консультант озабочен лишь тем, как бы «вычислить» своего клиента и, тем самым, поднять свой престиж. У настоящего консультанта совсем иной подход, и главное в нем — доброжелательность и стремление понять клиента, помочь ему увидеть себя с лучшей стороны и осознать свою ценность как личности. Такое понимание устраняет барьеры между людьми, помогает человеческому существу на время вырваться из одиночества своего личностного существования и вступить в дружеское общение с родственной душой. Человека, словно путника после долгой дороги в снегу и холоде, приглашают посидеть часок у теплого очага. Не будет преувеличением сказать, что такое понимание объективно равнозначно любви к человеку. Видимо, поэтому клиент всегда тянется к консультанту, испытывая к нему нежное чувство, как к человеку, «который меня понимает».

Понимание — один из немногих ценных подарков, которыми люди могут одарить друг друга.

Исповедь и толкование

Итак, контакт с клиентом установлен, достигнут раппорт и начинается главная часть встречи — *исповедь*, стадия, на которой клиент имеет возможность «выговориться». Это главный момент в консультировании и психотерапии. Значение его столь велико, что консультантам следует взять пример с психотерапевтов и не менее двух третей всей встречи отдавать клиенту для его исповеди.

Когда клиент рассказал все, что у него наболело, описал свое настоящее положение и «выложил все карты на стол», наступает стадия *толкования*. Клиент и консультант вместе анализируют обнаружившиеся факты и пытаются с их помощью раскрыть личностную модель клиента, где гнездится причина душевного разлада. Толкование требует совместной работы двоих, во время исповеди на авансцену выступает клиент и ведет свой монолог, но в толковании инициатива постепенно переходит к консультанту, который сначала задает наводящие вопросы, затем дает подсказки клиенту, с тем чтобы ему было легче разобраться в самом себе, и, наконец, эмпатически воздействует на клиента.

Я полагаю, что полезной иллюстрацией исповеди и толкования будет краткое изложение двухчасовой беседы клиента и консультанта. Клиент оказался очень мудрым и понимающим, поэтому я и выбрал его случай, но по этой же самой причине он не может считаться типичным, поскольку в большинстве случаев клиенту требуется гораздо больше времени для понимания причин своей проблемы.

Аспекты исповеди

Прежде чем мы перейдем к обсуждению стадии исповеди вообще, еще раз хочу подчеркнуть, что приведенная выше беседа нетипична, проявил неординарное умение объективно разобраться в себе, в отличие от большинства клиентов. Поэтому беседа заняла сравнительно немного времени. В обычной практике требуются трех— и четырехчасовые беседы, чтобы определить личностную модель клиента. Кроме того, личностные факторы у Бронсона сразу сложились в четкую картину. Как правило, консультант встречает гораздо больше затруднений при установлении основных внутриличностных взаимозависимостей клиента.

Следует заметить, что одна лишь беседа не означает полного излечения. Мы просто хотели проиллюстрировать стадии исповеди и толкования, а проблему исцеления, или трансформации, мы обсудим в следующей главе. Нам хотелось, чтобы у Бронсона наступило прояснение, пришло понимание самого себя, и не стоит ожидать, что, закрыв за собой дверь, он сразу изменится. Механизм трансформации только запущен в действие предыдущими

процессами *понимания и внушения*, этими целительными силами, о которых пойдет речь ниже.

Трудность Бронсона не была полностью преодолена самой беседой, она скорее вооружила его для того, чтобы одержать победу над самим собой. Результаты подобной беседы станут заметными месяца через два, когда внушение скажется на повседневных делах клиента.

Из общего обсуждения стадии исповеди консультант может сделать для себя некоторые серьезные выводы. Во-первых, на этой стадии *слово предоставляется клиенту*. Хотя это очевидно, стоит еще раз об этом напомнить, потому что, если клиент «не выговорится» до конца, консультант не доберется до сути дела. По меньшей мере две трети всего ушедшего на беседу времени должен говорить клиент. Если это не так, то консультирование ведется неверно. На стадии исповеди консультант должен быть скуп на слова и тщательно взвешивать каждое свое слово.

Во-вторых, следует осознавать, что *сама по себе исповедь содержит элемент катарсиса*. Уже сама возможность выговориться перед объективным и понимающим консультантом оказывает оздоровляющий эффект на психику клиента. Он избавляется от некоторых «тормозов», исповедь высвобождает мыслительный поток из подсознания в сознание и словно промывает соединяющий их канал; она помогает клиенту увидеть свои проблемы в ясном свете объективной реальности. Нельзя ожидать таких же результатов, излив душу первому встречному. Катарсис в исповеди во многом зависит от консультанта, который устанавливает с клиентом эмпатическую связь.

Опытный консультант умеет *во время исповеди подвести клиента к главной проблеме*. В отличие от Бронсона, большинство клиентов тянут время, останавливаясь на малозначительных деталях, стараясь оттянуть момент, когда надо, наконец, изложить свою проблему. Поэтому от консультанта требуется умение распознать эту проблему сквозь не относящееся к делу многословие.

Во время исповеди консультант ни в коем случае *не должен проявлять никакого изумления или возмущения*. В приведенном нами случае не было повода для возмущения, однако в большинстве случаев выявляются такие факты, что могут потрясти кого угодно. Но если консультант позволит себе выразить такие эмоции, ему следует тут же отказаться от консультирования, ибо его резкая реакция свидетельствует о том, что в процесс консультирования вторглось его *ЭГО*. Чувство возмущения указывает на желание самоустраниться и защититься. А если консультанта шокируют какие-то слова или описание действий, относящихся к сексуальной сфере, он не вправе заниматься консультированием в этой области. Помнить об этом особенно важно, потому что многие клиенты, сознательно или неосознанно, пытаются шокировать консультанта. Это одна из форм, в которой проявляется невроз клиента. Если слушатель выдаст свою эмоциональную реакцию, невроз клиента усугубится и беседа не принесет пользы. Невозмутимая объективность, основанная на понимании того, что ничто человеческое не является чуждым или недостойным понимания — такой должна быть позиция консультанта.

Исповедь может вызвать *эмоциональное расстройство* клиента, что иногда служит для него облегчением, а иногда, наоборот, усиливает его сопротивление. Если клиент рыдает у вас на плече, это говорит не столько о том, что вам удалось завоевать его доверие, сколько о том, что вы неудачно ведете беседу. Рассказывая о своих тайных страхах и переживаниях, которые он до этого никогда и никому не открывал, клиент может расстроиться и расплакаться. Вот здесь и нужен весь опыт консультанта. Сохраняя спокойствие, он передает его посредством эмпатии клиенту. Иногда следует дать клиенту время немного поплакать, но как только напряжение разрядилось, следует вернуть клиента в состояние эмоционального равновесия. Вот почему консультант должен быть осторожен со словами утешения во время беседы. Сострадание, как чувство личное и субъективное, может еще больше расстроить клиента. В подобной ситуации гораздо лучший помощник — эмпатия. Она объективна и включает все то ценное, что есть в чувстве сострадания. Невозможно переоценить значение эмпатии, ибо она держит под контролем атмосферу беседы, в этом ее секрет.

Что касается стадии толкования, то и здесь консультант может извлечь для себя ряд рекомендаций. Во-первых, *толкование — это совместная работа консультанта и клиента*. Эта стадия не должна сводиться к тому, что консультант определяет модель и преподносит ее

на блюдечке клиенту.

Здесь мы подходим к важному моменту: консультанту не следует безапелляционно формулировать свое толкование, он лишь *предлагает возможный вариант*. Не стоит заявлять: «Дело обстоит так-то и так-то», больше подойдет фраза: «*Мне кажется*, что дело в том-то», или «*Здесь прослеживается связь* с тем-то», при этом следует наблюдать за реакцией клиента. Как мы уже говорили выше, все выводы, касающиеся характера личности, являются лишь гипотезой, а истинность гипотезы проверяется тем, как она воздействует на данную личность.

Отсюда следует третье заключение: консультант должен обладать способностью читать *значение реакции клиента на его предположение*. Если тот соглашается с его толкованием, как это было с Бронсоном, и произносит: «Да, я думаю, это верно», значит, этот вариант как бы принимается за основу обоими участниками процесса консультирования. Но если предположение не вызывает никакой реакции и оставляет клиента равнодушным, консультанту приходится отказаться от этого варианта. Видимо, он еще не затронул ничего серьезного в душе собеседника. Но если клиент бурно протестует против предложенного толкования, считая его абсолютно неверным, можно предположить, что это, возможно, и есть верное толкование, и консультант близок к сути проблемы. Если ему удастся попасть в самую точку, клиент обычно сдается и признает правоту своего собеседника, невзирая на бурное сопротивление вначале.

Ограниченные возможности консультирования

В этом разделе мы хотим пояснить, что возможности консультанта в известной мере ограничены. Не стоит надеяться на полное раскрытие личностной модели клиента, да это и не входит в задачу консультанта. Главное для него — объективно выслушать рассказ клиента, помочь ему «исповедаться» и «проветрить» все стороны своей проблемы. Второе — помочь разобраться в формирующих факторах его личности, которые породили обсуждаемую проблему, и третье — выявить те связи, которые позволят клиенту по-новому взглянуть на себя и понимание которых поможет ему справиться со своими затруднениями. Чем меньше у консультанта опыта, тем больше времени надо отводить для исповеди и тем осторожнее излагать возможный вариант толкования.

Определенную информацию о личности можно также получить с помощью тестов, вопросников и прочих общепринятых форм опросов, но здесь следует действовать с предельным тактом. Работающий в колледже консультант всегда может воспользоваться подобным материалом. Это могут быть результаты тестов на призвание, на предубеждения, тесты, проводимые отделениями психологии и социологии. Часто администрация колледжа может пойти навстречу консультанту и предоставить в его распоряжение сделанные на основании вступительных экзаменов расчеты интеллектуального коэффициента студентов. Консультант может составить свой индивидуальный вопросник для клиента, включающий необходимую информацию о семье, детской среде, возрасте, физическом здоровье, увлечениях, склонностях, дружеских связях и прочем.

Можно порекомендовать консультанту вести краткую запись сообщаемой клиентом информации, чтобы обеспечить объективность и исключить возможность «додумывания» за клиента. Я обычно веду также записи, предварительно получив на это согласие клиента и заверив его, что если он того хочет, все записи будут уничтожены по завершении всего курса консультирования. Помимо всего прочего, ведение записей придает встрече деловой и профессиональный характер. Кроме того, консультант имеет возможность изучать записи между встречами и, возможно, обнаружить новые грани личностной модели клиента. Встретив своего подопечного в неофициальной обстановке, на прогулке или во время туристического похода, я могу подметить какие-то интересные моменты, которые тоже записывают и использую в дальнейших встречах.

Как планировать количество встреч для каждого клиента? Невозможно дать точный ответ. Бывает и одной консультации достаточно. Но если проблема выглядит сложной и требует глубокого проникновения в личностную модель, следует наметить серию встреч. В своей практике я обычно назначаю шесть часовых встреч два раза в неделю. Время следует укалывать точно, а не приглашать клиента «заглянуть на следующей неделке». Трехнедельный курс дает

обеим сторонам время обдумать психологические открытия, сделанные совместно на каждой предыдущей встрече. А идущий в подсознании процесс усвоения и отбора материала делает каждую новую встречу все более углубленной и продуктивной.

Не стоит проводить очень длительные сеансы. Часто слышу от работающих со студентами коллег о трех— и четырехчасовых вечерних беседах. Это чревато эмоциональным перенапряжением, и оба собеседника уже не могут работать, как говорится, «на свежую голову». Наступает предел, когда оба теряют чувство объективности и в беседу вкрадываются субъективные оценки. Так что, часовая беседа является оптимальным вариантом для каждого сеанса.

Трансформация личности

Рассмотрим последнюю фазу консультирования — трансформацию личности, что является завершением и целью всего процесса. Итак, на стадии исповеди и толкования мы выяснили, что причиной проблемы является связанное с ошибочным отношением к жизни неправильное распределение напряжений в личностной модели. Необходимо, насколько возможно, скорректировать эти ложные жизненные установки и привести в норму личностные напряжения. Этот процесс называется «трансформацией», поскольку он как бы заново формирует личность, изменяя не только ее характер, но и структуру модели в целом. Происходит коррекция всей совокупности напряжений, образующих личностную модель.

Процесс консультирования не ставит своей целью создание совершенно нового человека, он лишь открывает перед ним возможность стать самим собой, т.е. дает стартовый толчок для самостоятельной работы клиента над собой.

Как же этого добиться?

Ограниченная эффективность совета

Надо твердо помнить, что *советом человека не переделать*. Следует раз и навсегда расстаться с этим заблуждением. Совет и консультация преследуют совершенно разные цели. Поделиться советом может практически любой человек: декан может посоветовать новичку посещать какой-нибудь факультатив, можно посоветовать наиболее удобный маршрут спросившему об определенном адресе незнакомцу. Но ни в том, ни в другом случае речь не идет о личности человека. Здесь не требуется ни глубокого понимания, ни тем более эмпатии. Совет (в его обыденном понимании) носит поверхностный характер и выдается как указание сверху. Он похож на одностороннее уличное движение. Истинное консультирование проводится на более глубоком уровне, и его результаты — всегда итог взаимодействия двух людей, работающих «на одной волне», если можно так сказать.

Психотерапевт ни в коем случае не должен брать на себя роль советчика. В подтверждение этой мысли можно привести много цитат из Фрейда, например: «Более того, хочу вас заверить, что вы ошибаетесь, если полагаете, что совет и руководство в житейских делах являются составной частью аналитического воздействия. Наоборот, мы должны как можно строже воздерживаться от менторской роли. Наша главная цель — помочь пациенту научиться принимать решения самостоятельно».

Консультирование вовсе не предполагает «раздачу советов», ибо это означает вторжение в автономию личности. А мы условились, что личность должна быть свободна и автономна. Поэтому совершенно недопустимо понимать консультирование как выдачу готовых рецептов одним человеком другому. Это невозможно как с этической, так и с практической точки зрения. С помощью выданных сверху указаний невозможно добиться изменения личностной модели. Здесь как нельзя более кстати подойдет поговорка: «Советы достаются нам даром, поэтому и ценятся соответственно». На практике, однако, консультантам приходится давать советы по вопросам, не имеющим прямого отношения к личностным проблемам. Это отнюдь не возбраняется, но следует ясно осознавать, что к консультированию как таковому это не имеет никакого отношения.

Иногда, вполне естественно, совет срывается как внушение, которое приводит человека

к самостоятельному решению. Но это уже совсем другой процесс, и мы его обсудим ниже. Следует помнить самое главное — решение должно приниматься клиентом. Как точно сформулировал Ранк, «Я считаю, что пациент должен сделать себя тем, что он есть на самом деле, должен хотеть и добиваться этого самостоятельно, без принуждения, без оправданий и без необходимости перекладывать ответственность за это на кого-то еще».

«Закваска» внушения

Рассматривая положительные способы трансформирования личности, обратим внимание, в первую очередь, на *действующее как «закваска» внушение*. Многие осуждают внушение как средство воздействия на личность. Я считаю такой взгляд результатом неправильного понимания самого явления. Внушение неизбежно возникает в ходе развития личности. Каждый человек испытывает на себе воздействие множества разнообразных внушений, исходящих от окружающей среды. Возникает вопрос, почему одни внушения принимаются, а другие отвергаются? Ответ заключается в особенностях личностной модели каждого человека. Однако нельзя объяснять любую неудачу чьим-то внушением, или влиянием прочитанной книги, или какими-то внешними воздействиями. Вопрос должен ставиться по-другому: в чем особенность личностной модели данного человека, что заставляет его поддаваться внушениям извне?

В каждом человеке заложены тенденции множества поведенческих моделей. Можно себе представить, как пульсирует подсознание человека, где каждый инстинктивный «толчок» требует выражения вовне. Припоминается известное платоново сравнение подсознания с упряжкой лошадей, закусивших удила и рвущихся в разные стороны. Сознательно его психически здорового человека выбирает одно одобренное им направление, сдерживая остальные тенденции. Признаком невроза как раз и является ослабление руководящей роли его, неспособность выбрать направление, а отсюда неадекватность действий. В такой ситуации внушение извне может оказаться тем последним толчком, который высвободит наиболее выраженную внутриличностную тенденцию.

Конструктивные варианты

Консультанту неизбежно приходится прибегать к внушению в той или иной форме, поэтому следует подробнее разобраться в вопросе, чтобы использовать этот метод со знанием дела. Во время консультирования можно воспользоваться внушением в качестве пробы, как рыбак проверяет, на какую наживку рыба клюет лучше. Многие попытки останутся безрезультатными, но на какие-то клиент отреагирует. Подсказанная идея оседет в уме и, как дрожжи, начнет воздействовать на мыслительный процесс. Внушение начинает взаимодействовать с уже оформившейся в подсознании тенденцией и, в конечном итоге, подводят клиента к решению. Таким образом, консультанту удастся добиться большей целостности его «Я».

В отдельных случаях предпочтительнее *изложить клиенту все возможные конструктивные варианты* избавления от его проблемы. Подсознание клиента само отберет нужный вариант.

Среди прочих, цель нашей книги — систематизировать, насколько возможно, все наши рекомендации по вопросам консультирования, но только не с тем, чтобы они воспринимались как свод математических формул — упаси Бог! Нам хотелось бы надеяться, что эти советы укрепят те творческие тенденции, что уже зародились в уме читателя, и помогут ему понять суть процесса консультирования. Что касается практики, то здесь каждый консультант выступает как неповторимый творец и все зависит от его опыта.

Созидательная функция понимания является еще одним фактором, способствующим трансформации личности. Выражаясь точнее, уже само понимание проблемы приводит в действие механизм трансформации. Терапия по Адлеру исходит из того, что, если пациент правильно понимает, то он правильно и поступает. Это как бы современный вариант сократовского афоризма «знать значит действовать». Глубоко верно и утверждение, что знание ведет к добродетели, на этом в значительной мере зиждется работа всех психотерапевтов.

Знание правды *безусловно* подразумевает необходимость правильных поступков, а они определяют счастье и будущее благополучие человека. Я уже говорил о том, что поведение невротика принимает форму самообмана, и, если снять эту обманчивую маску, т.е. рационализацию и ложную мотивацию, ЭГО будет вынуждено отказаться от привычной формулы самообмана и найти социально конструктивные формы поведения и самовыражения.

Но знание — это еще не совсем добродетель, а одного понимания недостаточно для изменения личности.

Третьим способствующим трансформации элементом, о чем мы уже упоминали в предыдущей главе, является *воздействие эмпатической связи*, установившейся между клиентом и консультантом. Ранк указывает, что целью этого метода терапии является отождествление пациента с позитивной волей терапевта, при этом пациент получает от последнего дополнительные силы для продления своей отрицательной воли. Таким способом пациент учится проявлять свою волю положительно и конструктивно.

В своей практике я всегда завершаю встречу *пожеланием мужества*, зная, что моя воля передастся клиенту и укрепит его. Во время *исповеди* мы оба настраиваемся на довольно пессимистический лад, поскольку я вместе с клиентом переживаю его душевную боль. Но на стадии *толкования* ситуация постепенно проясняется, мы находим пути решения проблемы, вырабатываем новую модель поведения, и на место отчаяния приходит мужество. Желая клиенту мужества, я как бы даю ему «психологический заряд» для внутренней работы над собой.

Приведу простой пример. Во время официального чаепития вы замечаете застенчиво жмущегося в углу студента, он явно чувствует себя не в своей тарелке. Вам, как консультанту, хочется помочь ему. Можно прибегнуть к совету; дружески хлопнув его по плечу, вы говорите: «Не вешай нос, старина, улыбнись и развлекайся». Он с трудом изобразит на лице улыбку и смутится еще больше. Ему станет хуже, чем прежде. Можно попробовать внушение. «Здесь так много интересных людей, — замечаете вы. — Вот удачный момент познакомиться со многими из них». Молодой человек и сам об этом думал, поэтому подсказка может ему помочь. Но все же лучшим способом будет эмпатия. Вы проникаетесь его настроением и говорите что-нибудь вроде следующего: «Жаль, что эти чаепития уж очень официальные. Довольно трудно расслабиться». Юноша оживает и с готовностью отвечает: «Вы совершенно правы!» Ведь это как раз то, что у него на уме. Эмпатическая связь установлена, а это значит, что, частично приняв на себя его переживания, вы одновременно поделились с ним своим радостным мироощущением, и вскоре замечаете, что, преодолев свою застенчивость, юноша уже свободно и с интересом общается с окружающими.

Утилизация переживаний клиента

Четвертым фактором, способствующим трансформации характера, является *утилизация переживаний*. Сколько человека ни убеждай, что ни говори, в нем не произойдет никаких перемен, пока он сам не выстрадает свое решение. ЭГО — вещь упрямая и непокорная, оно противится любому вторжению извне, опасаясь любой перемены в образе жизни, ибо это влечет за собой нестабильность, неуверенность. Вот почему невротики большей частью предпочитают прозябать в своем горьком положении, чем решиться на неизвестно чем грозящие перемены. Как бы ни было очевидно, что невроз вызван явным заблуждением, пациент будет пребывать в бездействии, пока его страдание не станет невыносимым. К счастью, безжалостные жернова жизни нельзя остановить и больше всего от них достается невротикам. Когда страдание становится невыносимым, он в отчаянии готов на все. Подобное состояние является необходимым условием излечения в психотерапии. Консультанту, однако, приходится иметь дело с менее масштабными проблемами, и переживания клиента не достигают степени крайнего отчаяния.

К счастью, всякое проявление неправильного отношения к жизни несет человеку страдание, но, к несчастью, мало кто умеет обратить это страдание себе на пользу. У невротика это страдание превращается в порочный круг. Вспомним снова нашего застенчивого студента. Намучившись на чаепитии, он решает никогда больше не ходить ни на какие встречи.

Естественно, ему от этого будет только хуже. Вот здесь и должен помочь консультант, дав переживаниям клиента конструктивное направление, т.е. увязав его с ошибочным отношением к жизни. Следует объяснить студенту, что причиной переживаний является его эгоцентризм, отсутствие интереса к собравшимся гостям, и если он засядет в четырех стенах, то только еще больше проявит свой эгоцентризм и причинит себе еще большие страдания.

Страдание обладает большим созидательным потенциалом. Величие многих людей проявляется в страдании, и в этом нет никакой сентиментальности. Пытаясь приспособиться к раздражающему воздействию песчинки, устрица создает жемчужину. Так и великие творения По, Шелли, Ван Гога, Достоевского можно по-настоящему понять и оценить, только приняв во внимание выпавшие на их долю страдания.

Как прав был Юнг, когда утверждал, что «переживая душевные страдания, человек не только растет духовно, но и черпает силы для духовного творчества». Таким образом, существует возможность разорвать порочный круг страдания и превратить его в творчество. «Когда становится очевидно, что переживаемые муки являются первым шагом к возрождению и что все пережитое, каким бы горьким оно ни было, является лишь необходимым шагом к просветлению, приходит осознание, что не напрасны были все муки, все горести и даже радости».

Как бы странно это ни звучало, мы должны с радостью принимать страдания, ибо они как бы проверяют нас на прочность и дают нам силы для духовного перерождения. С помощью страдания природа указывает нам, где мы ошибаемся и что нужно изменить в нашем поведении, поэтому для объективного и не сосредоточенного на себе человека каждый момент переживания — это путь к духовному росту. В этом смысле, можно «порадоваться тому, что все мы невротики», т.е. порадоваться возможности творчески использовать состояние страдания.

Отсюда вытекает следующий принцип консультирования: *консультант должен стремиться не столько избавить клиента от переживаний, сколько направить их в конструктивное русло*. Выражаясь метафорически, страдания, как обузданный речной поток, вырабатывающий электроэнергию, рождают в нас силы для трансформации личности.

Консультанту не всегда следует возлагать на клиента всю меру ответственности за собственное спасение. В наиболее серьезных случаях часть этой ответственности ему стоит временно принять на себя, с тем чтобы, в конечном итоге, помочь клиенту осознать свою ответственность в полной мере. Это положение лежит в основе следующей рекомендации, которую консультанту не помешает принять за правило. В период консультирования, который может занять несколько недель, консультанту не стоит особенно сближаться с клиентом вне своего кабинета. Такое тесное общение вовлечет консультанта в паутину ненужных обязательств и привязанностей, что подсознательно вызовет желание ни в коем случае «не подвести» клиента. Таким образом, клиент как бы перекладывает часть ответственности на чужие плечи. Уравновешенная объективность — вот чего должен придерживаться консультант на весь период работы с клиентом.

Некоторые считают, что клиент должен покинуть кабинет, чувствуя себя чуточку счастливее, чем когда он в него вошел. Но ведь этого можно добиться, просто заверив клиента, что все не так уж плохо и не требуется никаких радикальных изменений в образе жизни. Это утешающее похлопывание по плечу может нанести клиенту значительный вред и затянуть окончательное разрешение проблемы. Встреча с консультантом должна придать ему *мужества и решимости* переделать себя, каким бы болезненным ни было признание подобной необходимости. Если процесс консультирования не был поверхностным, клиент должен испытывать чувство потрясения, а иногда и горечи.

К концу беседы клиент может почувствовать глубокую обиду на консультанта (возможно, даже не сознавая этого), как на человека, который показал ему весьма неприглядную правду, годами тщательно скрываемую клиентом. Но вскоре эта обида обратится на ошибки в личностной модели, и клиент испытает глубокое чувство благодарности за помощь. Такое развитие отношений между участниками процесса консультирования довольно типично. Совсем недавно мы с моей клиенткой раскопали во время беседы весьма малоприятные факты из ее жизни. В последующие несколько дней она явно выказывала свою неприязнь ко мне.

Естественно, я это заметил и истолковал как верный признак того, что мы правильно определили суть ее проблемы. Как я и ожидал, явившись ко мне на следующей неделе, клиентка извинилась за свое негативное отношение ко мне (полагая, что я ничего не заметил!) и пояснила, что согласна с моим диагнозом и искренне готова к работе над собой.

Однако у клиента часто отсутствует желание отказаться от своей невротической модели. На стадии толкования он весьма абстрактно признает необходимость трансформации, но про себя думает: «Не сейчас». Консультанту остается только ждать, понимая, что жизнь сама, через страдания, заставит эгоцентрика «дозреть» и он покорно примется за переделку самого себя. В этом смысле страдание для него благо.

В очень редких случаях искусный консультант может прибегнуть к усилению переживаний клиента, чтобы вызвать благотворный кризис. Расскажу о случае из собственной практики. Недавно я получил письмо от человека, чей образ жизни был мне довольно хорошо известен. Он писал, что совсем потерял веру в жизнь, которая к нему слишком несправедлива, и подумывает о том, чтобы бросить учебу и податься бродяжничать на запад. Завершался этот всплеск эмоций просьбой о помощи. В ответном письме я поставил целью предельно обострить его переживания и вызвать кризис. Я написал, что он привык к своему положению избалованного ребенка, с которым всегда носились, а сейчас в его страданиях нет ничего, кроме жалости к самому себе и полного отсутствия мужества справиться с создавшимся положением. Я специально не оставил никакой лазейки для спасения престижа его «Я». Прошло несколько недель, прежде чем я получил ответ. Мой знакомый выражал искреннюю благодарность и согласие с моим диагнозом. Он сообщал, что уже добился кое-какого успеха в преодолении своих ошибочных взглядов на жизнь.

Цель такой «встряски» вовсе не в том, чтобы причинить человеку лишние страдания, а в том, чтобы предотвратить более серьезный и непредсказуемый кризис, к которому могут привести уже накопившиеся к этому моменту переживания. Само собой разумеется, что этим острым приемом могут пользоваться только достаточно опытные консультанты.

Консультант, таким образом, должен установить связь между переживаниями клиента и невротическими сторонами его личностной модели. Этот анализ делается постепенно, от встречи к встрече, когда идет обсуждение всех ошибочных поступков за прошедший период. Консультант даже может предсказать предстоящие переживания и их причину. Таким образом, жернова жизни будут неотвратимо перемалывать наши ошибки в добро для нас самих.

И, наконец, в завершение нашего обсуждения, мы приходим к осознанию такой огромной и неведомой силы в преображении личности, как *загадочная созидательная сила жизни*. Приходит к вам на прием робкий, застенчивый человек, полный самоуничужения и жалости к себе, сдавшийся, еще и не начав борьбы с жизненными трудностями. Но вот прорывается кокон замкнутости, и человек обретает объективное, открытое и творческое отношение к жизни. Отчаяние переходит в надежду, эгоизм — в бескорыстие, трусость — в мужество; на смену боли приходит радость, одиночество отступает перед любовью. В этом есть, хоть и небольшая, заслуга консультанта. Он сделал немного, но, возможно, самое ценное — подсказал здесь, подправил там, а уж само чудо преображения личности завершили созидательные силы жизни.

Как говорится, «врач создает условия, а бесконечность вырабатывает лекарство». Врач может лишь обработать и перевязать рану, а рубцуют ее живительные силы организма, перед которыми смиренно склоняется настоящий консультант. Это не показное смирение. Чем больше консультант узнает о человеческом существе, тем яснее осознает незначительность своих усилий по сравнению с величием природы.